

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

А. Н. Чумаков

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

КОНТУРЫ ЦЕЛОСТНОГО МИРА

МОНОГРАФИЯ

3-е издание

ПРОСПЕКТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

А. Н. Чумаков

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

КОНТУРЫ ЦЕЛОСТНОГО МИРА

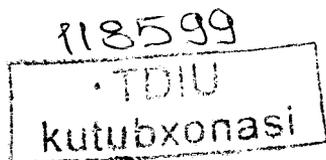
МОНОГРАФИЯ

Издание третье,
переработанное и дополненное

Рекомендовано к изданию
решением Ученого совета
Института философии РАН

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

ОНТИ

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2021

33M

УДК 008
ББК 60
Ч-90

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Рецензенты:

Данилов-Данильян В. И., доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН;

Лисеев И. К., доктор философских наук, профессор;

Чешков М. А., доктор исторических наук.

Чумаков А. Н.

Ч-90 Глобализация. Контуры целостного мира : монография. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2021. — 456 с.

ISBN 978-5-392-33047-8

Третье, дополненное и переработанное издание монографии представляет собой основополагающий фрагмент разрабатываемой автором общей теории глобализации, в которой он воссоздает холистическую (целостную) картину мира и рассматривает глобализацию, с одной стороны, как естественно-исторический процесс, а с другой — как сферу взаимоотношений и противоборства различных сил и интересов. История предстает как единый, разворачивающийся во времени процесс, проходящий определенные этапы, смену которых знаменуют основные поворотные пункты общественного развития, в результате чего происходят эпохальные метаморфозы. В конечном счете логика развития объективных событий порождает глобализацию, охватывающую всю Землю на уровне трех ее основных сфер: геологической, биологической и социальной, которым дается объединенное название — триосфера.

В книге показано, как проходило зарождение и становление глобалистики в качестве междисциплинарной области научного знания, образованного на стыке философии, естественных, технических и гуманитарных наук.

Книга носит междисциплинарный характер и адресована как научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам, так и широкому кругу читателей. Всех их, несомненно, заинтересуют обширный фактический материал, оригинальные обобщения и увлекательный, доступный стиль изложения проблем, от решения которых зависит будущее человечества.

УДК 008
ББК 60

Научное издание

Чумаков Александр Николаевич

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ.

КОНТУРЫ ЦЕЛОСТНОГО МИРА

Монография

Подписано в печать 25.08.2020. Формат 60×90 1/16.
Печать цифровая. Печ. л. 28,5. Тираж 1000 (1-й завод 100) экз.

ООО «Проспект»
111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

© Чумаков А. Н., 2005
© Чумаков А. Н., 2016, с изменениями
© ООО «Проспект», 2016

ISBN 978-5-392-33047-8

ОТ АВТОРА

Теперь, когда дописаны последние строки этой книги, стало со всей отчетливостью ясно — она не могла появиться раньше, во всяком случае в том виде, в каком представлена теперь. Причем исключительно по объективным причинам, поскольку для того чтобы сделать столь широкие обобщения и масштабные выводы, на которые претендует автор, время, пожалуй, и теперь еще не наступило, ибо глобализация как *явление, процесс, феномен*, наконец, как область знания все еще находится в стадии активного становления.

Тем не менее имеются все условия для того, чтобы обобщить более чем сорокалетний опыт и итоги активных поисков в области глобалистики, особенно в той ее части, которая касается объективных процессов и тенденций глобализации. Таким образом, пришло время, если не положить конец многочисленным дискуссиям (подчас весьма ожесточенным) по поводу как самого явления, так и ставшего «модным» понятия, то хотя бы уменьшить их остроту и накал. Для этого уже имеются и необходимый фактический материал, и обширные теоретические наработки, и обилие всевозможных подходов, позиций, точек зрения в понимании и оценках того, что есть глобализация, особенно когда она рассматривается в качестве объективно-исторического явления.

Приступая к работе над книгой, я исходил из того, что уже было накоплено в отечественной и зарубежной глобалистике, опираясь при этом на результаты своих многолетних исследований в данной области, промежуточным результатом которых стало написание в 1991 г. докторской диссертации на тему «Социально-философские аспекты глобальных проблем». По мере погружения в данную тему росло и крепло понимание, что за открывшимися (по историческим меркам буквально в одночасье) общечеловеческими проблемами кроются более глубокие, фундаментальные процессы. К осознанию их лежит долгая и трудная — отчасти уже пройденная — дорога, и мне хотелось бы добрым словом вспомнить тех, чье понимание, поддержку и заинтересованное отношение я встретил, тех, с кем я поддерживал творческое общение, тех, от кого получал ценные советы на этом пути. Кого-то

уже нет с нами, но добрая память о них со временем становится для меня только дороже. Это мой научный руководитель со студенческих лет академик И. Т. Фролов, один из наиболее видных основателей отечественной глобалистики; наставник и мудрый «учитель на всю жизнь» профессор В. С. Готт, под руководством которого в правлении всесоюзного общества «Знание» я постигал азы творческого общения с представителями разных наук; замечательный человек и крупнейший ученый-эколог академик А. Л. Яншин, с которым мне посчастливилось тесно сотрудничать в последние годы его жизни; а также хорошо известные ученые: Г. С. Гудожник, Г. С. Хозин, Н. Ф. Реймерс, Э. А. Араб-Оглы, Ю. М. Павлов, поддержкой и добрыми отношениями с которыми я всегда дорожил.

Не смогу перечислить даже немногих из тех, кому обязан возможностью научного и творческого общения, интересными дискуссиями, плодотворными обсуждениями частных и фундаментальных проблем глобалистики, и потому заранее прошу прощения у всех, кого в силу ограниченности объема вступительного слова не смог упомянуть. Прежде всего это широкий круг тех, с кем в течение многих лет мы творчески сотрудничаем в президиуме Российской экологической академии и в Российском философском обществе, с кем ведем острые и весьма содержательные дискуссии в клубе ученых «Глобальный мир» и на постоянно действующем семинаре «Философско-методологические исследования глобализации», наконец, это те, с кем уже несколько лет готовим и отбираем материалы для рубрики «Глобалистика» в журнале «Вестник Российского философского общества».

Я рад возможности высказать благодарность также моим зарубежным коллегам: известному американскому основателю семинаров-тренингов «ЭСТ» В. Эрхарду, совместная деятельность с которым в созданной нами ассоциации «Открытый мир» в начале 1990-х гг. оказалась незабываемой и особенно полезной в осмыслении общечеловеческих проблем; профессору Народного университета Китая Ань Циняню — творческое содружество с ним существенно повлияло на усиление моего интереса к Востоку; Л. Драйер, исполнительному директору Международной ассоциации профессоров философии и главному редактору журнала *Europa Forum Philosophie*, немало способствовавшей тому, чтобы обсуждение глобалистики в России получило европейское освещение; наконец, профессору Университета Северной Каролины (США) Б. Гею, моему соредактору английского издания энциклопедии «Глобалистика» — наше многолетнее сотрудничество выходит далеко за рамки как этого большого международного проекта, так и совместных круглых столов по глобалистике, проведенных нами на XX (Бостон, 1998 г.) и XXI (Стамбул, 2003 г.) Всемирных философских конгрессах. Ценными были и творческие дискуссии в рамках

соответствующих круглых столов и секций, которыми я руководил на всех предыдущих четырех Российских философских конгрессах.

Не могу не сказать и о тех, с кем многие годы провел в поисках истины, постигая суть глобальных проблем, глобализации и глобалистики, творческое общение с которыми я особенно ценю. Это прежде всего Э. В. Гирусов, И. К. Лисеев, И. В. Бестужев-Лада, В. И. Данилов-Данильян, А. В. Митрофанова, В. А. Лось, Н. М. Мамедов, А. Д. Урсул, А. П. Назаретян, Р. Г. Мелконян, В. М. Лейбин и многие другие, перечисление которых можно было бы продолжить еще долго. Но особенно я благодарен за прочтение рукописи и ценные замечания А. В. Кацуре, ибо широта его взглядов, эрудиция и полемический дар были мне особо необходимы, Ю. Ф. Карякину, суждения и замечания которого помогли мне лучше расставить некоторые акценты, В. М. Смолкину, чей высочайший профессионализм и ответственное отношение к делу являются для меня примером, а также И. И. Мазуру, моему соредактру по русскому и английскому изданиям энциклопедии и словаря «Глобалистика», творческие и деловые отношения с которым в течение уже многих лет помогают мне значительно шире и более глубоко осмысливать современную глобализацию.

Наконец, эта книга еще не скоро увидела бы свет без той поддержки, которую мне неизменно оказывает мой близкий друг и соратник А. Д. Королев, и вовсе не была бы написана без участия моей жены Ларисы, благодаря которой я имел не только время и покой для моей работы, но и возможность «в первом чтении» обсуждать наиболее значимые, принципиальные вопросы.

Всем им я выражаю свою глубокую благодарность и искреннюю признательность.

*10 января 2005 г. (1-е изд.),
20 июля 2008 г. (2-е изд., испр. и доп.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Третье издание настоящей книги, посвященной базовым вопросам общей теории глобализации, а именно истокам и генезису социоприродных глобальных процессов, обусловлено в первую очередь тем, что в глобалистике — новой, динамично развивающейся междисциплинарной сфере современной науки происходит активное приращение и уточнение теоретических и практических знаний. Десять лет, а именно столько времени прошло после выхода в свет первого издания данной книги (и шесть лет после второго издания) — срок вполне достаточный, чтобы сделать определенные выводы относительно идей, оценок, предположений и заключений, сформулированных на предыдущих этапах исследования. Они по большей части или подтвердились, или сохраняют свою значимость, равно как и почти весь фактический материал по истории становления и развития системы «общество — природа», касается ли это локального, регионального или глобального уровня.

Но главное — объективный характер глобализации в научном сообществе перестал быть предметом острых дискуссий. В отличие от прежних лет, он уже мало кем оспаривается, да и разговоры относительно исключительной роли субъективных факторов в глобальных процессах или возможности управления ими по некоему заранее заданному плану явно поубавилось. Данная тенденция проявилась и в том, что активно заявившее о себе на рубеже веков экстравагантными акциями движение антиглобалистов обретает в последнее время все более цивилизованные и прагматичные формы, поскольку его сторонники, как это становится все более очевидным, по сути, не выступают против глобализации как таковой, а выражают свое несогласие со сложившимся порядком вещей и несправедливыми отношениями в глобальном мире.

Не вызывает сомнения и то, что в последние годы актуальность глобализации и ее последствий не только не снизилась, но и существенно возросла. Особенно ярко это проявляется в изменившейся геополитической ситуации, которая характеризуется нарастанием противоречий и обострением борьбы на международном уровне. Наиболее характерным примером таких конфликтов являются так называемые цветные революции, на зарождение и характер протекания которых глобализация оказывает непосредственное влияние, и прежде всего

тем, что устраняет барьеры и границы для распространения информации, многократно увеличивает динамику миграционных потоков, экономических, политических, культурных связей и отношений и т. п. Другая новация последнего времени — экономические и политические санкции, фактически погружающие современный мир в состояние новой холодной войны, также во многом обусловлена глобализацией, которая по многим параметрам, и прежде всего по экономическим и финансовым, делает различные страны и народы тесно взаимосвязанными и, как никогда прежде, взаимозависимыми.

Вполне очевидно, что адекватное понимание сути происходящих событий становится в этих условиях предельно актуальной задачей, равно как и дальнейшее исследование глобализации, во многом определяющей такие события. Отсюда понятен повышенный интерес, наблюдаемый во всем мире как к глобальным процессам, так и к междисциплинарной области научного знания — глобалистике. Выражается же это не только в постоянном росте количества соответствующих публикаций или научных мероприятий, но и в появлении все новых организаций и структур соответствующего профиля¹. Примером организаций подобного рода является *Международный консорциум глобальных исследований*, учрежденный в 2007 г. и объединяющий более 40 университетов и исследовательских центров со всего мира, или созданный в МГУ им. М. В. Ломоносова *факультет глобальных процессов*, который в 2015 г. отметил свое десятилетие.

Вместе с тем, несмотря на значительное развитие и укрепление позиций *глобалистики*, проблема разработки общей теории глобализации сохраняется, тогда как потребность в такой теории становится все более насущной. Работая уже второе десятилетие над решением данной задачи, автор подошел к завершающей стадии исследования и написания трилогии, посвященной общей теории глобализации. Но прежде чем опубликовать третью книгу *«Глобальный мир. Столкновение интересов»*, он посчитал необходимым критически оценить содержание двух предыдущих² и внести в них соответствующие коррективы и дополнения, основываясь на новых теоретических знаниях и фактических данных. Также были учтены итоги многочисленных обсуждений и дискуссий по поводу содержания опубликованных книг, и теперь, пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить всех, кто принимал участие в таких обсуждениях, способствуя более глубокому пониманию сущности глобальных процессов и их последствий.

10 августа 2015 г.

¹ См.: Глобалистика. Персоналии, организации, труды: энциклопед. справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Альфа-М, 2012.

² Чумаков А. И. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015; *Он же*. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М.: Канон +; РООИ «Реабилитация», 2006.

ВВЕДЕНИЕ

Наступившее третье тысячелетие, как и следовало ожидать, ознаменовалось многочисленными попытками подвести исторические итоги, охарактеризовать пройденные этапы общественного развития, оценить прошедшие события, выстроить перспективу будущего мирового сообщества. В этой связи наибольшего внимания, количества определений и эпитетов удостоился двадцатый, последний, век минувшего тысячелетия.

С достаточным на то основанием его именуют и «ядерным», и «космическим», и «технотронным», и «кровавым», и «веком скоростей», и «веком информации», но, пожалуй, более правильным было бы назвать его «веком глобальных проблем», с которыми человечество непосредственно столкнулось впервые за всю историю своего существования.

Несомненно, что и XXI столетие также будет иметь собственные, отличающие его от предыдущих эпох достижения и открытия, трагедии и катастрофы, новации и прорывы, и также в итоге получит характеристики и эпитеты, которые сделают его неповторимым, запоминающимся и хорошо узнаваемым по этим ключевым словам. Однако уже сейчас можно предположить, что одним из названий для него будет «век глобализации» или «век глобальной цивилизации», когда человечество, став целостным организмом в масштабах планеты, в полной мере осознает свое единство перед лицом многочисленных угроз глобального характера, перед необходимостью решать сложнейшие задачи выживания, освоения космоса и т. п., потребуется объединение усилий и ресурсов всего мирового сообщества, слаженность действий и взаимопонимание.

Тема глобализации сегодня, несомненно, вышла на первый план общественного сознания, стала центральной, а в определенном смысле даже «модной». Теперь, в начале нового столетия, пожалуй, не найти более актуальных, к тому же весьма многочисленных, научных обсуждений, исследований, публикаций, а также политических дискуссий, да и просто житейских разговоров, которые бы воспринимались так остро и порождали бы такой разброс мнений, как те, что имеют

отношение к процессам глобализации. При этом ширятся не только глобалистские умонастроения, но и движения антиглобалистов, политики и общественные деятели нещадно эксплуатируют данную тему, а полки книжных магазинов оказались буквально заваленными литературой с названием «Глобализация», что сильно напоминает ситуацию в древнегреческой философии в ее досократовский период, когда пытливые греки, впервые задавшись вопросом «что есть все?», с упоением стали рассуждать о космосе и устройстве мироздания. Тогда каждый уважающий себя философ считал необходимым высказаться на предмет того, как он понимает *природу* и главный свой труд неизменно называл «О природе». Так же и теперь каждый пишущий, от журналиста и публициста до поэта и прозаика, от физика-ядерщика до философа-гуманиста считает своим долгом высказаться относительно *глобализации* и непременно написать труд если не с соответствующим названием, то уж с обязательным обозначением собственной позиции по данному вопросу. Как сказал бы по этому поводу А. Эйнштейн: «Я хорошо понимаю, почему многие так любят колоть дрова: тут сразу налицо результат работы». В целом же это похоже на то, что обычно происходит в области политики, спорта или здоровья, где каждый высказывающийся непременно считает себя если не специалистом, то как минимум достаточно компетентным, сведущим человеком.

В итоге тема оказалась настолько избитой, что само слово «глобализация» воспринимается теперь как *вполне обыденное, понятное и даже поднадоевшее* понятие. При этом мало кто обращает внимание на то, что и сам термин еще не получил общепризнанного определения, и процессы, которые он обозначает, все еще недостаточно осмыслены, слабо проанализированы и не всегда лежат на поверхности, как кажется на первый взгляд. Эту проблему еще в начале века поставил немецкий социолог У. Бек, который справедливо отмечал: «Без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым — и наименее проясненным, вероятно, самым непонятным, затуманенным, политически эффективным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет и останется таковым в ближайшее время»¹. Хотя проблема до сих пор не получила удовлетворительного решения, и многие тем не менее, в том числе в научной среде, с легкостью, подчас всеу употребляющие слова «глобальный», «глобалистика», «глобализация», делают это как бы между прочим, а то и ради красного словца. Этим, отчасти, объясняется и то, что, не слишком углубляясь в содержание термина и того, что за ним стоит, одни выступают за глобализацию, другие — против, фактически игнорируя объективность исторических тенденций, не стремясь понять, что же

¹ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 40.

на самом деле происходит в современном мире, чем он принципиально отличается от прошлых эпох и столетий. Немало и тех, кто, отстаивая традиционализм в поведении и мышлении, вовсе не приемлет современные новации, а глобализацию воспринимает как выдумку или пустую идею, нередко усматривая в ней «злой умысел».

Реальность же такова, что мы с неведомой ранее скоростью, к тому же с постоянным ускорением несемся в будущее, которое не только не успеваем, но, по существу, и не можем ни осмыслить, ни предвидеть, и даже более того — не успеваем осознать настоящее или дать непротиворечивую интерпретацию прошлого. Очевидно, что давно назревавшая трансформация и внешних атрибутов, и фундаментальных основ общественной жизни теперь стала осязаемым фактом и происходит буквально на наших глазах. Ошеломляющие результаты технологических преобразований, научно-технического и культурного развития «сжали» пространство и «спрессовали» время, побуждая опешивших людей отказываться от привычных стереотипов мышления и стилей поведения, ставя под сомнение установившиеся нормы и традиционные ценности, приближая будущее и делая более заметным его вхождение в жизнь практически каждого человека.

Отмеченные новации, которые зачастую сопровождаются стрессами и социальным напряжением, в массовом сознании, как правило, увязываются с глобализацией, которая усиливается и становится все более очевидной, нередко ассоциируется с грядущими бедами и потрясениями и для мирового сообщества в целом, и для отдельных народов в частности. Следствием таких представлений становятся неуверенность человека в завтрашнем дне, пессимизм, потеря ориентации в современном мире и т. д. Движение антиглобалистов, заявивших о себе шумными кампаниями протеста, как то было, например, в ноябре 1999 г. во время сессии Всемирной торговой организации в Сиэтле (США), во время встречи лидеров восьми наиболее развитых стран в Генуе в июле, 2001 г. или в июне 2007 г. в немецком городе Хайлигендамме, — очевидное подтверждение этому.

Но глобальные проблемы раз и навсегда решить нельзя, как полагали, например, в 70–80-е гг. XX в., когда глобалистика только зарождалась и делала первые шаги на пути своего становления. Тогда было много разговоров относительно того, что глобальные проблемы должны быть преодолены, искоренены из жизни общества. Казалось, что стоит только человечеству объединить усилия, взяться за решение общих для всех проблем — и они перестанут существовать. Хотя такие взгляды имели место и на Западе, наибольшее распространение они получили в марксистской литературе. Так, ведущие специалисты в советской глобалистике того времени И. Т. Фролов и В. В. Загладин, сопоставляя подход к анализу глобальных проблем ученых в странах социализма и в странах Запада, писали: «Большинство западных ученых

придают этим проблемам фатальный характер. Они рассматривают их как нечто неизбежное... Марксистская же наука подходит к вопросу с позиций исторического оптимизма, с позиций неизбежности торжества разума, торжества передовых общественных отношений и решения на этой основе существующих или могущих возникнуть глобальных проблем»¹. Возвращаясь к данной теме еще раз, В. В. Загладин уточнил свою позицию следующим образом: «Перспектива радикального, более того, окончательного решения этих проблем — дело вполне реальное»².

Но прошли годы, накопился опыт, и теперь становится все более очевидным, что, однажды появившись, глобальные проблемы будут сопутствовать человечеству всегда и решать их придется постоянно, а ослабление внимания к ним сулит большие неприятности, а то и катастрофу всему мировому сообществу, которое в ходе естественной исторической эволюции должно им противостоять в качестве единого общественного организма. И с этим теперь не только придется считаться, с этим надо научиться жить, понимая, что новый — глобальный — социальный организм обретает новые, соответствующие ему проблемы, а на смену прежней реальности приходит другая, представляющая собой новый качественно изменившийся мир, и, как следствие, качественно новое человеческое бытие.

Определенный прогресс в данном отношении уже заметен. Мировое сообщество, в том числе философское, активно обсуждая глобализацию и порождаемые ею глобальные проблемы и противоречия, на протяжении более 40 лет накопило значительный опыт как в теоретическом, так и в практическом плане. Имеются и некоторые позитивные результаты. Однако они не могут быть признаны удовлетворительными, поскольку за это время и количество, и острота глобальных проблем увеличились, а адекватных совместных действий со стороны мирового сообщества так и не последовало. Более того, современные глобальные тенденции таковы, что ситуация день ото дня становится все более сложной, и нет оснований полагать, что в обозримой перспективе она станет ослабевать. Так, не только не остановлен, но даже не замедлен до разумных пределов рост народонаселения в слаборазвитых и ряде развивающихся стран, продолжает возрастать и без того огромный разрыв в социально-экономическом развитии между наиболее богатыми и наиболее бедными странами, не устранена угроза военных конфликтов и загрязнения окружающей среды, увеличивается потребление невозобновимых энергетических и сырьевых ресурсов,

¹ Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981. С. 11–12.

² Загладин В. В. Глобальные проблемы и социальный прогресс человечества // Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности. М., 1985. С. 18.

появляются все новые, никогда прежде не ведомые болезни, стали реальностью международная преступность и глобальный терроризм, обостряются противоречия глобальной цивилизации.

В этой связи каждый из нас объективно заинтересован в том, чтобы осмыслению глобальных процессов и общечеловеческих проблем уделялось максимальное внимание, выстраивалась стратегия и тактика наших действий по отношению к ним. И пусть не столь быстро, как того требуют обстоятельства, но понимание этого все-таки приходит. Достаточно сказать, что помимо громких политических заявлений и соответствующих акций массовых общественных движений за последние годы в мире, как уже отмечалось, появилось огромное количество публикаций о различных аспектах глобализации. Резко возросло число посвященных данной теме конференций, круглых столов, семинаров, дискуссий, а международное философское сообщество, и до этого уделявшее данным вопросам особое внимание, свой XXI Всемирный философский конгресс (Стамбул, 2003 г.) целиком посвятило теме «Философия лицом к глобальным проблемам». На всех последующих конгрессах тема глобализации и ее последствий также неизменно была в центре внимания.

В итоге все больше укрепляется понимание того, что успешное осмысление процессов глобализации и предотвращение сопряженных с нею опасностей лежат на пути построения теории глобализации и основанной на ней стратегии действий. А для этого нужны не только определенная широта взглядов и комплексное видение сложнейших планетарных процессов и явлений, но и настойчивая, кропотливая работа по выявлению в том числе не всегда очевидных причин, следствий, всевозможных связей и зависимостей, которыми сопровождается глобализация. Как отмечает Н. Н. Моисеев, «создавать стратегию — это, по существу, властвовать над потоком событий. Во всяком случае, претендовать на это. Проблема создания стратегии, конечно, выходит за рамки философии, но обсуждение возможности ее создания и характер ее основополагающих принципов — проблемы, заведомо к философии относящиеся»¹.

Мы еще вернемся к вопросу о том, насколько современная философия готова к решению таких задач, а сейчас отметим одно обстоятельство, выпавшее из поля зрения новой генерации исследователей, обсуждающих проблемы глобализации, а именно то, что с конца 1960-х гг. в течение двух десятилетий внимание научной, а затем и широкой общественности уже было приковано к глобальной проблематике, а именно — к *глобальным проблемам современности*. Тогда на эту тему массовыми тиражами выходили книги, журналы посвяща-

¹ Моисеев Н. Н. Человек во вселенной и на Земле // Наука, общество, человек. М., 2004. С. 311.

ли данной проблематике целые разделы, а доклады Римского клуба имели ощутимый резонанс и вызвали острые дискуссии. Это была «первая волна», уже несколько забытая, и теперь, спустя десятилетия, интерес к глобалистике возобновляется, но уже как бы с другой стороны — с точки зрения нарастающей интеграции мирового сообщества, породившей интерес к глобализации. О причинах такой метаморфозы еще будет сказано ниже, но, чтобы с самого начала правильно судить о *процессах глобализации*, необходимо иметь в виду не только то, что *глобальные проблемы* явились результатом *глобализации* экономической, политической, культурной жизни мирового сообщества, но и то, что они теснейшим образом связаны с такими фундаментальными явлениями общественной жизни, которые характеризуются понятиями «*культура*» и «*цивилизация*».

Итак, основной тезис предлагаемой книги можно кратко сформулировать следующим образом — *в результате развития и совершенствования культуры*, зародившейся с появлением первых людей, на определенном историческом этапе (с эпохи неолитической революции) возникли и стали совершенствоваться цивилизационные связи, породившие отдельные очаги *цивилизации*; *цивилизационное развитие* изначально способствовало унификации общественной жизни и привело к середине второго тысячелетия — а точнее, в эпоху Возрождения и Великих географических открытий — к началу *реальной глобализации*. С конца XIX в. глобализация стала уже *фундаментальной*, поскольку базовые сферы общественной жизни (*экономика и политика*) вышли к этому времени на глобальный уровень, а со второй половины XX столетия она и вовсе обрела черты *многоаспектной глобализации*, поскольку практически все аспекты общественной жизни оказались буквально втянутыми в круговорот глобальных процессов. Все это в свою очередь обусловило формирование *мирового сообщества* и появление во второй половине XX в. *глобальных проблем* человечества.

Впрочем, в силу исторических и объективных причин вхождение в обиход указанных понятий, как и осмысление стоящих за ними явлений, происходило в несколько иной последовательности. Так, если понятие «культура», возникшее в Античности, со временем, в эпоху Просвещения, было дополнено и расширено за счет нового термина «цивилизация», то к осознанию процессов глобализации в конце 90-х гг. XX столетия пришли через «открытие» глобальных проблем 30 годами раньше, хотя глобальные проблемы по сути своей не предшествуют глобализационным процессам, как то может показаться на первый взгляд, а вытекают из них, являясь их порождением.

Будучи следствием более скрытых, глубинных причин становления целостного мира, глобальные проблемы и наглядно обозначившиеся их негативные последствия изначально приковали к себе пристальное внимание, ошеломив своей динамикой и потенциальными угрозами

не только массовое сознание, но и творческую мысль научного сообщества. Фундаментальные же, сущностные процессы и тенденции оказались как будто в тени, на них уже просто не хватило внимания. Однако ни это обстоятельство, ни теснейшая связь взаимообусловленных и взаимодополняемых понятий «культура», «цивилизация», «глобализация» и, самое главное, стоящие за ними явления и сегодня, как уже отмечалось, в должной степени не осознаются и пока не стали предметом специального анализа.

На это же указывал и В. И. Данилов-Данильян, когда справедливо отмечал, что в соответствующих исследованиях приводится большое количество разнообразных фактов, относимых к глобализации, имеются попытки выявить тенденции и закономерности, но в итоге авторы разработок не идут дальше констатации того, что сейчас происходит в мире. «Глобализация в гораздо большей степени понятие из исторической парадигмы, чем из логической: теория глобализации, достаточно четкий и ясный анализ взаимосвязей ее аспектов отсутствуют»¹, — заключал он. Прошло более 10 лет после этого высказывания, но актуальность обозначенной проблемы лишь возросла.

В предлагаемой работе не только ставится такая проблема, но и предпринимается попытка в определенной мере найти ее решение, что если не извиняет, то хотя бы объясняет решение автора назвать книгу таким, казалось бы, понятным и уже изрядно поднадоевшим словом «глобализация», посвятив ее главным образом исследованию объективных оснований, а также естественно-исторических условий появления и развития этого многоаспектного и масштабного явления.

¹ Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие — проблема выживания человека // Наука. Общество. Человек. М., 2004. С. 143.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Зачем уточнять, казалось бы, понятную терминологию

Определите значение слов, и вы избавите
человечество от половины его заблуждений.

Р. Декарт

Каждая глава книги начинается с уточнения понятий, которые несут основную смысловую нагрузку в данной главе, а также активно используются в других разделах книги. Это может породить вполне закономерный вопрос: какая в том необходимость, если имеется немало словарей и справочной литературы, где всегда можно посмотреть значение того или иного слова? И затем, уж если пояснять термины, почему это нужно делать в начале каждой главы, а не в конце книги, как это иногда встречается в литературе? Объясняя несколько необычный методологический прием, хотелось бы дать некоторые пояснения.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что глобалистика как быстро и динамично развивающаяся область научного знания оперативно пополняется новой терминологией, которая не всегда находит отражение даже в последних справочных изданиях, не говоря уже о литературе десятилетней давности. Однако еще более важно то, что эффективное решение любых теоретических и практических задач предполагает как минимум их корректное определение, а следовательно — как точность формулировок, так и достаточную определенность используемых понятий и категорий.

К рассматриваемой нами теме это имеет непосредственное отношение, так как термины «глобалистика», «глобальные проблемы», «глобализация», «глобализм», «глобальность» хотя и стали сегодня весьма популярными, получив широкое распространение, в своем содержании все еще остаются предметом дискуссий и нуждаются в более точном определении, ибо по большей части употребляются или как

синонимы, или безотносительно друг к другу, а нередко и вовсе заново «переоткрываются». Существует также целый ряд новых терминов, которые, не получив еще широкого распространения, уже активно используются в специальной литературе (*хайтек, хайхьюм, глокализация* и др.), а также ряд специфических терминов и словосочетаний, которые мало знакомы или совсем неизвестны широкому читателю, но имеют принципиальное значение в глобалистике (*осевое время, макросдвиг, эпометаморфоза*), и потому их уточнение будет способствовать лучшему восприятию обсуждаемых вопросов. Таким образом, я буду разъяснять термины, которые в силу недостаточной определенности многозначны, спорны, имеют несколько значений или которых еще нет в современных словарях, поскольку они лишь недавно появились и пока не получили широкого распространения, но с точки зрения понимания и описания процессов глобализации, их всевозможных последствий просто необходимы.

Итак, уточнение основных понятий для данного исследования имеет существенное и даже принципиальное значение, потому что у различных авторов даже в научной и специальной литературе, одни и те же термины имеют неодинаковую трактовку в разных контекстах приобретают различный смысл, другое содержание, вплоть до противоположного. В частности, понятием «глобальный» нередко обозначают проблемы и явления, которые на самом деле таковыми не являются и по сути имеют, например, региональное или локальное значение. Это могут быть частные проблемы, которые для привлечения повышенного внимания к сообщаемой информации, для придания большего веса собственной позиции или еще по какой-либо причине порой возводятся в разряд глобальных. Отчасти это можно объяснить желанием привлечь к решению этих проблем как можно больше внимания, средств, сил, людей и иных ресурсов; ведь помимо того, что глобальные проблемы на слуху, они объективно не могут быть проигнорированы мировым сообществом и должны решаться совместными усилиями всех стран.

Не лучше обстоит дело и с термином «глобализация»: не уточнив его содержание, это слово широко используют для характеристики всевозможных явлений, в том числе с глобализацией не связанных. Например, определяя природу локальных и региональных конфликтов и желая убедить, что их значение имеет всеобщий характер, нередко говорят о глобальных угрозах, которые они якобы в себе таят. Или, характеризуя современные протестные социальные движения, называют их *антиглобалистскими*, хотя так называемые антиглобалисты выступают, по существу, не против глобализации как таковой, а против несправедливых социально-экономических отношений, складывающихся в современном мире, которые, конечно же, связаны с глобализацией, а нередко являются ее продолжением, но тем не менее

к ней не сводятся и уж во всяком случае не тождественны ей. Еще менее прозрачно понятие «цивилизация», которое весьма активно используется в широком контексте, особенно в последние десятилетия, но, как правило, без указания на то, какое содержание оно в себе несет в каждом конкретном случае. Более того, в силу недостаточного внимания к вопросам «языка глобалистики» и небрежного обращения с терминами нередко даже специалисты не делают различия между такими принципиальными понятиями в рассматриваемой нами области, как «глобализм», когда дело касается явления, «глобальность», когда внимание фиксируется на *состоянии*, и «глобализация», где первостепенное место занимают *процессы*.

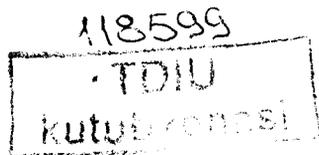
Свидетельство о понимании важности данной проблемы мы обнаруживаем в книге У. Бека «Что такое глобализация?», где он пишет: «Мне хочется в своей книге пустить в ход камнемет различения — различия между *глобализмом*, с одной стороны, и *глобальностью* и *глобализацией* — с другой»¹. Однако, хотя он справедливо соотносит глобализацию с процессами, а под глобальностью понимает то, «*что мы давно уже живем в мировом обществе*»², во всем обширном труде со столь многообещающим названием он не находит возможности ни показать истоки и генезис упомянутых процессов, ни аргументированно ответить на вопрос: как давно мы живем «в мировом сообществе»? Еще меньше ясности в его понимании термина «глобализм», который он пытается связать с *мировым рынком*³, но, как и в определении предыдущих терминов, фактически опускает дефинитивную часть и сосредоточивается на описании отдельных сторон стоящих за данными терминами явлений. В итоге применения обещанного «камнемета различий», к сожалению, не получилось.

Отмечая недостаточную ясность упомянутых выше категорий, заметим, что появившийся в последнее время неологизм «*постглобализация*» и вовсе лишен содержательного смысла, как и все новомодные понятия с приставкой «*пост*» (*постиндустриальное общество*, *постнеклассическая наука*, *постмодернизм*, *постпозитивизм*, *постструктурализм*, *постсовременность* и т. п.), в которых эта приставка, по смыслу идентичная другой приставке — «*после*», не обозначает ровным счетом ничего, а лишь указывает на временную черту, отделяющую некое не имеющее определения явление, наступившее после того, которое уже хорошо известно, достаточно четко определено и имеет собственное название. Так, «*индустриальное общество*», «*классическая наука*», «*модернизм*», да и «*глобализация*» — теперь уже вполне определенные понятия, которые в свое время вводились в обиход как «*изобретенные*

¹ Бек У. Что такое глобализация? С. 23.

² Там же. С. 25.

³ См.: Там же. С. 23–25, 154–156.

с нуля» неологизмы для описания принципиально новых явлений, так как в существовавшем тогда языке не было подходящего термина. Со временем они наполнились соответствующим содержанием, расширили кругозор, понятийный аппарат определенных разделов знания и прочно вошли в лексикон различных языков мира, увеличив их словарный запас и познавательные возможности. Неудивительно, что многие из таких неологизмов теперь неизменно ассоциируются со своими изобретателями: «*вещь в себе*», «*априори*», «*апостериори*» — с И. Кантом; «*общественно-экономическая формация*» — с К. Марксом; «*экология*» — с Э. Геккелем; «*ноосфера*» — с Э. Леруа; «*пассионарность*» — с Л. Н. Гумилевым; «*осевое время*» — с К. Ясперсом. Этот список можно еще долго продолжать. Такое словотворчество невозможно, как минимум, без воображения и творческого отношения к делу; когда же их не хватает, добавляют приставку «пост» к тому, что уже хорошо известно, а затем начинают объяснять, что под этим имеется в виду. В принципе на этом этапе все происходит точно так же, как и с абсолютно новым словом, и потому упомянутые выше понятия с приставкой «пост» нашли свое место в уже существующем наборе понятий и дополнили терминологический ряд соответствующего раздела знаний. Но это словотворчество весьма ограничено в потенциальных возможностях, а с точки зрения дальнейшего развития и совершенствования языка и вовсе бесперспективно, ибо на очередном этапе, следуя данной логике, нужно будет добавлять еще одну приставку «пост», затем еще одну... Заметим, что двойная приставка «постпост» уже стала появляться в литературе.

Итак, в глобалистике, которая является новой, быстро развивающейся областью знания, словотворчество, как и уточнение уже существующих, но еще не до конца установившихся понятий, — вполне естественное и даже закономерное явление. В этом контексте вынесенный в заголовок вопрос — зачем уточнять, казалось бы, понятную терминологию? — представляется не только уместным, но и необходимым, тем более что с терминологическими изысками и вольностями в истолковании терминов глобалистики сегодня приходится сталкиваться на каждом шагу, что существенно затрудняет осознание и без того непростых проблем, усложняет взаимопонимание как на уровне обыденного сознания, так и в профессиональной среде. В конечном счете это вносит путаницу, тормозит исследования, наконец, блокирует выход на уровень принятия эффективных практических решений.

Данная проблема давно — с тех пор, как появились первые зачатки точного знания, — волнует мыслителей и научное сообщество, а словотворчество стало важной составляющей научного, литературного, да и обыденного языка. Так, еще знаменитый древнеримский поэт Гораций писал:

*«...Всегда дозволялось, и ныне
Тоже дозволили нам, и всегда дозволяемо будет
Новое слово ввести, современным клеймом обозначив,
Как листы на ветвях изменяются вместе с годами,
Прежние все ж облетят, — так слова в языке. Те, состарясь,
Гибнут, а новые, вновь народясь, расцветут и окрепнут»¹.*

Обсуждаемая тема будет оставаться актуальной, очевидно, бесконечно долго, поскольку новые знания всегда будут требовать и новой терминологии или, во всяком случае, переосмысления и уточнения прежней. «И так как слова сохраняют и передают представления, то из этого следует, что нельзя ни усовершенствовать язык без усовершенствования науки, ни науку без усовершенствования языка и что как бы ни были достоверны факты, как бы ни были правильны представления, вызванные последними, они будут выражать лишь ошибочные представления, если у вас не будет точных выражений для их передачи», — отмечал один из основоположников современной химии, выдающийся французский ученый XVIII в. А. Лавуазье². Образцом отношения к языку и ответственности за научное слово может служить и позиция известного отечественного ученого Ю. А. Урманцева, который в обоснование своей склонности точно определять понятия сказал: «Я, конечно же, часто заблуждаюсь, но я всегда стараюсь заблуждаться в предельно прозрачной и доказательной форме, дабы облегчить работу моим уважаемым оппонентам»³.

Итак, определиться с терминами, дать им выверенные дефиниции вовсе не означает увлечения игрой словами. Это не бесполезное занятие, колание в мелочах или отказ от других смыслов и значений, которые также могут иметь место и право на существование, тем более что большинство терминов, особенно из новых областей научного знания, по сути, как правило, многозначны и поливариантны. Именно этим объясняются встречающиеся в тексте фрагменты, где с необходимой полнотой раскрывается значение тех или иных слов. Однако основная цель, которую преследует автор, предварительно уточняя свою позицию по ключевым для каждого раздела понятиям, состоит в том, чтобы с самого начала разговора сделать свою позицию ясной, недвусмысленной, изложение материала внутренне непротиворечивым, а итоги, вытекающие из проведенного анализа, легко сопоставимыми с выводами и результатами других специалистов и исследователей обсуждаемой темы.

¹ Слово о науке. М.: Знание, 1986. С. 260.

² Там же. С. 262.

³ Цит. по: Иванов А. В. Личность Ю. А. Урманцева и синтетический дух современной эпохи // Вестник Российского философского общества. 2001. № 2 (18). С. 88.

§ 2. Когда наступает прозрение

У многих интересующихся процессами глобализации могут возникнуть вполне справедливые вопросы, касающиеся то усиления, то ослабления внимания к данной проблематике со стороны ученых и широкого общественного мнения, хотя ее актуальность объективно никогда не ослабевала. Как это объяснить? Какие причины за этим стоят — объективные или субъективные? Почему, например, термин «экология», предложенный Э. Геккелем еще в 1866 г., оказался востребованным только 100 лет спустя? А учение о ноосфере, в котором Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский в 30-е гг. XX в. отразили глобальную сущность человеческого сообщества и его ответственность за состояние жизни на Земле, затем было забыто на несколько десятилетий и снова вышло на первый план научных дискуссий лишь в 1970–1980-е гг. Также и идеи К. Ясперса о «единстве истории», «единстве человечества», «осевом времени», высказанные им еще в середине 1940-х гг., обрели популярность и стали активно обсуждаться только в конце XX в. Показателен пример и с глобальными проблемами, которые, будучи «открытыми» на рубеже 1960–1970-х гг., оставались предметом пристального внимания со стороны ученых, политиков, средств массовой информации в течение двух десятилетий, а затем достаточно быстро были забыты почти на 10 лет, пока вновь не привлекли к себе внимание, но уже косвенно, через осмысление процессов глобализации. Почему так происходит? Не случится ли такое же ослабление внимания, а то и вовсе потеря интереса к глобализации в будущем, хотя практически не вызывает сомнения то обстоятельство, что, однажды вступив в глобальную взаимозависимость, люди могут выйти теперь из нее только ценой планетарной катастрофы. Ответ на эти и подобные им вопросы следует искать в природе человеческого мышления и особенностях восприятия им окружающего мира.

Отдельный человек не может думать обо всем сразу. В каждый конкретный момент времени его внимание занято, как правило, какой-либо одной проблемой? или идеей, или «картинкой» окружающей действительности и т. п. Чтобы переключить внимание на что-либо другое, он должен оставить, «отложить в сторону» то, о чем думал до этого, и сосредоточиться на новой теме. Также и научная мысль, как и философская, а с некоторым отставанием — и коллективное (общественное) сознание в целом постоянно меняют предмет своего основного интереса и среди множества тем, проблем, событий в определенный момент времени (или в каком-либо временном интервале) выделяют что-то одно в качестве доминирующего, фокусируя на нем основное внимание. Причем концентрация мысли постоянно переключается, как бы «дрейфует» с одного предмета, события или явления на другие, задерживаясь в силу самых разных причин

то больше, то меньше на каждом из них. Но неизменно в тот или иной конкретный период времени среди множества тем и информации в центре внимания всегда оказывается какая-либо одна информация или тема, заслоняющая собой все остальные. Так, сколь актуальными не выглядели бы сообщения, касающиеся, например, различных сфер общественной жизни (науки, политики, культуры, экономики)? природных явлений (землетрясений, цунами, ураганов, катастроф) или судьбы какого-либо человека, поданные в одном ряду с другими, они воспринимаются, как правило, отдельно, в результате чего вся информация сортируется по степени актуальности. Иначе говоря, данные факты и события не могут быть восприняты ни обществом, ни отдельным человеком одновременно и с одинаковым интересом. Во всем калейдоскопе событий всегда будет выделено нечто особенное, более значимое — то, что в силу тех или иных причин окажется важнее всех остальных.

2.1. Принцип дисплея

Отмеченное обстоятельство (явление) я назвал бы *«принципом дисплея»*, который можно проиллюстрировать на примере. Ваш персональный компьютер позволяет вам получить любую содержащуюся в нем информацию посредством того, что она выводится на дисплей. Если вы давно работаете с компьютером и накопили большой объем информации в виде множества текстовых файлов, отправлений по электронной почте и т. п., система позволяет вам обратиться непосредственно в тот или иной момент времени только к одному из этих материалов. Даже если на дисплей последовательно выводится несколько файлов, в каждый конкретный момент времени актуализируется только тот из них, с которым ведется работа. Если же компьютер имеет выход в Интернет, поле возможностей для актуализации на экране дисплея той или иной информации расширяется практически безгранично. И тем не менее, чтобы обратиться к новой информации, с экрана необходимо удалить предыдущую информацию. При этом удаляемая информация может быть как безвозвратно уничтожена, так и сохранена в памяти (оперативной, на жестком диске или на дискете), что дает возможность со временем к ней вернуться, но опять-таки с потерей внимания к предыдущей информации. Иначе говоря, вы не можете работать одновременно (в буквальном смысле слова) сразу с несколькими выведенными на экран «окнами», т. е. не можете в какой-то определенный момент печатать, править текст и т. п. более чем в одном «окне». Вы можете делать это только последовательно, открывая очередное «окно» и закрывая тем самым предыдущее.

Нечто аналогичное происходит и с общественным сознанием, как и с сознанием конкретного человека, когда он о чем-либо думает.

Конкретная мысль, занимающая индивида, должна быть «закрыта» (удалена в подсознание) прежде, чем на ее место придет другая. Это похоже на то, как открытый для работы файл закрывается и убирается в память компьютера, чтобы уступить место новому файлу, содержащему новую информацию. Кстати, мысль человека может быть взята (инициирована) не только из памяти, но и извне, аналогично тому, как на дисплей компьютера поступает информация из Интернета, что также делает область человеческого мышления практически лишенной видимых границ. Хотя, если выражаться более точно, то не мышление человека нужно соотносить с работой компьютера, а наоборот, работу компьютера с творчеством человека, ибо компьютер в конечном счете есть порождение, результат работы человеческого мозга и действует лишь в рамках заданных возможностей. Однако в данном случае взгляд как бы в обратном направлении позволяет на примере более простых процессов лучше понять процессы более сложные, породившие первые.

Итак, внимание не только отдельного человека, но и человечества в целом постоянно переключается с одних предметов и явлений на другие, задерживаясь на каждом из них лишь до появления нового события, которое своей неординарностью, остротой или актуальностью на какое-то время овладевает основным вниманием, чтобы затем уступить место новой информации.

Кстати, вся рыночная экономика и, более того, вся система человеческих отношений, пронизанная духом соперничества и состязательности, неосознанно выстраивается и функционирует в соответствии с «принципом дисплея». Каждый хочет непременно быть услышанным, замеченным, чтобы именно на него в первую очередь обратили внимание, выделили из «толпы» и из общего потока информации вычленили информацию именно о нем. И вовсе не важно, сопутствует ли этому эпатаж, как то сплошь и рядом случается в шоу-бизнесе, или этот принцип реализуется методично и настойчиво, как это принято у производителей различной продукции. Но именно «принцип дисплея» лежит в основе человеческих отношений, когда предложений много, а возможности их реализации ограничены. Вот тогда со всех экранов, со страниц газет и изо всех радиоприемников льются потоки кричащей рекламы и объявлений, смысл которых у всех неизменно один: остановись! не проходи мимо! у нас лучше! нам нет равных! сделай выбор! купи у меня! — и т. п. Люди устали от этого потока навязчивых предложений и уже не реагируют на призывы, не читают плакатов и объявлений. Тогда устанавливают огромные рекламные щиты на самых видных местах и бьют вам по глазам экстравагантной картинкой, вместе с которой непременно «ненавязчиво» сообщают то, ради чего рекламодатели потратились на это недешевое «удовольствие». Но и здесь уже мало кто разглядывает подобные «шедевры». И тогда

вам предлагают посмотреть захватывающий фильм, интересную передачу, но на самом интересном месте прерывают, и «впрыскивают» в ваше утомленное от рекламы сознание очередную порцию «рекламного витамина»... А смысл все тот же — хотя бы на секунду «очистить экран» вашего сознания от находящейся на нем в настоящее время информации и поместить туда свою информацию, другими словами, хотя бы на мгновение завладеть вашим вниманием, закрыв в одно касание на вашем «персональном дисплее» актуализированное там «окно» и высветив свое.

«Принцип дисплея» легко просматривается и в отдельных исторических эпохах, когда на первый план творческих поисков, какой-либо науки, философских исследований или в целом общественного сознания в силу тех или иных причин выдвигается круг вполне конкретных проблем и вопросов.

В подтверждение сказанного обратимся к многовековой истории развития философии, предмет которой, по существу оставаясь неизменным, в каждый конкретный исторический период времени формулировался по-разному. Так, отличительной чертой первых философских учений в Древней Греции являлся *космоцентризм*, когда основное внимание было направлено на осмысление «космоса», «природы», основ мироздания. Позднее, в период расцвета древнегреческих городов-полисов, интерес философов перемещается к *социальной проблематике, этике, государственному устройству*. Зарождение и укрепление христианства в Европе делает всю средневековую философию *теоцентричной*, т. е. основным предметом ее интереса становится Бог и результаты его творения. Последовавшая затем эпоха Возрождения повернула философию к *искусству (эстетике)* и в значительной степени к *человеку*. В XVII–XVIII вв., именуемых Новым временем, философия оказалась тесно связанной с набиравшей тогда силу наукой, что вывело на первый план философских исследований вопросы *познания и научных методов*. Кризис «классической философии» и рациональности во второй половине XIX в. обнажил проблемы *иррационального, интуитивного, бессознательного*, сделав их главным предметом анализа «неклассической философии» в первой половине XX в., что, в свою очередь, породило особый интерес к *логике, языку, истолкованию и интерпретации текстов*. В последние десятилетия XX в. в моду вошла так называемая постнеклассическая философия, которая поставила на обсуждение *кризисные явления в современной культуре и проблемы, обусловленные экспансией новых информационных технологий, а также бурным развитием средств массовой коммуникации*. Рассуждая об «исчерпанности истории», «проговоренности» всех смыслов и идей, обращая внимание на неспособность человека справиться с обрушившейся на него информацией, представители этой философии выступают за *асистемность, размывание устоев, ценностей*

и границ традиционного философского европейского знания как не соответствующего новым реалиям. Наконец, еще одна тема, ставшая фундаментальной и одной из наиболее актуальных в новейшей философии на пороге XXI в., связана с *экологией и мировыми проблемами стремительно глобализирующегося мира*.

Итак, из краткого экскурса в историю философии нетрудно заметить, что в целом предмет философии не сводится к какой-либо конкретной проблеме или соответствующему набору таковых. В тот или иной отрезок времени и в зависимости от множества конкретных обстоятельств он изменяется в пределах заданных для данной дисциплины границ. Также происходит и в глобалистике, где по мере накопления знаний и в силу всевозможных обстоятельств на первый план поочередно выходят то одни, то другие проблемы или какие-либо аспекты порождающих их процессов.

Возвращаясь к упомянутым выше примерам то усиления, то ослабления научного и общественного интереса к процессам или результатам глобализации, отметим, что, например, чтение о ноосфере, а в более широком контексте — о месте и роли человека в биосфере — хотя и вполне созрело для серьезного обсуждения, тем не менее не получило развития после 1930-х гг. по причине усиления международной напряженности, а затем и начала Второй мировой войны, поглотившей практически все внимание и значительную часть ресурсов мирового сообщества. И лишь в конце 1960-х гг., когда экологические проблемы стали серьезным препятствием для экономического и социального развития, идеи ноосферы вновь вернулись на первый план общественного сознания.

Также и идеи К. Ясперса о *глобальном мире*, «*глобальном единении*», «*едином человечестве*», «*единой судьбе*», высказанные им сразу после Второй мировой войны, были отодвинуты почти на полстолетия «холодной войной» и начавшейся гонкой вооружений, балансировавшей на грани ядерной войны. Однако и имя этого крупнейшего мыслителя XX в., и его универалистские идеи снова обрели звучание, когда человечество всерьез приступило к исследованию процессов глобализации. Что касается *глобальных проблем*, которые с конца 1980-х гг. «ушли в тень» под натиском событий, сопровождавших развал СССР и всей социалистической системы, а затем уступили место в рейтинге внимания *глобализации*, то об этом еще немало будет сказано в различных разделах данной книги.

Здесь же подведем краткий итог и сформулируем следующие выводы. Предмет глобальных исследований находится в сильной зависимости от социально-политических, экономических, многих других причин и в исторической перспективе не может быть сведен к строго ограниченному, конкретному кругу вопросов. Он, в зависимости от времени и множества объективных обстоятельств, всегда выступает

на первый план в виде той или иной проблемы или некой их совокупности. Но это совсем не означает, что другие темы, вопросы и проблемы теряют актуальность и выходят за рамки (пределы) глобальных исследований, перестают быть предметом их анализа. Они, было бы правильнее сказать, отодвигаются главной темой на второй или еще более отдаленный план и оказываются как бы в ее тени, дожидаясь своего времени, чтобы в определенный момент и при соответствующих условиях подняться выше по шкале приоритетов в иерархии тем глобальной проблематики, а то и вовсе оказаться в центре научного и общественного внимания.

2.2. Эффект позднего восприятия

Еще один парадокс, который имеет место в современной глобалистике и который я назвал бы «*эффектом позднего восприятия*», заслуживает специального внимания уже теперь, в самом начале разговора о глобалистике, ее последствиях и этапах осмысления этих явлений.

Суть данного эффекта состоит в том, что участники тех или иных событий нередко начинают осознавать их значительно позже того момента, когда они происходили на самом деле. Хотя эти события имели место буквально на их глазах и при их непосредственном участии, в то время они не воспринимались как *новая реальность*, уже оказывающая влияние и на условия их жизни, и на них самих, подспудно влияя на чувства, эмоции, здоровье и т. п. И лишь тогда наступает прозрение, «прорыв» в осознании новой ситуации, когда эти не осознаваемые ранее изменения в силу каких-либо причин начинают восприниматься как реальность, причем, как правило, не всеми и не сразу, а вначале кем-то наиболее проникательным или оказавшимся в необычных условиях и потому «прозревшим» раньше других.

Другими словами, рыба «не замечает», что живет в воде, пока эта вода остается чистой, а когда качество воды ухудшается, начинает проявлять беспокойство. Но, пожалуй, лучшим примером «прорыва» в осознании новой ситуации может быть опыт Шакья-Муни и Моисея, которые (и тот и другой) до определенного возраста жили в богатстве и роскоши, не ведая забот. И лишь однажды, выйдя из дворца и оказавшись в необычной, неведомой дотоле обстановке, они прозрели: Шакья-Муни — повстречав больного, старика и похоронную процессию, а Моисей — увидев, как египетский надсмотрщик избивает раба. Шакья-Муни был потрясен этими «открытиями» и задумался над освобождением человека от страданий. «Моисея охватило чувство сострадания, возмущение насилием, чинимым одним человеком над другим, унижение и покорность раба. Шакья-Муни стал Буддой, узнав, что существуют болезни, старость, смерть. Моисей стал Пророком Бога, когда узнал, что существует нечто более ужасное, чем смерть, —

рабство»¹. Увидев мир другими глазами, каждый из них со временем сделал свои изменившиеся представления об этом мире достоянием других людей, сначала незначительного числа, затем обретая все больше и больше последователей и сторонников.

Заметим, что таких прорывов в сознании мы можем обнаружить в истории великое множество. А «прозревая», люди, как правило, начинают реконструировать прошедшие события. При этом каждый выстраивает свой *рассказ* о свершившемся, и в итоге все вместе начинают «жить» в этих «рассказах», которые, быть может, в главном, но не во всем полностью, во всяком случае не во всех деталях передают реальность такой, какой она была на самом деле. И потому всегда остается возможность предложить и другой, и третий, и десятый варианты рассказов о том, о чем уже было сказано, казалось бы, более чем достаточно. Но всегда найдутся те, кто такую возможность реализует в очередной раз. Потому так важно, имея в виду это обстоятельство, отличать то, *что* случилось, и *рассказ* о том, что случилось.

С глобальными проблемами, а тем более с процессами глобализации дело именно так и обстояло. Они зародились и постепенно, на протяжении многих столетий вызревали, не привлекая к себе внимания, не попадая в поле зрения современников, и, не будучи осознаваемы, до поры до времени оставались в тени. И лишь когда их масштабы и реальное воздействие на жизненные условия и судьбы многих людей многократно возросли, да так, что не замечать этого стало уже просто невозможно, о глобальных проблемах, а затем и о глобализации заговорили в полный голос. Одни — как о только что возникших явлениях, другие — как о проявлениях более фундаментальных процессов, идущих из глубины веков.

Описанное сродни тому, как наступает практически любая болезнь, которая обнаруживается не в тот момент, когда опасные микробы попадают в организм, и даже не тогда, когда они начинают размножаться, но тогда, когда их количество оказывается достаточным, чтобы вызвать заболевание, а сопротивляющийся организм в итоге повышает температуру, реагирует ознобом, воспалительными процессами и т. п. Данное явление можно пояснить также посредством следующей аналогии.

Существует, например, разница между тем, когда и как начинается день, и тем, как он, этот новый, уже полностью вступивший в свои права день, воспринимается человеком, если тот все это время бодрствовал, но не обращал внимания на происходящее вокруг, занимаясь делом, поглотившим все его сознание и мысли.

¹ Кантор К. М. Двойная спираль истории: Историсофия проектизма. Т. 1: Общие проблемы. М., 2002. С. 173.

Теперь уподобим человечество в целом конкретному человеку, который сел за какую-то творческую работу ближе к утру, но когда за окном, смотрящим на восток, была еще темная ночь, а на небе в разрывах проплывающих облаков периодически показывались то луна, то мерцающие яркие звезды. Представим себе, что этот человек был занят, например, написанием очень важного текста, полностью завладевшим его вниманием на несколько часов, в течение которых он не только не поднимал головы, но и вообще ни на что не обращал внимания, не замечая даже яркого света от стоявшей рядом настольной лампы, воспринимая ее как само собой разумеющееся, как необходимый атрибут творческой работы в ночное время. А между тем за окном становилось все светлее и светлее, тучи постепенно рассеялись, и на небе сначала поблекли, а затем и вовсе погасли звезды. Потом стало совсем светло, и небосклон, все больше разогреваясь, окрасился яркими цветами от первых лучей восходящего солнца. Оно показалось над горизонтом сначала маленьким фрагментом своего внушительного диска, который становился все больше и больше, пока этот огненный шар полностью не приподнялся над землей и, окончательно растворив скрывавшие его пелену и утренний туман, не ударил мощными лучами света прямо в лицо ушедшего с головой в работу и полностью погружившегося в собственные мысли человека. И только тогда, почувствовав какой-то пока еще неосознаваемый дискомфорт от яркого света и пригревающих лучей, он поднял голову и вдруг обнаружил, что все вокруг очень сильно изменилось. За окном уже не было ни луны, ни звезд, ни туч на небе, зато ослепительно ярко сияло солнце; стало заметно теплее, и вся комната наполнилась светом, сделав все еще непогашенную настольную лампу бесполезным предметом, свет которой уже давно не имел никакого значения.

А если представим себе совсем уж невероятную картину, например то, что этот человек никогда не видел не только солнца, но и даже дневного света, пребывая до этого всю жизнь, например, где-то в подземелье. Что может сказать он относительно случившихся перемен? Сумеет ли он объяснить, по крайней мере, достаточно быстро, как на место ночи пришел день, какие моменты и этапы сопутствовали становлению дня и т. д.? То же самое можно сказать и о тех, уснув поздно вечером, открыл глаза лишь поутру. А их, как правило, всегда большинство, и, постепенно отходя ото сна, они с большим трудом и не сразу приходят к осознанию новой ситуации, но именно их-то позиция и выражает массовое, общественное сознание.

Ниже мы еще не раз столкнемся с этим *эффектом позднего восприятия*, когда обратимся к генезису процессов глобализации и последствиям, которые они вызывают, а также увидим, как недооценка данного явления может лежать в основе того, что *следствие* начинает

ошибочно восприниматься как *причина*, тогда как истинные *причины* выглядят как *следствия*.

Следует отметить, что рассмотренный *эффект позднего восприятия* находится в тесной связи с «*принципом дисплея*», так как повышенное внимание к какой-либо одной проблеме или ограниченному кругу вопросов оставляет как бы в тени другие темы и проблемы, которые должны достаточно сильно обостриться, чтобы вызвать к себе перво-степенный интерес. Но, будучи открытыми в результате «позднего восприятия», новые факты и явления вытесняют с «экрана» сознания прежние темы и, в свою очередь, затеняют остальную проблематику.

2.3. О схематизации

Обратим внимание и на такое обстоятельство, имеющее важное значение в данном исследовании, как необходимость наглядно *иллюстрировать, схематизировать подвижные динамические процессы*.

В стремлении лучше понять историю и сопутствующие ей события, процессы, изменения, трансформации обычно прибегают к ее реконструкции, используя, как правило, всевозможные схемы, упрощения, мысленное разбиение непрерывного процесса на части и т. п. То же происходит, когда обращаются к истории или к будущему науки, техники, взаимодействию природы и общества, становлению каких-либо иных процессов, а именно — прибегают к различного рода градациям, выделяя в них те или иные *этапы, фазы, стадии, ступени, уровни, периоды, эпохи*. Однако обычно мало кто аргументирует, почему предпочтение отдается какой-либо конкретной градации и на каком основании выделяются одни и остаются без внимания другие факты и события. Иначе говоря, редко уделяется должное внимание тому, чтобы пояснить, *какие основания деления* лежат в основе предлагаемой классификации, градации, периодизации и т. п. В итоге сплошь и рядом — нагромождение всевозможных «переходов» и революций, типов цивилизаций, различных эпох, периодов, наконец, глобализаций, разобраться в которых подчас не представляется возможным, потому что отсутствуют указания на основания их выделения, но зато, как правило, всегда просматриваются субъективные оценки и предпочтения соответствующего автора.

Важно иметь в виду и то, что, предлагая какую-либо схематизацию, выделяя в историческом процессе различные этапы, периоды, поворотные пункты, тем самым предпринимают попытку реконструировать, систематизировать, соотнести и упорядочить исторические события, которые на самом деле могут существенно отличаться от предлагаемых схем. Другими словами, здесь важно проводить различие между тем, «что случилось», и «рассказом о том, что случилось», ибо одни и те же события могут быть рассмотрены также и с другой стороны, в ориги-

нальном ракурсе, с акцентом на другие обстоятельства. При этом иная периодизация или новая схема выглядит, как правило, иначе, чем уже имеющиеся, и зачастую не решает прежних задач. Тем не менее она может оказаться не менее ценной, ибо с новой точки зрения нередко открываются и новые подходы, и принципиально иное видение старых проблем, что, в свою очередь, может позволить изменить или скорректировать устоявшиеся представления и открыть возможности для решения как прежних, так и новых задач.

Итак, к любой схеме, периодизации, выделению этапов, как и ко всякому иному методологически оправданному упрощению, следует относиться с известной долей условности, понимая, что живой исторический процесс на самом деле всегда гораздо более сложное явление, чем это можно изобразить на схеме, в таблицах, графиках, на оси координат и т. п.

2.4. Яйцо или курица?

Наконец, последнее, о чем следовало бы сказать в методологических замечаниях и что вызывает споры даже у серьезных специалистов: **что появилось раньше — глобализация или глобальные проблемы?** «Очевидность» ответа для некоторых заключается в следующем: о глобальных проблемах много было сказано и написано задолго до того, как появился термин «глобализация». Отсюда делается соответствующий вывод: глобальные проблемы предшествовали глобализации. Однако это напоминает одну из знаменитых апорий древнегреческого философа Зенона Элейского «Пшеничное зерно», где он показал, как наши чувства могут обманывать нас, в то время как разум выводит на путь истинный¹.

У других данная проблема ассоциируется со знаменитым риторическим вопросом: **что появилось раньше — яйцо или курица?** При этом обычно подразумевается, что здесь нет решения. И действительно, непосредственно в такой постановке вопроса, т. е. прямо, «в лоб», эта проблема решения не имеет. Ларчик, как мне представляется, открывается просто, если посмотреть на поставленный вопрос несколько иначе, точнее, не так буквально, как это делают обычно, мысленно переходя от курицы к яйцу, от яйца к курице, снова к яйцу... и так до бесконечности.

Для начала *нужно увидеть данный вопрос не в плоскости, а в объеме*. Если сказать более точно — его надо увидеть **не в одной плоскости, а сразу в трех, в которых он реально и существует**.

¹ Суть данного противоречия состоит в том, что, когда падает одно зерно, мы не слышим звука, но разум говорит, что звук все-таки есть, поскольку когда высыпают целый мешок зерна, звук слышен хорошо. Отсюда Зенон сделал вывод, что чувства в познании менее достоверны, чем разум, ибо могут обманывать нас, тогда как разум является орудием достижения истины, которая доступна только мышлению.

1. Ответ на вопрос «*Что появилось раньше — яйцо или курица?*», с формальной точки зрения будет предельно прост. *Яйцо появилось, конечно, раньше курицы!* Почему? Потому что в такой постановке вопроса и понятие «яйцо», и понятие «курица» не уточняются, т. е. и куры, и яйца мыслятся «вообще», в принципе, обобщенно. Воспринимая вопрос буквально (а в данной формулировке именно так и следует поступить), понятие «яйцо» необходимо отнести ко всем предметам, к которым оно применимо. Также и слово «курица» обозначает все те живые (и уже неживые) существа, которым оно соответствует. Но тогда и с ответом все предельно просто. *Курица* как определенный вид домашней птицы, будучи результатом биологической эволюции, появилась намного позже *яйца* как такового, ибо и динозавры, и реликтовые земноводные (те же черепахи и крокодилы) откладывали яйца задолго до появления кур. Более того, яйцо появилось намного раньше не только курицы, но и любого наземного существа, т. е. до того, как жизнь вышла за пределы водной среды, где она с точки зрения современной науки и зародилась, поскольку икра рыбы есть не что иное, как яйцо, только не в твердой, а в мягкой оболочке.

2. Однако вопрошающий может сказать, что он имел в виду не вообще яйца, а именно куриные яйца. Ну, тогда и вопрос надо формулировать корректно, а именно: «*Что появилось раньше — куриное яйцо или курица?*». С точки зрения биологической эволюции, здесь также нет никакой проблемы. Вопрос о первичности в данном случае будет некорректным, поскольку предшественниками современных кур были определенного типа динозавры, которые прошли соответствующий путь эволюционных преобразований. Динозавры несли яйца динозавров, и в той мере, в какой динозавр эволюционировал в направлении курицы, в такой же мере и яйца всех этих промежуточных существ эволюционировали от яиц динозавров к куриным яйцам. Иными словами, куры не предшествовали куриным яйцам, равно как и куриные яйца не предшествовали курам.

3. Но может быть и третий вариант прочтения данного вопроса. Его с полным основанием можно адресовать к конкретным курам и к конкретным куриным яйцам. И тогда в каждом конкретном случае мы получим вполне определенный ответ, ибо всякой реальной курице предшествовало абсолютно точно установленное куриное яйцо, в то время как любому отдельно взятому куриному яйцу предшествовала вполне определенная курица, снесшая его. При такой постановке вопроса также все встает на свои места и никакой проблемы не возникает.

* * *

Так и в глобалистике: ряд вопросов, касающихся комплексного, многопланового явления глобализации, а также ее последствий, «на-

прямую» не имеет решения, ибо глобализация в то же время и *процесс*, если посмотреть на нее в другом ракурсе, с другой стороны, причем процесс, идущий одновременно по многим направлениям. Но вот адекватного, такого же многоаспектного понимания глобализации как раз и нет пока еще ни в отечественной, ни в зарубежной глобалистике, а потому эта новая область знания, активно формирующаяся в последние сорок с лишним лет, превратилась в авгиевы конюшни, где даже специалисты все еще продолжают путаться в, казалось бы, не очень-то сложных вопросах — например, как соотносятся глобальные проблемы и глобализация. Наступило время расчистить эти «завалы» — и материал накопился достаточный, и терминологическая путаница настолько сильно тормозит дальнейшие исследования, что, не определившись с основными понятиями, уже практически невозможно двигаться дальше.

Будучи непосредственным участником всех семи российских и шести последних всемирных философских конгрессов, которые проходят один раз в 5 лет и где, как правило, высвечивается передний край *теоретических исследований*, а также являясь соредактором международных энциклопедических изданий по глобалистике и внимательно отслеживая специальную литературу по данной проблематике, я не понаслышке знаю, что к аналитической работе подобного рода еще никто не приступал¹.

Предпринимая такую попытку, мне пришлось пойти и на такой шаг, который в другом случае выглядел бы излишним, а именно: начать исследование с методологических замечаний, а каждую новую главу *предварять уточнением основных понятий*, дабы представить свою позицию ясно и недвусмысленно.

Будем иметь в виду эти предварительные замечания, приступая к рассмотрению истории зарождения и развития процессов глобализации, ее всевозможных последствий и формирования новой сферы научного знания — глобалистики.

¹ См.: Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003; Глобалистика: междунар. междисциплинар. энциклопед. словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк: ИЦ «Елима», Питер, 2006; Глобалистика. Персоналии, организации, труды: энциклопед. справочник; Global Studies Encyclopedia / ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay; TsNPP «Dialog». Moscow: Raduga Publishers, 2003; Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour and W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev / ed. B. V. Rodopi. Amsterdam/New York, NY 2014. XI.

ГЛАВА I

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Глобализация — процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями и т. п. и которая в таком качестве никем не может быть проигнорирована.

Глобализм — явление, характеризующее планетарную целостность, а также мировоззренческая установка, тип сознания, способ видения окружающего мира, когда глобальный компонент становится доминирующим.

Глобалистика — междисциплинарная область научного знания, образуемого на стыке философии, естественных, технических и гуманитарных наук, а также совокупность практических действий (правительственных решений, политических акций, общественных движений и т. п.), ориентированных на анализ и разрешение противоречий общечеловеческого характера.

Глобальность — состояние, свойство, качество, отличительная черта, присущие тому или иному процессу, явлению, событию и показывающие его планетарную значимость.

Глобальный — охватывающий весь земной шар (глобус), т. е. распространяющий свое влияние (воздействие) на всю планету; мыслимый нерасчлененно относительно всей планеты в целом.

Глобальные проблемы — трудности, опасности, актуальные задачи, стоящие перед человечеством как единым целым.

Глобофобия — мировоззренческая позиция, настроение, в соответствии с которыми поведение человека характеризуется неприятием всего, что связано с глобализацией. «**Золотой миллиард**» — аллегория, употребляемая для обозначения наиболее благополучной части человечества, проживающей преимущественно в высокоразвитых странах и имеющей все необходимое для обеспеченной и комфортной жизни.

Кризис — уровень, степень развития проблемы, когда она достигает таких масштабов, что выходит на первый план, отодвигая, затмевая другие проблемы, а ее негативные последствия становятся необратимыми. Например, политический, экономический, экологический кризисы и т. п.

Мир — если отсутствует специальная оговорка, то в данном исследовании этим емким и многозначным термином обозначается человечество в целом, все население Земли, включенное в биосферу в качестве его составной части. В этом смысле употребляются понятия «мировой», «всемирный».

Проблема — теоретический или практический вопрос, вызывающий беспокойство, неудовлетворенность, неудобство, опасность или содержащий угрозу такого беспокойства, а потому требующий разрешения, преодоления, изучения, исследования. Например, экологическая проблема, глобальная проблема и т. п.

§ 1. Человек в мире проблем

История человечества всегда сопровождалась всевозможными проблемами, и нет достаточных оснований полагать, что для людей когда-нибудь наступит безоблачное, беспроблемное будущее. Такова сущность самого человека, общественных отношений, наконец, законов функционирования биосферы, где жестко и с необходимостью действует естественный отбор, законы которого были сформулированы Ч. Дарвином в XIX в. А если взять, например, более чем двух с половиной тысячелетнюю историю философии, то вся она изобилует теориями и учениями о вечной борьбе, противостоянии различных сил, позиций, мировоззрений. Достаточно обратиться к учениям Гераклита, Анаксагора, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Ницше и многих других, чтобы убедиться — дело не в том, что человечество постоянно сталкивается с проблемами и, более того, обречено жить в проблемном мире, а в том, что его ограниченные возможности в конкретных условиях позволяют решать, как правило, лишь определенный круг задач, нередко порождая при этом новые трудности и проблемы. Иными словами, человек может бороться, рассчитывая на успех, с той или иной конкретной проблемой, но не с проблемами вообще, которые лишь множатся, усложняются, обостряются по мере развития общества и роста его качественных и количественных характеристик. Захватывая все новые области теоретической и практической деятельности человека, они нередко становятся комплексными, междисциплинарными. Часть из них преодолевается, получает решение, увеличивая сумму и качество накопленных теоретических и практических знаний, навыков, опыта людей. Другие попадают в число «трудных», в принципе разрешимых, но пока еще не решенных проблем, а третьи и вовсе оказываются в разряде «вечных», как, например, основные проблемы философии: определение материи или сознания, выявление соотношения духовного и материального, достижение истины, свободы, справедливости и т. п.

В глобальных исследованиях «проблема» является одним из центральных понятий. Именно с осмысления глобальных проблем современности и началась глобалистика, а правильная постановка и корректное формулирование проблемы имеет не только теоретико-методологическое, но и важное практическое значение. Современный мир столкнулся с принципиально новыми, никогда прежде не существовавшими проблемами, преодоление которых становится теперь условием выживания как самого человека, так и биосферы в целом. Но это нисколько не устраняет наличие огромного количества проблем, которые существовали до этого и продолжают множиться. И их решение также требует соответствующих затрат: времени, средств, ресурсов, усилий, энергии и т. п. Последние же, как правило, ограни-

ченны и распределяются в зависимости от отношения людей к той или иной проблеме, понимания ее важности, значимости, опасности, срочности решения, актуальности. Отсюда важно проводить различие между ними, классифицировать их, применяя для этого разные критерии.

Так, если имеют в виду, например, количество стран и народов, вовлеченных в общую для них ситуацию, выделяют *общечеловеческие, межнациональные, национальные, этнические проблемы*. Если же за основание деления принимают различные сферы общественной жизни, то речь идет о проблемах *экономических, социальных, демографических, политических, идеологических* и т. п. При иных основаниях выделяется множество других проблем, которые в реальной жизни явно или неявно выстраиваются, как правило, в определенную шкалу приоритетов и в зависимости от этого получают или не получают соответствующего решения. Однако все они так или иначе затрагивают соответствующий регион, территорию, где с ними нельзя не считаться, и поэтому практически ко всем ним применим критерий «географический», т. е. территориальный. В соответствии с этим критерием выделяются и соответствующие типы проблем: *частные, локальные, региональные, глобальные*, где основанием деления выступает зона распространения, территориальная значимость той или иной проблемы.

На заре становления общественных отношений, в условиях всеобщей раздробленности люди имели дело с проблемами местного, локального, частного порядка. Затем формирование государственности и развитие торговли, межгосударственные конфликты и завоевательные походы, образование первых империй породили проблемы более крупного масштаба — региональные. Наконец, когда процессы глобализации стали реальностью в различных сферах общественной жизни, они вызвали к жизни и соответствующие проблемы — теперь уже глобальные. Так их стали называть за их общечеловеческую значимость, за актуальность относительно любой точки земного шара, т. е. глобуса. Они затрагивают интересы не только человечества в целом, но и отдельных людей практически в любой точке планеты, являясь объективным фактором мирового экономического роста и социального развития и оказывая значительное влияние на развитие отдельных стран и регионов. При этом их решение предполагает объединение усилий абсолютного большинства людей планеты, а также различных государств и организаций на международном уровне; в то же время отсутствие должного внимания к ним грозит серьезными последствиями для будущего всего человечества.

Среди важнейших глобальных проблем современности сегодня, как правило, выделяются:

- проблема предотвращения войны и сохранения мира;
- проблема преодоления разрыва в социально-экономическом развитии различных стран;

- обеспечение экологического равновесия во взаимодействии природы и общества и достижение устойчивого развития;
- осуществление контроля над демографическими процессами;
- приведение в соответствие потребления энергетических и сырьевых ресурсов с их реальными запасами на планете;
- обеспечение продовольствием и другими средствами существования растущего населения планеты;
- проблемы здравоохранения и создание оптимальных условий для здорового образа жизни;
- искоренение неграмотности и развитие системы образования и др.

Количество глобальных проблем не является строго определенным, и у разных авторов их список, как правило, несколько изменяется, хотя важнейшие проблемы обычно всегда называются.

В последние десятилетия в число таких основных глобальных проблем добавилась *угроза со стороны международного терроризма и преступности*, которая уже стала, по сути, специфической *мировой войной* со своими особенностями, где отсутствует линия фронта, но есть противники, один из которых невидим. Все больше и больше стран втягиваются в эту новую войну с применением всевозможных средств ее ведения — от идеологических и информационных сражений до массового истребления людей и масштабных разрушений посредством использования в том числе самых современных видов оружия. Как отмечают эксперты ведущих аналитических центров США, оценивая перспективу такого противостояния, «недружественные государства, террористы, торговцы оружием и военными технологиями, наркомафия и организованная преступность воспользуются новыми средствами высокоскоростной передачи информации и другими технологическими достижениями для объединения своей незаконной деятельности, что усугубит угрозу стабильности и безопасности по всему миру»¹.

К числу надвигающихся новых опасностей относится также и *проблема обеспеченности пресной водой*. Так, практически все прогнозы показывают, что к концу XXI в. питьевая вода станет не менее ценным ресурсом, чем ресурсы энергетические или сырьевые. Учитывая, что четыре пятых поверхности Земли покрыты водой, такое утверждение на первый взгляд может показаться необоснованным. Но человеку нужна *пресная вода*, а ее относительно немного и распределена она далеко не равномерно. В частности, 97,5% всех водных запасов планеты — это соленая вода морей и океанов, а оставшиеся 2,5% — вода пресная, но практически вся она сосредоточена в ледниках (в том

¹ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национального разведывательного Совета США. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 16.

числе приполярных) и подпочвенных водах, а то, что доступно человеку, — вода рек, озер, водохранилищ — это всего лишь около 0,007% поверхностных вод Земли. При этом если в России, например, нет практически никаких ограничений с потреблением пресной воды, то европейцы или японцы довольствуются уже 265 литрами в сутки на человека, тогда как почти половина африканского населения вообще не имеет доступа к чистой питьевой воде, а в Объединенных Арабских Эмиратах она и сегодня стоит уже не меньше, чем нефть.

По мнению специалистов, недостаток воды и трудности с ее распределением станут основной проблемой уже в первой половине XXI в. для Среднего и Ближнего Востока, Африки к югу от Сахары, Южной Азии, а также для Северного Китая. Поэтому весьма правдоподобными выглядят многие прогнозы, в соответствии с которыми эта проблема, имея тенденцию к обострению и являясь источником потенциальных конфликтов разного масштаба, в перспективе будет одной из важнейших проблем человечества. Однако не со всеми опасностями и трудностями, сопутствующими человечеству, складывается такая относительно ясная ситуация.

За три последних десятилетия понятие «глобальные проблемы современности» вошло во все языки мира и прочно закрепилось в массовом сознании, в том числе нередко и в качестве расхожего термина, применяемого к событиям и явлениям, которые не относятся к разряду глобальных. Так происходит, когда пренебрегают точностью формулировок или отождествляют «свое» и «общечеловеческое», — например, имея в виду социальные проблемы какой-либо отдельной страны, именуют их глобальными.

В науке эта задача решается путем выделения соответствующих критериев, по которым какая-либо проблема идентифицируется как глобальная и тем самым отделяется от множества других проблем, природы, масштабы и характер которых иные. В основном эти вопросы активно обсуждались и получили соответствующее решение в 70–80-е гг. XX в., но процесс этот не окончен, и даже в научной литературе все еще можно встретить отличающиеся точки зрения на критерии глобальности¹. Связано это с тем, что на основании только тех критериев, которые широко используются теперь, не всегда представляется возможным дать однозначный ответ в отношении сущностных характеристик той или иной проблемы и таким образом бесспорно отнести ее

¹ См.: *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности. Научный и социальный аспекты. М., 1981; *Хозин Г. С.* Глобальные проблемы современности. М., 1982; *Чумаков А. Н.* Философия глобальных проблем. М., 1994; *Глобалистика: энциклопедия.* М., 2003; *Year-Book of World Problems and Human Potential.* Compiled and published as a joint project by the secretariats of Union of International Associations and Mankind 2000. Brussels. 1976; *Horz H.* Globale Probleme der Menschheitsentwicklung // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie.* 1982. № 11.

к разряду глобальных. Не стоит сбрасывать со счетов и субъективный фактор, о котором уже упоминалось выше, когда за подменой понятия стоит чей-либо интерес.

Поэтому вопрос о том, насколько может быть расширен список собственно глобальных проблем в соответствующий момент времени, очевидно, еще долго, если не всегда будет оставаться открытым. Важно, однако, отметить то, что у специалистов в определении основных глобальных проблем серьезных разногласий не наблюдается, так как существующих критериев для их идентификации вполне достаточно. Важнейший из них состоит в том, что такие проблемы представляют собой комплекс острейших социоприродных противоречий, затрагивающих мир в целом, а вместе с ним и все его регионы, различные страны, и в отличие от проблем «региональных», «локальных», «частных» имеют общечеловеческую значимость. При этом следует принять во внимание, что существует принципиальное отличие действительно глобальных проблем, которые имеют региональные, локальные и даже частные проявления, от собственно региональных, локальных, частных (не говоря уже о национальных и т. п.) проблем, сущность которых иная, а сфера влияния значительно уже.

Это означает, что всегда найдутся страны и отдельные сообщества людей, которые по отношению к тем или иным региональным, локальным, частным проблемам будут находиться в ситуации внешнего наблюдателя, в то время как по отношению к глобальным проблемам таких отрешенных, внешних наблюдателей не может быть в принципе. Все страны и народы так или иначе оказываются вовлеченными в общемировые события, становятся вольными или невольными, прямыми или косвенными участниками, игроками, действующими субъектами, жертвами, заложниками процессов глобального характера и их последствий. Поэтому если рассматривать проблемы различного уровня как конкретное выражение философских категорий «общее», «особенное», «единичное», то частные проблемы выступают как единичные; локальные и региональные — как особенные; а глобальные — как всеобщие. Следовательно, проблема лишь тогда может считаться глобальной, когда она является актуальной относительно любого региона планеты, т. е. проявляется в каждом из них. В противном случае речь будет идти о проблемах одного или нескольких регионов либо проблемах еще более мелкого масштаба.

Такой подход к выделению глобальных проблем позволяет преодолеть множество разночтений и взглядов, довольно часто встречающихся в специальной литературе, на то, какие же проблемы следует считать собственно глобальными. Отметим также, что, указывая на признаки глобальности, мы не делаем очевидными явления, прежде скрытые от взора. Сама жизнь, реальная действительность выявляет общечеловеческие проблемы; и они сами заявляют о себе в свое вре-

мя, являясь закономерным результатом развития общества на определенном историческом этапе. Названные же критерии позволяют лишь отличить собственно глобальные проблемы от всех остальных, а также установить приоритет, первостепенную значимость той или иной проблемы для всего человечества и тем самым дают возможность адекватно на нее реагировать и предопределять дальнейшие шаги, направленные на ее теоретическое и практическое решение.

§ 2. Рай на Земле

Человечеству в целом, как и отдельным обществам, да и каждому отдельно взятому человеку, неизменно хочется избавиться от своих проблем, во всяком случае сделать так, чтобы они напоминали о себе как можно меньше. И если абстрагироваться от деталей и посмотреть на прошлое через призму того, чего люди желали в своей жизни больше всего, например, в минувшем XX в. или в еще более ранние времена, то ответ оказывается на поверхности — всегда и в первую очередь *они желали рая на Земле*. Или, другими словами, идеального общественного устройства.

Во времена, когда люди ошущали непосредственную зависимость от природы, они предусмотрительно переносили «золотой век» в прошлое, и, таким образом сохраняя идеал, не ставили перед собой задачи его реализовать. Церковь также была предусмотрительна, помещая рай на небеса и призывая к праведной жизни в реальном мире во имя вечной жизни в мире потустороннем, которую многие художники представляли как предел мечтаний, высшее блаженство, но все-таки изображали при этом вполне земные пейзажи, где человек, как они верно интуитивно угадывали, только и может получить райское наслаждение. Знаменитый *триптих великого нидерландского художника эпохи Раннего Возрождения И. Босха «Сад наслаждений»* наилучшим образом передает подобные настроения и наглядно отражает извечные грезы человека о царстве молочных рек и кисельных берегов.

Однако под влиянием нараставших успехов технической цивилизации усиливалось и самомнение человека, росло его потаенное желание создать рай на Земле. Так, начиная с эпохи Возрождения наблюдаются уже не единичные случаи появления социальных утопий, как было, например, в Античности, если вспомнить «Атлантиду» Платона или идеи китайского философа Лао-цзы, а целая серия идеальных конструкций земного рая, как это виделось Т. Мору, Т. Кампанелле, Т. Мюнцери и др. Затем были утопии периода буржуазных революций, представленные Ж. Мелье, Г. Мабли, Э.-Г. Морелли, А. Сен-Симоном, Ш. Фурье, Р. Оуэном и др. Наконец, грандиозная утопия построения коммунизма, вылившаяся в неисчислимые беды и страдания многих миллионов людей, уверовавших в возможность достижения «светлого

будущего», которое якобы можно построить собственными руками, и не где-то и когда-нибудь, а здесь, на Земле, причем в обозримой перспективе. Такие идеи, очевидно, имманентно присущие человеку, всегда находили особенно благоприятную почву именно тогда, когда наступали тяжелые времена или проваливалась очередная попытка осчастливить род людской, а затем следовало разочарование, сопряженное с периодами упадка, апатии, безвременья.

Очередной всплеск активности утопического сознания был отмечен также в начальный период эпохи «покорения» космоса, когда с большим энтузиазмом рассуждали о якобы реально существующих на других планетах «прекрасных, сказочных мирах», о безграничных возможностях колонизации космического пространства и т. п. Оптимистические настроения тех лет хорошо передают слова из популярной песни 1960-х гг., где утверждалось, что «и на Марсе будут яблони цвести». Подобные идеи родились даже несколько раньше усилиями таких представителей «русского космизма», как Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский и др. Федоров, развивая запредельные идеи «патрофикации» (воскрешения отцов), полагал, что проблема избыточного населения Земли будет благополучным образом решена за счет расселения людей в космосе, который станет также источником полезных ископаемых и энергии для все возрастающего населения, а Земля будет превращена в космический корабль — «земноход». Циолковский полагал, что космос является «бездонной кладовой» всевозможных ресурсов для человечества и местом расселения будущих поколений, которые по мере исчерпания ресурсов на Земле завоюют все околосолнечное пространство, создав «эфирные острова» — космические колонии.

Итак, у человека, многократно разочаровывавшегося в возможности построения собственными силами рая на своей планете, всегда была иллюзия о каком-то неземном, потустороннем рае или о каких-то космических благоприятных условиях для полноценной жизни людей. Но пришло время сказать то, что, быть может, не каждому хотелось бы услышать (ибо и сегодня немало тех, кто не только согласен, но и хочет жить в плену иллюзий), сказать именно теперь, когда у человечества, по меркам его истории, остается слишком мало времени для того, чтобы предаваться бесплодным иллюзиям и эфемерным размышлениям в то время, когда необходимы осмысленные и ответственные действия: *люди всегда заблуждались и, более того, глубоко обманывались на этот счет!*

Нигде и никогда во Вселенной не было, нет и не будет другого рая, кроме того, который уже есть на Земле. Именно он — этот земной мир, и есть самый настоящий рай — рай для каждого реального, настоящего, живого, а не вымышленного человека, такой, который максимально соответствует абсолютно всем его жизненным потребностям (материальным и духовным), всем его чаяниям и надеждам, капризам и прихо-

тям, грезам и самым смелым фантазиям. Это и есть тот единственный мир, где человек может чувствовать себя предельно комфортно, уютно, в полном достатке.

И если этот мир становится для людей адом, то это уже проблема не природного свойства, а самого человека, который в стремлении построить идеальное общество совершает насилие над несогласными, над окружающей его природой и в конечном счете получает прямо противоположное тому, к чему изо всех сил стремился. Как отмечает в этой связи крупнейший философ XX в. К. Поппер: «Можно искать небесный град в прошлом или в будущем, можно звать “назад к природе” или “вперед к миру любви и красоты”, но это всегда — призыв к нашим эмоциям, а не к разуму. Даже лучшие намерения создать на земле рай могут превратить ее только в ад — в ад, который человек — и только он — может создать своим собратьям»¹.

Другими словами, *человеку не нужно создавать рай на Земле. Он уже существует, ибо именно здесь, на нашей планете, и без креативного, преобразующего активизма человека есть абсолютно все, что нужно людям для их счастливой, полной радости жизни:* изобилие воды и фантастическое разнообразие продуктов питания, богатейшие энергетические и сырьевые ресурсы, наконец, широчайший диапазон климатических и природных условий, которые при необходимости с помощью современных научно-технических достижений могут поддерживаться на идеальном уровне на протяжении любого заданного времени. А вот что действительно человеку следует сделать (и ввиду необходимости предстоит сделать, если это в принципе возможно) — так это разобраться в себе самом и своих отношениях с братьями по разуму и окружающей средой, чтобы сполна воспользоваться всем тем, что людям так щедро даровала земная природа.

Итак, нигде в мире больше нет и быть не может таких же, как на Земле, а тем более еще лучших, действительно райских условий для того, чтобы человек мог в полной мере реализовать себя в качестве и биологического (чувствующего), и социального (мыслящего) существа, ибо он и продукт, и плоть от плоти этой и именно этой природы — всецело соответствующий ее естественным условиям и параметрам (что, собственно, справедливо и в обратном отношении), идеально «подогнанный» под нее, «выкроенный», «вылепленный» из ее материала, т. е. «выходящий» из нее и в нее же, в конечном счете, уходящий.

Как отмечает один из крупнейших специалистов по проблемам современной глобалистики Э. Ласло, «парадигма, возникающая ныне в науках, изучающих сознание, согласуется с тем, что выходит на первый план в новой физике и в новой биологии. Новая парадигма свидетельствует о том, что между объектами, сосуществующими

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 211.

в космосе и биосфере, имеется постоянная связь и коммуникация, и что человеческое сознание является развивающейся частью этой сети взаимосвязей, покрывающей планету... Мы неотделимы друг от друга и от планетарной окружающей среды. Мы все участники действия природы: взаимодействуя друг с другом, мы простираем свое воздействие на биосферу, которая, в свою очередь, уходит корнями во Вселенную»¹. И более того, даже здесь, на Земле, каждый человек чувствует себя наиболее комфортно именно там, где он родился, где прошло его детство, взросление, становление личности.

Например, для бедуина жаркий климат и пустыня гораздо более привлекательны, нежели ядерный мороз и снежная зима, в то время как представители северных народов жаркому климату предпочтут стужу, а раскаленному на солнце песку скрипящий на морозе снег. Примечательной в этом отношении является беседа с чукотскими детьми, которые, впервые побывав на черноморском побережье в детском оздоровительном лагере, с восхищением рассказывали, как им понравилось теплое море, обилие зелени, цветов и т. п. Однако на вопрос, хотели ли бы они там жить постоянно, дети ответили отрицательно, добавив при этом, что в тундре лучше. Если это и шутка, то очень похожая на правду.

Итак, любая попытка поместить человека в еще «лучшие» условия по определению может означать лишь одно — неминуемое ухудшение привычной и, следовательно, комфортной для него среды. За изменением же среды обитания в лучшем случае должна последовать соответствующая адаптация, как правило нежелательная и всегда имеющая для любого живого организма те или иные последствия и точно определенные пределы, за которыми наступает как минимум дискомфорт или элементарная деградация, а то и вовсе смерть.

Разумеется, как любой другой живой организм, и человек в отдельности, и общество в целом были, есть и всегда будут связаны с определенным набором сопутствующих им проблем, устранить которые полностью можно лишь ценой смерти живого организма. Поэтому гармонизация отношений человека с окружающей средой, сведение к возможному минимуму сопровождающих его проблем и трудностей является важнейшей жизненной задачей и человека, и общества.

Люди верующие, в том числе верующие в загробную жизнь, могут возразить, что для рая небесного такие рассуждения некорректны, ибо в этом случае дело касается бытия чистой души, потусторонних сфер... Но при таком повороте дела разговор выходит за пределы разума и покидает сферу даже фантастического будущего (см. § 8 гл. IV настоящей книги), где еще можно обнаружить хоть какой-то элемент знания, и перемещается в область верований, субъективных переживаний, домыслов и представлений, где сомнениям и голосу разума не придается

¹ Ласло Э. Макросдвиг (к устойчивости мира курсом перемен). М., 2004. С. 163–164.

большого значения. Там почетное место уготовано не знаниям, а вере, не рассуждениям, а молитвам, не аргументам, а «истине в последней инстанции» — слову от Бога, и потому любые дискуссии переходят в другую плоскость — запредельную.

Но можем ли мы не принимать во внимание реальное положение человека на Земле, когда его все более активная деятельность подрывает естественные основы как его собственного существования, так и планетарной жизни вообще. Еще в XIX в. Ф. Энгельс высказал мысль, которая теперь приводится практически в любом учебнике по экологии: «Людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их вместе с лесами центров скопления и сохранения влаги... Еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставят без воды свои горные источники, с тем чтобы в период дождей эти источники могли изливаться на равнину тем более бешеные потоки»¹. С тех пор как были сказаны эти слова, повторяемые на разные лады и, казалось бы, основательно усвоенные еще со школьной скамьи, прошло более 130 лет, причем таких, когда и представление о законах взаимодействия природы и общества существенно изменилось, и преобразующие возможности человека несоизмеримо выросли, но, по существу, не изменилось отношение людей к природе, к тем основам жизни, уничтожив которые, человек уже нигде помимо Земли не сможет их воссоздать. Иначе говоря, за указанное время, огромное по меркам динамично развивающегося мира, человечество так и не сделало должных выводов, так ничему и не научилось, о чем не без иронии пишет И. В. Бестужев-Лада: «На протяжении всей истории человечества, вплоть до самых последних лет люди большей частью в основном относились к породившей их матери — земной природе как малый ребенок к злой мачехе. Они боялись ее, униженно молили ее о милости, а где могли — торжествовали над ней свои маленькие победы. Справедливости ради надо сказать, что и природа далеко не всегда баловала людей приятными сюрпризами. Нередко она беспощадно стирала с лица земли целые села и города, целые племена и народы»².

Подводя итоги сказанному, отметим, что *проблемы человечества* — категория подвижная и динамичная. Они изменялись в процессе развития самого человека, роста уровня социальной организации и степени освоения им территориальных пространств. По мере того как увеличивалось население, расширялись и вовлекались в хозяйственную деятельность все новые и новые территории, росли мощь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 496.

² Бестужев-Лада И. В. Мир нашего завтра. М.: Мысль, 1986. С. 171.

социума и его техническая оснащенность, — изменялся и характер сопутствующих проблем. Это очень похоже на то, как по мере взросления конкретного человека изменяется и характер, масштаб его личных проблем — от «катастрофы» потери игрушки в детском саду и полученной в школе «роковой» (как кажется хорошему ученику) двойки до неожиданной потери, например, работы в зрелом возрасте и различных заболеваний в старости.

Точно так же и у человечества в целом по мере его перехода к новому состоянию — глобальному — помимо всех существующих уровней трудностей и забот, которые никуда не деваются, просто по определению не может не быть новых проблем, но теперь уже мирового масштаба. Другими словами, у *глобального человечества* и проблемы соответствующие — *глобальные*, а поэтому ставить, например, задачу их преодоления, как то еще нередко предлагают некоторые исследователи и политики, значит просто не понимать сути происходящего.

«Преодолеть глобальные проблемы», «ликвидировать глобальные угрозы» или «справиться с общечеловеческими проблемами», «элиминировать» их из жизни общества — не только нереальная задача, но в принципе неверно сформулированная установка, задающая и соответствующее видение ситуации, и определенную программу действий. В конечном счете все это может оказаться не таким уж безобидным заблуждением, ибо не только не сулит положительных результатов, но и грозит потерей драгоценного времени, разочарованием и утратой веры в собственные силы, так как при таком походе ставится цель решить задачу, у которой при данной постановке вопроса не может быть решения в принципе.

Неудивительно, что многие авторы с таким видением ситуации зачастую говорят о «тупике», в который зашло современное человечество, о необходимости выйти из этой, как им кажется, «западни» глобальных противоречий. Но в тупиках оказывается не человечество, а наше сознание, которое, следовало бы заметить, может не только объяснять, но и творить мир, делая его более или менее приемлемым для нормальной жизни людей. Однако каким бы этот мир ни оказался, в конечном счете он никогда не будет бесконфликтным, лишенным противоречий и проблем, в том числе и всеобщих.

Итак, глобальные проблемы раз и навсегда решить нельзя; однажды появившись, они будут теперь неизменно сопутствовать мировому сообществу, и решать их придется постоянно. С этим надо смириться и научиться жить, понимая, что ослабление внимания к глобальным проблемам сулит большие неприятности, а то и катастрофу. Это новая реальность, новое качество изменившегося (нового) человечества. И нужно признать, что глобальное человечество, пока оно будет оставаться именно в таком качестве, будет вынуждено иметь дело с различными проблемами, в том числе такого же, как оно само, — гло-

бального — масштаба. Дело теперь заключается лишь в том, чтобы эти проблемы представляли по возможности наименьшую угрозу и не подрывали основы существования жизни на Земле. Задача эта вполне по силам, но только не отдельным сообществам или государствам, а всему человечеству в целом.

§ 3. Глобальные проблемы как реальность

Впервые проблемы глобального масштаба привлекли широкое внимание мировой общественности и стали предметом серьезных научных дискуссий с конца 60-х — начала 70-х гг. XX в., когда дисбаланс в отношениях общества с природой достиг угрожающих размеров, а адекватные действия не только на международном, но и на национальном уровне практически отсутствовали. Довольно быстро *экологическая проблематика*, а затем и другие угрозы мировому сообществу, такие как *неконтролируемый рост населения, обеспечение продовольственными, сырьевыми, энергетическими ресурсами, угроза термоядерной войны* и т. п., получили широкий резонанс в первую очередь в развитых капиталистических странах, где высокие темпы социально-экономического развития и потребления природных ресурсов раньше других натолкнулись на естественные барьеры. Окончательное же понимание новой реальности наступило после публикации в 1972 г. сенсационного первого доклада Римскому клубу «Пределы роста», когда стало очевидным, что безграничный социально-экономический рост невозможен уже в силу естественных ограничений планеты и ее ресурсов. Это породило волну исследований, движений, протестов и создание многочисленных природоохранных структур и организаций — от политически активных «зеленых» до всевозможных государственных и негосударственных институтов, клубов ученых, комиссий специалистов и т. п. На фоне предшествующих относительно благополучных десятилетий все это выглядело настоящей революцией в устоявшихся взглядах, крушением прежних мировоззренческих принципов и оснований.

Еще в начале 60-х гг. XX столетия, казалось, ничто не могло изменить технооптимистских, прогрессистских настроений, которые возобладали к тому времени практически во всем мире, разделенном тогда на три больших лагеря — капиталистический, социалистический и развивающийся («третий мир»). Западная экономика была на подъеме. СССР, который преодолел послевоенную разруху, запустил человека в космос и быстрыми темпами наращивал ресурсо- и энергодобычу, будучи окрылен этими успехами, принял в 1961 г. двадцатилетнюю Программу построения коммунизма¹. В «третьем

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 1–3. М.: Госполитиздат, 1962.

мире» на фоне противостояния двух систем разворачивались активные процессы деколонизации. Казалось, что предела экономического и социального развития не будет достигнуто никогда.

Сигналы предупреждения последовали от естественной природы, которая все настойчивее стала заявлять свой «протест» сохнувшими деревьями и прогрессирующим исчезновением живых организмов, превращением рек в сточные каналы, озер — в канализационные отстойники, городов — в каменные джунгли, пригородов — в мусорные свалки, сельскохозяйственных угодий — в химические лаборатории и полигоны и т. п.

То, что именно экологическая проблематика вышла на первый план, объясняется как минимум тремя причинами.

Во-первых, почти за два столетия интенсивного промышленного производства произошло такое количество выбросов вредных веществ в окружающую среду, что негативные качественные изменения в ней оставались только вопросом времени.

Во-вторых, в результате научно-технической революции в мире в целом резко возросли темпы и объемы антропогенного воздействия на природу, которые только ускорили деградацию окружающей среды.

И наконец, в-третьих, масштабы экономической деятельности и область деградирующей среды обитания человека достигли предельных значений, т. е. стали планетарным явлением, и в ограниченном, «замкнутом» таким образом пространстве возник *эффект экологической интерференции*, т. е. наложения экологических проблем одних регионов на другие. В итоге экологические проблемы стали «резонировать», трансформируясь в экологические кризисы прежде всего там, где была концентрация производства, соответствующая роза ветров, наиболее интенсивные транспортные потоки и т. п.

Все это вызвало живой интерес к вопросам использования ресурсов и охраны природной среды и сделало чрезвычайно популярным к тому времени малоизвестный термин «*экология*», который до этого почти сотню лет «незаметно» употреблялся в биологии для характеристики отношений живых организмов с окружающей средой. Всего за несколько лет, уже к началу 1970-х гг., экологический бум породил множество направлений научных исследований, социальной активности, политических течений.

Резко возрос интерес к В. И. Вернадскому и к его концепции биосферы и ноосферы. В итоге появилось множество новых сфер научно-прикладного знания («*социальная экология*», «*экология человека*», «*глобальная экология*», «*экология города*», «*агроэкология*», «*инженерная экология*», «*экологическое право*» и т. п.), значительная часть из которых до настоящего времени все еще не имеет четких границ или статуса научных дисциплин, так как в современной науке наряду с дифференциацией все больше обнаруживаются и набирают силу новые, пока

еще недостаточно исследованные интеграционные процессы, обусловившие появление вышеназванных образований.

Возросший интерес к экологии и расширительное ее толкование выразились и в таких расхожих выражениях, как «экология духа», «экология политики», «экология образования», «экология общения» и др., которые встречаются теперь сплошь и рядом. Они, хотя и кажутся на первый взгляд актуальными и звучат привлекательно, «в духе времени», но практически бессодержательны, так как акцентируют внимание на вещах, не имеющих аналогов в действительности, а потому скорее вредны, чем полезны, ибо действительно важные и актуальные проблемы подобной терминологией не столько проясняются, сколько «забалтываются».

В этой связи заметим, что экологические проблемы соотносятся как правило, с деятельностью человека, что лишь отчасти соответствует действительности. На самом же деле, исходя из этимологии слова, а также из современных представлений об *экологических проблемах*, их следует определять как результат такого *взаимоотношения живых организмов с окружающей средой, при котором наступает устойчивое превышение предельно допустимых параметров воздействия этих организмов на природную среду, в результате чего она теряет естественную способность к самовосстановлению и начинает деградировать*.

В этом плане человек не отличался от других живых существ вплоть до неолитической революции, т. е. пока не стал целенаправленно воздействовать на природу, занявшись земледелием, скотоводством, а затем и урбанизацией. Развитие производящей экономики значительно усилило антропогенное воздействие на природную среду, в результате чего в локальных масштабах превышения предельно допустимых параметров такого воздействия стали более частыми и интенсивными, а социальная экология все больше закрывала собой, втягивала в свою орбиту экологию других живых организмов. Именно это следует иметь в виду, когда речь идет об истоках современной экологической ситуации, нередко практически полностью воспринимаемой через призму жизнедеятельности только человека. В специальной литературе эти вопросы нашли уже достаточно полное освещение и потому могут быть опущены в нашем рассмотрении¹. Неплохо изучены также условия

¹ См.: Гирусов Э. В. Система «Общество — природа». М., 1976; Лось В. А. Человек и природа. М., 1978; Мазур И. И., Молдаванов О. И. Введение в инженерную экологию. М., 1989; Гирусов Э. В. Основы социальной экологии. М., 1998; Экологический энциклопедический словарь. М., 2000; Философия экологического образования / под ред. И. К. Лисеева. М., 2001; Научные аспекты экологических проблем: Труды Всероссийской конференции. В 2 т. / под ред. Ю. А. Израэля. М., 2002; Ильин И. В., Иванов А. В. Введение в глобальную экологию. М.: Изд-во МГУ, 2009; Fox W. Toward a Transpersonal Ecology: Developing New Foundations for Environmentalism. Boston, 1990; Mathews F. The Ecological Self. London, 1991; Roszak Th. The voice of the earth, 1992; Our Global Neighborhood. The Report of the Commission on Global Governance Oxford: Oxford University Press, 1995; Sessions G. Deep Ecology for the Twenty-First Century. 1st. ed. N.Y., 1995; Global Environmental Outlook 2000. UNEP. London, 1999; Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: Taus, 2010.

и основные причины появления во второй половине XX в. собственно глобальных экологических проблем, что также позволяет в данном контексте оставить без внимания их генезис¹.

И все-таки главный итог экологического бума в начале 1970-х гг. состоит в том, что в предельно сжатые сроки мировое общественное сознание повернулось лицом к проблемам окружающей среды, озабочилось ее состоянием, стало искать нестандартные решения и предпринимать практические действия для устранения негативных последствий техногенного развития. Началась структурная перестройка экономики, наиболее зримо проявившаяся в развитых капиталистических странах, особенно после мирового энергетического кризиса 1972 г. На смену старым энергоемким и неэкологичным промышленным предприятиям, расположенным, как правило, в городской черте, пришли энерго- и ресурсосберегающие технологии, применяемые за пределами городов. В результате введения жестких норм на предельно-допустимые концентрации (ПДК) выбросов предприятий последние стали оснащаться очистными сооружениями, фильтрами стали создаваться соответствующие, экологические службы. Автомобильный транспорт — один из самых активных загрязнителей окружающей среды — получил оборудование, значительно снижающее выброс вредных веществ в атмосферу. В развитых странах резко снизилось бытовое энергопотребление за счет теплоизоляции крыш, установки пластиковых окон и датчиков, автоматически регулирующих температуру комнатных батарей, создания оптимально функционирующих бытовых приборов и т. п.

В результате многие города Европы и Северной Америки, Японии перестали быть экологически неблагополучными, а, например, в Великих озерах (США, Канада) вновь появилась рыба.

Предпринятые шаги, однако, потребовали больших материальных затрат и перераспределения ресурсов из других сфер — социальной, культурной, военной, что сразу же обнаружило тесную зависимость экологических проблем от многих других — проблем образования, воспитания, национальной безопасности и т. п. С другой стороны, на фоне попыток преодолеть возникшие трудности силами отдельных

¹ См.: Глобальные проблемы современности / отв. ред. акад. Н. Н. Иноземцев. М., 1981; Глобальные проблемы современности / сост. И. Т. Фролов. Вып. 1–4. М., 1984; Чумаков А. Н. Философия глобальных проблем. М., 1994; Яновский П. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999; Глобалистика: энциклопедия. М., 2003; XXI век: на пути к единому человечеству?: материалы международной конференции. М., 2003; Глобальные проблемы современности и молодежь: сб. докладов. М.: МАКС Пресс, 2005; Paucke H. Globale Probleme und der Menschheitsfortschritt // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1982. № 12; Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford, 1987; Gore A. Earth in the balance. Plume. N.Y. 1993; Parry M. [et al.] Climate Change and its Impacts: A Global Perspective. 1997; Held D. [et. al.] Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge, 2000.

государств зримо высветился глобальный аспект экологической проблемы, так как промышленные выбросы в атмосферу не знают границ, сточные неочищенные воды попадают в реки, загрязняя также сопредельные государства, а в конечном счете и Мировой океан. Аварии с нефтеналивными танкерами, авиационные и космические полеты также негативно влияют на окружающую среду, и в итоге экономическое благополучие одних стран вынуждены оплачивать другие за счет деградации своей природы и дополнительных затрат на ее восстановление.

Так от рассмотрения собственно экологических проблем и осознания их глобальности очень скоро пришли к пониманию того, что существует совокупность различных проблем такого же масштаба, среди которых, пожалуй, не менее актуальными являются: *проблема неконтролируемого роста населения, предотвращение ядерной войны и сохранение мира, преодоление социально-экономической отсталости развивающихся стран и др.* В немалой степени такому повороту способствовали принципиально новые возможности, которые давала начинавшаяся тогда информационная революция. Благодаря широкому использованию вычислительной техники и компьютерного моделирования стало возможным осуществление комплексных междисциплинарных исследований с экстраполяцией в будущее сложнейших социально-экономических процессов и их последствий.

Значительную роль в этом отношении сыграла деятельность *Римского клуба*, особенно его целенаправленные исследования отдельных глобальных проблем и их совокупности, которые стали проводиться известными учеными и специалистами по заказу этой международной общественной организации и в основу которых был положен сетевой принцип организации труда. Специалистам хорошо известны те первые этапы становления западной глобалистики, которые детально описал А. Печчеи¹, основатель и первый президент Римского клуба. Теперь его книга и доклады этой авторитетной международной организации переведены на многие языки мира и получили широкую известность.

Но как бы высоко ни оценивать последнюю треть XX в. в деле прояснения и формирования глобального сознания, не стоит забывать, что процессы становления человечества как единого целого своими корнями уходят в далекое прошлое — ко временам неолитической революции, в то время как подлинные черты такого единства стали обретать реальные контуры только с эпохи Великих географических открытий, а осознаваться наиболее пронизательными умами стали и того позже — лишь со второй половины XIX — начала XX в.

Среди тех, кто первым обратил внимание на актуальность этой тематики, были Т. Мальтус, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, а в дальнейшем процессы глобализации и их послед-

¹ См.: Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.

ствия (хотя такая терминология тогда еще не употреблялась) серьезно обсуждались и исследовались В. И. Вернадским, П. Тейяром де Шарденом, К. Ясперсом, А. Эйнштейном, Б. Расселом, А. Тойнби и др.¹ Таким образом, исследование целостности человечества и его единой судьбы как научное направление, хотя и выкристаллизовывалось достаточно долго, объективно сформировалось лишь к середине 1960-х гг., предопределив не только появление многочисленных государственных и частных организаций, но и вовлечение практически всего гуманитарного и естественно-научного знания в новую сферу исследований, ибо по мере того, как вскрывались все новые негативные последствия глобализации мирового хозяйства, росло число ученых, политиков, общественных деятелей, которые направляли свои усилия на осмысление принципиально новой ситуации и поиск эффективных путей решения возникших проблем. В конечном счете, именно таким образом в значительной степени и сформировалась глобалистика.

§ 4. Становление глобалистики

Зарождение глобалистики приходится на конец 60-х — начало 70-х гг. XX столетия, когда впервые, практически одновременно в различных странах, впервые заговорили о глобальных угрозах всему человечеству, а в печати и средствах массовой информации стали активно обсуждаться различные проблемы, которые несколько позже получили название «глобальных». Тогда же наряду с дифференциацией научного знания, веками сопровождавшей науку, возникла настоятельная необходимость в интеграции теоретических и практических знаний, направленных на изучение новых явлений, которые отличались масштабностью, целостностью и сложной системой взаимоотношений как внутри самих глобальных проблем, так и в их связи с экономической, социальной, политической сферами.

Таким образом, *глобалистика* изначально стала складываться и как *принципиально новое научное направление*, где на первый план выступили интеграционные процессы, и как *сфера общественной практики*, охватывающей международную политику, экономику и даже идеологию. Ее появление было своеобразным ответом на вызов времени. Этому способствовало и то, что сначала в промышленно развитых, а затем и в других странах резко ухудшилась экологическая обстановка, что стало следствием усугубившегося дисбаланса в отношениях человека с окружающей средой. Вскоре выяснилось, что это тесно связано с другими противоречиями, достигшими планетарного масштаба: *гонимой вооружений, неравномерным социально-экономическим развитием отдельных стран и регионов, демографией* и т. п. Вслед за беспреце-

¹ См.: Глобалистика. Персоналии, организации, труды: энциклопед. справочник.

дентным загрязнением окружающей среды наиболее зримо предстали угрожающие тенденции *неконтролируемого роста численности народонаселения, безудержной гонки вооружений, истощаемости природных ресурсов* и т. п., обозначившие серьезную опасность поступательному общественному развитию и даже существованию жизни на Земле.

Количественные и качественные изменения в различных сферах общественной жизни и во взаимодействии общества с природой, исподволь накопившиеся в течение долгого времени, отразили не только сложность, многообразие и динамичность современной эпохи, ее сугубо технократический, сциентистский характер, но и экспансионистские настроения, направленные на безусловное покорение природы. Становилась очевидной антигуманная сущность безудержного роста неэкологичного промышленного производства и ничем не сдерживаемого технического прогресса. Тем самым новая область знаний все больше рассеивала технооптимистские настроения и раскрывала глаза все большему числу людей на то, что мир кардинально изменился, ибо наша планета никогда прежде не подвергалась таким перегрузкам, а человек никогда не вступал в такие противоречия с результатами своего труда, которые сделали его предельно зависимым от научно-технических достижений и незащищенным перед мощью, которую он сам же создал. Дисбаланс в отношениях общества и природы, достигший к тому времени предельно допустимых значений, а также фрагментарность и раздробленность человечества перед лицом глобальных проблем стали очевидны уже не только специалистам, но и обывателям. Однако следует заметить, что некоторые тенденции становления целостного мира и происходящих в нем перемен оказались в центре внимания ученых и философов несколько раньше, чем их заметили все остальные.

Выступившие на первый план и резко усилившиеся во второй половине XX в. процессы глобализации, а также возросшая в этой связи взаимозависимость различных стран и народов обусловили и новый уровень осмысления данной темы. Появились новые международные структуры и организации, в частности такие, чья деятельность была направлена на осмысление глобальных проблем и порождающих их причин, например Институт проблем будущего, который был создан в Вене в 1965 г., международный фонд «Человечество в 2000 г.», основанный тогда же в Нидерландах, Общество по изучению будущего мира, организованное в 1966 г. в Вашингтоне, и др.

Подобных организаций со временем становилось все больше. Однако подлинный интерес к глобальной проблематике проявился после первых докладов созданного в 1968 г. Римского клуба¹ — «Пределы роста» (1972 г.), «Человечество на перепутье» (1974 г.), «Пересмотр

¹ См.: Римский клуб / сост. Д. М. Гвишиани, А. И. Колчин, Е. В. Нетесова, А. А. Сейтов. М., 1997.

международного порядка» (1974 г.), «За пределами века расточительства» (1976 г.) и др. Главной целью этой международной неправительственной организации стало исследование глобальной проблематики, поиск методов решения общечеловеческих проблем, а также привлечение к ним внимания мировой общественности. Первые 2 года инициаторы создания клуба искали своих сторонников по всему свету, пока наконец не пришли к выводу, что ни многоликая научная общественность, ни тем более широкие слои населения еще не поняли в полной мере опасности, нависшей над человечеством. В лучшем случае проявлялось беспокойство по поводу того, что происходило рядом, хотя были и авторитетные выступления, и предупреждающие голоса. Постепенно они нарастали, но носили неорганизованный, стихийный характер, а то и вовсе не находили поддержки, когда об этом заявляли отдельные специалисты.

Основатели Римского клуба вскоре осознали, что одними воззваниями и призывами ситуацию не изменить. Необходим был иной образ действий, который заставил бы людей посмотреть на современный мир и на себя в нем по-другому. А. Печчеи, вспоминая впоследствии то время, писал: «Как будто бы глобальные проблемы, к которым мы стремились привлечь всеобщее внимание, касались вовсе не нашей, а какой-то совсем иной, далекой планеты. Создавалось впечатление, что большинство людей, которых мы встречали в наших странствиях, готовы были всячески приветствовать создание Римского клуба — при условии, однако, что он никоим образом не будет вмешиваться в их повседневные дела и не посягнет на их интересы. В общем, нам оставалось констатировать, что никто не только не выразил готовности уделить на благо будущего всего человечества хоть какую-то долю своего времени, денег или общественного престижа и влияния, но даже, по-видимому, и не верил, что подобные жертвы с их стороны могут привести хоть к каким-нибудь положительным результатам»¹. В итоге А. Печчеи констатировал: «Наши слова нашли не больше отклика, чем проповеди папы римского, увещевания Генерального секретаря ООН У Тана или, скажем, предостережения обеспокоенных ученых и мыслителей. Создавалось впечатление, что их забывали еще до того, как слышали»². Причина такой беспечности заключалась не только в том, что обращения исходили от организации, которая еще никому не была известна, не представляла никакой политической партии, «не отождествляла себя ни с какой идеологией», не имела «единой системы ценностей», «единой точки зрения» и «вообще не стремилась к единомыслию», но и в том, что равнодушие людей проявилось в отношении их собственной судьбы. Они не видели, не осознавали и, что

¹ Печчеи А. Указ. соч. С. 99.

² Там же. С. 99.

более всего удручало членов Римского клуба, не хотели осознавать нараставшие опасности.

Необходима была сенсация. Только нечто абсолютно необычное, шокирующее, способное вызвать «эффект разорвавшейся бомбы», могло заставить широкий круг людей задуматься над своей судьбой, увидеть надвигающиеся опасности. В поисках такого средства обратили внимание на попытки профессора Массачусетского технологического института Дж. Форрестера с помощью математических моделей и компьютерной техники имитировать динамику мировых процессов. Это новое и необычное дело соответствовало основным задачам, поставленным перед Римским клубом. «Нашей целью была высадка десанта, призванного пробить брешь в той цитадели самодовольства, где имело глупость окопаться общество»¹, — вспоминал позже А. Печчеи. Но для этого было недостаточно провести серьезные исследования и сообщить об их результатах, нужно было еще найти необходимую форму подачи материала. Эту триединую задачу блестяще выполнила многонациональная группа ученых, подготовившая первый доклад Римскому клубу под названием «Пределы роста».

Затем последовала серия очередных докладов, обеспечивших Римскому клубу не только мировую известность, но и высокий научный статус, авторитет и влияние в сфере международных отношений, экономики и политики. Так, в 1974 г. по инициативе клуба в Австрии собрались руководители и политические лидеры девяти государств. Участники встречи высказались за разрядку международной напряженности, мир и сотрудничество всех людей на планете. Такая позиция независимой общественной организации позволила ей в следующем году организовать в Мексике аналогичную встречу представителей уже 23 государств. В условиях «холодной войны» члены Римского клуба неоднократно посещали и Советский Союз, выступали с докладами перед советскими учеными, которые с самого начала с большим интересом отнеслись к этой организации, активно обсуждали ее доклады и даже участвовали в подготовке одного из них — «Цели для человечества»².

Римский клуб вписал заметную страницу в историю глобалистики уже тем, что среди многочисленных футурологических организаций, появившихся на волне обострения глобальных проблем, именно он впервые выделил современные проблемы, охватившие всю планету, и поставил вопрос о необходимости заниматься ими во всей их целостности. Ему удалось подключить к этой работе видных ученых и специалистов, а также выполнить задачу принципиальной важности — показать опасность некоторых тенденций развития мировой цивилизации и привлечь к ним внимание всего человечества.

¹ Печчеи А. Указ. соч. С. 119.

² См.: Laszlo E. [et al.] Goals for Mankind. N. Y.: Dutton, 1977.

Члены Римского клуба заставили себя слушать, чего так настойчиво добивались, а неординарными выводами и прогнозами, содержащимися в их докладах, вызвали большой резонанс среди мировой общественности, в научных и политических кругах, оказав серьезное влияние на формирование массового сознания населения планеты. Практические рекомендации многих докладов нередко помогают теперь при прогнозировании социально-экономического развития отдельных стран и регионов. Различные науки широко используют методологические принципы, разработанные и впервые примененные этой организацией.

И хотя среди оценок теоретической и практической значимости работы, проводимой Римским клубом и по его заказу, можно встретить восторженные отзывы, доказывающие несомненную ценность исследований, а также противоположные суждения, в основном преобладают взвешенные оценки и внимательное отношение к полученным результатам. Так, по мнению западногерманского ученого Э. Гертнера, «Римский клуб завоевал большую симпатию среди многих критически настроенных ученых и публицистов благодаря тому, что он называет своими именами те вещи, систематическая недооценка и утаивание которых в западном послевоенном мире были результатом страха разрушить образ “процветающего общества” и “постиндустриального общества” будущего»¹.

Немало высоких оценок этой организации можно найти и в работах российских специалистов. В частности, по мнению Н. Н. Моисеева, исследования Римского клуба утверждают «объективную необходимость поиска новых путей развития нашей цивилизации, необходимость нового понимания процесса мирового развития»². С точки зрения принципиального преодоления современных глобальных проблем данное замечание представляется особенно важным, как и то, что в этих исследованиях проявился передовой уровень современной научной и общественной мысли, глубоко отразились мировоззрение значительной части либерально настроенных научных, политических и деловых кругов Запада и их отношение к животрепещущим проблемам современности. И если некоторым негативным тенденциям мирового развития и мрачным прогнозам, как теперь уже видно, не суждено будет сбыться (по крайней мере в предсказанные сроки), несомненная заслуга в этом принадлежит в том числе Римскому клубу, исследовательские проекты которого очень быстро получили мировую известность и стали теоретической базой современной глобалистики, выполнив не только необходимую эвристическую и методологическую

¹ *Gartner E.* On the «Second Phase» of the Work of the Club of Rome // *Scientific World*. 1976. Vol. 20. № 4. P. 5.

² *Moiseev N. N.* Алгоритмы развития. М., 1987. С. 223.

функции в формировании принципиально новой области междисциплинарного знания, но и сыграв важную просветительскую роль. Таким образом, можно сказать, что глобалистика как особая сфера научных исследований и целостное миропредставление в основном сложилась к концу 1980-х гг. за счет исследования глобальных проблем современности и в последующем получила развитие за счет осмысления процессов глобализации, которые в то время еще оставались вне поля зрения ученых и специалистов, работавших в данной области.

Теперь термин «глобалистика» является неотъемлемой частью языка современной науки, но среди ученых по-прежнему существуют разногласия по поводу того, что он означает. Одни полагают, что это *новая наука*, находящаяся в стадии формирования, другие рассматривают ее как результат интеграции научного знания и определяют как *особую сферу междисциплинарных исследований*, где эти знания вырабатываются¹. По мере развития интеграционных процессов в современной науке сторонников второго подхода становится все больше, поскольку решением глобальных проблем прямо или косвенно занимается все больше конкретных наук, и одной из важнейших задач является установление эффективного взаимодействия между ними. В то же время для преодоления глобальных проблем одних теоретических исследований недостаточно, необходимы также практические действия на различных уровнях — от формирования соответствующего мировоззрения в процессе воспитания и образования до перестройки экономики и международных отношений. Итак, понятие «*глобалистика*» включает в себя наряду с научными изысканиями философские и культурологические исследования, которые, взаимодополняя друг друга, направлены на теоретическое осмысление и практическое преодоление как отдельных проблем глобального характера, так и целостной их системы.

Глобалистика изначально стала складываться как система научного знания, образуемая на стыке философии, естественных, технических и гуманитарных наук, а также как совокупность практических действий (правительственных решений, политических акций, общественных движений и т. п.), ориентированных на анализ и разрешение противоречий общечеловеческого характера. Между тем в этой области еще до появления термина «глобализация» сложились достаточно четкие представления о тенденциях становления мирохозяйственных связей как единой системы и о порождаемых ею глобальных проблемах.

Были выявлены природа и генезис глобальных проблем, определены критерии их выделения и подходы к их систематизации, раскрыта глубокая взаимосвязь не только природных и общественных про-

¹ См.: Чумаков А. Н. Философия глобальных проблем. М.: Знание, 1994. С. 77–80; Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга. 2003. С. 199–215.

цессов, но и вытекающих отсюда противоречий, их обусловленность социальными, экономическими, политическими, идеологическими и научно-техническими обстоятельствами. Важнейшим достижением глобалистики в первые два десятилетия ее развития стала выработка и формирование приемлемого для различных наук языка междисциплинарного общения, разработка и уточнение с этой точки зрения ключевых, принципиальных понятий и категорий, таких, например, как *«глобальная проблема»*, *«экологический кризис»*, *«экологизация производства»*, *«демографический взрыв»*, *«ядерная зима»*, *«глобальная зависимость»*, *«мировое сообщество»*, *«новое мышление»*, *«новый гуманизм»* и т. п.

Эта проблематика и ее разработка нашли отражение в большом количестве специальных книг и научно-популярных изданий, которые сразу вызвали живой интерес и оказали серьезное влияние на мировоззрение целого поколения ученых, студентов, аспирантов, а также на массовое сознание, ибо они издавались большими тиражами, активно цитировались, широко обсуждались. В итоге за относительно короткое время заметные изменения претерпело мировоззрение многих людей, понимание ими того, что человек в гораздо большей степени, чем осознавалось раньше, зависит от природы, окружающей земной и космической среды, а также от расклада сил на мировой арене. Стало очевидным, что взаимозависимость всех сфер общественной жизни в мире неуклонно возрастает, в частности увеличивается воздействие друг на друга различных государств, которые, отстаивая свои сугубо национальные интересы и суверенитет, в условиях глобализации порождают принципиально новые противоречия в международных отношениях. Было установлено, что появление и резкое обострение во второй половине XX в. глобальных проблем — не результат какого-то просчета, чьей-то роковой ошибки или преднамеренно выбранной стратегии социально-экономического развития. Это не «причуды» истории или следствие природных аномалий. Глобальные изменения и вызванные ими общечеловеческие проблемы явились результатом многовековых количественных и качественных трансформаций как в общественном развитии, так и в системе «общество — природа». Причины их появления корнями уходят в историю становления современной цивилизации, породившей обширный кризис индустриального общества, технократически ориентированной культуры в целом. Этот кризис охватил весь комплекс взаимодействия людей друг с другом, с обществом, природой и затронул жизненные интересы всего мирового сообщества.

Итогом такого развития стали не только «демографический взрыв» и глобализация экономики, но и деградация окружающей человека среды, очень быстро обнаружившая тенденцию к деградации и самого человека, поскольку его поведение, представления и образ мышления оказались не в состоянии своевременно меняться адекватно тем

переменам, которые с нарастающей быстротой стали происходить вокруг него. Причиной же ускоренного развития социально-экономических процессов, как показали специальные исследования, явился сам человек и его целенаправленная преобразующая деятельность, многократно усиливаемая все новыми и новыми достижениями в области науки и техники. Только за последние десятилетия в результате стремительного роста научно-технических достижений в развитии производительных сил общества произошло больше изменений, чем на протяжении многих предшествующих столетий. При этом процесс изменений происходил с нарастающей быстротой и неизменно сопровождался все более глубокими и основательными преобразованиями в социально-экономической и научно-технической сферах. К примеру, если от вербального общения к письменности человечество шло около 3 млн лет, от письма к печатанию — примерно 5 тыс. лет, от печатания к таким аудиовизуальным средствам, как телефон, радио, звукозапись, телевидение и т. п. — примерно 500 лет, то для перехода от традиционных аудиовизуальных средств к современным компьютерам и космическим средствам связи потребовалось уже менее 50 лет. Еще более короткими сроки от новых изобретений до их практической реализации стали к концу XX в., измеряясь зачастую уже не годами, а месяцами и даже днями. Подтверждением тому стало беспрецедентное по скорости и масштабам распространение Интернета, электронной почты, радиотелефонной связи. В то же время техника, экономика, наземный и морской транспорт колоссально увеличили мобильность и преобразующие возможности людей, численность которых все еще продолжает увеличиваться угрожающими темпами. Так, если в начале нашей эры все население планеты составляло не более 0,25 млрд человек, отметки в 1 млрд оно достигло только в начале 1800 г., то к 1960 г. численность людей достигла 3 млрд. В XXI в. вступило более 6 млрд человек, а за первые 12 лет нового века добавился еще 1 млрд человек, и теперь нас уже более 7 млрд. В результате на Земле не осталось не только неизведанных мест, но и практически чистых территорий, водного и воздушного пространства, естественное состояние которых не было бы прямо или косвенно подвержено влиянию человеческой деятельности. Все это дало основание называть нашу планету уже к началу 1990-х гг. «общим домом», «островком во Вселенной», «мировой деревней», «космическим кораблем “Земля”», проблемы, которые оказались общими для всех людей, — *глобальными*, а сферу их исследования — *глобалистикой*.

Наряду с другими областями научного знания, затрагивающими общественные процессы, глобалистика тесно связана с политикой и идеологией. В этом аспекте правомерно говорить о различных направлениях и течениях глобалистики, которые наиболее ярко проявились с конца 1960-х до начала 1990-х гг. Тогда становление и развитие глоба-

листики проходило в условиях жесткого противостояния двух идеологически враждебных общественно-экономических систем, что и предопределило ее развитие в двух направлениях, одно из которых получило название «западная глобалистика», другое — «советская глобалистика».

На Западе глобалистика стала складываться на рубеже 1960–1970-х гг., т. е. несколько раньше, чем в СССР. Импульсом к ее развитию в значительной степени послужили создание и деятельность уже упоминавшегося Римского клуба, первый же доклад которого «Пределы роста» (1972 г.) породил бурные дискуссии и заставил мировое сообщество глубоко задуматься над выводами этого исследования, суть которых состояла в том, что если и дальше сохранятся сложившиеся в 1970-х гг. тенденции мирового развития (*неконтролируемый демографический рост, растущие масштабы промышленного, сельскохозяйственного производства* и т. п.), то уже в начале XXI в. мировая цивилизация окажется в состоянии «экологического коллапса».

Именно эти алармистские выводы, породившие немало тревог и пессимизма, обусловили в значительной мере практический интерес к экологической проблеме в промышленно развитых странах в 1970–1990-х гг. И хотя в 2000-х гг. Римский клуб несколько снизил активность исследований и отчасти утратил свое влияние на принятие важнейших решений, тем не менее он и сегодня остается одним из самых авторитетных центров глобальных исследований, о чем свидетельствуют, в том числе, его более поздние доклады: «*Двойная спираль учебы и труда*» (авторы — О. Джиарини и М. Малица, 2003 г.); «*Пределы приватизации: как избежать чрезмерности хорошего?*» (авторы — Э. У. фон Вайцеккер и др., 2005 г.); «*2052: Глобальный прогноз на ближайшие сорок лет*» (автор — Й. Рандерс, 2012 г.). Некоторые из докладов Римскому клубу публиковались на русском языке, в частности, последним из таких был «Фактор четыре»¹.

В западной глобалистике изначально наиболее отчетливо проявлялось два крыла: «технократическое» и «технопессимистское». В последующем их позиции сблизились и в то же время по-разному скорректировались под влиянием различных оценок перспектив развития мирового рынка, а потому указанное деление теперь можно принять весьма условно. Представители первого в решении глобальных противоречий подчеркивали широкие возможности науки и техники, придавали важное значение научно-техническому прогрессу, подчеркивали его важное значение и влияние на жизнь общества (Т. Веблен, Г. Кан, У. Браун, Д. Белл, А. Тоффлер, А. Турен, А. Шафф, Г. Фридрихс, А. Винер, Г. Скотт, Э. Гертнер, Д. Несбит, Э. Вайцеккер, Л. Ловинс и др.). «Технопессимисты» же возлагали ответственность

¹ См.: Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная. М.: Academia, 2000.

за негативные последствия глобализации и обострение глобальных проблем на научно-технический прогресс, крупный международный капитал, транснациональные корпорации (Г. Маркузе, Д. Медоуз, К. Боулдинг, Т. Роззак, П. Гудмен, М. Робертс, Ф. Сен-Марк, К. Девис, А. Эрлих, У. Бек, а также многочисленные представители «новых левых», «зеленых», «антиглобалистов», «альтерглобалистов» и др.)¹.

В России интерес к глобальным проблемам проявился практически тогда же, когда о них серьезно заговорили на Западе. Это была та сфера научных интересов, где советские ученые практически без «раскачки» и выжидания, т. е. без излишней «идеологической подозрительности», включились в обсуждение проблем, которые сразу восприняли как общечеловеческие. Отмечая это обстоятельство, В. В. Загладин и И. Т. Фролов писали: «Когда на Западе активно начался разговор о глобальных проблемах, одна из реакций в странах социализма (в том числе и в известной части нашей научной среды) выглядела таким образом: все это — несерьезно, это — попытка буржуазии отвлечь трудящихся от насущных классовых проблем. К счастью, такая точка зрения просуществовала очень недолго»².

Таким образом, основы советской глобалистики были заложены в начале 1970-х гг. Именно тогда на страницах ведущего философского журнала «Вопросы философии» были представлены материалы первых «круглых столов», посвященных анализу системы глобальных проблем современной цивилизации. Значительную роль в теоретических исследованиях и привлечении внимания к глобальной проблематике сыграли созданный при президиуме Академии наук СССР научный совет по философским и социальным проблемам науки и техники, председателем которого стал И. Т. Фролов, и возглавляемый Н. Н. Иноземцевым Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), где проходили первые всесоюзные конференции, посвященные глобальным проблемам современности. Институт системного анализа, директором которого был член Римского клуба Д. М. Гвишиани, также оказал положительное влияние на становление глобалистики в СССР.

Итогом деятельности этих организаций и состоявшихся конференций стала серия публикаций в виде сборников трудов, материалов конференций, научно-популярных брошюр и отдельных статей. Спустя десятилетие появились и монографические исследования. Напомним лишь самые первые из них: коллективная работа сотрудников Института мировой экономики и международных отношений Академии наук «Глобальные проблемы современности» (под ред.

¹ См.: Глобалистика. Персоналии, организации, труды: энциклопед. справочник.

² Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981. С. 10.

Н. Н. Иноземцева, М., 1981); авторская монография В. В. Загладина и И. Т. Фролова «Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты» (М., 1981); сборник трудов ведущих отечественных специалистов в области глобалистики — участников всесоюзной конференции «Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности» (М., 1985) и др.

Именно эти работы, идеи и концептуальные подходы, представленные в них, на долгие годы определили направления глобальных исследований в нашей стране. Конечно, исходя из «правил игры» советского времени, глобалистика идеологически «привязывалась» к марксистским стереотипам, что отразилось и в литературе того времени. Считалось, например, что глобальные проблемы являются порождением капиталистического мира, а все попытки западных исследователей найти их решения несостоятельны, так как те якобы неправильно оценивали объективный ход исторического развития и не учитывали возможные революционные преобразования в капиталистических странах. Тем не менее и в рамках советской глобалистики, даже несмотря на идеологическую предзаданность, можно было творчески работать и сказать новое слово в оценке (в том числе в философском плане) мирового цивилизационного процесса. С учетом сказанного выделим важнейшие направления глобалистики, получившие развитие в СССР, которые с определенной долей условности можно разделить следующим образом.

1. «Философско-методологическое и научно-теоретическое», где выявлялись философские основания, условия появления и характер глобальных проблем, анализировались наиболее важные социально-политические и экономические преобразования, необходимые для успешного решения глобальных противоречий и лежащих в их основе общественных отношений. Здесь широкую известность и важное значение приобрели работы В. И. Вернадского, И. Т. Фролова, Н. Н. Моисеева, В. А. Энгельгардта, П. Л. Капицы, Е. К. Федорова, Н. Н. Иноземцева, Д. М. Гвишиани, В. В. Загладина, Г. С. Хозина, И. В. Бестужева-Лады, Ю. А. Косыгина, В. Е. Соколова и др.).

2. «Социоприродное», касающееся прежде всего вопросов, которые возникали в сфере взаимодействия природы и общества. Именно с этим направлением было связано возрождение интереса к экологии и распространение этого изначально биологического термина на сферу социальных отношений. Именно в этой области в полной мере проявился междисциплинарный характер вначале экологических, а затем и практически всех остальных глобальных проблем, что предопределило и состав ученых, внесших наиболее заметный вклад в развитие данного направления (А. Л. Яншин, Н. Ф. Реймерс, Г. В. Добровольский, М. И. Будыко, И. П. Герасимов, В. А. Ковда, Ю. А. Израэль, А. С. Исаев, М. Г. Хубларян, В. И. Данилов-Данильян, И. И. Мазур,

В. В. Снакин, Н. Н. Дроздов, Э. В. Гирусов, В. С. Лямин, А. Д. Урсул, А. А. Горелов, М. М. Камшилов, Р. С. Карпинская, В. А. Кобылянский, И. К. Лисеев, В. А. Лось, Н. М. Мамедов, Э. С. Маркарян, В. В. Мантатов, И. Б. Новик, Ю. А. Школенко, Ю. П. Трусов и др.).

3. «Социокультурное», где основное внимание было сосредоточено на научно-техническом прогрессе и его последствиях, неконтролируемом росте населения, на проблемах здравоохранения, а также на трансформации, а также трансформации традиционной культуры, качества и доступности образования, правовых аспектах взаимодействия природы и общества и т. п. В этой области заметное влияние оказали труды таких авторов, как В. А. Виноградов, С. П. Капица, Н. А. Агаджанян, Н. С. Касимов, Г. С. Гудожник, Э. А. Араб-Оглы, О. С. Колбасов, В. В. Петров, Б. Ц. Урланис, Г. Х. Шахназаров, А. В. Кацура, В. М. Лейбин, А. И. Костин и др.¹

Что же удалось сделать в глобалистике за период с конца 1960-х до начала 1990-х гг. как в новой нарождавшейся тогда области научного знания?

Во-первых, была сформулирована научная проблема (феномен глобальных проблем), к изучению которой было привлечено немало крупнейших отечественных ученых, представляющих широкий спектр академической науки и общественно-политической мысли, среди которых физики Н. Г. Басов, П. Л. Капица; геофизик Е. К. Федоров; биологи В. А. Энгельгардт, Н. Ф. Реймерс; эколог А. Л. Яншин; философы И. Т. Фролов, Д. М. Гвишиани, В. В. Загладин; климатологи М. И. Будыко, Ю. А. Израэль; географы И. П. Герасимов, В. А. Анучин; экономисты Н. Н. Иноземцев, С. М. Меньшиков, М. М. Максимова, М. Я. Лемешев; математик Н. Н. Моисеев; юристы О. С. Колбасов, В. В. Петров и многие другие.

Во-вторых, были изучены исторические предпосылки возникновения и характер проявления основных глобальных проблем современности. Выделены их критерии, на основании которых стало возможным провести отличие этих проблем от множества других: региональных, локальных, частных, национальных и т. п.

В-третьих, стало очевидно, что эти проблемы возникли не случайно, не по чьей-либо ошибке или недоброму умыслу. Они явились результатом объективного, закономерного развития общества и его изменившихся отношений с окружающей средой, особенно когда научно-технический прогресс, начавшийся в Европе в XVII–XVIII вв., перерос к середине XX в. в научно-техническую революцию, охватившую теперь уже большую часть населения Земли.

В-четвертых, обозначилась система проблем, имеющих глобальный статус; выявлена их соподчиненность и иерархичность. Разработан

¹ См.: Глобалистика. Персоналии, организации, труды: энциклопед. справочник.

и апробирован системный метод, позволяющий изучать комплексные проблемы общечеловеческого масштаба. В Институте системных исследований под руководством Д. М. Гвишиани работали над глобальной моделью страны. В Вычислительном центре Н. Н. Моисеев руководил созданием модели биосферы. В докладах и выступлениях М. И. Будыко приводилось обоснование серьезных опасностей, которые грозят человечеству в связи с глобальным потеплением климата. Активно действовали в глобальном экологическом направлении специалисты Института географии, руководимого И. П. Герасимовым. Проблемами международных отношений и международного сотрудничества занимались О. Т. Богомолов, А. А. Громыко. Информатизацию как глобальную проблему современности исследовал В. А. Виноградов, продовольственную проблему — Ю. А. Овчинников, образование — И. Ф. Образцов, глобальные проблемы энергетики — М. А. Стирикович, Ю. В. Синяк и др.¹

В-пятых, были сформированы авторские коллективы и объединены исследования отдельных ученых, изучающих определенные аспекты глобальных проблем — философские, экономические, юридические, прогностические и др. Тем самым создавались основы глобалистики как интегративного направления в науке.

Наконец, в-шестых, исследования глобальных проблем рассеяли все сомнения в том, что бездействие или неадекватные шаги ухудшают ситуацию, и чем дальше будут откладываться необходимые решения, тем более высокую цену мировому сообществу придется заплатить за возвращение к своему нормальному состоянию, исключаящему как минимум деградацию окружающей среды. И хотя все это в конце 1980-х гг. выглядело бесспорным и даже считалось общепринятым, что в случае непринятия согласованных действий избежать влияния негативных последствий глобальных проблем никому не удастся, ибо они — *последствие и результат становления единого, целостного мира, состоящего из множества взаимосвязанных и взаимозависимых элементов*, в сфере реальной политики сохранялось ощущение того, что глобальные проблемы затрагивают отдельные страны по-разному, а следовательно, и последствия для них будут разными. Отсюда непрекращавшиеся попытки отдельных стран, в первую очередь развитых, переложить груз ответственности на других, подождать, пока другие страны и народы начнут действовать первыми. А в это время процессы, порожденные перестройкой, начатой в СССР в 1985 г., ширились, набирали обороты, все активнее вовлекая в свою орбиту другие страны и народы. В итоге мировое общественное сознание, отчасти подуставшее от бурных дебатов вокруг глобальных проблем современности и грозящих человечеству опасностей, стало все больше переключаться на про-

¹ См.: Глобалистика. Персоналии, организации, труды: энциклопед. справочник.

цессы распада социалистической системы, а с ее коллапсом на рубеже 1980–90-х гг., в соответствии с «принципом дисплея» и вовсе сконцентрировалось на процессах и проблемах мирового устройства в условиях принципиально нового расклада сил на международной арене.

§ 5. Первая глобальная революция

События, происходившие в 1970–1980-е гг. в сфере глобалистики, с полным основанием можно назвать революционными. Они затронули практически все сферы общественной жизни от экономики и социальной сферы до политики и идеологии и в значительной степени изменили направленность научных исследований, развернув их в сторону общечеловеческих приоритетов. Но что, быть может, самое главное — они кардинальным образом повлияли на сознание людей, существенно изменили их мировоззрение, заставили посмотреть на будущее с учетом того, как они жили вчера, как живут сегодня, и, пожалуй, впервые в истории так остро обнаружили теснейшую связь всех времен с образом жизни людей, когда накапливавшиеся годами и даже столетиями проблемы вдруг громко стали заявлять о себе своими негативными последствиями. По сути, это было революцией сознания, когда не только ученые, писатели, журналисты в значительной мере осознали опасности со стороны глобальных проблем и в полный голос заговорили о них, но и практически все политические и общественные деятели включили в свои программы и выступления положения о защите окружающей среды, истощаемости природных ресурсов, мерах по регулированию демографического роста и т. п. Наконец, они громко заявили о необходимости объединять усилия на международном уровне для преодоления всех этих проблем, неизменно подчеркивая, что они касаются всего человечества.

И дело заключалось не столько в том, что они в полной мере осознали новую ситуацию или прониклись призывами обеспокоенных ученых, сколько в том, что волна общественного беспокойства и движений в защиту природы, получивших название «альтернативных», круто поднялась практически во всех развитых странах от Европы до Америки, от Японии до Швеции и не оставила серьезных шансов заниматься политикой на Западе как минимум без упоминания этой темы. Начало этой первой поистине глобальной революции положили события 1968 г., ознаменовавшиеся беспрецедентными студенческими волнениями, направленными против политики правительств с требованием проведения социальных реформ во Франции, США, Мексике, Японии. В августе 1968 г. в Чехословакию вторглись войска стран Варшавского договора, положив конец «пражской весне», возникшей на основе идеи А. Дубчека построить «социализм с человеческим лицом». Это была самая масштабная акция за весь послевоенный период

противостояния двух общественно-политических систем, которая стала началом завершающего этапа крушения грандиозного социального эксперимента, растянувшегося почти на все XX столетие. Фактически это стало высшей точкой противостояния, после которой социалистическая система стала неуклонно разрушаться.

Это время примечательно и тем, что к середине 1960-х гг. серьезное развитие получили биология, биохимия, медицина, открывшие широкие возможности для генной инженерии, трансплантации тканей, органов человека. В этой связи Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1968 г. резолюцию «Защита человеческой личности и физического и интеллектуальной неприкосновенности в свете прогресса биологии, медицины и биохимии». Несколько позже, в 1975 г., в Хельсинки соберется Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, на котором с особой силой прозвучат слова в защиту прав человека и будут выработаны документы, регулирующие международные отношения по этим вопросам.

Обсуждаемое время отмечено также общественными волнениями, влиявшими в создание международной независимой общественной организации «Гринпис», многочисленных партий и движений «зеленых», которые поставили своей целью бороться политическими и иными ненасильственными способами за предотвращение деградации окружающей среды, наконец, появлением уже упоминавшегося Римского клуба, объединившего 100 наиболее известных ученых, общественных и политических деятелей, которые видели свою задачу в исследовании новейших тенденций и организации превентивных мер по нейтрализации опасных тенденций глобального характера. В то время каждый из докладов этой организации становился, по сути, бестселлером, привлекая все больший интерес к глобальной проблематике и стимулируя широкое обсуждение данной темы.

Всеобщее возбуждение, охватившее как научный мир, так и широкие массы, их еще не осознаваемую озабоченность надвигающимся будущим выразил в 1970 г. в своей скоро ставшей знаменитой книге «Футурошок» американский футуролог А. Тоффлер. Он буквально потряс своих современников прогнозом будущего, где описывался фантазмагорический калейдоскоп проблем и событий, в которые втягивает мировое сообщество информационная революция, и как итог — страх перед будущим, стресс и дезориентация, возникающие у людей, переживающих слишком большое количество перемен за слишком короткий срок. В такой ситуации они просто не успевают адаптироваться и испытывают чувство незащищенности перед стремительно надвигающимся будущим. Столкновение с таким будущим А. Тоффлер назвал «футурошоком», определив его как продукт стремительного темпа перемен в обществе, который возникает из-за наложения новой культуры на старую. Поясняя свою позицию, он предложил

пример с конкретным человеком, который, будучи внезапно лишен привычной для него среды и помещенный в другую, принципиально отличную по всем основным параметрам, начинает испытывать дискомфорт и потерянность. Эти ощущения усилятся, если у такого человека отнять надежду на возвращение к знакомому социальному ландшафту, а тем более если новые условия будут подвержены хаотическому, непрерывному изменению, в том числе изменению ценностных ориентиров. Даже намек на необходимость более разумного поведения под давлением совершенно новых обстоятельств может привести к тому, что «эта жертва будет представлять опасность и для себя, и для других, — заключает А. Тоффлер и добавляет: — Теперь представьте не одного человека, а целое общество, целое поколение, включая самых слабых, наименее образованных и разумных его представителей, которые внезапно оказались в новом мире. Результат — всеобщая дезориентация и боязнь будущего в огромных масштабах. Сегодня человек столкнулся именно с такой перспективой»¹.

Всеобщая озабоченность новой ситуацией не могла быть проигнорирована на уровне отдельных государств, как не могла оставаться без внимания и со стороны международных структур, включая ООН. Однако в условиях жесткого противостояния и борьбы различных интересов, прежде всего идеологических, национальных, корпоративных, сотрудничество в деле преодоления общих проблем нередко наталкивалось на непреодолимые препятствия. Так, в 1972 г. в Стокгольме состоялась конференция ООН по окружающей среде, подготовка к которой шла около 2 лет². В ней активное участие принимал СССР, который, однако, по идеологическим мотивам отказался направить свою делегацию на конференцию в знак протеста против того, что туда не была допущена ГДР. Тем не менее конференция выполнила важную роль в деле координации действий различных государств в области природоохранной деятельности, выработки ими согласованной экологической политики и дала импульс широкому обсуждению природоохранной тематики, развертыванию исследовательских проектов в этом направлении как на национальном, так и на международном уровнях. Стокгольмский план действий, принятый конференцией, содержал 109 рекомендаций, сгруппированных в 5 разделов и опирался на 5 основных принципов, которые провозглашали: а) право каждого человека на благоприятную окружающую среду при условии его ответственного отношения к ней; б) необходимость сохранения природных ресурсов на благо живущего и будущих поколений; в) требование сохранить способность Земли воспроизводить возобновимые ресурсы; г) важность сохранения живой природы; д) необходимость бережного использова-

¹ Тоффлер А. Футурошок. СПб.: 1997. С. 12.

² См.: Данилов-Данильян В. И. Стокгольм-72 // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003.

ния и справедливого распределения выгод от разработки невозобновимых ресурсов. Основным практическим результатом конференции стало решение о создании постоянно действующего органа ООН — Программы по окружающей среде (ЮНЕП), на которую была возложена задача координации усилий различных государств в сфере охраны окружающей среды и разработки глобальных экологических проблем.

Еще одним важнейшим шагом ООН в деле осознания глобальных проблем и преодоления негативных последствий набравшей силу глобальной революции стало учреждение Международной комиссии по окружающей среде и развитию, которая была создана осенью 1983 г. в соответствии с резолюцией 38/161 Генеральной Ассамблеи ООН. Генеральному секретарю ООН поручалось назначить председателя и заместителя председателя комиссии, а тем, в свою очередь, предлагалось совместно назначить остальных членов комиссии с условием, что по меньшей мере половина из них должна представлять развивающиеся страны. В итоге председателем стала Г. Х. Брундтланд, которая в то время была лидером Норвежской рабочей партии. Комиссия подготовила доклад под общим названием «Наше общее будущее» и представила его в 1987 г. Генеральной Ассамблее ООН. Впоследствии он получил широкую известность как «доклад Г. Х. Брундтланд».

Как отмечалось в докладе, комиссия была создана «в период беспрецедентного роста давления на глобальную окружающую среду в условиях угрожающих прогнозов относительно будущей судьбы человечества» и основной ее задачей стали поиск путей и выработка рекомендаций для построения более справедливого и более безопасного будущего, основанного на политике и практике, которые служили бы расширению и обеспечению устойчивости экологической основы общественного развития. Перед комиссией была поставлена задача выработать Всемирную программу изменений, что потребовало не только фундаментальных исследований, но и напряженных обсуждений, дискуссий. «Когда в 1982 г. впервые обсуждались полномочия нашей Комиссии, — писала Г. Х. Брундтланд в предисловии к докладу, — были люди, которые хотели, чтобы она ограничивалась рассмотрением только “экологических вопросов”. Это явилось бы серьезной ошибкой. Окружающая среда не существует отдельно от человеческой деятельности, от его устремлений и нужд, и поэтому попытки некоторых политических кругов предохранять ее в отрыве от человеческих тревог придают самому слову “окружающая среда” оттенок наивности. Кое-кто вкладывает узкий смысл и в слово “развитие”, пытаясь втиснуть его в ограниченные рамки того, “что должны сделать бедные страны, чтобы стать богаче”»¹. В конечном счете возобладали более широкий взгляд на решение поставленной задачи и было

¹ Брундтланд Г. Х. Доклад: Наше общее будущее. М.: ВКОСР, 1987. С. 3.

выделено несколько ключевых проблем (направлений) для анализа: *перспективы, касающиеся населения, окружающей среды и устойчивого развития; система принятия решений для поддержки управления окружающей средой; продовольственная безопасность, сельское и лесное хозяйство; международное сотрудничество, а также энергетика, промышленность, населенные пункты и международные экономические отношения в аспекте окружающей среды и развития.* Эти проблемы рассматривались в перспективе до 2000 г. и на последующие годы в тесной связи с экономической, социальной и отраслевой политикой.

Комиссия работала в качестве независимого органа и имела возможность рассматривать любые вопросы, обращаться за содействием к любым лицам и организациям, формулировать и вносить любые предложения и рекомендации, которые она считала целесообразными. В целях содействия работе комиссии по трем ключевым проблемам: энергетике, промышленности и продовольственной безопасности — были образованы консультативные группы из ведущих экспертов. Результаты их деятельности в виде отдельных докладов были представлены на рассмотрение комиссии в 1986 г. и впоследствии были опубликованы под следующими названиями: «Энергетика-2000», «Промышленность-2000» и «Пищевые продукты-2000». Всего комиссией, а также многочисленными учеными и специалистами, работавшими под ее патронажем во многих странах мира, было выполнено более 75 исследований и докладов, которые послужили основой для окончательного (сводного) доклада, представленного осенью 1987 г. на 42-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и вызвавшего большой резонанс во всем мире.

Под влиянием этих исследований и волны нахлынувших дискуссий, обсуждений общечеловеческих проблем, которые эхом отразились и в социалистическом лагере, а также в силу все возрастающей взаимозависимости различных государств и неспособности косного социально-экономического строя адекватно реагировать на вызовы быстро меняющегося мира, серьезные перемены назревали и в СССР, где изнурительная гонка вооружений и продолжавшаяся «холодная война» серьезно подорвали экономические и идеологические устои общества. Первая глобальная революция окончательно обнажила пороки тоталитарной системы и не только вскрыла неспособность плановой экономики к конкуренции в условиях, когда новейшие технологии стали активно внедряться в производство, но и показала неэффективность этой системы в управлении социальными процессами, когда не знающие границ электронные средства массовой информации стали обычным явлением в повседневной жизни всех слоев населения. Официальная пропаганда советской системы впервые за всю историю пошла на немыслимые до этого уступки и заговорила о приоритете общечеловеческих ценностей, что в итоге открыло возможности для

знакомства с идеями западных исследователей, в частности с докладами Римского клуба.

Кульминацией первой глобальной революции можно считать период времени с момента разрушения Берлинской стены в 1989 г. по август 1991 г., когда прекратил существование Советский Союз. 1991 г. можно считать и ее завершением, так как наступила принципиально новая, посткоммунистическая эпоха и произошла новая расстановка сил на международной арене. Тогда же был опубликован очередной доклад Римского клуба, который так и назывался — «Первая глобальная революция». В отличие от предыдущих полутора десятков заказанных исследований он был подготовлен от имени самой этой организации и написан ее президентом А. Кингом и генеральным секретарем клуба Б. Шнайдером. Решение о подготовке доклада принималось в 1989 г. на очередном заседании клуба, где было признано необходимым переосмыслить сложившуюся в мире ситуацию и в этой связи определить новые задачи теоретических исследований и практических действий. В результате последующей двухлетней работы были подведены общие итоги не только деятельности клуба, но и динамики, роста масштабов антропогенной деятельности.

Авторы доклада отмечали, что спустя два десятилетия с момента появления первого доклада первопричины мировых проблем остались теми же, что и в 1972 г., вместе с тем набор проблем и вопросов, требующих особого внимания, изменился. Среди множества других они выделили три проблемы, нуждающиеся в срочном решении: конверсия военной экономики и ее перевод на мирные рельсы; реорганизация энергопотребления с целью предотвращения потепления климата; влияние на процессы мирового развития и преодоление отсталости слаборазвитых государств. Большое внимание в докладе было уделено роли личности в истории, этическим вопросам и проблемам управления социальными процессами. Критически проанализировав различные экономические системы, авторы обратили внимание на низкую эффективность существующих государственных и международных структур управления и высоко оценили роль неформальных организаций и общественных объединений. Обсуждая достоинства и недостатки рыночной экономики и связанные с ней демократические формы правления, они в итоге разделили точку зрения У. Черчилля, которую хорошо передает его знаменитая фраза: «Демократия — худшая из систем, если не считать всех остальных».

Выбор, по мнению членов Римского клуба, лежит между плохим и худшим и, понимая это, мировое сообщество должно также осознать и то, что выжить оно сможет лишь объединившись перед лицом общих проблем. «В поисках нового врага, который сплотил бы нас, — заявили авторы доклада, — мы осознали, что загрязнение окружающей среды, угроза глобального потепления климата, дефицит водных ресурсов,

голод и другие опасные явления как нельзя лучше подходят на эту роль»¹. Однако выступить объединенными усилиями всему человечеству против этого общего врага в начале 1990-х гг. было не суждено. С неимоверной быстротой свершились события, которых практически никто не предвидел и последствия которых почти на целое десятилетие целиком поглотили все внимание и теоретиков, и практиков. Прекратила свое существование социалистическая система, что стало фактически заключительным аккордом свершившейся первой глобальной революции. Логично предположить, что за первой последуют и другие глобальные революции, но это уже дело будущего, к которому мы еще не раз вернемся.

§ 6. Смена парадигмы

Начиная со второй половины 1980-х гг. в СССР, а затем и в Восточной Европе произошли поистине исторические события, значительно повлиявшие на дальнейший ход истории, на мировоззрение людей и их отношение к различного рода социальным теориям. Фактически они стали завершающим этапом первой глобальной революции, которая кардинально изменила расстановку сил на международной арене и породила настоятельную потребность в новых взглядах на мировой порядок, которым еще предстояло сформироваться. Прежде всего, это было связано с разрушением относительно устойчивой двухполярной модели устройства мира, снижением напряжения военного противостояния и образованием фактически безальтернативной силы глобального влияния в лице США. Показательны в этом отношении тенденции расходов на оборону и вооружение в мире, которые вполне можно истолковать как признание мировым сообществом неоспоримого лидерства США в качестве главной военной силы, чему способствовал также развал военно-промышленного комплекса СССР и всей структуры безопасности социалистического лагеря, включая поддержку этой системой значительного числа режимов в странах третьего мира. В итоге глобальные расходы на оборону (без учета США) с конца 1980-х гг. уменьшились примерно на 50%. Расходы на модернизацию вооруженных сил, особенно на закупки военного снаряжения, резко сократились. А в целом мировой рынок оружия с тех пор сократился более чем на 50%².

Под новую модель международных отношений еще предстояло подвести теоретическую базу, которая не могла опереться на предыдущие разработки, в том числе на глобалистику, сфокусировавшую

¹ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс, 1991. С. 162.

² См.: Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национального разведывательного Совета США. Екатеринбург, 2002.

свое внимание на глобальных угрозах и не исследовавшую еще законы и динамику становления целостного мира. По этой причине ни западная, ни тем более советская глобалистика не только не смогли предсказать ход грядущих событий, но даже не попытались сделать это.

Распад СССР и всей социалистической системы оказался совершенной неожиданностью как для науки в целом, так и для глобалистики в частности. Он самым непосредственным образом отразился на смене научных приоритетов, включая исследование глобальных проблем. Интерес к ним значительно снизился не только в нашей стране, но и за рубежом, так как мировое сообщество находилось под сильным впечатлением от резкой смены событий и переосмысливало новые реальности. Выстраивался новый мировой порядок, буквально поглотивший внимание, силу, энергию не только политиков и практиков, но и ученых, специалистов. «Не будет преувеличением утверждение, — писал 6 лет спустя после развала СССР З. Бжезинский, — что в наиболее сознательных кругах западного общества начинает ощущаться чувство исторической тревоги и, возможно, даже пессимизма... Эта неуверенность усиливается получившим широкое распространение разочарованием последствиями окончания холодной войны. Вместо “нового мирового порядка”, построенного на консенсусе и гармонии, “явления, которые, казалось бы, принадлежали прошлому”, внезапно стали будущим»¹.

В свете изменившихся обстоятельств многие структуры, организации и некоторые ученые фактически свернули, а то и вовсе прекратили работу в сфере глобалистики. Показательна в этом отношении деятельность Римского клуба, по заказу которого до тех пор доклады публиковались практически ежегодно. В 1989 г. их вышло сразу три. Затем наступила долгая пауза, продлившаяся вплоть до 1993 г., когда снова было опубликовано два доклада.

В числе причин снижения интереса к исследованию глобальных проблем в нашей стране в 1990-е гг. в первую очередь следовало бы назвать потрясение от столь быстро и относительно бескровно произошедшего развала, казалось бы, всемогущей системы. Ученые, как и представители других творческих профессий, буквально испытали шок, породивший на несколько лет творческую «анемию» в массовом масштабе. Помимо упомянутых причин следовало бы назвать и теоретический вакуум, возникший после отказа от монистической, все подавлявшей идеологии, и доминирование «российского подхода» в ущерб общемировому, когда значительные интеллектуальные усилия тратились на поиск собственного пути развития. Необходимо принять во внимание и организационно-финансовые проблемы, связанные с плохим финансированием науки в целом.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 251.

Конечно, публикации по глобальной тематике на протяжении этого времени появлялись. Но их стало несоизмеримо меньше, и к тому же они в значительной мере несли на себе печать прошлого, подвели итоги в рамках лишь советской глобалистики, базировались на ее наработках, в то время как теоретические конференции, публичные обсуждения и дискуссии по глобальным проблемам практически отсутствовали. По-настоящему заметный интерес к этой теме стал возвращаться к концу 1990-х гг., и то с другой, неожиданной стороны, *когда не глобальные проблемы, а не осознанные прежде процессы глобализации оказались в центре внимания.*

Запад, в несравнимо меньшей степени затронутый перестройкой международного порядка, быстрее от нее оправился. А так как кардинальные перемены в раскладе сил на мировой арене определили и новые акценты, и новые приоритеты в мировых делах, то главное внимание человечества сфокусировалось на процессах формирования нового мирового порядка. Нашумевшие в начале 1990-х гг. идеи Ф. Фукуямы о «конце истории» и С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, как и рассуждения З. Бжезинского о «великой шахматной доске» (подробнее об этом см. далее) — яркие примеры трансформации научных исследований в этом направлении.

Так, в статье «Конец истории», получившей широкий резонанс после ее опубликования в 1989 г., американский дипломат Ф. Фукуяма предпринял попытку спрогнозировать новый международный порядок после «холодной войны» и высказал идею, что всем незападным странам необходимо пойти по пути вестернизации и американизации своих систем, так как «победа либеральной демократии во всемирном масштабе», по его мнению, не оставляет им иного выбора¹.

Американский политолог С. Хантингтон в статье «Столкновение цивилизаций», вышедшей в 1993 г., предрекал новое противостояние, но уже между Западом и исламским миром. Его теория цивилизационного разлома строилась на том, что деление мира на три лагеря — капиталистический, социалистический и развивающийся (третий) мир — стало неактуальным, и основные противоречия теперь будут вытекать из борьбы следующих цивилизаций: западная, исламская, конфуцианская, японская, индуистская, православная, славянская, латиноамериканская и африканская. При этом основное напряжение в обозримой перспективе возникнет между западной, исламской и конфуцианской цивилизациями. Позднее, в 1996 г., он развил эти идеи в своей книге, получившей широкую известность².

Венцом жанра размышлений о настоящем и будущем стала появившаяся в 1997 г. весьма откровенная книга бывшего советника по на-

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // США. Экономика, политика, идеология. 1990. № 5.

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

циональной безопасности президента США в годы холодной войны З. Бжезинского «Великая шахматная доска», в которой он рассматривал геополитическую ситуацию текущего момента как максимально благоприятную для Соединенных Штатов в их стремлении сохранить свое положение в качестве единственной мировой сверхдержавы. «Для США пришло время выработать и применять комплексную, всеобъемлющую и долгосрочную геостратегию по отношению ко всей Евразии, — писал он в заключении своей нашумевшей книги. — Эта необходимость вытекает из взаимодействия двух фундаментальных реальностей: Америка в настоящее время является единственной супердержавой, а Евразия — центральной ареной мира... Америка в настоящее время выступает в роли арбитра для Евразии, причем нет ни одной крупной евразийской проблемы, решаемой без участия Америки или вразрез с интересами Америки»¹. В заключительной фразе всего повествования автор высказался еще более определенно: «В течение нескольких ближайших десятилетий может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, построенная с учетом геополитической реальности, которая постепенно возьмет на себя роль международного “регента”, способного нести груз ответственности за стабильность и мир во всем мире. Геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы»².

Даже краткое знакомство с основными идеями, активно обсуждавшимися в первой половине и в середине 1990-х гг., показывает, что попытки найти конкретные решения конкретных проблем на предшествующем этапе становления глобалистики теперь уступили место анализу динамичных процессов быстро меняющегося мира. И хотя у названных авторов мы еще не встречаем термина «глобализация», он уже практически срывается у них с губ и к концу рассматриваемого десятилетия станет одним из самых распространенных в научном и быденном языке.

Итак, ни сами глобальные проблемы, ни вызвавшие их к жизни процессы глобализации за время «невнимания» к ним никуда не исчезли. Они не только не ослабли и не замедлились, а, наоборот, усилились. И как только новый расклад на международной арене в основном обозначился, а на первый план вышел вопрос, каким быть миру в начале третьего тысячелетия — однополярным или многополярным, мировое сообщество снова озаботилось глобальной проблематикой. Помимо названных причин этому способствовало то, что в странах бывшего социалистического лагеря ситуация относительно стабилизировалась, а от социально-политической тематики наступила некоторая

¹ Бжезинский З. Указ. соч. С. 230.

² Там же. С. 254.

усталость, с другой стороны, сами глобальные проблемы за последнее десятилетие заметно обострились.

Достаточно, например, указать на одну из них — *демографическую*, которая теснейшим образом связана с экологией. Здесь особенно хорошо видно, что хотя население Земли и росло с ускорением с древнейших времен до самого XX в., антропогенная нагрузка на окружающую среду планеты в целом оставалась в пределах нормы, т. е. не превышала предельных значений. Ситуация резко изменилась за последнее столетие, что хорошо прослеживается на динамике прироста населения, если посмотреть на исторический процесс в целом. Так, около 15 тыс. лет тому назад, когда первобытные люди расселились уже по всем обитаемым ныне материкам, их насчитывалось лишь несколько миллионов человек. 7 тыс. лет тому назад их было около 10 млн, что означало прирост населения примерно 10–20% за тысячелетие, при этом средняя продолжительность жизни не превышала 20 лет. Около 5 тыс. лет тому назад на планете было примерно 30 млн человек, а к началу нашей эры эта цифра выросла до 200–250 млн, в то время как средняя продолжительность жизни практически не выросла, составив около 25 лет. Ко второму тысячелетию прибавление было незначительным, и общая цифра оценивается примерно в 300 млн человек. К 1500 г. увеличение также было относительно небольшим, составив в целом около 450 млн. Однако начиная с XVI в. обнаруживается уже заметное ускорение. В 1650 г. — 550 млн, в 1800 г. — 906 млн, а в 1900 г. — 1,65 млрд человек, т. е. в XIX в. население росло в три раза быстрее, чем на протяжении предыдущих двух веков. Но настоящий «демографический взрыв» произошел в XX в., что показывают следующие цифры: 1930 г. — 2,07 млрд, 1960 г. — 3,06 млрд, 1980 г. — 4,43 млрд, 1985 г. — 4,8 млрд, 1996 г. — 5,8 млрд, и наконец, осенью 1999 г. численность жителей Земли превысила 6 млрд человек.

Быстро растущее, но не обеспеченное средствами к существованию население только ускоряет деградацию окружающей среды и лишает себя возможности хотя бы замедлить рост негативных тенденций.

Положительный эффект в природоохранной деятельности, который имел место во многих государствах после Стокгольмской конференции ООН (1972 г.), к началу 1990 гг. уже не соответствовал нарастающему ухудшению экологических и других глобальных показателей. Становилось очевидным, что принимаемых мировым сообществом мер для исправления ситуации недостаточно. В этой связи ООН провела в 1992 г. еще одну Конференцию по окружающей среде и развитию, которую она приурочила к 20-летию юбилею стокгольмского саммита. Местом проведения был выбран Рио-де-Жанейро, что дало сокращенное название этой встречи — Рио-92.

Это был беспрецедентный мировой форум, посвященный общечеловеческим проблемам и собравший делегатов из 178 стран мира,

114 из которых были представлены главами государств и правительств. Конференция приняла ряд документов, в частности «Повестку дня на XXI в.», где излагалась всеохватывающая программа действий на весьма отдаленную перспективу. Значительное внимание было уделено разработке и плану внедрения *концепции устойчивого развития* как стратегии цивилизации ближайшего будущего. К работе по ее приложению к национальным условиям подключились многочисленные группы ученых и специалистов в различных странах, в том числе в России. Оказалось, что «глобализм» стратегии устойчивого развития соответствует представлениям, разрабатываемым в теории глобальных проблем, но при этом смещает акцент с конкретных проблем на социально-экономические изменения.

Итак, если на первом этапе становления глобалистики преобладали подходы к решению глобальных проблем в духе техницизма, т. е. считалось, что глобальные проблемы инструментально решаемы, и в этой связи шли поиски технических и финансовых средств, организационных и экономических решений, то с начала 1990-х гг. происходит смена приоритетов, когда основное внимание переключается на социально-политическую проблематику и лишь через эту призму — на процессы глобализации динамично меняющегося мира.

§ 7. Феномен глобализации

Распространение цивилизации можно сравнить с огнем: сначала это слабая искра, затем мерцающий огонек, а потом могущественное пламя, наделенное скоростью и силой.

Н. Тесла

Термин «глобализация» впервые был употреблен английским социологом Р. Робертсоном в 1983 г., тем не менее еще более десяти лет это оставалось незамеченным научным сообществом. Достаточно сказать, что база данных Библиотеки Конгресса США до 1987 г. не содержала книг, в названии которых использовалось бы данное понятие. И только начиная с первой половины 1990-х гг., на волне рассуждений о новом мироустройстве, после того, как свершилась первая глобальная революция и стало очевидно, что окончание «холодной войны» еще не означает начала столбовой дороги к бесконфликтному и процветающему будущему человечества, стал наблюдаться быстрый рост количества книг и статей на тему глобализации, принявший к началу XXI в. лавинообразный характер.

Еще до начала XX в. глобализацию можно было не замечать, и на уровне массового сознания ее действительно не замечали, ибо для одного с небольшим миллиардом жителей планеты тогда в прин-

дипе хватало любых ресурсов и дело было лишь за тем, чтобы добывать их наиболее простым способом и в наиболее удобных условиях. Это ставило одни народы и государства в более, а другие в менее выгодные условия, из чего проистекали локальные и региональные конфликты и противоречия.

За какие-нибудь 50–100 лет ситуация для населения планеты, которое увеличилось более чем в четыре раза, кардинально изменилась, и (что, быть может, самое главное) это стало очевидным для абсолютного большинства выросшего до 6 млрд населения Земли, прежде всего в том отношении, что при сохранении имеющихся тенденций, территорий, пригодных для жизни и ведения хозяйства, нефти, газа, пресной воды и многих других ресурсов попросту не хватит на всех. Не хватит в принципе уже в обозримой перспективе.

Новая ситуация настойчиво и жестко заявила о себе *резким обострением экологических проблем* (потепление климата, разрушение озонового слоя, загрязнение атмосферы, Мирового океана и т. п.), *«взрывом» международной преступности* (терроризм, наркоторговля, нелегальная миграция), *появлением и распространением новых видов опасных заболеваний* (СПИД, атипичная пневмония, «куриный грипп», «коровье бешенство» и т. п.), *финансовыми аферами* (уклонение от уплаты налогов, «отмывание» денег, добытых преступным путем, и т. п.), наконец, *массовыми беспорядками*, организуемыми антиглобалистами.

Эти и другие проблемы так быстро встали перед всем мировым сообществом, что оно не успело подготовиться к их натиску. У него отсутствуют эффективные средства борьбы с новыми опасностями, ибо на международном уровне нет единых согласованных структур. Причем речь идет не столько об организациях, принимающих решения, сколько об органах и механизмах исполнения таких решений. Сегодня, к сожалению, можно лишь констатировать, что в этой сфере существует «вакуум власти», и потому у человечества все еще нет возможности справиться с данными проблемами.

Многие люди в различных уголках Земли, осознав себя частью целостного мира, обнаружили свою незащищенность, уязвимость перед мощью различных сил, которые стали порождением свершившейся глобальной революции. Теперь они оказались заложниками событий, процессов, решений, к которым могли не иметь никакого отношения, которые зарождались порой на другом краю планеты, но в которые они тем не менее оказывались втянутыми не по своей воле. Угроза ядерной войны или экологического загрязнения, распространение опасных заболеваний или разрушение озонового слоя, террористические атаки или поражение вирусами компьютерных сетей, негативное влияние пиар-технологий и массовой культуры на общественное сознание — все это независимо от места проживания, возраста, социального положения, статуса, расовой или религиозной принадлежности стало

неотъемлемой частью жизни каждого человека, повседневным явлением для любого сообщества, даже если кем-то это и не осознавалось.

Другими словами, с начала 1990-х гг. глобализация стала определяющим фактором мирового развития и международных отношений, придя в этом качестве на смену противостоянию двух антагонистических систем — капитализма и социализма. К этому новому повороту в истории разные страны пришли с различными стартовыми возможностями. Одни оказались в выигрышной ситуации, другие, наоборот, в проигрышной, что в значительной степени предопределило и их оценку новых тенденций. Так, если за основание деления принять *культурно-цивилизационные особенности различных стран*, то можно выделить такие подходы к пониманию современных мировых процессов, как *западный, восточный, евразийский, исламский* и др. Каждый из них имеет свою специфику и характерны отличия, что определяется в первую очередь определенным набором мировоззренческих принципов, ценностных установок, устоявшихся традиций и т. п.

Например, *западный* подход имеет ту отличительную особенность, что глобализация воспринимается им в значительной степени как положительное явление. И это вполне объяснимо, ибо наиболее развитые страны в силу своего доминирования практически во всех сферах общественной жизни оказываются в более выгодной позиции по отношению к странам менее развитым. *Страны Востока*, особенно наиболее преуспевающие из них, также в немалой степени выигрывают от глобализации и потому против нее практически не выступают, однако весьма чувствительно реагируют на события и явления, подрывающие традиционный уклад жизни. Нескольким отличным является подход *евразийский*, где рыночные отношения еще недостаточно укрепились, а потому глобализация предоставляет широкие возможности для нелегального ведения бизнеса, «утечки» капитала, развития международной преступности и т. п. Здесь к глобализации отношение весьма противоречивое, от безоговорочного признания до полного неприятия. *Исламский* же мир, испытывающий серьезное давление со стороны массовой культуры, ценностей и образа жизни западной цивилизации и не имеющий возможности в условиях информационной революции эффективно противостоять этому, в глобализации видит прежде всего источник угрозы собственным ценностям, убеждениям и даже независимости¹.

Все это только усиливает и без того значительный интерес к феномену *глобализации*, порождая и новые исследования, и новые дискуссии вокруг как самого явления, так и обозначающего его понятия. При этом, если проследить историю вопроса, сущность указанной про-

¹ См.: *Khamenei S. M. Development of Wisdom in Iran and in the World. Tehran, 2000; Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001; Льюис Б. Ислам: что пошло не так? // Россия в глобальной политике. 2003. № 1.*

блемы занимала ученых и исследователей тем более, чем активнее они об этом рассуждали, — сначала редко, затем все чаще, а в последнее десятилетие настолько активно, что практически не осталось таких сфер деятельности, где этот термин не употреблялся бы, значительно потеснив весь терминологический ряд из области глобалистики. Но, несмотря на столь обширное распространение, и сегодня имеет место широкий разброс мнений по поводу содержания данного термина, и разные авторы определяют его по-разному. Одни — как *процесс*, другие — как *состояние*, третьи — как *явление*; некоторые отождествляют глобализацию с модернизацией, а иные и вовсе считают ее мифом.

При этом серьезные разногласия обнаруживаются, как правило, при определении роли субъективных и объективных факторов, которую они играют в процессе становления целостного мира. У тех, кто рассматривает глобализацию как объективный, исторически сложившийся и обусловленный естественными причинами процесс, находится немало оппонентов, порой резко возражающих против этого. Они, напротив, усматривают в процессах глобализации определяющую, а то и исключительную роль субъективного фактора, который персонализируется в лице то США, то мирового капитала, то некой мировой элиты и т. п. Нередко говорят и о злом умысле, преднамеренно заданном ходе событий, предначертанном и исполняемом определенными заинтересованными силами. Встречаются и синтетические подходы, где глобализация рассматривается многоаспектно, что представляется наиболее соответствующим действительности. Одним из таких является достаточно широкое, но по существу правильное определение, данное в 1990 г. М. Алброу, с точки зрения которого «глобализация» — это все те процессы, благодаря которым народы мира инкорпорируются в единое мировое общество, «глобальное общество»¹.

Итак, сама этимология слова «глобализация» заставляет любого неангажированного исследователя обратить внимание на процессы планетарного масштаба, которые затрагивают различные сферы общественной жизни, имеют прежде всего объективный характер и разворачиваются в естественно-историческом контексте. Они кардинально изменили мир, «сжали», «спрессовали», «сократили» пространство и время до немыслимых еще в недалеком прошлом размеров.

В первую очередь это относится к транспорту, разветвленной и все более разрастающейся инфраструктуре, средствам массовой информации, связи, глобальной сети Интернет, которые к концу XX в. буквально опутали все сферы общественной жизни невидимыми нитями всевозможных отношений: от политики и идеологии до экономики, культуры и индустрии развлечений, сделав возможным реальное или виртуальное присутствие каждого человека в любой точке планеты практически без каких бы то ни было ограничений.

¹ Цит. по: Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 283–284.

Многие из этих составляющих глобализации зародились и впервые воплотились в реальные достижения в XIX — начале XX в. *Впервые* — это ключевое слово в данном параграфе, и относится оно прежде всего к XIX в., так как никакой другой век, и даже следующий XX, не может сравниться с ним по количеству событий и тенденций глобального масштаба, которые бы вели свой отсчет из другого времени. Пожалуй, только книгопечатание да еще газеты появились несколько раньше — например, прообразом такого средства массовой информации можно считать древние рукописные сводки новостей. Во всяком случае, название пришло из XVI в., когда в Венеции за такую сводку платили мелкую монету, называвшуюся «газетта», что и дало название соответствующей печатной продукции. В России первой газетой были «Ведомости» Петра I, издаваемые с 1702 г. Однако важным фактором формирования общественного мнения, а затем и инструментом политики они стали с XIX в., когда в 1814 г. на вальном прессе впервые была напечатана газета The Times, что положило начало массовому изданию газет. Еще более широкое распространение они получили после того, как У. Р. Херст заложил в Нью-Йорке фундамент своей газетной империи, основав первую массовую ежедневную газету Journal стоимостью в 1 цент. К 1850 г. только в США издавалось уже около 400 ежедневных газет, а к концу XIX в. — около 2 тыс.

Основные технические достижения, определившие характер развернувшейся во второй половине XX в. глобализации, в большинстве также зародились столетием раньше. В первую очередь это относится к важнейшим средствам передвижения — *водному, железнодорожному, автомобильному и воздушному транспорту*, которые потребовали колоссальных энергетических и сырьевых ресурсов, вызвав к жизни соответствующие отрасли экономики и народного хозяйства. Все это объективно вело не только к экономической, но и финансовой, научно-технической интеграции, стимулировало процесс сближения народов, делало более четкими контуры целостного мира.

Обратимся теперь к конкретным фактам и событиям, наглядно показывающим, что процесс формирования *фундаментальной* глобализации по многим параметрам общественной жизни приходится как раз на XIX столетие, после чего она разворачивалась нарастающими темпами, став к концу XX в. всеобщим явлением в качестве *многоаспектной* глобализации.

Водный транспорт. Первый пароход как альтернатива паруснику, был построен в первой четверти XIX в., а уже к концу этого столетия появились теплоходы, сделавшие морской транспорт важнейшим средством развития мировой торговли и промышленности. В 1878 г. для перевозки нефти по заказу братьев Нобель был построен первый в мире наливной танкер «Зороастр» грузоподъемностью 250 т, а в 1892 г. спустили на воду первый океанский танкер «Мурекс», построенный

по заказу компании Shell, который совершил первый рейс в Батум, а затем на Дальний Восток. К 1914 г. уже 60% продаваемой в мире нефти перевозилось на нефтеналивных судах. Созданные в середине XX в. военные и гражданские атомоходы дали человеку возможности неограниченного плавания, в том числе в северных широтах, вечных льдах.

Железнодорожный транспорт. Во второй четверти XIX в. первые паровозы открыли эпоху железнодорожного транспорта, который к концу этого же столетия стал важнейшим способом сухопутного передвижения. В России первая железная дорога общего пользования длиной 27 км между Петербургом и Павловском была введена в действие в 1837 г. Затем железная дорога станет подземной, когда с начала 60-х гг. XIX в. в Лондоне начнет действовать первое в мире метро; городским видом транспорта, когда в Германии в 1880-е гг. появятся электрические трамваи; наконец, в конце XX в. поднимется над землей, трансформировавшись в монорельс, по которому поезда на воздушной подушке будут нестись уже со скоростью в несколько сотен километров в час. Жить и работать в разных городах и даже в разных странах, ежедневно преодолевая огромные (по меркам недалекого прошлого) расстояния, стало теперь обычным делом.

Автотранспорт. Автомобильный транспорт сегодня немыслим без современных комфортабельных скоростных дорог — автотрасс, автомагистралей, автобанов, история развития которых началась в 1854 г., когда появилась первая дорога с асфальтовым покрытием. В последующем это имело важное значение для развития автомобилестроения, особенно после строительства в 1923 г. первой европейской автострады в Северной Италии. Первый же автомобиль с двигателем внутреннего сгорания был сконструирован в 1883 г. Э. Деламар-Дебутвилем, а построен такой автомобиль был в 1885–1886 гг. в Германии Г. Даймлером и К. Бенцем. В 1894 г. впервые состоялись международные автогонки на трассе Париж — Руан — Париж, в которых победили два французских автомобиля, оснащенные немецкими двигателями Даймлера. К концу века возникла автомобильная промышленность во Франции, Германии, США, Великобритании, а машин стало уже так много и скорость их передвижения настолько возросла, что в 1901 г. в Париже было введено первое в истории ограничение скорости — 10 км/час, которое на фоне еще активно используемого гужевого транспорта выглядело вполне нормально.

В России автомобили стали выпускать с 1909 г. на Русско-Балтийском заводе. В 1913 г. в США был пущен в строй первый сборочный конвейер для выпуска серийных автомобилей Ford, после чего массовое изготовление автомобилей приняло лавинообразный характер, а сам автомобиль стал глобальным явлением. Бурное развитие автомобильной промышленности обусловило столь же быстрый рост

ресурсодобывающих отраслей экономики и прежде всего нефтяной, сделав нефть основой мировой экономики. Так, если в США в 1895 г. было всего четыре автомобиля, работавших на бензине, то к 1925 г. их число увеличилось в миллион раз, достигнув 4 млн, соответственно, на столько же увеличив потребность в топливе. В этот период времени продукты переработки нефти стали активно использовать в качестве топлива для дизельных двигателей, которыми оснащалась тяжелая техника, а также на кораблях, на электростанциях и в авиации.

Авиация. Авиация как вид транспорта стала использоваться уже после того, как первоначально получила значительное развитие за счет ее военного применения. Первые самолеты появились несколько позже автомобилей, но тоже в конце XIX в., а к началу Первой мировой войны фактически было положено начало авиационной промышленности. И если в этой войне они и в силу их ограниченного количества, и по причине несовершенства еще не играли важной роли, то Вторая мировая война уже велась в значительной степени силами авиации. В послевоенный период на смену поршневой авиации приходит реактивная, позволяющая значительно увеличить скорость и дальность полетов, в результате чего даже отдаленные уголки планеты стали досягаемы в течение считанных часов, особенно после того, как в 1947 г. в США самолет Ч. Ягера впервые преодолел сверхзвуковой барьер. С середины XX в. во всем мире бурными темпами развивается гражданская авиация, за несколько десятилетий буквально опутавшая авиалиниями весь земной шар и сделав возможным массовые путешествия практически без каких бы то ни было пространственных и временных ограничений. Число авиапассажиров неизменно возрастало, и в 1994 г. их количество во всем мире превысило 1200 млн человек, а 20 лет спустя — в 2014 г. — эта цифра увеличилась до 3,3 млрд.

Телеграф. Телефон. Не меньшее значение для ускорения темпов глобализации сыграли и средства коммуникации, основа которых была заложена в 1837 г., когда прошли первые испытания электромагнитного телеграфа С. Морзе. Принципы же такого способа передачи информации были сформулированы еще раньше, в 1832 г., в России в работах П. Л. Шиллинга, создавшего первый практически пригодный аппарат для электрической телеграфной связи. В 1844 г. С. Морзе отправил при помощи изобретенной им азбуки (азбука Морзе) первую в мире телеграмму по телеграфной линии Вашингтон — Балтимор. Это был фундаментальный прорыв в новую эпоху информационной технологии. В 1872 г. был проложен первый океанский кабель между Европой и Северной Америкой, что позволило осуществить трансконтинентальную связь. В 1876 г. в США А. Г. Белл изобрел телефонный аппарат, значительно расширивший возможности общения и передачи информации. Дословно термин «телефон» означает «звук издали» (от греч. tele — далеко и phone — звук).

В 1878 г. в США была построена первая телефонная станция, положившая начало массовой телефонизации, что активизировало предпринимательство, сделало средства массовой информации более оперативными и, по существу, открыло эру глобального общения в режиме реального времени. Наглядным подтверждением тому является тот факт, что если в 1815 г. потребовалось 4 дня на то, чтобы информация о битве при Ватерлоо достигла Лондона, то в 1915 г. сведения о Дарданелльской операции на Галлипольском полуострове поступили уже в течение часа.

Важнейшую роль в оперативном распространении информации сыграли информационные агентства. Первым из них стало агентство, созданное предпринимателем П. Ю. Рейтером в г. Ахене (Германия), а затем в 1851 г. в Лондоне и получившее впоследствии его имя. К 1870 г. оно обладало весьма внушительной корреспондентской сетью. В 1856 г. в США было основано еще одно крупнейшее информационное агентство — Associated Press, которое активно использовало телеграф для передачи информации.

1993 г., когда была создана европейская радиотелефонная система с цифровым программированием GSM, можно считать новым принципиальным прорывом в средствах связи и коммуникации, так как мобильный телефон и спутниковая связь сделали все 100% поверхности Земли принципиально досягаемыми для любого человека в любой момент времени.

Радио. Еще один важный шаг в направлении глобализации был сделан, когда открыли способ передачи информации на расстояние с помощью электромагнитных волн. Принцип такой связи был впервые был открыт в 1895 г. русским изобретателем А. С. Поповым, а годом позже был запатентован итальянцем Г. Маркони. Он же в 1900 г. осуществил и первую передачу радиосигнала на большое расстояние (40 км). А еще через 2 года впервые азбукой Морзе была установлена радиосвязь через Атлантику. И хотя сам термин «радио» стал употребляться с 1910-х гг., регулярные радиопередачи начались только после изобретения в 1918 г. первого массового радиоприемника и открытия в 1920 г. в Питтсбурге (США) первой в мире коммерческой радиостанции. К 1922 г. уже более 500 радиостанций США получили право на ведение радиопередач, а в Англии в том же году была организована Британская радиовещательная компания BBC. В СССР регулярное радиовещание началось в 1924 г., а в 1925 г. был основан Европейский союз по радиовещанию, которому было поручено согласовать работу радиостанций разных государств. По существу, это был первый опыт регулирования международных отношений в данной области. После того как в 1929 г. был изобретен автомобильный радиоприемник, уже через несколько лет ежедневная мировая радиоаудитория достигла 50 млн человек и радио стало феноменом зарождавшейся тогда массовой культуры.

Компьютеризация. Интернет. Переход к серийному производству персональных компьютеров в 1980 г. стал началом еще одной революции в научно-техническом прогрессе — *информационной*, а появление в 1991 г. «всемирной паутины» (англ: world-wide web) открыло принципиально новые возможности получения и распространения информации, соединив в единую систему информационное пространство всей планеты. Преимущества и практическая польза компьютерной сети Интернет были столь очевидны, что уже через год он начал действовать более чем в 30 странах мира, и более 4 млн человек получили доступ к сети. Через 4 года, в 1995 г., Интернет пережил оглушительный успех — число его пользователей, достигшее к этому времени 26 млн человек, увеличивалось каждую секунду на одного абонента. Еще через 5 лет, к 2000 г., эта цифра увеличилась практически в десять раз, составив уже около 250 млн человек. В 2002 г. Интернет связывал 689 млн человек и 172 хоста, а в 2003 г. в мире насчитывалось уже более 3 млрд интернет-сайтов. В значительной степени успех компьютеризации и распространения «всемирной паутины» обеспечили и бесспорные преимущества электронной почты перед обычной, что многократно увеличило возможности и потребность интерактивного общения, для которого единый язык общения стал объективной необходимостью. В силу ряда причин, о которых еще будет специальный разговор, такую роль стал выполнять английский язык.

Фотография. Звукозапись. Появление фотографии и звукозаписи сыграло особую роль в процессе глобализации, так как не только колоссально расширило возможности передачи и накопления информации, но и оказало революционное воздействие на культуру в целом, которая в условиях глобализации переживает существенную трансформацию и становится массовой, усредненной, фрагментарной. В процессе становления единого человечества для нее характерны стандартизация, упрощенность, тиражируемость, унификация. В свою очередь, такая культура сама оказывает влияние на глобальные процессы, адаптируя их к различным национальным, религиозным, этническим условиям. На развитие культуры в этом направлении принципиальное влияние оказывает научно-технический прогресс, прежде всего совершенствованием форм отражения, фиксации и передачи достижений культуры. Так, изобретение Л. Ж. М. Дагером фотографии, а тем более изобретение в 1895 г. братьями Л. и О. Люмьер кинематографа, открыли принципиально новую страницу межкультурного диалога, неимоверно расширив возможности и условия для распространения и взаимовлияния различных культур, в том числе тех, которые прежде никогда не соприкасались. Потенциально эти возможности еще больше расширились, когда в 1898 г. В. Пульсен осуществил первую магнитную звукозапись, и окончательно материализовались после того, как в 1920-х гг. появилось звуковое кино,

затем в 1935 г. фирмой AEG была осуществлена первая демонстрация магнитофона, а в 1948 г. компания Columbia Records стала выпускать долгоиграющие пластинки.

Современные цифровые фотоаппараты, «айфоны», смартфоны, планшетные компьютеры, миниатюрная аудио- и видеоаппаратура и другие гаджеты по своим техническим характеристикам превосходят прежние образцы техники и позволяют осуществлять не только производственный, экологический, технологический и тому подобный мониторинг, но и тотальный контроль за жизнью и поведением людей, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Копировальная техника. В 1938 г. Ч. Карлсон изобрел первый аппарат для сухого копирования, что открыло широкие возможности для тиражирования печатной продукции и распространения информации, существенно затруднило контроль над информационными потоками и сделало в конечном счете «железный занавес», политику умолчания, подавление свободы слова и т. п. малоэффективными. Несомненно, это сыграло положительную роль в ослаблении многих тоталитарных режимов, хотя и таило в себе угрозу более свободного распространения подрывной, националистической, экстремистской литературы, порнографии и т. п. В СССР, например, вплоть до второй половины 1980-х гг. пытались вести контроль над множительной, копировальной техникой, когда организации и частные лица, владельцы ксероксов, факсов и даже пишущих машинок должны были ставить их на учет. В силу фактической невозможности решить данную задачу эта затея была обречена на провал, что и свершилось к концу 80-х гг. с ростом числа владельцев такой техники. Однако и теперь «закрытые» общества предпринимают значительные усилия, чтобы противостоять свободному распространению информации среди населения своих стран. Так, «Талибан» запрещал пользование Интернетом, радио, телевидением. А Северная Корея и сегодня отгораживается от мирового информационного пространства. Там только в начале 2004 г. открыли официальный сайт страны в Интернете и разрешили лишь избранному кругу наиболее благонадежных лиц пользоваться сетью.

Телевидение. С тех пор как в конце XIX в. независимо друг от друга португальский и русский ученые А. ди Пайва и П. И. Бахметьев сформулировали принцип последовательной передачи элементов изображения, который был положен в основу современного телевидения, открылись принципиально новые возможности для развития процессов глобализации. Однако первые системы электронного телевидения появились в середине 30-х гг. XX столетия, а с 1939 г. регулярное телевизионное вещание началось и в СССР. В 1926 г. Дж. Л. Бэрд впервые демонстрировал цветное телевидение. В 1929 г. ВВС осуществила первую в мире телевизионную передачу. В 1934 г. В. К. Зворыкин изобрел иконоскоп (телевизионную передающую трубку), что открыло

путь массовому производству телевизоров. Помимо того что телевидение обеспечило «визуальное присутствие» людей в любой точке планеты и даже далеко за ее пределами, оно предоставило неведомые ранее возможности для исследования животного мира, так как теперь специальная аппаратура позволяет, создавая «эффект присутствия», наблюдать жизнь малоизученных прежде животных, ночных хищников, царство подводного мира или видеть происходящее в норе, дупле и т. п. Все это оказывает непосредственное влияние на формирование глобального мировоззрения, способствует лучшему пониманию происхождения жизни на Земле, ее единых оснований и взаимосвязи всех живых организмов планеты. Теперь телевидение является символом и сосредоточением массовой культуры, и многие не без основания считают его главным врагом локальных культур и национальных языков, рассадником усредненной моды, вкусов и т. п., а антиглобалисты называют телевидение «атомной бомбой» глобализации.

Освоение космоса. Наконец, в череде научно-технических достижений важнейшую роль в глобализации современного мира сыграло освоение космоса. Запуск в 1957 г. Советским Союзом первого искусственного спутника Земли открыл новую страницу в истории человечества — космическую эру. 12 апреля 1961 г. состоялся первый полет человека в космос, которым фактически завершился процесс формирования территориального единства мировой (глобальной) цивилизации, и последующий ход событий стал разворачиваться уже вокруг содержательных аспектов становления целостного мира. В 1962 г. США вывели на орбиту первый телевизионный спутник и провели первую трансатлантическую телевизионную связь через спутник между городами Андовер (США) и Плёмёр-Боду (Франция). В 1963 г. США запустили первый геостационарный спутник связи Syncom 1, запуск которого означал, по сути, качественно новый этап становления единого мирового информационного пространства. К началу XXI в. космические средства связи и передачи информации не оставили на планете «белых пятен», т. е. мест, из которых человек не мог бы выйти на связь с любой точкой планеты. Космические средства связи, таким образом, окончательно сформировали единое информационное пространство планеты, в результате чего все жители Земли оказались в едином информационном пространстве и в режиме реального времени могут теперь узнавать о важнейших мировых событиях независимо от того, где они происходят, причем не только на Земле, но и в космосе, куда человек направляет исследовательские аппараты, где ведет наблюдение при помощи теле- и радиоаппаратуры и т. п.

Урбанизация. Одним из аспектов современной глобализации является беспрецедентный рост городов, которые буквально на глазах превращаются из просто больших городов в мегаполисы. Город расширяет сам себя, «не умещается в себе», все активнее поглощая окружающее

пространство. Его гигантский организм подчиняется уже собственным законам, и люди следят за его расползанием с изумлением и тревогой, как некогда — за явлениями природы. Разросшиеся города вызвали к жизни целую науку о среде больших городов: экологию мегаполисов. Говоря о природе мегаполисов и судьбе городов-континентов, следует заметить, что начало появлению городов было положено неолитической революцией около 6—8 тыс. лет тому назад, т. е. когда человек перешел к оседлому образу жизни. Относительно большие города можно обнаружить уже в древних цивилизациях: майя, ацтекской, шумерской, аккадской, древнеегипетской, древнеримской, но там города — прежде всего центры ремесла и торговли. По-настоящему же большой город появляется в эпоху промышленной революции — в XVII—XVIII вв., а его расцвет начинается в XIX в., когда получило развитие промышленное производство.

Таким образом, город — это явление, порожденное промышленными технологиями. А вот перерастание больших городов в мегаполисы — характерное явление XX в. Современная наука и технологии позволили свести занятость населения в сельском хозяйстве до 3—4% в высокоразвитых странах. Высвободившаяся рабочая сила хлынула в город, где оказалась востребованной растущим производством, ориентированным на выпуск промышленных товаров. Вот тут-то большие города и стали превращаться в то, что мы называем теперь мегаполисами: крупнейшие образования эпохи научно-технической, а затем и информационной революций. Мегаполису в этом смысле не более полувека, максимум век. Явление это настолько новое, что человек еще не успел научиться с ним как следует справляться, а наука еще не подошла к такому осмыслению этого явления, чтобы адекватно реагировать на изменившуюся ситуацию.

XX столетие, сопровождавшееся беспрецедентным ростом народонаселения Земли, с полным основанием можно назвать эпохой урбанизации, так как численность городского населения за это время во всем мире многократно увеличилась и отмеченная тенденция продолжает сохраняться. Вместе с тем под влиянием научно-технического прогресса и прежде всего новейших технологий, связанных с информационной революцией и компьютеризацией различных сфер общественной жизни, а также по причине обострения экологических и других глобальных проблем в развитии современных городов в последние десятилетия наметились существенные перемены. Они выразились в том, что в развитых странах рост крупных городов заметно снизился за счет того, что современные средства коммуникации и развитая инфраструктура, а также лучшие экологические условия сделали более привлекательной жизнь в пригородах и относительно небольших поселениях. Города, таким образом, стали расти не только ввысь, но и вширь за счет прилегающих территорий, превратив-

шись в принципиально новые образования — мегаполисы, которые существенно отличаются от традиционного, «классического» города как по своей структуре, так и по характеру, условиям проживания городского населения. Так, если до промышленной революции жизнь города разворачивалась вокруг его центра, т. е. центральная часть города традиционно была местом и торговли, и проживания, и жизнедеятельности, (причем наиболее состоятельных горожан), то развитие промышленности вместо рынков и торговых рядов сделало главными системообразующими объектами города крупные предприятия. В результате появились внушительные промышленные кварталы и территориально привязанные к ним «спальные районы», по соображениям компактности состоящие из многоэтажных скученно выстроенных высотных зданий для проживания в них трудового населения.

Ситуация существенно меняется с развитием высоких технологий, совершенствованием средств коммуникации, связи и т. п., что ведет, с одной стороны, к разукрупнению предприятий и дифференциации трудовых коллективов, а с другой стороны, предполагает более высокий уровень образования и культуры занятых в производстве. Это, в свою очередь, обуславливает и более высокие требования городского населения к экологическим стандартам окружающей его среды. Отмеченные причины, наряду с экономическими, лежат в основе того, что в центральной части сформировавшихся мегаполисов стали располагаться преимущественно высотные здания офисов и административных учреждений, образуя то, что в западных городах именуется *city* (англ.). При этом многоэтажное, относительно дешевое жилье, громоздящееся, как правило, ближе к центру, стало уделом по большей части малообеспеченных горожан или начинающей самостоятельную жизнь молодежи. Средний же класс, а тем более состоятельные граждане таких мегаполисов все чаще предпочитают собственные дома в экологически чистых районах. Отмеченная тенденция характерна для мирового городского хозяйства в целом и проявляется тем более четко, чем более развитой в экономическом отношении является та или иная страна.

Одним из символов глобализации стала ***всемирная система ресторанов быстрого питания McDonald's***, начало которой было положено в 1954 г. Сегодня эта корпорация имеет около 30 тыс. ресторанов в более чем 120 странах мира. Наконец, еще одним атрибутом современной глобализации является *массовое сознание*, причем манипуляция последним стала обыденным явлением. Для этого используются не только печать, радио, кино, телевидение, насаждающие стереотипы массовой культуры, но и специальные исследования, проводимые с 1935 г., когда Дж. Х. Геллап основал Институт общественного мнения, названный впоследствии его именем. К концу XX в. пиар-технологии получили широкое развитие и стали неотъемлемым атрибутом современной политики практически во всех странах мира.

Важнейшими *следствиями глобализации* явились новые, никогда прежде не проявлявшиеся угрозы глобального мира, такие как *международная преступность* и *глобальный терроризм*, использующий все новые и новые методы совершения преступлений — от осуществления техногенных катастроф и масштабных терактов (к примеру, газовая атака в токийском метро, которую провела террористическая секта «Аюм Сенрикё» в 1995 г., нападение на США международной террористической организации «Аль-Каида» 11 сентября 2001 г.), до «биотерроризма» (рассылка бактерий сибирской язвы, токсического вещества рицин в почтовых конвертах) и кибертерроризма (использование разрушительных вирусов, взламывание серверов, электронное ограбление банков и т. п.).

Глобализация вызвала к жизни или инициировала расширение до глобальных масштабов многих явлений и процессов, прежде имевших локальный или региональный характер. Так, поистине глобальными проблемами стали *борьба с наркозависимостью* и *наркоторговлей*, годовой объем которой только в 1999 г. составил 400 млрд долл. США, или, например, *все увеличивающаяся миграция населения*, объем которой только в период с 1950 по 1998 г. составила 20 млн человек для Западной Европы. В США, Канаду и государства Латинской Америки за это время эмигрировало 34 млн человек. Для сравнения: в историческом процессе IV—VII в., получившем название Великое переселение народов, участвовало не более 1,5 млн человек. Другой вид «миграции» — *международный туризм* — фактически полностью является порождением глобализации. Так, если в начале XX в. путешествие по миру могло позволить себе весьма ограниченное количество состоятельных людей, то в 2002 г. уже 715 млн жителей планеты совершили туристические поездки, а в 2014 г. их число составило более 1 млрд человек.

Глобализация создала благоприятные условия для быстрого и масштабного распространения инфекционных и других заболеваний, таких как *туберкулез*, *малярия*, *холера*, *гепатит*, и породила принципиально новые болезни глобального мира. Так, первым глобальным вирусом стала *испанка*, которая разразилась сразу после Первой мировой войны, ею переболел каждый второй житель Земли, и она унесла многие миллионы человеческих жизней. Затем появились и вовсе неизвестные ранее «болезни современной цивилизации»: *СПИД*, *атипичная пневмония*, *«куриный грипп»*, *«свиной грипп»* и иные «глобальные» вирусы, которые вряд ли будут последними.

Наконец, следствием глобализации стали мощные и ничем не сдерживаемые потоки информации, капитала, товаров, услуг, а также появление множества новых и усиление прежних международных государственных и негосударственных структур и организаций, таких как Всемирная торговая организация, куда в 2015 г. входила 161 страна,

Интерпол, Мировой банк, НАТО, «Гринпис», «зеленые», антиглобалисты и т. д. и т. п., о чем еще будет сказано в соответствующих главах.

Не утихают и дискуссии, в которых одни выступают за глобализацию, другие — против, но вопрос теперь, пожалуй, не в том, быть или не быть глобализации, а в том, какой ей быть, кто и какую роль в ней играет и будет играть.

§ 8. От глобальных проблем к глобализации

Процессы становления новых международных отношений, ставшие объектом пристального внимания во второй половине 1990-х гг., и жаркие споры, развернувшиеся вокруг глобализации, ее природы, движущих сил и содержания этого понятия, высветили одну важную деталь. Даже в среде специалистов, обсуждавших различные аспекты глобализации, практически не упоминались *глобальные проблемы*, о которых еще недавно так много говорилось, и уж совсем не обращали внимания на то, какова связь между глобализацией и глобальными проблемами. В данный период также практически вышел из употребления и другой, получивший до этого достаточно широкое распространение термин «*глобалистика*». Все, что касалось *глобализации*, рассматривалось в контексте становления новой реальности так, будто мировая проблематика никогда до этого не обсуждалась, а глобальные проблемы не были предметом пристального внимания ученых, в результате чего они получили определение, классификацию, соответствующий статус, отличающий их от всех остальных проблем, и т. п. Другими словами, множество разговоров, дискуссий, публикаций, посвященных данной теме, оставляли практически без внимания весь двадцатилетний этап развития глобалистики до начала 1990-х гг.

Многие пишущие теперь о глобализации «с чистого листа» не знают (или не хотят знать) о целой эпохе исследования глобальных проблем современности, где, конечно же, было немало ошибок, заблуждений, идеологического «мусора» и наивности, но тогда же были поставлены и частично решены фундаментальные вопросы глобального человечества, получили осмысление принципиально новые для него угрозы. Однако все это остается вне поля зрения, если глобализацию рассматривать в модном еще недавно постмодернистском ключе, пренебрегая глубоким анализом, фундаментальностью, достигнутыми результатами.

Итак, объяснение этой, на первый взгляд, парадоксальной ситуации следует искать не в стечении каких-либо случайных обстоятельств или недоразумении, а в объективных масштабных и динамичных изменениях важнейших параметров общественной жизни и психологии людей, оказавшихся под впечатлением новых изменений. Речь стоит вести скорее о том, что в рассматриваемый период проявилась определенная череда закономерностей: смена поколений, идей и на-

учной парадигмы. А способствовала этому резкая перемена событий, на несколько лет переключившая внимание научной и мировой общественности на принципиально иные проблемы. Поэтому когда снова вернулись к общечеловеческой проблематике, то посмотрели на нее другими глазами и увидели все человечество не со стороны одолевавших его проблем и опасностей, а как бы изнутри, динамики, развития и движения мирового сообщества к новым состояниям.

В начале книги (в предварительных замечаниях) я уже говорил «*принципе дисплея*», выясняя вопрос, когда наступает прозрение, и указывал на то, что человеческое познание осуществляется избирательно и в определенных интервалы времени, фиксируется лишь на тех или иных отдельных событиях. Именно по этой причине и широкое общественное сознание, и даже внимание специалистов, поглощенные происходившими процессами, не реагировали в конце 1980–1990-х гг. на глобальные проблемы, т.е. на то, что ассоциировалось с уже, как казалось, преодоленным историей, не придали значения проблемам и опасностям, о которых уже немало было сказано в предыдущие годы и которые в силу того, что уже «примелькались», не так остро воспринималось, как опасности от перестройки мирового порядка после развала СССР. Однако на самом деле эти проблемы не только никуда не делись, но и не потеряли актуальности, более того, острота многих из них даже усилилась.

В последние годы интерес к *глобальным проблемам* стал снова обнаруживаться, но при этом и теперь некоторые исследователи делают вывод, что они предшествовали *глобализации* не только во времени, но и по содержанию, т.е. считают сторонники такой позиции, глобальные проблемы обусловили глобализацию, а не наоборот. Это заблуждение, очевидно, связано с известной логической ошибкой, которую допускают, если не придают должного значения тому, что «после этого» еще не значит «по причине этого». А именно так и обстоят дела с глобальными проблемами и глобализацией.

В силу известных причин (отчасти мы уже говорили об этом в предыдущих параграфах) глобальные проблемы первыми обратили на себя внимание своим непосредственным негативным влиянием на реальную жизнь людей. Первым и естественным желанием было преодолеть их, устранить из жизни общества. В этих условиях преобладал инструменталистский подход, когда полагали, что достаточно принять правильные решения, найти средства, ресурсы, которые станут инструментами таких решений, — и глобальные проблемы можно преодолеть, устранить, вовсе элиминировать раз и навсегда. Но по мере исследования одних проблем открывались новые, тесно с ними связанные, и все в большей степени вырисовывалась довольно сложная система глобальных противоречий, которые усложняли работу ученых и специалистов. Многие проблемы, вставшие перед человечеством,

«сцепились друг с другом, подобно щупальцам гигантского спрута, опутали всю планету, — отмечал в свое время А. Печчеи. — Число нерешенных проблем растет, они становятся все сложнее, сплетение их все запутаннее, и их “щупальца” с возрастающей силой сжимают в своих тисках планету»¹. Разобраться в этой ситуации можно было лишь при определенных дополнительных усилиях и времени, которого тогда попросту не хватило из-за уже упоминавшихся событий конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Теперь настало время расставить правильные акценты и показать, как долго и исподволь вызревавшие *процессы глобализации на определенном этапе развития породили, вызвали к жизни глобальные проблемы*, которые в силу своей очевидной опасности обратили на себя внимание в первую очередь. В то время важную роль в понимании сущности и сложной взаимозависимости глобальных проблем сыграла зарождавшаяся тогда глобалистика. Теперь глобалистика, значительно развившаяся в последние годы, в том числе за счет осмысления процессов глобализации, может и должна привести в соответствие результаты своих исследований, полученные на различных этапах ее развития. А это будет означать, что не только процессы глобализации станут более понятными благодаря анализу следствий, которые она вызывает, но и сами глобальные проблемы раскроются в большей степени, когда причины, их породившие, сделаются в большей степени предметом науки, нежели политики и идеологии.

Во всяком случае, уже теперь вполне очевидно, что, например, полностью преодолеть, устранить *глобальные проблемы* из жизни общества, как то полагали на начальных этапах развития глобалистики, *нельзя*. Данное заблуждение вполне объяснимо трудностями роста нового научного направления и недостатком знаний об истинной природе глобальных проблем, когда их пытались решить прямо, непосредственно, «в лоб». Ни самого термина, ни представлений о *глобализации* тогда еще не было, а потому и появление глобальных проблем не ассоциировалось с динамикой и вполне определенным этапом исторического развития человечества, когда оно обрело планетарные масштабы.

Теперь же, когда стали понятными природа и основные этапы развития глобализации (о чем специальный разговор впереди), воочию проявилась прямая связь между ней и глобальными проблемами, *которые она-то и вызвала к жизни*. Проще говоря, у глобального человечества по определению не может не быть глобальных проблем, и потому, единожды появившись, они будут теперь всегда, пока будет существовать мировое сообщество. А это означает, что усилия и ресурсы следует направлять не на устранение из жизни общества глобальных

¹ Печчеи А. Указ. соч. С. 7.

проблем, а на снижение их остроты и опасности, не порождая новых проблем там, где этого можно было бы избежать.

Суммируя сказанное, отметим, что *глобализация* — это многовековой естественно разворачивающийся процесс становления единых для всей планеты биосоциальных структур, связей и отношений; *глобальные проблемы* — результат, порождение этого процесса; а *глобалистика* — сфера теории и практики, в центре внимания которой находятся глобализация и глобальные проблемы.

То, что глобалистика первоначально зарождалась в процессе исследования глобальных проблем, т.е. в результате анализа не причин, а следствий, когда термина «глобализация» еще попросту не было, вводит некоторых современных исследователей в заблуждение относительно того, что из чего вытекает. В частности, многие теперешние рассуждения о глобализации по большей части замыкаются на последнее десятилетие и оставляют без внимания генезис этого сложного явления, хотя сам термин при этом употребляется, как правило, для характеристики интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества.

Итак, глобалистика как особая сфера научных исследований и целостное миропредставление приобрела очертания к концу 1980-х гг. благодаря изучению *глобальных проблем*, которые в то время целиком поглотили внимание исследователей, тогда как процессы глобализации оставались вне поля зрения. Затем наступило время, когда глобальные проблемы отошли на второй план, а глобалистика оказалась на время попросту заброшенной. Основным импульсом, повернувшем научную и общественную мысль в новом направлении, стали события, вызванные распадом социалистического лагеря и обусловившие новую расстановку сил на международной арене. В то же время распад Советского Союза открыл принципиально новые возможности для вовлечения всех сфер общественной жизни в процесс глобализации, которая к этому времени объективно вызрела, но не могла развернуться в полной мере, ибо существование двух противоположных социально-экономических и политических систем, многие десятилетия враждовавших на грани термоядерной войны, являлось серьезным препятствием на пути интеграции мирового сообщества и существенно тормозило развитие объективных процессов глобализации.

И лишь в конце 1990-х гг., когда мир в основном оправился от пережитого стресса, полученного в результате кардинальных перемен всей системы международных отношений, и занялся осмыслением новой ситуации, наступил следующий, второй этап развития глобалистики, к тому времени уже в значительной степени забытой. Именно

тогда и пришла «новая волна» повышенного внимания к этой сфере научных изысканий, в результате чего глобалистика обрела как бы «второе дыхание» за счет активного осмысления теперь уже процессов *глобализации*, но при этом практически полностью забыли о глобальных проблемах.

Таким образом, если до начала 1990-х гг. все внимание было сосредоточено только на *глобальных проблемах*, то к началу нового века и научным, и широким общественным вниманием завладела исключительно *глобализация*. Так часто бывает — сначала обращают внимание на следствие, а только затем на причины, их породившие, но об этом еще будет специальный разговор в гл. V. Теперь же отметим, что в настоящее время, когда суть, динамика и тенденции развития глобализационных процессов в основном обозначились, а глобальные проблемы, выявленные еще четверть века тому назад, с не меньшей остротой, чем прежде, заявляют о себе, наступает время нового этапа, на который должна выйти глобалистика, — этапа интеграционного, когда в центре ее внимания будут и *процессы глобализации*, и порождаемые ею *глобальные проблемы*, рассматриваемые комплексно, как звенья одной цепи, которые тесно связаны и взаимообуславливают друг друга.

§ 9. Новый этап развития — возрождение глобалистики

Зарождение и становление глобалистики, как уже отмечалось, происходило по мере осознания и стремления преодолеть глобальные проблемы еще в 1970–1980-е гг. Однако появление ее как нового научного направления в полном смысле этого слова относится лишь к последнему десятилетию и обусловлено в значительной степени как распространением ее предмета, прежде всего на процессы глобализации, так и интеграцией различных наук в решении сложных комплексных проблем глобального характера. При этом сам термин «глобалистика» хотя и встречается в литературе уже в 1970-е гг., но серьезно о его содержании заговорили только с конца 1990-х гг., когда основное внимание ученых переключилось с глобальных проблем на осмысление феномена глобализации, и в данной области значительно расширился спектр обсуждаемых вопросов. К этому времени термины «глобалистика», «глобализация», «антиглобализм», «глобальный мир», «глобальные опасности» и т. п. стали уже расхожими, получив широкое распространение не только в научной литературе, средствах массовой информации, политическом лексиконе, но и в обыденном общении.

Сегодня основной смысл указанных понятий на уровне общих представлений, казалось бы, не вызывает особых проблем, однако в научной среде их содержание остается предметом серьезных дискуссий и нуждается в уточнении, так как разные ученые зачастую вкладывают в них разный смысл. Одни полагают, что глобалистика является

научной дисциплиной или даже «количественной наукой»¹, другие — *отраслью научного знания*, третьи — *наддисциплинарной отраслью научного знания*. Многие считают, что глобальные проблемы предшествовали глобализации, некоторые — наоборот. Одни полагают, что глобализация — объективный процесс, а глобалистика призвана исследовать этот процесс и его последствия; другие рассматривают глобализацию как результат действия определенных социально-политических сил на международной арене, что задает принципиально иную перспективу в понимании глобалистики.

В данном случае имеет место не схоластическая игра в понятия и не переключение внимания с главных вопросов на второстепенные, а вполне нормальный и закономерный этап становления единого и понятного всем языка междисциплинарного общения. Такой этап рано или поздно переживает каждая вновь возникающая научная дисциплина или формирующаяся область научных исследований. Потому так важно подчеркнуть, что уточнение понятий, а также правильная расстановка акцентов и разработка соответствующей иерархии основных терминов имеют принципиальное значение и являются важным шагом к становлению целостного знания. В этой связи отметим, что термин «глобалистика» появился на волне активных разговоров и многочисленных публикаций по поводу опасностей со стороны глобальных проблем, на которые обратили серьезное внимание после опубликования первых докладов Римского клуба, и первоначально он означал лишь сферу научного знания, связанную с исследованиями в области глобальных проблем. А произошло это лет на двадцать раньше, чем заговорили о «глобализации», которая в то время была не столь очевидна по причине сильного идеологического, политического, военного, экономического противостояния, оказывавшего соответствующее влияние на состояние как широкого общественного, так и научного сознания. Слово же «антиглобализм» вошло в обиход лишь несколько лет тому назад, когда в различных странах международное движение антиглобалистов заявило о себе экстравагантными выступлениями и акциями протеста.

Привести в определенную систему весь этот терминологический ряд стало в итоге актуальной задачей, где вопрос о статусе глобалистики, ее категориях, принципах, подходах является принципиальным. Это хорошо видно на примере термина «глобализация», который большинством специалистов употребляется, как правило, для характеристики интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы

¹ См.: Федотов А. П. Глобалистика: начала науки о современном мире. М., 2002.

всего мирового сообщества. Речь в этом случае идет об объективных тенденциях, имеющих глубинные исторические корни, предпосылки и современные стимулы для своего развития, а глобализация рассматривается как новое качество мира¹. Но такая точка зрения разделяется не всеми, и в современной литературе отражен широкий спектр других подходов и точек зрения.

При этом выделяются две крайности в истолковании и самого феномена глобализации, и истории его появления. Одна из них состоит в том, что планетарный характер социальных связей и отношений трактуют неправомерно *расширительно*, пытаясь усмотреть их уже в первобытном обществе, и с этой точки зрения даже ранние этапы развития человечества характеризуют как глобальные². Другая крайность заключается в том, что глобализацию трактуют слишком *узко*, когда современные процессы общественного развития рассматриваются в отрыве от их фундаментальных причин и генезиса, т.е. не учитывается история и динамика становления международных структур и транснациональных связей.

Более подробно указанные точки зрения будут рассмотрены позже, когда будем говорить о различных этапах осмысления глобализации, теперь же следует отметить, что при таких подходах понятие глобализации или «размывают», или неправомерно «сужают», когда ее нередко связывают лишь с событиями последних двух-трех столетий, а то и вовсе видят в ней сознательно осуществляемую кем-то политику (целенаправленный процесс) и даже говорят о ней как о субъективной реальности, чьим-то коварным замыслом, реализуемом в интересах определенного круга лиц. Другими словами, в глобализации усматривают идеологическую конструкцию, которую изобрели политические лидеры, финансовые воротилы, используя для этого современные компьютерные технологии, электронные средства связи и мгновенной передачи информации на любые расстояния. А осуществляется это с целью прикрытия процесса новой колонизации мира, в интересах группы стран «золотого миллиарда». Речь в таком случае идет, как правило, о «мировой элите», «международной закулисе» и т.п. или об отдельных государствах и даже корпорациях³. Позиция антиглоба-

¹ См.: Неклесса А. И. Ordo quardo: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / отв. ред. М. В. Ильин, В. Л. Иноземцев. М., 2001.

² Такое понимание глобализации характерно, например, для А. П. Назаретяна, что отражено в его работе «Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (синергетика — психология — прогнозирование)». (М., 2004); В. И. Пантина, что отражено в его книге «Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении». (М., 2003) и др.

³ У данного подхода имеется немало сторонников, к которым можно отнести, опираясь на работы и высказывания указанных авторов, В. И. Самохваловой, В. С. Васильева, А. А. Зиновьева, М. Г. Делягина и др. Одна за другой за рубежом и у нас выходят работы, говорящие о тупике общественного развития, о «западне» глобализации и т.д. (У. Бек, Ф. Фукуяма, Г. Мартин, Х. Шуман, А. С. Панарин и др.).

листов также может быть охарактеризована как узкое представление о глобализации, когда ее понимают односторонне, лишь как негативное явление, с которым надо непременно бороться¹.

Приведенные примеры различных взглядов на глобализацию не охватывают всего спектра существующих точек зрения по этому вопросу, что объясняется не только сложностью проблемы, но и недостаточной разработанностью данной темы. В итоге затрудняется взаимопонимание между людьми, тормозится междисциплинарное взаимодействие, создаются серьезные препятствия на пути осмысления истинных причин глобализации и порождаемых ею глобальных противоречий. Здесь же кроются причины недопонимания и многих конфликтов, обусловленных тем, что мир в своих отдельных частях и отношениях становится все более единым, целостным, взаимозависимым, в то время как достаточно эффективные механизмы, призванные регулировать общественные отношения на глобальном уровне, в современных условиях отсутствуют. Вполне очевидно, что без глубокого анализа и достаточно ясного понимания сути процессов глобализации трудно рассчитывать на успешное преодоление указанных выше проблем.

Итак, сегодня мы все еще стоим перед необходимостью признания полноценного статуса глобалистики, которая накопила богатый материал, получила достаточное развитие и представлена многообразием школ, направлений, различных объединений, творческих коллективов, групп ученых и т.п. Сложный характер объекта исследования и неизбежная в этом случае междисциплинарность значительно затрудняют установление четких границ интересующего нас предмета, ибо они нередко сливаются с другими областями знания: футурологией, культурологией, философией. К тому же теоретические знания, получаемые в глобалистике, зачастую оказываются связанными с необходимостью принятия конкретных решений, что ведет к еще большему расширению границ обсуждаемого предмета.

Как уже отмечалось, глобалистика тесно связана с общественно-экономическим укладом, политикой, идеологией и на Западе представлена двумя основными направлениями: «технократическим» и «технопессимистским». Советская же глобалистика хотя и возникла изначально на волне критического осмысления первых публикаций западной глобалистики, в частности докладов Римского клуба, тем не менее достаточно быстро выработала свой стиль, подходы и встала на собственные мировоззренческие и методологические рельсы. В силу известных причин она не была свободна от идеологической зависимости, но, будучи тесно связанной с естествознанием, конкретными расчетами точных наук и практикой преодоления глобальных про-

¹ См.: *Агитон К., Амин С., Бузгалин А. В.* Мир не товар (что такое глобализация и какова позитивная программа антиглобалистов). М., 2001.

блем, сумела конституироваться как серьезное научное направление, оказавшее влияние не только на развитие науки в целом, но и на различные сферы общественной жизни: экономику, политику, культуру, и в некоторой степени даже на саму идеологию.

В последнее десятилетие идеологическое противоборство трансформировалось, уступив основное место разногласиям экономическим, культурным, религиозным, национальным, послужившим основанием для разделения мира на ряд крупных регионов — своеобразных субъектов международных отношений, а на первый план выдвинулись культурно-цивилизационные различия в понимании тенденций и противоречий современного мира. Все это является предметом исследования глобалистики, в которой теперь сформировалось немало различных направлений, уже достаточно хорошо просматривающихся в научной и специальной литературе. Количество и конкретные названия этих направлений оказываются в зависимости от того, какие признаки будут положены в основание деления. Так, если за основание деления взять *направленность теоретических и практических решений*, т.е. поставить вопрос так: *какие принципиальные задачи решаются в той или иной области глобалистики?* — то в ней с определенной долей условности можно выделить восемь основных направлений.

Философско-методологическое направление. В его рамках исследуются философские основания, сущность, генезис глобальных процессов, анализируются наиболее важные социально-политические и экономические преобразования, необходимые для успешного решения вытекающих отсюда проблем. Здесь также выявляется соотношение важнейших, наиболее значимых понятий — таких, например, как «глобалистика», «глобализация», «глобальные проблемы», «глобализм»; исследуется влияние процессов глобализации на национальные и локальные культуры, экономику, политику, идеологию; прослеживается смена исторически сложившихся принципов развития цивилизации, которая носит принципиальный — глобальный — характер, и т.п. Так, в последнее время периодически поднимается вопрос о смене мировоззренческих позиций, в соответствии с которыми предлагается отказаться от исторически сложившихся взглядов антропоцентризма, поставив на их место биосфероцентризм или даже антропокосмизм. Это, по мнению сторонников такого подхода, повлечет за собой и принципиальные изменения традиционных религиозных ценностных установок, культурных стереотипов, научной парадигмы, что является объективной потребностью в условиях глобализации.

Естественно-научное направление. Так как теоретические исследования в глобалистике в значительной степени вызваны потребностями сегодняшнего дня и, как правило, непосредственно связаны с принятием конкретных решений, большое значение имеют данные, получаемые естественными и точными науками. Сегодня найдется

не так уж много наук в естествознании, которые не имели бы хотя бы косвенного отношения к осмыслению процессов глобализации или решению тех или иных проблем глобального характера. К примеру, установление предельно допустимых концентраций выброса вредных веществ (а это сфера компетенции химиков, биологов, медиков) или теоретические расчеты наступления «ядерной зимы» и ее катастрофических последствий в случае возникновения термоядерной войны (где первое слово за физиками, математиками, синоптиками, военными специалистами) делают теоретические обобщения и рекомендации ученых обстоятельными, фундаментальными, а предпринимаемые на их основе конкретные действия — более результативными. Все это вместе взятое является важнейшей составной частью современной глобалистики, оказывающей уже сегодня заметное влияние на принятие принципиальных, жизненно важных социально-экономических и политических решений.

Технико-экономическое направление. Здесь анализируется специфика современного этапа экономического развития, которую связывают, как правило, с глобализацией экономики, торговли, банковской системы, научно-технического прогресса. Отмеченные сферы человеческой деятельности не только испытывают влияние глобализации, но и сами непосредственным образом определяют ее конкретные формы, темпы развития и содержание. Так, рынок товаров, услуг, рабочей силы при современном развитии транспортных сетей, средств связи и информатизации всех сфер общественной жизни выходит за рамки национальных границ, оказывая непосредственное влияние на мировую экономику и формируя управляющую ею мировую экономическую и политическую элиту. Теоретическое осмысление таких вопросов имеет большое значение для проведения сбалансированной национальной и международной политики. Масштабные международные проекты, прежде всего в области научно-технического прогресса, скажем, строительство и эксплуатация международной космической станции или планы полетов к планетам Солнечной системы, осуществляемые совместными усилиями различных стран, также имеют прямое отношение к данному направлению глобалистики.

Социоприродное направление в глобалистике охватывает широкий круг проблем, из которых наибольшую озабоченность вызывает экология, обеспеченность человечества сырьевыми, энергетическими, водными, земельными и другими ресурсами. В его рамках рассматривается мировая социально-экологическая ситуация, специфика ее регионального и национального проявления. Выявление законов социальной экологии, оптимизация взаимодействия общества и природы, экологизация производства и формулирование принципов рационального природопользования, наконец, выработка концепции устойчивого развития являются важнейшими задачами данного на-

правления. В этой области исследований в тесном контакте работают представители естественных, технических, общественных наук, политики, производственники, общественные деятели. Их усилия направлены также на выработку практических рекомендаций в сфере социальной политики и охраны окружающей среды.

Социальное направление. Фактически все аспекты глобализации, как и ее всевозможные последствия, прямо или косвенно отражаются на жизни людей, что делает социальную сферу особым направлением глобалистики. Здесь принципиальное значение имеют демографические тенденции, которые в одних странах усиливаются, в других ослабевают, а в мировом масштабе продолжают расти довольно быстрыми темпами, что в обозримой перспективе, по мнению специалистов, будет определять динамику общественного развития, а также экономические и политические реалии во всем мире. Преодоление бедности, обеспечение продовольствием, развитие здравоохранения и борьба с «болезнями современной цивилизации», международное право, образование, миграционные потоки, в том числе незаконные, торговля наркотиками, угрозы биологического, технотронного и других разновидностей международного терроризма составляют содержание исследований данного направления глобалистики.

Политическое направление. Принятие большинства политических решений сегодня не обходится без учета «глобального фактора», который по ряду причин выступает в качестве одного из определяющих. Во-первых, сегодня ни одно государство мира не может позволить себе без серьезных последствий вести даже внутреннюю политику, игнорируя принятые мировым сообществом нормы и правила. Во-вторых, современный мировой порядок еще далек от совершенства, и в определении его будущих контуров идет достаточно жесткая борьба интересов, в том числе политических. В каком направлении будут изменяться международные отношения и что придет на смену ставшему уже историей «биполярному» миру послевоенной эпохи? Куда движется мировая система, в которой сегодня явно доминирует «полюс» военной силы, экономического могущества, культурного, финансового и политического влияния в лице США? Наконец, каковы место и роль России, Китая, исламского мира в новом геополитическом раскладе? Постановка таких вопросов и поиск ответов на них является предметом данного направления, которое в последнее время все чаще называют «политической глобалистикой».

Культурологическое направление. Здесь в центре внимания находятся проблемы, возникающие в результате влияния процессов глобализации на различные сферы культуры, средства массовой информации, ценностные установки, массовое сознание и т. п. Озабоченность широким распространением массовой культуры и вытеснение ею вековых традиций, сформировавшегося уклада, потеря самобытности

и национальной идентичности, а также вопросы соотношения таких понятий, как «культура», «цивилизация», «глобализация» также находятся в русле этого направления.

Прогностическое направление. Для этого направления характерны обобщение и экстраполяция современных процессов, тенденций и состояний в будущем с целью предугадать возможный ход событий при сохранении соответствующих условий. Ценность такого подхода в том, что человек не только пытается заглянуть в будущее, но и оказывает на него влияние своими действиями, формируя новый мировой порядок из дня сегодняшнего. Скажем, оценивая современное состояние и перспективные тенденции мировой экологической ситуации, выстраивают экологическую политику, принимая во внимание демографические прогнозы, экономические процессы в мире и т.п. Таким образом, глобалистика пытается дать прогноз на ближайшую и отдаленную перспективу и обозначить контуры будущего.

В последние годы в глобалистике наметилась новая тенденция, показывающая, что внимание ученых, исследователей и даже политиков все больше смещается от отдельных глобальных проблем к процессам глобализации и росту взаимозависимости как различных сфер общественной жизни, так и всевозможных международных структур. Причиной тому является не вполне удовлетворительный почти 50-летний опыт осознания и преодоления отдельных глобальных проблем, а также стремление выяснить фундаментальные причины их появления и нарастающей остроты. Так, если на первых этапах развития глобалистики доминировал подход в техницистском духе, т.е. считалось, что глобальные проблемы технически решаемы, и потому шел поиск прежде всего финансовых средств, организационных, экономических и инженерных решений, то на втором этапе на первый план вышел анализ процессов и тенденций быстро меняющегося мира.

Данная тенденция характерна и для конкретных научных дисциплин, и для философии, социологии, политологии, независимо от того, какими странами и континентами они представлены. Например, XXI всемирный конгресс философов, состоявшийся в августе 2003 г. в Стамбуле под общим названием «Философия лицом к мировым проблемам», практически целиком сосредоточился на обсуждении этой проблемы¹.

В России интерес к глобальной проблематике в последние годы связан прежде всего с изданием (с 2008 г.) специального междисциплинарного журнала «Век глобализации», объединившего вокруг себя наиболее авторитетных специалистов в данной области, и деятельностью созданного в МГУ им. М. В. Ломоносова (в 2005 г.) факультета глобаль-

¹ См.: «Философский парадокс»: материалы XXI Всемирного философского конгресса «Философия лицом к мировым проблемам». Стамбул, 10–17 августа 2003 г. Доклады российских участников. Краснодар: М., 2004.

ных процессов. Там не только ведется подготовка специалистов в области глобальной экономики и глобальной политики, но и регулярно проводятся международные конгрессы, активно публикуется литература по глобалистике. В частности, при активном участии сотрудников и студентов этого факультета были подготовлены русский и английский варианты справочника по глобалистике¹. Заметно активизируются и научные исследования в данной области, о чем свидетельствуют рост количества публикаций на эту тему, а также плодотворная работа значительного числа семинаров, конференций, специальных заседаний и т.п. Так, на базе Института философии Российской академии наук и Президиума Российского философского общества с 2000 г. проходит ежемесячный семинар «Философские и методологические проблемы глобализации». Следует упомянуть и издание на русском и английском языках междисциплинарной энциклопедии «Глобалистика», подготовленной большим коллективом ученых и специалистов, представляющих около 30 различных стран, а также международный энциклопедический словарь «Глобалистика», изданный на русском и английском языках при участии 648 авторов из 58 стран мира.

В итоге можно констатировать, что к настоящему времени *глобалистика* обрела достаточно четкие и вполне сформировавшиеся очертания. В узком смысле этого слова она являет собой *междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности процессов глобализации, определение причин их появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею глобальных проблем и поиск путей утверждения позитивных и преодоления негативных для человека и биосферы последствий этих процессов.*

В более широком смысле термин «глобалистика» означает всю совокупность научных, философских, культурологических и прикладных исследований различных аспектов глобализации и глобальных проблем, включая полученные результаты таких исследований, а также практическую деятельность по их реализации в экономической, социальной и политической сферах, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе.

Благодаря глобалистике представления о тенденциях становления мирохозяйственных связей как единой системы и порождаемых ею глобальных проблемах за последние годы значительно расширились, стали глубже. Вместе с тем нельзя не учитывать, что глобализация еще не вышла из «зоны турбулентности», где происходят активные, неупорядоченные процессы перемешивания различных потоков, импульсов, течений, возникающих на глобальном уровне в естественной природе и общественной жизни. Сходная ситуация — и в области осознания указанных процессов, где не прекращается и даже нарастает поток

¹ Глобалистика. Персоналии, организации. труды: энциклопед. справочник.

споров, дискуссий, выдвижения точек зрения в понимании и самого этого феномена, и всего того, что оказывается тесно связанным с глобализацией. В итоге глобалистика, хотя и обрела уже заметные очертания, тем не менее все еще пребывает в состоянии «тряски», «неустойчивости», переживая этап активного становления в качестве особой области научного знания.

Важно отметить следующее. Несмотря на то, что активная исследовательская работа в области глобалистики давно ведется во многих странах мира, она и сегодня практически никак не координируется на этом уровне, а творческие контакты ученых, работающих над решением одних и тех же задач в различных регионах планеты, крайне неудовлетворительны. Следствием этого является недостаточная эффективность многочисленных исследовательских проектов, всевозможных дискуссий, обсуждений, специальных заседаний клубов, творческих коллективов и организаций. Трудные переговоры и плохо выполняемые решения международных конференций, совещаний и даже структурных подразделений ООН по вопросам устойчивого развития, климата, загрязнения окружающей среды, ядерных отходов и т.п. — еще одно тому подтверждение. Наряду с отстаиванием своих национальных или корпоративных интересов отдельные страны и народы нередко сталкиваются с тем, что их сотрудничество и взаимодействие упирается в непонимание друг друга, когда одни и те же проблемы или явления получают разную трактовку в силу запутанности языка глобалистики и разного восприятия того, что обсуждается в этой области знания.

К сожалению, в немалой степени такому положению дел способствуют и дилетантские, непрофессиональные работы людей, имеющих подчас ученые степени в каких-либо конкретных областях знания, но рассуждающих о глобалистике совсем с других позиций. Примером тому может служить работа «Глобалистика: начала науки о современном мире», которую написал, как указано в сведениях об авторе, физик, специалист в области ускорителей заряженных частиц, доктор технических наук А. П. Федотов. Погрузившись в область гуманитарного знания и будучи убежденным в том, что «переход от стихийного движения истории, от стихийного капитализма к управляемому, плановому экологическому социализму будет невероятно трудным и мучительным»¹, он и к пониманию глобалистики подходит с таких же «научных» позиций, утверждая, что она «является наукой о запредельном мире, т.е. о мире, вышедшем за антропогенные пределы Земли»². От такого «запредельного» понимания глобалистики один шаг до эсхатологических оценок событий реальной жизни, что в данной книге имеет место в полной мере. Вот только один из таких фрагментов: «В соответствии

¹ Федотов А. П. Глобалистика: начала науки о современном мире. М., 2002. С. 11.

² Там же. С. 19.

с глобалистикой СССР как материк самого высокого в истории социального прогресса был создан не только трудом и мыслью народов СССР, но и трудом, и мыслью всего человечества, — пишет автор. — Разрушение СССР — России является первым страшным актом разрушения всей Земной цивилизации, не осозанным пока народами мира. Встраивание России в нынешнюю модель заведомо обреченного мира будет способствовать исчезновению и России, и Земной цивилизации»¹. Данный пример понимания глобалистики не заслуживал бы и упоминания, если бы был единственным и давно опубликованным, а подобные идеи не воспроизводились бы серьезными изданиями. Но это, к сожалению, не так².

Во избежание неправомерных аналогий и методологической путаницы важно подчеркнуть, что глобалистика — не какая-то отдельная наука или специальная научная дисциплина, которые во множестве возникают, как правило, в результате дифференциации научного знания или на стыке смежных дисциплин. Она не представляет собой систематического знания в том смысле, каким оно является, например, будучи физикой, химией, математикой, а потому единая наука о глобализации и ее последствиях, т.е. глобалистика как конкретная наука (частная дисциплина), невозможна. Глобалистика не выделилась, не отчленилась от какого-то конкретного знания в результате его усложнения и развития. Она рождена противоположными тенденциями — *интеграционными процессами*, характерными для современной науки, и представляет собой сферу исследований и познания, где различные научные дисциплины и философия, по большей части в тесном взаимодействии друг с другом, каждая с позиции своего предмета и метода, анализируют всевозможные аспекты глобализации и порождаемые ею проблемы, а также предлагают какие-либо решения глобальных проблем, рассматривая их как обособленно друг от друга, так и в качестве целостной системы.

В этой связи следует подчеркнуть, что в глобалистике, которая является *междисциплинарной сферой научного знания*, исследования ведутся усилиями специалистов разных направлений, и это принципиально отличает ее от конкретных наук, где работают «узкие» специалисты, представители тех или иных научных дисциплин, которые могут общаться на языке, понятном порой лишь очень ограниченному кругу таких же профессионалов. Глобалистика — это новая сфера научных знаний, где могут проявить себя, начиная с «чистого листа», и уже сло-

¹ Федотов А. П. Указ. соч. С. 12.

² См. также: Оленьев В. В., Федотов А. П. Глобалистика на пороге XXI в. // Вопросы философии. 2003. № 4; Перуанский С. С. Закон развития общества и глобалистика // Труды клуба ученых «Глобальный мир». 2002. Т. 4. М., 2003; Гобозов И. А. Государство и национальная идентичность: глобализация или интернационализация? М.: Книжный дом «Либроком», 2013 и др.

жившиеся специалисты в различных областях теории и практики, и новички, ищущие свои пути в науке, и даже те, кто начинает исследования в этой новой области теоретических изысканий с позиции какого-то конкретного естественнонаучного или гуманитарного знания.

Это также область интеграции различных наук, философии, политики, практики, где каждый представитель той или иной отрасли, рассуждая о проблемах, имеющих отношение к глобалистике, выступает прежде всего как специалист, профессионал *своего дела*. А в глобалистике, которая является крупным фрагментом, интегративной областью знания (сегментом) науки, *специалистов* нет и быть не может так же, как их нет в «науке вообще», ибо они становятся таковыми в отдельных ее отраслях. Здесь может быть только *специализация*, обусловленная профессионализмом в какой-то конкретной сфере научного знания. Другими словами, специфика глобалистики состоит в том, что здесь разные специалисты из отдельных областей науки и практики каждый со своей точки зрения стремятся осмыслить процессы глобализации или их последствия, в частности глобальные проблемы. Это означает, что не может быть специалиста не только в области глобалистики, но и в области глобальных проблем, а есть специалисты в конкретных областях знания, занимающиеся с позиции своего предмета глобализацией как явлением, теми или иными аспектами глобализации или ее последствиями. Дилетантизм в глобалистике, который наблюдается сплошь и рядом, проистекает в первую очередь из того, что этот важный момент упускается из виду и о глобализации, о глобальных проблемах нередко рассуждают «вообще» или с позиции другого предмета, не будучи в нем специалистом.

Итак, в глобалистике возможен лишь междисциплинарный подход к решению сложных комплексных проблем, а именно таковыми и являются процессы глобализации и порождаемые ими глобальные проблемы. В этом случае можно обменяться идеями с представителями других профессий и научных направлений, посмотреть на те же самые проблемы, но только с другой, непривычной для себя стороны, оставаясь при этом философом, политологом, биологом, химиком или специалистом в какой-либо другой области науки. Отсюда проистекает важное следствие, касающееся специфики интегративного знания, коим и является глобалистика. Можно ставить вопрос о *предмете, объекте, методе, цели, понятийном аппарате* и т.п. глобалистики, как предлагают некоторые исследователи¹. Однако нужно иметь в виду, что ответы на эти вопросы применительно к глобалистике лежат в иной

¹ См.: *Азроянц Э. А.* Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М.: Новый век, 2002; *Чешков М. А.* Глобалистика: путь самоопределения // Труды клуба ученых «Глобальный мир». 2002. Т. 4. М., 2003; *Кочетов Э. Г.* Росийская школа глобалистики и ее геоэкономический отдел — выход на новые горизонты // Там же.

плоскости, нежели относительно любой другой конкретной науки. В частности, предмет ее не может быть определен однозначно, хотя упрощенно можно сказать, что ее предметом является целостность мира, человечество в целом или вся биосфера с основным ее элементом — человеком. Также и понятийный аппарат глобалистики только в определенной мере (на философско-методологическом уровне) будет единым, в остальном же он оказывается «размытым» по отдельным наукам, причастным к соответствующим исследованиям. А если говорить о методах или целях глобалистики, то помимо определения каких-то базовых подходов придется заняться перечислением не только отдельных наук и их вклада в исследование соответствующих проблем, но и выявлением того, какое место в глобалистике занимают философия, культурология, политика, идеология, что делает решение такой задачи заведомо практически невыполнимым.

Акцентируя внимание на том, что глобалистика как *сфера интегративного научного знания* и то же время соответствующая *область практики* принципиально отличается от частных наук, ограниченных рамками точного знания, отметим, что это отличие приобрело принципиальный характер, когда теория и практика глобалистики получили значительное развитие и стали составной частью мировоззрения и жизни людей. Игнорировать указанное различие и далее — теперь, когда статус глобалистики принципиально изменился, — так же вредно, как называть, например, эзотерику, хиромантию и астрологию науками, каковыми они в стогом смысле этого слова, конечно же, не являются, хотя и рядятся в научные, а точнее, в квазинаучные одежды, оставаясь тем не менее лженауками. В этой связи важно подчеркнуть, что до окончательного выделения в Новое время науки из философии, т.е. тогда, когда точное знание и «любомудрие», допускающее безграничную рефлексию, не были еще разделены, алхимия, астрология и т.п. не являлись лженауками, ибо не противоречили той «науке», так как самой науки как особой формы мировоззрения, как социального института просто не существовало, и потому их роль в развитии рационального знания в то время следует оценивать положительно.

Однако с тех пор как точное знание обрело статус науки, называющие себя науками астрология, эзотерика, хиромантия, всевозможные магические практики и т.п. стали действительно *лженауками* и в этом качестве, безусловно, *вредны*. Это вовсе не означает, что нужно непременно бороться с ними как с явлениями. Они были, есть и как минимум в обозримой перспективе останутся. Здесь глубокие корни, которые кроются в субъективной природе, сущности самого человека. Но вот с чем действительно пора решительно бороться, так это с их *претензиями на научность*, ибо дело касается далеко не только чистоты языка, но и подмены понятий, за которой наступает мировоззренческая путаница и потеря ориентиров.

Разумеется, между глобалистикой и лженаукой нет ничего общего, но что важно подчеркнуть — терминологическая ясность и в том и в другом случае сегодня становится вопросом принципиальным, а очищение языка от терминологической путаницы и вербального «мусора» — делом первостепенной важности.

Еще одно существенное отличие глобалистики от конкретных научных дисциплин состоит в том, что осмысление глобальных тенденций и принципиальное преодоление порождаемых ими проблем требует не только теоретических исследований, но и соответствующих им результативных практических действий. Глобалистика тем самым объективно выполняет интегративную роль в сфере науки и практики, заставляя многих ученых, политиков и общественных деятелей по-новому посмотреть на современный мир и осознать свою ответственность не только за настоящее состояние общества, в котором они живут, но и за его будущее. Она заставляет задуматься над тем, что глобализация и порождаемые ею проблемы не оставляют человечеству иного выбора, как, преодолевая раздробленность и разногласия, идти к единству, по возможности сохраняя самобытность культур, вековых традиций и особенностей отдельных наций и народов. Но такое единение и согласованность действий может обеспечить лишь адекватное понимание происходящих в современном мире процессов и событий, знания о которых вырабатываются и формулируются в глобалистике.

Наконец, важно отметить, что ряд выводов, основанных на анализе объективных тенденций общественного развития, могут встретить обоснованные возражения со стороны тех, кто видит в глобализации прежде всего борьбу интересов и целенаправленную деятельность отдельных кланов или государств, в том числе ценой игнорирования интересов, а то и попрания законных прав других. Замечания такого рода будут справедливы, и их следует учитывать как в теоретических исследованиях, так и в практической деятельности, когда дело касается феномена глобализации. Однако в вопросе о статусе глобалистики мы имеем дело с решением другой задачи и сталкиваемся не с субъективным фактором, а, как правило, с субъективизмом и пристрастием отдельных исследователей, мнения которых не должны подменять анализ объективных тенденций мировых процессов и естественным образом складывающихся форм их исследования.

ГЛАВА II

СТУПЕНИ ПРОГРЕССА: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТЕХНИКИ И НАУКИ

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ:

Виртуалистика — сфера научной деятельности, в которой создается, изучается, моделируется иллюзия реальной действительности, когда те или иные состояния, явления, события обретают «квазибытие» и могут или должны проявиться при определенных условиях.

Информационное общество — качественная характеристика социального организма, отличающегося высокой степенью распространения всевозможных сведений, прежде всего посредством масс-медиа, электронно-космических средств связи, копировально-множительной техники и т.п.

Информационно-технологическая революция — качественно новый этап развития научно-технического прогресса, когда на фоне быстро меняющихся технологий информация становится важнейшим ресурсом.

Наука — форма общественного сознания и сфера человеческой деятельности, где вырабатываются и теоретически систематизируются объективные знания о мире. Опираясь на открываемые ею законы, основополагающие принципы и накопленные знания, наука описывает, объясняет и предсказывает всевозможные состояния, процессы, явления действительности.

Научно-техническая революция (НТР) — особый этап развития научно-технического прогресса, когда наука становится непосредственной производительной силой, придающей мощный импульс развитию и совершенствованию всевозможной техники.

Научно-технический прогресс (НТП) — такое поступательное развитие науки и техники, когда они оказываются в непосредственной взаимосвязи и уже не могут существовать друг без друга.

Прогресс — тип восходящего развития, поступательное движение вперед, характеризующееся переходом от более простых форм к более сложным, от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Переход на более высокую ступень развития, сопровождающийся утверждением нового, передового, более совершенного и эффективного.

Регресс — тип развития, противоположный прогрессу, характеризующийся переходом от более совершенных форм и состояний к менее совершенным, упадок в развитии чего-либо, изменение к худшему, движение назад; деградация, утрата способности выполнять те или иные функции, возврат к преодолённому, старому, отжившему.

Техника — совокупность средств, приспособлений, механизмов, созданных для усиления физических и интеллектуальных способностей человека, реализуемых в его преобразующей и созидательной деятельности. В буквальном смысле — машины, механизмы, устройства, приспособления, приборы, орудия труда в той или иной отрасли производства.

Философия — историческая форма общественного сознания, особый тип мировоззрения, формирующийся на основе личного, преимущественно рационального, критически осмысливаемого постижения объективной и субъективной реальности.

§ 1. Наука и техника — двигатели прогресса

Для развития науки требуется в каждую данную эпоху не только, чтобы люди мыслили вообще, но чтобы они концентрировали свои мысли на той части обширного поля науки, которое в данное время требует разработки.

Дж. Максвелл

Принято считать, что масштабные процессы восходящего развития человечества связаны с эпохой *научно-технической революции* (НТР), которая стала важнейшей отличительной чертой XX в. В последнее время такие процессы, особенно глобализация, все чаще связываются еще и с революцией в сфере компьютерных технологий, информации. На самом же деле и НТР, и *информационно-технологическая революция* — только видимая часть айсберга, имя которому — *научно-технический прогресс* (НТП). Но у этого айсберга есть скрытая от глаз подводная часть — намного больше той, что на поверхности.

Для нашего исследования данное обстоятельство имеет принципиальное значение, так как реальная глобализация общественной жизни действительно началась практически одновременно с появлением научно-технического прогресса, и тогда же, на рубеже эпохи Возрождения и Нового времени, на фоне оживления интереса к понятию «культура» впервые появился термин «цивилизация». Это совпадение носит отнюдь не случайный характер. Позже мы увидим прямую связь и непосредственную взаимозависимость, существующую между этими понятиями. Теперь же обратим внимание на совпадение тенденций развития и взаимообусловленность, имеющую место между глобализацией и научно-техническим прогрессом, что, кстати, не всегда очевидно. Здесь требуется обращение к истокам и причинам появления НТП, который сегодня стал неотъемлемой частью культурно-цивилизационного развития общества, являясь его важнейшей характеристикой.

Однако стоит заметить, что термин «прогресс» у некоторой части современных исследователей (в основном у тех, которые связывают его прежде всего с прогрессистскими идеями марксизма) вызывает скептическое отношение, а то и вовсе неприятие, что, однако, не снижает эвристической значимости данного термина при характеристике поступательных, векторных процессов, протекающих в различных динамичных системах. В частности, такими динамичными, поступательно развивающимися системами являются *техносфера* и *наука*, и понятие «прогресс» по отношению к ним мы будем употреблять в том смысле, что они *качественно и количественно развиваются во времени, совершенствуясь и усложняясь, выполняя все более сложные функции*

и задачи, играя все более важную роль в жизни отдельных людей и общества в целом. Прямо противоположные тенденции и направленность процессов в сторону деградации принято характеризовать термином «регресс», который также при определенных условиях и в определенные исторические отрезки времени характерен для науки и техники. Так, в Средние века с усилением позиций теологии и превращением философии в ее служанку определенный регресс по сравнению с Античностью испытала еще не выделившаяся тогда из философии наука. Также и первые успешные шаги в развитии генетики, кибернетики в середине XX в. в СССР сменились регрессом по причине осуждения их как лженаук господствовавшей тогда идеологией.

Однако теперь важно подчеркнуть, что в нашем контексте речь идет не об оценке указанных процессов с точки зрения «хорошо» или «плохо». В одних случаях при определенных исторических обстоятельствах, в конкретных экономических и социально-политических условиях понимаемый таким образом научный или технический прогресс может оцениваться позитивно, в других случаях — негативно, к тому же взглядам одних людей, как правило, соответствует прямо противоположная позиция, которой придерживаются другие. Например, с XVIII до середины XX в. в общественном сознании в целом преобладало и даже господствовало позитивное отношение к прогрессивному развитию в области науки и техники, что не исключало существования в обществе критических настроений, столкновения прямо противоположных позиций, которые значительно усилились с появлением глобальной тематики во второй половине прошедшего столетия.

Итак, в историческом контексте хорошо просматриваются полярные точки зрения в оценке НТП — так называемая позиция «технооптимизма» и противостоящая ей позиция «технопессимизма». Первые наиболее заметные признаки подобных разногласий появились в то время, когда зарождался НТП и разворачивалась промышленная революция, а начало им положил знаменитый спор Ж. Ж. Руссо и Ф. Вольтера по поводу того, полезны или вредны научные и технические достижения с точки зрения их влияния на развитие общества, морали и нравственности. С тех пор обе эти позиции, противоборствуя, существуют до настоящего времени.

«Технооптимисты», к которым кроме Ф. Вольтера тогда относились Ф. Бэкон, Ж. Кондорсе, Ж. Ламетри, А. Сен-Симон, Ф. Бон и др., полагали, что технические достижения и средства производства: машины, механизмы, новые технологии, а также научно-технические знания представляют собой решающий фактор, определяющий различные стороны общественной жизни, характер и направленность социального развития. Странников такого подхода объединяло сходство взглядов на технику и технический прогресс как на важнейшее средство разрешения социальных противоречий и достижения общего

благополучия. Тогда же зародились и противоположные «технооптимизму» настроения, пессимистически воспринимавшие развитие научно-технического прогресса.

Ярким выразителем таких идей был Ж. Ж. Руссо, который получил широкую известность после публикации в 1750 г. своего трактата «Рассуждение о том, способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов», где он дал отрицательный ответ на поставленный вопрос. В то время как многие просветители связывали социальный и нравственный прогресс с накоплением знания и развитием науки, Ж. Ж. Руссо выступил с противоположных позиций, полагая, что образованность и ученость больше вредят нравственности, чем способствуют ей. Призывая вернуться назад «к природе», он утверждал, что чем ближе человек к природе, где нет техники, науки, искусства, тем он чище и добродетельнее.

В последующем, вплоть до первой половины XX в., подобные взгляды не пользовались особенной популярностью и не получили широкого развития. Слишком велики были надежды на всемогущество НТП самого по себе, что подкреплялось и впечатляющими достижениями науки и техники. На этой основе в 20-е гг. XX в. появились наиболее развитые формы технократических теорий. Так, автор одной из них, получившей широкую известность, американский экономист и социолог Т. Веблен одним из первых дал философское обоснование ведущей роли промышленного производства и технического прогресса в развитии общества. По его мнению, управление современным государством должно находиться в руках инженеров и техников, так как развивать производство в интересах общества (а в этом был пафос его теории) смогут только они, и политическая власть им нужна для реализации именно этой цели.

Несмотря на то, что отмеченные взгляды доминировали, определенные перемены в «технооптимистских» настроениях стали происходить после Первой мировой войны, когда ее разрушительные последствия и возрастающее техногенное воздействие человека на природу положили начало новым тенденциям в мировом развитии. Суть произошедших перемен во взаимодействии общества и природы, а также перспективы такого взаимодействия в научном плане достаточно глубоко были вскрыты в 1930–1940-е гг. П. Тейяром де Шарденом, Л. Мэмфордом, М. Хайдеггером, К. Ясперсом, В. И. Вернадским и другими, которые полагали, что техника поработает человека и разрушает не только природу, но ставит под угрозу гибели всю цивилизацию.

Так, В. И. Вернадский был одним из первых, кто обратил внимание на качественные изменения биосферы в глобальном масштабе под влиянием природопреобразующей деятельности человека. Анализируя беспрецедентные масштабы и формы проявления этой активности, он пришел к выводу, что на современном этапе «человечество, взятое

в целом, становится мощной геологической силой»¹, и предпринял попытку научно обосновать качественные изменения во взаимодействии общества и природы под влиянием деятельности человека, рассматривая общество как единство живой и неживой природы, как целостную систему, в которой человек доминирует в качестве активного субъекта. Достижение такого состояния во взаимодействии общества и природы, при котором разумная деятельность человека становится определяющим фактором, он определил понятием «*ноосфера*».

По существу, сходные идеи высказал тогда и известный французский философ, теолог П. Тейяр де Шарден. Пытаясь обосновать уникальность человека в качестве составной части биосферы, он развивал концепцию гармонизации отношений человека с природой, призывая при этом к отказу от эгоистических устремлений во имя объединения всего человечества. «Выход для мира, двери для будущего, вход в сверхчеловечество, — писал он, — открываются вперед и не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа! Они откроются лишь под напором всех вместе и в том направлении, в котором все вместе могут соединиться и завершить себя в духовном обновлении Земли»². Таким образом, в первой половине XX в. среди философов, ученых постепенно зрело понимание не только того, что наступает новая эпоха — эпоха планетарных явлений, но и того, что в этих новых условиях люди смогут противостоять природной и социальной стихии не столько за счет мощи технического прогресса, сколько благодаря силе духа и разума.

Однако отмеченные взгляды к началу 60-х гг. XX в. были оттеснены на второй план новой, еще более сильной волной технократических и прогрессистских настроений, причиной появления которых стал промышленный подъем, охвативший в послевоенный период практически все экономически развитые страны мира. Перспективы общественного прогресса в 1950–1960-е гг. казались безоблачными для многих как на Западе, так и на Востоке. В общественном сознании утверждались «технооптимистские» настроения, создававшие иллюзию возможности решить любые земные и даже космические проблемы с помощью науки и техники, чему в значительной степени способствовали и первые успехи в освоении космоса, и новые результаты ядерных испытаний, и открытие серии крупных нефтяных и газовых месторождений. Эти позиции нашли отражение в многочисленных теориях, в которых технические возможности человека оказывались безграничными, а целью общественного развития объявлялось «общество потребления». Тогда же активно разрабатывались различные кон-

¹ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 328.

² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 194.

цепции «индустриального», «постиндустриального», «технотронного», «информационного» и тому подобных типов общества.

В 1957 г. известный экономист и социолог Дж. Гэлбрейт опубликовал книгу «Общество изобилия», основные идеи которой он развил несколько позже в другой работе — «Новое индустриальное общество»¹. В его произведениях, названия которых говорят сами за себя, давалась высокая и исключительно позитивная оценка научно-техническим достижениям человека, обращалось внимание на глубокую трансформацию экономических и социальных структур общества под влиянием этих достижений.

Еще более полное обоснование теория «индустриального общества» получила в работах французского философа Р. Арона, в частности в его лекциях, прочитанных в 1956–1959 гг. в Сорбонне, а также в шумевшей в свое время книге американского политолога У. Росту «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест», опубликованной в 1960 г. По мнению этих ученых, под влиянием НТР «традиционное» аграрное общество сменяется промышленно развитым «индустриальным» обществом, где на первый план выходит массовое рыночное производство. Главными критериями прогрессивности такого общества становятся достигнутый уровень развития промышленности и степень использования технических нововведений.

С конца 1960-х гг., когда помимо экологических трудностей все более остро стали обнаруживать себя и другие проблемы, представлявшие опасность для многих государств и континентов: *неконтролируемый рост народонаселения, неравномерность социально-экономического развития различных стран, обеспечение сырьевыми ресурсами, продовольствием* и многие другие, «технопессимистские» настроения стали снова набирать силу. Очень скоро, особенно после первого доклада Римскому клубу «*Пределы роста*», эти проблемы, названные *глобальными*, стали предметом острых дискуссий, оказавшись в центре внимания науки и широкого общественного сознания. С этого времени особенно активно стали развиваться противоположные *технократическим* тенденциям взгляды, названные впоследствии «технологическим пессимизмом» («технопессимизмом»). Иногда используется и другой, близкий по значению термин — «экологический пессимизм», который выражает негативное отношение к техногенному воздействию человека на природу и характеризует такое мировоззрение людей, в соответствии с которым экологическая катастрофа представляется неизбежной.

Таким образом, накатывалась новая волна протеста — как против научно-технического, так и против общественного прогресса вообще. Многие известные ученые и философы, такие как Г. Маркузе, Т. Роз-

¹ См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

зак, П. Гудмен и др., активно выступили против научно-технического прогресса, обвинив своих предшественников в бездушном сциентизме, абсолютизации роли науки в жизни общества. Они полагали, что такой прогресс ведет к порабощению человека посредством науки и техники. Появившиеся на этой волне новые идеи обосновывали общество «антипотребления» и были направлены на то, чтобы убедить «среднего человека» довольствоваться малым. В попытках отыскать виновника появления глобальных проблем главные обвинения были выдвинуты против «современной технологии». Под сомнение были поставлены не только достижения науки, но и сама идея прогресса в целом; снова появились руссоистские призывы «назад к природе», предлагалось «заморозить», «остановить» экономическое развитие на достигнутом уровне и т. п.

Появление и широкое использование компьютеров, развитие коммуникаций, современных средств связи, информатики вызвало к жизни новые теории «постиндустриального» (Д. Белл, Г. Кан), «информационного» (Ж. Фурастье, А. Турен), «технотронного» (З. Бжезинский, Ж.-Ж. Серван-Шрайбер), «сверхиндустриального», «компьютерного» (А. Тоффлер) общества. В них основным критерием общественного прогресса выступали уже не технические достижения, точнее, не столько они, сколько развитие науки и образования, которым отводилась ведущая роль. Важнейшим критерием прогресса стало считаться внедрение новых технологий на базе компьютерной техники. Так, видный американский философ и социолог Д. Белл, определяя контуры будущего общественного устройства, еще до появления Интернета говорил: «Я стою на том, что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют собой поворотные пункты современной истории»¹. В качестве первого поворотного пункта он выделял изменение самого характера науки, которая как «всеобщее знание» в современном обществе стала основной производительной силой. Второй поворотный пункт обусловлен появлением новых технологий, которые в отличие от технологий времен промышленной революции мобильны и легко поддаются перепрофилированию. «Современная технология открывает множество альтернативных путей для достижения уникальных и вместе с тем разнообразных результатов, при этом неимоверно возрастает производство материальных благ. Таковы перспективы, вопрос лишь в том, как их реализовать»² — отмечал Д. Белл, отстаивая и развивая технократические взгляды.

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 342.

² Там же.

С начала 70-х гг. XX в. интерес к подобным теориям заметно ослабел, особенно после появления первых докладов Римскому клубу, в которых основное внимание уделялось критическому анализу негативных последствий НТП и концепциям моделей общественного развития, ориентирующимся на безграничный рост промышленного производства. Активное обсуждение процессов глобализации, развернувшееся с середины 1990-х гг., несколько оживило интерес к «технооптимистским» концепциям. Однако резкие выступления *антиглобалистов* и еще в большей степени серия техногенных катастроф (чернобыльская трагедия, аварии нефтеналивных танкеров, гибель атомных подводных лодок и т.п.) и террористические акты в США осенью 2001 г. снова заметно снизили число их сторонников, и чаша весов в общественном сознании опять стала склоняться в сторону критического отношения к НТП, хотя оптимистические оценки его также встречаются, в основном, когда дело касается информационных и других новейших технологий. Таких взглядов придерживается, например, известный американский бизнесмен Б. Гейтс, который говорит: «Если судить по тому, насколько широкую и прочную основу дают информационные технологии в работе людей или бизнесе, мы еще в начале пути. Технологии в области электронного оборудования и программного обеспечения, которые должны открыть самые широкие возможности, становятся доступными только сейчас. И я с оптимизмом смотрю на происходящее. Каждые несколько десятилетий наши взгляды на способы обработки информации и использование новых методов вычислений претерпевают существенные изменения — от эры централизованных универсальных вычислительных машин с их базами данных до мира персональных компьютеров и Интернета. Я думаю, что этим будет отмечено очередное десятилетие. Это будет десятилетие, когда компьютерная техника проникнет в самые широкие сферы жизни — от чтения до встреч, везде»¹.

Если оценивать сказанное через призму того, что еще многие развивающиеся государства только стоят на пороге информационно-технологической революции, да и в самих развитых странах еще многие сферы общественной жизни — от досуга и быта до транспортных систем и производства нуждаются в высокотехнологичном оборудовании и современном информационном обеспечении, то данный прогноз не выглядит излишне оптимистичным.

Но, подчеркнем еще раз, как бы ни оценивались прогресс и регресс в категориях «хорошо» или «плохо», это не может служить основанием к тому, чтобы отказываться от употребления данных понятий при анализе поступательных изменений в развитии науки и техники. Научно-технический прогресс, как к нему ни относиться, является не

¹ Гейтс Б. О роли технологий // Большой бизнес. 2004. № 7(12). С. 54.

только важнейшей характеристикой культурно-цивилизационного состояния общества, но и основной движущей силой его развития. Наука и техника при этом могут выступать в качестве и созидательной, и разрушительной силы, в зависимости от того, как человек распоряжается их возможностями. Таким образом, их не стоит недооценивать, как не стоит и абсолютизировать. Сами по себе и наука, и техника не могут быть ни хорошими, ни плохими, они также не олицетворяют ни доброе, ни злое начало, а лишь являются в значительной степени стержнем общественного развития, в котором отражаются и наиболее значимые достижения людей, и условия их существования, и отношения человека с миром.

§ 2. Технический прогресс

Каменный век закончился не потому, что закончились камни, а потому, что в них отпала необходимость.

А. Аузан

Истоки технического прогресса, точнее, его зачатки, можно обнаружить уже на ранних этапах становления человечества, когда появились первые примитивные орудия труда и приспособления, увеличивающие естественные физические возможности человека. Однако человек умелый (*homo habilis*), начавший изготовление первых орудий труда, и даже человек разумный (*homo sapiens*), усовершенствовавший их, были еще слабо технически вооружены, чтобы выделиться из естественного природного состояния, в котором они довольствовались тем, что могла предложить им природа. Во всяком случае, о прогрессе так, как мы его определили в начале главы, на этом этапе исторического развития если и можно говорить, то с большой долей условности. Зато начиная с эпохи неолитической революции, когда началось массовое изготовление орудий труда, с начала деревянных, костяных, каменных, а затем и металлических, говорить о прогрессе уже вполне уместно.

Всего же в своем развитии технический прогресс прошел *четыре* основных этапа, где каждый последующий выстраивался на основе предыдущего, дополняя его и каждый раз еще больше расширяя преобразующие возможности человека.

Так, *первый* и самый продолжительный этап технического прогресса характеризуется тем, что в это время человек стал создавать инструменты и орудия *ручного* труда, которые оставались его главным техническим вооружением вплоть до Нового времени. Конечно, они претерпевали изменения, совершенствовались и даже создавались новые, а начиная с Античности появились и первые механические при-

способления, но все они были по существу простейшими средствами труда, которые увеличивали естественные физические возможности человека в незначительной степени. Это был технический прогресс «в чистом виде», который развивался благодаря не столько имеющимся знаниям, сколько накопленному опыту, умению и навыкам.

Второй этап, начавшийся в Новое время, характеризуется появлением *машин*, давших начало эпохе механизации труда и машинного производства, и стал он возможным благодаря соединению теоретических знаний и практического опыта. Этот этап явился началом *научно-технического прогресса* (НТП).

Третий этап приходится на XX в. и характеризуется появлением *автоматических машин и механизмов*, повлекших за собой автоматизацию труда. Он положил начало *научно-технической революции* (НТР).

Наконец, **четвертый** этап, начавшийся в последней четверти XX в., ознаменовался появлением *вычислительной техники*, открывшей эру *информационной (информационно-технологической) революции*.

Обращение к основным этапам истории развития технического прогресса является необходимым условием правильного понимания того, как техника, образовав на определенном историческом этапе неразрывное единство с наукой, стала важнейшим фактором общественного развития, во многом предопределившим характер и направленность современной глобализации.

Итак, возвращаясь к истокам технического прогресса, отметим, что на первом этапе для него был характерным такой способ соединения человека и созданных им технических средств, при котором эти орудия труда лишь усиливали, удлинляли его работающие органы. При этом труд имел сугубо ручной характер. Первым результатом трудовой деятельности первобытного человека, человека умелого, стало появление и постепенное усовершенствование каменных орудий труда в эпоху палеолита около 3–2 млн лет назад. Человек разумный, появившийся около 40–80 тыс. лет тому назад, уже пользовался огнем, научился изготавливать ножи, рубила, скребки, шила, используя для этого помимо камня также кость, дерево.

Широкие, принципиально новые возможности для развития технических средств в IX–VIII тысячелетиях до н. э. открыла неолитическая революция, когда человек, начавший осваивать земледелие и скотоводство, перешел от «присваивающей экономики» к «производящей» и сменил кочевой образ жизни на оседлый. Простое усовершенствование примитивных орудий труда в это время все больше стало уступать место изобретательству, созданию принципиально новых орудий труда: медных, бронзовых, железных, чему способствовал переход к оседлому образу жизни, который, в свою очередь, стал возможным в значительной степени потому, что появились новые орудия труда, позволившие человеку стабильно получать средства существования на

обжитом месте. С тех пор человек начал активно использовать колесо, орудия обработки земли, гончарный круг и т.п. и таким образом внес серьезные изменения в отношения с природой, увеличил свои естественные способности целенаправленно воздействовать на нее.

К этому времени относится изобретение глиняной посуды, возникают первые горшечные мастерские, начинают строиться жилища прямоугольных форм из сырового кирпича, появляются изделия из самородной меди. Около VII тысячелетия до н.э. наблюдается повсеместное распространение гончарного искусства на Востоке, на финикийском побережье, в Египте, на Ближнем Востоке. В V тысячелетии до н.э. появляются первые металлические орудия труда (топоры, ножи, мотыги), которые изготавливают уже не ковкой, а методом плавки и последующей отливки в специальных формах. С середины IV тысячелетия шумеры начинают использовать природный битум в качестве связующего материала при кладке кирпича, смоления лодок и покрытия сосудов для большей герметичности. Есть сведения, что битум использовался также при строительстве Вавилонской башни, а в долине Инда он применялся для обеспечения водонепроницаемости бассейнов¹. К IV тысячелетию до н.э. относится изобретение в Южной Месопотамии колеса, гончарного круга (по сути, первой машины) и сохи с трубкой-сеялкой. Там же несколькими столетиями позже был изобретен парусник с квадратным парусом, позволявшим плавать в открытом море. В III тысячелетии появились первые весы с двумя чашами на коромысле, колодезный «журавль», строятся знаменитые египетские пирамиды. Ко II тысячелетию относится изобретение в Египте и Месопотамии водных часов, изделий из стекла, хетты осваивают производство железа, изготавливая из них парадное оружие, статуэтки и т.п. Несколько позже ассирийцы используют блоки для подъема тяжестей².

В I тысячелетии до н.э. в Китае начинают строить Великую китайскую стену, изобретают квазибумагу из шелкового волокна. Но, пожалуй, самым впечатляющим достижением Китая того времени следует признать бурение неправдоподобно глубоких скважин на нефть и газ, строительство газопроводов из бамбуковых труб и емкостей для перевозки нефти; тем самым китайцы предвосхитили строительство современных трубопроводов и цистерн, используя газ для отопления и освещения, а также применяя изобретенные ими нефтяные лампы. Как отмечает С. Ховарт, написавший по заказу компании Shell книгу «Столетие с нефтью»: «Впервые нефть была получена в Китае бурением около 200 г. до н.э. Хотя китайцы использовали для бурения бамбуковые шесты с медными приспособлениями, им удалось проникнуть в не-

¹ См.: Нефть и газ. Мировая история / гл. ред. И. И. Мазур, А. Лобов. М., 2004. С. 3.

² См.: Всемирная история в датах и событиях. М.: Радуга, 2002.

дра земли на глубину 3500 футов. По сравнению с этим глубина первой скважины Дрейка — 69,5 фута — кажется ничтожной, особенно если учесть то, что китайцы достигли таких результатов 2000 лет назад¹.

В античной Греции, а позже и в Римской империи рабовладение, давшее импульс развитию теоретического знания, в то же время тормозило развитие техники, на которую просто не было спроса, так как труд рабов стоил дешевле, чем покупка и использование машин. Занятие физическим трудом считалось тогда делом, недостойным свободного человека, это был удел рабов, которые работали хотя и медленно, но по меркам того времени достаточно продуктивно. Таким образом, появление философии и зарождение основ естествознания, давшие колоссальные по тем временам теоретические знания, практически никак не повлияли на развитие техники, которая вплоть до позднего Средневековья не обнаруживает практически никакого заметного развития. О техническом прогрессе в этот более чем тысячелетний период времени можно говорить с определенной долей условности относительно строительства зданий, дорог, мостов, военной сферы, судостроения или, например, горного дела и сельского хозяйства, где использовались архимедов винт и черпальное колесо.

В Древнем Риме, где в 312 г. до н.э. были построены знаменитая Аппиева дорога и первый водопровод, использовалась также энергия воды, приводившая в действие водяное колесо на водяных мельницах и камнерезных заводах. Однако на фоне бурно развивавшихся теоретических знаний это были весьма скромные результаты, и практически до самого конца Средневековья мы не обнаруживаем серьезных технических изобретений.

Зато в Античности впервые обнаруживается интерес к теоретическому осмыслению практической деятельности («техне»), которая противопоставляется деятельности теоретической (науке). Этот интерес появился не столько потому, что к тому времени существенно возросла совокупность технических изобретений, а сами они стали заметным фактором общественной жизни, сколько по причине появления философии как новой формы общественного сознания, направленной на осмысление человеком самого себя и окружающего его мира. При этом не только сама философия, но даже зачатки зарождавшегося в ней естествознания носили умозрительный, созерцательный характер, были оторваны от опыта и производственной практики людей. Так, у Аристотеля мы находим воспевание аристократического идеала созерцательной жизни и презрительное отношение к физическому труду, что объясняет причину полного разрыва между наукой и ее практическим применением. Аристотель, в частности, противопоставляет философов, носителей знания, учителей, и ремесленников, которые

¹ Цит. по: Нефть, газ, строительство. 2004. № 12. С. 55.

сравнивались им с неодушевленными предметами, ибо передавали не знания, а только навыки, действуя по привычке, не зная, почему они делают так, а не иначе.

Повышенный интерес к теоретическому знанию имел тот результат, что не только в области абстрактного «любомудрия», но и в сфере естествознания «уже к середине III в. до н.э. сформировался профессиональный язык техников и инженеров, широко применялись чертежи, и математика стала основой всех технических расчетов»¹. Правда, техническая литература не получила такого широкого распространения, как философская, художественная или книги по истории и географии, поскольку не содержала в себе воспитательного момента и пользовалась ограниченным спросом.

С отмиранием рабовладельческого строя открываются новые возможности для развития технического прогресса, особенно в тех областях, где возникала объективная потребность в ускорении производственного процесса. Именно в это время в Европе появляются водяные и ветряные мельницы, косилки, жатки, водоподъемные механизмы в горной промышленности и т. п. В XII в. во Фландрии была построена первая в Европе ветряная мельница, веком позже самопрялка начинает соперничать с прялкой и веретеном, а в XIV в. появляются первые общественные часы во Франции (город Кайен) и впервые упоминается об использовании пушечного пороха в Европе.

В 1326 г. была изобретена пушка, а уже в 1346 г. англичане применяют ее в сражении при Креси. В 1364 г. появляется первое ручное огнестрельное оружие, которое быстро распространяется по Европе. В 1420 г. в Португалии построены первые каравеллы, которые избавили мореплавателей от традиционного страха перед открытым морем. Однако самым значительным техническим достижением того времени явилось изобретение около 1440 г. печатного станка И. Гутенбергом, что открывало более широкие возможности для изготовления книг и тиражирования информации, чем книгопечатание с доски, изобретенное в Китае на рубеже VIII–IX вв., и даже с применением с XI в. подвижного шрифта. Появившееся первоначально в долине Рейна печатание быстро распространяется в крупных городах севера и востока Германии, а затем в Центральной и Южной Европе. К 1550 г. оно уже окончательно завоевывает Европу, оказав бесспорное влияние на развитие и распространение гуманистических и естественнонаучных идей.

В конце XV в. Леонардо да Винчи дает описание летающей машины и парашюта, а благодаря изобретению заводной пружины П. Хенлейн в 1511 г. изготавливает первые карманные часы. Это были завершающие открытия первого этапа технического прогресса, породившие первые технократические настроения, связанные с развитием инже-

¹ Техника // Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. С. 574.

нерного мышления в эпоху Возрождения и получившие затем дальнейшее развитие в XVII—XIX вв. по мере того, как множились научно-технические достижения и набирала обороты промышленная революция. Так постепенно формировалась техносфера — искусственная среда, созданная человеком «вторая» природа, где машины и механизмы, технические объекты, изобретения и новационные инженерные решения все активнее становились неотъемлемой частью жизни каждого человека, преобразуя не только его труд, досуг, быт, но и образ мышления, восприятие окружающего мира.

Итак, по-настоящему революционные преобразования в техническом прогрессе были вызваны серьезными достижениями в науке и технологиях, а начало этому новому, *второму* этапу технического прогресса, продлившемуся два столетия, положила первая паровая машина, созданная в 1705 г. Т. Ньюкоменом и Т. Севери. В результате этого грандиозного изобретения открылись принципиально новые возможности материального производства, когда основой технологического процесса становилась машина, а человек выступал лишь в качестве ее дополнения, являясь только звеном, элементом в технологической цепи. 1733 г., когда в Англии открылась первая ткацкая фабрика, можно считать началом промышленной революции. Труд, таким образом, становился механизированным, и на порядки возрастала производительность труда со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Уже в XVIII в. множество важнейших изобретений существенно изменили характер труда и преобразующие возможности человека. Так, изобретение манометра, самолетного челнока для ручного ткацкого станка, центробежного регулятора, дальномера и других важнейших деталей и составных частей механических машин создавали материальную базу грядущей промышленной революции. В этом же веке А. Дерби II строит первую доменную печь на коксе, братья Ж. и Э. Монгольфье изобретают воздушный шар, а Ж. Ф. Пилатр де Розье и маркиз Ф. д'Арланд в 1783 г. совершают на нем первый полет. В 1797 г. француз А. Ж. Гарнерен совершает первый в мире благополучный прыжок с парашютом, выпрыгнув из корзины аэростата с высоты 680 м. Х. Модсли конструирует первый токарно-винторезный станок, Н.-Л. Роберт изобретает первую бумагоделательную машину, а Д. Бушнелл создает первую подводную лодку «Черепаша».

Однако принципиальные и, несомненно, революционные события, повлиявшие на процессы глобализации, произошли в следующем, XIX в., когда было положено начало практически всем видам современного транспорта и средствам связи.

Так, в 1804 г. в Великобритании Р. Тревитиком был сконструирован первый паровоз в качестве принципиально нового вида транспорта, а в 1814 г. Дж. Стефенсон испытал первый действующий паровоз,

передвигавшийся по рельсам. В 1825 г. в Англии был построен уже весьма эффективно действующий паровоз и началось движение по первой общественной железной дороге со скоростью 24 км/ч. Значительно усовершенствованный паровоз Дж. Стефенсона, снабженный трубчатым выпарным котлом, завоевал в 1829 г. приз на конкурсе в поселке Рейнхилл (Англия), после того как на нем было перевезено 12 942 кг груза.

Однако началом эпохи железных дорог следует считать 1830 г., когда впервые началось регулярное товарное и пассажирское движение поездов на трассе Ливерпуль — Манчестер в Великобритании. В России первый паровоз построили в 1833 г. Е. А. и М. Е. Черепановы. С середины XX в. паровозы полностью были заменены тепловозами и электровозами, хотя первый электровоз был сконструирован еще в 1879 г. В. Сименсом. В 1863 г. в Лондоне состоялся пуск первой подземной железной дороги (метро), а в 1881 г. на улицах Берлина появился первый электрический трамвай.

Эпоха пароходства началась с регулярных рейсов по Гудзону первого в истории человечества парохода «Клермонт», который был построен американцем Р. Фултоном в 1807 г. В России первый пароход «Елизавета» был спущен на воду в 1815 г. и совершал рейсы между Петербургом и Кронштадтом. В 1819 г. первый океанский пароход — американское судно «Саванна» — пересек Атлантический океан за 25 дней, имея паровую машину мощностью 90 л.с. и паруса, так как машина была маломощной для корабля водоизмещением более 700 т.

Последние полвека рассматриваемого этапа технического прогресса ознаменовались буквально шквалом инженерных новаций, калейдоскопом изобретений и открытий, которые кардинальным образом изменили познавательные и преобразующие возможности человека, заложили основы фундаментальных перемен в условиях его труда и быта. На это время приходится, например, создание фотографии, основы которой были заложены в 1839—1841 гг. изобретателями из Франции Л. Ж. М. Дагером и Ж. Н. Ньепсом и англичанином У. Г. Ф. Толботом. В 1845 г. А. Физо и Л. Фуко получают дагеротип с изображением Солнца — это было первое использование фотографии в астрономии, а в 1857 г. была сделана первая фотография Луны. В 1868—1869 гг. француз Л. Дюко дю Орон впервые получил цветное изображение.

В 1860 г. в Пенсильвании (США) началась промышленная добыча нефти благодаря тому, что Э. Дрейк вместо того, чтобы рыть нефтяные ямы или колодцы, как это делали до него, 27 августа 1859 г. пробурил первую нефтяную скважину глубиной 22 м. К 1870-м гг. колодезный метод добычи нефти был уже практически полностью вытеснен скважинным, и, например, только в Баку и его окрестностях в 1878 г. насчитывалось более 300 действующих скважин. Именно с этого времени

ведет начало промышленная индустрия добычи нефти, в основе которой лежит метод бурения посредством буровых установок, прообразом которых была буровая Э. Дрейка.

В качестве тары для хранения нефти первоначально использовались бочонки из-под виски (по-английски *barrel*), которые затем дали название баррелю — международной единице измерения количества нефти. Там же, в Пенсильвании, в 1865 г. был построен первый в мире деревянный нефтепровод, куда нефть нагнеталась при помощи насоса, а в 1879 г. вступил в строй и металлический. К началу Первой мировой войны общая протяженность нефтепроводов в мире достигла уже 30 тыс. км.

В 1881 г. крупнейшая в дореволюционной России нефтяная компания братьев Нобель «Бранобель» впервые в мире стала перевозить нефть в железнодорожных цистернах. Эти события стали началом «нефтяной эпохи» в истории человечества, которая во многом предопределила ход мировой истории в XX в., когда нефть стала важнейшим сырьевым ресурсом, обусловившим не только промышленное развитие отдельных стран и мира в целом, но и многие события политического характера, в том числе военные.

В 1860 г. Б. Т. Анри изобрел первое автоматическое ружье, положившее начало производству оружия массового уничтожения, а в 1883 г. был запатентован пулемет «Максим», к которому в 1899 г. автор добавил патент на автоматическую пушку.

Первый самолет был построен в России в 1883 г. А. Ф. Можайским. Полет на планере впервые осуществил О. Лилянталь в 1891 г., а успешный полет на самолете с двигателем внутреннего сгорания в 1903 г. совершали американцы, братья У. и О. Райт, которые пробыли в воздухе 12 сек. В 1906 г. они получили патент на свой самолет.

Способ передачи информации на расстояние с помощью радиоволн впервые был изобретен в 1895 г. А. С. Поповым, а в 1935 г. посредством радиоволн и телефонных кабелей был осуществлен первый кругосветный радиотелефонный звонок. К тому времени техника вышла на качественно новый этап своего развития.

Этот *третий* этап технического прогресса, наступивший в начале XX в. и длившийся три его четверти, характеризуется появлением автоматов и автоматизированных способов производства, где вместо тесной зависимости работы машины от управляющего ею человека возникает свободный тип связи человека и техники. С этого времени техника уже не ограничивается в развитии физиологическими пределами человеческого организма, а человек получает условия для творческого использования своих способностей, перестав быть непосредственным звеном технологического процесса. Практически весь прошедший век прошел под знаком того, что автоматы и автоматизированные системы все больше освобождали человека от физического

труда, внедряясь во всевозможные технологии от массового производства товаров широкого потребления до выполнения сложнейших операций по изготовлению современных инженерных сооружений, конструкций, машин и механизмов.

В итоге за предельно короткое (по историческим меркам) время человек стал жить в принципиально новой атмосфере, создав никогда не существовавшую прежде техносферу, ставшую составной частью всех других сфер его жизни, что дало основание назвать новую реальность техногенной цивилизацией. Важнейшими ее компонентами стали автомобили и скоростные поезда, ракеты и сверхзвуковые самолеты, атомные электростанции и океанские лайнеры, а в военной сфере — средства от автоматического стрелкового оружия до бронетехники и термоядерных зарядов. Именно в военной сфере в первую очередь нашли применение большинство важнейших открытий и достижений технического прогресса XX в. Так, в Первую мировую войну появились авианосцы, а во Вторую мировую войну они уже активно применялись во флотах США, Японии, Великобритании и Франции. В 1926 г. Р. Г. Годдардом был осуществлен первый запуск ракеты с двигателем на жидком топливе, в 1939 г. в Германии состоялся первый полет реактивного самолета «Heinkel 178», а в 1940 г. И. Сикорский сконструировал первый вертолет с рулевым винтом.

Кардинальным и даже в полном смысле этого слова революционным событием оказалось *изобретение ядерного оружия*, которое стало не только качественно новой ступенью в овладении человеком силами природы, но и настоящим триумфом в развитии НТП. Старт этому направлению деятельности человека был дан 16 июля 1945 г., когда в пустыне Аламогордо (в штате Нью-Мексико, США) был произведен пробный взрыв атомной бомбы, после чего последовали бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки. Ракета-носитель, с помощью которой в 1957 г. на орбиту Земли впервые был выведен искусственный спутник, стала средством доставки ядерного оружия в любую точку планеты, что сделало мир предельно зависимым от достижений технического прогресса. И уж совсем на грань смертельной опасности человечество стало 30 октября 1961 г., когда на Новой Земле была испытана самая разрушительная в истории человечества водородная бомба мощностью 50 Мт. Ударная волна после ее взрыва трижды обошла Землю, а вспышку, которая была видна в радиусе 1000 км, можно было бы увидеть в телескоп с Марса. Так враждующее и никогда не знавшее мира человечество впервые в истории получило в руки смертельное для себя оружие, обладание которым сулило неоспоримые преимущества в противоборстве с любым неприятелем. В итоге началась беспрецедентная гонка вооружений, где тактическое преимущество получала та сторона, которой удавалось первой создать новый, еще более разрушительный тип оружия и средства его доставки.

Однако и сугубо гражданские отрасли производства, вполне мирные сферы деятельности играли — если не прямо, то косвенно — существенную роль в развернувшемся технологическом соперничестве, примером чего может быть шариковая ручка, разработанная первоначально для военных летчиков венгром Л. Биро в 1940 г. и запущенная в производство в США фирмой Reynolds. Промышленное, массовое производство шариковых ручек для широкого пользования начнется несколько позже — в 1953 г.

Такое же расширение сферы применения произошло и с ядерной энергией. Будучи используемой изначально в военных целях, она нашла применение и в повседневной жизни людей с тех пор, как в 1955 г. была построена первая атомная электростанция в Колдер-Холле (Великобритания), открывшая путь к использованию атомной энергии в мирных целях. Затем были сконструированы ядерные силовые установки, нашедшие применение на флоте, в том числе гражданском, а также в космических аппаратах.

В 1944 г. с разработкой Х. Эйкеном автоматической вычислительной машины Mark I, закладываются основы нового, современного этапа технического прогресса, который в полную силу развернется в конце XX в. и получит название «*информационная революция*». Важнейшими вехами на пути вызревания этой революции стали такие события в развитии техники, как выпуск американской фирмой Remington Rand в 1951 г. первого универсального электронного компьютера, использовавшего данные, записанные на магнитной ленте; появление в 1952 г. первой электронно-вычислительной машины IBM; начало в 1980 г. массового производства персональных компьютеров IBM PC; появление в 1991 г. Всемирной паутины — World Wide Web (Интернет), ставшей планетарным средством массовой коммуникации; наконец, массовое производство с середины 1990-х гг. изобретенного в 1979 г. сотового телефона, что окончательно устранило последние препятствия на пути межличностного общения в режиме реального времени независимо от местонахождения общающихся на планете.

В последние годы в развитии техники наблюдается новая тенденция — миниатюризация технических средств, породившая целое направление современного производства — *нанотехнологии*, где технологические процессы осуществляются в масштабах нанометра — миллиардной доли метра. Начало создания таких технологий относится к 1985 г., когда были предприняты первые попытки произвести последовательную сборку макрообъектов из отдельных атомов и молекул. Теперь, когда микроприборы и крошечные механизмы находят все более широкое применение в медицине, биологии, других сферах человеческой деятельности, существуют проекты создания таких нанотехнологических устройств, которые, представляя собой своеобразные

машины размером в доли микрона, будут иметь свои микродвигатели, приводные механизмы, источники питания. Такие машины, как полагают их создатели, способны строить довольно крупные объекты, а также воспроизводить аналогичные себе миниатюрные системы, обмениваться информацией и т.п. Набирающие в настоящее время темпы развития нанотехнологии все больше внедряются в повседневную жизнь современного человека, порождая для него не только новые возможности, но и новые проблемы, например повсеместную «чипизацию» с непредсказуемыми последствиями для здоровья и психики людей. Анализируя эти тенденции, известный немецкий философ Г. Ленк отмечает, что они «вместе с возрастающей миниатюризацией, микросистемными технологиями, нанотехнологией могут не только увеличить техническую доступность и управляемость всех видов процессов управления информацией и регулирования универсально пространственных систем; они могут оказывать воздействие на те системы openness, которые появляются на микроуровне»¹.

Техника всегда оказывала влияние на общественные системы, и это влияние становилось тем больше, чем сильнее раскручивалась спираль технического прогресса. Под ее воздействием кардинально меняются все сферы общественной жизни от экономики до системы образования, искусства и даже быта. Изобретение кино, радио, телевидения, звукозаписи способствовало трансформированию прежних и появлению новых видов искусства, оказав глубокое воздействие на человеческую культуру в целом. Технический прогресс изменяет мировоззрение человека, влияет на его мышление, психологию, поведение и даже вторгается в его личную жизнь посредством скрытого наблюдения, использования всевозможных подслушивающих, записывающих и тому подобных средств.

Однако еще раз подчеркнем, что сама по себе техника не имеет ни доброго, ни злого начала, но становится полезной или опасной в зависимости от того, в каких целях она используется. Это важно отметить, так как нередко можно слышать, что технический прогресс пагубно влияет на человека и окружающую его среду. И это действительно так. Более того, она влияет и на социально-экономическое развитие отдельных государств, и на сферу международных отношений, на мировую политику, в частности тем, что с появлением средств массового поражения проблема предотвращения ядерной войны становится условием сохранения не только самого человека, но и в целом жизни на Земле.

Вместе с тем технику не следует демонизировать, ибо по отношению и к человеку, и к природе она всегда остается нейтральной и пассивной. Являясь «второй», сотворенной человеком природой,

¹ Lenk H. Technology. Old and new structural features // Global Studies Encyclopedia. М.: Raduga Publishers, 2003. P. 495.

она лишь увеличивает естественное разнообразие вещей, и не более того. Техника оказывает положительное или отрицательное воздействие на окружающую среду, только будучи инструментом реализации определенных замыслов людей, являясь орудием достижения их целей. Следовательно, в зависимости от намерения людей она может использоваться ими как во вред, так и во благо, о чем, собственно, свидетельствует вся история человечества. При этом следует различать ближайшую и отдаленную перспективы, в свете которых благо и вред для общества и для окружающей среды выглядят различно. В частности, в отдаленной перспективе (в отличие от ближайшей) они всегда совпадают. Отсюда любой разговор на тему «техника и окружающая среда» будет содержательным лишь в том случае, если он трансформируется в другую тему — «техника как социокультурный феномен», где речь в первую очередь должна идти не о технике, а о *человеке*, его сущности, цивилизованности, способности не только творить, преобразовывать, изменять внешний мир, но и нести ответственность за результаты своей деятельности. Только тогда можно рассчитывать на то, что технические достижения перестанут восприниматься как угроза и в полной мере послужат делу общественного прогресса и гармонизации отношений человека с природой.

§ 3. Научный прогресс

Прогресс науки следует измерять не числом вопросов, на которые мы способны ответить, а числом вопросов, которые мы способны задать.

А. Эддингтон

Влияние науки на процессы глобализации не вызывает сомнения. О ее поступательном развитии так много сказано, а жизнь современного человека настолько тесно связана с ней, что в обыденной жизни, употребляя это слово в различных контекстах, мало кто задумывается над содержанием этого емкого и все еще неоднозначного понятия. Сегодня существует множество определений столь уникального явления, как наука, но в силу ее сложности и многогранности какое-то одно, универсальное определение пока отсутствует и, пожалуй, вряд ли вообще возможно. На протяжении своей истории она претерпела столько изменений и каждое ее положение настолько связано с другими аспектами общественной деятельности, что любая попытка дать определение науке может выразить более или менее точно лишь одну из ее сторон.

В самом общем плане науку чаще всего определяют как сферу «человеческой деятельности, функцией которой является выработка и те-

оретическая систематизация объективных знаний о действительности»¹, или как «особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных системно организованных знаний о мире. Социальный институт, обеспечивающий функционирование научной познавательной деятельности»². Однако в данном исследовании нас будет интересовать не наука вообще, а лишь те ее аспекты, которые имеют отношение к научно-техническому прогрессу, обусловившему глобализацию современного мира, а также статус науки, что позволит дать правильное определение глобалистики, занимающейся исследованием процессов глобализации и порождаемых ею глобальных проблем.

В этой связи уместно привести весьма характерное высказывание, которое принадлежит известному ученому Н. Н. Моисееву, многие годы посвятившему исследованию глобальных проблем современности и развивавшему оригинальную идею коэволюции природы и общества. Говоря о возможностях преодоления общечеловеческих проблем на основании тех знаний, которые человек получает об окружающем его мире, он, в частности, писал: «Люди способны постигать лишь какую-то часть свойств Вселенной, и так будет всегда, как бы ни была развита наука. Людям всегда будут доступны очень малые сведения о Вселенной, они всегда будут знать лишь малую толику того, что она собой представляет, только конечную часть бесконечного множества свойств и особенностей, которыми она обладает... По мере развития науки люди просто расширяют границы доступного опытного знанию. И по мере расширения этих границ увеличиваются фронты соприкосновения с еще непознанным»³. Наука, таким образом, не может быть всемогущим средством в деле осмысления сложнейших процессов глобализации и преодоления актуальных проблем глобального мира, однако и более сильного оружия у человека, к сожалению, нет, что может означать лишь одно — прагматическое отношение к такому положению дел и использование всех возможностей, которые может предоставить ему современная наука.

Итак, отвлекаясь от деталей и тонкостей введущихся дискуссий, выделим два основных подхода к пониманию науки, когда ее трактуют либо расширительно, либо в узком смысле слова.

Так, в *широком (собирательном) смысле* — это вся сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. Здесь слова «наука», «научный», «ученый» и т. п. не конкретизируются и понимаются как общие, собирательные понятия. Именно в таком контексте понятие «наука» употребляется, например, применительно к фило-

¹ Алексеев И. С. Наука // Философский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 403.

² Степин В. С. Наука // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 23.

³ Моисеев Н. Н. Быть или не быть. Человечеству? М., 1999. С. 107–108.

софии, теологии, а философов, теологов при таком подходе называют учеными, что в общем-то правомерно, но лишь отчасти, с большими оговорками. Отчасти потому, что наука — это одна из форм общественного сознания, где философия также является одной из таких форм, между которыми, как будет показано ниже, существует взаимная связь, но нет совпадения. Что касается теологии, то, будучи богословием, совокупностью религиозных доктрин о сущности и действии Бога, построенной в формах идеалистического умозрения на основе текстов, принимаемых как божественное откровение¹, она и вовсе имеет мало общего с наукой, как мы определили ее выше.

Для обозначения же конкретных научных дисциплин таких, например, как *физика, химия, биология, история, математика* и др. — понятию «наука» придается *узкий* и, следовательно, более строгий смысл. Здесь наука точно определена, а ученый выступает как узкий специалист, носитель конкретного знания. Он уже не просто ученый, а всегда и обязательно или *физик*, или *химик*, или *историк*, или представитель другой науки, которая непременно являет собой *стройную, строго упорядоченную систему знаний о том или ином объекте (явлении) природы, общества, мышления*. Каждая из таких наук имеет специфические, присущие только ей законы и методы, свой, единый для всей этой науки язык, категориальный аппарат и т. п., что позволяет верно описывать и объяснять свершившиеся процессы, адекватно понимать настоящее и с определенной степенью точности *предсказывать* то, что обязательно наступит или может при определенных обстоятельствах наступить в соответствующей области знаний.

Как содержание той или иной науки, так и полученные ею результаты едины для всех культур и народов и никоим образом не зависят от позиции, точки зрения или мировоззренческих установок отдельного ученого. Они передаются как совокупная, проверенная временем и практикой сумма знаний, которую нужно усвоить, чтобы в данной области идти дальше. Прежде чем наука в этом смысле слова полностью сформировалась, она проделала длинный путь становления и развития, пройдя этапы: *преднауки* (протонауки), *Античности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени*, когда окончательно выделилась из философии в качестве самостоятельной формы общественного сознания и вступила в тесные, неразрывно связанные отношения с техникой, породив тем самым *научно-технический прогресс*, о чем речь впереди.

В *преднаучный период* (4000—600 гг. до н. э.) большое значение имело накопление теоретических знаний, чему способствовали появление письменности, зарождение математики, хронометрии, технологии

¹ См.: *Аверинцев С. С. Теология // Философский энциклопедический словарь*. М., 1982. С. 675.

ремесел, медицинская практика. Первые шаги в этом направлении обнаруживаются в IV тысячелетии до н.э. в Южной Месопотамии, где зарождается письменность в виде клинописных знаков на табличках из мягкой глины. В Египте примерно в это же время появляется иероглифическая письменность на папирусе. Около 3 тыс. лет до н.э. складывается шумерская арифметика, где имело место десятичное и шестидесятеричное счисление, египетские землемеры начинают использовать основы геометрии, а в Китае зарождается практика иглоукальвания и происходит наблюдение за затмением Солнца.

В начале II тысячелетия до н.э. появляются зачатки гинекологии и ветеринарии, а несколько позже — описание болезней и фармакологических предписаний. Папирус Эдвина Смита, относящийся к середине этого тысячелетия, представляет собой справочник по анатомии и хирургии, а вавилонские медики препарируют трупы, изучая при этом желудок, печень, кишечник, и особенно сердце, считая его вместилищем ума. В это же время в Египте появляются солнечные часы. В VIII в. до н.э. в Вавилоне научились предсказывать затмения Луны и Солнца, в Индии набирает силу традиционная индийская медицина, а в дворцовой библиотеке ассирийского царя VII в. до н.э. насчитывается уже около 5 тыс. глиняных табличек с текстами на ассирийско-вавилонском (аккадском) языке.

На время с VI в. до н.э. по IV в. н.э. приходится *античный этап* в развитии науки, который характеризуется выходом на первый план рациональных основ мышления, возникновением философии, логики, геометрии. Научное познание в это время становится универсальным и обретает энциклопедический характер благодаря философии, которая изначально выступает как нерасчлененное протознание. По сути, она не имеет четко обозначенных границ, и это дает возможность рассматривать философию как личный, субъективно переживаемый опыт отдельно взятого мыслителя.

Философия в отличие от научного знания не стремится к общепринятому языку, единой системе законов, правил в том смысле, как это есть у научных дисциплин, а путей философствования всегда множественно, что делает философские теории по большей части противоречащими друг другу, а то и взаимоисключающими. Такая свобода в выборе предмета и способа философствования направляла пылкий ум первых философов на все сферы человеческого бытия и окружающего его мира, т.е. на всю действительность, которая со временем стала предметом науки в широком смысле этого слова.

Античный период развития науки дал колоссальное приращение знаний в различных областях: от естествознания до проблем общественного развития и человека. И уже первые философы — Фалес, Анаксимандр, Пифагор, Евклид, Зенон, Гиппократ, Демокрит, Аристотель, Эпикур, Лукреций Кар и др. были величайшими учеными

своего времени, идеи которых во многом предопределили дальнейшее развитие науки. Так, Фалес доказал ряд теорем геометрии и почти за два десятилетия до события предсказал солнечное затмение, случившееся в 585 г. до н.э. Анаксимандр создал географическую карту Земли, на которой отображены Европа и Азия, ввел в греческую жизненную практику солнечные часы и высказал идею, что живые существа, появившись естественным путем из ила в результате выпаривания солнцем влаги, находятся в постоянной эволюции, а человек, как и животные, произошел от рыб.

Греческий астроном, географ и математик Эратосфен Киренский в III в. до н.э. создал способ нахождения простых чисел и первым вычислил окружность земного шара. Пифагор и Евклид были крупнейшими математиками Древней Греции, Гиппократ — величайшим врачом Античности, а Зенон сформулировал апории, обессмертившие его имя. Атомистическое учение Левкиппа, Демокрита, Эпикура, Лукреция Кара гениально предвосхитило те открытия, которые современная физика элементарных частиц, оснащенная сложнейшим оборудованием, делает только более 2 тыс. лет спустя. Особую роль в развитии науки того времени сыграл величайший энциклопедист древности Аристотель, став не только основателем формальной логики, этики, но и систематизатором накопленных до него научных знаний.

В стремлении рационально познать действительность первые философы высоко ценили вопросы; и те из них, на которые удавалось получить конкретные ответы, накапливаясь и группируясь, составляли основу зарождавшихся таким образом в лоне философии конкретных наук. Именно поэтому философию справедливо называют *матерью, прародительницей всех наук*, а любителей мудрости того времени с полным основанием можно назвать (и справедливо называют) также и учеными. На бесчисленные вопросы они стремились рациональным и опытным путем найти ответы, которые именуются достоверным знанием, т.е. точным, непротиворечивым, подтверждаемым повседневной жизнью и практикой. Такие ответы с достаточной полнотой отвечали на поставленные вопросы, т.е. «закрывали», «снимали» их, исключая в качестве правильных другие ответы.

Можно привести множество примеров в подтверждение сказанному. Так, будучи философским, вопрос о том, потонет или нет то или иное тело, например, в воде, перестал быть таковым, как только Архимед, по преданию, погрузившись в ванну, воскликнул: «Эврика!» — и сформулировал соответствующий закон. С этого времени данный вопрос перестал быть философским, т.е. «открытым», так как получил однозначное, исключающее другие варианты решение. Это означало, что любые дополнительные мудрствования на этот счет потеряли всякий смысл по причине своей бесполезности, ибо требо-

вался не поиск решения проблемы, а усвоение готового, уже открытого знания и правильное применение этого знания.

Древние греки проводили различие между получением, выработкой знания и его применением, используя для этого слова «техне» и «пайдейя». Так, если первый термин означал такое знание, которому можно научить, то второй рассматривался как источник правильного суждения, а не источник передачи знания. При этом «пайдейя», как считал Аристотель, должна склонить человека к саморазвитию. Исходя из этого Протагор, Сократ, Платон в преподавании философии акцентировали внимание на том, чтобы обучать не искусству убеждения, а искусству правильного суждения. Но наряду с таким подходом в недрах философии уже с начала ее появления с нарастающей динамикой формировались и области знаний, которые имели прикладной характер и соответствующую направленность. Так постепенно складывалось естествознание, представленное конкретными науками: математикой, геометрией, физикой, медициной, астрономией, историей и др., которые приобретали все более отчетливые очертания и все большую самостоятельность.

Исключительно важную роль для развития философии и зарождавшейся в ней науки сыграли первые научные (по большей части культовые) сообщества, среди которых особое место занимают, по существу, первые в истории человечества университеты: «Академия» Платона, основанная в Афинах в 388 г. до н.э. и просуществовавшая почти тысячу лет, и «Ликей», основанный Аристотелем в 334 г. до н.э. также в Афинах и активно действовавший на протяжении столетий вплоть до конца античной философии.

В наступившее после Античности *Средневековье*, которое длилось с IV по XIV в., определенный прогресс в науке наблюдается в арабском мире и на Востоке, а в Европе в это время господствует теология и ее служанка схоластика, имевшие мало общего с «любомудрием»; и лишь на завершающем этапе становится заметным развитие естественно-научного знания. Так, в 529 г. в Афинах по воле Юстиниана закрывают философские школы, признанные символом языческой мысли.

В IX в. появляется первый из дошедших до нас трактат по химии арабского медика и алхимика Джабира ибн Хайяна (Гебера), арабский математик аль-Хорезми создает алгебру, где используются арабские цифры и дается решение задач с помощью уравнений первого и второго порядка, а арабский астроном аль-Баттани применяет в астрономии тригонометрию. Иранский врач Абу ар-Рази составляет медицинскую энциклопедию в 20 томах.

В 973 г. в Каире арабский философ аль-Азар основывает университет. В 1088 г. открывается Болонский университет, в течение двух следующих столетий прославившийся изучением римского права. В XIII–XIV вв. в Европе, где в это время наблюдается необычайно

активный рост городов и активизация светской жизни, открывается уже множество университетов: в Париже, Оксфорде, Кембридже, Тулузе, Падуе, Неаполе, Монпелье, Вене, Гейдельберге и других городах, где, как правило, превалировали теологические факультеты, но тем не менее на философских и естественных факультетах стало активно развиваться естествознание.

Эпоха Возрождения, охватывающая период с конца XIV до начала XVI в., характеризуется открытием все новых университетов и распространением идей гуманизма. В это время Н. Коперник возрождает давно и прочно забытую древнюю идею гелиоцентризма, которую высказывал еще в III в. до н.э. Аристарх Самосский, развивает, доказывает и обосновывает ее в качестве научной истины; И. Гутенберг печатает в Майнце свою знаменитую, так называемую 42-страничную Библию; А. Везалий публикует сочинение «О строении человеческого тела», которое по сути является первым учебником по анатомии человека; отец современной хирургии А. Паре публикует «Учебник хирургии», излагая методы лечения огнестрельных ранений и предлагая бинтование вместо прижигания ран; а Дж. Фракасторо приходит к выводу о существовании инфекций и различных путей их передачи, заложив тем самым основы эпидемиологии. Эпоха Возрождения дала мощный импульс развитию гуманитарного и естественнонаучного знания, что привело к быстрому формированию многих конкретных наук в качестве самостоятельных, самодостаточных дисциплин.

Выделившись из философии, они стали затем дробиться в процессе дифференциации научного знания, все больше ограничивая, детализируя предмет своего исследования. Глубина их анализа и проникновение в суть вещей при этом увеличиваются, в то время как круг рассматриваемых вопросов сужается. Начавшаяся таким образом дифференциация научного знания будет усиливаться, а в XX в. дополнится противоположной тенденцией — интеграцией науки, но об этом разговор еще впереди.

Из того, что наука опирается в первую очередь на полученные ею конкретные результаты и достоверные знания, вовсе не следует, что у нее нет своих проблем и вопросов. Но в отличие от философских они требуют скорее не общих рассуждений, а продумывания, основанного на накопленных в данной области знаниях, что в итоге опровергает или подтверждает изначальное предположение, расширяя сферу уже имеющихся достоверных знаний. Зарождающиеся таким образом научные дисциплины расширяют область соприкосновения познанного с непознанным, а также увеличивают круг философских проблем, так как порождают новые вопросы, ответить на которые в рамках естествознания не представляется возможным. По мере роста знаний количество подобных вопросов неизменно множилось, вызывая ускорение в развитии науки и все большее обособление ее от философии.

Однако как самостоятельная область знания, как особая форма мировоззрения наука окончательно сложилась только в XVII–XVIII вв., т.е. в *Новое время*. С определенной долей условности можно сказать, что это произошло тогда, когда И. Ньютоном были открыты и сформулированы законы классической механики.

Здесь важно, однако, отметить одно очень важное обстоятельство, на которое указывает известный специалист в области познания В. А. Лекторский. «Наука как особый способ получения знания (выделено мной. — А. Ч.) не возникла в Новое время, — подчеркивает он. — Имеются основания говорить об античной и средневековой науке, которые отличаются от современной в ряде существенных отношений, так как они развивались в рамках иных когнитивных установок и систем ценностей... Экспериментальное естествознание Нового времени могло возникнуть лишь в условиях определенного понимания природы и отношения к ней человека. Это понимание связано с возникновением особого типа цивилизации, которую можно называть технологической»¹.

Такое различие акцентов в понимании науки — с одной стороны, как «особого способа получения знания», а с другой стороны, как «самостоятельной области знания, как особой формы мировоззрения» — имеет принципиальное значение, когда мы говорим о выделении в Новое время науки из философии. Именно в этом, втором значении науки философия, сформировавшись значительно раньше в качестве особой формы мировоззрения, порождает науку и выступает, таким образом, используя расхожие крылатые выражения, действительно «прародительницей», «матерью» всех наук.

Итак, наука окончательно выделяется из философии, сохранив с ней общие черты, но обретая в то же время принципиальное отличие, позволившее ей стать самостоятельной формой общественного сознания.

Общее между ними заключается прежде всего в том, что и та и другая:

- а) стремятся к выработке рационального знания;
- б) ориентированы на установление законов и закономерностей исследуемых объектов и явлений;
- в) выстраивают категориальный аппарат (свой язык) и стремятся к построению целостных систем.

Вместе с тем между ними существует *принципиальное различие*, которое состоит в том, что:

¹ Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Философский пароход: материалы XXI Всемирного философского конгресса «Философия лицом к мировым проблемам». Стамбул, 10–17 августа 2003 г. Доклады российских участников. Краснодар: М., 2004. С. 184.

- а) философия всегда представлена адресно, т.е. тем или иным философом, когда его идеи, труды могут быть самодостаточными и не зависеть от того, разделяют или не разделяют их другие философы. Наука же, в конечном счете, — плод коллективного труда, «очищенного» от субъективных оценок, предпочтений, симпатий, антипатий и т.п.;
- б) в философии, в отличие от конкретных наук, нет единого языка и единой системы знаний, которые были бы общепризнанными. Плюрализм взглядов здесь — норма. В науке же нормой является монизм, т.е. единство взглядов, как минимум на основные принципы, законы, категориальный аппарат;
- в) философские «знания», в отличие от научных, не проверяемы экспериментально, иначе они становятся научными. Точнее было бы говорить, что философия имеет дело не с знанием, а с мнениями, суждениями, идеями тех или иных философов;
- г) философия не может также дать точного прогноза, т.е. не может экстраполировать достоверные знания в будущее, ибо таковыми не обладает. Отдельный философ на основе определенной системы философских взглядов может лишь предсказывать, но не прогнозировать или моделировать, как то доступно ученому.

Отмечая сходство и различие между наукой и философией, следует подчеркнуть, что в оценке роли той и другой имеют место определенные крайности, получившие названия «сциентизм» и «антисциентизм». Зародившись в начале XIX в., сциентизм и сегодня остается популярным в определенных научных и философских кругах, абсолютизируя роль и значение науки, которая в качестве «позитивного», «полезного» знания противопоставляется «абстрактной» и «умозрительной» философии.

Другая крайность состоит в том, что философское познание отрывается от научного, объявляется несовместимым с ним; здесь недооценивается рациональность, абсолютизируются мистика, интуиция, воля. Однако суть проблемы состоит в том, что, достигнув высокой степени развития и автономии от философии, наука тем не менее остается тесно связанной с ней. Они активно взаимодействуют, оказывая плодотворное влияние на развитие друг друга тем, что, опираясь на фактический материал, проверенные научные данные, философия имеет возможность «приземлить», соотнести с действительностью свои абстрактные идеи, а наука, не ограничиваясь констатацией и описанием фактов, получает возможность делать более основательные, фундаментальные обобщения.

Здесь следует заметить, что в Средние века, когда по всей Европе стали возникать высшие учебные заведения, берущие свое начало от платоновской «Академии» и аристотелевского «Ликейя», они в условиях существования нерасчлененного знания, т.е. когда наука еще не

выделилась из философии, стали называться университетами (от лат. *universalis* — общий, всеобщий; корпорация), так как объединяли в своем составе несколько факультетов, на которых была представлена совокупность различных дисциплин, составлявших основы научного знания. Они также являли собою корпорации преподавателей и студентов: когда, например, в одних университетах делами распоряжались преподаватели, а в других, как это было в Болонье, — студенты.

Такие высшие учебные заведения давали студентам универсальное, т.е. всеобщее, знание, а главными факультетами были, вопервых, по понятным причинам, теологические и, вовторых, как правило, философские, которые по причине распространявшегося на них излишнего вольнодумства нередко закрывали, но рано или поздно снова открывали. Действовали также медицинские и юридические факультеты. Однако основное вызревание науки шло на естественных факультетах, положение которых было нередко тем прочнее и независимее, чем дальше университет находился от Ватикана, т.е. от папской опеки. Развитию интеллектуального творчества и свободомыслия способствовало и то, что университеты изначально имели относительную независимость от городов и светской власти.

Отметим, что с тех пор в западном мире университеты всегда оставались и теперь являются основным структурным элементом в системе высшего образования. Они, как и прежде, дают в первую очередь общую подготовку на уровне высшей школы, т.е. универсальное образование и лишь затем студенты специализируются по той или иной конкретной дисциплине. В этом смысле все университеты похожи друг на друга, хотя, конечно же, отличаются факультетами, определяющими лицо того или иного университета.

В данном контексте интересной представляется судьба университетов, как она сложилась в дореволюционной России, а затем и в Советском Союзе, где они возникли намного позже, чем в Европе. Так, первый университет был открыт в Москве лишь в 1755 г., но и это не стало началом повсеместного открытия университетов, которые в последующем непросто приживались на российской почве, а в советский период и вовсе не получили развития по идеологическим соображениям. Общая же причина здесь, как представляется, состоит в том, что хотя тоталитарные системы, так же как и любое другое общество, испытывают потребность в высококлассных специалистах, тем не менее они в принципе не нуждаются в свободомыслящих гражданах с широким университетским образованием. Более того, они опасаются таких людей и тем больше действительно должны опасаться их, чем более жестким является режим. Многочисленные факты всемирной истории это неопровержимо доказывают.

В качестве примера будет достаточно и отечественной практики, особенно если посмотреть на нее глазами такого выдающегося ученого

и широко образованного человека, как Д. И. Менделеев. В своих «Заветных мыслях», не публиковавшихся почти 100 лет, он еще в 1905 г., обеспокоенный проблемами просвещения, обращал внимание на то, что, хотя с момента появления первых университетов в Европе прошло более 600 лет, они и поныне продолжают играть первостепенную роль в образовании народов, выступая при этом образцом для всех прочих высших учебных заведений. «В университетах, как вообще в школах, учащиеся находятся под влиянием не только профессоров, но и своих товарищей, — подчеркивал он, — а разнообразие специальностей, которыми занимаются эти товарищи, ведет к тому, что каждый получает большую широту просвещения, чем при следовании за отдельным, хотя бы и высоким учителем.

Этому влиянию должно приписывать не только общераспространенное поныне и во многом справедливое мнение о том, что университеты дают общее высшее образование сверх специального, но также и то, что с возникновением университетов, совпавшим с эпохой Возрождения наук, школы в научном смысле стали расширяться, разнообразиться, умножаться и через своих адептов влиять на всю современную жизнь. Та мысль, которая лежит в основе университетов, сочетающих в себе разные специальности, в последней половине XIX в., когда живая надобность в специально образованных деятелях значительно усилилась, была во множестве случаев упущена учреждением узкоспециальных учебных заведений, и мы в России живем в настоящее время в эпоху господства этого упущения. Ему по преимуществу обязано наше время тем, что по весьма широко распространенному мнению о данного рода делах могут судить с достаточным основанием только ближайшие специалисты, а эти последние очень нередко чужды надлежащего общего образования.

Мне бы не хотелось развивать эту сторону дела, — с грустью отмечал настоящий гражданин и патриот своей страны, — потому что она кажется мне печальной, и я думаю, что можно не развивать этого, потому, что всякий сознательный человек найдет кругом себя много примеров, ее подтверждающих. Бывши первоначально профессором не только университета, но и различных узкоспециальных учебных заведений, подобных Инженерной академии, Институту путей сообщения и Технологическому институту, я из жизни извлек эту мысль и на основании этого утверждаю, что дело высшего образования, даже специального, много теряет в узкоспециальных заведениях потому именно, что товарищи других специальностей влияют на все развитие слушателей едва ли меньше, чем профессора»¹.

Вспоминая далее свои студенческие годы, Менделеев говорит, что он жил рядом не только с математиками, с которыми вместе слушал

¹ Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 258.

общие науки на первых двух курсах, но и с филологами, историками и экономистами другого факультета. «И я никогда не забуду тех столкновений во мнениях, которые у нас часто бывали и немало послужили к общей полировке всех нас, — подчеркивает он. — На основании сказанного и имея в виду необходимость множества специальностей и громадное их развитие, я полагаю, что наилучшие плоды от высших учебных заведений получатся лишь тогда, когда в каждом из них будет много разнородных специальностей, или факультетов»¹. Прошло более 100 лет с тех пор, как были написаны эти замечательные слова, но их актуальность для нашей страны и поныне не стала меньше, ибо практически весь XX в. в этом отношении был потерян, если не сказать — оказался шагом назад.

Так, с первых лет советской власти стало ясно, что университеты, будучи центрами вольнодумства и свободомыслия, уже в силу своей полифоничности не в состоянии обеспечить идеологически заданное образование и провозглашенное важнейшей целью коммунистическое воспитание. Тогда-то наиболее неговорчивых профессоров выслали за границу или арестовали, лишили работы, а вместо университетов стали создавать *институты*, которые готовили профессиональных специалистов по конкретным областям науки и народного хозяйства, что, конечно же, давало стране прекрасных инженеров, физиков, химиков, конструкторов, но лишало ее широко образованных, критически и свободомыслящих граждан.

В гл. IV, когда речь пойдет о ноосфере, мы на конкретных фактах истории еще увидим пагубность (особенно в стратегической перспективе) такого одностороннего, узкопрофессионального образования, теперь же отметим, что прогресс науки зависит не только от тех или иных открытий или удачных инженерных решений, но и от состояния, если можно так сказать, «качества» социально-политической, культурной, гуманитарной атмосферы, в которой происходят эти открытия или принимаются соответствующие решения. Не потому ли фактически все лауреаты Нобелевской премии являются выпускниками университетов, но среди них нет тех, кто оканчивал институты? Теперь в России почти все институты переименованы в университеты и академии, но сменить название и сформировать принципиально иную систему подготовки специалистов — к сожалению, далеко не одно и то же, да и процесс этот длится десятилетиями, если не столетиями.

При этом важно подчеркнуть, что в соответствии с экспертными оценками уже в обозримом будущем образование станет определяющим фактором достижения как индивидуального, так и национального успеха, а глобализация всех сфер общественной жизни и все большее усложнение техники и технологических процессов неизбежно потребу-

¹ Менделеев Д. И. Указ. соч. С. 258.

ют не только соответствующих специалистов, более квалифицированной рабочей силы, но и просто высокообразованных и полноценных в моральном отношении граждан.

Следует также отметить, что если до конца XIX в. наука была по существу европейским явлением, то уже в XX в. она стала явлением глобальным. Так, уже не только в наиболее авторитетных университетах, но и во многих других, менее известных учебных заведениях, стали обучаться студенты практически со всего мира, разъезжаясь затем снова по всему свету после окончания учебы и распространяя таким образом полученные знания. Всемирные конгрессы, конференции, симпозиумы; международные институты, проекты, исследовательские центры, научные сообщества; международные периодические издания, премии, конкурсы и т.п. — все это возникло и получило колоссальное развитие к настоящему времени, превратив уже не только науку, но и имманентно связанные с ней научно-техническую и информационно-технологическую революции во всемирное явление.

§ 4. Научно-технический прогресс

Искусство двигать прогресс состоит в том, чтобы сохранять порядок, осуществляя перемены, и осуществлять перемены, сохраняя порядок.

А. Уайтхед

Как уже было показано, истоки и технического, и научного прогресса уходят глубоко в историю, но существенно разнятся во времени с точки зрения обнаружения первых признаков этих истоков. Так, зарождение технического прогресса относится к ранним этапам становления человечества, к тому времени, когда началось массовое изготовление орудий труда и человек стал активно использовать лук, колесо, орудия обработки земли и т.п. С тех пор и фактически до Нового времени технический прогресс развивался прежде всего благодаря накоплению практических навыков, умения, опыта и, по сути, не зависел от теоретических знаний, которые стали обретать системность лишь со времени появления рационального способа постижения мира. Другими словами, как было показано в предыдущем параграфе, возникновение основ науки, а следовательно, начало научного прогресса, относится к гораздо более позднему периоду и связано в первую очередь с появлением античной философии в VI в. до н.э., в лоне которой наука тогда и зарождалась. Применительно к данному времени можно говорить о свершении *интеллектуальной революции*, которая тогда не могла оказать влияние на отношения человека с природой, равно как и на развитие технического прогресса в целом, ибо по большей части

носила спекулятивный, умозрительный характер и фактически не была связана с целенаправленной преобразующей деятельностью людей.

Таким образом, зарождение науки и ее прогрессивное развитие проходило независимо от технических достижений, что дает основание утверждать, что оба эти процесса вплоть до Нового времени развивались, по существу, автономно, практически не оказывая заметного влияния друг на друга. И пока технический и научный прогресс на протяжении многих столетий шли параллельно, рост антропогенного влияния на природную среду, зависящий прежде всего от технических достижений человека, был весьма незначительным, так как технические достижения вне связи с наукой, следует признать, всегда оставались минимальными.

Наука также не оказывала существенного влияния на реальную жизнь людей, пока она оставалась в лоне философии и отстаивала свое право на истину, не умозрительную, а опирающуюся на опыт и проверяемую на практике. Когда же она добилась такого права, обретя в Новое время самостоятельный статус, понятия «философия» и «наука», «философ» и «ученый» перестали быть равнозначными категориями и уже не обозначали одно и то же. Так что если теперь они и употребляются как синонимы, то лишь в том смысле, что термины «наука» и «ученый» употребляются в собирательном смысле и в таком широком контексте охватывают всю сферу рационального постижения действительности.

Итак, ситуация кардинально изменилась в XVII–XVIII вв., когда наука и техника в своем поступательном развитии вышли на принципиально новый уровень взаимоотношений, положив начало *научно-техническому прогрессу* (НТП), специфической особенностью которого является то, что с этого времени уже *ни наука, ни техника не могли развиваться в отрыве друг от друга*.

С этих пор не только развитие науки стало напрямую и непосредственно зависеть от технического прогресса, но и, наоборот, технический прогресс оказался теснейшим образом связанным с открытиями и достижениями в области науки. Отмеченная связь проявилась в первую очередь в экономической сфере, где наука и техника породили *промышленную революцию*, принципиально изменив возможности человека влиять на окружающую среду, ставшую с этого времени целью, предметом преобразования, освоения, покорения. Общество, вступившее на такой путь развития, в дальнейшем получило название «индустриальное». И именно с этих пор человека можно и нужно рассматривать как главную преобразующую силу, как самый мощный на планете фактор воздействия на природу, ибо изменения, которые он стал производить в глобальных масштабах, оказались столь значительными, что стали заметны уже на протяжении одной человеческой жизни.

И это был только *первый* этап развития НТП, который, единожды начавшись, стал развиваться дальше по своим объективным законам. С тех пор любые попытки воздействовать на него позволяли в лучшем случае лишь определенным образом корректировать направленность научно-технического развития, но никогда не могли остановить, а тем более вовсе отменить его.

В свете современных экологических проблем НТП зачастую предстает как явление не столько позитивное и полезное, сколько вредное и даже опасное для человека. В науке и технике зачастую видят не создающее начало и преобразующие возможности, а деструктивную силу, разрушающую природу и нарушающую естественное экологическое равновесие. Отсюда призывы и попытки если не остановить развитие науки и техники, то хотя бы направить их в определенное, заранее заданное русло. Заметим, что такие взгляды, высказывавшиеся еще в эпоху Просвещения, значительно усилились теперь, под влиянием глобальных проблем и неблагоприятной экологической обстановки. Однако дальше призывов дело никогда не шло, нет и теперь достаточных оснований полагать, что в будущем что-либо серьезно изменится в этом отношении. Зато есть основания предполагать обратное — подобный ход мыслей не отражает существующие реалии и потому все попытки действовать в этом направлении, т.е. противодействовать научно-техническому прогрессу, становятся занятием не только бесперспективным, но и бесполезным.

Возражая «технопессимистам», число которых в последнее время скорее растет, чем уменьшается, следует заметить, что их усилия, направленные на сдерживание, а то и вовсе на запрет развития науки и техники, вряд ли когда-либо увенчаются успехом. Более того, в реальной действительности имеет место постоянно ускоряющийся рост, неизменное усложнение и совершенствование научных и технических достижений. Причин тому несколько, но основная, пожалуй, состоит в том, что и наука, и техника — результат творческой деятельности человека, в которой содержится значительные доли эвристики, иррациональности и стихийности, не поддающиеся контролю и управлению, тем более когда речь идет о масштабах общечеловеческих. Этот, казалось бы, недостаток является таковым лишь настолько, насколько мы испытываем страх перед неизвестным и тем, что неподвластно нам. На самом же деле и наука, и техника могут и должны рассматриваться как явления положительные и прогрессивные. Их смысл и предназначение — увеличить человеческие возможности познавать и преобразовывать объективную действительность, и вряд ли стоит в отрыве от человека мистифицировать их или рассматривать как самостоятельный источник какой-либо опасности. Несомненно, они принципиально изменяют не только человеческую жизнь, но и самого человека, отдаляя людей от животного состояния, цивилизуя их и придавая им уверенности в себе. И это абсолютно естественно,

более того — необходимо, если мы хотим, чтобы человек, говоря словами В. И. Вернадского, взял на себя ответственность за дальнейшее развитие не только самого себя, но и биосферы в целом. При этом он должен хорошо осознавать свою активную, преобразующую роль в отношении с техникой и природой, а также свою полную ответственность за техногенные изменения, которые всецело зависят от человека.

Итак, хотя развитие технических и научных достижений имеет многовековую историю, заметное и прогрессирующее влияние на жизнь людей наука и техника стали оказывать только тогда, когда достигли такого уровня, что *дальнейшие достижения науки оказались в прямой зависимости от ее технической оснащенности, а уровень развития техники стал определяться прежде всего научными достижениями*. С этого времени наука и техника стали немыслимы друг без друга, и именно отсюда следует вести отчет научно-технического прогресса, направленность и темпы развития которого определяются не желанием или волей отдельных людей, а объективными возможностями, проистекающими из уже имеющихся достижений. Конечно, возможности эти реализуются не обязательно быстро и непременно. Их осуществление предполагает также наличие благоприятных социально-экономических условий, достаточных средств, соответствующих кадров и т. п. Речь в данном случае идет об объективных тенденциях, а они таковы, что отмеченные процессы развиваются по нарастающей с точки зрения как количественных, так и временных параметров. Раз возникнув, уже ни базирующаяся на технических достижениях наука, ни движимое вперед наукой экспоненциальное развитие техники не могут быть ни остановлены, ни даже серьезным образом замедлены. Это факт, который следует не только признать, но и увидеть в нем новые возможности, открывающиеся перед человеком.

В XX в. мы стали свидетелями двух принципиально новых качественных скачков, произошедших в развитии научно-технического прогресса. Первый из них, получивший название *научно-технической революции*, относится к 30–40-м гг. и характеризуется тем, что с этого времени *наука стала непосредственной производительной силой, а производство в развитых странах — наукоемким*. Так появилось «постиндустриальное общество».

Второй скачок, именуемый *«информационным взрывом»*, связан с компьютером и Интернетом. Его начало относится к первой половине 1980-х гг., когда появились и стали широко внедряться во все сферы общественной жизни персональные компьютеры и микроэлектроника, что было затем многократно усилено изобретением в 1991 г. Интернета. Главной отличительной особенностью этого «взрыва» является то, что *информация стала важнейшим ресурсом, определяющим уровень и темпы научно-технического и социально-экономического развития*. Общество, которому соответствует данный тип отношений, получило название «технотронное общество».

§ 5. Научно-техническая революция

Понятие научно-технической революции (НТР) появилось в 60-е гг. XX в. первоначально в специальной литературе, благодаря работам Д. Белла, Г. Кана, Т. Куна, Н. И. Дряхлова, Э. А. Араб-Оглы, Г. С. Гудожника и других ученых, исследовавших экономические и социально-политические трансформации, произошедшие под влиянием научных и технических достижений в первой половине XX столетия. Довольно быстро оно вошло в научный оборот, получив широкое распространение, в том числе благодаря подхватившим его средствам массовой информации.

По причинам, о которых уже говорилось в методологических замечаниях и что было названо «эффектом позднего восприятия», осмысление феномена научно-технической революции произошло на несколько десятилетий позже ее фактического начала, т.е. с закономерным для таких случаев запозданием. Непосредственным же поводом к началу разговора о такой революции послужило то, что буквально на глазах живущего поколения стали изменяться условия труда и жизни людей, их отношение с окружающей средой, что вызвало повышенный интерес к фундаментальным изменениям в сфере науки и техники, которые стали предметом особого внимания и специальных исследований.

Так, именно тогда понятие «революция» впервые было употреблено по отношению к науке в известной работе Т. Куна «Структура научных революций», где он говорит о научной революции как смене парадигм, понимая под парадигмами «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹. Обычное поступательное развитие науки, где доминируют господствующие точки зрения, общепринятые основополагающие принципы и установившиеся положения, он называет «нормальной наукой», на развитие которой большинство ученых тратит почти все свое время, полагая, что научное сообщество знает, что являет собою окружающий нас мир. Защищая это допущение, «нормальная наука» с необходимостью выступает против любых новаций и положений, которые противоречат ее принципам и неизбежно разрушают ее основные установки, если с ними не бороться. Но она нередко сталкивается с такими проблемами, которые с помощью известных правил и процедур не поддаются решению ни при каких обстоятельствах, когда методы и инструменты, предназначенные и сконструированные для нормального исследования, оказываются неспособными функционировать так, как это изначально предусматривалось. Таким образом, нормальная наука все время сбивается с дороги, говорит Т. Кун. «И когда это происходит —

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11.

то есть когда специалист не может больше избежать аномалий, разрушающих существующую традицию научной практики, — начинаются нетрадиционные исследования, которые в конце концов приводят всю данную отрасль науки к новой системе предписаний, к новому базису для практики научных исследований»¹. Исключительные ситуации, в которых возникает эта смена профессиональных предписаний, он рассматривает как научные революции, которые «являются дополнениями к связанной традициями деятельности в период нормальной науки, которые разрушают традиции»².

Наиболее яркими примерами таких революций в науке являются фундаментальные преобразования предшествующих научных взглядов, произошедшие под влиянием принципиально новых идей и открытий, например, Н. Коперника, И. Ньютона, А. Лавуазье, А. Эйнштейна, когда научное сообщество отказывалось от той или иной освященной веками научной теории в пользу другой теории, несовместимой с прежней. Каждое из таких открытий имело немало последствий принципиального характера, вызывая последующий сдвиг в постановке, понимании и решении прежних проблем с позиции новых идей. «И каждое из этих открытий преобразовывало научное воображение таким образом, что мы в конечном счете должны признать это трансформацией мира, в котором проводится научная работа. Такие изменения вместе с дискуссиями, неизменно сопровождающими их, и определяют основные характерные черты научных революций»³. Несомненно, что научные революции такого типа, являясь необходимой и характерной особенностью прогрессивного, поступательного развития научного знания, происходили и впредь будут периодически происходить, пока будет существовать наука. При этом они порождают не только новые идеи и подходы к пониманию окружающего нас мира, но и новые науки, научные направления и не существовавшие прежде области знания.

Так, классическое естествознание, сложившееся на принципах признания бесспорных истин и абсолютно достоверного знания, жесткого детерминизма и разграничения сферы духа (сознания) и материи, использовало математические методы моделирования реальности и эксперимент как основные способы научного познания. В итоге сформировались такие конкретные дисциплины и теории, как химия, биология, политическая экономия, социология, термодинамика, теория электромагнетизма и др., сложились картины мира, не сводящиеся к механистической, обрела статус признанной теории идея развития. Все это подготовило почву для нового взгляда на мир и послужило основанием появления в первой половине XX в. неклассического есте-

¹ Кун Т. Указ. соч. С. 23.

² Там же.

³ Там же. С. 24.

ствознания, ярким проявлением которого стали теория относительности и вероятностная картина мира, квантовая механика, новое понимание причинно-следственных связей, случайности, необходимости, которые обеспечили прорыв науки в область микромира и больших скоростей. В итоге с открытием электрона, радиоактивности, превращения химических элементов произошел коренной переворот во взглядах на материю, границы которой существенно раздвинулись.

Понятие «революция» вполне применимо и к технике, точнее, к тем изменениям, которыми сопровождается технический прогресс под влиянием фундаментальных открытий и изобретений, кардинально преобразующих сферу труда и условий жизни людей. Таковыми были, например, промышленная революция, начало которой относится к XVIII в., или появление в XIX в. железнодорожного транспорта. В XX в. можно отметить уже несколько революций в техническом прогрессе, в частности вызванных появлением автомобиля, авиации, ядерного оружия, ракетостроения, наконец, компьютера. За каждым из этих открытий стоит не только кардинальная смена основных принципов создания техники и перманентное обновление всего технопарка соответствующего сектора техносферы, но и принципиальные изменения в других технических устройствах и системах, так или иначе связанных с данным сектором. Революционные преобразования в технике произошли в значительной степени благодаря открытию электричества и широкому его применению в промышленности, на транспорте, в быту, без чего было бы невозможно бурное развитие телеграфной и телефонной связи, радиопромышленности, а также создание и активное применение в научных исследованиях, производстве и управлении электронно-вычислительных машин (ЭВМ). Они стали символом научно-технической революции, позволив человеку передать машине многие контрольные и даже управленческие функции в различных производственных процессах.

Практически во всем мире резко увеличилось ассигнования на фундаментальную и прикладную науку, численными темпами росло количество научно-исследовательских институтов, лабораторий, конструкторских бюро и т. п., что послужило дополнительным импульсом к бурному развитию автомобильной и авиационной промышленности, железнодорожного транспорта, машиностроения, военной техники, станкостроения и других отраслей экономики. В результате такой тесной интеграции науки и техники стало возможным осуществление сложнейших комплексных и масштабных научно-технических исследований и программ, непосредственно связанных с производственным процессом, новейшими автоматизированными системами и технологиями, что в итоге позволило человеку теоретически и технически решить такие фундаментальные задачи, как расщепление атомного ядра, строительство атомных реакторов и овладение ядерной энергией.

Благодаря революционным преобразованиям в науке и технике люди смогли сделать также сложнейшие расчеты при помощи вычислительных машин, создать ракетную технику, разработать новейшие технологии и в конечном счете выйти в космос, исследовать его глубины и материальные объекты. При этом следует принять во внимание, что в своем развитии наука и техника всегда получали наибольшие импульсы от военной сферы, там же находили скорейшее применение научно-технические достижения, что достаточно точно отразилось в известном выражении — научно-техническая революция вошла в мир в военных успехах.

Указывая на череду революций, сопровождающих науку и технику, где они происходят перманентно и относительно независимо одна от другой, следует отметить, что НТР не сводится к простому суммированию этих революций, которые затрагивают достаточно узкие сферы человеческой деятельности. На это одним из первых обратил внимание Э. А. Араб-Оглы, по мнению которого в середине XX столетия «стало очевидным, что начавшаяся научно-техническая революция — это не просто совпадение во времени революции в науке и революции в технике и не “вторая промышленная революция”, как воспринимали ее многие ученые на Западе еще в 50–60-х годах, а новый качественный переворот в развитии производительных сил общества, технологическая революция современной эпохи»¹.

Как было показано выше, революционные изменения и в науке, и в технике сопровождали их на протяжении многих столетий, во всяком случае, они легко обнаруживаются с момента зарождения научно-технического прогресса, т.е. задолго до того, как они стали предметом специального внимания и детального анализа. Все это время продолжалось совместное, взаимозависимое развитие науки и техники, что имело ряд принципиальных последствий, которые фундаментальным образом изменили не только каждую из обсуждаемых сфер общественной жизни, но и производственную деятельность людей, их трудовые, экономические, финансовые, социальные, политические отношения. Беспрецедентные успехи естествознания того времени произвели коренной переворот во взглядах на устройство мира и привели к переосмыслению многих, казалось бы, незыблемых теоретических положений, а технические достижения открыли перед человечеством принципиально новые возможности производства материальных благ, передвижения, коммуникации и т.п.

В итоге ускоряющееся развитие научно-технического прогресса в 30–40-е гг. XX в. переросло в *научно-техническую революцию* (НТР), которая стала закономерным результатом развития НТП, его каче-

¹ Араб-Оглы Э. А. Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000. М.: Мысль, 1986. С. 10.

ственно новым состоянием, когда эволюционные изменения, характерные для предыдущих этапов развития науки и техники, сменились коренной ломкой сформировавшихся научных парадигм и устоявшихся подходов к конструированию и созданию новых технических систем. НТР вызвала глубокие качественные преобразования не только в науке и технике, но и в характере их взаимосвязи, а также в экономической сфере, где свершившаяся к тому времени промышленная революция стала дополняться повсеместной автоматизацией производства и внедрением в различные сферы общественной жизни автоматизированных систем управления. На смену машинам и механизмам, до этого управляемым непосредственно человеком, пришли автоматы и автоматизированные системы, которые все активнее стали вытеснять простую механизацию, морально устаревшую технику, работая самостоятельно по заранее заданной программе, все меньше нуждаясь в непосредственном участии человека или совсем в нем не нуждаясь. Таким образом, сложилась новая целостная система «наука — техника — производство», где ключевая роль от техники, которую та играла на предыдущем этапе, перешла к науке.

С этого времени наука стала непосредственной производительной силой, что явилось принципиальным отличием НТР от предшествующего, первого этапа развития НТП, где, с точки зрения влияния на динамику социально-экономических изменений, сохранялся известный паритет между наукой и техникой. Это означает, что *материальные и финансовые вложения, осуществляемые непосредственно в науку, причем не только прикладную, но и теоретическую и даже гуманитарную, стали давать такую же ощутимую, зримую и достаточно быструю отдачу, как и вложения в разработку новых технологий, машин и механизмов или в добывающую и перерабатывающую промышленность.*

Хорошей иллюстрацией сказанного являются, например, социологические, психологические, политологические исследования и выработываемые на их основе рекомендации, на основании которых принимаются эффективные стратегические и кадровые решения, осуществляется социальная политика на предприятиях. Материальные затраты на развитие этих, казалось бы, далеких от производства гуманитарных сфер знания, стали многократно окупаться за счет более рациональной организации труда и повышения его производительности, более эффективного управления и менеджмента. Реальное воплощение такого подхода актуализировалось с введением первого конвейерного производства на автомобильных заводах Г. Форда в начале XX в., когда эффективность труда выстроенных в единую технологическую цепочку людей стала существенно зависеть от правильной их расстановки, где с целью создания максимально благоприятной атмосферы в трудовом коллективе необходимо было учитывать психологические особенности каждого участника производственного процесса. Такая задача

могла быть решена только с помощью конкретных социологических исследований и прикладной психологии, что потребовало соответствующих специалистов и стимулировало их подготовку, в том числе за счет перераспределения средств в пользу системы высшего образования. Все это стало наглядным подтверждением того, как инвестиции даже, казалось бы, в достаточно абстрактные гуманитарные науки стали давать быструю и весьма ощутимую отдачу в сфере экономики.

Итак, в рамках научно-технической революции произошло качественное преобразование науки, техники и производства в их совокупности и неразрывном единстве, а общий эффект от этих преобразований не замедлил сказаться и на них самих. Так, относительно науки суть перемен состоит не столько в самих по себе научных революциях в ряде областей научного знания и даже не в изменении количественных параметров научного знания и его роста, а в «изменении самого характера науки, в выходе системы научных знаний за рамки обыденного человеческого опыта и, как следствие, — в потере частью научных знаний непосредственной наглядности»¹. Последствием этого стала возможность овладения человеком такими силами природы, которыми прежде он не мог управлять в принципе. В технике эти перемены выразились в передаче ей функций мышления, что привело к появлению технических устройств, специально предназначенных для выполнения логических операций. Наконец, фундаментальные преобразования в сфере материального производства выразились в том, что человек получил возможность выйти частично или даже полностью из технологического процесса, переложив на «умную» технику свои функции в виде рутинных операций, обработки информации и даже принятия стандартных, запрограммированных решений. Однако часть своих производственных функций на этом этапе НТР человек еще вынужден оставить за собой, в частности конструирование, ремонт, настройку и профилактику техники, постановку целей и задач, контроль за производством и общее управление им¹.

Еще одной отличительной особенностью НТР стало то, что изменения в науке и технике (с точки зрения продолжительности человеческой жизни) приобрели взрывной характер и замелькали с калейдоскопической быстротой. Заметим, что именно на этом этапе развития НТП произошла интернационализация практически всех сфер человеческой деятельности в масштабе всей планеты, обострился и обнаружился весь комплекс глобальных проблем современности, и прежде всего в отношениях человека с природой, где роль науки стала также более значимой по сравнению с техникой. Достаточно указать на открытие радиоактивности и связанное с этим радиацион-

¹ См.: Шульдин Б. П. Научно-техническая революция // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003. С. 660.

ное загрязнение, химизацию сельского хозяйства, развитие бытовой химии и вызванные ими тяжелые экологические последствия. Причем овладение атомной энергией и создание оружия массового поражения стало, быть может, самым значительным событием в жизни человеческого сообщества. Оно впервые за всю историю своего существования потеряло свое коллективное бессмертие, ибо уже первые атомные взрывы в 1945 г. показали принципиальную возможность уничтожения жизни на Земле. Потенциальная опасность такой катастрофы появилась в результате развернувшейся в послевоенное время гонки вооружений и накопления к началу 1960-х гг. такого количества ядерных запасов, что его хватило бы для превращения нашей планеты в безжизненную пустыню. Тем самым было положено начало новой эре человечества, когда оно стало потенциально таким же смертным, как и каждый отдельно взятый человек.

Современный этап НТР, переросший теперь в революцию информационную, с одной стороны, способствует единению человечества, а с другой стороны, ведет к его дифференциации; в одном отношении снижает остроту политической, социальной, экологической и тому подобной напряженности, в другом — делает эти проблемы еще более острыми. Чтобы лучше вскрыть суть этих парадоксов, следует перейти к рассмотрению следующего этапа НТР — революции информационной, свидетелями и непосредственными участниками которой мы являемся.

§ 6. Информационно-технологическая революция

Кто владеет информацией — тот владеет миром.

У. Черчилль

Для последующего разговора принципиальное значение будет иметь категория *«информация»*, в самом общем плане понимаемая как *всевозможные сведения, являющиеся объектом хранения, переработки и передачи их от одних носителей к другим*. В такой интерпретации информация выступает важнейшей характеристикой и неотъемлемой составляющей всех живых организмов, а также любых биологических и социальных систем. С учетом этого обстоятельства можно выделить два основных способа передачи информации:

- *биологический* — обусловленный генетической наследственностью, чем отличается все живое;
- *социальный* — связанный с обучением и передачей знаний, сведений, сообщений, что присуще только человеку.

Выявляя суть информационной составляющей общественного развития, будем иметь в виду именно этот, второй способ переда-

чи информации, в динамике которого на протяжении всей истории человечества выделяется три наиболее важных поворотных пункта, именуемых *информационными революциями*.

Первая революция была вызвана появлением письменности: клинопись, иероглифы (примерно с VI тысячелетия до н.э.).

Вторую информационную революцию породило изобретение в XV в. печатного станка и книгопечатания (И. Гутенберг).

Наконец, *третья* революция в информационной сфере обусловлена появлением и бурным развитием в XX в. телекоммуникационных технологий (телефон, радио, телевизор, Интернет, мобильная связь), а также формированием единого киберпространства.

Первые упоминания о происходящей технологической революции, основанной на информации, появились в начале 1960-х гг. в работах Д. Белла, Ж.-Ж. Серван-Шрайбера, Т. Умесао, Ф. Махлупа, который ввел в научный обиход термин «информационное общество», и др. Эти исследования происходили на фоне появления и внедрения тогда еще только в отдельные сферы общественной жизни вычислительных машин и стали результатом первоначальных попыток осмыслить перемены в экономике и социальной сфере под влиянием набиравших в то время силу телекоммуникационных и информационных процессов. Основы же этих технологических процессов были заложены наукой и активно формировались на протяжении двух предыдущих десятилетий. Как отмечает крупнейший специалист по этой проблеме, один из соавторов термина «информационная революция» Д. Белл, «начиная с 40-х гг. шло бурное развитие новых областей научного знания, связанных с проблемами... информационной теории, кибернетики, теории принятия решений, теории игр, теории стохастических процессов»¹.

При этом уже тогда было обращено внимание на то, что многие производственные и общественные процессы стали набирать заметное ускорение — и прежде всего в тех сферах, которые были непосредственно связаны с информацией, как, например, сфера услуг. Важнейшими факторами, определявшими ускоренное развитие начинавшейся тогда информационно-технической революции, были совершенствование технологий, миниатюризация оборудования, многократное увеличение мощности и памяти компьютеров, резкое удешевление электронной техники. Так, компьютер выпуска 1963 г. требовал нескольких десятков тысяч соединений с применением человеческого труда и способных в любой момент выйти из строя. Но уже в 1971 г. в США был создан первый микропроцессор, который был сконструирован на основе полупроводниковой кремниевой пластины размером

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 331–332.

0,5 × 0,5 см и мог выполнять арифметические и логические операции. В 1975 г. был создан компьютер, состоящий из одной-единственной печатной схемы. А 1981 г., когда был создан первый персональный компьютер массового пользования, можно считать формальной точкой отсчета *третьего* (современного) этапа НТП.

С этого времени НТР обрела новые очертания — *революции информационно-технологической* (ее еще называют также просто информационной революцией, информационно-технической революцией, компьютерной, электронной революцией), отличительной особенностью которой является то, что *информация стала одним из важнейших ресурсов общественного развития*. Без такого ресурса, который встал в один ряд с другими, традиционными ресурсами: нефтью, газом, углем и т. п., теперь не только любая страна, любое общество лишаются перспективы дальнейшего поступательного развития, но и отдельный человек оказывается за рамками современной цивилизации. Информация и развившиеся качественно и количественно средства ее распространения за очень короткий срок принципиально изменили и межгосударственные, и межличностные отношения, которые стали неизмеримо оперативнее, более открытыми, доступными для широкой публики и практически не зависят теперь от расстояния. «В отличие от любой иной революции *ядро* трансформации, которую мы переживаем теперь, связано с *технологиями обработки информации и коммуникации*. Для этой революции информационная технология является тем же, чем новые источники энергии были для индустриальных революций»¹, — отмечает авторитетный специалист по проблемам современного мира М. Кастельс.

Ускоренное развитие современных технологий и наукоемких производств, объединяемых общим названием *хайтек* (англ.: *high-tech* — высокие технологии), нередко сопровождается тем, что порой целые производства, казалось бы, успешно функционирующие на основе установившихся и эффективных технологий, оказываются на грани банкротства, так как не успевают вовремя отреагировать на еще более совершенные новации. Так произошло, например, с развитой индустрией изготовления виниловых дисков, которая потерпела фиаско после изобретения менее материалоемких компакт-дисков, или с процветавшей компанией Polaroid, проигравшей в конкурентной борьбе тем, кто своевременно перешел на изготовление цифровых видеокамер и фотоаппаратов.

Важно отметить, что для поступательного развития научно-технического прогресса в целом характерно сокращение сроков между теоретическим открытием (изобретением) и его реализацией (практическим применением). Другими словами, по мере накопления те-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000. С. 50–51.

оретических знаний и практических навыков человеку требуется все меньше времени, чтобы внедрить в практику новые идеи. При этом изменяется и видение происходящего, ибо «ускорение» времени, его сжатие, сокращение делает осмысление протекающих в таком времени процессов также более коротким. Таким образом, осознание факта наступления информационной революции, в отличие от научно-технической, произошло в более короткие сроки, а фактически это осуществлялось по большей части в режиме реального времени, в отдельных отношениях даже с опережением, чего в истории науки раньше никогда не было.

Одним из первых, кто стал писать о надвигающейся компьютерной революции еще до того, как она случилась, был известный французский журналист, бывший главный редактор еженедельника *L'Express* Ж.-Ж. Серван-Шрайбер. Его книга «Американский вызов», опубликованная в Париже в 1967 г., была посвящена новому технологическому прорыву, на пороге которого уже тогда стояли США, значительно опережая в этом отношении другие страны. Эта книга стала своеобразным футурологическим манифестом, провозглашавшим наступление принципиально новой эры — компьютерной революции. Она получила большой резонанс во всем мире, а в 1970 г. была опубликована и на русском языке. В ней автор давал классификацию экономических систем, выделяя в зависимости от величины дохода на душу населения пять типов соответствующих обществ: доиндустриальные (50–200 долл.), находящиеся в процессе индустриализации (200–600 долл.), индустриальные (600–1500 долл.), передовые индустриальные, или общества потребления (1500–4000 долл.) и постиндустриальные (4000–20 000 долл.). Отличительной особенностью последних является то, что в них на первые позиции вместо индустриального производства выходят сферы услуг, управления, образования и даже культура, которые, опираясь на современные вычислительные машины, решительным образом меняют и характер труда, и условия жизни людей. Наиболее важной и решающей в будущем станет электроника, так как между процессом управления без электронно-вычислительных машин (ЭВМ) и процессом управления с помощью ЭВМ нет ничего общего, писал французский журналист и добавлял: «В войне, идущей в промышленности, битва ЭВМ — самая главная. И наиболее трудная... ЭВМ — это оружие будущего»¹. А главным фактором прогресса, по его мнению, должна была стать система образования и предоставленные в ее распоряжение технические нововведения. При этом в области связи факторы времени и пространства перестанут играть существенную роль, так как пространство и время сжимаются до масштабов, которые десятилетием ранее было трудно себе представить, говори-

¹ Серван-Шрайбер Ж.-Ж. Американский вызов. М., 1970. С. 112–113.

лось в книге и подчеркивалось: «Шпенглер в 1923 г. философствовал о “Закате Европы”, сейчас, в 1967 г., у нас времени остается в обрез, чтобы понять, что происходит»¹. Автор обращал внимание на неравномерность социально-экономического развития в результате разных возможностей у различных стран овладевать вычислительной техникой и высокими технологиями. «Общество 2000 г. в ряде районов индустриального мира будет настолько отличаться от нынешнего, насколько наше общество сегодня отличается от Египта или Нигерии. В число постиндустриальных обществ войдут по порядку: США, Япония, Канада, Скандинавские страны. Вот и все»², — писал Ж.-Ж. Серван-Шрайбер, особо подчеркивая при этом, что разница между странами отныне будет определяться ценностью их технического капитала, но в еще большей степени ценностью их «человеческого капитала», причем второй фактор будет постоянно превалировать над первым. «Воображение, вдохновение, интуиция, творческие идеи, являющиеся свойствами разума, получают отныне таких партнеров, как память и способность к подсчетам, присущих ЭВМ. Это новое сотрудничество обеспечит небывалое развитие интеллекта и создаст совсем другой мир»³.

Здесь следует отметить особую проницательность автора, который, правильно оценивая объективный характер намечавшейся тогда интеграции различных стран в мировое сообщество, писал: «В мире уже не существует ни одной страны, включая и США, которая была бы совершенно независимой»⁴.

Вызвав широкий резонанс своей книгой о надвигающейся электронной революции, где США играли ведущую роль, Ж.-Ж. Серван-Шрайбер принялся за новую, еще более масштабную работу. Летом 1979 г. он возглавил созданную в Париже футурологическую группу, основная задача которой состояла в том, чтобы найти пути достижения новой динамики экономического развития и создать «концепцию мультимира». Весь год участники группы были в разъездах, провели 12 солидных международных встреч в Париже, Цюрихе, Токио, Нью-Дели, Кувейте, Эр-Рияде, Вашингтоне и других городах, после чего руководитель группы сел писать отчет — новую книгу «Всемирный вызов», которая стала своеобразным манифестом «Парижской группы». 15 издательств мира объявили книгу к одновременному выпуску. Главный вывод, сделанный в этой работе, состоял в том, что будущее общества в его информатике и что на смену обществу потребления придет «информационное общество»⁵.

¹ Серван-Шрайбер Ж.-Ж. Указ. соч. С. 29.

² Там же. С. 32–33.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ См.: *Servan-Schreiber J.-J.* Le défi mondial. Paris, 1980.

Начало 80-х гг. ознаменовалось не только реальным технологическим прорывом в области создания новых вычислительных машин и электроники, например появлением первого персонального компьютера, но и серией специальных исследований, а также громких публикаций, предвещавших наступление информационной революции, среди которых, несомненно, выделяются: книга А. Тоффлера «Третья волна», двенадцатый доклад Римскому клубу «Микроэлектроника и общество: на радость или на горе», работа У. Дайзарда «Наступление информационного века», книга Т. Стоуньера «Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики», серия работ Д. Белла, и особенно его книга «Социальные рамки информационного общества», а также публикации Р. Айриса, А. Турена, Ф. Джорджа и др. Усилиями этих авторов в значительной степени было сформировано представление о начинавшейся тогда информационно-технологической революции, название для которой было найдено не сразу, но основные контуры и характерные особенности которой в их работах в общих чертах уже просматривались.

Так, в книге Д. Белла «Социальные рамки информационного общества», опубликованной в 1980 г., отмечалось, что в ближайшие десятилетия решающее значение для экономической и социальной жизни, а также для трудовой деятельности человека и получения знания «приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, развертывается одновременно со становлением постиндустриального общества»¹, — писал Д. Белл, выделяя три аспекта этого общества, которые, с его точки зрения, особенно важны для понимания «телекоммуникационной революции», как он ее тогда назвал. Первый из них состоит в том, что индустриальное общество совершает переход к «сервисному обществу». Второй связан с решающим значением «кодифицированного теоретического знания» для осуществления технологических инноваций, и, наконец, третий характеризуется превращением новой «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений. Отмечая принципиальное изменение роли науки в современном обществе и указывая одним из первых на тот факт, что она стала «основной производительной силой», Д. Белл подчеркивал: «Я стою на том, что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют собой поворотные пункты современной истории»².

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 330.

² Белл Д. Социальные рамки информационного общества. С. 342.

Эти же процессы были в центре внимания и другого известного американского футуролога — А. Тоффлера, который в своей очередной книге «Третья волна», опубликованной в 1980 г., выдвинул идею о трех типах цивилизации в истории человечества, которые он назвал «волнами», сменяющимися одна другую. Первая такая «волна», «сельскохозяйственная», уступила место «промышленной», на смену которой идет новая «волна». Название ей он тогда еще не дал, но достаточно четко сформулировал ее основные отличительные особенности. Эта «третья волна» несет с собой подлинно новый образ жизни, основанный на информационных технологиях, где главная роль отводится компьютеру, а вместо привычных офисов рабочим местом все больше становится «электронный коттедж». Характеризуя замысел новой книги, А. Тоффлер так сформулировал ее основную задачу: «В своей предыдущей книге... я не предпринимал попыток дать всеохватывающий систематический набросок возникающего общества будущего. Основное внимание там было сосредоточено на процессе изменений, а не на их направленности. В этой же книге линзы повернуты в обратную сторону»¹.

В представленной работе подчеркивалось, что резкое снижение стоимости вычислительных машин и быстрый рост их возможностей способствуют широкому распространению вычислительной техники. А это, в свою очередь, сделает предприятия, изготавливающие такую технику, одной из крупнейших отраслей промышленности уже в ближайшее десятилетие. «Компьютер войдет в каждый дом и станет такой же неперенной его принадлежностью, как туалет. Заняв прочное место в банках, магазинах, правительственных учреждениях, жилых домах и на производстве, компьютеры перестроят не только бизнес, но и структуру семьи, изменят саму суть производственного процесса»². «Третья волна» несет с собой новое ощущение времени. Если «вторая волна» задавала жизни темп, диктовавшийся ритмом машины, то «третья волна» отвергает эту механическую синхронизацию, так как компьютер начинает перестраивать и распорядок дня и даже представление людей о времени³, писал А. Тоффлер в то время, когда эти явления еще не приняли массового характера и не были столь очевидными. По мере приближения этой «волны» появляется все больше и больше компаний, которые представляют собой группу людей, столпившихся вокруг компьютера. Поместите компьютер у них дома, и им не нужно будет больше толпиться, отмечал он, рисуя в недалеком будущем картину «электронного коттеджа».

¹ Toffler A. The Third Wave. N.Y.: William Morrow and Co., 1980. P. 20.

² Тоффлер А. Третья волна // США: Экономика. Политика. Идеология. 1982. № 7. С. 91.

³ Тоффлер А. Третья волна // США: Экономика. Политика. Идеология. 1982. № 11. С. 90–92.

Аналогичные идеи модернизации труда в офисах и системе управления тогда развивал и американский ученый Р. Айрис, который писал: «Офис будущего быстро формирует свой облик в связи с растущей стоимостью труда и взрывом спроса на информацию и документацию»¹, поясняя, что в результате компьютерных нововведений многие управляющие среднего звена станут ненужными, так как у управляющих более высокого уровня отпадет необходимость в контролерах и интерпретаторах информационного потока.

Еще более определенно о наступлении информационной революции (хотя они также еще не использовали этого понятия) высказались авторы двенадцатого доклада Римскому клубу «Микроэлектроника и общество: на радость или на горе», который был подготовлен в 1982 г. группой специалистов под руководством немецкого ученого Г. Фридрикса и польского философа А. Шаффа. Авторы доклада подчеркивали, что их внимание направлено на новые технологии, основанные на микроэлектронике, — новации, которые уже оказали и будут оказывать в обозримом будущем еще большее воздействие на нашу жизнь. Они высказали предположение, что через миниатюризацию, автоматизацию, компьютеризацию и роботизацию микроэлектроника существенным образом преобразит нашу жизнь и затронет большинство ее сторон: на работе, дома, в политике, в науке, в войне и мире. *Влияние микроэлектроники будет глобальным, и вряд ли ее воздействие минует какой бы то ни было тип общества.* Через миниатюризацию, автоматизацию, компьютеризацию и роботизацию, отмечалось в докладе, микроэлектроника принципиально преобразит наш мир, позволит решить, казалось бы, непреодолимые проблемы, в том числе глобального характера. «В действительности проникновение микроэлектроники в экономику и общество уже сейчас достаточно существенно, хотя и не всегда столь очевидно широкой публике»², — писали авторы доклада, называя грядущие перемены то «новой революцией в экономике и обществе», то «второй промышленной революцией», то «микроэлектронной революцией».

Говоря о принципиальных изменениях в различных сферах общественной жизни в результате повсеместного внедрения микроэлектроники, они подчеркивали, что ни одно изобретение или открытие со времени паровой машины не имело столь широкого воздействия на все секторы экономики, и уточняли: «Почти все другие крупные нововведения были по своему значению секторальны или вертикальны, приводя к созданию новых продуктов и новых отраслей промышленности. Микроэлектроника же не только наверное преобразит многие

¹ Айрис Р. Технология и экономический рост // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 327.

² Microelectronics and society. For better or for worse. A rep. to the Club of Rome / G. Friedrichs and A. Schaff, ed. Oxford etc.: Pergamon press, 1982. P. 2.

традиционные виды деятельности в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг, но, наделяя новые машины и системы мозгом и памятью, а также мускульной силой, она изменит природу и направление развития; первая Промышленная революция значительно усилила мускульную энергию человека и животных в производстве; вторая таким же образом расширит в такой степени, что мы даже не в состоянии предвидеть это сейчас, человеческие умственные способности»¹. Этот доклад Римскому клубу стал, по существу, первым фундаментальным исследованием, не только показавшим наступление принципиально нового этапа НТП, но и основательно проанализировавшим влияние микроэлектроники и информационных технологий на все сферы общественной жизни, включая сферу труда, досуга, быта, политики, международных отношений и даже личной жизни.

Дальнейшее развитие микроэлектроники, информационных технологий и систем, которое год от года набирало обороты, еще больше усилило отмеченные тенденции, а появление и стремительное распространение в 1990-е гг. Интернета, где теперь есть все, кроме границ, окончательно сформировало этот этап, отличительной особенностью которого, как уже подчеркивалось, является то, что *информация стала важнейшим стратегическим ресурсом и инструментом управления различными общественными и природными процессами*. Появление Интернета породило немало принципиально новых возможностей не только получения и распространения информации, общения, рекламы и т. п., но и организации труда, досуга и развлечений. Говорят уже о многих сетях, о «сетевых» организациях, «сетевых» принципах управления, приносящих, по мнению одних, благо, по мнению других — вред, например, когда люди теряют свою индивидуальность, попадая в эти «сети».

Итак, в настоящее время идет интенсивное становление глобального информационного общества, которое наряду с позитивными переменами имеет негативные аспекты. Например, политика в новых условиях в значительной степени строится на распределении информационных потоков и, таким образом, получает огромные возможности для манипулирования общественным сознанием. Противоборство различных политических сил или экономических конкурентов нередко выливается в «информационные войны», вторжение в частную жизнь становится все более изощренным и обычным явлением, сама информация буквально обрушивается, давит на человека уже в такой мере, что впору ставить вопрос об «информационном загрязнении», «информационной экологии общества». Еще более серьезную опасность для отдельного человека и общества в целом представляет использование информационных ресурсов и новейших технологий в корыстных,

¹ Microelectronics and society. For better or for worse. A rep. To the Club of Rome / G. Friedrichs and A. Schaff, ed. P. 14.

антигуманных и преступных целях. Достаточно сослаться на хакерские атаки, компьютерный терроризм, финансовые махинации и банковские ограбления с помощью несанкционированного проникновения в информационные базы данных, взламывание серверов и т. п.

И дело не только в том, что качество и направленность информации могут заведомо и далеко не с лучшими намерениями искажаться, использоваться во вред, а в том, что информация теперь — власть, реальная сила, и это достаточно точно отражает ставшее в последнее время крылатым выражение — «кто владеет информацией, тот владеет миром». Тем самым наука, информация и связанные с ними высокие технологии, а также соответствующее им образование определяют теперь (в качестве важнейших критериев) степень цивилизационного развития любого общества и его включенности в глобальное пространство. Однако в силу стремительно идущих перемен это не просто увидеть, тем более человеку, вовлеченному в эти процессы именно в то время, когда они происходят. Как отмечалось в докладе «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 г.», еще 15 лет назад мало кто мог предсказать, какие серьезные последствия будет иметь развитие информационных технологий, но теперь большинство экспертов согласно с тем, что информационно-технологическая революция привела к наиболее значительной трансформации мира после промышленной революции. А в предстоящие 15 лет ожидаются еще большие перемены, когда в авангарде будет не только совершенствование информационных технологий, в частности на базе революционных преобразований в области новых материалов и нанотехнологий, но и новые способы использования биотехнологий, которые «станут основным «строительным материалом» международного рынка и роста влияния негосударственных институтов»¹. Теперь, когда 2015 г. наступил, мы можем реально убедиться, что авторы доклада в своих прогнозах были недалеко от истины.

§ 7. Социальное измерение научно-технического прогресса

Парадоксально, но факт — современный этап научно-технической революции, переросший теперь в революцию информационно-технологическую, с одной стороны, способствует единению человечества, а с другой стороны, ведет к его дифференциации. Так, в одном отношении снижается острота социальной, политической, экологической напряженности, поскольку расширяются информационные, коммуникативные, диагностические, контрольные, мониторинговые и другие возможности человека; в другом отношении эти проблемы

¹ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национально-го разведывательного Совета США. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 15.

становятся еще более острыми, когда посредством масс-медиа широко показывается бедность населения и огромные различия между регионами, когда капитал и новейшие технологии аккумулируются только в высокоразвитых странах, что ведет к оттоку интеллектуального потенциала и высококвалифицированных специалистов из бедных государств и регионов в богатые и т. д. и т. п.

Данный парадокс можно объяснить тем, что информационно-технологическая революция ставит в более выгодное, привилегированное положение наиболее образованные и обеспеченные слои общества, а также придает тем более мощный импульс развитию общества, чем более высокий уровень культуры, науки, техники оно имеет. В итоге от информатизации и развития основанных на ней высоких технологий выигрывают в первую очередь политические и экономические элиты, а также развитые страны, которые ведут активную борьбу за открывающиеся новые возможности и не упускают случая сполна использовать преимущества, которые вытекают из их заведомо выгодных позиций. Как отмечает известный американский экономист Дж. Сакс, развитие науки, техники и новых форм производств практически полностью осуществляется усилиями около 15% населения планеты, которое в основном проживает в высокоразвитых странах. В то же время почти половина жителей Земли не создает новых технологий, но в состоянии использовать готовые результаты научно-технических достижений, адаптируя их по-своему. И, наконец, оставшиеся более трети мирового населения вообще не могут не только изобретать, но даже использовать чужие изобретения, оказываясь таким образом отрезанными от остального мира и брошенными на произвол судьбы¹. Такое положение является бедствием само по себе и к тому же имеет еще множество негативных последствий.

Наглядно и наиболее ярко это проявляется, например, в области экологии и ряда других глобальных проблем. В частности, проблемы образования, здравоохранения, роста народонаселения, остающиеся острейшими для всего человечества в целом, не столь актуальны в странах, где информационная революция и развивающиеся быстрыми темпами высокие технологии уже привели к серьезным переменам в сфере труда, досуга и быта людей, сделав их более комфортными и привлекательными для значительной части населения. В то время как общая экологическая ситуация на планете неизменно ухудшается, в развитых странах она стабилизировалась, а местами несколько улучшилась. Здесь нет случайностей, а информационно-технологическая революция в данном случае играет весьма важную роль. Она ведет еще к большей дифференциации бедных и богатых обществ, становясь неотъемлемой

¹ См.: The Economist. 2000. June 24th. P. 99.

частью различных сфер человеческой жизни (политической, социальной, экономической) только тогда, когда они уже достаточно развиты.

И тем не менее в свете впечатляющих научно-технических достижений нередко высказываются оптимистические прогнозы и даже некоторые ожидания конкретных результатов уже в ближайшем будущем относительно решения многих, в том числе экологических, социальных проблем с помощью новых технологий, основанных на информатике, микроэлектронике и современной вычислительной технике. В определенной степени такие надежды вполне оправданы. Но касаются они далеко не всех. К примеру, внедрение нового поколения бытовой техники и приборов, основанных на электронике, экономит энергетические ресурсы, увеличивает количество свободного времени, создает «эффект присутствия» человека в любой точке планеты, делает его соучастником происходящих там событий, наконец, создает комфорт и дополнительные удобства. Однако воспользоваться такими возможностями может лишь определенная часть жителей планеты, абсолютное большинство из которых проживает в развитых странах. Достаточно сказать, что к началу XXI в. из почти 300 млн пользователей Интернета абсолютное большинство (88%) жили в странах «золотого миллиарда». При этом в США и Канаде, где проживает менее 5% населения планеты, было сосредоточено более 50% пользователей Всемирной паутины, тогда как во всей Африке их насчитывалось немногим более 6 млн человек, и это при том, что 5,3 млн из них приходилось на Южную Африку.

Сегодня можно наблюдать определенные позитивные сдвиги в отношениях общества с природой, вызванные внедрением новых экологически чистых технологий, осуществлением непрерывного и более строгого экологического мониторинга с помощью электроники, дистанционных приборов, космических аппаратов, позволяющих в режиме реального времени вести глобальное наблюдение и мгновенно передавать информацию в любую точку планеты. Но это требует таких затрат и такого уровня экономического и научно-технического развития страны, что далеко не все общества могут себе это позволить. Особенно наглядно это видно из того разрыва, который существует в доходах между населением богатых и бедных стран. Так, если на долю шестой части населения планеты, в основном жителей Северной Америки, Европы и Японии, в 2000 г. приходилось почти 80% мирового дохода, т. е. в среднем около 70 долл. в день на человека, то на долю 57% мирового населения из беднейших стран мира приходилось всего 6% мирового дохода, что в расчете на одного человека в день составляло менее 2 долл. Однако в еще более бедственном положении были 1,2 млрд человек, чьи доходы составляли менее 1 долл. в день.

Вполне очевидно, что при таком неравенстве доходов и возможностей извлекать выгоду из информационно-технологической ре-

волюции и дальше сможет только меньшинство жителей Земли, чье положение в итоге станет еще лучше, а их жизненный уровень, по всей вероятности, будет и дальше подниматься, так как внедрение высоких технологий, удельный вес которых в экономике промышленно развитых стран неизменно увеличивается, ведет к снижению антропогенной нагрузки на природу. Это достигается в основном за счет внедрения дорогостоящих замкнутых производственных циклов и минимизации выбросов в окружающую среду, направления средств на экологическое образование и просвещение, а также за счет ресурсо- и энергосбережения, причем нередко даже при увеличении выпуска продукции и росте темпов промышленного развития. Производство в этих условиях становится тем более рентабельным, эффективным, экологически чистым, ресурсосберегающим, чем больше компьютерная техника и электроника внедряются в экономику.

То же можно сказать относительно других сфер общественной жизни. Как отмечает американский компьютерный магнат Б. Гейтс, «роль информационной экономики, особенно интеллектуальной собственности, намного более значима сегодня, чем десять лет назад. В целом развитие инновационного сектора оказывает все более позитивное влияние. Магия интеллектуальной собственности в том, что в один прекрасный момент вы можете предложить идею (неважно, что это — песня, лекарство или программный продукт), которая может стать достоянием миллионов людей по невероятно низкой цене»¹. Несомненно, что в основе отмеченных процессов лежат экологические интересы и потребности, которые стимулируют развитие новых технологий, выпуск соответствующих приборов и оборудования, где электроника и вычислительная техника играют определяющую роль.

Вместе с тем не только сложившийся порядок, но и в целом имеющие место тенденции развития отношений природы и общества не могут быть признаны удовлетворительными по ряду принципиальных причин. Микроэлектроника и связанная с ней информационно-технологическая революция охватывают сегодня прежде всего промышленно развитые страны и в аспекте позитивных экологических перемен заметно влияют на жизнь примерно лишь одного миллиарда человек, именуемого «золотым». Для большинства же из оставшихся шести миллиардов жителей планеты экологическая ситуация не только не улучшается, но и сохраняет тенденцию к ухудшению, что имеет вполне конкретные причины.

В новых условиях процессы глобализации пошли несоизмеримо быстрее, а мир стал стремительно структурироваться как единое целое, в первую очередь в области коммуникаций и мировой торговли. Это усилило специализацию отдельных стран и даже целых регионов в ми-

¹ Гейтс Б. О «новой экономике» // Большой бизнес. 2004. № 7(12). С. 54.

ровом разделении труда. Так, в процентном отношении доля населения высокоразвитых стран, занятых в сфере обслуживания, в области науки, образования, искусства, а также легкой, обрабатывающей и электронной промышленности, т.е. в экологически чистых производствах, несоизмеримо выше, чем в странах отсталых и даже развивающихся.

Под влиянием более жестких природоохранных законов, которые сегодня приняты в большинстве развитых стран Запада, экологически вредные производства, например химической, металлургической, добывающей промышленности, все активнее перемещаются в слабо-развитые страны. В предельно короткие сроки они нарушают складывавшийся там веками патриархальный уклад жизни и создают таким образом серьезные диспропорции в отношениях природы и общества.

Информационно-технологическая революция принципиально изменила также и направление мировых финансовых потоков, что никак не способствует улучшению глобальной экологической ситуации. Если в условиях промышленной революции развитые государства в поисках более дешевой рабочей силы активно вывозили капитал в отсталые страны, развивая там добывающую и обрабатывающую промышленность и создавая таким образом рабочие места для неквалифицированного и малограмотного населения, то теперь капитал направляется в развитые страны, так как высокие технологии требуют образованных, высококвалифицированных специалистов, высокой культуры производства, развитой инфраструктуры. Эти же народы становятся основными потребителями своей наукоемкой, высокотехнологичной продукции, все меньше нуждаясь в тех, кто беден и неплатежеспособен.

Как следствие, из развивающихся и слабо-развитых государств наиболее образованная и талантливая часть населения, в основном молодежь, уезжает в развитые страны, где получает лучшие условия для жизни и работы. Этот процесс «утечки мозгов» является характерной особенностью информационной революции, когда развитые страны «скупают» интеллектуальный потенциал со всего мира, не оставляя практически никаких шансов аутсайдерам преодолеть свое отставание, а тем более выйти на уровень устойчивого развития.

Еще одним следствием современного этапа развития научно-технического прогресса являются колоссально возросшие возможности манипулирования индивидуальным и общественным сознанием. Сама по себе такая манипуляция не является чем-то новым, но в условиях глобализации и информационной революции она становится не только качественно иной, но и возможной уже по отношению ко всему населению мира. Ее новое качество проявляется в том, что современные средства массовой информации, глобальная сеть Интернет, наконец, массовое искусство позволяют изменять массовое сознание, а сами технологии такого изменения получили трудно переводимое на русский язык название «хайхьюм» (*high-hume*, по смыслу — «вы-

сокое воздействие на человека»). Примером такого воздействия на общественное сознание могут быть, в частности, телевидение, радио, газеты, когда они какую-либо масштабную трагедию представляют как незначительный инцидент и тем самым успокаивают общественное мнение или, наоборот, это общественное мнение будоражат, выдавая несогласие нескольких людей по незначительному вопросу за широкое общественное мнение по проблеме государственного масштаба. В последние годы технологии «хайхьюм» особенно активно используются в рекламных целях, избирательных кампаниях, при освящении военных конфликтов, террористических актов, а также в информационных, идеологических войнах и т. п.

Подчеркивая, что в последнее время главным полем боя все чаще становится наше с вами сознание, известный экономист М. Г. Делягин предлагает всегда, сталкиваясь с чем-то принципиально новым, задумываться: не является ли оно «очередным информационным фантомом»? И в этой связи задается вопросом: «Не имеем ли мы дело вместо чарующей реальности с очередной поделкой неутомимых и неутомонных технологов в области *high-hume*, “исправляющих” наше сознание для того, чтобы толкнуть на потребление очередного нового сорта стиральных порошков? И, наконец, не столкнулись ли мы не с сознательным обманом, но, что значительно обидней, всего лишь с “информационным конденсатом” — продуктом случайной комбинации информационных отходов неких неведомых нам информационных же производств?»¹

Итак, информационно-технологическая революция, на которую ряд исследователей все еще возлагает надежды в отношении преодоления в перспективе социальных, экономических, экологических и других проблем, сама по себе таких задач, конечно же, не решит. Она может дать положительный эффект частного порядка — в той или иной сфере общественной жизни, а также для отдельных стран и даже регионов, однако в мировом масштабе ни социальную, ни экологическую, ни какую-либо другую ситуацию изменить посредством ее не представляется возможным. Информация в конечном счете оказывается такой же нейтральной, как и наука или техника, — она не несет в себе ни положительного, ни отрицательного содержания и приобретает его лишь в зависимости от того, как, при каких обстоятельствах и в каких целях она используется. И сама информация, и связанные с ней высокие технологии могут, таким образом, быть направлены и во благо, и во вред человеку, что, как было показано выше, вполне характерно для современного мира.

Есть серьезные основания полагать, что и в будущем ситуация не сильно изменится. Это вполне подтверждается, например, системой современных отношений природы и общества, а также перспективной их развития. Как отмечает известный специалист по проблемам

¹ Делягин М. Г. *Мировой кризис: Общая теория глобализации*. М., 2003. С. 133.

нефтегазового комплекса и инженерной экологии, доктор технических наук И. И. Мазур, «увеличение масштабов энергопотребления в современном мире мотивируется необходимостью удовлетворения растущих социально-экономических потребностей. Результатом этого становится преобразование биосферы в глобальную природно-техническую геосистему-техносферу, грозящую выйти из-под контроля человека. Отсутствие единой энергоресурсной политики, стихийное монотонное увеличивающееся потребление минерально-сырьевых ресурсов планеты имеет своим следствием возрастающую экологическую опасность на межрегиональном и глобальном уровне»¹.

Очевидно, что ждать еще более высокого уровня развития научно-технического прогресса в надежде на преодоление только с его помощью экологических, социальных и других проблем не приходится. Даже с учетом того, что на смену информационно-технологической революции придет другая, где вместо информации и высоких технологий на первый план в качестве определяющего фактора поступательного развития общества, по всей вероятности, выдвинутся *инновации*, а на смену информационному придет *инновационное общество*, все равно во всех отношениях точкой отсчета и критерием совершенства останется человек. Прогресс должен быть прежде всего в развитии самого общества, на уровне ответственности, сознания, морали и, в конечном счете, поведения людей, что, однако, уже выходит за рамки разговора о собственно научно-техническом прогрессе и его влиянии на социальные процессы.

Далее мы вступаем в область возможного будущего и, опираясь на итоги и тенденции общественного развития, можем делать лишь предположения относительно следующих этапов, которые скорее всего наступят в обозримой перспективе. Один из таких этапов, по-видимому, не слишком отдаленный, будет связан с *биотехнологической революцией*, за которой, если человечество избежит коллапсов и продолжит движение по пути дальнейшего поступательного развития, должны будут последовать *социотехнологическая*, быть может, «антропотехническая» («гомотехническая») *революция*. Точность названия здесь не имеет принципиального значения, но важно подчеркнуть, что слово «наука», будучи недостаточно четко определенным понятием по сравнению с термином «техника», пожалуй, уступит ему место в названиях будущих этапов, как это уже и произошло на третьем этапе, где в качестве определяющих слов выступают *информация и технологии*. Такое предположение вытекает еще и из того, что «техника» — предельно конкретное понятие, воспринимаемое даже на уровне осязания, и на какой бы уровень своего развития ни вышло общество, техника всегда будет удивлять своим все более высоким совершенством.

¹ Мазур И. И. Энергия будущего // Нефть, газ, строительство. 2004. № 12. С. 37.

ГЛАВА III

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Чем глубже вы вглядываетесь в прошлое,
тем дальше в будущее вам удастся заглянуть.

У. Черчилль

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ:

Война — активное противоборство, противостояние враждебных сил, использующих насильственные действия или иные формы принуждения, давления с целью достижения полного господства над противником и низвержения его в качестве противодействующей силы. С этой точки зрения война может быть не только вооруженным столкновением, но и, например, экономической, торговой, дипломатической, идеологической, психологической, информационной и т.п. В зависимости от характера военных действий, а также вовлеченности в конфликт враждующих сторон войны бывают внутренними (гражданскими) и внешними, а с точки зрения масштабов происходящих событий — локальными, региональными, глобальными.

Геобиосоциогенез — процесс развития, эволюция *геобиосоциосистемы*.

Геобиосоциосистема — совокупное единство трех компонентов: *географической среды, биосферы и социума*. Предельно большой конгломерат, охватывающий всю планету как единое целое и являющий собою совокупность различных параметров социума, живой и неживой природы, которые находятся в неразрывной связи и подвержены глобализации (вовлечены в этот процесс).

Глобальные процессы — всевозможные изменения и тенденции развития, которые когда-либо происходили, происходят или произойдут в планетарном масштабе в различных сферах Земли: литосфере, геосфере, гидросфере, атмосфере, биосфере, социосфере.

Замкнуться (сомкнуться) — прийти к целостному состоянию; сформироваться в качестве единой целостной системы. Аналогией может быть то, как замыкается (смыкается), например, линия круга, и тогда говорят: «Круг замкнулся». Именно в таком контексте будет употребляться далее сочетание «мир «замкнулся»».

Космическая эра — этап развития человечества, когда оно стало осваивать космос и космические объекты в режиме реального времени, сделав их не только предметом теоретического изучения, но и сферой практических действий.

Многоаспектная глобализация — стадия процесса становления универсальных связей в планетарном масштабе, когда они начинают охватывать помимо проблем взаимодействия природы и общества также практически все основные аспекты общественной жизни от экономики до духовной сферы, включая культуру, образование, язык, идеологию, мировоззренческие, ценностные установки и др., которые в совокупности с основными атрибутами глобальной цивилизации: масс-медиа, Интернетом, мировыми экономическими, политическими, финансовыми связями и т. п. — наиболее ярко выражают суть современной глобализации.

Ойкумена (от греч.: *oikumene* — населяю) — совокупность территорий земной поверхности, которые, по представлениям древних греков, были заселены человеком; обитаемая земля, населенное людьми пространство.

Осевое время — исторически короткий период времени, в течение которого меняются фундаментальные характеристики социальной жизни.

Прорыв — стремительный переход в новую область реальности, иную сферу творчества, исследований, познания и т. п., в результате чего возникают принципиально новые возможности, другое видение привычных проблем, открываются не существовавшие прежде перспективы.

Реальная глобализация — глобальные процессы в социосфере, начало которым было положено Великими географическими открытиями на рубеже XV–XVI вв.; формирование, становление и развитие планетарных процессов, связей, отношений и структур в различных сферах общественной жизни.

Симптомы глобализации — первые, порой едва уловимые и не всегда очевидные признаки становления общечеловеческих (планетарных, мировых, глобальных) связей и отношений.

Триосфера (геобиосоциосфера) — область проявления и взаимодействия основных и производных составляющих конгломерата, состоящего из *географической, биологической и социальной среды*; область охвата, распространения геобиосоциосистемы.

Фундаментальная глобализация — стадия процесса становления универсальных связей в планетарном масштабе, когда мировое сообщество в важнейших параметрах (географическом, экономическом, политическом) окончательно оформляется в качестве единого целого, т. е. становится сформировавшейся системой, а человечество — в полном смысле этого слова глобальным. Другими словами, такой этап развития глобализации, когда мир человека становится единым организмом, субъектом действия, способным в качестве «геологической силы» взаимодействовать с биосферой и географической средой.

Эпогенез — процесс зарождения, становления и последующего развития сменяющих друг друга эпох. В глобалистике эпогенез характеризуется переходом от одной эпохи к другой, в результате чего имеет место расширение масштаба, территориальных пределов, в рамках которых происходящие события сохраняют свою целостность, обнаруживают, в конечном счете, общую тенденцию и определенную логику развития.

Эпометаморфоз (эпоморфоз) – эпохальное видоизменение, переход на другую стадию развития геобиосоциосистемы, сопровождающийся фундаментальными переменами в этой системе на уровне формы и содержания, сущности и явления. Категория для описания макроисторических и макросоциальных трансформаций, обуславливающих смену исторических эпох, т.е. являющихся причиной перехода от одной эпохи становления глобальных связей к другой.

Эпоха — значительный период времени в развитии природы, общества, науки и т.п., имеющий свою специфику и характерные особенности.

§ 1. Мир как целостность

В этой главе мы обратимся к историческим фактам и событиям, которые сами по себе хорошо известны, но, будучи взяты в определенном ракурсе, а именно в контексте постепенно нараставших процессов глобализации, представляют особый интерес с точки зрения правильного понимания соотношения объективных оснований и субъективных факторов, повлиявших, да и теперь влияющих на развитие и тенденции современной глобализации. Такой подход позволит посмотреть на глобализацию прежде всего как на *объективно-исторический процесс*, где субъективные факторы хотя и играют определенную роль, но в конечном счете не являются определяющими. Это важно подчеркнуть, ибо в современной глобалистике имеется немало специалистов, которые в оценке мировых тенденций неправомерно преувеличивают роль субъективного начала, делая акцент на интересах определенных социальных групп, организаций, государств, подчеркивая их доминирующую роль в мировых делах и т.п. К анализу недостатков и слабых сторон такой позиции мы еще вернемся в гл. V, теперь же посмотрим на мировую историю с точки зрения ее целостности, когда современный мир становится все более сложным, многоаспектным, полифоничным.

В то же время мир в большей степени, чем прежде, оказывается предсказуемым, просчитываемым на уровне макропроцессов, так как в планетарном масштабе трансформируется в единую систему, где различные структурные элементы формирующейся целостности, такие, например, как национальные государства, международные объединения, транснациональные корпорации, теряют свою былую самодостаточность, становясь взаимозависимыми элементами единого целого. В данном случае речь идет не о предсказании или полном понимании того, чем станет мировая система по прошествии определенного времени, и не о том, каким она будет в деталях, а о тенденциях и направленности ее развития, вытекающего из закономерностей, присущих целостному организму, когда поведение отдельных частей целого в конечном счете оказывается согласованным, синхронизированным с направленностью изменений всего организма. В этом отношении человечество, вступившее в эпоху реальной глобализации и формирующееся как субъект отношений с биосферой, обретает принципиально новые параметры (сфера распространения, техническая вооруженность, воздействие на окружающую среду и т.п.), которые поддаются измерениям и, в конечном счете, контролю. Но это, разумеется, не означает, что тем самым можно рассчитать и процессы глобализации, чтобы искусственно вызывать их, регулировать ход их развития или вовсе элиминировать.

Глобализация является закономерным итогом исторического развития, и понимание ее сущности тесно связано с тем, как тот или иной исследователь понимает общественный прогресс. Обращая внимание на это обстоятельство, известный специалист по проблемам глобализации В. Б. Кувалдин отмечает: «Неудивительно, что многие трактовки недооценивают масштабы перемен, грешат односторонностью. Ибо глобализация — все это и что-то еще. Ключ к пониманию ее природы надо искать на социетальном уровне, в трансформации того общественного устройства, в котором мы существуем и развиваемся в течение столетий»¹. Соглашаясь с этим высказыванием по существу, следовало бы только уточнить, что корни глобализации уходят, быть может, намного дальше — в глубь тысячелетий. Во всяком случае, прежде чем рассматривать исторические эпохи и периоды, где глобализация уже явно обнаруживается, мне бы хотелось посмотреть именно с этой точки зрения на еще более отдаленные времена. Но, приступая к рассмотрению истории зарождения и развития процессов глобализации, будем учитывать то обстоятельство, на которое уже указывалось в методологических замечаниях, а именно на определенную условность и относительный характер какой-либо схематизации, выделения этапов, периодов и т.п.

Для правильного понимания динамики и сущности социальных процессов, принявших на соответствующем этапе своего развития формы глобализации, а также с целью различения реальных событий и их отражения в языке на уровне категорий важно обратить внимание на тесную взаимосвязь и взаимодополняемость широко распространенных понятий «культура», «цивилизация», «глобализация», которые задают самый крупный масштаб во взглядах на историю. Следует также по возможности более полно прояснить их соотношение как важнейших категорий, с разных сторон описывающих единый исторический процесс, когда последний достиг очередной поворотной точки и развивается в направлении от локальных культур и цивилизаций к культуре мировой и цивилизации планетарной. При этом если понятия «культура» (после опубликования «Заката Европы» О. Шпенглера) и «цивилизация» (после появления «Постижения истории» А. Тойнби) достаточно легко вписываются в категориальный аппарат социальной философии и исторической науки, а их взаимосвязь давно и основательно исследуется различными дисциплинами, то термин «глобализация», будучи неологизмом по отношению к ним, таких устоявшихся и в достаточной мере определенных позиций еще не завоевал, а его тесная взаимосвязь с понятиями «культура» и «цивилизация» пока не осознается в должной мере и не является предметом специально-

¹ Кувалдин В. Б. Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 35.

го анализа. Тем не менее время для этого пришло, а необходимость такого анализа назрела.

Но прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению поставленной проблемы, необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство, имеющее в данном контексте принципиальное значение. Язык, посредством которого наука пытается отобразить всевозможные состояния и разнообразие мира, есть не что иное, как средство выражения, описания реальной действительности, т.е. способ ее вербальной реконструкции с конкретной позиции. Другими словами, это описание реальности так, как она представляется познающему субъекту. В языке всегда выражается позиция автора, субъективное видение того, что другому видится в другом ракурсе или под другим углом зрения, в ином свете или контексте, на ином эмоциональном фоне и с позиции других ценностных установок. Таким образом, наш язык описывает реальность всегда односторонне, фрагментарно, неполно; к тому же такое описание несет в себе, как правило, элемент личностного восприятия действительности, в зависимости от времени и деталей конкретной ситуации, и соотносится с тем, что есть на самом деле, так же, как выполненный художником пейзаж с той реальностью, которую он отражает. В итоге, не задумываясь над тем отличием, которое существует между каким-либо конкретным событием и нашим рассказом о нем, мы нередко вступаем в дискуссии, ведем баталии, зачастую имеющие мало отношения к реальному ходу событий. Тема глобализации и многочисленные попытки ее осмысления, порождающие колоссальный разброс мнений, точек зрения, авторских позиций, являются наглядным примером подобного рода.

Итак, если отличать реальную действительность от мнения, а сам факт от того, как он видится исследователю, то термины «культура», «цивилизация», «глобализация» становятся не более чем словами, посредством которых выстраивается рассказ о том, как данному исследователю представляется исторический процесс или определенная часть, фрагмент такого процесса. Это, однако, вовсе не означает, что подобные попытки объяснить реальность посредством упомянутых терминов являются безуспешными или ошибочными, хотя и такое не исключается, даже более того, встречается сплошь и рядом. Но, что принципиально важно подчеркнуть, они всегда воспроизводят действительность, т.е. то, что есть на самом деле, односторонне, частично, неполно, в то время как в большинстве своем претендуют на целостное и всестороннее объяснение реальности, на адекватное отражение общей ситуации и фактического хода событий.

Тем не менее, если признать относительность наших знаний о реальной истории и иметь в виду ограниченность, неполноту и условность любых периодизаций, выделения тех или иных этапов, стадий общественного развития, а также если принять во внимание схематич-

ность и ограниченность вообще любых способов реконструкции того, что уже свершилось, то термины «культура», «цивилизация», «глобализация» должны быть поставлены в один ряд как взаимодополняющие друг друга понятия и их следует рассматривать как ступени развития естественного языка, ведущие к его усложнению по мере того, как усложняется описываемая ими реальность. Тогда в понимании современного этапа исторического развития зримо обнаруживается настоятельная необходимость переосмыслить сложившиеся подходы, которые до последнего времени более или менее удовлетворительно отражали социальную динамику, характерную для фрагментарного человечества. Речь идет о попытках описать различные состояния глобального сообщества и мировую динамику в целом в таких категориях, как «общественно-экономические формации» (К. Маркс), «культура» (О. Шпенглер), «цивилизация» (А. Тойнби), «культурно-исторические типы» (Н. Я. Данилевский). Однако в этих уже сформировавшихся категориях, если их использовать по отдельности, как самодостаточные (а именно так и обстоит дело в современной науке), не представляется возможным адекватно выразить, описать процессы глобализации, порожденные противоречивым развитием единой, планетарной социоприродной системы. И хотя такие попытки неизменно повторяются, максимум что они дают — это показывают тесную связь процессов глобализации с такими явлениями, которые описываются в первую очередь терминами «культура» и «цивилизация».

Активное обсуждение темы и проблем глобализации, жаркие и дискуссии, развернувшиеся вокруг как самого понятия, так и процессов, за ним стоящих, есть не что иное, как попытки осмысления современного этапа общественного развития с использованием преимущественно прежнего категориального аппарата, когда сложившиеся подходы, схемы и понятия перестали эффективно работать и уже не отражают всех реалий быстро меняющегося мира. Сложившиеся схемы и подходы — это прежде всего теория «общественно-экономических формаций», «культурологический» и «цивилизационный» подходы к пониманию исторического процесса, а также идеи «прогресса», «культурно-исторических типов» и т. п., которые в современной историографии являются наиболее распространенными, но еще не переосмыслены в современной глобалистике применительно к миру в целом, когда он все сильнее проявляет свою целостность и увеличивающимися темпами становится единой, все более усложняющейся системой.

Мы привыкли смотреть на целое со стороны его частей, особенно если целое слишком велико и не охватывается единым взором сразу. Такой подход достаточно прочно закрепился в сложившихся представлениях о всемирной истории, которая, как правило, реконструируется из отдельных фрагментов истории отдельных народов, тех или иных

событий, произошедших в различных частях планеты, и был вполне оправдан для ситуации, когда фрагментарное состояние мирового сообщества превалировало над его целостностью. Однако в условиях, когда мир в значительной степени «окуклился», «замкнулся» *территориально* (благодаря освоению космоса, современному транспорту, глобальной экологии), *экономически* (посредством деятельности транснациональных корпораций, мировой торговли, свободного перемещения капитала), *политически* (при посредстве ООН и множества других международных организаций), наконец, *информационно* (с помощью Интернета, средств массовой информации и телекоммуникаций), **наступило время посмотреть на его части со стороны целого.** Такой подход, основные принципы которого были заложены в начале прошлого века А. А. Богдановым, сегодня, в условиях «обнажившейся» и идущей по экспоненте глобализации, обретает особую востребованность и актуальность.

Иными словами, теперь, когда современный мир отличают не только революционные изменения в области науки, техники, информатики, технологий, но и стремительный рост населения Земли, увеличивающееся антропогенное влияние на окружающую среду, усиление опасности со стороны военных конфликтов, техногенных катастроф, международного терроризма и т. п., и все это непосредственно связывается с *глобализацией*, встает вопрос — *когда и почему она возникла?*

На первую часть этого вопроса ответ формулируется вполне определенно — с тех пор, как около 4,6 млрд лет тому назад в форме шара сформировалась планета Земля, на ней постоянно происходят процессы планетарного масштаба, т. е. *глобальные*. Единжды начавшись, **глобальные процессы** протекают с тех пор непрерывно во всех сферах нашей планеты циклично, развиваясь, видоизменяясь, эволюционируя¹. К ним с полным на то основанием следует отнести такие *литосферные* процессы, как движение тектонических плит, горообразование, вулканическую деятельность, землетрясения и т. п. Последующее появление *гидросферы* и *атмосферы* также имело глобальный характер, равно как и процессы, протекающие в них с тех пор: круговорот воды в природе, перемещение воздушных масс и т. п.

Зарождение жизни на Земле около 3,7 млрд лет тому назад положило начало биосферным процессам глобального масштаба. Это не только возникновение различных видов флоры и фауны и территориальное распространение их по планете, но и заполнение живыми существами практически всего пространства гидросферы, атмосферы и верхней части литосферы.

¹ См.: Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М.: Изд-во МГУ, 2009; Нелинейная динамика глобальных процессов в природе и обществе / под ред. И. В. Ильина, Д. И. Трубецкого, А. В. Иванова. М.: Изд-во Московского университета, 2014.

В последующем, когда на Земле появился человек¹, его расселение по планете заняло определенное время. Во всяком случае, как полагает современная наука, люди постепенно осваивали все новые и новые территории, пока не заселили всю планету и не сформировали таким образом новую сферу жизни — *социосферу*. С точки зрения нашего исследования принципиальное значение имеет то, что до эпохи Великих географических открытий, т.е. до конца XV в., люди, жившие на разных континентах (в Европе, Америке, Австралии, Африке), не только никак не взаимодействовали, но даже представления друг о друге не имели. Разумеется, что и глобальных процессов в социосфере вне такого взаимодействия не могло быть, а было то, что им предшествовало, — сначала локальные, а затем и региональные связи и отношения.

Таким образом, локальные и региональные общественные связи, отношения, структуры потенциально развивались в направлении своей целостности (в планетарном масштабе) с момента их возникновения, т.е. с появления первых организованных форм социальной жизни. При этом *глобализация*, как *один из глобальных процессов*, а именно — в социосфере, будучи результатом развития этих общественных структур, впервые реально началась лишь после того, как в 1522 г. завершилось начатое тремя годами раньше Ф. Магелланом первое в мире кругосветное путешествие. Вначале в общих чертах, а затем все более отчетливо она стала проявляться в экономике, политике, культуре, достигнув к концу XIX в. вполне осязаемых результатов в виде создания транснациональных корпораций, международных организаций, всемирных выставок, конгрессов и т.п. Однако в полную силу глобализация заявил о себе еще позже — лишь во второй половине XX в.

Итак, отсчет реальных событий планетарного масштаба с участием человека, т.е. в социальной сфере (что, собственно, и именуется *глобализацией*) следует вести с 1500 г. — точки перелома, окончательно «замкнувшей» мир человека в масштабе всей планеты. Впервые не только суша, но и объединяющий ее различные части Мировой океан стал реально принадлежать всему человечеству. Экспедиция Ф. Магеллана, обогнув Землю, положила тем самым начало эры глобального человечества и обозначила рубежи (точнее — их границы) формирования единого географического мирового пространства. Ю. А. Гагарин в 1961 г. своим полетом окончательно завершил процесс экстенсивного освоения человеком планеты и формирования *территориального единства* мировой (глобальной) цивилизации. Интернет и современные средства коммуникации — это уже иной аспект данной эпохи — интенсивной многоаспектной глобализации.

Показательным в этом отношении является тот факт, что если в XX столетие человечество вступило, имея, с определенными ого-

¹ По современным представлениям, появление первых предков человека относится примерно к 2–5 млн лет тому назад.

ворками, не менее десяти *великих держав*, то к началу Второй мировой войны их осталось уже как минимум на треть меньше; затем всего две, а после окончания «холодной войны» — одна. Логично предположить, что глобализация установит предел и ее историческому времени. Наглядным показателем того, что мир в XX в. стал глобальным, является также принятие мировым сообществом в качестве единой системы отсчета времени христианского летосчисления, хотя в пределах своих ойкумен и китайский календарь, и исламский календари продолжают действовать. Однако и в Пекине, и в Тегеране самолеты взлетают и приземляются не по китайскому или лунному календарю, а по христианскому. Сделки на поставки товаров, почтовые отправления, политические встречи, международные конгрессы, симпозиумы, конференции проходят сегодня все в той же единой системе координат независимо от того, нравится это кому-либо или нет, затрагивает ли чьи-либо интересы, чувства, национальное самолюбие и т.п.

Вторая часть вопроса — почему возникла глобализация — требует более пристального изучения истории и выявления в ней узловых, поворотных, переломных пунктов, которые, используя образное выражение К. Ясперса, можно назвать «осевым временем». К. Ясперс пришел к такому видению исторического развития, обратив внимание на синхронизацию отдельных событий и процессов в различных частях земного шара. Он, а также Ф. Бродель¹ сделали особенно много для того, чтобы определить структуры и механизмы, лежащие в основе этой синхронизации. В итоге наши представления о ходе истории значительно расширились, и можно согласиться с В. И. Пантиним, который в этой связи отмечает: «“Осевое время”, о котором писал К. Ясперс, несмотря на всю свою уникальность, все же не было единственным в истории человечества и... синхронизация в той или иной мере присутствует на всех этапах социального развития»². Разумеется, понятие «осевого времени» несет в себе известную долю абстракции и умозрительности, и его не стоит абсолютизировать, пытаясь выявить с математической точностью, например, сколько же таких поворотных пунктов уже случилось в истории или сколько их случится в будущем. Основной смысл введения в речевой оборот такого термина состоит в том, что с его помощью можно более наглядно показать неравномерность изменений в истории, которые, исподволь накапливаясь, затем обуславливают прорыв социума в новое состояние. В следующем параграфе мы рассмотрим этот вопрос более подробно, и там же будут сформулированы новые подходы к пониманию «поворотных пунктов» в истории.

¹ См.: Бродель Ф. Матерьяльная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 1—3. М., 1988.

² Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. С. 33.

§ 2. Основные поворотные пункты истории

Продолжая мысль о реконструкции истории, высказанную в предыдущем параграфе, и памятуя об относительном характере любой ее схематизации, периодизации и т.п., посмотрим теперь более крупным планом на исторические события, с тем чтобы обнаружить уже самые первые признаки и фундаментальные истоки современной глобализации, а также проследить наиболее важные этапы ее вызревания. В этой связи отметим, что крупномасштабно исторический процесс представляют обычно как последовательную смену следующих состояний общества: *дикость — варварство — цивилизация*. Однако для целей нашего исследования такой подход был бы малоэффективным, так как здесь основное внимание фиксируется на качественных параметрах общественного развития, т.е. на *статике* социального организма, и практически не учитывается *динамика* его развития, что для понимания сути процессов глобализации имеет принципиальное значение.

Этимологически термин «глобализация» связан с масштабом всей планеты в целом, а следовательно, проследить достижение этого предельного, с точки зрения территориального охвата, состояния общественного организма можно посредством анализа процесса географического расширения социальной жизни с момента ее зарождения.

Итак, если в качестве основания деления всей истории человечества взять *масштаб происходивших событий*, то можно выделить **четыре** основные эпохи *становления глобальных связей* (отношений), которые сопутствуют историческому развитию с момента возникновения общества до обозримого будущего.

1. **Эпоха фрагментарных событий и локальных социальных связей**, отсчет которой можно вести с момента появления человека 5–3 млн лет тому назад и до завершения неолитической революции, т.е. до возникновения и формирования первых государств около 7–3 тыс. лет до н.э.

2. **Эпоха региональных событий и территориально ограниченных международных отношений**. Она длится от завершения неолитической революции, когда уже сформировались государства (7–3 тыс. лет до н.э), до начала эпохи Великих географических открытий, т.е. до эпохи Возрождения.

3. **Эпоха глобальных событий и всеобщей экономической и социально-политической зависимости**, продолжавшаяся от Великих географических открытий до середины XX в., когда мир стал целостным в *географическом, экономическом, политическом и экологическом* отношении.

4. **Эпоха космической экспансии и космических конфликтов**, начавшаяся с запуском в 1957 г. первого искусственного спутника Земли, которая продолжится как минимум в обозримом будущем. В это время мир окончательно «замкнется» также *информационно*.

Переход от одной эпохи к другой каждый раз сопровождался расширением масштаба, территориальных пределов, в рамках которых происходящие события сохраняли свою целостность, обнаруживали, в конечном счете, общую тенденцию и определенную логику развития. Иначе говоря, мы имеем дело с *генезисом эпох*, для обозначения которого можно было бы употребить более короткий и емкий термин «эпогенез». При этом каждая последующая эпоха охватывает все более короткий период времени, что вполне объясняется общей тенденцией ускорения общественного развития.

Указанную градацию мирового процесса можно соотнести с конкретными историческими событиями, в частности проиллюстрировать ее на примере военных конфликтов, масштабы и характер которых всегда были непосредственно связаны с территориальной экспансией и зависели от технической оснащенности общества.

Так, на ранних этапах истории, когда общественное развитие носило *фрагментарный* характер, т.е. общественные структуры и соответствующие им связи развивались *локально*, военные столкновения были также *частными и локальными*. Этому же соответствовали и ограниченные возможности в средствах передвижения, и примитивность технического вооружения.

Первой *региональной* войной в истории человечества следует признать лишь завоевательные походы Александра Македонского, которые охватили сразу три континента: Ближний Восток и Среднюю Азию вплоть до Индии, а также часть Европы и Африки. Последней региональной войной, несомненно, были наполеоновские военные походы и баталии, развернувшиеся тогда практически по всей Европе и частично в Африке, где помимо обычного вооружения уже широко применялась артиллерия.

Первая мировая война, в которой были задействованы уже практически все современные виды оружия, за исключением ракетного и ядерного, открыла эпоху *глобальных* войн, ряд которых достаточно быстро пополнился Второй мировой и «холодной» войнами.

Следующий, более высокий уровень конфликтов, на пороге которого человечество уже стоит, будет *космический*. При этом, если мировая цивилизация достигнет достаточно высокой степени развития и сможет предотвращать военные столкновения между различными народами, космические войны не обязательно будут сопровождаться военными действиями. Но противоречия и конфликты такого масштаба непременно будут, аналогично тому, как ведутся, например, сегодня торговые, дипломатические, политические или информационные войны без применения военной силы. Следует заметить, что каждый новый уровень проблем вовсе не отменяет автоматически те, которые были раньше, т.е. проблемы более низкого уровня, а лишь наслаивается на них, зачастую «резонируя» с ними, нередко обостряя, усиливая их своим влиянием.

Рассмотренный подход к градации исторического процесса позволяет увидеть очень важный, но тем не менее лишь один аспект глобализации — *территориальный*, или *географический*. Вместе с тем уже на ранних этапах человеческой истории зарождались и другие процессы, обусловившие в дальнейшем становление универсальных связей и формирование единого человечества, которые проявились в *экономике, культуре, теоретическом знании, религии*. Все вместе, в совокупности они являются важнейшей характеристикой общественного состояния, претерпевшего в истории несколько фундаментальных трансформаций. Эти социальные трансформации сродни тому, что в современной исторической литературе принято теперь называть «осевым временем».

Понятие «осевого времени», введенное К. Ясперсом для обозначения «решительных поворотов в потоке событий», относилось к вполне определенному периоду времени. Оно было применено им к характеристике мировой истории на рубеже между 800 и 200 гг. до н.э., когда практически одновременно в трех различных, практически не взаимосвязанных друг с другом регионах планеты — в Европе, Индии и Китае, назрели и произошли кардинальные перемены «в области духовных основ человечества». По существу, К. Ясперс говорит о «взрыве человеческого духа», когда зарождается понимание всеобщности, называя время, когда это происходит, «осевым», поворотным от одного качественного состояния общества к другому.

В последнее время в связи с ростом интереса к глобальной истории указанный термин получил дополнительное обоснование и обновленное содержание, что позволило использовать его в более широком диапазоне, в том числе для обозначения других поворотных пунктов в мировой истории, когда говорят уже не об одном, а о нескольких «осевых временах», в частности применительно к процессам глобализации, о чем уже упоминалось в предыдущем параграфе.

Наряду с этим стали появляться и другие термины, посредством которых пытаются объяснить фундаментальные изменения в историческом процессе, обращая внимание не столько на количественные параметры глобализации, сколько на ее социально-экономические, культурные и тому подобные аспекты. Так, предметом активного обсуждения в 1960-е гг. стала теория «стадий экономического роста» У. Ростоу, а в 1980-е гг. — идея «трех волн» А. Тоффлера, который полагает, что человечество в своем развитии уже прошло две «волны» и в настоящее время переживает третью. Первая из них была связана с неолитической революцией, когда человек перешел от «присваивающей» экономики к производящей и стал вести оседлый образ жизни. Вторая «волна» знаменовала переход к индустриальному обществу. Наконец, третья «волна» характеризует принципиальные изменения в обществе, вызванные массовым внедрением электроники и информатизацией всех сфер общественной жизни.

В связи с поиском новых принципиальных подходов к пониманию процессов глобализации в последнее время возрождается интерес к *теории больших циклов конъюнктуры*, которая в 1920-е гг. была выдвинута замечательным русским ученым Н. Д. Кондратьевым и получила известность под названием «волны Кондратьева»¹.

А упоминавшийся уже автор одного из докладов Римскому клубу, основатель Будапештского клуба Э. Ласло предложил совершенно новый термин — «*макросдвиг*», полагая, что «происходящее ныне — это всеобщая эволюционная трансформация, которая может и, в конечном счете, должна выйти за рамки экономической глобализации, чтобы проложить путь к новой цивилизации. Эта трансформация — эра макросдвига: сдвига всеохватывающего, быстрого и необратимого, простирающегося до самых далеких уголков земного шара и затрагивающего все аспекты жизни»². Понимая макросдвиг как трансформацию цивилизации, где движущей силой является технология, он подчеркивает, что этот сдвиг запускается наличием критической массы людей, которые осознали необходимость обновления системы ценностей, и в этой связи выделяет четыре фазы переживаемого в настоящее время макросдвига.

1. *Возникновение* (1860–1960 гг.). Это «фаза запуска бифуркации», когда инновации в «жестких» технологиях приводят к более эффективному производству и использованию ресурсов.

2. *Глобализация* (с 1960 г. по настоящее время). Эта трансформация уже приближается к своей кульминации и сопровождается все более возрастающей сложностью социальных структур и все увеличивающимся давлением на природную среду.

3. *Решающая фаза* (2001–2010 гг.). Это критическая (или «хаотическая») фаза, в которую мы вступили сегодня, когда новые условия ставят под вопрос установившиеся ценности, мировоззрение, этику, устремления, а общество вступает в период брожения и нестабильности.

4. *Сценарий крушения* (2010 г. и далее) — стадия разрушения, ожидающая нас, если мы будем не в состоянии измениться, или *сценарий прорыва* (2010 г. и далее), когда с утверждением новой культуры, где устанавливаются ценности и схемы поведения, подсказанные новой моралью и новым сознанием, возникает общемировая система. Такое развитие было бы подходящим выбором для нашего будущего, считает Э. Ласло³.

Следует заметить, что в отличие от К. Ясперса, который говорит об одном «осевом времени», т.е. о вполне конкретном фрагменте истории, Э. Ласло ставит в центр своего внимания целую эпоху, пролон-

¹ См.: Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

² Ласло Э. Указ. соч. С. 12.

³ См.: Ласло Э. Указ. соч. С. 34–35.

гируя ее в будущее и особо подчеркивая динамику изменений. Однако в понимании истоков современных процессов глобализации он не заглядывает в историю дальше XIX в. и сосредоточивается в основном на современности и будущем. В итоге в его исследовании глобализация не просматривается как многоаспектный объективно-исторический процесс, имеющий глубокие исторические корни, а выступает скорее в качестве определенной характеристики общества, когда оно претерпевает существенные трансформации в своем цивилизационном развитии в рамках новейшего времени. В целом это интересный подход, ориентирующий на восприятие глобализации в качестве поступательно развивающегося процесса с определенной пролонгацией его на перспективу. Но он не дает возможности с достаточной ясностью увидеть фундаментальные истоки глобализации, а также ее разноплановый характер и порождаемые ею последствия планетарного масштаба. Учитывая данное замечание, примем к сведению в том числе и такой подход к осмыслению глобализации, но в нашем случае понятие «макросдвиг», равно как и упомянутые выше термины: «стадии», «волны», «циклы», вряд ли могут быть адекватно использованы, так как в предлагаемом мною исследовании дело касается описания более масштабных и многоаспектных процессов.

Учитывая определенную условность любой схематизации и периодизации (на что уже указывалось в методологических замечаниях), а также преследуя цель выявить динамику и основные этапы исторического процесса, развивающегося от его истоков в направлении становления глобальной целостности мирового сообщества, из всех упомянутых терминов наиболее оправданным было бы применение понятия «осевого времени», причем не только к тому периоду, о котором говорит К. Ясперс и в который важнейшим достижением стало окончательное формирование и выделение *философии* как третьей исторической формы мировоззрения, но и к тем поворотным пунктам в истории человечества, когда происходило выделение и других форм мировоззрения (*религиозного, мифологического, научного, глобального*).

Однако термин «осевое время», имея вполне адекватную и установившуюся дефиницию, уже прочно вошел в научный обиход с определенным смысловым значением и, как правило, ассоциируется именно с тем временем, для описания которого он и был в свое время изобретен. Поэтому от его применения в других контекстах, даже если это и выглядело бы уместным, во избежание многозначности и расширительного толкования уже хорошо известного термина лучше было бы воздержаться, если только к этому не понуждает отсутствие какой-либо альтернативы.

С учетом сказанного я буду использовать иной, в какой-то мере сходный и даже близкий по значению к «осевому времени» термин — «*эпометаморфоз*».

Целесообразность введения данного неологизма объясняется тем, что для описания различных стадий (эпох) формирования сначала зачатков, первых признаков, а затем все более зримых и, наконец, полномасштабных процессов глобализации в существующих ныне языках отсутствует подходящий для этого термин. Вместе с тем речь идет о внутренних и внешних процессах, о структурной перестройке *всего общественного организма, включенного в биологический и географический контекст планеты*, когда кардинально меняются и базисные основания общественной жизни, и соответствующие им мировоззренческие установки людей, и, как следствие, вся система отношений человека с окружающей его биосферой и географической средой, т.е. с биогосферой, неотъемлемой составной частью которой он является (во всяком случае, в качестве биологического существа).

Но человек существо не только биологическое, но и духовное, мыслящее, социальное, т.е. выходящее за рамки буквально понимаемой геобиосферы, и потому следует говорить об эволюции еще более сложной системы, состоящей как бы из трех неразрывно взаимосвязанных компонентов: *географической среды, биосферы и социума*. Для обозначения такой системы также пока нет соответствующего термина, и потому я предложил бы называть этот предельно большой конгломерат, охватывающий всю планету как единое целое и являющий собой совокупность параметров социума, живой и неживой природы, которые подвержены глобализации (вовлечены в этот процесс), *«геобиосоциосистемой»*.

В этой связи вполне уместно говорить и о *геобиосоциогенезе*, т.е. о процессе развития, эволюции данной системы, а также о *геобиосоциосфере*, которая объемлет весь этот конгломерат *географической, биологической и социальной* субстанций. А так как данная сфера включает в себя *три* теснейшим образом взаимосвязанные составные части, то ее лучше именовать более коротким, но вполне адекватно передающим основную смысл термином — *«триосфера»*.

Введение данного неологизма продиктовано необходимостью расширить мировоззрение в вопросах глобализации и желанием автора дать этому многоплановому явлению более емкое, объемное представление с помощью нового слова, ибо в существующем языке пока отсутствует понятие, позволяющее описывать глобализацию на таком предельно высоком уровне обобщения, без которого она распадается на отдельные фрагменты. Другими словами, новое понятие призвано увеличить, расширить угол зрения на те проблемы, которые, казалось бы, уже исследованы со всех сторон, хотя на самом деле их понимание (восприятие) пока еще не вышло за пределы одной плоскости, в то время как по сути своей они, если выразиться образно, не лежат в *плоскости*, а пребывают в *объеме*. Именно поэтому без расширения диапазона видения ситуации в целом глобализация во всех ее аспектах

не видна и при сложившихся к настоящему времени подходах проявляется лишь фрагментарно.

Суть данного явления хорошо иллюстрирует известная притча о том, как трое слепых натолкнулись на слона и произвели, сказали бы постмодернисты, его деконструкцию. Один из них ухватился за хвост и подумал, что это змея, другой, обхвативший ногу, принял ее за дерево, а третий, уткнувшийся в бок, подумал, что перед ним стена. Но никто из этих троих не понял, что имеет дело со слоном.

Так и в глобализации — «слон» пока еще не виден, ибо *триосфера* как целостное явление, в лоне которой и протекает глобализация, не только не стала предметом специального осмысления, но даже еще и не обозначена. И дело не в том, что эта предельно большая для нашей планеты сфера еще недостаточно сформировалась или слабо проявляется, а потому и не осознана. Просто потребности в таком видении ситуации до этого еще не было, и становится она актуальной только теперь, когда созрели предпосылки для формирования целостной концепции мировых процессов и построения теории глобализации, т.е. наступает время, если можно так сказать, «обратной сборки слона», или его реконструкции. А именно, от понимания отдельных фрагментов глобализации теперь нужно перейти к целостному видению ее в качестве и *явления*, и *процесса*, и *феномена*. Это предельно трудная задача, и я не уверен, что наука в настоящее время в состоянии с нею справиться, но браться за нее уже можно и даже необходимо.

Как отмечает российский антрополог В. В. Иванов, проанализировавший малоизвестные открытия в современной науке и сделавший интересные обобщения, «...число измерений нашего мира больше, чем мы думали раньше»¹. И хотя это сказано в связи с рассуждениями в области математики и лингвистики, данное замечание с полным основанием можно отнести и к процессам глобализации, где следует говорить не только о географической или экономической, но и о политической, экологической, информационной, культурной, цивилизационной, мировоззренческой и тому подобной глобализации, которая разворачивается сразу по многим направлениям, захватывая все новые и новые сферы.

Таким образом, понятия «*триосфера*» и «*геобиосоциосистема*» в какой-то мере продолжают и, возможно, закрывают в качестве недостающего и окончательного звена тот ряд основных понятий, которые уже сложились в современной науке для описания сложных планетарных систем, т.е. предельно общих сфер или, другими словами, взятых в целом различных оболочек Земли, первые представления о которых сформировались лишь после того как, во первых, было установлено,

¹ Иванов В. В. Наука о человеке: Введение в современную антропологию. М.: РГГУ, 2004. С. 112.

что наша планета имеет форму глобуса, а вовторых, накопился необходимый материал для соответствующих обобщений и понимания этих сфер в качестве целостных систем. И произошло это лишь в XIX в., т.е. спустя более 300 лет после того, как свершились Великие географические открытия.

Так, важным шагом на пути таких обобщений можно считать появление в 1802 г. термина «биология», введенного в научный оборот французским естествоиспытателем, предшественником Ч. Дарвина Ж. Б. Ламарком, который заложил тем самым основу для последующих широких обобщений в области изучения жизни как планетарного явления. В 1875 г. австрийский геолог Э. Зюсс ввел понятие «биосфера» для обозначения области распространения жизни на Земле, а также предложил новые термины для описания *твердой* и *водной* оболочек Земли, назвав их соответственно «литосферой» и «гидросферой». Еще раньше газовая оболочка Земли получила название «атмосферы», наблюдения и целенаправленные исследования которой приняли регулярный характер со второй половины XIX в. Это были первые термины, предназначенные для описания самых больших в масштабах планеты систем, число которых неизменно возрастало по мере того, как наука в своих обобщениях открывала все новые грани целостного мира.

В 1876–1894 гг. французский географ и социолог Ж. Ж. Реклю написал многотомный труд «Земля и люди. Всеобщая география», в котором предпринял попытку дать общую картину развития человечества и описание стран. После этой работы, и в особенности после того, как в 1926 г. вышла в свет книга В. И. Вернадского «Биосфера», понимание «многослойности» Земли прочно закрепилось в научном сознании и стало дополняться все новыми терминами из этого ряда. В частности, совокупность географических оболочек планеты: (*атмосфера*, с ее делением на тропосферу, стратосферу и мезосферу), *гидросфера* и *литосфера*) стала именоваться *геосферой*. Она являет собой область распространения неживого (косного) вещества, составляющего основу жизни на Земле, т.е. *биосферы*, в которой В. Б. Сочава в 1944 г. выделил *фитосферу*, а Е. М. Лавренко в 1949 г. — *фитогеосферу*.

В качестве синонима «пленки жизни», слоя «сгущения» жизни (по В. И. Вернадскому) было образовано составное понятие «*биогеосфера*», а в 1940 г. В. Н. Сукачев предложил еще один термин — «*биогеоценоз*», которым стали характеризоваться однородные участки земной поверхности с определенным составом живых и косных компонентов, между которыми осуществляется динамическое взаимодействие. Однако еще раньше, в 1920-е гг., появился термин «*ноосфера*», о котором еще будет специальный разговор в гл. IV. Здесь же важно подчеркнуть, что по В. И. Вернадскому «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом

и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше»¹.

Обращая внимание на сферу духовной деятельности, ставшую планетарным явлением, известный русский философ П. А. Флоренский в своем письме В. И. Вернадскому от 21 сентября 1929 г. предложил еще один термин — «*пневмосфера*». «Хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую скорее эвристическое начало, — писал он. — Это именно мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа»².

Дальнейшее развитие идеи духовных оболочек планетарного масштаба предпринял Ю. М. Лотман, который в дополнение к понятиям *ноосферы* и *пневмосферы* в качестве их составной, но тем не менее вполне самостоятельной части предложил термин «*семиосфера*», с помощью которого он выделял особое семиотическое пространство, включающее в себя не только сумму отдельных языков, но и социокультурное поле их функционирования. По мнению Лотмана, *семиосфера* включает в себя прежде всего естественный язык как наиболее емкую систему знаков и текстов, и эта сфера знаков, соединяющаяся с *пневмосферой*, сферой выражения духа, является составной частью *ноосферы*, сферы разума³.

Итак, к середине XX в. сложилась уже целая область научного знания, в которой человек и порожденные им различные формы духовной и общественной жизни рассматривались как планетарное явление. В этой связи в научном языке стали активно использоваться и такие понятия, как «*антропосфера*», «*техносфера*», «*социосфера*» и т.п.

Подводя итог «многослойного» видения современного состояния нашего мира, отметим, что все многообразие различных планетарных сфер, оболочек, «пленок» и т.п. можно свести в конечном счете к *трем* основным сферам: *геосфере* (области косной природы), *биосфере* (области жизни) и *социосфере* (области духа и социальных отношений), взятыми в их единстве, ибо с точки зрения глобализации, всю нашу планету необходимо рассматривать как единую целостную систему. Отмечая единство, глубочайшую взаимосвязь и взаимозависимость Человека и Природы, Н. Н. Моисеев писал: «Пришло время, когда человек становится основным “геологообразующим фактором” на нашей планете. И теперь уже нельзя “вычленить” проблемы человека и общества; связь “человек — природа — человек” становится опре-

¹ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 328.

² Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1). М., 1999. С. 451.

³ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 165–166.

деляющей в судьбе нашего рода-племени. Значит, возникает потребность в формировании некоей общей стратегии во взаимоотношениях человечества и биосферы»¹. В свете сказанного выше я добавил бы к этому еще и геосферу.

Таким образом, чтобы правильно судить о современной, т.е. многоаспектной, глобализации, о чем еще предстоит специальный разговор впереди, необходимо все упомянутые три основные сферы планеты рассматривать в их взаимосвязи и динамике, т.е. как единую, целостно воспринимаемую *триосферу (геобиосоциосистему)*.

Эволюция *геобиосоциосистемы (геобиосоциогенез)* наиболее полно и всесторонне характеризует зарождение и последующее развитие процессов глобализации. Если посмотреть на эту эволюцию единым взором, начиная с момента возникновения человека, т.е. с момента появления данной системы до настоящего времени (и даже экстраполируя указанный процесс в будущее), можно обнаружить, что она сопровождается рядом фундаментальных трансформаций, которые задают этой системе новые внешние и внутренние параметры. Такие трансформации по своей сути весьма напоминают превращение, например, головастика в лягушку или гусеницы в бабочку.

Для описания подобных процессов в *биологии* существует понятие «метаморфоз» (от греч. *metamorphosis* — превращение, преобразование), которое характеризует глубокое преобразование, переход одной стадии или формы послезародышевого развития некоторых животных в другую. У растений в результате метаморфозы происходит видоизменение основных органов (корня, стебля, листа, цветка) в связи с изменением их функций.

Явление *метаморфизма* характерно и для *геосферы*, когда дело касается изменения структуры, минералогического или химического состава горных пород под влиянием давления, температуры и химической активности глубинных растворов.

Теперь, обсуждая процессы глобализации, мы можем сказать, что аналогичные фундаментальные изменения (трансформации, сходные с явлением метаморфизма), обусловленные глобализацией, происходят и в обществе, причем на уровне как общественного бытия, так и общественного сознания и даже мировоззрения. И потому по отношению к социуму было бы также вполне правомерно употребление термина «*метаморфоза*».

Более того, этот термин также вполне адекватно отражает суть изменений, происходящих и во всей *геобиосоциосистеме*, если иметь в виду ее историческую эволюцию, где с точки зрения зарождения и развития процессов глобализации можно выделить четыре *эпохи*,

¹ Моисеев Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле // Наука, общество, человек. М., 2004. С. 322.

о которых в более узком смысле (применительно к общественному развитию) уже говорилось выше. А так как преобразования *геобиосоциосистемы* с точки зрения процессов глобализации затрагивают целые эпохи, то для обозначения таких преобразований по смыслу лучше всего подошло бы словосочетание «*эпохальная метаморфоза*» (или «*метаморфоза эпох*»), которое со всех сторон охватывает и суть происходящих изменений, и временные рамки этих перемен. В какой-то мере он сродни уже упоминавшемуся словосочетанию «осевое время», но описывает более сложное, многоаспектное явление и касается не одной, а нескольких временных эпох, фиксируя основное внимание не столько на состоянии, сколько на процессах.

Для упрощения языка, используя «бриту Оккама»¹, словооборот «*эпохальная метаморфоза*», было бы лучше заменить одним составным термином — «*эпометаморфоз*» и, быть может, еще более лаконичным термином — «*эпоморфоз*». Однако в этом последнем случае возникает опасение, что акцент может сместиться на *форму* в ущерб *содержанию*, ибо ...*морф*, ...*морфный* (от греч. μορφή — форма) — вторая составная часть сложных слов, обозначающая то, что относится к форме. Но поскольку речь идет о сложнейших преобразованиях, затрагивающих изменение и формы, и содержания, сущности всей *геобиосоциосистемы*, то окончательный выбор я делаю в пользу термина «*эпометаморфоз*», понимая под этим *эпохальное видоизменение, переход на другую стадию развития геобиосоциосистемы, сопровождающийся фундаментальными переменами в этой системе на уровне формы и содержания, сущности и явления*. Данная категория призвана обеспечить лучшее понимание *макроисторических* и *макросоциальных трансформаций, обуславливающих смену исторических эпох*, т.е. тех изменений, которые являются *причиной перехода от одной эпохи становления глобальных связей к другой*.

Таким образом, если в качестве основания выделения различных исторических эпох взять наиболее важные *этапы становления мировоззрения человека*, а точнее, его основные исторические формы: *мифологическую* и *религиозную* (они появились примерно одновременно); *философскую*; *научную* и *глобальную*, в которых наиболее глубоко отражаются все стороны общественной жизни, то в истории человечества можно выделить (указать) как минимум **четыре** довольно отчетливо просматривающихся в настоящее время поворотных пункта, к которым вполне применимо понятие «*эпометаморфоз*».

Пятый, гипотетический, поворотный пункт логически вытекает из предыдущих, но говорить о нем следует лишь с большой долей услов-

¹ Средневековый философ У. Оккам, выступая против умозрительной схоластики и порождаемой ею «паутины» словесной «мудрости», выдвинул свой знаменитый принцип, который получил название «брита Оккама». Суть его кратко формулируется следующим образом: *сущности не следует умножать без надобности, или, другими словами, то, что можно обозначить посредством меньшего, не следует выражать посредством большего*.

ности. С учетом этого замечания можно сделать предположение, что он будет связан, по всей вероятности, с повышением интереса к человеку и осуществлением *гуманистической революции*, после которой, если ей предстоит свершиться, должна была бы наступить новая эпоха, где новой исторической формой мировоззрения стало бы такое, которое в различных социальных утопиях (от Платона до К. Маркса) характеризуется как высший тип мировоззрения, воплощающий в себе лучшие гуманистические качества; в частности, в марксизме такое мировоззрение именуется «коммунистическим». Но поскольку рассуждения подобного рода уводят нас за горизонт обозримого будущего, этот поворотный пункт сохраняет свою привлекательность лишь с позиции философии, однако теряет смысл с научной точки зрения, где должны превалировать если не достоверные, то хотя бы вероятностные знания, которыми мы, во всяком случае сейчас, не обладаем. Потому относительно пятого поворотного пункта в становлении мировоззрения человека ограничимся лишь гипотетическим суждением, в то время как о первых четырех имеются достаточные основания говорить с определенной степенью достоверности.

Итак, **первый эпюметаморфоз** связан с появлением человека разумного (*homo sapiens*), т.е. с началом формирования *религиозного и мифологического мировоззрения*. Это время охватывает период в пределах от 40–60 тыс. лет тому назад до начала I тысячелетия до н.э. Кульминацией первого эпюметаморфоза стала неолитическая революция, свершившаяся 7–10 тыс. лет тому назад. В результате этого эпюметаморфоза человек окончательно выделился из животного состояния, и его отличительной особенностью стало наличие у него зачатков материальной и духовной культуры (орудия труда, танцы, песни, наскальные рисунки, вербальное общение и т.п.). Так окончательно оформилась *эпоха фрагментарных событий и локальных социальных связей*. Этому эпюметаморфозу соответствует *начало истории*.

Второй эпюметаморфоз характеризуется формированием и выделением в середине I тысячелетия до н.э. *философии* как особой исторической формы мировоззрения. По отношению именно к этому времени и происходившим тогда переменам К. Ясперс употребил словооборот «осевое время», а свершившиеся тогда трансформации *стали отличительной особенностью эпохи региональных событий и территориально ограниченных международных отношений*. Тогда же появился термин «культура», позволивший описать и оттенить плоды человеческой деятельности на фоне «дикой» природы, а также обозначились *первые симптомы глобализации*.

Третий эпюметаморфоз оказывается непосредственно связанным с выделением *науки* из философии в качестве самостоятельной формы общественного сознания и началом научно-технического прогресса. Данные преобразования имманентно связаны с *эпохой глобальных со-*

бытий и становления всеобщей экономической и социально-политической зависимости. В это время появился термин «цивилизация», расширивший возможности языка описывать усложнившуюся социальную действительность с точки зрения ее структуры, организационных форм и научно-технических достижений. Третий эпиметаморфоз сопряжен с началом реальной глобализации, а также с фундаментальным этапом ее развития.

Наконец, **четвертый эпиметаморфоз** мы переживаем сейчас, и связан он с процессом формирования *глобального сознания*, которое хотя и уходит своими корнями в XIX в., но наиболее отчетливо обнаруживается только со второй половины XX в., когда наступает *эпоха космической экспансии*. К этому времени относится возникновение термина «глобализация», первого, но явно не последнего в ряду тех, которые еще во множестве должны будут появиться для описания процессов и состояний человеческого сообщества как единого целого. Четвертый метаморфоз связан с началом *космической эры и многоаспектной глобализацией*.

С наступлением **пятого**, гипотетического **эпиметаморфоза**, а возможно, в еще более отдаленной перспективе должен будет произойти кардинальный поворот к осознанию сущности человека, а основным понятием тогда, по всей видимости, станет термин «гуманизация», применяемый по отношению к общественному и индивидуальному сознанию.

Следует заметить, что появление определенных тенденций, реальных перемен в мировой истории и их «открытие» (осмысление), как правило, и даже с необходимостью (в соответствии с «эффектом позднего восприятия») разнятся во времени. И это вполне объяснимо. Такие изменения должны взреть, сформироваться и стать объективным фактором влияния на жизнь людей, чтобы те не только обратили на них внимание, но и придали им серьезное значение. Сказанное сродни тому, как, например, капиталистические отношения долго и основательно вызревали, прежде чем стали предметом широкого обсуждения и нашли отражение в соответствующих теориях. О сути этого «запаздывающего» осмысления уже говорилось в методологических замечаниях. Теперь с учетом сказанного отметим следующее.

Первый эпиметаморфоз хотя и заложил основы формирования культуры как целостного социального явления (а ее элементарные зачатки можно обнаружить еще раньше, уже у человека умелого), тем не менее еще не сформировал необходимых условий для того, чтобы данное явление было понято.

Осмысление же феномена культуры, как и появление самого термина «культура» относится ко времени уже *второго эпиметаморфоза*. Именно тогда наряду с поворотом сознания к тому, что стали обозначать понятием «культура», получили дополнительный импульс процессы, лежащие в основе цивилизационных связей и отношений, начало которым дала

неолитическая революция и которые позже, во время *третьего эпо-метаморфоза*, обусловили появление нового термина «цивилизация».

В то же время третий эпометаморфоз стал началом реальной глобализации общественных отношений, что, однако, тогда не привлекало специального внимания, ибо до определенного времени не являлось очевидным. Ниже будут отмечены различные этапы в осмыслении того, что есть «глобализация», и будет показано, что окончательное «открытие» глобальных проблем и породивших их процессов приходится на *четвертый эпометаморфоз*, т.е. на последнюю четверть XX столетия, когда названные процессы окончательно развились, вы-зрели и проявились с достаточной очевидностью.

Логично предположить, что в настоящее время также происходит формирование неких фундаментальных процессов, пока еще не очевидных, но которые с необходимостью проявятся по прошествии определенного времени и станут играть ключевую роль в жизни человека, затронув уже не только систему общественных отношений, их связь с биосферой и геосферой, но, возможно, и с космосом.

§ 3. Первобытное (доисторическое) общество

Первым поворотным пунктом в истории человечества следует признать время, когда человек окончательно вышел из животного состояния благодаря тому, что его мозг полностью овладел всеми формами мышления (понятие, суждение, умозаключение) и обрел способность производить интеллектуальную работу на всех трех уровнях. Тем самым в основных чертах завершилось формирование целостного мировоззрения человека в буквальном смысле этого слова, что дало основание назвать его *homo sapiens*, т.е. человеком разумным. По современным представлениям, формирование такого человека завершилось 40–60 тыс. лет тому назад, и именно с этого времени начинается реально подтверждаемая археологией социализация человека, связанная с совершенствованием материальной и становлением его духовной культуры, хотя еще на достаточно низком, примитивном уровне. И все-таки именно с этого времени вполне правомерно говорить о *культуре* как социальном феномене, впервые в истории обнаружившем себя в таком качестве. Это была культура первобытного человека, изготавливавшего простейшие орудия труда и создававшего наскальные рисунки, начавшего хоронить мертвых и подчинившего свою жизнь ритуалам в соответствии с целенаправленно заданными формами социального поведения.

Главной составляющей этого этапа развития культуры можно считать начало формирования в качестве самостоятельных форм общественного сознания *мифологии* и *религии*, основу которых в контексте формирующейся рациональности составили чувства, эмоции, вооб-

ражение, вера, ритуал. По существу, это были первые шаги на пути систематизации накопленного практического опыта и зачатков рационального знания, которые позволили последующим поколениям гораздо быстрее своих предков овладеть уже добытыми знаниями и навыками и приумножать их, передавая новым поколениям.

Таким образом, появление мифологии и религии как основных «аккумуляторов» и передатчиков практических и теоретических знаний, дало мощный импульс общественному развитию, стимулируя ускоренное развитие материальной и духовной культуры, которая эволюционировала в рамках первобытного общества вплоть до перехода к земледелию и скотоводству, который произошел около 8–10 тыс. лет тому назад и привел к оседлому образу жизни. Именно к этому времени относятся подтвержденные раскопками в верховьях Тигра и Евфрата первые поселения городского типа, где жили не только земледельцы, каковых было, видимо, большинство, но и ремесленники, купцы, воины. Тем самым окончательно завершился означенный поворот от доисторического состояния прачеловека к обществу людей в полном смысле этого слова и социальным отношениям, которые положили начало общественной истории. Возникли принципиально новые возможности для социального развития — в первую очередь материальной культуры — что стало основой дальнейшей социализации людей и сформировало основные предпосылки последующего цивилизационного развития общества.

По ряду причин, прежде всего в силу большой длительности указанного периода, а также потому, что социальные процессы тогда еще только формировались, а не трансформировались из одного состояния в другое, было бы неправомерным называть рассматриваемый первоначальный этап становления общественных отношений «осевым временем». Точнее было бы говорить о выходе первобытного человека из стадного состояния и его переходе на уровень социальный, где позже сформировались все основные сферы его общественного бытия: экономическая, социальная, политическая, идеологическая.

§ 4. Начало истории

На это время приходится первый эпометаморфоз, который охватывает период в пределах от 40–60 тыс. лет тому назад до начала первого тысячелетия до н.э.

Кульминацией данного эпометаморфоза стала неолитическая революция, свершившаяся 7–10 тыс. лет тому назад.

Понятие «эпометаморфоз», как мы его определили выше, впервые можно отнести к эпохе неолитической революции, когда, перейдя к оседлому образу жизни, человек кардинальным образом

изменил не только условия своего существования и трудовую деятельность, но и общественные отношения, мировоззрение в целом. За исторически короткое время, которое измеряется несколькими тысячелетиями, появились различные формы специализированного труда, а его результаты, превысившие естественные потребности производителей, стали основой зародившейся тогда торговли и обмена товаров между собственниками, которые по мере расширения и углубления специализации, увеличения объемов производства и усложнения общественных отношений все больше нуждались в посредниках, специализирующихся на торговле. Тогда же появились институт частной собственности, государство с его основными атрибутами: верховная власть, всевозможные формы морального и силового воздействия на членов общества и т. п. Религия и мифология окончательно оформляются в качестве самостоятельных социальных институтов.

Серьезным основанием для того, чтобы говорить об этом времени как о *первом эпоэтаморфозе* служит тот факт, что именно тогда возникли первые великие культуры, которые по сложившейся терминологии называют также древними цивилизациями и которые возникали автономно, независимо друг от друга в различных регионах планеты. То было время, когда духовная, но особенно материальная культура быстро развивались, закладывая цивилизационные основы общества, т. е. формируя такие его атрибуты, которые характеризуют общество со стороны развитости его государственных форм, социальных связей, отношений человека и общества и т. п.

Первые зримые перемены такого рода обнаруживаются около 10–12,5 тыс. лет до н. э., когда на Ближнем Востоке от Ефрата до Синая, возникают первые поселения так называемой натуйфийской культуры, где округлой формы жилища были еще наполовину врыты в землю, но в которой уже наблюдаются зачатки земледелия. Тысячелетием позже в этом районе уже в полной мере освоено земледелие (выращивается пшеница, рожь), а жители первых сельскохозяйственных поселений — Иерихон (Палестина), Мурейбит (Сирия), Гандж-Даре (Иран) — переходят к оседлому образу жизни, строя первые известные науке дома прямоугольной формы и горшечные мастерские.

В VIII–VI тысячелетиях до н. э. на Ближнем и Среднем Востоке появляются крупные поселения. Первые зачатки цивилизации обнаруживаются также и в других регионах планеты. Так, на американском континенте (юго-запад современных США) получила развитие культура Когис и так называемые культуры пустыни. В Индии возникают первые очаги неолитической культуры в Белуджистане (селение Мехргарх на территории нынешней пакистанской провинции) и в Синде, где были одомашнены овцы и козы, выращивались злаковые культуры. В Японии получила развитие культура дзёмон, названная так по харак-

терному веревочному орнаменту на керамике, найденной на острове Хонсю. В Китае в это время было освоено выращивание риса и начала развиваться культура Яншао, важной отличительной особенностью которой стали крашенные керамические изделия.

Зарождавшиеся в то время начальные формы цивилизации складывались в основном на плодородных берегах крупнейших рек: Нила, Тигра и Евфрата, Ганга, Янцзы, Хуанхэ.

§ 5. Первые симптомы глобализации

На это время приходится второй эпометаморфоз, который охватывает период с начала I тысячелетия до н.э. и длится до эпохи Великих географических открытий.

Первые симптомы глобализации в истории человечества, если рассматривать ее ретроспективно и с определенной долей условности, можно обнаружить пока еще только в зачаточной форме в период персидских войн, завоевательных походов Александра Македонского и становления Римской империи. Это было время, когда всего лишь за несколько столетий произошли грандиозные по масштабам и фундаментальные по сути изменения во всех сферах общественной жизни, кардинально повлиявшие на ход исторических событий, систему общественных отношений, мировоззренческие основы, представления и сознание людей. Объективный характер свершившихся перемен не вызывает сомнения, на что указывает уже то обстоятельство, что они произошли в различных регионах планеты практически одновременно, развиваясь в значительной степени независимо друг от друга, но с поразительным совпадением порождая сходные процессы и последствия. Без преувеличения можно сказать, что именно тогда человечество (пока в лице отдельных представителей) впервые задумалось о своем *единстве*, в том числе с природой, о своей судьбе, предназначении и сделало первый шаг от *локальных историй* к началу *истории мировой*.

Характеризуя это время беспрецедентного подъема культуры и человеческой мысли в различных регионах Земли, К. Ясперс дал ему название «осевого времени», когда в попытках структурировать историю и разделить ее на ряд периодов писал, что, хотя такая схематизация всегда ведет к грубым упрощениям, последние могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты. В развитие данной идеи он подчеркивал, что «ось мировой истории, если она вообще существует, может быть обнаружена только *эмпирически*, как факт, значимый для всех людей... Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э. Тогда произошел

самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем»¹.

Обратившись к конкретным фактам многовековой истории, мы найдем немало подтверждений этой мысли и даже с достаточным на то основанием можем расширить географию «осевого времени», приняв во внимание также события, происходившие в это время на американском континенте, японских островах, в Юго-Восточной Азии. Наиболее яркие и выразительные примеры дает сфера социально-политической жизни того времени.

Так, в 776 г. до н.э. в Греции проходят первые Олимпийские игры с культовыми обрядами и спортивными состязаниями, которые включали бег, пятиборье, борьбу, скачки. Устроенные в честь бога Зевса, эти игры с самого начала олицетворяли единство людей, их способность решать общие задачи, что сделало их со временем символом мира, честной борьбы и взаимопонимания.

С большими оговорками к первым формам проявления глобализации можно было бы отнести основание в 753 г. до н.э. Рима, но в рассматриваемом нами контексте это имеет скорее символическое значение, так как только около 509 г. до н.э. случившееся там восстание местного населения привело к свержению этрусских царей и установлению республиканской формы правления. Но и здесь пока еще нет оснований говорить о каких бы то ни было явлениях и процессах, свидетельствующих об имперских амбициях Римской республики. До того, как это станет проявляться, пройдет еще более двух столетий.

Зато в первоначальный период «осевого времени» в различных регионах мира возникает ряд династий, созданных сильными государствами, агрессивная внешняя политика которых не только расширяла государственные границы, сферы их влияния, но и приводила в движение целые народы. Так, в VIII в. до н.э. нубийский (эфиопский) царь Пианхи (Пи), основатель нубийской династии, захватил ослабленный длительной междоусобной борьбой Египет, став первым фараоном XXV династии, что способствовало объединению и усилению Египта в качестве крупнейшего регионального центра культуры и цивилизации Древнего мира.

В 605–562 до н.э. правил самый знаменитый из царей Халдейской династии Навуходоносор II, который подчинил Сирию и Палестину, разгромил Иудею. При нем вавилонская цивилизация достигла наивысшего расцвета, став еще одним очагом многонационального образования, где закладывались основы будущей глобализации.

Затем история дает многочисленные примеры того, как одни завоевательные походы сменяются другими, относительно небольшие

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32.

государства становятся, по сути, империями, а складывающиеся династии стремятся к расширению своей власти на все более обширные территории, формируя предпосылки будущих международных связей и отношений, которые через два тысячелетия достигнут глобальных масштабов. Наиболее заметными этапами на этом пути стали следующие исторические события.

В середине VI в. до н.э. лидийский царь Крез, подчинив греческие города эгейского побережья, становится правителем всех народов Анатолии. На это же время приходится правление Кира II, основателя персидской державы Ахеменидов. Он погиб в одном из сражений с мессагетами в Приаралье, но к этому времени границы его державы уже простирались от средиземноморского побережья на западе до реки Яксарт (Сырдарья) на северо-востоке, и от Армении на севере до пустыни Гедросия на юге. Его сын и наследник Камбиз II (529–522 до н.э.) успешно продолжил завоевания отца, присоединив к персидской державе Ливию, Нубию и Египет, который будет входить в состав персидской державы Ахеменидов до 404 г. до н.э.

В 513 г. до н.э. персидский царь Дарий I воспользовался первым понтонным мостом через пролив Босфор, построенным греческим архитектором Мандрокллом, и возглавил завоевательный поход персов против скифов. Дарий I перешел Дунай и напал на скифов в Северном Причерноморье. Ему не удалось покорить их, но Фракия и Македония попали под власть Персии, которая значительно расширила свои границы в период царствования Дария I (522–486 до н.э.). Он завоевал все территории на берегах Инда, а также Фракию, в результате чего Персидская империя протянулась от Инда до Дуная. При нем произошло деление государства на административные округа (сатрапии), стал осуществляться сбор податей. Осуществлялось строительство дорог и водоканала от Нила до Красного моря. Дарий I провел ряд важных с точки зрения объединения огромной страны, реформ, среди которых большое значение имело введение единого для всей державы официального государственного (арамейского) языка, на котором уже давно говорили торговцы в этой части Ближнего Востока и местная администрация. Он также создал сильную армию, ввел единую для всей Персии денежную систему (монету дарик), построил почтовые станции на так называемых царских дорогах, среди которых наибольшую известность получил Царский путь, соединивший лидийский город Сарды в Малой Азии с персидской резиденцией в Сузах. Царь основал в 513 г. до н.э. новую столицу — Парсы — и строго следил за соблюдением законов. Для укрепления правовой системы и устрашения служителей Фемиды с судей, грубо нарушавших закон, заживо сдирали кожу и натягивали ее на судейские стулья. По поручению Дария I греческий мореплаватель Скилак исследовал морской путь от Инда до Египта, что существенно расширило экспансионистские

тенденции древних цивилизаций, распространив их с суши на море, и стало важным шагом на пути открытия новых территорий, приближавших эпоху грядущей глобализации.

Региональные события, предшествовавшие мировым, происходили в это время и в Китае. Там с V в. до н.э. наступает период «воюющих царств», когда семь могущественных государств борются между собой за гегемонию в регионе. Война принимает всеобщий характер, и лишь в 221 г. до н.э. наступает период правления Цинь Шихуанди, первого императора Китая, положившего конец междоусобицам. В политике он опирался на идеи философского учения легизма («школы закона»). Завоевав разрозненные китайские государства, Цинь Шихуанди объединил их в первую объединенную империю Цинь, где была создана централизованная система управления, опиравшаяся на огромную армию, состоявшую из копейщиков и лучников. Для защиты северо-западных границ от кочевых племен Центральной Азии гуннов он, начиная с 214 г. до н.э., стал возводить оборонительные сооружения, соединяя построенные ранее земляные насыпи глиняными укреплениями, что явилось началом строительства Великой Китайской стены. Император осуществил политическое и административное объединение страны, введя единую денежную единицу — сапек, реформировав систему дорог, распространив единообразное письмо и унифицировав единицы измерения.

Однако среди тех, кто в период этого второго эпометаморфоза максимально повлиял на интеграцию различных народов и имел амбиции действительно вселенского масштаба, насколько позволяли тогда представления о мире, был Александр Македонский (Великий), который после гибели своего отца, царя Македонии Филиппа II, в 336 г. до н.э. унаследовал освободившийся престол. Он впервые вознамерился создать по существу первую мировую державу и, движимый желанием укрепить единоличную власть, расширяет свое господство, сначала умирив греков и основав в Египте город Александрию, а затем вступив в продолжительную войну с персами. Начав в 334 г. до н.э. военный поход в Малую Азию, он в стремлении дойти до «края земли» за 4 года подчинил себе Персидскую империю. В 329 г. до н.э. он совершил поход в Среднюю Азию, а в 327–325 до н.э. — в бассейн реки Инд. В итоге Александр Великий расширил границы своей империи до невиданных прежде размеров: от Дуная до Инда, завоевав все земли, подчинявшиеся ранее власти Ахеменидов. После разгрома персидской армии и гибели царя Дария III Александр Македонский был объявлен наследником персидского престола и создал первую мировую империю со столицей Вавилоном, намереваясь покорить еще Северную Африку, Аравию и даже, по некоторым источникам, Рим, чему помешала его преждевременная смерть в 323 г. до н.э. В стремлении заложить прочные основы создаваемой им мировой державы

Александр Македонский предпринял усилия для соединения в одно целое греко-македонскую и персидскую знать, организовав массовую свадьбу 10 тыс. македонцев и греков с персиянками. Новый слой знати из македонцев, греков и персов, которые были уравнены в правах, должен был по этому замыслу способствовать процессам объединения и взаимовлияния греческой и восточной культуры.

Важным звеном в этой цепи транснациональных отношений являлась греческая культура, которая к тому времени получила широкое распространение в эллинистических государствах в Средиземноморье, на Ближнем Востоке, в Египте, Причерноморье. При этом объективно возникшая потребность единого языка международного общения была реализована по вполне понятным причинам за счет греческого языка, что стало беспрецедентным основополагающим шагом в деле интернационализации общественной жизни того времени. Греческий повсюду считался языком образованных людей. В крупнейшей библиотеке Древнего мира, которая была основана в III в до н.э. в Александрии Птолемеем II и насчитывала около 3 млн папирусных свитков, существовал специальный отдел, где на греческий язык переводились важнейшие сочинения авторов из разных стран. На греческий перевели свои священные книги еврейские ученые. Благодаря греческому языку широкое распространение получило раннее христианство, а образованные римляне, учителями которых в значительной мере были греки, говорили на этом языке так же хорошо, как на родном. Римляне заимствовали у греков и многие элементы искусства, архитектуры, литературы, философии, науки, а латинский язык, на основе которого позже образовались все романские языки, сформировался под влиянием греческого.

В период «осевого времени» в Индии также происходили сходные процессы интеграции и расширения государств. Первое государство с централизованным управлением на Индийском субконтиненте сложилось во времена военных походов Александра Македонского, став отчасти результатом этих походов, когда в 320 г. до н.э. Чандрагупта Маурья основал первую великую индийскую державу — империю Маурьев. Эта держава в период своего расцвета простиралась от реки Инд до Бенгалии и от Гималаев до Виндийского нагорья и еще дальше на юг. Ее территория была поделена на провинции во главе с наместниками, что обеспечивало сбор налогов и централизованное управление государством. Около 273 г. до н.э. правление в династии Маурьев перешло к царю Ашоке, который подчинил весь Индийский субконтинент и в значительной степени способствовал культурному единению Индии. Ашока принял буддистскую веру и активно способствовал ее распространению. Проявляя терпимость к другим религиям, он строил свою политику на гуманных принципах, стремясь к общественному благу, ненасилию и миру, регулируя поведение подданных посред-

ством многочисленных эдиктов, которые высекались на каменных столбах и скалах по всей стране (надписи Ашоки).

В III в. до н.э. происходит возвышение Рима, который расширяет свое господство и становится сильнейшей державой на завершающей стадии рассматриваемого «осевого времени». В 201 г. до н.э. завершилась Вторая Пуническая война, в результате чего владения Карфагена в Испании перешли в руки римлян, а в 197 г. до н.э. мобильные и хорошо обученные римские легионы разбили фаланги Филиппа V Македонского в битве при Киноскефалах (Фессалия) и Греция стала очередной жертвой имперских амбиций Рима, попав под его протекторат, что еще больше укрепило позиции римлян в их в борьбе за господство в Средиземноморском бассейне.

К завершающему периоду второго эпометаморфоза относятся и ранние американские цивилизации. Так, определяющей культурой на Североамериканском континенте была хоупвеллская культура, где за счет развитого ремесленного искусства и торговли поддерживался высокий уровень жизни, о чем свидетельствуют предметы роскоши, найденные в погребениях того времени. В 400 г. до н.э. в Мексике был основан город Теотиуакан, ставший центром цивилизации, которая заняла затем всю долину Мехико и просуществовала более тысячи лет. Около 200 г. до н.э. в Боливии получает развитие культура Тиауанако, где возводились грандиозные мегалитические сооружения, получили развитие керамика, железолитейное производство, ткачество. Эта культура просуществовала до 200 г. н.э. На северном побережье Перу достигает своего расцвета культура Мочика (ок. 200 г. до н.э. — ок. 700 г. н.э.); в это же время на южном побережье развивается культура Наска, которая получила известность благодаря высеченным в Пампа-Колорада гигантским изображениям птиц и животных. Если смотреть на них стоя на земле, они кажутся лишь непонятными хитросплетениями линий, так как размеры рисунков колеблются от 500 м до 8 км.

Рассматривая социально-политический контекст преобразований «осевого времени», следует иметь в виду, что принципиальное значение при этом имел поворот, произошедший прежде всего в мировоззрении людей, на уровне индивидуального и общественного сознания: от «человека-массы», растворенного в обществе, приверженного ритуалу, традиции, к человеку с отчетливо выраженным личностным началом, самостоятельно думающему, вопрошающему, сомневающемуся. Сказанное относится, конечно, далеко не ко всем, а лишь к узкому слою свободных людей того времени, но и этого достаточно, чтобы увидеть беспрецедентные достижения в области развития материальной и духовной культуры, в деле получения и накопления знаний и, наконец, как мы уже это видели, в сфере политики и совершенствования форм государственного правления. «В эту эпоху были разработаны основ-

ные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности»¹.

Отмеченные преобразования, свершившиеся в период между VIII и III вв. до н.э. и ознаменовавшиеся переходом от традиционного, некритического стиля мышления к творческому, продуктивному, К. Ясперс связывает с тем, что «человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе... Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой»². Так зарождалась *философия* как третья (после мифологии и религии) форма общественного сознания, где уже не вера, базирующаяся на чувствах и эмоциях, была на первом месте, а знания, полученные с помощью разума в результате интеллектуальных усилий, когда не мудрость сама по себе, а любовь к ней стала цениться превыше всего. Такая любовь к мудрости, выразившаяся в поиске истины путем творческой работы индивидуального ума, сомнений, догадок, собственной интуиции и т. п., принципиально отличалась от «мудрости», идущей из глубины веков в форме религиозных догм или мифологических сюжетов, которые нужно было просто взять, усвоить в готовом виде, восприняв их душой и сердцем целиком, оставив в стороне всякие сомнения в их истинности.

Итак, развившееся и окрепшее общественное сознание уже не могло базироваться только на чувствах, вере, эмоциях и все больше нуждалось в опоре на знание, рациональность и усиливавшееся критическое мышление, в то время как миф и религия, будучи творческим началом, духовным стержнем и рациональным основанием развития великих культур древности, сложившихся в период неолитической революции в Месопотамии, Египте, в долинах рек Инда, Хуанхэ, к середине I тысячелетия до н.э. уже не могли в полной мере удовлетворить возросшие интеллектуальные запросы человека, как и усложнившуюся систему общественных отношений, для которых рациональность, не игравшая прежде заметной роли, стала важнейшим мировоззренческим принципом и существенной чертой практической деятельности. Обращая внимание на эти перемены и отмечая объективный характер их появления, К. Ясперс пишет: «В великих культурах древности, в них самих или в орбите их влияния в осевое время... формируется духовная основа человечества, причем независимо друг от друга в трех различных местах — в Европе с ее поляризацией Востока и Запада, в Индии и Китае»³.

Наиболее ярко сказанное иллюстрируется в сфере религии. Социальные и мировоззренческие изменения, о которых шла речь выше,

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 33.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 52.

в одних отношениях преопределили, в других — сами стали следствием фундаментальных трансформаций прежних религиозных верований. Начиная с VI—V вв. до н.э. в различных, практически не связанных между собой регионах мира многобожие все больше уступает место монотеизму. Возникают *первые* мировые религии и религиозные учения конкретных авторов, которые по сути своей были религиозно-философскими системами. В это время развивали свои учения: Будда и Махавира в Индии; Конфуций, Лао-цзы, Гуань Чжун в Китае; Заратуштра в Персии; Исайя, находившийся в плену в Вавилоне; пророки в Палестине; Пифагор, Ксенофан, ионийцы, дорийцы, элеаты в Греции. С этого времени религия обретает зрелые черты и *ориентируется уже на индивида*, который почитает теперь не множество богов, а нечто единое, конкретное, как, например, абсолютный, всеобъемлющий принцип, который не обязательно ассоциируется с Богом, тем более антропоморфным.

В итоге кардинально меняется положение человека. Если прежде, будучи представителем племени или общины, он был тесно связан с культом, который являлся составной частью государственной и религиозной жизни, то с переходом от политеизма к монотеизму человек уже сам устанавливает прямую связь с божеством или иной сверхъестественной сущностью.

В подтверждение сказанному обратимся к наиболее известным религиозным системам, возникшим тогда в различных регионах мира за относительно короткий промежуток времени. Среди них важнейшее место занимает буддизм, ставший затем одной из мировых религий. Сиддхартха Гаутама Будда (ок. 563—479 г. до н.э.), основатель этой религиозно-философской системы, исходил из того, что жизнь полна страданий, избавление от которых лежит на пути отказа от желаний и достижения «высшего просветления» — нирваны. Все, что существует, никем не создано и пребывает вечно, в том смысле, что вечна материя, из которой состоит все сущее; ничто никогда не исчезает и не распадается на частицы, ибо частиц нет. Само бытие есть постоянное изменение, так как где нет перемены, там нет и бытия.

В Индии в V в. до н.э. возникает еще одна философская и религиозная система — джайнизм, которая также возлагает на человека ответственность за его поступки. В основе этого учения, получившего свое название от ее основателя Джинны Махавиры, лежит идея о том, что единой души или высшего Бога нет. В мире существует огромное и неизменное количество душ, которые, как и материя, существовали всегда и никем не созданы. Часть из этих душ воплощена в живые существа, и каждое деяние человека имеет последствия в следующей жизни. Из круговращения блуждающей души освободится тот, кто, овладев своими страстями и желаниями, не сделает ничего такого, что потом должен был бы искупить в следующей жизни.

Схожие процессы формирования новых религиозных и философских систем наблюдаются в это время и в Китае. Так, Конфуций (551—479 г. до н.э.) создал философскую систему, которая на многие века стала господствующей идеологией феодального Китая. Согласно этому учению судьба человека определяется «небом», и то, что люди делятся на «благородных» и «низких», не может быть изменено человеком. Но он может познать законы природы («дао») и использовать их в своих интересах, придерживаясь взаимосвязанных этических принципов: сыновней почтительности, великодушия, учтивости, вежливости, верности семье и правителю. Эти добродетели и есть те силы, которые влияют на людей больше, чем внешнее принуждение, формируя личность благородного мужа.

Другое направление китайской философии и традиционной религии — даосизм — возникло также в период второго эпометаморфоза. Сформировавшись в IV—III вв. до н.э., это учение было построено на том, что в мире нет неизменных вещей, и в процессе изменения все они переходят в свою противоположность, рождаясь и изменяясь благодаря собственному «пути» — «дао». Основателем даосизма считается Лао-цзы, призывавший следовать природе и жить естественной жизнью. Основу мудрого поведения составляет принцип «у вэй», суть которого заключается в недеянии, т.е. отсутствии деятельности, тем более преобразующей, созидательной. Принцип невмешательства в естественный порядок вещей ориентирует на то, что лучше не действовать, чем действовать; сосредоточенность и ожидание лучше любых поступков.

С точки зрения коренных изменений традиционного уклада жизни особый интерес представляет еще одно древнекитайское философское учение — легизм, основу которого составляет положение об абсолютной роли в жизни общества унифицированного юридического закона. Зародившись в VI в. до н.э., он тремя столетиями позже стал главной идеологией в первой китайской империи, о чем уже упоминалось выше.

На Среднем и Ближнем Востоке «осевое время» также ознаменовалось аналогичными религиозными преобразованиями, когда на смену ранним, примитивным формам религии приходят более развитые, совершенные. Так, к VII в. до н.э. относится становление в качестве монотеистической религии иудаизма, который берет начало в языческом политеизме древнееврейских племен. Характерной особенностью иудаизма является вера в единого бога Яхве и мессию (спасителя). Исайя (740—701 до н.э.) — один из наиболее известных пророков, находясь в вавилонском плену, проповедовал веру в Бога Яхве и предсказывал рождение Христа.

Примерно в то же время в Персии была осуществлена религиозная реформа Заратуштры, жизнеописание которого больше напоминает легенду. Главным в его проповедях было учение о свободе выбора че-

ловека в борьбе добра и зла, а сам Заратуштра выступает посредником между Богом и людьми, распорядителем судеб умерших. Религиозные реформы Заратуштры были направлены против власти родоплеменных вождей, старого жречества и их богов и встретили серьезное сопротивление, вынудившее его покинуть родину. По одним источникам, он был убит, по другим — нашел покровительство на чужбине, а его идеи по обновлению примитивного маздеизма были поддержаны мидийскими жрецами-магами.

В VI—V вв. до н.э. в Древней Греции также появляются религиозно-философские учения, развивавшие идеи монотеизма. В частности, греческий философ и поэт Ксенофан, основатель элейской школы, был одним из первых критиков антропоморфизма, а вместе с тем и всей мифологии. Он осуждал Гомера и Гесиода за их представления, будто боги подобны людям, и отстаивал идею пантеизма, полагая, что люди придумывают богов по образу и подобию своему. Рассуждая об этом, он писал: «Люди мнят, что боги были рождены, их же одежду имеют, и облик, и голос такой же... Если бы руки имели быки, или львы, или кони, чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди, кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих образы рисовали богов и тела их ваяли точно такими, каков у каждого собственный облик»¹. И далее, формулируя свое представление о Боге, он говорит: «Есть один только бог, меж богов и людей величайший, не похожий на смертных ни обликом, ни сознанием, весь целиком он видит, весь сознает и весь слышит, но без труда помышлением ума он все потрясает, вечно на месте одном пребывает, не двигаясь вовсе, переходить то туда, то сюда ему не пристало»².

Как и Ксенофан, который отвергал божественную природу солнца и звезд, другой знаменитый греческий философ, Анаксагор, живший в V в. до н.э., полагал, что Солнце, Луна, звезды и метеориты не божества, а раскаленные каменные массы.

Еще одной древнегреческой религиозно-философской системой, отвергавшей политеизм, был пифагорейский союз, который представлял собой одновременно религиозную общину, философскую школу и политическую партию. Ее основателем был знаменитый греческий философ Пифагор (ок. 570 — ок. 490 г. до н.э.), который верил в математические законы, создающие космическую гармонию, а также в родство душ, их бессмертие и переселение. Пифагорейцы называли универсум космосом, в основе которого лежит число. Небеса, вращаясь согласно числовой гармонии, производят «божественную музыку сфер», которая благотворно действует на души, помогая им восхождению к высшим областям бытия.

¹ Хроника человечества / сост. Б. Харенберг. 2-е изд., доп. М.: Слово, 2000. С. 108.

² Там же. С. 108.

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы сделать вывод первостепенной важности — переход от политеизма и примитивных форм религии к монотеизму не был случайным событием или результатом усилий отдельных религиозных деятелей. Напротив, он стал закономерным следствием объективных причин и был непосредственно связан с окрепшей рациональностью и появлением философии в качестве принципиально нового средства получения знаний, когда мифологическое мышление, основанное на традиционных ценностях, уступило пальму первенства мышлению критическому, основанному на разуме. По существу можно говорить о свершившейся тогда *мировоззренческой революции*, ярким выражением которой стало появление новой исторической формы общественного сознания — *философии*.

Для философии Древней Греции, изначально ориентированной на познание естественных процессов природы, этот переход означал еще и зарождение научного знания в лоне «любомудрия». Древних философов интересовали вопросы устройства мира, космоса, бытия и места в нем человека. Законы перестали рассматриваться в качестве божественных откровений, а следовательно, их теперь можно было обсуждать, менять, формулировать заново. Принципиально изменившуюся позицию человека наиболее ярко передает известное изречение Протагора: «Человек есть мера всех вещей».

Такой поворот в сознании значительно расширил мировоззрение людей и породил у них не мыслимые прежде амбиции, связанные с познанием мира, установлением его сущности и законов, наконец, с практическим освоением все новых и новых территорий, которые воспринимались как составные части единого целого. Первыми же, кто стал называть себя «гражданами мира», были киники. Представители этой философской школы, возникшей в IV в. до н. э., развивая этическую сторону учения Сократа, видели смысл жизни в достижении духовной свободы путем отказа от всех «излишеств» бренного мира: богатства, славы, чувственных удовольствий. В стремлении к независимости и личной свободе они проповедовали аскетизм, презрение ко всем общественным нормам и условностям, доходя порой до крайностей, как, например, знаменитый киник Диоген Синопский, избравший местом своего жительства бочку и ограничивший свои потребности элементарным минимумом.

Итак, появление философии стало первой в истории человечества попыткой осмыслить и систематизировать накопленные знания и опыт силой интеллекта. В то же время это был и способ рационального постижения действительности, в результате которого с неведомой прежде эффективностью вырабатывалось новое знание. Философия, таким образом, явилась третьей после мифа и религии исторической формой мировоззрения и стала важнейшим итогом интеллектуального развития человека, ярко проявившимся в период второго эпометаморфоза.

Тогда же наиболее четко проявилась потребность в осмыслении исторического процесса как единого целого, что породило плеяду великих историков Древнего мира, среди которых, несомненно, выделяются Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Тит Ливий, Тацит. Достаточно отчетливо обнаружилась, проступила для прозревшего сознания разница между природой естественной и рукотворной, нетронутой и возделанной, что не могло остаться незамеченным для сформировавшегося и окрепшего к IV—III вв. до н.э. философского взгляда и развившегося аналитического мышления.

Обобщая, с определенной долей условности можно сказать, что систематическое осмысление исторического процесса начинается с Античности, а первой категорией, введенной для описания содеянных человеком изменений (а позже и отличительных особенностей жизненного уклада различных народов, уровня их развития и т.п.), стала «культура». Как отмечает известный философ и культуролог М. С. Каган, «понятие “культура” родилось в Древнем Риме как оппозиция понятию “натура” — т.е. природа. Оно обозначало “обработанное”, “возделанное”, “искусственное”, в противоположность “естественному”, “первозданному”, “дикому”, и применялось прежде всего для различения растений, выращиваемых людьми, от дикорастущих. Со временем слово “культура” стало вбирать в себя все более широкий круг предметов, явлений, действий, общими свойствами которых были их сверхприродный, так сказать “противоестественный” характер, их человекотворное, а не божественное происхождение. Соответственно и сам человек в той мере, в какой он рассматривался как творец самого себя, как плод преобразования богоданного или природного материала, попадал в сферу культуры, и она приобрела смысл “образование”, “воспитание”»¹.

Итак, появление понятия «культура» стало закономерным этапом в осмыслении человеком своей истории и дало возможность отличить рукотворное от первозданного, человеческое от природного, духовное от инстинктивного. Таким образом, реализовалась возникшая потребность в осмыслении достижений человека в деле преобразования природы и приспособления ее для нужд человека. Вместе с тем различение природы и культуры стало и первым шагом на пути самосознания, самопознания и самооценки человечества. С введением этого термина мир для эллинов разделился на тех, кто живет в окультуренном мире, и варваров. Таким различием эллины уже закладывали основы цивилизационного подхода к осмыслению исторических процессов, хотя до появления самого термина «цивилизация» было еще далеко, ибо термин «культура» вполне охватывал весь спектр свершившихся к тому времени и попавших в поле зрения человека перемен. Никакой

¹ Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 10.

принципиальной надобности в введении еще какого-либо термина для характеристики социальных процессов на макроуровне тогда просто не возникало.

И все-таки в рамках культурологического подхода уже формировался подход цивилизационный — по аналогии с тем, как в рамках философии на протяжении почти 2 тыс. лет зарождались, формировались и развивались конкретные науки, пока окончательно не отделились от нее в Новое время. Так же как до выделения из философии наук практически все научные вопросы рассматривались в то же время и как философские, так и собственно цивилизационные элементы общественных отношений (государство, право, элементы гражданского общества и т. п.), зачатки которых можно обнаружить задолго до Античности, вполне охватывались этим емким термином «культура». Даже в более позднее время, в эпоху Возрождения, термин «культура» оставался вне конкуренции. Как отмечают И. Н. Ионов и В. М. Хачатурян, «именно потому, что гуманисты пытались сформулировать свои идеалы, опираясь на язык и ценности древности, само понятие “цивилизация” в это время и не могло сформироваться. Для его появления нужно было обрести дистанцию как по отношению к современной реальности, так и по отношению к прошлому опыту»¹.

* * *

То, что произошло в Древней Греции в середине I тысячелетия до н. э., многие исследователи называют чудом. Это удивление и восхищение произошедшим хорошо передают слова Б. Рассела: «Во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное возникновение цивилизации в Греции... Чего они достигли в искусстве и литературе, известно каждому, но то, что они сделали в чисто интеллектуальной области, является даже еще более исключительным. Они изобрели математику, науку и философию; на место простых летописей они впервые поставили историю; они свободно рассуждали о природе мира и целях жизни, не обремененные путями какого-либо ортодоксального учения. Происшедшее было настолько удивительным, что люди до самого последнего времени довольствовались изумлением и мистическими разговорами о греческом гении»².

Причины этого явления всегда занимали лучшие умы, и К. Поппер был одним из них. Он первый сделал предположение, что в основе греческой философии лежала «традиция критической дискуссии». А основанием для такого вывода стало сопоставление философских взглядов различных представителей милетской школы, в частности

¹ Ионов И. Н., Хачатурян В. М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002. С. 33.

² Рассел Б. История западной философии. Новосибирск. 1994. Т. 1. С. 21.

Фалеса и его ученика Анаксимандра, которые, придерживаясь принципиально разных взглядов на фундаментальные основы мироздания, сохраняли хорошие творческие отношения. Как отмечает К. Поппер, Фалес был первым учителем, который не только не навязывал ученикам своих взглядов, но и поощрял их к самостоятельному творчеству, даже если их взгляды противоречили позиции учителя. Такой подход был, конечно, не единственным в древнегреческой философии (достаточно вспомнить прямо противоположные взгляды представителей пифагорейской школы или софистов), но он все больше укреплялся в качестве основного принципа философии и достиг наивысшего развития в майевтике Сократа.

В стремлении отыскать причины появления «осевого времени» и опираясь на идеи К. Ясперса, Н. Ф. Овчинников уходит в сферу языка, полагая, что язык — это то общее, что объединяет различные культуры, составляющие единую ось мировой истории, и в этой связи делает вывод: «Я не знаю более ранних попыток обратить внимание на язык с целью найти объяснение факта “осевого времени”, чем та, что принадлежит тому же Ренану, — он усматривает корни удивительно высокого взлета теоретической мысли античных мудрецов в возможностях языка оперировать абстрактными понятиями»¹. И далее, подчеркивая некую общность, присущую почти всем современным языкам мира, а именно их алфавитную основу, он указывает на то, что алфавитный язык характеризуется аналитическим стилем мышления, который пришел на смену синтетическому, а его появление совпадает по времени с периодом, который К. Ясперс называет «осевым временем». «В “осевое время”, — говорит Н. Ф. Овчинников, — рождаются особенные концепции природы, возникают поиски истинных ее начал. У нас нет другого рационального объяснения истоков “осевого времени”, в котором, казалось бы, неожиданно рождаются новые, теоретические концепции относительно природы и самого человека, кроме указания на исторически несомненный факт пристального изучения особенностей языка»².

* * *

Дальнейший ход исторических событий с точки зрения формирующихся процессов глобализации представляет для нас наибольший интерес на рубеже I и II вв. н.э., когда наивысшего развития достигают крупнейшие империи того времени: Римская, захватившая все Средиземноморье; Парфянская, раскинувшаяся на Ближнем и Среднем Востоке; Кушанская, подчинившая своему влиянию Среднюю Азию

¹ Овчинников Н. Ф. Парменид — чудо античной мысли, и непреходящая идея инвариантов // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 87.

² Там же. С. 91.

и Индию; наконец, империя Хань, объединившая Китай и завоевавшая земли, примыкавшие к Великому шелковому пути, и южных гуннов. Тогда эти четыре империи охватывали фактически всю евразийскую ойкумену от Тихого океана на востоке до Атлантического океана на западе, включая еще и Северную Африку, а соединял их знаменитый международный транзитный торговый путь, функционировавший с конца II в. до н. э. до XVI в. н. э., пока более эффективные морские пути, ставшие результатом Великих географических открытий, не составили ему серьезную конкуренцию.

Этот оставшийся вплоть до эпохи Возрождения самым протяженным в истории человечества торговый коридор, получивший название Великий шелковый путь (потому что на Западе высоко ценился шелк из Китая), сыграл важную роль в расширении культурно-экономических связей между странами и народами, которые существенно отличались друг от друга по уровню развития экономики и культуры и никогда до этого не взаимодействовали на мирной и постоянной основе. С Востока этим путем везли пряности, шелк, бумагу, лак, слоновую кость, драгоценности; в обратном направлении — ремесленные изделия и другие товары, производившиеся на Западе. Как отмечает известный специалист по древнеиндийской цивилизации Г. М. Бонгард-Левин, «в первые века нашей эры усилились торговые связи Индии с Китаем, которые осуществлялись через Великий шелковый путь, а также морем. В Китай были направлены индийские посольства и буддистские миссии... Новый период связей Индии с Западом начался после похода Александра Македонского, когда греки непосредственно познакомились с Индией, ее населением, традициями этой страны. В кушанскую эпоху упрочились контакты Индии с Римом, туда с щедрыми дарами направлялись индийские посольства. Римляне установили свои фактории на юге страны. Влияние античного мира особенно было заметно в период создания индо-греческих государств в северо-западной Индии, а затем в кушанский период. Оно проявилось в искусстве (гандхарская скульптура), науке, философии. Некоторые астрологические трактаты первых веков нашей эры отразили знакомство индийских ученых с александрийскими астрономами»¹.

В дальнейшем, с распадом вышеупомянутых империй и по причине постоянных войн за контроль над высокодоходной караванной торговлей, Великий шелковый путь неоднократно менял маршрут, прокладывая новые безопасные пути в Европу через Закавказье и Константинополь или по северному побережью Каспия и Черного моря.

Еще одним торговым коридором, мостом, соединявшим Западную Европу с Византией, стал *торговый путь «из варяг в греки»*, проходивший через Киевскую Русь. А после завоевания Россией в 1552 г.

¹ Бонгард-Левин Г. М. Древняя Индия. История и культура. СПб., 2001. С. 274–275.

Казани и в 1556 г. Астрахани возникает торговый путь по Волге и Каспийскому морю, который примыкал к Великому шелковому пути и другим караванным торговым путям, что открывало возможности для торговли североευропейских территорий со странами Ближнего и Среднего Востока, Индией и Китаем.

Развитие межкультурных и торговых связей в Средние века проходило в значительной степени под влиянием Арабского халифата. Он поднялся на волне зарождавшегося тогда ислама и объединил в рамках единого государства уже к началу VIII в. огромное географическое пространство от Индии до Атлантики.

В XIII в. еще одна империя, созданная Чингисханом и его потомками на просторах от Дальнего Востока до границ с Западной Европой, стала гарантом поддержания международной торговли при посредстве Великого шелкового пути, который потерял свое значение, как уже упоминалось, после открытия европейцами морских путей в Америку, Индию, Китай и Юго-Восточную Азию, обеспечивших более выгодную торговлю.

§ 6. Начало реальной глобализации

Начальная стадия третьего эпометаморфоза включает три этапа:

- 1) Великие географические открытия (конец XV—XVI вв.);*
- 2) эпоха колонизации (XVI—XVII вв.);*
- 3) начало научно-технического прогресса (XVII—XVIII вв.).*

С точки зрения формирования человечества в качестве целостной общемировой системы особый интерес представляет историческая эпоха, охватывающая период с конца XV по XVIII в. включительно. Это было время, когда не только произошли Великие географические открытия, и мир пространственно (географически) «замкнулся», т. е. сформировалось единое географическое мировое пространство, а геоцентрические взгляды на мир уступили место гелиоцентрическим, но и когда наука, отделившись от философии, дала мощный импульс накоплению знаний и развитию техники, породив научно-технический прогресс и промышленную революцию, которые затем кардинально изменили преобразующие возможности человека и его отношение с окружающей средой. Все это в конечном счете привело к формированию принципиально нового взгляда на мир и места в нем человека, когда он, по выражению В. И. Вернадского, стал «мощной геологической силой» и в качестве таковой должен теперь взять на себя всю полноту ответственности за устойчивый характер развития и биологическое равновесие на планете.

Приступая к рассмотрению данного этапа всемирного исторического процесса, мы намеренно оставляем без специального внимания

почти тысячелетнюю историю Средневековья, где хотя и были крестовые походы — крупные военно-религиозные экспедиции европейских христиан на Ближний Восток, создавались, расцветали и приходили в упадок империи (Карла Великого, Танская, Сунская, Византийская, Священная Римская империя германской нации и др.) или, например, осуществлялись масштабные завоевания монголов под началом Чингисхана и его многочисленных последователей, тем не менее с точки зрения рассматриваемой нами глобализации не произошло ничего принципиально нового по сравнению с тем, что уже имело место к началу нашей эры. Конечно, тенденции становления целостного мира в целом укреплялись, но говорить об их реальном значении применительно к тому времени не так уж много оснований, ибо все это происходило в тех же, что и прежде — региональных (по масштабам планеты) пределах — от Тихого океана на востоке до Атлантического на западе и от Балтики, Урала и Байкала на севере до Сахары и Индийского океана на юге. Это хотя и очень большой, но все-таки лишь один из регионов планеты, а потому говорить о глобальном значении происходивших там событий и тем более о реальной глобализации применительно и к тому времени, и к тем событиям некорректно¹; тем более что ни европейцы, ни китайцы, ни все остальные представители этой ойкумены не имели никакого представления не только о реальном устройстве земного глобуса, но и о существовании других регионов на земном шаре, равно как и о проживающих там народах, вплоть до эпохи Великих географических открытий.

При этом можно отметить, что определенную интегративную роль в интернационализации общественной жизни и нарастании процессов глобализации в то время сыграло распространение христианства, буддизма и возникшего в VII в. ислама. Однако эти религии, не сливаясь, а по большей части блокируя друг друга, скорее укрепляли регионализм в зонах своего влияния, нежели вели к реальной глобализации, как то было характерно во все времена, например, для торговых отношений или научных связей. К тому же и они не выходили тогда за пределы указанного региона.

Итак, зримые истоки современной глобализации следует искать в эпоху Великих географических открытий и в Новое время, когда мировая история и мировоззрение людей совершили еще один поворот в своем развитии, который с полным основанием можно также назвать *эпометаморфозом*. Его специфика, однако, состоит в том, что в отличие от второго эпометаморфоза, зародившегося одновременно в трех независимых регионах мира — Греции, Индии, Китае, этот исторический

¹ Такие взгляды развивает, например, В. И. Пантин в книге «Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении». (М., 2003). См. также § 1 гл. V настоящей книги.

поворот берет начало в Европе, но по своим результатам и последствиям имел даже большее значение, чем первый, так как помимо воли и желания многочисленных народов охватил *мир в целом*. В первую очередь это относится к тому, что именно европейцы теоретически и практически окончательно доказали, что Земля имеет форму шара (глобуса) и наряду с другими планетами вращается вокруг Солнца, занимая вовсе не центральное место в Солнечной системе. Они же сформулировали принципиальные законы классической механики, укрепили еще заложенные в античной Греции основы критического мышления и развили естествознание, что дало им такую техническую и экономическую мощь, перед которой не могли устоять остальные народы открытого ими мира.

Наконец, европейцы впервые в истории человечества реально вышли на мировой уровень торговли и положили начало международным отношениям глобального масштаба в буквальном смысле этого слова, что обрело зримые очертания уже к началу XVII в. Именно тогда в Европе стали возникать первые транснациональные торговые компании, которые создавались при поддержке соответствующих государств и наделялись монопольным правом на торговлю — прежде всего с Индией и Америкой. Очень скоро их деятельность вышла далеко за рамки торговли, и они оказались вовлечены в процесс захвата и эксплуатации рабов, создание плантаций и поселений на захваченных территориях, наконец, стали основными проводником и колониальной политики, осуществляемой их государствами. Главными стимулами при этом выступали высокие доходы, которые приносили товары, вывозимые из многочисленных колоний, открытых в различных частях света. Из Индии, а также с островов Суматра, Борнео, Ява везли пряности, чай, кофе, рис, сахар, индиго, хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани. Большим спросом в Европе пользовались также китайский чай, фарфор, шелк, персидские ковры, золото, серебро, медь, алмазы, драгоценные камни из Индии, Северной и Южной Америки. Туда везли колонистов, рабов, миссионеров, предметы труда и быта и, как следствие, язык, верования, культуру.

Все это породило значительные миграционные процессы, так как колонисты, направлявшиеся на освоение новых территорий, были настолько технически оснащены и имели такое вооружение, что нередко казались местным аборигенам богами, спустившимся с небес. Это в значительной степени объясняет ту легкость, с которой незначительные отряды европейцев покоряли многочисленные страны и народы. Как правило, они вытесняли коренных жителей с традиционных мест обитания, а при оказании сопротивления уничтожали. Они же поставили на поток доставку чернокожих рабов из Африки в Америку, принципиально изменив ее этнический состав и демографическую ситуацию на целом континенте.

Так, с 1619 г., когда первые 20 африканских рабов прибыли в Виргинию на голландском корабле, ко времени Американской революции в 1776 г. их число достигло полумиллиона, а к моменту отмены рабства и окончания гражданской войны в 1865 г. число рабов в США превысило 4 млн человек. В середине XVII в. впервые появляется понятие «экспорт дешевой рабочей силы», а к началу XIX в. рабов из Африки в Америку перевозили уже более 6 тыс. кораблей. Между двумя основными центрами мировой экономики того времени — Европой и Азией — совершали торговые рейсы более 6,5 тыс. судов. Это дает основание сделать вывод, что географическая глобализация уже практически с первых этапов сопровождалась глобализацией экономической и отчасти культурной.

В течение XVI в. европейские торговцы освоили огромные территории, обосновавшись практически по всему миру. И хотя их влияние тогда распространялось, как правило, лишь на прибрежные зоны, к концу века они прочно обосновались в Западной и Восточной Африке, Индии, Китае, Таиланде, в Южной и Северной Америке, на Яве, Борнео, Суматре и других островах Тихого, Атлантического и Индийского океанов. Таким образом, именно тогда впервые в истории человечества были заложены все необходимые основания и созданы предпосылки для формирования единой глобальной экономической и политической системы, которая станет предметом специального анализа лишь во второй половине XX в., о чем еще будет специальный разговор.

Теперь же посмотрим на динамику завоевания европейцами мира, начавшегося с освоения его морского, островного и континентального пространства в том хронологическом порядке, как это происходило в реальности. При этом заметим, что до начала морских путешествий вокруг Африки вся торговля с богатыми землями Юго-Восточной Азии велась через арабские и европейские страны Средиземноморья. Португальцы были тогда в невыгодной экономической ситуации и в стремлении преодолеть свою зависимость от посредников в торговле с Востоком проявляли живой интерес к побережью Западной Африки с целью открытия морского пути, который позволил бы им попасть в Азию в обход арабских торговцев. Значительный импульс действовать в этом направлении Португалия получила после 1453 г., когда арабы завоевали Константинополь и окончательно заблокировали сухопутный путь в Индию. Все это стимулировало организацию морских походов на юг, которые долгое время оставались убыточными, во всяком случае до тех пор, пока не пошел стабильный поток товаров, а затем и работорговли.

Начало португальской экспансии относится к 1415 г., когда они завоевали марокканский центр торговли город Сеута, что открыло им беспрепятственный путь к исследованию западного побережья

Африки. С этого времени Лиссабон все активнее становился центром дальнего мореплавания и европейской торговли, а шаги по освоению новых морских путей приобретают все более настойчивый и решительный характер. Так, уже к 1420 г. португальцы открыли острова Порту-Санту и Мадейру в Восточной Атлантике в 500 км на северо-запад от берегов Африки, а португальский наследный принц Генрих Мореплаватель (1394–1460) основал в юго-западной части страны, на мысе Святого Винсента, первую мореходную школу, где стали готовить будущих мореплавателей. Там же была построена и обсерватория, чтобы капитаны кораблей имели возможность получать самое совершенное по тем временам мореходное образование. Эта школа стала также важным научным и административным центром, куда свозились отчеты об экспедициях, где составлялись морские и береговые карты, разрабатывались планы экспедиций, которые вывели Португалию на первое место в качестве морской державы и обеспечили ей почти на 100 лет превосходство в открытии новых территорий.

Отметим только самые важные открытия, сделанные португальцами в XV в., когда другие страны еще не предпринимали подобных попыток. Так, в 1434 г. португалец Ж. Эанниш, направленный в поход Генрихом Мореплавателем, впервые обогнул мыс Бохадор и тем самым открыл своим соотечественникам дорогу еще дальше на юг. В 1441 г. Н. Тристао достиг Белого мыса, а в 1445 г. он добрался уже до устья реки Сенегал. В 1455–1456 гг. венецианец А. Ка да Моста, находившийся на службе Португалии, исследовал берега Сенегала и Гамбии. В 1460 г. португальцы достигают Зеленого мыса, а в 1469 г. снаряжают экспедиции уже к берегам Гвинейского залива. В 1483 г. португалец Д. Кан достигает устья Заира и встречается с королем Конго, а Б. Диаш в 1488 г. впервые огибает мыс Доброй Надежды, после чего португальцам становится известным уже все западное побережье Африки и таким образом главное препятствие на пути в Индию оказывается преодоленным. Из-за шторма и непогоды, в которую попала экспедиция Б. Диаша, он назвал открытый им мыс мысом Бурь, но по возвращении домой король Дон Жуан переименовал его в мыс Доброй Надежды, полагая, что с его открытием надежда на достижение Индии морским путем станет реальностью. Косвенным подтверждением обоснованности таких надежд стало достижение Индии португальцем П. Ковельяно, который сделал это 2 годами позже, стартовав на севере Африки и проплыв через Красное море. Однако до заветной цели португальцев — открытия морского пути в Индию вокруг Африки — оставалось еще 8 лет.

Зная, что Земля имеет форму шара, европейские мореплаватели рассматривали и другую возможность добраться до Индии — не вокруг Африки, а плывя строго на запад. Генуэзец Х. Колумб почти 10 лет безуспешно убеждал в этом испанский и португальский

дворы, пока не добился в 1491 г. аудиенции у испанской королевы Изабеллы, у которой наконец получил разрешение снарядить экспедицию на запад. При этом он назначался адмиралом всех земель, которые будут открыты во время экспедиции, а также получал право на десятую часть ожидаемой прибыли. При определении маршрута своей экспедиции Х. Колумб пользовался картой, составленной его соотечественником П. Тосканелли, который полагал, что противоположная часть Азии находится на расстоянии около 5 тыс. морских миль от западной побережья Европы, что на самом деле оказалось более чем в два раза меньше реального расстояния. Сам же Х. Колумб на основании астрономических вычислений пришел к еще более ошибочному выводу и был убежден, что расстояние и того меньше — 3,5 тыс. морских миль. Таким образом, когда 3 августа 1492 г. он отправился в Индию из испанского порта Палос, взяв курс на запад, и 12 октября того же года увидел на горизонте землю — небольшой островок Багамского архипелага, то был уверен, что это один из японских островов. Совершив после этого еще три плавания, открыв Большие Антильские острова — Кубу и Гаити (прежнее название Эспаньола) — и дважды высаживаясь на континент, Х. Колумб до самой смерти в 1506 г. пребывал в полной уверенности, что он открыл новый путь в Азию.

Первым, кто высказал мысль о том, что земли, открытые Колумбом, — не часть Азии, а новый материк, был выходец из Флоренции А. Веспуччи, который в 1504 г. предложил именовать эти земли Новым Светом. В честь А. Веспуччи, который в начале XVI в. участвовал в нескольких испанских и португальских экспедициях к берегам Южной Америки, немецкий картограф М. Вальдземюллер на своей карте мира, составленной в 1507 г. и озаглавленной «Универсальная космография», назвал этот материк Америкой. Гениальная догадка А. Веспуччи была окончательно подтверждена первым кругосветным путешествием Ф. Магеллана лишь 15 лет спустя после того, как материк был назван его именем.

Открытия Х. Колумба вдохновили испанцев на организацию новых экспедиций и сделали их серьезными конкурентами португальцев, которые к тому времени и по опыту, и по количеству сделанных открытий были впереди испанцев. Уже через год после открытия Х. Колумбом островов Вест-Индии, как полагали испанцы, они потребовали подтверждения папой римским своего исключительного права на открытия в Новом Свете. В 1493 г. папа Александр VI разделил зоны влияния между Испанией и Португалией специальной буллой, в соответствии с которой проводилась демаркационная линия, проходившая по меридиану на расстоянии 555 км к западу от островов Зеленого мыса или Азорских островов. Испания получила права на все земли, лежащие к западу от этой линии, а Португалия — на земли к востоку

от нее. Однако решение папы не нашло поддержки у португальского короля Иоанна II. Начались длительные дипломатические переговоры, завершившиеся тем, что в 1494 г. в испанском городе Тордесильяс состоялась встреча представителей Испании и Португалии, где при посредничестве папы Александра VI, выступившего в роли третейского судьи, был заключен *Тордесильясский договор*, по которому испанцы и португальцы разделили Новый Свет на сферы влияния. В нем речь шла о политическом влиянии в Атлантике, «о разделе открытых там земель, о судьбе будущих открытий. Подписанный договор предусматривал следующее:

- мир делится на две половины; демаркационная линия проходит с севера на юг примерно в 370 милях западнее Азорских островов;
- Испания получает земли к западу от этой границы, Португалия — к востоку;
- открытия, сделанные одной из сторон на территории другой, передаются державе, владеющей данной частью мира;
- договор вступает в силу 20 июня 1494 г.»¹.

Для уточнения демаркационной линии был определен 10-месячный срок, в течение которого договорившиеся стороны должны были снарядить специальные судна, чтобы установить морскую границу между своими владениями. И хотя эта совместная экспедиция так никогда и не состоялась, значение упомянутого договора с точки зрения развертывания процесса глобализации, было весьма важным, так как *этот договор стал, по существу, первым международным правовым актом действительно глобального характера.*

Возраставшее влияние Испании, а также все более внушительные успехи испанских экспедиций, действовавших в западном направлении, подстегнули португальцев к еще более активным действиям в их поисках найти путь в Азию вокруг Африканского континента. Очередную и на этот раз успешную попытку португальцы предприняли в июле 1497 г., когда В. да Гама отправился в плавание вокруг Африки, намереваясь именно таким путем достичь Индии. Он обогнул уже известный португальцам мыс Доброй надежды и взял курс на север, плывя вдоль берегов Восточной Африки. В районе, где позже будет основан город Мозамбик, и севернее, в районе города Момбаса, он встретил арабских торговцев, к тому времени уже утвердившихся там, которые отнеслись к нему недружелюбно. Ему, однако, удалось договориться с арабским мореплавателем Ахмадом ибн Маджидом, чтобы он показал португальцам заветный путь, и 20 мая 1498 г. тот привел их корабли в Каликут, торговую метрополию на юго-западном берегу Индии, где первопроходцев приняли также с недоверием, особенно

¹ Харенберг Б. Хроника человечества. М., Слово, 2000. С. 374.

обосновавшиеся там арабские купцы. В итоге все закончилось хорошо: португальцы провели переговоры и, заключив несколько торговых сделок, отправились в обратный путь. В конце августа 1499 г. их корабли с товарами благополучно вернулись в Лиссабон, что открыло принципиально новую эпоху для европейской торговли и колониальных завоеваний в Юго-Восточной Азии. С тех пор Португалия стала играть доминирующую роль в Индийском океане, а вдоль западного побережья Индии появились торговые поселения, служившие также военными базами португальского флота. Португальские каравеллы были оснащены лучше арабских кораблей и использовались не только для перевозки товаров, но и в пиратских целях, что стало хорошей статьёй дохода.

Успехи португальцев побуждали все новых искателей приключений отправляться на поиск неизведанных территорий. При этом основное соперничество развернулось между испанцами и португальцами, которые за какие-то полтора десятка лет совершили целый каскад новых открытий и завоеваний.

Так, в 1499 г. испанец Х. Д. де Солис достигает берегов Гондураса, а португалец П. А. Кабрал в 1500 г. открывает Бразилию, названную им Землей Святого Креста, и объявляет ее владениями Португалии. В 1502 г. Х. Колумб предпринимает свое четвертое и последнее путешествие, тщетно пытаясь отыскать проход в Индию в Панамском перешейке. Португальцы же в 1505–1506 гг. проникают на Цейлон и открывают Мадагаскар. В 1508 г. испанцы Х. Д. де Солис и В. Я. Пинсон высаживаются на Юкатане, а португалец А. д'Альбукерк завоевывает в 1510 г. крепость Гоа на западном побережье Индии и создает таким образом первое колониальное поселение европейцев в этой стране. В 1511 г. испанцы начинают колонизацию Кубы и Пуэрто-Рико, а португальцы вторгаются на Яву и покоряют Малакки. В 1513 г. испанец Бальбоа пересекает Панамский перешеек и впервые таким путем достигает Тихого океана, а его соотечественник Х. Понсе де Леон в этом же году открывает берега Флориды.

Кульминацией этой череды открытий стала беспрецедентная акция, предпринятая португальцем Ф. Магелланом, находившимся в то время на службе у испанцев. Он в 1519 г. отправился в первое кругосветное путешествие,снарядив для этих целей пять кораблей и взяв с собой 265 человек. Направившись в сторону Южной Америки и пройдя вдоль ее берегов, суда Магеллана пересекли пролив, который затем получил его имя, и достигли Тихого океана. В 1521 г. Ф. Магеллан открыл Марианские острова и Филиппины, где был убит в стычке с туземцами. Дальнейшее руководство экспедицией принял на себя капитан Х. Себастьян де Элькано, который вернулся в Испанию в 1522 г. на единственном уцелевшем судне «Виктория» с 18 оставшимися в живых участниками экспедиции.

Это было *первое в истории человечества кругосветное плавание*, окончательно развеявшее все сомнения относительно того, что наша планета имеет форму шара. Так началась эра реальной глобализации, в которую, невзирая на договор о разделе всех новых земель между Испанией и Португалией, стали втягиваться также англичане, голландцы, французы. Они все настойчивее предпринимали попытки проникнуть в неисследованные области земного шара, пытаясь найти кратчайший северный путь в Китай и Индию и надеясь попасть туда, минуя уже хорошо известный маршрут вокруг мыса Доброй Надежды, где господствовали испанцы и португальцы. В итоге их устремления, направленные на исследование североамериканского побережья, положили начало колонизации Северной Америки.

Но испанцы и португальцы были еще на подъеме и за время, пока Ф. Магеллан совершал кругосветное путешествие, испанцы успели также высадиться на берег Юкатана, основать на Кубе город Гавану и начать завоевание Мексики. Португальцы тоже не теряли времени даром, достигнув в 1526 г. северного побережья Новой Гвинеи, а в 1530 г. начав колонизацию Бразилии. Испанцы ответили завоеванием Перу в 1531–1535 гг. Список португальских достижений пополнил Ф. М. Пинто, который в 1537 г. совершил путешествие от Эфиопии до Китая и Японии, где он пробыл 20 лет.

Первым значительным открытием, которое совершили конкуренты испанцев и португальцев, стало достижение в 1534 г. острова Ньюфаундленд французом Ж. Картье, который высадился на этом острове и объявил его владением французской короны. В 1535 г. он основал город Монреаль и с тех пор по праву считается основателем французских колоний в Северной Америке.

В дальнейшем, особенно с середины XVI в., европейцы предпринимали неоднократные попытки отыскать и другой — северо-восточный — морской путь в Китай вокруг Сибири. Однако все эти усилия оканчивались тем, что их корабли не могли пройти дальше входа в Карское море из-за сплошных льдов. Так, В. Баренц, отправившийся в 1594 г. по решению Генеральных штатов Нидерландов на поиски северо-восточного прохода из Атлантического океана в Тихий, вынужден был вернуться из Югорского пролива, забитого льдами. В 1596–1597 гг. состоялась его последняя экспедиция, во время которой он погиб на Новой Земле. В итоге подобные попытки пришлось прекратить, ограничившись исследованием доступных северных территорий.

В 1576 г., пытаясь найти морской путь к Китаю севернее от Америки, англичанин М. Фробишер вслед за скандинавами открывает Гренландию и плывет вдоль Лабрадора. Тремя годами позже его соотечественник Ф. Дрейк, совершивший в 1577–1580 гг. второе (после Ф. Магеллана) кругосветное плавание, исследует Американский континент с западной стороны, поднявшись вдоль тихоокеанского

берега до 42° северной широты. Еще один английский мореплаватель Дж. Дейвис в 1583 г. пересекает пролив между Гренландией и Баффиновой Землей, а в 1592 г. открывает Фолклендские (Мальвинские) острова.

В последующем будет открыто еще немало мелких и средних островов и даже выяснится, что существует неведомый прежде континент — Антарктида (Южный полюс будет впервые покорен норвежским полярником Р. Амундсеном лишь в 1911 г.; он же в 1903 г. совершил первую экспедицию и к Северному геомагнитному полюсу), однако *завершением эпохи Великих географических открытий* следует считать 1601 г., когда португальцы высадились на севере Австралии и стали первыми европейцами, добравшимися до последнего из обитаемых континентов.

В 1606 г. испанцы нашли пролив между Австралией и Новой Гвинеей, но, опасаясь конкурентов, более полувека держали эти сведения в тайне. И хотя голландец А. Я. Тасман в 1642 г. откроет Землю Ван-Димена (современная Тасмания), Новую Зеландию и австралийский континент, об открытии Австралии в Европе станет широко известно только в 1770 г., после того как на этот континент ступит английский мореплаватель Дж. Кук. И лишь в 1788 г. будет основано первое европейское поселение в Австралии — колония для осужденных Сидней.

Не оставалась в стороне и Россия, которая, не будучи морской державой, стремилась к расширению своих сухопутных территорий на восток. В 1582 г. казак Ермак, первый исследователь Сибири, разбил войска сибирского хана на берегах Иртыша, что положило начало присоединению к России огромной территории вплоть до берегов Тихого океана. В 1639 г. И. Москвитин достиг Охотского моря и первым из европейцев увидел с востока Тихий океан. В 1646 г. отряд В. Пояркова вышел к устью Амура, а к 1650 г. казаки подчинили местное население и обязали их платить дань Москве. В 1648 г. С. Дежнев проплыл от устья Колымы в Тихий океан, обогнув Чукотский полуостров и открыв пролив между Азией и Америкой. А в 1799 г. была создана Российско-американская компания для освоения русских владений в Северной Америке.

Выдающиеся географические открытия совершались европейцами и раньше. Например, скандинавский викинг Л. Эрикссон уже около 1000 г. достиг берегов Америки, а итальянский путешественник М. Поло в XIII в. посетил Индию и Китай, где прожил около 17 лет. Затем морским путем он вернулся в Италию и в 1298 г. написал «Книгу», ставшую одним из первых источников знаний европейцев о странах Центральной, Восточной и Южной Азии. И все-таки именно XV–XVI вв. стали эпохой Великих географических открытий, ибо в это время открытия носили не случайный, а закономерный характер и совершались целенаправленно, методично и со все возрастающими тем-

пами, пока не привели к окончательному открытию всех континентов и океанов, а следовательно, и к целостному, правильному представлению людей о строении поверхности планеты, на которой они живут.

Подводя краткие итоги важнейших достижений эпохи Великих географических открытий и рассматривая их с точки зрения понимания истоков современной глобализации, укажем, суммируя сказанное выше, на главные причины и побудительные мотивы, которые обусловили успех европейцев в их стремлении к новым открытиям.

Во-первых, экспедиции первооткрывателей организовывались и финансировались в основном правителями европейских государств и купцами, которые рассчитывали на прибыльную торговлю с богатыми землями Индии и Восточной Азии.

Во-вторых, Испания и Португалия, добивавшиеся политического и военного влияния в Европе и будучи в выгодном географическом положении (с точки зрения организации морских экспедиций), объективно стали крупнейшими морскими державами.

В-третьих, поиски морского пути в Индию, положившие начало Великим географическим открытиям, были вызваны в первую очередь экономическими причинами, так как до этого торговля с Индией и Юго-Восточной Азией велась преимущественно через арабских посредников. Желая установить прямые связи с Индией, европейские морские державы, и прежде всего Португалия, совершили множество экспедиций, которые не только расширили их представление о географии Земли, но и показали несомненную выгоду таких экспедиций, особенно после того, как большинство африканских государств попало в зависимость к белым колонизаторам. В итоге открытие португальцами морского пути в Индию и Юго-Восточную Азию, а также завоевание испанцами Америки перенесли центр европейской торговли с восточных сухопутных и водных путей Северного моря и Балтики на Пиренейский полуостров, значительно усилив могущество и влияние Испании и Португалии.

Наконец, поиски новых земель в определенной степени продолжали традицию крестовых походов и позднее оказались связаны с миссионерской деятельностью католической церкви, стремившейся распространить христианство по всему миру.

За всем этим крылись и объективные причины: развитие мореходного дела, расширение научных знаний в области навигации и картографии. Настоящий переворот в представлениях о мире был связан с установлением эмпирическим путем того, что Земля имеет форму шара. В год открытия Х. Колумбом Америки М. Бехайм из Нюрнберга создал первый глобус. Н. Коперник, Дж. Бруно и Г. Галилей доказали, что Земля вращается вокруг Солнца, что в корне противоречило геоцентрической концепции и христианскому учению о сотворении мира. Все это позволило голландскому ученому Г. Меркатору соста-

вить в 1569 г. *географические атласы*, в которых на основании сделанных к тому времени открытий были обозначены основные водные и земные пространства поверхности Земли, где *реальный облик нашей планеты в первые в истории человечества был изображен, по существу, адекватно, а сама она наконец предстала в своем реальном облике.*

* * *

Великие географические открытия XV–XVI вв. в корне изменили ход мировой истории и привели к резкому, небывалому расширению европейской политики. В итоге неимоверно раздвинулись пределы известного мира, а к различным противоречиям между европейскими странами прибавилось соперничество в борьбе за колонии. Тем самым было положено начало новым международным экономическим и политическим отношениям, взаимовлиянию различных культур и экспансии западноевропейских морских держав в различных районах «открытого» ими земного шара, что очень скоро привело к появлению первых в истории человечества колониальных империй (Испания, Португалии, Франции, Голландии, Британии), ставших важнейшими провозвестниками современной глобализации. Колонии явились и ее основным инструментом, осуществляя вначале колониальную политику создавших их государств, а затем все более преследуя собственные экономические интересы, очень скоро распространившиеся и на сферу политики.

Первыми на путь колониальной экспансии стали Испания и Португалия, которые уже в 1494 г. заключили Тордесильяский, а в 1529-м — Сарагосский договоры, закрепив таким образом сферы своего мирового влияния. За Испанией признавались все новооткрытые земли в Америке, кроме Бразилии, а также Филиппинские острова. Португалии достались Бразилия, земли вдоль побережья Африки, Индии и Юго-Восточной Азии. Во второй половине XVI в. Испания, где у власти с 1556 по 1598 г. находился Филипп II, претендует уже на единоличное мировое лидерство. Она расширяет свою экспансию в Южной Америке, и, за исключением Чили (там арауканы оказали серьезное сопротивление испанским завоевателям), на всех территориях своего владения образует колониальное управление с целью поиска золотых и серебряных месторождений, развития плантаций, заменяя сильно поредевших индейцев черными рабами. Хотя первых негров-рабов привезли еще в 1503 г., регулярное движение испанских галионов через Тихий океан было налажено испанцем А. де Урданетой только в 1565 г., когда стала набирать силу экономика колониальной империи.

Франция, Англия и Голландия, позже проявившие активность и явно отставшие от Испании и Португалии в деле открытия новых территорий, вплоть до начала XVII в. довольствовались в основном

отдельными экспедициями к тем берегам Нового Света, которые еще не были завоеваны испанцами и португальцами. И только после ослабления испанского и португальского господства на морях в конце XVI в. возникли благоприятные предпосылки для их стремительной экспансии на открытые территории и превращения этих государств в крупнейшие колониальные державы. Таким образом началось борьба за передел сфер влияния и колонии, которые стали неисчерпаемым источником обогащения европейских колонизаторов за счет беспощадной эксплуатации коренного населения.

Первыми, кто реально заложил основы стабильной мировой торговли, а также прочный фундамент колониальной политики, были англичане, которые в 1599 г. основали в Лондоне Ост-Индскую компанию, получившую от английского правительства монопольное право на торговлю в Восточной Индии. С 1601 г. эта компания стала посылать туда свои корабли и в целях повышения конкурентоспособности первой стала открывать свои филиалы сначала в городе Сурат, а затем в Мадрасе, Бомбее и Калькутте. Основными конкурентами англичан выступили голландцы, которые в ответ создали в 1602 г. свою Ост-Индскую компанию, возникшую в результате слияния нескольких торговых компаний, действовавших на территории Индии. Они развивали торговые отношения главным образом с Цейлоном и Индонезией, а впоследствии и с Японией, выстраивая, как и их основные конкуренты англичане, систему собственных представительств. Голландская компания получила широкие полномочия и наделялась монопольным правом торговли и основания поселений на территории Америки, на островах Тихого океана и побережье Западной Африки.

Английская и голландская Ост-Индские компании, по существу, стали первыми в мировой практике транснациональными торговыми структурами и послужили образцом, а в известной мере и стимулом для создания соответствующих товариществ во Франции, Дании, Австрии. Испанцы и португальцы были обеспокоены ростом влияния своих конкурентов и стремились помешать их активизации, запрещая заключение с ними сделок и не допуская их суда в порты, находящиеся в испанских владениях, что, однако, не могло сдержать набравшей обороты масштабной колонизации.

Так, в 1602 г. англичане основали свою первую постоянную колонию Джеймстаун в Виргинии, а француз С. Шамплейн в 1608 г. основывает Квебек, который становится центром французской колонизации Канады (Новая Франция). Наряду с колонизацией уже открытых территорий англичане и нидерландцы предпринимают попытки сделать новые открытия: в 1610 г. английский мореплаватель Г. Гудзон в поисках Северо-Западного прохода в Азию открывает залив, названный впоследствии его именем, а в 1616 г. нидерландец Ж. Ле Мэр доплыл до архипелага Тонга.

В августе 1619 г. англичане впервые доставили в Виргинию 20 негров-рабов, что стало началом рабовладения в английских колониях в Северной Америке. Но более важной вехой в освоении новых территорий стал 1620 г., когда английские поселенцы в составе 41 семьи, приплывшие на корабле «Мэйфлауэр», основали первое крупное и хорошо организованное поселение европейцев в Новой Англии — Плимут (Массачусетс). Еще на корабле они приняли устав будущей колонии, где устанавливалось равенство всех перед законом при добровольном подчинении каждого общине. Хотя колонисты и называли себя верными подданными английского короля, они, будучи в разногласии с англиканской церковью, совершили важный правовой акт, оставив за собой право принимать собственные законы и создавать свои органы управления.

Не отставали от англичан и голландцы, создавшие в 1621 г. в Амстердаме для торговли с Америкой Вест-Индскую компанию, которая затем купила остров Манхэттен и основала там в 1626 г. свою колонию Новый Амстердам, что лишь усилило напряжение между конкурентами. После образования Вест-Индской компании Голландия стала активно конкурировать с португальцами и испанцами, вытесняя их с захваченных ранее территорий. В 1648 г. по Вестфальскому договору демаркационная линия, до тех пор разделявшая сферы мирового господства Испании и Португалии, проводилась уже между Испанией и Голландией. Затем, во второй половине XVII в., в трех англо-голландских морских войнах голландцы уступят свое господство англичанам, принявшим в 1651 г. Навигационный акт, направленный против монополии голландцев на транзитную торговлю, благодаря которой те получили прозвище «морских возчиков». В 1652—1654 гг. начинается первая англо-голландская война, вызванная торговым и морским соперничеством между Англией и Соединенными провинциями.

Противоборство между основными колониальными державами все больше нарастало. И вот уже португальские колонисты изгоняют в 1654 г. голландцев из Бразилии, а голландцы в 1658 г. вытесняют португальцев с Цейлона (Шри-Ланки) и делают остров своей экономической колонией. В 1667 г. они отберут еще и Гвиану у англичан, а затем потеряют ее в 1677 г., воюя из-за нее с Францией, которая вдобавок отнимет у голландцев остров Горе (Сенегал). Здесь необходимо отметить, что успехам французов в колониальных войнах предшествовало учреждение ими в 1664 г. своей Ост-Индской компании. Так в истории глобальных отношений делались первые шаги по переделу уже поделенного мира, что через два с половиной столетия выльется в Первую, а затем и во Вторую мировую войну.

Важный шаг на пути к победе в острой конкурентной борьбе в освоении Нового Света сделали англичане, когда в 1670 г. учредили в Лондоне компанию для развития отношений с Америкой, которая

получила монопольное право на торговлю и добычу полезных ископаемых в районе Гудзонова залива (это нашло отражение в названии организации — «Компания Гудзонова залива»), а также основали в 1672 г. Королевскую африканскую компанию, специализировавшуюся на торговле черными рабами между Европой, Африкой и Америкой.

В 1690 г. на североамериканском континенте обострился конфликт между французами и англичанами за обладание Акадией и Ньюфаундлендом, что в конечном счете привело в 1697 г. к разделу территорий в Северной Америке, на Кубе и Гаити между Англией, Францией и Испанией. В XVIII в. Англия устранила с полуострова Индостан своих французских и голландских соперников, став безраздельной владичицей всего полуострова. Владения в Северной Америке, Карибском бассейне и колонизация Австралии после экспедиции Дж. Кука (1768—1779) сделали Англию крупнейшей мировой колониальной державой в истории человечества.

Суммируя общие итоги развития западноевропейского колониализма на стадии его становления, следует отметить, что он стал мощным рычагом развития мировой экономики. «Колонии обеспечивали накопление капитала в метрополиях, создавая для них новые рынки сбыта. В результате небывалого расширения торговли сложился мировой рынок; центр экономической жизни переместился из Средиземноморья в Атлантику. Портовые города Старого Света, такие как Лиссабон в Португалии, Севилья в Испании, Антверпен в Нидерландах превратились в мощные центры торговли. Антверпен стал богатейшим городом Европы, в котором благодаря установленному там режиму полной свободы сделок осуществлялись крупномасштабные международные торговые и кредитные операции»¹. Развитию торговли в значительной степени способствовало создание наряду с частными банками общественных банков, которые стали быстро распространяться по всей Европе, после того как сначала в Венеции в 1587 г., а затем в Амстердаме в 1609 г. открылись первые из таких банков. Их капиталы составлялись из вкладов, размеры которых не подлежали огласке, что делало их привлекательными для растущего слоя торговцев. Банки вели счета своих вкладчиков, принимали векселя, выдавали кредиты и обслуживали торговые операции, стимулируя расширение торговых связей и деловых отношений, а транснациональные компании и международная торговля, в свою очередь, стимулировали развитие капитала и его выхода за пределы национальных границ.

* * *

Наконец, третьей составляющей обсуждаемого эпохетаморфоза стало отделение науки от философии и формирование целостного

¹ Харенберг Б. Указ. соч. С. 490.

научного мировоззрения, в котором отразилась принципиально иная картина мира, где планета Земля была уже не плоской и не находилась в центре Вселенной, а являлась лишь, рядовой планетой Солнечной системы. Здесь речь идет уже не о процессах глобализации, а об истоках формирования глобалистики в качестве принципиально новой области знания.

Важнейшей вехой на этом пути стал труд Н. Коперника «Об обращениях небесных сфер», опубликованный в 1543 г., в котором содержалось изложение гелиоцентрической картины мира. Н. Коперник опирался на идеи Аристарха Самосского: древнегреческий астроном еще в III в. до н.э. сделал оставленное тогда без внимания предположение, что Земля вращается вокруг Солнца. Идеи Н. Коперника противоречили церковным канонам, построенным на геоцентризме, и хотя во избежание преследований со стороны церкви он посвятил свой труд папе Павлу III, в 1616 г. церковь наложила на эту работу запрет, который сохранял силу вплоть до 1828 г.

Фундаментальный вклад в формирование нового мировоззрения внесли также: Дж. Бруно, высказавший в 1584 г. идею о бесконечности Вселенной и о существовании других планетных систем; Г. Галилей, сконструировавший в 1609 г. зрительную трубу, с помощью которой стал наблюдать звездное небо; И. Кеплер, один из творцов астрономии Нового времени, написавший трактат «Новая астрономия», где впервые дал формулировку открытых им законов движения планет; французский ученый С. Мелан, составивший в 1636 г. первую карту Луны, а также И. Ньютон, издавший в 1687 г. свой знаменитый труд «Математические начала натуральной философии», где был изложен закон всемирного тяготения, а также разработано интегральное исчисление. Наконец, в ряду великих открытий, которые заложили основы научных представлений о происхождении и развитии нашей планеты, а следовательно, и основы современной глобалистики, следует особо выделить работы П. С. Лапласа, в частности «Трактат о небесной механике (динамика Солнечной системы в целом и ее устойчивость)», опубликованный в 1773 г., а также «Описание системы мира», где он в 1796 г. выдвинул гипотезу, согласно которой Солнечная система образовалась при конденсации вращающейся туманности.

Величайшее значение для формирования нового взгляда на мир и развития естествознания имело также появление в наиболее развитых странах Европы академических организаций, которые, в свою очередь, явились закономерным итогом развития науки и возрастания к ней интереса со стороны государства и общества. Первая из таких организаций появилась в Англии, где в 1660 г. было основано Лондонское королевское общество. В 1666 г. французы учредили в Париже Академию наук, в 1700 г. была основана Берлинская королевская ака-

демия наук, а в 1725 г. состоялось открытие Академии наук и в Санкт-Петербурге.

Учреждение академий наук в ведущих европейских государствах в значительной степени способствовало тому, что XVIII в. в Европе стал веком Просвещения, основными представителями которого были: Дж. Локк в Англии, Ш. Монтескье, Ф. Вольтер, Ж. Ж. Руссо и энциклопедисты во Франции, И. Кант и Г. Э. Лессинг в Германии. *Вера в человеческий разум заставила отказаться от отживших интеллектуальных и нравственных догм и провозгласить свободу, терпимость, толерантность в межличностных и межгосударственных отношениях, что существенно подняло уровень цивилизованности общества и инициировало разговор о цивилизации.*

Конечно, история не свершается в сослагательном наклонении, но если провести мысленный эксперимент и представить, что в Европе не произошли бы те фундаментальные преобразования, которые свершились в XV–XVIII вв., а еще лучше, если представить, что Европы просто не существовало никогда, то мир сегодня был бы совершенно другим. Во всяком случае, в научно-техническом отношении мы были бы сегодня на принципиально ином уровне. Не было бы не только ядерного оружия или полетов в космос, но и авиации, автомобилей, электронных средств связи и многого другого, без чего жизнь современного человека трудно себе представить.

Итак, в период третьего эпиметаморфоза происходит *осознание феномена цивилизации* и объективно зарождаются еще не очевидные и пока не осознаваемые *процессы глобализации*, в основе которых оказался научно-технический прогресс, принципиально изменивший взаимоотношения природы и общества. Природа стала средством для достижения человеком своих корыстных целей, что довольно быстро высветило принципиально новые проблемы, в том числе нравственного характера, как, например, проблему влияния научно-технического прогресса на состояние общественных устоев. В этой связи термин «культура», получивший — особенно после эпохи Возрождения — широкое распространение, оказался уже недостаточным для адекватного описания сложных социальных конструкций, сформировавшихся к тому времени. В итоге возникла настоятельная потребность в другом термине, который дал бы возможность отразить новую реальность. Термин «цивилизация» как раз и стал таковым, а его появление, по справедливому замечанию И. Н. Ионова и В. М. Хачатуряна, было обусловлено потребностью в новых, светских основаниях для восприятия истории. Даже в эпоху Великих географических открытий без этого термина вполне обходились, «потому что гуманисты, — как отмечают упомянутые авторы, — пытались сформулировать свои идеалы, опираясь на язык и ценности древности, и само понятие «цивилизация» в это время не могло сформироваться. Для его появления нужно было

обрести дистанцию как по отношению к современной реальности, так и по отношению к прошлому опыту¹.

По происхождению термин «цивилизация» восходит к латинским словам *civilis* (гражданский, государственный), *civitas* (гражданское общество, государство, город) и акцентирует внимание на специфическом влиянии на человека городских условий жизни и государственного устройства. Это иной ракурс видения общественной жизни, нежели с позиции культуры, когда на первое место выступает уже не традиция, а новация, не этика, а право, не материальные предметы сами по себе, в их эстетическом восприятии, а технические достижения и технологии.

Появление термина «цивилизация» позволило более основательно, «объемно» посмотреть на общественное устройство и исторический процесс, так как дало возможность увидеть их в пространстве и времени, в динамике социальных отношений и в условиях различных форм собственности. Пока не свершились Великие географические открытия, не началась промышленная революция, наконец, пока не получили достаточного развития и не вышли на первый план капиталистические отношения, столь острой потребности в термине «цивилизация» не возникало. Теперь же он стал объективно необходим, поскольку усложнившаяся социальная реальность потребовала и усложнения языка для ее описания. Термины «культура» и «цивилизация» оказались тесно связанными, поскольку они отражают и описывают одну и ту же социальную реальность, только с разных сторон. Другими словами, у них общий предмет, но разные, хотя и взаимосвязанные объекты.

При этом понятие «культура» выражает состояние, тогда как термин «цивилизация» акцентирует внимание на процессах. Культура, таким образом, есть внутренняя характеристика общества, а цивилизация — форма, внешнее обрамление культуры, характеризующее общество с точки зрения форм его управления, связей и отношений.

Введение нового термина «цивилизация», тесно связанного с понятием «культура», позволило более глубоко и содержательно описывать значительно усложнившуюся к тому времени реальность.

Еще большая потребность в синтетическом видении общественного развития стала ощущаться позже, когда все отчетливее стали обнаруживаться процессы глобализации. И так же, как в свое время в недрах понятия «культура» вызревало понятие «цивилизация», так и в Новое время, теперь уже в нем (в понятии «цивилизация») создавались предпосылки для появления термина «глобализация», которым сегодня обозначают процессы, реально начавшиеся, как уже отмеча-

¹ Ионов И. Н., Хачатурян В. М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002. С. 33.

лось, с коперниковского переворота в науке и Великих географических открытий. Реально же глобализация проявилась и стала не только предметом теоретического анализа, но и объектом массового сознания на исходе XX столетия, когда человечество вступило в следующий этап своего развития, где проявились признаки очередного — четвертого — эпометаморфоза. Но до этого была еще завершающая стадия третьего эпометаморфоза, в течение которого свершилась фундаментальная глобализация.

§ 7. Фундаментальная глобализация

Заключительная стадия третьего эпометаморфоза охватывает временной интервал с XIX в., когда обнаруживаются первые признаки фундаментальной глобализации, до середины XX в., когда началась «холодная война».

Если на начальной стадии третьего эпометаморфоза мир замкнулся *географически*, то на его заключительной стадии он замкнулся *экономически*, а затем и *политически*.

Экономически мир стал глобальным, как только сформировался мировой рынок, важнейшими отличительными свойствами и атрибутами которого на первых этапах его развития были вывоз капитала и образование транснациональных компаний. *Политически* же он окончательно «замкнулся» в период между началом Первой и окончанием Второй мировой войны. Именно тогда, если использовать известное высказывание К. фон Клаузевица — «война есть продолжение политики, только другими средствами» — в политические отношения вступили, по существу, все страны мира, и эти отношения были дополнены и усилены образованием беспрецедентного количества международных общественных и государственных организаций. Вершиной этого процесса стало образование в конце Второй мировой войны Организации Объединенных Наций.

Конечно, все эти аспекты глобализации (географический, экономический, политический) тесно взаимосвязаны и всегда шли параллельно, взаимообуславливая и взаимодополняя друг друга. Однако во времени они оформились не одновременно. Так, если географическая целостность мира в основном была установлена уже к концу XVI в., то экономическое единство — только к концу XIX — началу XX в., а политическое — с небольшим отставанием от экономического — в первой половине XX в.

Таким образом, можно сказать, что *заключительная стадия третьего эпометаморфоза* приходится на период с XIX в. до середины XX в. и характеризуется тем, что мир практически во всех аспектах окончательно оформился как единое целое, т.е. стал сформировавшейся системой, а человечество — в полном смысле этого слова *глобальным*.

Другими словами, мир человека стал единым организмом, субъектом действия, способным в качестве «геологической силы» взаимодействовать с био- и геосферой, а также впервые в истории получил реальную возможность осуществления суицида — полного уничтожения человеческого рода на планете.

Итак, осязаемыми контурами глобального мира, его реальным лицом стали организации, структуры и события, появление которых почти целиком относится к первой половине XX в. Важнейшими из них являются: *становление мировой экономики, появление множества международных организаций, развязывание Первой мировой войны, образование Лиги Наций, беспрецедентная битва народов во Второй мировой войне, появление ядерного оружия, создание Организации Объединенных Наций, начало третьей мировой («холодной») войны.*

* * *

Становление мировой экономики. Реальные основания для формирования мировой экономической системы возникли практически сразу после Великих географических открытий, но процесс этот растянулся почти на 300 лет, пока экономические, финансовые и торговые связи действительно не опутали всю планету, практически не оставив отдельным странам и народам альтернативы их вовлечению в единое мировое хозяйство. Важнейшим средством такой интеграции, а также импульсом и побудительным мотивом к формированию и укреплению международных связей во все времена, начиная с глубокой древности, была торговля, которая с эпохи Великих географических открытий «замыкается» в масштабах планеты практически одновременно с географической глобализацией и дальше развивается уже не экстенсивно, а интенсивно, во многом определяя характер и суть глобальной экономики.

Главной отличительной чертой такой экономики уже к началу XX в. стали транснациональные компании, международные корпорации и финансовые институты, и потому анализ условий их появления и развития представляет особый интерес с точки зрения становления мировых хозяйственных связей.

Прообразами современных транснациональных корпораций, которые густой сетью своих филиалов буквально связали мир экономически, стали торговые и колониальные организации, возникшие в самом начале XVII в., а первыми из них, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, были Ост-Индские и Вест-Индские компании. Именно они стали провозвестниками и основными проводниками экономической глобализации и положили начало движению во всемирном масштабе сначала товаров, сырьевых и трудовых ресурсов, а затем, по мере развития капиталистических отношений и финансовых капиталов, технологий, услуг, продуктов массовой культуры и т. п.

При этом с самого начала обнаружился неравномерный характер международного экономического развития, где определяющую роль изначально играли наиболее экономически развитые и экспансионистски настроенные страны, а затем специализировавшиеся в тех или иных областях экономики международные компании, которые стремились стать в этих сферах монополистами. Постепенно данная проблема актуализировалась для мира в целом и к началу XX в. стала столь очевидной, что привлекла внимание значительного числа исследователей в различных странах. Именно тогда появились первые специальные исследования и теоретические работы сначала сугубо экономического, а затем и политического содержания, где давались оценки новым явлениям и тенденциям в экономике и где впервые стали употребляться такие ключевые (с точки зрения нашего исследования) слова, как «монополии», «всемирный рынок», «всемирное хозяйство».

Уже сами названия этих работ и частота их появления показывают далеко не случайный характер таких оценок, что хорошо видно из наиболее характерных изданий того времени: Дрио Ж.-Э. «Политические и социальные проблемы в конце XIX века» (1900); Моррис Г. К. «История колонизации» (1900); Гобсон Дж. А. «Империализм» (1902); Чиршки З. «Картель и трест» (1903); Патуйе Ж. «Американский империализм» (1904); Сапун А. «Территориальное развитие европейских колоний» (1906); Леви Г. «Монополии, картели и тресты» (1909); Диурич Ж. «Экспансия немецких банков за границей, ее связь с экономическим развитием Германии» (1909); Лифман Р. «Картели и тресты и дальнейшее развитие народнохозяйственной организации» (1910); Кестнер Ф. «Принуждение к организации. Исследование о борьбе между картелями и посторонними» (1912); Хармс Б. «Проблемы всемирного хозяйства» (1912); Шильдер З. «Тенденции развития всемирного хозяйства» (1912); Тафель П. «Североамериканские тресты и их влияние на прогресс техники» (1913); Агад Е. «Крупные банки и всемирный рынок. Экономическое и политическое значение крупных банков на всемирном рынке с точки зрения их влияния на народное хозяйство России и германо-русские отношения» (1914).

В отмеченных работах содержался глубокий анализ экономических и политических перемен, произошедших на рубеже XIX и XX вв., и было показано, что в это время практически закончился экономический раздел мира, в результате чего возникли серьезные международные напряжения принципиально нового характера, вытекавшие из все возрастающей взаимозависимости различных стран и народов. То, что мир все больше становился экономически взаимосвязанным и проявлял себя как единое целое, хорошо показали всемирные выставки, первая из которых открылась в 1851 г. в Лондоне. В ней тогда приняли участие многие страны и народы, впервые получившие воз-

можность показать свои достижения в области культуры и техники. Инициатором выставки был супруг королевы Виктории принц Альберт, который полагал, что выставка должна не только продемонстрировать достижения технического прогресса и послужить коммерческим интересам, но и помочь людям осознать реальности индустриальной цивилизации. Еще большее значение для понимания взаимосвязи и целостности мира имела Вторая Всемирная выставка, открывшаяся в 1889 г. в Париже, главными экспонатами которой стали Эйфелева башня и павильон машиностроения 400-метровой длины, где побывало около 25 млн посетителей.

Однако тесная, не существовавшая прежде взаимозависимость различных стран и народов проявилась не только в позитивных тенденциях интеграции различных национальных экономик, но и в негативных последствиях, которыми сопровождалась эта интеграция. Так, уже в 1825 г. имел место промышленный кризис в ряде европейских стран, но, по существу, первый мировой экономический кризис разразился в 1857 г. Он охватил экономику передовых стран Европы и Америки, которые к тому времени по ряду позиций уже стали составными частями нарождавшейся мировой экономической системы. Началом, побудительным толчком этого объективно назревшего системного кризиса стало перепроизводство пшеницы, которое вызвало резкое понижение цен на Нью-Йоркской бирже. Цены упали также в Британии и в других странах Европы. Лишь в Гамбурге крупные импортные фирмы избежали банкротства благодаря 10-миллионному займу, предоставленному Австрией. «В государствах — членах Германского таможенного союза падение цен ударило прежде всего по текстильной промышленности, которая из-за начала широкого применения машин понесла тяжелые убытки. В результате краха крупной страховой компании в США сложилась критическая ситуация. На бирже возникла паника, и в результате спекулятивной игры акции железных дорог и складных земельных участков резко обесценились»¹.

В 1873—1895 гг. в Европе и за океаном разразился второй, еще более глубокий мировой экономический кризис, уже в самом начале разоривший огромное количество предприятий в Германии, США, Великобритании, Австрии. Он также стал результатом глобализации экономических отношений и начался с того, что Германия получила 4 млрд марок от Франции в качестве компенсации за ущерб после выигранной ею войны в 1871 г. В результате началось небывалое оживление на Берлинской бирже, а по всей Германии множество людей занялись куплей-продажей акций, что создало благоприятные условия для искусственного завышения их курсов биржевыми спекулянтами. При этом слишком большие и несбалансированные инвестиции

¹ Харенберг Б. Указ. соч. С. 741.

в экономику породили перепроизводство, которое намного опередило спрос и вызвало кризис сбыта. Многие предприятия обанкротились, и тяжелейший финансово-экономический кризис охватил всю Германию. В Англии депрессия затронула сталелитейную промышленность, машиностроение, сельское хозяйство, а упавший во всей Европе спрос на американские экспортные товары обострил кризисные тенденции и в США.

На этом фоне в 80-е гг. XIX в. наблюдался интенсивный рост эмиграции за океан, в основе которой лежали не только экономические, но и политические, религиозные мотивы. Возросшие эмиграционные потоки способствовали развитию транспортных средств, в частности железнодорожного сообщения и мореходства, что, в свою очередь, еще больше увеличило интенсивность эмиграции. В итоге за время с 1820 г. до окончания Первой мировой войны в Новый Свет переселилось около 60 млн европейцев, из них 60% — в Соединенные Штаты. Интенсивная эмиграция шла и в других регионах, в частности в пределах самой Европы, что стало, по сути, «великим переселением народов».

Другим важным фактором развития транспортных средств и усиления международной коммуникации послужило развитие нефтяной промышленности, которая начала быстро развиваться со второй половины XIX в. из-за возраставшего спроса на нефть. Динамику ускоренного развития этой отрасли экономики хорошо иллюстрирует рост добычи нефти после начала ее промышленного освоения. Так, если в 1860 г. во всем мире нефти было добыто только 72 тыс. т, то к 1900 г. эта цифра выросла до 20,5 млн т. К началу Первой мировой войны во всем мире добывалось уже около 57 млн т, к 1935 г. — до 286 млн т, а к моменту окончания Второй мировой войны, где техника играла решающую роль — уже около 430 млн т нефти¹. Показателен пример с известным американским промышленником Дж. Рокфеллером, который уже в 1863 г. построил свой первый нефтеперерабатывающий завод близ Кливленда, ставший через 10 лет крупнейшим предприятием региона. К этому времени Дж. Рокфеллер выкупил уже 34 конкурирующих завода; в 1882 г. он создал трест Standard Oil, объединивший 40 нефтедобывающих акционерных обществ, а к концу XIX в. компания монополизировала перегонку, переработку и продажу нефти и нефтепродуктов в Северной Америке. Еще через 20 лет Standard Oil вышла на второе место среди крупнейших монополистических групп США.

В дальнейшем нефтяные компании стали важнейшей составляющей экономики фактически всех стран, а крупнейшие из них неизменно входят число ведущих корпораций мира. При этом энергетические и сырьевые ресурсы, где нефть уже более 100 лет играет ведущую роль, перманентно становились предметом разногласия и столкновения

¹ См.: Нефть и газ. Мировая история. М., 2004.

различных интересов, порождая не только экономические и политические кризисы, но и вооруженные конфликты, не раз перераставшие в масштабные военные столкновения и даже войны. Как отмечает И. И. Мазур, «нефть в XX веке стала не только ведущим энергоносителем, но и важнейшим геополитическим фактором развития мировой экономики. История нефтяной индустрии — это история постоянного противостояния, конкуренции, а также борьбы за сферы влияния»¹.

Одним из первых, кто указал на политический аспект неравномерного международного экономического развития, был В. И. Ленин, который в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма», анализируя именно эту составляющую экономической глобализации, в 1916 г. писал: «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового одушения горстью “передовых” стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой “добычи” происходит между 2–3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за дележа *своей* добычи всю землю»². Аргументов для обоснования такой точки зрения к тому времени было уже вполне достаточно. Например, американский писатель Г. К. Моррис в своей книге «История колонизации» наглядно показал, что основная часть колониальных захватов, например для Англии, пришлось на 1860–1900 гг. и особенно на последние 20 лет этого периода. Для Франции и Германии последние 20 лет XIX в. также стали основным временем колониальных захватов, что сопровождалось резким усилением борьбы за контроль над все новыми территориями.

Эти выводы подтверждались работами многих исследователей того времени. В частности, английский экономист Дж. А. Гобсон, один из первых идеологов «теории мирового государства», в работе «Империализм» особо выделил эпоху с 1884 по 1900 г., когда шло усиленное расширение колониальных территорий главных европейских государств. По его данным, Англия приобрела тогда 3,7 млн кв. миль с населением в 57 млн человек; Франция — 3,6 млн кв. миль с населением в 36,5 млн человек; Германия — 1,0 млн кв. миль с населением в 14,7 млн человек; Бельгия — 900 тыс. кв. миль с населением в 30 млн человек; Португалия — 800 тыс. кв. миль с населением в 9 млн человек. Также и в книге географа А. Сапуна «Территориальное развитие европейских колоний» обращалось внимание на то, что к 1876 г. в Америке и Австралии практически не осталось свободных от колониальной зависимости территорий, а к 1900 г. их не осталось практически во всем мире. Например, в Африке к этому времени доля таких территорий увеличилась с 10,8% до 90,4%, в Полинезии — с 56,8% до

¹ Мазур И. И. Энергия будущего // Нефть, газ, строительство. 2004. № 12. С. 9.

² Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС. Т. 27. С. 305.

98,9%, а в Азии — с 51,5% до 56,6%, что дало основание французскому историку Ж.-Э. Дрио еще в 1900 г. в работе «Политические и социальные проблемы в конце XIX века» сделать весьма интересные, с точки зрения нашего исследования выводы. В частности, он не только одним из первых дал убедительное объяснение тому, почему именно последние два десятилетия XIX в. стали самыми важными в колониальном разделе мира, но и, по существу, за полтора десятилетия до начала Первой мировой войны предсказал неизбежность ее наступления. «В течение последних лет все свободные места на земле, за исключением Китая, заняты державами Европы и Северной Америки, — писал он в своей книге. — На этой почве произошло уже несколько конфликтов и перемещений влияния, являющихся предвестниками более ужасных взрывов в близком будущем (выделено мной. — А. Ч.). Ибо приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рискуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплуатации земли, которая будет одним из существеннейших факторов следующего (т.е. XX) века. Вот почему вся Европа и Америка были охвачены в последнее время лихорадкой колониальных расширений, “империализма”, который является самой замечательной характерной чертой конца XIX века»¹.

Анализируя упомянутые выше работы, В. И. Ленин отметил тот факт, что к началу XX в. закончился первый в истории человечества территориальный раздел мира, и пришел к выводу, что «характеристичной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли. Окончательный не в том смысле, чтобы невозможен был *перердел*, — напротив, *переделы* возможны и неизбежны, — а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран *закончила* захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоят *лишь* *переделы*, т.е. переход от одного “владельца” к другому, а не от бесхозяйности к “хозяйину”»². При этом он обратил внимание на принципиальную разницу между предыдущими формами колонизации, которые имели место уже в Древнем Риме или на ранних стадиях развития капитализма и колонизацией эпохи империализма, когда на первый план вышли финансово-экономические причины в борьбе за приобретение колоний.

Подчеркивая мировой характер новых тенденций, он выделяет пять основных признаков империализма: «1) концентрация производства и капитала, дошедшая до такой высокой ступени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание на

¹ Цит. по: Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС. Т. 27. С. 384.

² Там же. С. 374.

базе этого “финансового капитала” финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»¹.

Следует заметить, что эти выводы делались не только на основании теоретических расчетов, но и с учетом реальных событий, происходивших, когда писалась книга. К тому времени уже закончилась целая серия локальных и региональных войн: Японо-китайская (1894–1895); Греко-турецкая (1897); Испано-американская (1898) и Англо-бурская (1899–1902) колониальные войны; Русско-японская (1904–1905); Первая мировая война была как раз в самом разгаре, и ее сущность — борьба за передел мира — в целом уже хорошо просматривалась. При этом дело не сводилось к переделу только территорий или сфер экономического влияния. К тому времени глобализация так или иначе затронула уже практически все сферы общественной жизни, столкнув между собой связанные воедино экономические, финансовые, политические, идеологические интересы противоборствующих сторон. В этой связи В. И. Ленин, в частности, писал: «Необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»².

Наглядным примером такой ситуации стали отношения, сложившиеся вокруг Панамского канала, открывшегося 15 августа 1914 г. и соединившего Атлантический и Тихий океаны. Он имел большое экономическое значение, так как существенно сокращал расстояния торговых путей в мировом океане, но еще более важным было его военное и политическое значение. США, в наибольшей степени заинтересованные в осуществлении контроля над этим стратегически важным объектом и имевшие экономическое и военное преимущество в данном регионе, еще в 1903 г. потребовали от Панамы отделения от Колумбии, что та и сделала, провозгласив свою независимость. В том же 1903 г. был заключен американо-панамский договор, в соответствии с которым зона канала отдавалась в аренду США.

Итак, к началу Первой мировой войны стало очевидным, что последние из оставшихся независимыми территории были окончатель-

¹ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС. Т. 27. С. 386, 387.

² Там же. С. 382–383.

но поделены между основными колониальными державами и в экономическом отношении почти весь мир стал ареной острой борьбы и раздела сфер влияния между наиболее сильными государствами и крупными монополиями.

Появление мировой финансовой системы. Рост монополий и расширение торгово-экономических связей были тесно связаны с ростом банковского капитала и с усилением роли банков и финансовых институтов, ибо между ними существует непосредственная взаимозависимость, а именно, образно говоря, деньги — это «кровь экономики», а финансовая система — это ее «кровеносная система». Объективный ход таких событий хорошо понимали уже современники эпохи накопления первоначального капитала. Так, немецкий экономист А. Лансбург в статье «Банк с 300 миллионами» в 1914 г. писал: «Тесные связи между отдельными банками естественно ведут также к сближению между синдикатами промышленников, которым покровительствуют эти банки... В один прекрасный день мы проснемся, и перед нашими изумленными глазами окажутся одни только тресты; перед нами будет стоять необходимость заменить частные монополии государственными монополиями. И тем не менее нам, в сущности, не за что упрекнуть себя кроме как за то, что мы предоставили развитию вещей свободный ход, немного ускоренный акцией»¹. За очень короткое время финансовый капитал раскинул свои сети практически на все страны мира, и важную роль при этом играли банки и их отделения, учрежденные в колониях. Так, в 1904 г. Англия имела 50 колониальных банков и 2279 отделений; Франция — 20 банков с 136 отделениями; Голландия — 16 с 68 отделениями; Германия — 13 с 70 отделениями. К 1910 г. Англия увеличила количество колониальных банков уже до 72, при этом количество отделений увеличилось до 5449; а к 1913 г. уже треть британских капиталов была размещена в заморских территориях.

Все это было, с одной стороны, результатом активно развивавшихся торговых отношений, а с другой — стимулировало рост таких отношений, что имело не только положительные, но и отрицательные последствия. В частности, бурное развитие торговли и средств сообщения в XIX в. приобрели такой масштаб, что это способствовало не только гораздо более быстрому, чем прежде, но и межконтинентальному (чего никогда не было) распространению эпидемий. Например, если эпидемия чумы, охватившая Рим в 79 г. н. э., не представляла большой угрозы для Европы, то около 543 г. она распространяется по ней из Марселя уже весьма активно, а в 1350 г. и вовсе уносит почти треть населения Европы, в то время как другие континенты, практически не связанные с ней, оставались вне опасности. Однако к середине XIX в. связи и контакты между странами и континентами

¹ *Lansburgh A. Die Bank mit den 300 Millionen // Die Bank. 1914. 1. S. 426.*

настолько укрепились, что вспышка холеры в Индии через Ближний Восток и Малую Азию легко распространилась на Европу и Америку, и только в Лондоне унесла 20 тыс. человеческих жизней.

Появление международных организаций. Современный глобальный рынок сегодня — это уже не только промышленные предприятия, корпорации, финансы и капиталы, но и рынок рабочей силы, услуг, туризма, лицензий, инноваций и т.п. Он складывался, да и теперь трансформируется под непосредственным влиянием международных организаций, появление которых относится ко второй половине XIX в., к эпохе, которая ознаменовалась не только индустриализацией, но и становлением национальных государств в Европе и Латинской Америке, что принципиально изменило облик Старого и Нового Света. С этого времени впервые в истории не привилегированные, а широкие слои населения, нация в целом выступили в качестве верховного носителя национальной воли и проведения национально ориентированной политики. Становление национальных государств шло под непосредственным влиянием идей свободы, равенства, братства, которые провозгласила Великая французская революция 1789 г., а также Американская декларация независимости, ставшая ориентиром для написания в XIX в. политических программ и конституций во многих европейских странах.

Характерным примером роста национального самосознания в XIX в. является зародившееся тогда сионистское движение. Его целью было создание благоприятных условий для основания еврейского государства в Палестине. Реализации этой цели в значительной степени способствовал первый Сионистский конгресс, состоявшийся в 1897 г. в Базеле и собравший делегатов со всего мира. Они приняли программу действий сионизма, в которой говорилось о «стремлении создать для еврейского народа правоохраняемое убежище в Палестине» и в этих целях постановили: поддерживать еврейских поселенцев в Палестине; укреплять национальное самосознание евреев; создавать местные еврейские организации, действовать в интересах сионизма на международной арене.

Итак, возникновение и быстрый рост числа всевозможных международных организаций, как и международных форумов, съездов, конгрессов, было не случайным, а вполне закономерным явлением, чему способствовало также отмечавшееся уже в гл. I бурное развитие в то время средств связи и массовой информации, в частности почты, газет и информационных агентств, крупнейшим из которых стало английское информационное агентство Reuters, основанное в 1851 г. И все-таки, основной причиной появления первых организаций и мероприятий глобального масштаба стали развившиеся экономические и социально-политические отношения, вышедшие к тому времени за рамки национальных государств и породившие объективную по-

требность, с одной стороны, в кооперации и координации межгосударственных усилий в решении принципиально новых, транснациональных задач, а с другой стороны, в реорганизации общественных отношений, которые к концу первой половины XIX в. сильно политизировались и привели к появлению первых ростков организованного рабочего движения, которые достаточно быстро стали интернационализироваться, вовлекая в свои ряды представителей различных стран и континентов, а также меняя прежние представления о национальных интересах и национальной идентичности. Показательным в этом отношении является выступление в 1847 г. в венгерском парламенте одного из наиболее радикально настроенных депутатов Л. Штура, который, выражая массовые настроения демократизации общественных отношений, заявил: «Наконец святое дело человечества призывает нас определить раз и навсегда основу освобождения народа. В западных странах феодальные отношения больше не в обычае, ибо с духом нынешнего столетия несовместимы. По моему разумению, мы стоим на грани двух веков: одного — уходящего, когда правда давалась лишь отдельным людям и кастам, и другого — наступающего, когда они будут даны каждому, в подлинном смысле достойному, человеку. Так постараясь же не отстать от требований нашего столетия»¹.

В том же 1847 г. в Лондоне был основан Союз коммунистов, программ которого написали К. Маркс и Ф. Энгельс, призвав пролетариат всех стран к объединению. Позже они стали основными организаторами одной из первых международных общественных организаций — Международного товарищества рабочих (МТР) — *Первого Интернационала*, который был учрежден в 1864 г. в Лондоне на конференции представителей рабочего движения разных стран. В уставе Первого Интернационала говорилось, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса» и что борьба за его освобождение носит международный характер. Проведя пять конгрессов в Европе и переместившись после поражения Парижской коммуны в США, он закончил свою деятельность в 1876 г., заложив основу для создания Второго Интернационала (1889 г.), Третьего (1919 г.), Четвертого (1938 г.) и Социалистического интернационала, основанного в 1951 г., в который по состоянию на 2009 г. входило 156 партий из 126 стран.

Еще одним следствием ранних этапов развития глобализации стало появление и оформление в качестве организованного движения пацифистских организаций, которые стали создаваться после наполеоновских войн сначала во Франции, а затем распространились по всей Европе и США, став заметным фактором международной жизни со второй половины XIX в. Пацифисты одними из первых стали проводить свои международные конгрессы: в Брюсселе (1848), Париже (1849

¹ Цит. по: Харенберг Б. Указ. соч. С. 718.

и 1889), Франкфурте-на-Майне (1850), Лондоне (1890) и Риме (1891). В 1891 г. в Берне было образовано Международное бюро мира — центральная организация национальных обществ пацифистов различных стран. Под непосредственным влиянием движения пацифистов, которые требовали запрещения войн как средства разрешения спорных проблем и осуждали войну, в 1864 г. по инициативе швейцарца А. Дюнанна была основана первая массовая международная общественная организация — «*Красный Крест*». Тогда 16 государств (в том числе Франция, Пруссия, Бельгия, Италия, Испания Португалия, Дания, Голландия) подписали Женевскую конвенцию об уходе за ранеными солдатами воюющих стран. До 1968 г. конвенцию подписали уже все европейские государства.

Одной из первых международных межправительственных организаций стал также *Всеобщий почтовый союз*, созданный в 1874 г. для обеспечения организации и совершенствования международной почтовой службы. Всеобщее соглашение о почтовой связи было подписано в Бонне 21 государством, а в декларации указывалось, что весь мир рассматривается как «общая почтовая территория», что открывало новые возможности для расширения глобальных тенденций. В 1878 г. этот союз был переименован во *Всемирный почтовый союз*, что стало итогом предпринимавшихся до этого шагов с целью скоординировать в международном масштабе деятельность различных стран в области информационного обеспечения. Первая же в истории попытка организовать регулярный почтовый обмен между Нидерландами, венским, французским и испанским дворами была предпринята еще в 1505 г. Ф. фон Таксисом, главным почтмейстером короля Кастилии. Но эта затея тогда не имела успеха, и первые контуры глобального явления почта стала обретать лишь после 1840 г., когда в Великобритании была введена первая почтовая марка и почтовые расходы, которые до этого собирались с адресатов, стали перекладываться на отправителя, что значительно увеличило привлекательность почтовых услуг. Очень скоро это нововведение получило широкое распространение во многих странах и сделало почтовую связь важнейшим элементом набиравшей тогда силу глобализации. В России почтовые марки были введены в 1858 г.

Итак, интернационализация общественной жизни во второй половине XIX в. охватила не только экономику, политику, общественную жизнь, но и связь, средства коммуникации, а также духовную сферу — культуру, науку, философию. Так, в 1875 г. в Нью-Йорке Г. Олкотт и Е. П. Блаватская основали Теософское общество, целью которого было создание всемирного братства, призванного распространять теософское мировоззрение, включающее в себя философию, религию, науку и искусство. С 1893 г. под эгидой Международного института социологии, возникшего в том же году, стали проводиться всемирные

социологические конгрессы. С 1900 г., после того как в Париже состоялся I Всемирный философский конгресс, они регулярно стали проходить с интервалом сначала в 3–4 года, а затем, после Второй мировой войны, через каждые 5 лет.

Теперь мировую философию, как и науку XX в. в целом, невозможно представить без всемирных конгрессов. Их рождение трудно назвать случайным или чьей-либо гениальной выдумкой; будь это так, за 2,5 тыс. лет существования философии и почти 300-летнюю историю естествознания кто-нибудь так или иначе пришел бы к мысли об их необходимости. Например, древние греки — основоположники европейской философской традиции, будучи большими любителями всевозможных состязаний (достаточно вспомнить Олимпийские, Немейские, Истмийские, Пифийские игры, состязание Гомера с Гесиодом и т. п.) всегреческие философские сборы не устраивали. Не было ничего подобного и в Англии, Франции в XVII–XVIII вв., и в Германии в XIX в., где развитие философии достигло высокого уровня, а естествознание развивалось весьма динамично. Дело, очевидно, не только в концентрации философских или научных идей, но и в принципиальных изменениях, произошедших в мире к началу XX столетия. Важнейшими из них стали: бурное развитие науки и техники, требовавшие обсуждения новых идей, сопоставления различных точек зрения; усилившиеся и развившиеся межличностные международные контакты, чему способствовало также развитие транспортных средств, почтовой, телеграфной связи и т. п. Перемены такого рода, наметившиеся в середине XIX в., одними из первых почувствовали философы, разглядев уже тогда *основные контуры единой судьбы человечества* (отчет можно начинать с К. Маркса, обратившего внимание на зарождавшиеся в то время мировые интеграционные процессы).

По мере приближения нового столетия все больше творчески мыслящих людей осознавали свою ответственность за дальнейший общественный прогресс, за происходившие с нарастающей быстротой перемены и опасности, которые они несли в себе для всех жителей планеты. В такой атмосфере и зародилась идея I Всемирного философского конгресса, которым обозначился принципиально новый этап в развитии человечества. Именно тогда впервые произошло его интеллектуальное единение, пока фрагментарно и лишь на уровне философии, но оно стало предвестником последующих процессов глобализации и в остальных сферах общественной жизни, воочию и в достаточно полном объеме проявившихся лишь шесть десятилетий спустя. Философия, таким образом, одной из первых отреагировала на вызов времени и с тех пор своими всемирными конгрессами привлекает внимание науки и мировой общественности к наиболее актуальным проблемам современности, проявляя к проблемам глобализации повышенный интерес и придавая им первостепенное значение.

Усиление процессов глобализации непосредственно повлияло и на интернационализацию науки, которая по сути своей не приемлет границ и наилучшим образом развивается в условиях открытого обсуждения проблем, свободного обмена информацией и соответствующей поддержки. Одним из первых это понял шведский инженер-химик А. Б. Нобель, в честь которого в 1901 г. была учреждена Нобелевская премия, ставшая со временем самой престижной международной наградой, присуждающейся с тех пор за выдающийся вклад в развитие науки и укрепление мира. В числе первых лауреатов этой премии были, в частности, А. Дюнан — основатель «Международного Красного Креста» и Ф. Пасси — один из основателей Международной лиги мира (1867 г.) и Межпарламентского союза. Интернационализация общественных отношений затронула также спорт, который именно с тех пор как социальное явление получил международное значение. В тот период развитие спорта достигло такого уровня, когда объективно возникла необходимость в расширении международных спортивных контактов, что дало толчок появлению первых международных спортивных организаций. Так, в 1892 г. была образована Международная федерация академической гребли, в 1904 г. — Международная федерация футбольных ассоциаций.

Однако самым значительным событием в интернационализации культурных связей и гуманизации международных общественных отношений стало создание в 1894 г. Международного олимпийского комитета (МОК), когда в Париже по инициативе француза П. де Кубертена состоялся конгресс, принявший решение о возрождении Олимпийских игр и проведении их раз в 4 года. Первые Олимпийские игры нового времени с участием 311 спортсменов из 13 стран, которые соревновались тогда в 43 видах спорта, состоялись в Афинах в 1896 г. Мировое значение этого движения еще больше усилилось после II летних Олимпийских игр, проведенных в Париже в 1900 г., а через 100 лет после своего начала олимпийское движение стало столь влиятельным и поистине всемирным явлением, что в XXVI Олимпиаде, проходившей в 1996 г. в Атланте (США), участвовали уже 197 стран мира, т.е. больше, чем их было представлено на то время в ООН. Олимпийские игры, таким образом, стали поистине планетарным явлением, а олимпийское движение превратилось в одно из самых массовых международных движений современности, играя важную роль в процессах современной глобализации.

К последним десятилетиям XIX в. относится зарождение первых профессиональных союзов в Европе и Америке, которые изначально ставили своей главной целью добиться сокращения рабочего дня до 8 ч. Это были протестные движения, порожденные в значительной степени интернационализацией общественной жизни, специализацией труда, имущественным расслоением как на национальном, так и на между-

народном уровнях, что нашло выражение не только в мирных акциях, в частности в массовых демонстрациях, но и в более решительных действиях, например в организации стачек и других форм протеста экономического и политического характера. В целях объединения усилий в такой борьбе рабочих различных стран по инициативе Второго Интернационала 1 мая в 1890 г. был объявлен днем пролетарской солидарности, и с тех пор он является первым международным праздником, порожденным эпохой реальной глобализации. Впервые этот день отмечался в тот же год как международный праздник труда, когда состоялись многочисленные демонстрации и стачки с требованием введения 8-часового рабочего дня.

Еще более радикальными формами протестных движений того времени стали целенаправленные террористические акции, которые приняли систематический характер, вызревая по большей части в среде зарождавшихся тогда националистических организаций и сепаратистских движений. И хотя история терроризма уходит корнями в далекое прошлое, современный международный терроризм берет свое начало именно во второй половине XIX в. Тогда же он получил развитие и даже теоретическое обоснование в трудах теоретиков анархизма М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, чему в немалой степени способствовали возникновение национальных государств, а также общественная и политическая жизнь, которые стали международным явлением, открывая новые возможности для более свободного распространения не только гуманистических, но и социально опасных идей.

В условиях ограничения свобод для легальной оппозиции небольшие группы революционеров стали использовать индивидуальный террор в борьбе с государственной властью, совершая первоначально покушения в основном на глав государств и высокопоставленных чиновников. Россия, Франция, Испания, Италия, Австрия США и другие страны стали ареной действия террористов. Вот только самые громкие террористические акции того времени: в 1865 г. во время театрального представления был застрелен 16-й президент США А. Линкольн, в 1881 г. произошло очередное покушение на императора Александра II, в результате чего он получил смертельное ранение. В 1894 г. в Лионе убит президент Франции М. Карно, в 1898 г. на Женевском озере убита австрийская императрица Елизавета, в 1900 г. в городе Монца был убит итальянский король Умберто I, а в 1914 г. жертвами террора стали наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Ф. Фердинанд и его супруга, что послужило поводом для развязывания Первой мировой войны.

Таким образом, чем более глобальным становился мир, тем активнее терроризм выходил за рамки национальных границ и становился международным. Удержать его в рамках национальных границ было так же невозможно, как невозможно было удержать в рамках наци-

ональных границ национальную экономику, финансовый капитал, политическую активность, информацию и т.п. Иными словами, *как только человечество стало глобальным, основные формы его общественных отношений, в том числе терроризм, с необходимостью и объективно стали международными.*

Однако понимание этого факта пришло не сразу. Потребовалось еще почти 100 лет, пока не пришло осознание всеобщей взаимосвязи между глобализацией человечества и изменением характера сопутствующих проблем. А тогда, на рубеже XIX и XX столетий, господствовали экспансионистские настроения и в будущее смотрели с оптимизмом и верой в прогресс. «Граждане промышленно развитых стран как будто намеренно не замечали таких вещей, как политика вооружения, рабочий класс, демократизация и колониальные конфликты. Все эти вопросы стояли в повестке дня, но рядовой обыватель игнорировал их. Люди уповали на прогресс, не задумываясь над тем, куда, собственно, он ведет. В своем оптимизме они полагали, что мировые проблемы — не те проблемы, на которые следует обращать внимание, и что в конце концов они решатся сами собой»¹.

Первая мировая война (политическая глобализация). Вовлечение многочисленных народов мира в прямой или косвенной форме в военный конфликт в начале XX в. стало результатом объективного хода событий, когда экономическая и политическая зависимость, сложившаяся к тому времени на глобальном уровне, уже не оставляла практически ни одному достаточно крупному государству планеты возможности полного устранения от войны или, во всяком случае, от ее влияния и последствий. Вместе с тем такая ситуация сложилась не сразу. Уже в начале XIX в. в наполеоновские войны были втянуты многие страны и народы Европы, также частично были затронуты Африка и Азия. Но тогда они еще не имели глобального характера. Хотя к тому времени основные территории уже были открыты и между ними установились и укреплялись торговые и экономические связи, они тем не менее еще не получили такого развития, когда события в одной части Земли могли бы заметно отразиться на ситуации в другом ее конце или ощутимо повлиять на жизнь людей в других регионах планеты. К такому состоянию мировых отношений человечество подошло лишь спустя еще почти 100 лет, и в полном смысле этого слова действительно *глобальной* стала только Первая мировая война, разразившаяся в 1914 г., когда мир стал политически настолько тесно взаимосвязанным, что было бы правильным сказать, что вслед за географической и экономической сферами, он сформировался в качестве целостной системы теперь еще и *политически*, т.е. процессы глобализации в полной мере распространились и на сферу политики.

¹ Цит. по: Харенберг Б. Указ. соч. С. 819.

Это означало, что с данного момента история переставала быть уже только историей Европы, или, например, отдельно историей Китая, России, Америки или Запада, Востока и т.п., она стала уже и историей человечества в целом, т.е. действительно *всемирной* историей.

Отмеченные особенности мирового развития на рубеже XIX и XX вв. стимулировали развитие и соответствующих теоретических взглядов, которые, придавая особое значение элементам географии, экономики, этнологии, политики и т.п., рассматривали «каждое государство как своего рода географический или пространственно-территориальный организм, обладающий особыми физико-географическими, природными, ресурсными, людскими и иными параметрами, собственным неповторимым обликом и руководствующийся исключительно собственными волей и интересами»¹. Так в начале XX в. появилась геополитика, отцы-основатели которой Ф. Ратцель, Р. Челлен, Х. Маккиндер, К. Хаусхофер и др. усматривали ее главную задачу в изучении государств как пространственно-географических феноменов и постижении природы их взаимодействия друг с другом. Они предприняли попытку связать между собой политику и географию и стремились объяснить политику того или иного государства исходя из географического положения занимаемого им пространства. При этом на первых этапах своего развития геополитика понималась «всецело в терминах завоевания прямого (военного или политического) контроля над соответствующими территориями»² и в определенной степени послужила теоретическим обоснованием неизбежности военного столкновения как продолжения колониальной политики иными средствами.

Следует отметить, что подобные выводы имели под собой серьезные основания, ибо Первая мировая война стала действительно закономерным итогом противоборства основных держав мира, которые к тому времени уже не только поделили практически весь мир на сферы влияния, но и хотели нового передела или не могли от него уклониться. Поэтому, когда в последней трети XIX в. резко обострилась борьба за передел подконтрольных территорий, в нее, помимо традиционно колониальных держав — Великобритании, Испании, Франции, России по необходимости включились также несколько опоздавшие, но стремившиеся увеличить свою долю приобретений США, Германия, Бельгия, Италия, Япония, совокупные колониальные владения которых к началу войны охватывали уже более половины суши Земли (72 млн кв. км), где проживала треть населения планеты (560 млн чел.). При этом *Великобритания*, будучи крупнейшей колониальной державой мира, господствовала в Индии, Африке, Америке,

¹ Гаджиев К. С. Введение в геополитику: учебник для вузов. М.: Логос, 1998. С. 10.

² Там же.

Австралии и Новой Зеландии, США — в Карибском бассейне, Тихом океане, Центральной Америке и на Дальнем Востоке. Французская экспансия распространялась на Африку и Индокитай; Германия завладела колониями в Африке; Япония — в Манчжурии, Корее, Китае и Юго-Восточной Азии. Россия имела интересы и влияние на Дальнем и Ближнем Востоке, в Средней Азии. Таким образом, конфликт между основными колониальными державами впервые в истории человечества делал весь мир ареной столкновения экономических и политических интересов, когда в стороне не могли оставаться уже не только полностью зависимые от них колонии, но и такие независимые и относительно самостоятельные государства как Австро-Венгрия, Греция, Португалия, османская Турция, Болгария, Румыния, Сербия.

Вовлеченные в конфликт страны в силу тех или иных экономических и политических причин оказались в одном из воюющих блоков, но, как отмечал В. И. Ленин, «война 1914–1918 годов была с обеих сторон империалистической (т.е. захватнической, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, “сфер влияния” финансового капитала»¹, поэтому вполне закономерно, что, начавшись в Европе, она очень быстро вышла за рамки этого континента и охватила практически весь мир, став первым в истории человечества военным конфликтом глобального масштаба, в котором участвовали государства, находящиеся на всех континентах Земли, кроме Антарктиды. И дело не только в том, что в отличие от наполеоновских войн она гораздо сильнее втянула в непосредственные военные действия европейские, африканские, азиатские страны и даже Америку, а в том, что колониальные территории всего мира обеспечивали своим метрополиям необходимую экономическую и военную поддержку, оказывая непосредственное влияние на характер и линию их поведения, а в итоге и на результаты военных действий.

Эта война сопровождалась также невиданными прежде размахом и разрушительной силой и впервые продемонстрировала смертельную опасность, которую таит в себе ничем не сдерживаемый и не соотношенный с моралью научно-технический прогресс, который принципиально изменил характер войны, позволив провести техническое переоснащение вооруженных сил. Широкое применение принципиально новых видов оружия и средств массового уничтожения (танков, дирижаблей, самолетов, автоматического стрелкового оружия, отравляющих газов) помимо чисто военного результата имело еще огромное психологическое значение, так как уже сам факт появления этих новшеств вселял ужас в ряды противника, порождая в них страх и панику. В итоге война сопровождалась беспрецедентной гибелью не

¹ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ПСС. Т. 27. С. 303–304.

только военных, но и гражданского населения. Даже по самым скромным оценкам во время этой войны погибло не менее 10 млн человек, было ранено около 20 млн и более 8 млн человек попало в плен. Таких потерь за одну военную кампанию история еще не знала, как не знала и беспрецедентных по масштабу и глубине потрясений послевоенных последствий, ставших ее логическим продолжением.

На пути к новой войне. Окончание в 1918 г. Первой мировой войны ознаменовалось новой расстановкой сил на международной арене и имело такие результаты, которые завязали послевоенные отношения, интересы и противоречия различных государств в еще более тугую узел, окончательно сделав весь мир в полном смысле этого слова глобальным сообществом по всем основным параметрам. Так, в экономическом и политическом отношении Европа перестала быть единственной решающей силой, поскольку на мировую арену в качестве великой державы вышли теперь и США, вступившие в войну в 1917 г., и значительно укрепившая свои позиции на Дальнем Востоке Япония. При этом прежняя военно-политическая структура с центром в Европе распалась вместе с развалом сразу четырех участвовавших в войне империй: Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской.

Свершившаяся в России в 1917 г. Октябрьская революция, успеху которой способствовала непопулярная война и серия поражений, изначально позиционировала себя как пролог «мировой пролетарской революции». Ее целью объявлялось достижение экономического и политического единства мира на базе уничтожения частной собственности. В 1919 г. в Москве состоялся VIII Съезд Всероссийской коммунистической партии (большевиков), который принял новую программу партии, провозглашавшую курс на победу мировой революции. Одной из ближайших задач объявлялась ликвидация товарно-денежных отношений как принципиальное условие построения коммунизма в планетарном масштабе.

В итоге революция в России в значительной степени предопределила ход дальнейших мировых событий и оказала влияние на усиление антиколониальной борьбы, которая, начавшись в Индии с политики ненасильственного сопротивления М. Ганди, стала одной из отличительных черт всего XX столетия. Кардинальные перемены в России имели еще и те последствия, что революционные волнения в Европе, вызванные поражением в войне Германии и Австро-Венгрии, в ряде случаев на короткое время увенчались победой левых сил, которые в революционных действиях своих российских единомышленников видели пример для подражания. Определенным итогом рассмотренных событий стало и то, что начиная с 1919 г. почти во всех европейских странах стали образовываться коммунистические партии, для координации в мировом масштабе деятельности которых был создан Третий (Коммунистический) Интернационал, где главенствующую

роль стали играть лидеры Всероссийской коммунистической партии (большевиков).

Еще одним итогом Первой мировой войны, имевшим глобальное значение, стало подписание в 1919–1920 гг. 44 государствами комплекса договоров и соглашений, оформивших создание так называемой версальской системы, важнейшей частью которой стало учреждение в 1919 г. *Лиги наций*, первой в истории человечества международной организации такого масштаба, основной целью которой провозглашалось «развитие сотрудничества между народами и обеспечение гарантии мира и безопасности». Ассамблея и Совет Лиги наций были уполномочены обсуждать «любые вопросы, касающиеся судеб мира во всем мире», что явилось первым шагом в налаживании планетарного сотрудничества и диалога между различными странами и народами. Серьезным импульсом к созданию такой организации стали поиски эффективных рычагов управления новой международной системой, а также стремление не допустить повторения пережитых ужасов и желание выстроить эффективную систему международной безопасности, способную предотвратить в будущем возникновение вооруженных конфликтов. Иными словами, *это была первая попытка цивилизованно регулировать международные отношения в условиях, когда общественная жизнь на планете обрела все признаки целостной системы.*

Однако, хотя внешняя политика европейских стран в последующие годы и отличалась стремлением решать спорные вопросы с помощью переговоров, тем не менее многие противоречия, такие как безработица, инфляционные тенденции, экономические кризисы, политическая нестабильность, делали не только европейскую, но и мировую систему безопасности уязвимой. Ситуация усугублялась еще и тем, что США — единственная держава, чей экономический потенциал в результате войны не только не снизился, но и значительно вырос, не вступили в Лигу Наций, и отказались ратифицировать Версальский договор, что практически лишало эту международную организацию возможности стать универсальным инструментом поддержания мира и предотвращения новых международных конфликтов. А причин для них оставалось немало, в том числе заключавшихся и в самом Версальском договоре, по которому основная вина за развязывание войны возлагалась на Германию, что имело следствием применение к ней серьезных санкций территориального, экономического и политического характера. Чувство национальной ущемленности, которое испытывало население Германии вследствие неравноправного характера Версальского договора, стимулировало формирование политических сил, требовавших ревизии итогов войны, и стало питательной средой для распространения национал-социалистической идеологии.

Кризисные ситуации сложились и в других европейских странах, обусловив появление в одних из них авторитарных режимов (Польша,

Румыния, Венгрия, Португалия), а в других — фашистских партий, которые пришли к власти в Италии (1922), Германии (1933), Испании (1936). В итоге социально-политическая ситуация во многих европейских странах в послевоенный период оставалась напряженной и характеризовалась отсутствием демократических свобод, нарушением прав человека, когда политические и идейные противники всячески подавлялись и преследовались. То же происходило и в России, где к тому времени закончилась гражданская война, и с образованием в 1922 г. СССР окончательно оформились контуры сформировавшейся тоталитарной системы. Таким образом, Первая мировая война не только не решила проблем, которые ее вызвали, но и породила новые, поставившие мир на грань следующей, еще более разрушительной и страшной по своим последствиям войны.

В послевоенный период в Европе и Америке наблюдался экономический подъем и оживление в финансовой сфере, которые с 1927 г. сменились падением промышленного производства, закончившегося в 1929 г. Великой депрессией, разразившейся в США и давшей начало мировому системному экономическому кризису. Этот крупнейший за всю предыдущую историю человечества экономический кризис высветил тесную взаимозависимость национальных экономик, охватив практически все развитые капиталистические страны и породив невиданную прежде безработицу, обнищание и, как результат, социальную нестабильность. Так, в США к началу 1933 г. число потерявших работу достигло 15 млн человек, что составляло треть всего трудоспособного населения; в Германии более 6 млн, а в Великобритании около 4 млн человек оказались без работы. При этом только в Германии обанкротились около 800 банков, а национальный доход США уменьшился почти на 50%. Все это способствовало росту недовольства и экстремистских настроений в широких слоях населения и, как следствие, усилению влияния радикальных партий, среди которых наибольшую активность проявляли леворадикальные и фашистские организации. На этой волне в Болгарии, Югославии, Португалии, Греции, Румынии, Польше, Литве, Латвии, Эстонии установились диктаторские режимы, а в Италии, Германии, Австрии и Испании к власти пришли фашисты.

Начиная с 1933 г., нацистская Германия взяла курс на вооружение, нацелившись на реализацию своих ревизионистских настроений. В итоге только за период с 1933 по 1939 г. ежегодные военные расходы выросли с 0,7 до 25,9 млрд марок и составили около 60% бюджета страны. При этом в 1935 г. была установлена обязательная воинская повинность, и количество дивизий с 36 возросло к концу 30-х гг. до 106.

Агрессивную политику проводила и Япония, которая стремилась к гегемонии в Юго-Восточной Азии. Сблизившись на этой почве с фа-

шистскими странами — Германией и Италией, она уже с японско-китайского конфликта, начавшегося в 1937 г., фактически развязала войну в Восточной Азии.

Не способствовали установлению стабильности в международных отношениях и вселенские амбиции тоталитарного советского режима, ибо «красной революции» в западном мире опасались не меньше, чем «коричневой чумы». В итоге Вторая мировая война, как и Первая, становилась практически неизбежной.

В период между этими двумя мировыми войнами нарастали и все больше проявлялись *процессы глобализации*, важнейшими признаками и особенностями которой в это время стали:

- а) усиление антропогенного влияния на биосферу и превращение человека в «геологическую силу», на что указал В. И. Вернадский, развивавший в 30-х гг. XX в. учение о биосфере и ноосфере. Идеей ноосферы тогда занимались также французские ученые Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден;
- б) начало бурного развития в Америке, а потом и за ее пределами *массовой культуры*, прежде всего в области кино (невероятный успех У. Диснея), музыки (появление джаза), литературы (бестселлеры М. Митчелл, У. Фолкнера, Т. Вулфа и др.);
- в) изобретение в 1923 г. В. К. Зворыкиным первого черно-белого телевизора, а в 1926 г. Дж. Л. Бэрдом — цветного, что дало возможность уже в 1936 г. начать регулярные телепередачи в Великобритании и Германии, в 1941 г. — в США. Со временем телевизор стал символом глобализации и основным проводником массовой культуры;
- г) осуществление в 1925 г. первой межконтинентальной радиотелефонной связи на коротких волнах, осуществленной Г. Маркони между Лондоном и Сиднеем, а в 1935 г. первого кругосветного радиотелефонного звонка с помощью радиоволн и телефонного кабеля;
- д) беспосадочные перелеты: в 1925 г. американца Ч. Линдберга из Нью-Йорка в Париж; в 1930 г. — Ж. Мермоза над Южной Атлантикой; в 1937 г. — советских летчиков В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова из Москвы в Портленд (США).

Вторая мировая война. Формально Вторая мировая война началась с нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и с объявления войны Германии со стороны Великобритании и Франции (3 сентября). Фактически же она стала разворачиваться с середины 1930-х гг., когда все активнее начали набирать обороты экспансионистские демарши и начались отдельные военные столкновения, послужившие прологом грядущей всеохватной войны. Так, в 1935 г. Италия оккупировала Эфиопию, направив туда 18 дивизий; в 1936 г. в Испании разгоре-

лась гражданская война, очень скоро принявшая характер интернационального противостояния, а Германия заняла левый берег Рейна, считавшийся с 1918 г. демилитаризованной зоной; в 1937 г. началась японская агрессия против Китая, вылившаяся в затяжную Японо-китайскую войну 1937–1945 гг., а Великобритания объявила Аден своей колонией; в 1938 г. Германия ввела войска в Австрию, присоединив ее к своей территории, а также на основании «мюнхенского сговора» аннексировала Судетскую область Чехии, которая в 1939 г. была уже полностью оккупирована вместе с Моравией и также присоединена к рейху. В этом же году Гитлер объявил о присоединении Клайпеды; итальянские войска вторглись в Албанию; Япония, присоединившаяся к соглашению между Германией и Италией, напала на Монголию, которая после 4-месячных упорных боев была освобождена Красной армией; а Советский Союз через 3 месяца после нападения Германии на Польшу начал военные действия против Финляндии.

К весне 1940 г. в начавшуюся Вторую мировую войну уже были втянуты Великобритания, Франция, Дания, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Италия, Южно-Африканский Союз, а в июле 1940 г. японский премьер-министр Ф. Коноэ заявил, что распространение «нового порядка» на всю Восточную Азию, Индокитай и южную часть Тихого океана является «божественной миссией» Японии. К моменту нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. уже были оккупированы Греция, Югославия, начались военные действия в Северной Африке. В декабре 1941 г., после нападения японской авиации на американскую военную базу Перл-Харбор, в войну вступили США. К началу 1942 г. Япония захватила Малайю, Филиппины, Индонезию, Бирму, ряд островов в Тихом океане и создала угрозу вторжения в Австралию.

К началу 1943 г. масштабы войны окончательно приняли *глобальный характер*, что нашло отражение в подписанном тогда немецко-японском договоре об экономическом сотрудничестве, в котором ставилась цель «пустить в ход весь потенциал экономического пространства Европы и Восточной Азии для тотальной войны»¹. 6 июня 1944 г. высадкой американских и английских войск на севере Франции, в Нормандии, был открыт второй фронт. Эскалация военных действий шла по нарастающей, втянув в конечном счете в активные действия 72 страны, где было мобилизовано около 110 млн чел., что практически не оставило на планете территорий, которые в той или иной степени не оказались бы причастными к этому самому масштабному в истории человечества и в полном смысле этого слова глобальному военному конфликту, в который так или иначе было вовлечено три четверти населения Земли.

¹ Харенберг Б. Указ. соч. С. 950.

8 мая 1945 г. был подписан акт о военной капитуляции Германии, а 2 сентября 1945 г., с подписанием акта о капитуляции Японии, Вторая мировая война, самая масштабная и продолжительная в истории человечества война закончилась. Ее жертвы во много раз превзошли потери в Первой мировой войне; одних только погибших было около 60 млн чел. Такие последствия вполне объяснимы не только гораздо большими масштабами военных действий и количеством вовлеченных непосредственно в боевые действия стран и народов, но и качественным скачком научно-технического прогресса, вступившего к началу войны в стадию научно-технической революции. Так, если в Первой мировой войне еще только шли испытания первых образцов танков и самолетов, то во Второй мировой войне эти виды вооружения получили фундаментальное развитие и уже составили основу специальных родов войск. Если принять во внимание также колоссальный прогресс в области артиллерийского и автоматического стрелкового оружия, а также в сфере военно-морского флота, где помимо усовершенствованного надводного флота стали масштабно использоваться подводные лодки, торпеды, глубинные бомбы, мины и т.п., то беспрецедентные жертвы, разрушения и катастрофические последствия жесточайшей 6-летней войны становятся вполне объяснимыми.

Итоги и последствия глобальной войны. Если сравнивать Первую и Вторую мировые войны с точки зрения процессов глобализации мировых отношений, а также всех сфер общественной жизни, то можно увидеть, что обе они, по существу, были разными фазами (этапами) одной и той же *глобальной войны*, принципиальная разница между которыми заключалась фактически лишь в количественных параметрах, если не принимать во внимание применение в конце ее ядерного оружия, которое не имело, по существу, никакого значения с точки зрения окончательных итогов и общей характеристики беспрецедентной битвы народов. И тот и другой этапы общей войны решали одни и те же вопросы — передел уже поделенного, целостного и взаимозависимого мира, каковым он стал по основным параметрам к началу XX в. Велись они примерно одинаковыми методами с той лишь разницей, что уровень и масштаб технического оснащения во Второй мировой войне был на порядок выше, а идеологическое воздействие было многократно усилено широким использованием средств связи и коммуникации, которые в предыдущей войне или отсутствовали (радио, телефон), или были неразвиты (авиационный, морской, железнодорожный, автомобильный транспорт). Именно это и было показано на конкретных примерах и фактах в первых трех главах настоящей книги.

Во избежание терминологической путаницы не станем изменять сложившуюся и основательно укоренившуюся терминологию, однако

в целях правильного понимания процессов глобализации будем иметь в виду, что в нашем контексте сказанное имеет принципиальное значение.

Как и Первая, Вторая мировая война имела ряд фундаментальных последствий, ставших отличительной чертой послевоенного мирового порядка. Важнейшим из них явилось то, что война стимулировала исследовательские и практические работы по созданию принципиально новых видов оружия (атомного и основанного на реактивном принципе движения), первые образцы которого прошли боевые испытания и открыли человечеству неограниченные возможности для тотального разрушения и уничтожения всего живого. Именно эти достижения научно-технического прогресса во многом предопределили специфику и характер развернувшейся затем в период «холодной войны» гонки вооружений и наглядно показали хрупкость и пространственную «замкнутость» нашей планеты.

Первые разработки в области реактивного движения, давшие старт ракетостроению, начались в середине 1930-х гг., что открывало принципиально иные возможности для доставки в последующем ядерного оружия в любую точку планеты (хотя этого тогда еще не знали), а также закладывало основы принципиально новой авиации и будущего освоения космоса. Первый полет немецкого реактивного самолета Heinkel 178 состоялся в 1939 г., а во время самой войны с обеих сторон уже активно использовалась реактивная артиллерия, например знаменитые «Катюши». В июне 1944 г. Германия применила против Великобритании первую боевую (крылатую) ракету Фау-1, способную доставить около 800 кг взрывчатки на расстояние до 600 км. В последующем было запущено более 2 тыс. таких ракет, почти половина из которых достигла Лондона, вызвав серьезные разрушения и гибель тысяч людей. Затем появилась еще более совершенная модификация этой ракеты — Фау-2, летавшая уже по баллистической орбите, что делало ее менее уязвимой для средств противовоздушной обороны противника. Испытания этого беспрецедентного средства поражения были также внушительны — около 3 тыс. запусков в направлении Великобритании.

С начала 1940-х гг. в США, Германии и СССР развернулась интенсивная работа по созданию еще одного принципиально нового типа оружия — ядерного. На этом пути первыми практического успеха добились американцы, которые в конце войны провели испытание атомной бомбы и нанесли ядерный удар по японским городам Хиросиме и Нагасаки. Таким образом, начиналась эра освоения атомной энергии, открывавшая принципиальную возможность самоуничтожения человечества как вида и лишавшая его былого бессмертия. Однако в полной мере это стало реальностью после того, как обладателем ядерного оружия в 1949 г. стал и Советский Союз, получив мощнейший

рычаг влияния на мировую политику. А когда США в 1952 г. и СССР в 1953 г. создали водородную бомбу, уже ни один человек не мог быть в безопасности независимо от места его проживания. С этих пор любой конфликт, способный вызвать применение ядерного оружия, становился насущной проблемой не только конфликтующих сторон, но и жителей самых отдаленных территорий, которые, даже не имея никакого отношения к выяснению отношений на другом конце света, а то и представления о нем, тем не менее в случае обмена ядерными ударами потенциально оказывались заложниками и жертвами соответствующих последствий такого развития событий. Характеризуя эту принципиально новую ситуацию, К. Ясперс в 1948 г. писал: «После того как наша планета в целом стала доступна человеку, он лишился пространственной свободы. До этого времени человек мог путешествовать, уходить в неизвестные дали и жить, ощущая, что они где-то есть, что они ему доступны в своих безграничных пространствах, если он того пожелает. Теперь же наша обитель, сфера нашего существования замкнута, величина ее точно определена, должна быть целиком принята во внимание при проведении любых планов и действий»¹.

В этой связи важно подчеркнуть, что окончание войны, ознаменовавшееся новой расстановкой сил на международной арене, привело к тому, что СССР и США, став сверхдержавами и представляя собой принципиально различные, антагонистически настроенные социально-политические системы общественного развития, оказались центрами притяжения, вокруг которых начали группироваться остальные страны. Определенной кульминацией такого размежевания стало, с одной стороны, создание 4 апреля 1949 г. в соответствии с Североатлантическим договором НАТО — военно-политического союза европейских и североамериканских государств, а с другой стороны, подписание 14 мая 1955 г. в Варшаве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который конституировал альтернативный НАТО военно-политический союз восточных государств. Кульминацией же противостояния этих двух военно-политических блоков стал разразившийся в 1962 г. Карибский кризис, едва не переросший в глобальную ядерную войну.

Таким образом, мир оказался в состоянии *Третьей мировой войны*, получившей название «*холодной*», так как в ходе ее обе стороны воздерживались от прямого силового воздействия, и то лишь по причине страха перед применением ядерного оружия, которое неминуемо ставило на грань самоуничтожения и того, кто первый применил бы такое средство достижения своих целей. Эта фактически новая, *глобальная война* имела уже принципиально иной характер, чем две предыдущие мировые войны, как и совсем другие цели, задачи, средства ее ведения

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 246.

и т.п. При этом она так же, как и предыдущие, втянув в свою орбиту подавляющую часть человечества, велась с полной отдачей и напряжением всех сил, по всем направлениям общественной жизни, включая идеологию, политику, дипломатию, экономику, торговлю, и лишь прямого вооруженного столкновения удалось избежать до того, как она окончилась полным поражением одной из сторон¹.

У этой войны было конкретное начало — Фултонская речь У. Черчилля в 1946 г. — и хорошо известный конец — окончательный развал социалистической системы, закончившийся полным крушением Советского Союза в 1991 г.

Хотя впервые термин «холодная война» (англ.: cold war) появился в США в апреле 1947 г., реальный старт этой войне был дан 5 марта 1946 г. в американском городе Фултоне, где бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль, выступая с речью в Вестминстерском колледже, заявил: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике опустился над Европейским континентом железный занавес». Тогда же он обвинил Советский Союз в экспансионистских планах, в стремлении навязать свою идеологию другим народам и предложил создать англо-американский военно-политический союз для борьбы с «восточным коммунизмом», что вызвало незамедлительную и очень жесткую реакцию советского руководства. В центральной партийной газете «Правда» по этому поводу выступил И. В. Сталин, который, комментируя речь У. Черчилля, сказал: «Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора... По сути дела Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г. Черчилль не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война. Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР»². В таком исполнении это означало не что иное, как начало самой настоящей войны, окончательно разделившей весь мир на два идеологически

¹ См.: Global Studies Encyclopedic Dictionary. P. 82–84.

² Цит. по: Хроника России. XX век. М., 2002. С. 564.

противоположных лагеря, которые все больше втягивались в разорительное и предельно опасное противостояние, где очередные успехи в создании все более мощного ядерного оружия служили каждый раз новым импульсом в раскручивании военной спирали.

Набиравшая обороты холодная война и сопутствовавшая ей беспрецедентная гонка вооружений ознаменовались еще одним уникальным достижением человечества на пути научно-технического прогресса. 4 октября 1957 г. СССР осуществил запуск первого искусственного спутника Земли, который открыл космическую эру человечества и породил новый тип силового противостояния в условиях глобальной взаимозависимости, «замкнув» и без того уже ставший глобальным мир еще с двух сторон — *пространственно-временной* и *военной*. Тем самым была поставлена последняя точка в экстенсивном изучении поверхности планеты и, таким образом, эпоха Великих географических открытий, начавшаяся в конце XV в., окончательно завершилась, ибо исследование суши и океанов с космической орбиты и осуществление космического мониторинга не только закрывали любые гипотетические белые пятна на географии Земли, но и открывали новые возможности интенсивного изучения ее верхней оболочки и даже недр.

Еще одним последствием Второй мировой войны, затронувшим же иную — социально-политическую сферу общественной жизни, а также результатом усилившейся взаимозависимости глобального мира стал беспрецедентный рост всевозможных международных организаций, среди которых, несомненно, выделяется Организация Объединенных Наций. Обеспокоенные катастрофическими итогами военных действий и неспособностью Лиги Наций эффективно координировать международные отношения, США, СССР, Великобритания и Китай еще в 1943 г. договорились в Москве в самом скором времени вернуться к идее создания универсальной и дееспособной международной организации. Через год на конференции в Думбартон-Оксе (Вашингтон, США) был выработан проект Устава ООН, а в феврале 1945 г. на состоявшейся в Крыму конференции было принято решение созвать соответствующую учредительную конференцию не позднее весны того же года. Продолжившиеся затем в Сан-Франциско дебаты по основным проектам создававшейся организации привели к выработке ее устава, определявшего основные принципы функционирования ООН и ее структуру, главными органами которой стали: Генеральная Ассамблея, Совет безопасности, Экономический и социальный совет, Совет по опеке, Международный суд и Секретариат ООН. 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско 50 государств мира подписали Устав ООН с целью поддержания и укрепления мира, безопасности и развития сотрудничества между государствами в послевоенный период. *Это была вторая попытка мирового сообщества создать эффективную структуру управления миром, когда он по основным социально-экономическим и по-*

литическим параметрам уже в полной мере сформировался в качестве целостной системы. В соответствии с решением специально созданной Ассамблеи Лига Наций, завершив свою историческую миссию, официально перестала существовать в апреле 1946 г.

В этом же году берут начало процессы европейской интеграции, а точкой их отсчета можно считать тот момент, когда британский премьер У. Черчилль призвал к созданию Соединенных Штатов Европы, что было поддержано рядом известных людей, например выдающимся испанским философом Х. Ортега-и-Гассетом. Эти зарождавшиеся тогда интегративные процессы получили хорошую экономическую основу в 1952 г. в результате создания Бельгией, Францией, Италией, ФРГ, Нидерландами и Люксембургом Европейского союза угля и стали, и даже еще раньше — в 1948 г., когда был подписан Акт экономического сотрудничества, ставший, по существу, началом реализации программы, получившей позже название «план Маршалла». Впервые в мировой истории одна из стран-победителей (США) не стала взимать с побежденных репарации, а оказала им крупномасштабную экономическую помощь, что в условиях фундаментальной глобализации с учетом долгосрочной перспективы развития экономических и политических отношений оказалось более действенной формой реализации собственных интересов и получения максимальной не только экономической, но и политической, военной и даже идеологической выгоды.

Интеграция в Европе получила дополнительный импульс в 1958 г., когда были созданы Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии, нацеленные на создание таможенного союза и устранение внутренних торговых барьеров внутри сообщества, а также развитие ядерной энергии в мирных целях.

Еще одним важнейшим актом и в то же время первым опытом глобального сотрудничества в сфере правового регулирования международных отношений стал Нюрнбергский судебный процесс над группой главных военных преступников и основными нацистскими организациями. Этот процесс был осуществлен первым в истории Международным военным трибуналом, созданным 8 августа 1945 г. странами-победительницами: СССР, США, Великобританией и Францией, став важнейшим шагом на пути формирования современной международной судебной системы.

Именно в этот период широко распространяются идеи либерализма и демократии, появляется серия серьезных исследований и теоретических работ, направленных на переосмысление основ общественного бытия, моральных устоев общества и основополагающих принципов социального развития. Так, К. Поппер предпринял попытку показать сущность, исторические корни и условия вызревания тоталитарных режимов — «закрытых систем», противопоставляя им общество «от-

крытого типа», которое он ассоциировал с наличием гражданского общества и развитой демократией. «Переход от закрытого к открытому обществу, — писал он, — можно охарактеризовать как одну из глубочайших революций, через которые прошло человечество... Наша западная цивилизация началась с греков, мы должны осознавать, что же это означает. В действительности это означает следующее: греки начали величайшую революцию, которая, по-видимому, все еще находится в своей начальной стадии, а именно — в стадии перехода от закрытого общества к открытому»¹.

В 1945 г. профессор Копенгагенского университета Х. Кок опубликовал принципиальной важности работу «Что такое демократия?», где также, будучи озабоченным проблемой преодоления тоталитаризма и послевоенным общественным устройством, писал: «Демократия не есть что-то устоявшееся раз и навсегда, это не универсальный ключ, который может кого-то впустить, а кого-то нет. Это не “правильное учение”, из которого можно было бы сделать входной билет в приличное общество. Это не система, не доктрина. Это образ жизни, который, постоянно отступая и возвращаясь, прорастал в Западной Европе в течение добрых 2000 лет. Образ жизни, который за время своего долгого и беспокойного существования вобрал в себя много влияний со всех сторон. Демократия не есть нечто законченное в себе. Поэтому-то постоянно идут дебаты о ее сущности. Демократия — не победа, которая выиграна, а борьба, которая постоянно продолжается. Демократия — не однажды достигнутый результат, но задача, которая должна решаться снова и снова. Прежде всего, это не учение, которое можно преподавать и которое можно быстро усвоить или быть обращенным в него. Это образ мыслей, образ жизни, который усваиваешь только тогда, когда живешь этим образом в своей личной жизни, в отношениях с семьей и соседями, с более широкими внешними кругами, в отношениях к землякам и, наконец, в отношении к другим народам — в этом последнем пункте мир еще не очень много видел демократии»².

Глубокое исследование природы тоталитарного общества в послевоенный период осуществила Х. Арендт, которая показала, что «главная опасность для мировой цивилизации более не грозит извне — от природных катаклизмов или “внешнего варварства”. XX в. продемонстрировал, что мировая цивилизация может порождать варварство из себя самой. Наиболее радикальной формой “внутреннего варварства” в этом смысле явился в новейшее время феномен тоталитаризма»³. Немало для осмысления принципов свободы и демократии в после-

¹ Поннер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 1. С. 220.

² Кок Х. Что такое демократия? Копенгаген: Систайм, 1993. С. 14–15.

³ Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 165.

военный период сделали также К. Ясперс, Ф. А. Хайек, М. Фридман, И. А. Ильин и многие другие.

К началу 1960-х гг. произошел окончательный распад британской и французской колониальных империй, в результате чего многие государства, прежде всего в Африке, провозгласили свою независимость. А резко усилившиеся процессы глобализации и возросшая в этой связи взаимозависимость различных стран и народов объективно вели к росту антивоенных и либеральных настроений, к появлению все большего числа новых международных организаций, обуславливая расширение их функций и полномочий, а также делая их роль на мировой арене все более заметной и влиятельной. Именно на послевоенный период приходится возникновение значительной части существующих сегодня международных организаций, которые чрезвычайно разнообразны по видам деятельности, формам объединения, числу участников, целям и задачам, компетенции и объему полномочий. Согласно ежегоднику, издаваемому Союзом международных ассоциаций, в 1995—1996 гг. в мире насчитывалось около 12,5 тыс. международных организаций, а к настоящему времени их число увеличилось до 20 тыс. В зависимости от формы объединения эти организации разделяются на *межправительственные* и *неправительственные*¹.

Межправительственные международные организации создаются и действуют на основе соглашений и договоров между государствами на правительственном или межведомственном уровне. Они имеют соответствующие полномочия, структуры управления и являются субъектами международного права, т.е. обладают международными правами и обязанностями, заключают международные договоры как с государствами, так и между собой и т.п. К таким организациям относятся, например, Международный валютный фонд (1945), Всемирная торговая организация (1995), Организация Североатлантического договора (1949), Организация стран — экспортеров нефти (1960), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) (2001), БРИКС (2009) и др.

Неправительственные международные организации объединяют общественные структуры и научные сообщества, частные компании и предприятия, а также частных лиц различных государств и в отличие от правительственных организаций не являются субъектами международного права. Наиболее крупные и влиятельные из них: Межпарламентский союз (1889), Международный олимпийский комитет (1894), Всемирная федерация профсоюзов (1945), Всемирный совет мира (1950), Международный союз студентов (1946), Римский клуб (1968), Гринпис (1971), Будапештский клуб (1996) и др.

В зависимости от масштаба деятельности и состава участников международные организации могут быть региональными и всемирными.

¹ Глобалистика: междунаро. междисципл. энциклопед. словарь. С. 525—526.

Региональные международные организации объединяют государства определенного географического района или их ведомства, а также общественные объединения, частных лиц некоторого числа стран, составляющих ту или иную территориальную структуру. Наиболее известные из них: Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Африканский банк развития, Балтийская ассамблея, Европейский союз (ЕС), Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛААИ), Лига арабских государств (ЛАГ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация Североатлантического договора (НАТО), Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ), Содружество Независимых Государств (СНГ) и др.

Всемирные организации распространяют свою деятельность на все территории, страны и континенты, охватывая таким образом все мировое сообщество. Они, как правило, открыты для вступления в них для любых государств мира, организаций или частных лиц, представляющих различные страны, независимо от их социально-экономических и политических систем. Важнейшими всемирными организациями, играющими существенную или заметную роль в современных процессах глобализации, являются: Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирный банк, Совещание «Большой семерки» (с 1997 г. — «Большой восьмерки»), Гринпис, Международный Зеленый Крест, а также специализированные учреждения ООН: Всемирная метеорологическая организация (ВМО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Всемирный почтовый союз (ВПС), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Международная ассоциация развития (МАР), Международная морская организация (ИМО), Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Международная организация труда (МОТ), Международная финансовая корпорация (МФК), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международный валютный фонд (МВФ), Международный союз электросвязи (МСЭ), Международный суд, Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО), Программа развития ООН (ЮНДП), а также автономные организации под эгидой ООН: Всемирная торговая организация (ВТО), Конференция ООН по окружающей среде и развитию (КОСР, или ЮНСЕД), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и др.

Ряд организаций ООН осуществляют сегодня на глобальном уровне по сути государственные функции. Так, «голубые каски» выполняют полицейские функции, ЮНЕСКО в определенной мере является

аналогом международного министерства культуры, в компетенцию которого входит, в частности, развитие межкультурных связей и содействие установлению творческих контактов, придание памятникам, заповедникам, объектам культурного наследия статуса мирового значения и т.п. ЮНЭП, являясь специализированной программой ООН по окружающей среде, выступает в роли глобального координатора в сфере природоохранной деятельности. Аналогом глобального министерства здравоохранения является Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), добившаяся значительных успехов в искоренении или снижении остроты многих опасных заболеваний, таких как малярия, полиомиелит, проказа, туберкулез и др.

Одна из самых влиятельных современных международных структур — Всемирная торговая организация (ВТО), регулирующая в настоящее время своими правилами более 90% мировой торговли, — возникла на основе Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) которое было заключено практически сразу после войны — в 1947 г. Еще шла Вторая мировая война, но перелом уже наступил, и на Западе всерьез задумались над планами послевоенного устройства. Одним из предпринятых тогда шагов по укреплению влияния США в мировых делах, как оказалось, важнейшим в стратегическом отношении, стала Международная валютно-финансовая конференция, состоявшаяся в 1944 г. в Бреттон-Вудсе (США), на которую СССР и его союзники, занятые войной, тогда не обратили внимания. А именно тогда впервые в результате межгосударственных договоренностей мир получил прообраз единой валюты — американский доллар. Важнейшим итогом Бреттон-Вудской конференции стало соглашение, по которому в 1944 г. был создан Международный валютный фонд (МВФ), а в 1945 г. — Международный банк реконструкции и развития (МБРР), объединивший 154 государства мира, что явилось важным шагом в создании транснациональных финансовых структур и значительно укрепило мировой рынок и его влияние на национальные экономики, взаимозависимость которых еще больше возросла.

Однако основным итогом Второй мировой войны и фундаментальной глобализации, в основных своих чертах свершившейся к середине XX в., стало образование двух противоборствующих систем во главе со сверхдержавами — США и СССР, которые вступили в третью мировую (холодную) войну, сопровождаемую серией региональных конфликтов, перманентно грозивших перерасти в ядерную войну. Наиболее опасными в этом противостоянии были ситуации, связанные с окончательным разделом Германии в 1949 г.; войной в Корее, завершившейся в 1953 г. ее разделом; венгерскими событиями 1956 г., Карибским кризисом 1962 г., Вьетнамской войной в 1960–1970-е гг., вводом советских войск в Чехословакию в 1968 г. и в Афганистан в 1979 г. и др.

Послевоенный период характеризовался также активными процессами деколонизации, образования независимых государств и появлением в 1955 г. Движения неприсоединения, объединившего более 100 государств, которые придерживались некоторых общих принципов: антиколониальная политика, неучастие в военно-политических блоках, мирное сосуществование и международное разоружение, уважение к государственной целостности и суверенитету. В это же время усугублялось и расслоение между высокоразвитыми и отставшими в социально-экономическом развитии странами, которые представляли третий мир, что усиливало конфронтацию между богатым Севером и бедным Югом.

§ 8. Начало космической эры

Начальная стадия четвертого эоцетаморфоза, которая приходится на конец 1950-х — конец 1960-х гг.

Начало освоения человеком космоса пришлось на середину XX в. и стало поворотным пунктом в глобализации всех сфер общественной жизни, так как с этого момента мир, в котором живет человек, перестал восприниматься только изнутри и получил возможность быть воспринимаемым и исследуемым извне, со стороны, когда человек впервые за всю свою историю получил возможность быть внешним наблюдателем за тем, что происходит на Земле. Таким образом, он смог единым взором окинуть сразу всю планету и в полной мере осознать не только уникальность своего существования в безбрежном космическом пространстве, но и хрупкость, незащищенность своего «жилища» как перед силами природы, так и перед мощью техногенного воздействия на нее, которое он сам и породил.

В итоге это не только принципиально изменило взгляд человека на самого себя, но и открыло перед ним никогда прежде не существовавшие возможности изучения своей планеты как единого целого, как маленького островка жизни, микроскопического шарика в Солнечной системе, которая, в свою очередь, оказалась лишь песчинкой в галактике Млечный Путь, представшей человеческому взору через призму ультрасовременных телескопов также лишь крошечным фрагментом в безбрежном океане мироздания. Итак, с началом космической одиссеи человек, используя беспрецедентные научные и технические достижения для проникновения в глубины космоса, соприкоснулся с иными мирами и впервые так отчетливо осознал свою уникальность и затерянность собственной колыбели в холодной, загадочной, неприглядной и безжизненной космической бездне.

Осознание уникальности жизни на основе конкретных научных данных, во всяком случае в пределах досягаемой Вселенной, произо-

шло по историческим меркам буквально «только что», «несколько мгновений тому назад», а началом этого процесса можно считать 1925 г., когда американский астроном Э. Хаббл, наблюдая за звездами в туманности Андромеды, доказал, что галактики представляют собой звездные системы. В 1927 г. Я. Х. Орт и Б. Линдблад доказали вращение Галактики, а Дж. Лемер выдвинул гипотезу расширяющейся Вселенной. В 1929 г. Э. Хаббл установил закон, определяющий скорость движения галактики в процессе расширения Вселенной, подкрепив тем самым гипотезу расширяющейся Вселенной.

Однако настоящий прорыв в освоении человеком космоса был сделан в 1957 г., когда Советский Союз запустил первый искусственный спутник Земли, открыв принципиальную возможность наблюдать за планетой, выйдя за ее пределы, и исследовать не только теоретически, но и практически космические объекты Солнечной системы. Уже в 1959 г. человек сумел впервые увидеть Луну в полном объеме, получив фотографии ее обратной стороны, сделанные советским зондом «Луна-3».

12 апреля 1961 г. состоялся первый полет человека в космос. Ю. А. Гагарин открыл новую страницу в истории человечества, *окончательно «замкнув» планету пространственно в режиме реального времени*, т.е. придал ей временное и пространственное человеческое измерение, когда за считаные минуты человек получил возможность достичь любой точки планеты и впервые увидел ее со стороны.

Итак, если после первого кругосветного путешествия у Земли не стало границ *в принципе*, т.е. границ *глобальных* (ибо окончательно было установлено, что планета круглая), но оставалось еще много локальных и региональных границ, разделявших открытые и неизведанные территории, куда не ступала нога человека, на которые еще никогда не падал его взор, то после полета Ю. А. Гагарина уже не осталось и таких границ. Не осталось в принципе, ибо использование космических телекоммуникационных средств связи и наблюдения устранило все временные и пространственные барьеры общения между людьми независимо от места их нахождения на планете и дало неограниченные возможности наблюдать за происходящим на Земле в режиме реального времени.

С началом космической эры ближайший космос стал таким же достоянием человечества, как и земная естественная среда обитания, что значительно расширило сферу активной деятельности человека, с одной стороны, усилив его способности влиять на биосферные процессы Земли, а с другой стороны, дав ему принципиально новые возможности для познания космоса и природы мироздания. Тем самым была открыта эра освоения новых миров, которая началась с полетов к Луне, Марсу, Венере, другим планетам и объектам Солнечной системы, а продолжилась запуском космических кораблей и за ее пределы.

Так, в 1962 г. была предпринята первая космическая инопланетная экспедиция, в результате которой американский зонд «Маринер-2» облетел Венеру. Двумя годами позже состоялся первый удавшийся полет вокруг Марса американского зонда «Маринер-4». В 1965 г. советский космонавт А. А. Леонов стал первым человеком, осуществившим выход в открытый космос, а в 1966 г. была произведена первая мягкая посадка на Луну управляемого снаряда, советского зонда «Луна-9». С 21 по 27 декабря 1968 г. американский космический корабль «Аполлон-8», пилотируемый Ф. Борманом, произвел первый полет вокруг Луны, а 21 июля 1969 г. состоялась первая высадка на Луну американцев Н. Армстронга и Э. Олдрина. Таким образом, человек не только вышел за пределы планеты, но и впервые вступил на поверхность неземного космического объекта.

В 1971 г. СССР построил и стал эксплуатировать первую орбитальную станцию — «Салют-1», создав возможность длительного пребывания человека на околоземной орбите. В 1976 г. происходит мягкая посадка на Марс двух американских зондов «Викинг-1» и «Викинг-2», которые изучают поверхность планеты и пытаются обнаружить там присутствие микроорганизмов. В 1981 г. американцы проводят первый экспериментальный полет космического корабля многоразового использования «Шаттл». В 1986 г. был осуществлен первый облет кометы Джакобини — Циннера космическим аппаратом — американским зондом ICE, а на следующий год американский зонд «Вояджер-2» облетел планету Уран, и уже пять космических зондов облетели комету Галлея. Еще 2 годами позже, в 1989 г., американский зонд «Вояджер-2» облетел планету Нептун и его главный спутник Тритон. В 1994 г. был осуществлен успешный полет европейского спутника-зонда «Улисс» над южным полюсом Солнца на расстоянии 300 млн км.

Освоение околоземного космического пространства оказало колоссальное влияние на развитие средств связи и передачи информации посредством радио, телевидения, телефона, что во многом способствовало развитию информационной революции и сделало электронные средства массовой информации важнейшим рычагом политики и влияния на массовое сознание. Принимая во внимание также возможности осуществления космического мониторинга, высокоточной разведки, прогнозирования погоды, навигации, управления наземными системами и т.п., можно сказать, что в этом отношении XX в. сопоставим с эпохой Великих географических открытий.

Тогда был «прорыв» за пределы европейской ойкумены, после чего 500 лет по нарастающей шло развитие экспансии человека, исследующего поверхность Земли, пока она полностью не предстала перед ним как раскрытая книга. На этот раз человек совершил прорыв за пределы планеты в безбрежные космические просторы, за которым последовало вначале практическое освоение объектов Солнечной системы, а затем,

по мере роста технических возможностей, и реальный выход за ее пределы. Однако в отличие от освоения земной поверхности освоение космических объектов не имеет принципиальных пределов, как не предполагает и каких-либо границ расширения познания этой реальности, как то имело место, например, в познании поверхности Земли, что делает эпоху освоения человеком космоса процессом, у которого есть вполне определенное начало, но в принципе теперь уже не может быть конца, если смотреть на это через призму масштабов человеческого бытия.

Таким образом, с началом освоения космоса стало активно развиваться *вселенское сознание*, появление которого следует отнести к несколько более раннему периоду, когда человек впервые стал осознавать свои реальные возможности выйти за пределы планеты. Первые признаки проявления вселенского сознания можно обнаружить в работах представителей русского космизма: К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, Н. Ф. Федорова и др., которые рассматривали человека как составную часть космоса. В наиболее радикальных теориях русских космистов развивались идеи, в соответствии с которыми в перспективе человек оставит Землю и переселится в космос. Идеи космизма получили также широкое распространение в живописи, кино, литературе, ярким примером чему может служить произведение А. Н. Толстого «Аэлита» или кинофильм «Звездные войны».

Активное освоение околоземного пространства, исследование планет Солнечной системы с помощью направляемых туда космических аппаратов и расширение технических возможностей человека исследовать самые отдаленные уголки Вселенной вселяют надежды на возможность раскрытия тайн мироздания и оживляют интерес к поиску внеземной жизни и внеземных цивилизаций.

Другой аспект выхода человека в космос непосредственно связан с разворачиванием информационной революции, ставшей важнейшей составной частью современной глобализации, когда уже невозможно представить не только современные средства массовой информации и связь без космической составляющей, но и многие сферы общественной жизни от медицинских экспериментов и космического мониторинга до управления войсками и космической электронной разведки.

§ 9. Многоаспектная глобализация

*Продолжение четвертого эпометаморфоза,
который вступил в свою активную фазу начиная с 1970-х гг.
и завершится предположительно в пределах середины XXI в.*

Многоаспектная глобализация началась в 70-е гг. XX в. и продолжается в настоящее время. Она является ярким выражением активной фазы четвертого эпометаморфоза, существенной особенностью кото-

рого стало осознание глобальных угроз и порождающих их процессов глобализации, а также формирование «глобального человекника» и соответствующих ему глобального сознания, культуры и образа жизни в отношении все большего числа жителей планеты. На это время приходится не только активное освоение Мирового океана, атмосферы и космического пространства, а также начало и бурное развитие информационно-технологической революции, но и появление (начало формирования) *глобального сознания* в массовом масштабе в качестве еще одной формы общественного сознания наряду с мифом, религией, философией, наукой, экологией.

Неологизм «глобальный человекник», достаточно точно отражающий основную суть *четвертого эометаморфоза*, где люди оказываются «жителями одного дома», принадлежит известному русскому философу А. А. Зиновьеву, который в этой связи пишет: «Во второй половине XX в. произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции»¹. Если же более точно определять начало современного переломного момента, когда человечество вступило в заключительную фазу перехода от фрагментарного состояния к состоянию целостному не только по существу, но и в деталях, то его можно соотнести со временем «открытия» глобальных проблем и осознания принципиально новых угроз, которые они несут человечеству.

Речь идет о периоде, который, начавшись в 70-х гг. прошлого века, продолжается в настоящее время и трансформируется в новый этап, по-видимому, с укоренением всех основных процессов глобализации как в экономической, так и в духовной сфере: идеологии, культуре, образовании и т.п., т.е. и там, где в настоящее время процессы глобализации еще не являются всецело доминирующими. В этой связи важно подчеркнуть, что хотя одни авторы рассматривают глобализацию как перманентный и бесконечный процесс (во всяком случае, о его завершении не высказываются), а другие говорят о периодах, этапах или «волнах» глобализации, все они, как правило, особо выделяют последние 30 лет XX в. и начало XXI в., рассматривая их как переломное время, во всяком случае в сознании и настроении основной части мирового сообщества. В первую очередь такие перемены нашли отражение в культуре, языке, мировоззренческих и ценностных установках, которые в совокупности с основными атрибутами глобальной цивилизации: масс-медиа, Интернетом, мировыми экономическими, политическими, финансовыми связями и т.п. — наиболее ярко выражают суть многоаспектной глобализации.

¹ Зиновьев А. А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск; М., 2000. С. 70.

В рассматриваемый период одновременно произошло так много событий и проявилось столько новых тенденций, что нам остается отметить лишь наиболее важные из них (с точки зрения основной цели предпринятого исследования), памятуя при этом, что глобализация невозможна в каком-то одном секторе мировой системы, в то время как другие секторы оставались бы ею неохваченными. При этом суть многоаспектной глобализации состоит в том, что она не просто охватила все сферы общественной жизни, а именно полностью замкнулась по географическому параметру и вплотную приблизилась к такому состоянию в информационной сфере, практически овладела всеми остальными сферами общественной жизни.

Глобальный рынок. В предыдущих параграфах было показано, как к началу XX в. фактически сформировались основные контуры мировой экономики, где важнейшую роль стали играть транснациональные корпорации и трансграничное перемещение капиталов (ТНК). Достаточно сказать, что число таких корпораций растет быстрыми темпами. Так, в 1970 г. в мире насчитывалось 7,3 тыс. ТНК, а их оборот составлял около 626 млрд долл. На начало 1990-х гг. их число составляло 37 тыс. с оборотом в 7 млрд долларов. В 2012 г. в мире насчитывалось уже около 82 тыс. ТНК, и их оборот был более 30 трлн долларов, тогда как численность их филиалов во всем мире превысила 800 тыс.¹. При этом мировая экономика сложилась также и как совокупность национальных экономик, находящихся в тесной взаимозависимости и связанных производственными, экономическими, финансовыми отношениями, которые в целом можно охарактеризовать еще более емким понятием — мировое хозяйство.

По мнению ряда специалистов, такая экономика складывалась на протяжении столетий, начиная с эпохи Великих географических открытий, хотя относительно XVI и даже XVII в. говорить о ней как о целостной системе неправомерно, поскольку связи между европейскими, американскими, азиатскими и африканскими странами строились тогда не на международном разделении труда, а на «выкачивании» европейцами из колоний и покоренных стран и территорий пряностей, золота, серебра, других драгоценностей и редких товаров. Добытые таким образом богатства тратились европейскими монархами и придворной знатью на предметы роскоши, на снаряжение все новых экспедиций и содержание огромных армий и, по существу, не способствовали развитию национальных экономик, так как фактически никак не включались в процесс экономического воспроизводства².

¹ См.: Конференция ООН по торговле: несколько десятков корпораций правят миром... // Финмаркет. 28 февраля 2013 г. (<http://www.finmarket.ru/main/article/3244103>).

² См.: Шишкова Ю. В. Мировое хозяйство // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 614.

Изменения в этой области произойдут позже, когда в значительной мере сформируются и окрепнут капиталистические отношения.

Постепенное нарастание глобальных тенденций хорошо иллюстрируется динамикой мирового экономического роста, который, по данным ООН, в период с 1500 по 1820 г. вырос уже до 0,9%. Однако поистине беспрецедентными темпами мировая экономика стала развиваться с середины XX в., вырастая в среднем на 3,9% в год. Одновременно росли и доходы на душу населения: сегодня они увеличиваются в 42 раза быстрее, чем в докапиталистическую эпоху и вдвое быстрее, чем в начале XIX в. При этом объемы международной торговли растут быстрее, чем мировой валовой внутренний продукт. Другие экономические показатели свидетельствуют о тех же тенденциях. Так, объем мирового экспорта, составивший 1,9 трлн долл. США в 1985 г., увеличился до 6,3 трлн долл. в 2000 г. Международные инвестиции с 58 млрд долл. в 1982 г. выросли до 209 млрд долл. в 1990 г. и до 1,3 трлн долл. в 2000 г., а объем международной торговли в 2000 г. в 22 раза превысил уровень 1950 г. и составил более 20 трлн долл. в 2012 г.

Итак, принципиальные изменения в экономике произошли лишь в XX в., когда глобализация распространилась практически на все сферы человеческой деятельности. В это время «по мере формирования наднациональных финансовых и прочих рынков и производственно-сбытовых структур всемирные экономические отношения все более обретают роль ведущих, определяющих, тогда как внутристрановые отношения даже очень крупных и весьма могущественных стран, не говоря уже об остальных, вынуждены приспособливаться к реалиям глобальной экономики. Иными словами, мировое хозяйство в эпоху глобализации постепенно становится сильнее и значимее национальных хозяйств»¹. Будучи в диалектической взаимозависимости с процессами глобализации, международная экономическая система обнаруживает новые свойства и характеристики, которые не присущи составляющим ее национальным хозяйствам. Назовем важнейшие из них: появление мировых рынков тех товаров и услуг, которые имеют особое значение для функционирования всех без исключения стран современного мира (рынка нефти и газа, рынка авиаперевозок, рынка зерновых, рынка информационных и туристических услуг и т.п.); формирование мировых цен на такие товары и услуги, во многом определяющие политику их национальных производителей; развитие мирового рынка ссудного капитала, где определяется не только его международная цена, но и предпочтительные направления его потоков; появление эффекта резонанса, когда экономические подъемы или спады переносятся из одной страны в тесно с ней связанные другие

¹ См.: Шшиков Ю. В. Мировое хозяйство // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 615.

страны и регионы¹. Показательным в этом отношении стал первый мировой энергетический кризис, разразившийся в 1973 г. и показавший тесную зависимость мировой экономики от энергоносителей. Тогда выросшие в несколько раз мировые цены на нефть вызвали в большинстве развитых стран мира резкий спад производства, рост безработицы и инфляции.

Сегодня управление и регуляция отношений в системе международных экономических отношений осуществляется посредством множества международных организаций, важнейшими из которых являются: Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Всемирный банк и др. Ход послевоенных событий, породивший эту модель, привел также к формированию мирового рынка, который теперь, будучи уже не только рынком капиталов, но и рынком рабочей силы, услуг, технологий, инноваций, туризма, лицензий и т.п., вместе с мировой экономикой составляет единую глобальную финансово-экономическую систему, где на первое место вышло международное разделение труда, а также обмен товарами и услугами между разными странами.

Геополитические изменения, произошедшие в мире в связи с распадом социалистической системы, открыли новые возможности для развития мировой экономики и мирового рынка в условиях глобализации, когда ослабление глобального военно-политического противостояния высвободило ресурсы и внимание для развития экономической сферы. В итоге на международной арене борьба интересов в этой области еще больше усилилась, а ограниченность ресурсов, прежде всего энергетических, породила ряд локальных и региональных конфликтов, в том числе с применением военной силы, как, например, в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, на Украине и в других «горячих точках» планеты. Будучи теснейшим образом связанной с глобальной политикой и извечной общечеловеческой проблемой — предотвращением войны и сохранением мира, мировая экономика к началу XXI в. по всем своим основным параметрам стала глобальной, а процесс ее глобализации — всеохватывающим и саморазвивающимся, превратившись в своего рода цепную реакцию, которая, захватывая все новые сферы и набирая обороты, прокладывает себе путь, преодолевая различные препятствия.

Мировые деньги. Важнейшим элементом любой экономики, особенно рыночной, являются деньги и кредиты. Это объясняет огромное внимание, которое уделяется денежной и кредитной системам в любой стране мира, хотя дать однозначное, а тем более полное определение денег — предельно трудная, если вообще выполнимая задача, что связано с постоянно расширяющимся многообразием их функций

¹ См.: Шихов Ю. В. Указ. соч. С. 614.

и форм. Под универсальным словом «деньги» понимается множество их разновидностей, различающихся видом «денежного материала», способом обращения, использования, учета денежной массы. Различают наличные и безналичные деньги. Тем не менее можно указать на наиболее общее и распространенное определение денег как экономической категории, когда их определяют как *всеобщий товарный эквивалент, универсальное средство обмена*. Их сущность выражается в том, что они являются товаром особого рода, выполняющим роль всеобщего эквивалента.

Традиционно роль мировых денег всегда выполняло золото, но так было до середины 40-х гг. XX в., пока Бреттон-Вудские соглашения не пошатнули монополизм золота, сделав мировой валютой, наряду с золотом, доллар США, который стал общепризнанным средством в международных расчетах. Тогда же была принята и система стабилизации обменных курсов. Международный банк реконструкции и развития, который также называют Мировым банком, стал собственностью стран-участниц, которые взяли на себя обязательство поддерживать зафиксированный в долларах курс своей валюты, называемый паритетным курсом. Каждая страна по соглашению должна была иметь долларовый запас в виде резервной валюты и использовать его для покупки своей валюты, когда стоимость доллара падала. При увеличении курса доллара собственная валюта должна была продаваться. Обменный курс валют фиксировался через трехсторонний арбитраж. Это был фактически первый опыт и начальный импульс на пути глобального регулирования финансовой системы в условиях глобального рынка.

Бреттон-Вудские соглашения сделали американский доллар, по существу, единственной мировой валютой, что также стало важным шагом на пути формирования единого мирового экономического пространства. Сегодня, хотя у доллара и появились конкуренты — евро и юань, он тем не менее сохраняет лидирующие позиции в качестве мировой валюты. Еще в XIX в. невозможно было представить, что национальные валюты большинства стран мира будут тесно связаны с курсом доллара США, а в России, сохраняющей конфронтационность с Западом, американская валюта будет полновесной платежной единицей, к курсу которой будет привязан рубль. Но объективно идущая глобализация в конечном счете ломает все идеологические и политические барьеры, если они противоречат основным ее принципам, отражающим целостность глобального мира. Не стала исключением и сфера финансов, где теперь все расчеты выполняются в различных валютах, которые не имеют золотого обеспечения, а деньги, когда золото перестало быть всеобщим эквивалентом, выступают в качестве меры стоимости, средства обращения, средства платежа и средства накопления. Качественно новая роль денег в рыночной экономике за-

ключается в том, что они превращаются в капитал, на что еще в XIX в. обратил внимание К. Маркс. Другими словами, деньги обслуживают производство и реализацию общественного капитала, выступая в виде потоков, которые в кругообороте доходов и продукта увязывают деятельность человека в различных сферах общественной жизни от экономики до межгосударственных отношений. В условиях глобального мира финансы претерпевают поистине революционные преобразования, на что указывает известный теоретик в области валютной глобализации Л. Н. Красавина, которая, в частности, пишет: «Поскольку валютные отношения обслуживают микрохозяйственные связи, это определяет многоуровневый характер валютной глобализации, сопровождающей интернационализацию процесса воспроизводства. Происходит расширение валютной глобализации, так как валютные отношения опосредствуют растущий объем мировой торговли товарами и услугами, и особенно международного движения капитала, включая фиктивный, в том числе базовых и производственных финансовых инструментов»¹.

Первую финансовую революцию породили англичане, которые еще в XVII в. изобрели *государственный долг*. К этому времени уже существовали различные финансовые инструменты, такие как векселя, трансферты, тратты, акцепты и др., а различные страны делали займы и раньше, но они были, как правило, кратковременные. «Гениальность изобретения англичан, — отмечает С. Л. Удовик, — заключалась в том, что заем правительства носил долгосрочный характер... под *гарантированную* парламентом справедливую оплату ежегодного дохода. Обратное получение денег займодавцем не подразумевалось, что привело к долгосрочному кредиту и образованию *национального долга*»². Нечто подобное повторили после Второй мировой войны и США, наводнившие практически весь мир неконвертируемыми долларами и сумевшие сделать это благодаря мощи своей экономики, военной силе и политическому влиянию. Так, к 1971 г., когда США де-факто прекратили обмен своих денег на золото, по всему миру уже было в обращении около 80 млрд долл., тогда как в США их было всего немногим более 50 млрд. К началу XXI в. это соотношение еще сильнее изменилось, увеличившись более чем в три раза. «Это гениальное изобретение американцев намного превзошло по значимости изобретение Англией государственного долга. Всеобщее использование доллара США не дает ему упасть, так как это приведет к структурному кризису мировой экономики и всеобщим потерям»³.

¹ Красавина Л. Н. Валютная глобализация: тенденции и перспективы развития // Век глобализации. 2012. № 2 (10). С. 4–5.

² Удовик С. Л. Глобализация: семиотические подходы. М., 2002. С. 62.

³ См. там же. С. 242.

В последние годы под влиянием разворачивающейся глобализации и вследствие того, что мир становится более открытым, в сфере финансов наблюдаются и принципиально новые явления, связанные со свободным перетеканием капиталов из одних стран и регионов в другие, появлением всевозможных схем ухода от налогов, масштабными валютными спекуляциями и т.п. Если в начале 1970-х гг. годовая торговля валютой превышала мировую торговлю товарами в два раза, то теперь она стала в 80 раз больше, составляя около 400 трлн долл. США. При этом до 90% всех сделок на валютных рынках носит спекулятивный характер.

Важно также отметить, что глобализация внесла определенные коррективы в сферу труда и капитала, расширив, в частности, «вилку доходов», которые они приносят. Так, по результатам проведенного в Германии исследования, за последние 15 лет XX в. «доходы от труда (практически не) выросли в реальном исчислении на 2%, тогда как доходы от капитала за тот же период как бы взлетели на крыльях на 59%. И это указывает лишь на начальную фазу, в которой растет производительность капитала без труда. В глобальную эпоху считается: труд растет и дешевеет, капитал уменьшается и дорожает. В соответствии с этим снижающийся фактический доход от труда и растущий фактический доход от капитала ведут к обостряющемуся расколу мира на мир бедных и мир богатых»¹. В этой связи достаточно сказать, что сегодня немногим более трех с половиной сотен долларовых миллиардеров имеют больше средств, чем зарабатывает половина человечества.

Итак, формирование мировой финансовой системы стало одной из важнейших характеристик современного глобализирующегося мира, когда деньги все больше начинают производить сами себя, порождая не только все увеличивающееся социальное неравенство, но и социальную напряженность. Нет сомнения, что рано или поздно человечеству не уйти от необходимости решать данную проблему и, по всей вероятности, оно придет к единому средству платежа, к мировым деньгам, которые вряд ли будут какой-либо национальной валютой, управляемой из отдельно взятой страны. Но и отдельно взятые страны, если они в той или иной форме сохранятся, должны будут сильно трансформироваться по многим, в том числе базисным основаниям, важнейшими из которых являются материальная и духовная культура, общественное бытие и общественное сознание.

Массовое общество и массовая культура. Наряду с интернационализацией экономики и унификацией роли денег отличительной чертой современной глобализации и в определенной степени ее закономерным порождением стало также формирование массового общества и соответствующей ему массовой культуры, для которых благо-

¹ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 262–263.

датной почвой послужили, с одной стороны, интернационализация общественной жизни и резко возросшее взаимовлияние различных культур на поверхностном, фрагментарном и упрощенном уровне, ведущее к имитации и тиражированию образцов высокой культуры, а с другой стороны, активное развитие средств массовой информации, воспроизводящих в любых количествах унифицированную культуру, мировоззренческие клише, речевые штампы, стереотипы мышления, поведения и образа жизни.

Своеобразным механизмом саморазвития и распространения массовой культуры в условиях глобализации стала *реклама*, способствовавшая ее превращению в особый вид индустрии и навязывающая продукцию такой культуры не только жителям отдельных стран и регионов, но и мировому сообществу в целом, легко преодолевая любые барьеры, преграды и границы: национальные, таможенные, морально-этические и т. п. С момента появления первого рекламного приложения в *The London Gazette* в 1666 г. в этой области многое изменилось, и теперь, особенно в США, например, до двух третей объема газет может быть отведено рекламе. Важную роль она играет в продвижении не только товаров, но и идей, услуг, искусства и других результатов творчества. В частности, Голливуд стал центром мирового кинематографа в значительной степени благодаря не только концентрации средств и капиталов в этом проекте, но и по причине соответствующей агрессивной политики, направленной на захват мирового рынка в сфере досуга и развлечений. То же относится и к теперь уже глобальной системе ресторанов быстрого обслуживания McDonald's, распространившимся по всему миру супермаркетам, диснейлендам, аквапаркам, всевозможным всемирным конкурсам: моды, красоты и т. п.

Первые элементы массовости как закономерного и развивающегося по своим законам социального явления появились в эпоху становления капиталистических отношений, сопровождавшихся концентрацией производства, ростом урбанизации, усилившейся миграцией и возросшей социальной активностью основных слоев населения. Тогда «массовая культура способствовала гомогенизации складывающихся сообществ, устранению различий и нивелированию уникальности этоса буржуазии и пролетариата, снятию напряжений и конфликтов, связанных с социальными трансформациями»¹. Затем, по мере усиления процессов глобализации, это явление стало повсеместным, распространившись на все сферы общественной жизни, что в условиях индустриального общества вполне соответствовало новому «конвейерному» способу производства культурных ценностей, рассчитанных на массовое потребление.

¹ Астафьева О. Н. Массовая культура // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 541.

Как социальное явление данная проблема стала предметом специального исследования еще до Второй мировой войны, в частности в работе испанского философа Х. Ортега-и-Гассета «Восстание масс» (1930), где он показал, как соединение либеральной демократии с научно-техническим прогрессом во взаимозависимом мире приводит к формированию «человека-массы», который выходит на арену истории, научившись пользоваться современной техникой и благами цивилизации, но не приобщается при этом к подлинной культуре, к пониманию исторических задач и принципов цивилизации. В послевоенный период глубокий и содержательный анализ явления массового общества был дан Х. Арендт, которая в появлении в XX в. феномена «массы» усматривала благодатную почву для формирования тоталитарных режимов, так как массовая культура не просто влияет, но соответствующим образом деформирует общественное сознание. Обращая внимание на гигантское «омассовление» индивидов, при котором конкретный человек теряет свое лицо, индивидуальность и становится «винтиком», функцией, орудием исполнения чужой воли, она в 1951 г. писала: «Падение охранительных стен между классами превратило сонные большинства, стоящие за всеми партиями, в одну громадную, неорганизованную, бесструктурную массу озлобленных индивидов... Они не нуждались в опровержении аргументации противников и последовательно предпочитали методы, которые кончались смертью, а не обращением в новую веру, сулили террор, а не переубеждение»¹.

То, что в условиях глобализации достаточно жесткие и вполне определенные границы национальных и этнических культур размываются, а их «закрытость», обеспечивающая им этнокультурное разнообразие, становится относительной, не является каким-то необычным или случайным явлением. Более того, следует признать объективную обусловленность, закономерность и даже необходимость появления на определенном историческом этапе отмеченных процессов, а их понимание и оценка только в негативном контексте были бы односторонними и неконструктивными, так как целостный и взаимосвязанный мир не может не иметь соответствующих ему и по масштабу, и по содержанию признаков и атрибутов. По отношению к глобальному сообществу людей и «массовая культура», и «массовое общество» как раз и являются такими неотъемлемыми составными элементами, ибо у человека, живущего в такой реальности, «существующего в плюралистической культуре, формируются одинаковые социокультурные стереотипы, ибо каждый получает примерно один и тот же набор информации через телевидение, Интернет и другие средства массовой коммуникации. Унифицированность миллионов людей планеты, принадлежащих к самым разным слоям населения, формируется миром однообразия

¹ Цит. по: Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: 2000. С. 166.

массовой культуры, которая распадается на бесконечное множество фрагментов, не принадлежащих единой системе ценностей»¹. Таким образом, в контексте глобализационных процессов массовая культура выступает как прообраз транснациональной, мировой, общечеловеческой культуры и нередко истолковывается как культура, противопоставляемая этническим ценностям и этнокультурной самобытности, что односторонне отражает новую реальность и лишь отчасти соответствует действительности. Глобализация, с необходимостью ведущая к универсализации всех сфер общественной жизни, в том числе духовных ценностей, мировоззренческих ориентиров, вовсе не исключает сохранения традиционализма, самобытности и культурного разнообразия в жизни отдельных стран и народов, которые, конечно же, не без конфликтов и противоречий вынуждены трансформироваться и изменяться под давлением внешних обстоятельств и влиянием объективных факторов мирового развития. Однако указанные процессы не носят тотальный характер и не предполагают подмены частного общим, а лишь отражают новое состояние современного мира, где часть и целое развиваются параллельно, взаимодополняя друг друга.

Омассовление общества и культуры стало повсеместным явлением, охватившим все сферы общественной жизни, включая даже науку и образование. Так, в последние десятилетия отмечается резкое увеличение количества научной печатной продукции, чему способствует не только процесс реального приращения нового знания, но и появление все более совершенных способов и новых возможностей тиражирования, комбинирования, компилирования, заимствования уже готовых результатов. В итоге теперь ежегодно печатается более 1 млн публикаций в области естественных наук и более 200 тыс. в области гуманитарных наук, что не только увеличивает поток тиражируемых знаний и всевозможных сообщений, но порождает «информационное загрязнение», когда новые и интересные идеи оказываются затерянными в море малозначительной, а то и просто бессодержательной информации. Все это вызывает появление синдрома «информационного пресса», ведет к «подавленности» информацией, «растерянности» перед все увеличивающимся информационным потоком, справиться с которым становится все труднее. Как отмечает известный американский социолог Р. Коллинз, «когда растет общий объем интеллектуальной продукции, вознаграждение среднего индивида падает — по крайней мере, чисто интеллектуальное вознаграждение в виде признания идей и созерцания их влияния на других. В таких обстоятельствах не удивляет появление в интеллектуальном сообществе пессимизма и сомнений в собственной значимости»².

¹ Астафьева О. Н. Указ. соч. С. 544.

² Коллинз Р. Причины интеллектуальной стагнации // Вестник РФО. 2001. № 2 (18). С. 126.

Аналогичная картина раскручивания инфляционной спирали отмечается не только в науке, но и в сфере образования, где быстрыми темпами растет количество средних специальных и особенно высших учебных заведений: колледжей, университетов, институтов, академий, вступающих в острую борьбу за абитуриентов. Например, в России к концу первого десятилетия XXI в. количество высших учебных заведений увеличилось в два раза по сравнению с тем, сколько их было в Советском Союзе, что послужило поводом для соответствующей реакции со стороны Министерства образования РФ, развернувшего в последние годы широкую кампанию по слиянию и сокращению неэффективных вузов.

В разворачивающейся гонке за привлечение интеллектуального внимания, охватившей практически весь мир, и прежде всего наиболее развитую его часть, в полной мере проявляется омассовление, «усреднение» высшего образования, когда оно становится своего рода «валютой», контролирующей и подготовку кадров, и распространение мировоззренческих клише, и возможности трудоустройства. При этом образование выступает в качестве самовоспроизводящейся, расширяющейся системы, которая поддерживает и ускоряет свой рост посредством взаимного влияния «инфляции образовательных свидетельств, движимой конкуренцией более высокой подготовки, и возникающих в результате роста требований к дипломам при трудоустройстве. После насыщения и обесценения образования очередного уровня над ним надстраиваются рынки более высоких уровней образовательных свидетельств. Отношения между предложением и спросом в сфере образования оказываются круговыми и работают по принципу самосусливания: спираль раскручивается, и конца этому не видно»¹, — констатирует Р. Коллинз и отмечает еще одну негативную тенденцию, тесно связанную с инфляционной волной выдаваемых дипломов, а именно — экстенсивный рост академических интеллектуалов, которых становится все больше и больше вне всякой связи с реальными потребностями общества и реальным приращением нового знания. «По мере роста спроса на сертификаты об образовании, — подчеркивает Р. Коллинз, — увеличивается количество обладателей высших дипломов, обучающихся тех, кто находится на ступень ниже. Происходит взрывной рост числа “докторов философии” (Ph. D’s). А поскольку эти ученые борются за академические должности, повышая свою репутацию как авторов публикаций, отдача от научной работы следует по тому же инфляционному пути, что и состязание за более низкие академические степени, и, таким образом, над расширением высшего образования складывается рынок следующего уровня (мета-рынок)»².

¹ Коллинз Р. Указ. соч. С. 127–128.

² Там же.

Этот описанный применительно к науке и системе высшего образования «эффект матрешки» имеет место также практически во всех гуманитарных сферах: от прикладного творчества, дизайна и ваияния до литературы, эстрады и театра, где образцы высокой культуры под натиском шлягеров, «попсы» и других форм «духовного ширпотреба» все больше выходят в тираж, растворяются в массе второстепенных малосодержательных вещей, порождаемых унификацией экономики, образа жизни и мышления.

Данное явление, конечно же, имеет негативный аспект, но важно также подчеркнуть и то, что в условиях глобализации культура объективно не может оставаться только локальной, замкнутой в национальных рамках и не трансформироваться под влиянием мировых тенденций, не унифицироваться по общечеловеческим основаниям. Другими словами, культура, будучи всегда самобытной и неповторимой в своих локальных проявлениях, под влиянием процессов глобализации уже не может не быть одновременно и массовой, что не поддается однозначной оценке в категориях «хорошо» или «плохо», ибо, будучи объективной реальностью, массовая культура в одних отношениях воспринимается как негативное явление, в других как позитивное.

Мировой язык. В условиях глобализации, когда пространственно-временные параметры общения благодаря современным средствам транспорта и связи практически перестали иметь принципиальное значение, последним серьезным препятствием к деловому, политическому, научному, бытовому и тому подобному общению различных народов остался язык. Объективная потребность в таком языке была всегда, укрепляясь по мере развития торгово-экономических, политических и культурных международных связей, что мы уже видели на примере широкого распространения греческого языка в период наивысшего развития древнегреческой культуры. Но наиболее остро такая потребность стала ощущаться лишь к середине XIX в., когда резко возросли объемы мировой торговли и перемещения капиталов, расширились до глобального уровня политические отношения, научные и культурные связи, появились международные общественные организации, спортивные состязания, туристическая индустрия. В силу названных причин, а также под влиянием конкретных обстоятельств национального развития отдельных стран и их роли в тех или иных сферах общественной жизни со второй половины XIX в. статус международного языка в отдельных сферах закрепился за разными языками. Так, французский язык стал считаться языком дипломатов, немецкий — языком философии, английский выполнял роль средства межличностного общения. В технической, деловой, военной и других сферах деятельности получили развитие искусственные языки, например азбука Морзе, разработанная в 1837 г.

Какое-то время казалось, что в условиях нарастающей глобализации на смену множеству естественных языков придет единый, синтетический, искусственный язык. Большие надежды в этой связи возлагались на международный язык эсперанто, созданный в 1887 г. и получивший название от псевдонима создателя проекта Л. Заменгофа — *Doktoro Esperanto* (эсперанто: Доктор Надеющийся). Он достаточно быстро получил широкое распространение и достиг пика своего развития к середине следующего, XX столетия. Однако по мере усиления экономики и политического влияния англоязычных стран и их резко возросшей роли в мировой культуре, особенно после Второй мировой войны, эсперанто, как и немецкий, французский, испанский языки стал сдавать позиции английскому, а затем, с началом информационной революции и появлением Интернета, где подавляющий объем информации представлен на английском языке, и вовсе уступил ему пальму первенства, практически полностью потеряв свое значение и перспективу развития в качестве языка интерактивного общения.

И дело не только в том, что искусственный язык по богатству смысловых оттенков и речевых оборотов не может соревноваться с живым, естественным языком, но и в том, что язык, оторванный от культурного контекста и конкретных социально-экономических и политических условий жизни людей, становится мертвым, нежизнеспособным, и потому у человечества сегодня по существу нет альтернативы — оно вынуждено сделать выбор в пользу одного из естественных языков. При этом речь не идет о каком-то специально продуманном, заранее просчитанном и сделанном на альтернативной основе выборе. Такой вопрос нельзя решить путем голосования, совместной договоренности или волевым усилием. Объективные обстоятельства сами «подсказывают», а в случае несогласия жестко диктуют свой выбор, в данном случае в пользу английского языка. С этим можно соглашаться или нет, но современная ситуация сегодня практически никому не предоставляет возможностей для успешного ведения дел за пределами своей страны, развития международных отношений и т. п. без знания английского языка. Даже в европейских объединениях, где наиболее распространенным вариантом является использование сразу трех официальных языков — английского, французского и немецкого, английский по большей части объективно доминирует, ибо в разноязычных аудиториях общее число знающих его оказывается, как правило, больше тех, кто владеет другими языками. Об этом говорят и данные Европейского бюро по проблемам редких языков, согласно которым в 1995 г. 42% граждан стран Европейского союза утверждали, что в состоянии вести беседу на английском, 31% — на немецком и только 29% — на французском. Характерно и то, что в большинстве городов мира на указателях и рекламных щитах все больше появляется дублирующих надписей на английском языке. Например, в 1985 г. англоговорящий

турист практически не мог ориентироваться в Токио, где все надписи были только на японском, но уже через 10 лет указатели и вывески на английском в столице Японии стали обычным делом.

Национальные языки при этом, конечно же, теряют в динамике развития, но это объективная реальность, с которой уже нельзя не считаться. По некоторым оценкам специалистов, весьма вероятно, что до 80% из примерно 6 тыс. языков, насчитывающихся сегодня в мире, прекратит свое существование к концу XXI в. «Если эти прогнозы подтвердятся, то произойдет настоящая гуманитарная и социальная катастрофа, — пишет признанный мировой авторитет в области языкознания Д. Кристалл в специальном исследовании, посвященном этому вопросу. — Исчезновение языка — это всегда невозполнимая потеря для общества. Особенно это относится к тем из них, которые не имеют письменности, а также к тем, которые обрели ее в недалеком прошлом. Любой язык — это сокровищница истории народа, главный показатель его национальной самобытности. Устное народное творчество в форме сказаний, саг, народных сказок, песен, ритуалов, пословиц и во многих других формах дает нам уникальное представление об окружающем мире. Оно определяет своеобразие литературы. Язык — это вклад каждого народа в общую копилку человечества. Будучи утраченным, он не может быть воссоздан из небытия. Сохранение языков не менее важно, чем сохранение биологических видов и защита окружающей среды»¹. Призывы ученых и обеспокоенность широкой общественности данной проблемой имели определенные последствия: в 90-е гг. XX в. появилось значительное число национальных и международных организаций, целью которых стала запись и сохранение для последующих поколений максимального числа языков, находящихся на грани исчезновения, а сама проблема все больше стала признаваться одним из приоритетов общества.

Все возрастающую потребность в едином языке межнационального общения хорошо демонстрирует динамика развития международных организаций, около 85% из которых сегодня используют английский в качестве официального языка. Одной из первых среди многочисленных международных организаций, предоставивших английскому языку наряду с французским особый статус, была Лига Наций, где все документы издавались на этих двух языках. Роль английского как языка международного общения еще больше возросла в Организации Объединенных Наций, в которую после ее создания в 1945 г. вошла 51 страна. К 1956 г. их было уже более 80, а начавшаяся затем антиколониальная борьба за национальную независимость, распад социалистической системы привели в последующие годы к массовому

¹ Кристалл Д. Английский язык как глобальный / пер. с англ. Н. Кузнецовой. М.: Весь мир. 2001. С. 40–41.

увеличению числа новых членов ООН, которых к 2014 г. стало 193, т.е. в два с лишним раза больше, чем за 50 лет до этого. Никогда прежде представители столь большого числа стран не собирались вместе и не испытывали такой потребности в общении друг с другом посредством понятного для всех языка. И хотя английским сегодня владеет только одна треть населения земного шара, следует заметить, что в это число помимо населения США, Англии, Канады, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, а также Индии и Пакистана, где английский — второй официальный язык, входит также практически вся образованная элита остальных стран мира, из которых в 75 английский язык занимает особое положение. В этой связи определенный интерес представляет тот факт, что в 2000 г. на наиболее распространенных европейских языках во всем мире говорило следующее число людей:

- английский — 1 837 286 153;
- испанский — 505 286 242;
- немецкий — 157 480 000;
- русский — 130 479 600;
- французский — 72 571 000;
- итальянский — 53 370 000.

Как следует из приведенной статистики, «сегодня ни один язык в мире не получил такого широкого распространения, как английский. Вместе с тем наибольшее впечатление производит не число говорящих на нем, а та стремительность, с которой он начал шествие по всему миру с 50-х гг. XX в. В 1950 г. вопрос о международном статусе английского языка мог быть не более чем темой для дискуссии. Но уже 50 лет спустя этот факт не вызывает споров и сомнений»¹. И действительно, сегодня у любого человека, если он хочет иметь дело с представителями различных стран и народов, по существу, нет альтернативы в выборе оптимального языка общения.

Данная ситуация вполне сопоставима с той, которая сложилась во времена Советского Союза, где языком межнационального общения объективно выступал русский. Его, конечно, можно было и не знать, будучи, например, жителем высокогорного селения в Грузии, далекого кишлака в Узбекистане или небольшого поселения в Молдавии, где все говорили на родном языке. Но это могло означать только одно — у такого человека не было никакой перспективы получить серьезное образование или работу за пределами своей республики, да и в ее пределах могли возникнуть определенные трудности, если дело касалось решения не бытовых, а более существенных вопросов. То же самое происходит сегодня и в современном мире, в котором препятствием для общения могут быть разве только вербальные преграды. Так, в 1986 г. автор этих строк, будучи участником XI Всемирного социологического

¹ Кристал Д. Указ. соч. С. 105.

конгресса в Дели, с удивлением обнаружил, что немецкий язык, который он изучал и которым рассчитывал воспользоваться, оказался практически бесполезным, так как все немецкие социологи говорили на английском языке. К концу XX в. такое положение стало нормой для международных научных форумов, и уже, например, XX Всемирный философский конгресс, проходивший в 1998 г. в США, по сути, был первым конгрессом за всю историю таковых, где безраздельно доминировал английский язык, хотя формально французский, немецкий, испанский и русский оставались рабочими языками. И в этом не было злого умысла или какого-либо спланированного «заговора», как не было его и на всемирном конгрессе исламской философии «Мулла Садра и трансцендентная философия», который проходил в мае 2004 г. в Тегеране и где практически все участники, представлявшие около 30 в основном исламских стран, говорили по-английски. Если отметить главное, то суть заключается в том, что в сфере науки и образования теперь уже вряд ли найдется область человеческих знаний, которая не была бы должным образом представлена на этом языке, и сложилась такая ситуация не вдруг и не сразу. Уже к 1900 г. около половины всех значительных научных и технических работ было написано на английском. К 1995 г. итог оказался еще более внушительным — почти 90% из 1500 научных статей и докладов, перечисленных в журнале «Обзор языковедческих изданий», было представлено на английском языке. Теперь, по прошествии еще 20 лет, все статьи в серьезных научных журналах, если они опубликованы не на английском языке, обязательно содержат аннотацию и ключевые слова на английском. Так же обстоят дела и в сфере научных мероприятий, где любая международная конференция, а тем более конгресс, непременно имеют в качестве основного рабочего языка английский.

Итак, общепринятый язык как средство общения и коммуникации в современном мире все больше становится не прихотью, но велением времени и необходимым условием формирования глобальной цивилизации. Наиболее наглядно это представлено в Интернете, где английский стал главным языком всемирного общения. «В Интернете и во “Всемирной сети” все равны, коль скоро вы говорите по-английски... Если вы хотите понять все преимущества Интернета, есть только один способ сделать это — изучайте английский язык»¹, — не без основания говорит Д. Кристалл, ибо около 80% хранящейся на электронных носителях информации записано на этом языке.

Интернет и мобильная связь. После того как в 1991 г. появилась всемирная информационная паутина — компьютерная сеть Интернет, (а затем и мобильный телефон), мир практически «замкнулся» *информационно*. Эта сеть в рекордные сроки получила широкое раз-

¹ Кристалл Д. Указ. соч. С. 177.

витие и уже к 1995 г. имела оглушительный успех, так как к ней, насчитывавшей в то время более 40 млн пользователей, каждую секунду подключался новый абонент, а еще через год их число увеличивалось приблизительно на 10% в месяц. К этому следует добавить также развитие электронной почты, мобильной телефонной связи, наконец, копировальной техники, что привело к появлению единого информационного пространства, где не стало границ, а какие бы то ни было информационные ограничения и запреты на распространение информации потеряли всякий смысл. В этой связи очень быстро стали анахронизмом попытки тоталитарных систем вводить подобного рода запреты, на что уже указывалось в § 6 гл. I.

Информационная революция и развитие сети Интернет породили новое направление в науке — виртуалистику, которая стала изучать феномен виртуального сознания, а также «модельное отображение действительной реальности с помощью определенных технологий и технических средств, позволяющих обеспечить частичное или полное погружение человека в это отображение и создающих иллюзию действительной реальности»¹. Формирование широкой палитры виртуальной реальности стало возможным благодаря использованию компьютерных технологий, которые позволяют осуществить эмоциональное и интеллектуальное погружение человека в искусственный мир, создаваемый техническими средствами, что нашло широкое применение в различных тренажерах, обучающих вождению машины, самолета, той или иной профессии и т.п., а также в обучающих системах, предназначенных для получения навыков принятия решений в нестандартных ситуациях, в сложных, быстро меняющихся условиях. Виртуалистика в совокупности с возможностями Интернета позволяет значительно расширить творческий потенциал человека, создавая ничем не ограниченные возможности путешествия в виртуальных мирах и построения такой картины мира, на которую способна любая фантазия, ограниченная разве что возможностями индивидуального воображения.

Политика. По мнению специалистов, современные процессы глобализации не только тесно связаны с политикой, но и фундаментально ее трансформируют. Так, если до начала 90-х гг. XX в. главной характеристикой международных отношений была биполярность, которая характеризовалась жестким противостоянием двух военно-политических блоков, находившихся в состоянии «холодной войны», где обе стороны вели напряженную и изнурительную борьбу друг с другом, балансируя на грани военного столкновения, то с распадом социалистической системы ситуация изменилась кардинальным образом.

¹ Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. С. 113.

«Эволюция международных отношений подверглась значительному влиянию двух развернувшихся взаимосвязанных процессов — восстановления единства мирового рынка на основе социальных отношений капиталистического типа и интенсивного развития процесса глобализации. В результате существенно возрастает взаимозависимость стран и народов, множится число проблем общемирового, глобального характера, требующих для своего решения беспрецедентного наращивания международного сотрудничества»¹.

Но современный мир — «лоскутное одеяло» на относительно небольшом теле планеты, где отдельные государства все еще не столько сотрудничают, сколько конкурируют, соперничают, противоборствуют и враждуют друг с другом; предпринимают титанические усилия, чтобы отстоять суверенитет и независимость, проводят узкоэгоистическую внешнюю политику, ориентируясь в первую очередь на сугубо национальные интересы. И это противоборство проявляется уже не только в противостоянии «богатого Севера» и «бедного Юга», когда промышленно развитые страны укрепляют свои позиции экономического центра, а развивающиеся страны остаются на положении зависимой от него периферии, но и в соприкосновении культур, ценностей, традиций Востока и Запада. Человечество, таким образом, хотя и вышло из состояния «холодной войны», вступило в полосу новых, не менее сложных противоречий. Их суть, при непрекращающейся конфронтации и постоянных военных конфликтах, периодически возникающих в различных регионах мира, остается прежней и сводится к извечному гамлетовскому вопросу — «быть или не быть» человечеству?

И было бы большим заблуждением полагать, что с распадом СССР и некоторым ослаблением противостояния ядерных держав угроза самоуничтожения человечества миновала. К уже накопленному ядерному, химическому, бактериологическому оружию теперь добавились неограниченные возможности техногенной цивилизации. Они вкупе с глобализацией сделали международным, глобальным явлением проблемы и опасности, которые до этого оставались локальными — как, например, терроризм. В этой связи за новыми угрозами, в том числе за беспрецедентными террористическими актами в США 11 сентября 2001 г. или за ответной реакцией США, в частности в Афганистане, необходимо увидеть в первую очередь объективные основания и закономерности, чтобы правильно понимать не только явления, но и породившие их причины. Сказанное с полным основанием можно отнести и к событиям в Ливии, Сирии, на востоке Украины и т.д.

Важно подчеркнуть, что глобализация создает необходимые предпосылки и ведет к формированию новой политической системы мира,

¹ Глобалистика: междунаод. междисципл. энциклопед. словарь / гл. ред. И. И. Мазур. А. Н. Чумаков. С. 527.

которая вступила в серьезные противоречия с вестфальской моделью, просуществовавшей более 350 лет, с тех пор как в 1648 г. был подписан Вестфальский мир, ставший результатом окончания Тридцатилетней войны в Европе. Тогда по этому договору в основу международных политических отношений в качестве основного положения был положен принцип национального суверенитета, а сама система таких отношений получила название государственно-центристской модели мира. «Принцип национального суверенитета предполагал, что каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории и определяет свою внешнюю политику. Данное право уважается другими государствами... С этого времени государство явилось некой “молекулой”, единицей построения политической системы мира»¹. Таким образом, на протяжении последних столетий в сложившейся системе международных отношений субъектами взаимодействия являлись только отдельные государства или их коалиции. Однако развернувшаяся глобализация и ее последствия существенно изменили такое положение дел, и прежняя система вступила в противоречие с реальной практикой, особенно к концу XX в.

Несмотря на то что сегодня главными действующими субъектами на международной арене все еще продолжают оставаться национальные государства, они тем не менее уже не играют исключительной роли в этой сфере, так как в последние десятилетия сформировались и стали играть все более заметную роль межгосударственные структуры, важнейшей из которых является объединенная Европа. Обсуждая фундаментальную глобализацию, мы уже говорили о европейской интеграции. Однако с тех пор как в 1979 г. был избран Европейский парламент, давший согласие на создание единой европейской денежной системы, в 1989 г. пала Берлинская стена, что стало символом окончания «холодной войны», а также было подписано соглашение о создании общеевропейской денежной единицы, введенной в обращение в 2002 г. и получившей название «евро», Европа практически по всем основным параметрам окончательно стала целостной системой, чему способствовало образование в 1993 г. общеевропейского рынка.

Результатом глобализации, снижающим значение национального суверенитета, стало также создание ряда межнациональных структур и соглашений — таких, например, как Организация африканского единства, конституированная в 1963 г. с целью поддержания мира и борьбы с колониализмом, или Североатлантическое соглашение о свободной торговле, принятое в 1994 г. и устанавливающее режим свободной торговли между Канадой, США и Мексикой с перспективой снятия всех торговых барьеров между этими странами к 2008 г.

¹ Лебедева М. М. Мировая политика // Глобалистика: энциклопедия. С. 598.

В последние годы значительно возросла активность и влияние новых, так называемых нетрадиционных субъектов международных отношений, которые по своей численности, финансовым возможностям и политическому влиянию вполне могут быть сопоставимы с отдельными государствами, а то и превосходить их. Важнейшими из таких субъектов являются: межправительственные организации (ООН, ВТО, НАТО, МВФ, ОБСЕ, ОПЕК, БРИКС, ШОС), транснациональные корпорации (Microsoft, McDonalds, Coca-Cola и др.), международные неправительственные организации («Международный олимпийский комитет», «Международный Красный Крест», «Гринпис», «Врачи без границ», Римский клуб, Будапештский клуб и др.). Весьма характерными примерами деятельности таких организаций на международной арене, когда мировая политика оказывается площадкой столкновения различных интересов, являются, например, расширение НАТО на восток или участие войск этой коалиции в конфликтах в тех или иных «горячих точках» планеты, решения, принимаемые ОПЕК о квотах на добычу нефти, что является важнейшим регулятором ее цены на мировых рынках, переговоры о вступлении в ВТО новых членов, где каждый участник жестко отстаивает свои экономические интересы, и т.п.

С ростом количества и повышением авторитета международных организаций все большее значение приобретает публичная дипломатия как средство воздействия на международное общественное мнение. В этой связи широкую известность получили также общественные движения, такие как «зеленые», пик активности которых пришелся на 1970–1980-е гг., и антиглобалисты, осуществившие первые массовые акции протеста в 1997 г. и с тех пор олицетворяющие позицию неприятия глобализации.

Иногда исторически сложившиеся названия таких движений не совсем точно передают направленность деятельности и предназначение стоящих за ними организаций. Так, понятие «антиглобалисты» достаточно быстро и прочно закрепилось за теми, кто, используя новомодный термин «глобализация», стал позиционировать себя в качестве альтернативной силы, объявляя любой свой протест как позицию, направленную против глобализации, даже если к глобальным процессам или непосредственно порождаемым им проблемам выдвигаемые требования не имеют отношения. Однако желание быть услышанными любой ценой нередко ведет к тому, что под громкие и хорошо узнаваемые понятия нередко подводят совсем другое, порой далекое от этих терминов содержание.

В частности, антиглобалисты выступают с резким осуждением деятельности ВТО, МВФ, Всемирного банка, «Большой восьмерки», в политике которых они видят основную причину углубления пропасти между богатыми и бедными странами и потому стремятся сорвать их

конференции, встречи на высшем уровне и т. п. Они также выступают против того, что 20% населения потребляют 80% благ цивилизации, или против того, что, например, доход 1% самых богатых людей планеты равен суммарному доходу 57% бедного населения Земли, а всего семь стран диктуют правила игры всему остальному миру.

Такие диспропорции действительно дестабилизируют мировую обстановку, и вполне справедливые требования их устранения, конечно же, будут оставаться. Поэтому логично предположить, что как минимум в обозримой перспективе эта борьба будет продолжаться. Сейчас пока в ней задействованы в основном молодые люди и относительно благополучные жители из развитых стран; но проблемы, решения которых требуют антиглобалисты, касаются в первую очередь развивающихся и слаборазвитых государств, население которых в той или иной форме поддержит выдвигаемые требования и будет пополнять ряды этого протестного движения.

Данное заключение вполне согласуется и с тем, о чем говорит известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г. Дж. Стиглиц. Обсуждая позицию Международного валютного фонда в отношении слаборазвитых стран и его установку на то, что этим странам нужно пройти через болезненную процедуру на пути к успешной рыночной экономике, он, в частности, пишет: «Несомненно, некоторые болезненные процедуры были необходимы, но, по моим оценкам, уровень бедствий, создаваемых в развивающихся странах в процессе глобализации и развития согласно рекомендациям МВФ и других международных экономических организаций, далеко превышал допустимый. Источником негативной реакции на глобализацию является осознание не только ущерба, который наносит развивающимся странам политика, ведомая идеологией, но и несправедливости, присущие глобальной торговой системе. Сегодня стало очевидным лицемерие развитых стран, которые под предлогом помощи вынуждают развивающиеся страны открыть рынки для своих товаров, при этом оставляя собственные рынки закрытыми... Большинству же становится все яснее, что такая политика обогащает богатых и еще глубже опускает бедных в пучину нищеты, вызывая растущее озлобление»¹.

Итак, как видим, что речь идет не столько о самой глобализации, сколько о том, что ей сопутствует, что, быть может, даже из нее вытекает, но к ней непосредственно не сводится. Будучи объективным процессом, глобализация сама по себе не является ни хорошей, ни плохой, ее нельзя отменить или остановить по чьему-либо желанию. *А те, кого называют (или кто сам себя так называет) антиглобалистами, выступают по существу не против глобализации, а в лучшем случае*

¹ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 13.

против тех или иных положений, явлений, связанных с глобализацией, но соотносящихся с ней как следствие с причиной, которая имеет объективный характер и не может быть устранена волевым решением. Конечно, те или иные следствия не обязательно должны наступить, и можно повлиять на процесс, обуславливающий их появление, но к глобализации это имеет косвенное отношение и уж во всяком случае не означает борьбу с глобализацией в буквальном смысле этого слова, как это обычно трактуется.

Характерной в этом отношении является позиция известного португальского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе за 1998 г. Ж. Сарاماгу, который пишет: «На вопрос, почему я выступаю на стороне антиглобалистских движений, можно дать простой и ясный ответ: потому что мне не нравится тот международный порядок, который ускоренными темпами формируется на нашей планете»¹. И далее, выступая против несправедливых международных отношений, он, в частности, затрагивает проблему массовой эмиграции населения из бедных стран в развитые, подчеркивая при этом, что если эти страны будут развиваться, то и проблема сама по себе утратит ту остроту, которую она приобрела в наши дни. Таким образом, как видно из его позиции, дело касается общих аспектов мирового развития и справедливости существующего мироустройства, а вовсе не глобализации.

Других, прямо противоположных взглядов на движение антиглобалистов придерживается, например, Дж. Сорос, который говорит: «Несмотря на все недостатки глобализации, я являюсь ее ревностным сторонником. Я поддерживаю ее не только потому, что она создает дополнительное богатство, но еще в большей степени — за ту свободу, которую она может дать людям»². Антиглобалисты серьезно заблуждаются, когда ратуют за уничтожение ВТО или сокращение ее функций, подчеркивает он и заявляет: «Не следует резать курицу, несущие золотые яйца. Вместо агитации *против* ВТО им следовало бы бороться за создание столь же эффективных организаций для выполнения тех социальных задач, в пользу которых они выступают»³. Нетрудно предположить реакцию на это оппонентов Дж. Сороса, которые, возражая ему, непременно скажут, что и «дополнительное богатство», и реальную свободу глобализация создает только тем, у кого власть и деньги, а не обездоленным миллионам и даже миллиардам людей, которых так много, что на всех «золотых яиц» не хватает, к тому же у богатых слишком большие аппетиты, чтобы делиться такими плодами глобализации.

¹ Сарاماгу Ж. Почему я поддерживаю антиглобалистов // Россия в глобальной политике. 2003. № 1. С. 176.

² Сорос Дж. О глобализации. М., 2002. С. 22.

³ Там же. С. 29.

Отмечая не только актуальность обсуждаемой проблемы, но и острые дискуссии, ведиущиеся вокруг нее, хотелось бы тем не менее отметить, что речь, по существу, идет не о *глобализации* как таковой, а о *протестных движениях*, о несогласии с тем, что происходит в глобальном мире, а термин «антиглобализм» при этом используется некорректно. Здесь имеет место та же неточность, что заключена в ряде других исторически сложившихся понятий, таких, например, как «Ближний», «Средний» или «Дальний Восток». По сложившейся традиции они употребляются по отношению к странам и регионам, которые могут именоваться так лишь с позиции европоцентризма, что исторически вполне объяснимо, но по существу не совсем правильно, а с точки зрения современной глобализации (не говоря уж о позиции китайцев, японцев, индийцев и многих других народов) и вовсе неверно. Однако подобные словосочетания подчас настолько укореняются в естественных языках, в сознании людей, что ничего не остается, как согласиться с их правом на существование, что, однако, не снимает актуальности их точного определения, установления реального смысла явлений и событий, которые за ними стоят.

Например, было бы бесполезным занятием выступать за устранение из языка слова «*громоотвод*», которое описывает совсем другой процесс, нежели это вытекает из буквального значения данного термина. В землю бьет не гром, а *молния*, что далеко не одно и то же. Гром как следствие, как звуковые колебания воздуха слышится потом, когда уже свершился электрический разряд, т.е. когда уже сверкнула молния. Поэтому правильно было бы назвать громоотвод «*молниеотводом*» или «*электроотводом*». Но так сложилось в естественном языке, и теперь это словоупотребление уже никого не смущает своей неточностью, ибо данное явление настолько хорошо изучено, что слово «громоотвод» никого не вводит в заблуждение относительно того, что бояться надо не грома, т.е. звука, а электрического разряда, которому этот звук только сопутствует, но никакого вреда причинить не может в принципе. Также можно было бы сказать, что Солнце не «*всходит*» и не «*заходит*», Луна не «*заходит за тучи*», звезды не «*загораются*» и не «*гаснут*» и т.п.

Некорректным является и расхожее понятие «*мировые религии*», употребляемое по отношению к христианству, исламу и буддизму, ибо каждая из этих религий имеет свои зоны влияния и распространения, пересекаясь (но не сливаясь) друг с другом лишь в отдельных регионах, а потому в точном значении этого слова *мировой*, т.е. глобальной, ни одна из них не является, хотя каждая имеет вселенские амбиции.

По-настоящему же глобальным в сфере религиозных верований является только экуменистическое движение, а также атеистические взгляды, которые носят универсальный характер и имеют повсеместное распространение. Верующие и атеисты являют собой, по сути,

одно и то же, с той лишь разницей, что одни веруют в существование Бога или богов и персонализируют их, примыкая к той или иной конкретной религии, тогда как атеисты до тех пор доказывают с помощью далеко не всемогущего разума (а чего еще?) отсутствие Бога, пока сами не начинают веровать в то, что его не существует. И по этому основанию, в отличие от людей верующих, которые предельно четко делятся по вероисповеданию, атеисты являют собою единое, всечеловеческое братство «безбожников», т.е. действительно выступают как глобальное явление.

Проводя соответствующие параллели, можно сделать вывод, что теперь, когда понятие «антиглобализм» прочно вошло во многие языки мира, нужно согласиться с его употреблением, но при этом следует четко и ясно сказать, что к объективным процессам глобализации это имеет в лучшем случае косвенное отношение.

Определенным итогом понимания того, что термин «антиглобализм» является неудачным, стало появление нового, близкого к нему по значению слова — «альтерглобализм», авторы и сторонники которого, являясь представителями антиглобалистского движения, выступают против глобальной гегемонии корпоративного капитала, высказываются за альтернативную глобализацию¹.

Еще один аспект влияния глобальных процессов на современную политику состоит в том, что «усиливая взаимозависимость государств в сфере безопасности и экономики, глобализация ведет к глубоким изменениям приоритетов их курсов на мировой арене, заставляет по-новому взглянуть на арсенал внешнеполитических средств, способствует быстрой эволюции повестки дня мировой политики»². Так, в настоящее время существенно возросла опасность того, что ядерным, химическим, биологическим оружием или их компонентами могут воспользоваться террористические или экстремистские организации, группировки и даже отдельные фанатики, что многократно повышает угрозы, исходящие от международного терроризма и делает данную проблему одной из важнейших в современной международной политике. Также и возрастающее напряжение на рынке энергетических ресурсов в значительной степени предопределяет поведение и международную политику нефтедобывающих и энергопотребляющих стран. При этом помимо сохраняющих важнейшее значение военно-силовых факторов политического влияния все большую роль в глобализирующемся мире приобретают экономические, финансовые, интеллектуальные, экологические, информационные и иные средства

¹ См.: Бузгалин А. В. *Альтерглобализм: к теории феномена* // Наука. Общество. Человек. М., 2004.

² Иванов И. С. *Мировая политика в эпоху глобализации* // Глобалистика: энциклопедия. С. 601–602.

воздействия на партнеров и оппонентов, а факторы, усиливающие или ослабляющие позиции тех или иных стран в результате разворачивающейся глобализации, активно используются в качестве дополнительного арсенала внешней политики.

Важнейшим средством воздействия на международную политику является ООН, решения и санкции которой, хотя и вызывают нередко серьезные дискуссии, обнаруживая то фундаментальные, то менее существенные разногласия между различными странами, как это было, например, в отношении Афганистана, Ирака, Югославии, Ливии, Сирии, Украины и других стран, тем не менее являются наиболее действенным инструментом в регулировании международных отношений. Фундаментом же этих отношений выступает международное право, которое по мере активизации процессов глобализации приобретает все большее значение и актуальность.

Право. Международное право призвано регулировать общественные отношения на межгосударственном уровне, когда они выходят за рамки государственных границ и не входят во внутреннюю компетенцию отдельных государств. Такие отношения обнаруживаются уже в те времена, когда формировались первые государства, но по-настоящему действенным инструментом международных отношений они становятся в эпоху глобализации, так как нормы международного права создаются на основе свободного волеизъявления равноправных участников международного общения и существуют в виде международных договоров и международных обычаев. Эти нормы являются основным элементом системы международных отношений и представляют собой правила поведения субъектов международного права, устанавливаемые и обеспечиваемые ими самими. Субъектами же международного права выступают суверенные государства, межправительственные организации, подобные государствам образования, которые только и могут быть равноправными членами международных отношений, воли которых юридически равнозначны. Юридическое равенство государств в процессе создания норм международного права означает, что большинство государств не вправе создавать нормы, обязательные для меньшинства, и пытаться навязывать их другим государствам. В обеспечении данного положения принципиальную роль играют универсальные, обладающие высшей юридической силой принципы, принимаемые мировым сообществом в качестве обязательных условий в отношениях различных субъектов на этом уровне. К наиболее важным из них относятся: мирное разрешение споров; запрещение угрозы силой или ее применения; территориальная целостность государств; нерушимость государственных границ; невмешательство во внутренние дела суверенных государств; уважение прав и основных свобод человека; добросовестное выполнение международных обязательств и др.

В условиях все более укрепляющейся взаимозависимости различных государств появилась острая необходимость в конституировании императивных норм, от которых субъекты международного права не могли бы отступать даже по взаимному соглашению. Объективно потребность в установлении таких норм существовала задолго до середины XX в., но только в послевоенный период, когда возникла угроза военного конфликта с применением оружия массового уничтожения, интенсифицировались морские и воздушные перевозки, резко возросли потребности в энергетических, сырьевых, пищевых ресурсах, добываемых, кроме прочего, и в являющемся всеобщим достоянием Мировом океане, они были сформулированы в виде основных и специальных принципов международного права. Основные принципы были упомянуты выше, а к специальным относятся такие, например, как принцип свободы открытого моря, принцип неотъемлемого суверенитета государства над своими природными богатствами и ресурсами и т.п.

Потребность в усилении норм международного права оказалась столь актуальной, что это нашло выражение в Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 г., где говорится: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права... Императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»¹. В случае возникновения спорных вопросов между государствами, они решаются Международным судом, который находится в Гааге и является главным судебным органом ООН. Решения этого суда обязательны для участвующих в деле сторон, а гарантом выполнения таких решений является Совет безопасности ООН. Важнейшую роль в обеспечении международного правопорядка играют также Интерпол, созданный в 1923 г. для эффективной координации деятельности национальных полиций по борьбе с международной преступностью и розыску преступников за рубежом, и международные трибуналы, первый из которых был образован в 1945 г. для суда над главными преступниками фашистской Германии.

Для этих организаций фундаментальное значение имеет принцип универсальной юрисдикции, представляющий собой принципиально новое явление, которое может быть обеспечено только в условиях глобального мира. Это же обстоятельство со временем обусловило распространение деятельности Интерпола на широкий круг проблем, включая международную торговлю наркотиками; международные финансовые, компьютерные и тому подобные преступления; кражу произведений искусства; организованную преступность; международный

терроризм и др. Международные трибуналы создаются по решению Совета безопасности ООН с целью привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушениях международного гуманитарного права: геноцид, преступления против человечности и т.п. Примерами трибуналов являются *Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии* (1993), *Международный уголовный трибунал по Руанде* (1994).

Особое значение в регулировании международных отношений имеет система сложившихся в глобальном мире договоров, конвенций, соглашений, таких, как *Всеобщая декларация прав человека* (1948); *Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб* (1963); *Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия* (1972); *Конвенция по защите морской среды* (1974); *Конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания* (1979); *Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния* (1979); *Всемирная хартия природы* (1982), в соответствии с которой основные природные процессы должны сохраняться на относительно неизменном уровне, а всем формам жизни должна быть обеспечена возможность существования; *Венская конвенция об охране озонового слоя* (1985); *Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их утилизации* (1989); *Конвенция о биологическом разнообразии* (1992) и др.

Мировоззрение. Мораль. Наряду с серьезными структурными переменами в области культуры, международных отношений и международного права глобализация вызвала к жизни также острую потребность в принципиальных изменениях морали, норм поведения, ценностных ориентаций и установок, ибо с ростом осознания целостности мира и общей судьбы человечества активизировался и процесс формирования глобально ориентированного мировоззрения, сопряженного с признанием общих моральных принципов и глобальных ценностей. Глобализация породила принципиально новое явление — *мировое общественное мнение*, когда все больше жителей планеты стали ощущать себя «гражданами мира», хотя явление это отнюдь не ново.

Космополитические взгляды и идеи мирового гражданства зародились еще в Древней Греции, в частности в философии киников и стоиков. Так, наиболее известный из киников Диоген, отвергая все виды социального неравенства, семью и государство, единственным истинным государством считал весь мир, а на вопрос своего собеседника, откуда он взялся, ответил: «Ты видишь перед собой космополита, гражданина мира... Воюю же я... против наслаждений... Я — освободитель человечества и враг страстей. хочу быть пророком правды и свободы слова»¹. Стоики же впервые ис-

¹ Цит. по: Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. С. 236.

толковали космос как мировое государство, а всех людей считали его гражданами, т.е. космополитами. С тех пор космополитические идеи, нашедшие отражение в работах Данте, Т. Кампанеллы, Г. Э. Лессинга, И. В. Гете, Ф. Шиллера, И. Канта, И. Г. Фихте, К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Печчеи и др., наполнялись различным идеологическим содержанием, в том числе негативного характера, когда они противопоставлялись, например, национальным традициям, самобытной культуре отдельных народов, патриотизму. В положительном значении космополитизм стал восприниматься как факт осознания единства человеческого рода, в силу чего интересы отдельных государств и народов ставятся в зависимость от общих интересов всего человечества в целом.

В последние десятилетия в связи с процессами глобализации идеи космополитизма получили новый резонанс и дополнительный импульс к более широкому распространению. При этом глобализацию нередко рассматривают «как идеологию нового космополитизма, поскольку она предполагает увядание суверенности отдельных стран, формирование нового типа “гражданина мира”, чья лояльность обращена уже не к отдельным правительствам, а к структурам надгосударственного характера»¹.

Новая реальность требует нового языка для ее выражения, что предполагает серьезную трансформацию мировоззренческих позиций, ценностных установок, т.е. приведение в соответствие с глобальными изменениями прежних норм морали, этики, права, а следовательно, появление другой терминологии, в которой нашло бы отражение переосмысление уже сложившихся представлений. Сегодня этот процесс еще только начинается, так как если *по форме* процесс глобализации общественных отношений к началу XXI в. в своих основных чертах охватил все мировое сообщество и на планете уже не осталось мест, свободных от антропогенного воздействия, то *по содержанию* человечеству еще предстоит стать глобальным сообществом, когда оно будет характеризоваться не только территориальной и экономической целостностью, но и общностью интересов, общим пониманием фундаментальных моральных норм, принципов поведения и идеалов. Таким образом, «если понимать глобальное общество не как условность, метафору, а как действительно глобальное общество, то оно требует также глобального этоса. Не просто универсальной системы этического отчета, надстраивающейся над культурно-различными нравственными ментальностями, жизненными привычками и т.п., не просто открытости культур по отношению друг к другу, а именно единого этоса, новой единой этической культуры — единой не только по универсальным основаниям, но и по внешним проявлениям, сим-

¹ Глобалистика: энциклопедия. С. 476.

волически-знаковой структуре, конкретным нормам и механизмам функционирования»¹.

Итак, необходимость в глобальной этике основывается на том, что рассмотрение процессов глобализации и перспектив развития человечества вне связи с нравственными нормами и морально-этическими предписаниями не может быть плодотворным. Перешагнув рубеж нового тысячелетия, мировое сообщество вступило в принципиально новую фазу своего исторического развития, которое характеризуется переходом от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых социально-политических, экономических и духовных связей к их единству, целостности, общности, глобальности. Эти изменения осуществляются столь быстро и стремительно, что человечество не успевает не только теоретически осмыслить, осознать суть происходящего, но даже адекватно на них отреагировать. Во многом это происходит потому, что новый, изменившийся мир пытаются объяснить с помощью установившихся, привычных понятий и категорий — таких, например, как «цивилизация», «демократия», «суверенитет», «общечеловеческие ценности» и т.п. При этом остается без внимания то обстоятельство, что каждый из названных терминов, как и сложившаяся к настоящему времени система ценностей, этических и правовых норм, сформировались и наполнились определенным содержанием в конкретных исторических условиях, принципиально отличных от тех, что имеют место теперь. Также и основные принципы демократии, сформулированные в эпоху буржуазных преобразований и положенные в основу современных демократических институтов, обрели устойчивые формы пока только в отдельных странах и нуждаются в новом осмыслении, если говорить о применимости и распространении их в масштабе всей планеты.

Из того, что мировое сообщество обрело и «общий дом», и общую судьбу, и общую ответственность за события, происходящие в мире, еще не следует, что демократические ценности и принципы организации общественной жизни, по которым пока живет меньшая часть человечества, автоматически будут восприняты остальным мировым сообществом. По крайней мере напор и активность, с которыми демократические ценности внедряются в другие, неприспособленные для этого культуры, нередко вызывают недовольство, недоумение, а то и обратную реакцию. При этом рост понимания того, что никто не может уклониться от участия в преодолении общих проблем, лишь обостряет споры о доле такого участия и мере ответственности различных сторон за ухудшение ситуации. Более того, разногласия множатся и становятся тем острее, чем дальше мир, оставаясь по-

¹ Гусейнов А. А. Этос глобальный // Глобалистика: энциклопедия. С. 1284. См. также: Гусейнов А. А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира. М., 1999.

деленным на отдельные «национальные квартиры», продвигается в сторону глобализации. В то же время разрыв в уровне жизни и социально-экономического развития различных народов все больше увеличивается. Данное обстоятельство, как теперь уже становится очевидным не только для специалистов, но и для широких слоев населения, является серьезным препятствием на пути демократических преобразований и становления глобального гражданского общества, которое в перспективе с необходимостью должно сформироваться в результате преодоления фрагментарности и складывания целостного мира. Практически общим местом стало и то, что единому человечеству нет альтернативы, и потому в интересах сохранения цивилизации на планете должны установиться не только общие для всех принципы и правила совместной жизни, но и общая ответственность за судьбу каждого человека, ибо в глобальном мире серьезную опасность представляют даже изгои-индивиды, не говоря уже об изгоях-государствах.

Но станет ли такое общество реальностью? Сумеет ли мировое сообщество от осознания своего единства перейти к реальному единению, стать при сохранении культурного разнообразия, национальной идентичности и разности частных интересов обществом открытого типа или хотя бы уверенно вступить на путь демократических преобразований? Ответы на эти вопросы вовсе не очевидны. К тому же решение современных противоречий во многом опирается в многовековые нормы, принципы и стереотипы поведения людей, которые все больше перестают соответствовать реалиям начала XXI столетия. Некоторые из этих норм, такие как *национальный суверенитет, самодостаточность, независимость, право на самоопределение* и т. п., нуждаются в принципиальном переосмыслении и изменении, в то время как другие, например *толерантность* и *ненасилие*, следовало бы максимально развить, даже абсолютизировать, поставив во главу угла общественных отношений как во внутренней, так и во внешней политике различных государств. При этом, как отмечает А. А. Гусейнов, процессы глобализации могут получить нравственную санкцию только в том случае, если они будут сочетаться с взаимоуважительным диалогом культур и к тому же не будут покушаться на социокультурное многообразие человеческого бытия, своеобразие традиций, нравов, верований и т. п.¹

Проблема, однако, в том, что люди не успевают, а то и не хотят изменять свое поведение, корректировать мировоззрение адекватно стремительно идущим переменам. И дело здесь не только в консервативности установившихся норм, изменение которых не поспевает за динамикой жизни, но и в эгоистической природе человека, агрессивная сущность которого проявляется тем легче и тем сильнее, даже бесчеловечнее, чем хуже он воспитан и менее образован, чем мень-

¹ См.: Гусейнов А. А. Этос глобальный // Глобалистика: энциклопедия. С. 1284.

ше подчинен внешней регуляции со стороны установленных норм и правил, а также соответствующих табу и сил, обеспечивающих их исполнение.

Совесть и страх — два принципиальных начала, которые лежат в основе человеческой сущности и определяют наряду с интересами и потребностями людей их поведение. Поэтому они должны быть приняты во внимание в первую очередь при попытках осмыслить современные тенденции глобализирующегося мира. Другими словами, у человечества имеется, по существу, лишь два основных рычага цивилизованного регулирования общественных отношений — *мораль* и *право*. Причем мораль, этические нормы, регулирующие поведение человека изнутри, в расчете на его совесть, мало что значат сами по себе, без внешней регуляции, где главную роль играют правовые нормы, опирающиеся на силу и неотвратимость наказания. Люди никогда не смогут по причине своей изначально противоречивой биосоциальной природы отказаться от силы в регуляции общественных отношений, но степень потребности в ней и формы ее проявления всегда будут зависеть от уровня цивилизованности общества, которая определяется не официально провозглашенной моралью, а той, что глубоко проникла в души, в ткань общественного сознания и с самых разных сторон проявляется в повседневном поведении людей. При этом нет принципиальной разницы, касается ли дело индивида, коллектива, государства или всего человечества в целом. Каждый из этих субъектов в реализации своих интересов и достижении поставленных целей наряду с объективными условиями ограничен наличием моральных запретов, общепринятыми и добровольно выполняемыми соглашениями, а также внешним принуждением в виде правовых норм, предполагающих в случае их неисполнения силовое воздействие.

Вся история человечества является подтверждением этого заключения. Никогда не прекращавшиеся покушения одних людей на жизнь, свободу и собственность других (будь то частный случай, региональный конфликт или мировая война), по сути, всегда происходят при отсутствии или при недостаточности указанных ограничений. При этом аргументы силы и аргументы морали имеют разную «весовую категорию». Как бы того ни хотелось, но регулирование общественных отношений только на основе этических норм, т.е. при полном господстве толерантности и ненасилия, невозможно в принципе, ибо чем больше мы хотели бы отказаться от силы, тем больше должны были бы освободить человека от пороков, приближая его к совершенству, к богоподобному существу. Но степень возможной гуманизации и морального совершенствования людей ограничивается определенным предельным порогом в развитии их нравственности, заданным двойственной биосоциальной природой человека. Поэтому, опираясь на весь арсенал культуры, все ресурсы и возможности воспитания

и образования, человечество тем не менее не может отказаться от применения силы (иногда достаточно и реальной угрозы ее применения) в формировании и регулировании общественных отношений, в том числе международных. При этом прямое давление и сила рассматриваются как неизбежное зло, которое в интересах всего общества должно осуществляться в рамках установленных законов, с использованием, где это возможно, в противовес силовым действиям и волевым решениям так называемой «мягкой силы» и силы общественного мнения.

Однако следует признать, что тон в мировых делах сегодня задают развитые страны Запада, которые, хотя и с определенными оговорками, действуют согласованно, как одно целое. Причем взаимопонимание, которого они достигают, базируется на либерально-демократических принципах, выработанных и внедряемых в общественное сознание со времен эпохи Просвещения, которая для каждой из этих стран хотя и была своя, отразив и своеобразие, и специфику того или иного народа, но преследовала по существу одни и те же цели, решала сходные задачи — развитие гражданского общества и формирование демократических институтов. Восток же, Россия, другие незападные страны в силу известных причин таких трансформаций не пережили, а потому там порой плохо понимают не только базовые понятия, но даже терминологию западной цивилизации. На Западе же, в свою очередь, не могут или не хотят понять иное, незападное мировоззрение, особенно те трудности, которые возникают в результате столкновения такого мировоззрения с культурой, ценностями, технологиями западной цивилизации.

В этой связи важно подчеркнуть, что буржуазные преобразования на Западе в свете новых экономических реалий требовали и соответствующего мышления, и нового мировоззрения, и адекватного им поведения. Важнейшей заслугой Просвещения было утверждение идеи суверенной личности, в формирование которой просветители внесли неоценимый вклад. Суверенная личность, ее место в обществе, проблемы свободы и ответственности — вот главные вопросы, которые занимали умы просветителей в первую очередь. Они решали одну из важнейших проблем своего времени, а в конечном счете, и всей современной цивилизации — как должно быть устроено общество, чтобы долг и ответственность, нормы и правила здравого смысла определяли суть общественных отношений? Как заставить государство стоять на страже гражданина и гарантировать соблюдение его прав?

Поставленные вопросы и сегодня еще далеки от удовлетворительного решения не только применительно к миру в целом, но и по отношению к наиболее развитым странам, а потому все еще остается актуальной задача инвентаризации и переоценки господствующих взглядов и представлений. Как отмечает Э. Ласло, «культурное разнообразие современного мира часто недооценивают. Люди в Соеди-

ненных Штатах Америки и в Европе имеют обыкновение думать, будто все хотят жить, как они, и походить на них, а все остальное — изыски и претензии. То, что уровень потребления, материальных запросов, технологии и система ценностей индустриализованного мира доминирует, это верно, но во взглядах людей на себя, общество, природу, свободу и справедливость сохраняется большое разнообразие. Неучет или просто недооценка культурного разнообразия мира породили кровавые бойни в Ирландии, Югославии, на Ближнем Востоке, в арабском мире, в Африке, Латинской Америке, на Индостанском субконтиненте и в Юго-Восточной Азии, привели к террористической атаке на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года¹. Этот список можно было бы продолжить упоминанием еще множества конфликтов, в том числе и на постсоветском пространстве, но и без того очевидно, что у человечества сегодня нет готовых рецептов, как нет и мировоззренческих ориентиров, которые могли бы быть безусловно приняты всем мировым сообществом.

Так, западная цивилизация и сформировавшиеся в ее недрах соответствующие ценности (теперь это уже все больше становится очевидным) не являются панацеей от глобальных проблем, с которыми человечество столкнулось во второй половине XX в. Но, признавая это, нужно отметить, что другие социально-политические системы также не дают удовлетворительных решений, что тем не менее не освобождает Запад от критического отношения к своей системе и поиска путей ее совершенствования. К тому же Восток, играющий все более заметную роль в мировых делах, не только не хочет, но и не может в кратчайшие сроки изменить свою сущность, приняв в том виде, как они навязываются, «правила игры» и систему ценностей Запада. Этого не может сделать даже Россия, которая и в культурном, и в социально-экономическом отношении значительно ближе к Западу, чем ее восточные соседи. Поэтому западные страны, хотя бы того или нет, должны искать на этом пути компромиссы и в первую очередь со странами Востока и Россией, которые также не могут уклониться от поиска аналогичных компромиссов. В то же время незападным странам рано или поздно придется признать, что общечеловеческие ценности, права и свободы личности, обеспечиваемые институтом частной собственности, — это не пропагандистские приемы Запада, а сущностные, неотъемлемые характеристики и его образа жизни, и его образа действий.

Вместе с тем не следует забывать (даже в порыве альтруистических настроений), что современный мир, вступивший в XXI в., не менее суров, а в чем-то и даже более жесток, нежели прошлые времена. Экономические и политические интересы и впредь будут лежать в основе

¹ Ласло Э. Указ. соч. С. 75.

разногласий, порой острейших (и здесь не должно быть иллюзий), отсутствие общих подходов и принципов, ценностных установок и взаимоприемлемого языка всегда будет непреодолимым препятствием на пути и единения, и взаимопонимания народов в глобализирующемся мире. Поэтому по мере активизации процессов глобализации растет понимание того, что от решения такой задачи не уклониться никому, ибо выполнить ее сможет только мировое сообщество, объединив усилия, проявляя выдержку и терпение, уважая культурное разнообразие и историческое наследие различных народов.

Интеграция национальных культур во всемирную культуру человечества предполагает некий «общий знаменатель», роль которого наилучшим образом выполняют общечеловеческие ценности — нормы и принципы бытия, отражающие насущные интересы человеческого сообщества и воспринимаемые как общезначимые всеми людьми планеты, а также объекты природы, результаты материальной и духовной деятельности человека, уникальность и всеобщее значение которых признается во всем мире. Впервые некоторые из таких ценностей были сформулированы мировыми религиями, в частности христианством, в виде общечеловеческих заповедей (не убий, не укради, возлюби ближнего и т. п.).

В более поздние времена исходной точкой отсчета вселенской нравственности и построения общей системы ценностей стал конкретный человек. Наиболее ярко это проявилось в этике Б. Спинозы, Т. Гоббса, П. Гассенди, Ф. Вольтера, Ж. Ж. Руссо, И. Канта, И. Г. Гердера, М. Ганди, А. Швейцера и др., отстаивавших возможность и необходимость реализации «золотого правила» нравственности в отношениях между людьми, государствами и народами. Смысл его, во множестве вариантов дошедший до нас, в изложении Ф. Вольтера звучит как всеобщий гуманистический призыв: «Обращаясь с другими так, как ты хотел бы, чтобы обращались с тобой». Тогда же, в XVII в., представитель английского свободомыслия Дж. Локк (1632–1704) заявил о священной неприкосновенности неотъемлемых прав каждого человека, главные из которых — право на жизнь, свободу и собственность. Несколько позже Декларация независимости США и Великая французская революция, провозгласив свои знаменитые лозунги — «свобода», «равенство», «братство», «справедливость», укрепили веру людей в общечеловеческие ценности. В более полном виде они были представлены затем во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., и подтверждены в 1975 г. подписанием в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Сегодня в мире хотя и имеют место определенные разногласия по поводу интерпретации общечеловеческих ценностей (например, в толковании основных прав человека позиции стран Запада и Востока

не во всем совпадают), сам факт существования таких ценностей не вызывает сомнения, а непрекращающиеся попытки сформулировать наиболее важные из них в приемлемой для всех форме играют важную интегрирующую роль и способствуют лучшему взаимопониманию различных стран и народов. Как отмечает Л. Н. Столович, «культивирование общечеловеческих ценностей в каждой национальной группе ведет к их сближению, подобно тому как в общении действительно интеллигентных и культурных людей нет остроты проблемы национальных отношений, ибо интеллигентность и культурность предполагают преданность высшим интеллектуальным, нравственным и эстетическим ценностям человечества»¹. Таким образом, если принять во внимание всю остроту и актуальность проблемы, «принцип приоритета общечеловеческих ценностей — не просто благое пожелание и красивая фраза, а аксиологический императив, осознаваемый различными направлениями философской мысли на основе уже сейчас существующих общечеловеческих ценностей в человеческой культуре, императив, без осуществления которого человечество прекратит свое существование»².

В условиях нарастания и обострения глобальных проблем, а также постоянно увеличивающихся разрушительных возможностей человека все большую ценность планетарного масштаба приобретают также уникальные объекты природы и материальной культуры — такие, например, как генофонд планеты, невозобновимые энергетические и сырьевые ресурсы, чистая атмосфера, леса Сибири и Амазонки, озеро Байкал, Великая Китайская стена, египетские пирамиды и т.п. Вряд ли имеются серьезные основания полагать, что эти ценности не уникальны и не имеют всеобщего значения. Но и считать их безусловным, общепризнанным фактором, объединяющим людей, также не совсем правильно. Они лишь заключают в себе такую возможность, реализовать которую еще предстоит будущим поколениям. При этом бережное отношение к ним, рациональное пользование ими не оставляет человечеству иного выбора, кроме, как, преодолевая раздробленность и разногласия, стремиться к единству, сохраняя по возможности самобытность культур, вековых традиций и специфических особенностей отдельных наций и народов. А для этого необходимо признание общечеловеческих ценностей и их приоритета перед остальными интересами людей, что в условиях глобализирующегося мира становится первостепенной задачей.

¹ Столович Л. Н. Глобализация и проблема общечеловеческих ценностей // Глобалистика: энциклопедия. С. 1140.

² Там же.

ГЛАВА IV

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Не плакать, не стенать, не проклинать,
а понимать.

Б. Спиноза

Нет ничего хуже идей и институтов,
которые пережили собственную полезность.

А. Печчеи

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ:

Культура – категория, характеризующая внутренние, сущностные параметры общества, а также отдельных людей, их творческую деятельность во всех сферах бытия, направленную на осмысление и преобразование действительности, а также материальные и духовные результаты такой деятельности.

Ноосфера – гипотетический этап развития биосферы, на котором любая преобразующая деятельность человека должна будет основываться на научном понимании естественных и социальных процессов и органически согласовываться с общими законами развития природы.

Общественно-экономическая формация – исторически определенная ступень, период в развитии общества, характеризующийся присущими только ему производительными силами и производственными отношениями.

Реконструкция (историческая) – восстановление в виде теорий и идей реальных событий, имевших место в прошлом; их описание, интерпретация и оценка.

Футурология – совокупность идей и теорий, направленных на осмысление и предвидение будущего.

Цивилизация – категория, позволяющая рассматривать общество с точки зрения устройства и уровня развития его государственности, экономической и социально-политической структуры, характера внутренних и внешних связей социального организма. В качестве феномена выступает как форма, внешнее обрамление культуры.

§ 1. История как реконструкция прошлого, направленного в будущее

Существует два будущих — желаемое и уготованное Судьбой, и человеческий род никогда не умел различать их.

Дж. Бернал

Современные процессы глобализации по мере их активизации увеличивают и желание разобраться в них, порождая стремление выявить их природу, генезис, тенденции развития, что, в свою очередь, усиливает интерес к истории, без знания и понимания которой справиться с поставленной задачей не представляется возможным. Историческая наука, корнями уходящая в Античность, прошла сложный путь становления и развития, накопив значительный опыт в виде концепций, теорий, гипотез, пытающихся объяснить ход и направленность развития общественных процессов. Одни из них получили широкую известность, другие остаются достоянием узкого круга специалистов, а третьи и вовсе бесследно канули в Лету. И хотя не было и нет такой теории, которая бы считалась бесспорной, общепризнанной, единственно правильной, попытки объявить таковой ту или иную концепцию постоянно предпринимались. Слишком крепкая связь существует между прошлым и настоящим, между прошлым и будущим, а как следствие — и тесная связь соответствующих концептуальных построений с интересами людей, чтобы не придавать серьезного значения тому, как теоретически реконструируется историческое прошлое, как оно используется в реальной политике и практике людей.

Достаточно вспомнить в этой связи наиболее одиозные геополитические идеи «жизненного пространства» или теоретические обоснования достижения «светлого будущего человечества», где определенное видение истории задавало и соответствующую парадигму представлений о будущем. Прошлое, таким образом, в той или иной степени становится актуальным и в настоящем, ибо его понимание и истолкование нередко составляет основу, теоретическую базу поведения и поступков людей, задает программу действий на перспективу. Данное положение всегда хорошо осознавалось, подтверждением чему являются устойчивые речевые обороты и крылатые выражения, которые можно обнаружить практически во все времена и в любом языке мира: «кто знает историю, владеет настоящим»; «держась за настоящее, мы живем будущим, обязательно исходя из прошлого»; «уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из уроков истории» и т. п.

Итак, история — не просто описание событий или запечатление и увековечивание свершившихся фактов и деяний, она также, быть

может, еще в большей степени является ареной борьбы различных интересов, точек зрения, позиций и идеологий, где формируются те или иные концепции с заданным углом зрения. Отсюда острые дискуссии и споры вокруг практически любой теории общественного развития, когда она появляется на свет. И чем более тщательно такая теория обоснована, чем настойчивее она претендует на адекватное, «правильное» описание и понимание событий, тем более острые дебаты и полемику она вызывает, ибо затрагивает жизненные интересы тем большего числа людей, чем на более высокий уровень обобщений она претендует. При этом следует особо отметить, что дело касается сложнейших, взаимозависимых и разноплановых процессов и явлений, которыми характеризуется любое общество, а тем более человечество в целом, и исследовать которые разносторонне и в полном объеме методами одной лишь исторической науки невозможно. Здесь требуется комплексный подход, при котором ретроспективное видение, а также динамика и направленность развития тех или иных исторических процессов должны быть сопоставлены, увязаны с другими подходами и методами, вырабатываемыми философией истории, социальной философией, а также другими социальными науками.

Принимая во внимание данное обстоятельство, важно подчеркнуть, что каждая из предлагаемых теорий или моделей социального развития, если она не имеет антигуманной направленности, не призывает к насилию и вражде, не содержит расовых, религиозных и тому подобных предрассудков, может и должна иметь право на существование, так как, не будучи способной во всей полноте и деталях охватить всю сложнейшую систему общественного организма и его многочисленных связей с окружающей средой, любая социальная теория в той или иной степени отражает лишь какую-то одну или несколько из его сторон, оттеняя вполне конкретные аспекты общественного развития, но не все из них. В этой связи, если стремиться к наиболее адекватному пониманию общества и происходящих в нем процессов, интерес может представлять в общем-то любая теория, с учетом указанных выше ограничений. И дело заключается лишь в том, чтобы оценить преимущества и недостатки каждой из них прежде всего в зависимости от того, какие цели данной теорией преследуются и какие задачи предполагается решить, опираясь на ее положения.

В качестве зарождавшейся науки история изначально предстает как простое описание событий и интерпретация фактов. При этом первые попытки сохранять и передавать последующим поколениям жизненно важные и социально значимые события, факты, деяния и т. п. следует отнести, по-видимому, уже ко времени появления *homo sapiens* (человека разумного), который использовал для этого устные предания, мифологию, закрепленный в предметах материальной культуры социальный опыт. Появление письменности значительно расширило

возможности человека развивать и сохранять свою историческую память — уже не только при посредстве рисунков, но и отдельных знаков, а позже и пространных надписей на стенах пещер, скалах, камнях, затем на глиняных табличках, папирусе, коже и т.п. И все-таки по-настоящему история, как отмечал Г. Гегель, начинается с того времени, когда в мире начинает осуществляться разумность, когда появились государство и право¹. Другими словами, должна была осуществиться неолитическая революция, позволившая человеку перейти к оседлому образу жизни и тем самым сформировать в нем потребность в сохранении и приумножении исторического опыта. Однако прошло еще не одно тысячелетие, прежде чем человек в качестве активного субъекта стал творить, а затем и осознавать свою историю.

Собственно же предметом специальных занятий, самостоятельным предметом история становится лишь с середины I тысячелетия до н.э., когда возникли соответствующие условия и необходимые предпосылки для «любомудрия» (философии) вообще и для осмысления отдельных аспектов социальной действительности в частности, т.е. когда накопились достаточный материал и знания, потребовавшие обобщений, а также сформировались социально-экономические условия, позволившие сделать творческую, аналитическую, интеллектуальную деятельность специальным родом занятий. Так, уже в ранней истории общественной мысли Китая и Индии можно обнаружить попытки комплексного изучения общества. Однако именно в античной Греции и Древнем Риме, прежде всего усилиями таких великих историков древности, как *Геродот*, *Фукидид*, *Ксенофонт*, *Тит Ливий*, *Тацит*, были заложены основы теоретического понимания и систематизации исторического процесса, которые своей главной задачей ставили правдивое, максимально приближенное к реальности описание событий и фактов. Геродот, названный легендарным римским оратором Цицероном «отцом истории», фиксирует на этом особое внимание, начиная свой знаменитый труд «История» такими словами: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом»². Неслучайно в древности историков называли «передатчиками времени», так как они были не только хранителями и систематизаторами исторического времени, но и передатчиками человеческого опыта, памяти, деяний, отпечатавшихся на временной шкале общественного прогресса.

¹ См.: *Философия истории: антология / сост., ред. и автор вступ. ст. Ю. А. Кимелев. М.: АО «Аспект пресс», 1994. С. 83.*

² Цит. по: *Историки античности. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 33.*

Следует отметить, что в стремлении как можно точнее передать достоверную информацию последующим поколениям, историки древности еще не поднимаются до выводов и обобщений, нет у них и попыток провести исторические параллели, логические связи из прошлого через настоящее в будущее. Такой подход станет постепенно формироваться позже, в Средние века, когда появление монотеистических религий привнесет элемент универсальности в мировоззрение людей и будет ориентировать на понимание истории как осуществление божественной воли, что наиболее ярко проявится в христианстве, в частности в концепции «священной истории» Августина Блаженного. Именно его усилиями была предпринята первая в истории попытка создать философию истории, где он охватил единым взором всемирно-исторический процесс, поставив историю человечества в тесную зависимость от планов и намерений Бога. «Весь человеческий род, жизнь которого от Адама до конца настоящего века есть как бы жизнь одного человека, управляется по законам божественного промысла так, что является разделенным на два рода, — говорит Августин и добавляет: — К одному из них принадлежит толпа людей нечестивых, носящих образ земного человека от начала до конца века. К другому — род людей, преданных единому богу»¹. По Августину, борьба этих двух царств — «Града земного» и «Града божьего» — и определяет историю становления и развития человечества. При этом следует отметить, что история начинается не с момента сотворения человека, а с момента грехопадения, так как его райское существование протекало вне истории, тогда как неповиновение воле Бога привело к низвержению человека в поток времени и сделало его смертным.

У средневековых арабских мыслителей, в частности у Аль-Бируни и Ибн-Хальдуна, которые в своих взглядах на историю в меньшей степени были связаны религиозными догматами, исторические события рассматривались уже как объективный процесс циклического характера. Но лишь начиная с эпохи Возрождения и особенно в Новое время по-настоящему раздвинулись горизонты исторической науки, когда *Н. Макиавелли, Дж. Вико, Ж. Ж. Руссо, Ф. Вольтер, Ш. Монтескье, Ж. Кондорсе, И. Г. Гердер, Г. Гегель, Н. М. Карамзин* и др. приступили к поискам объективных законов исторического развития. Так, Дж. Вико стал активно развивать идеи исторического круговорота в развитии всех наций, когда они подобно жизненным циклам человека (детство, юность, зрелость) проходят в своем развитии три эпохи: божественную, героическую и человеческую. И. Г. Гердер, опираясь на понятие о развитии в природе, развивал учение о прогрессе в истории и стал одним из основателей просветительско-плюралистического подхода к изучению человеческих обществ. Г. Гегель сформулировал

¹ Цит. по: Антология мировой философии. В 4 т. М., 1969. Т. 1. Ч. 2. С. 605.

фундаментальную философскую концепцию развития универсального духа, который в конечном счете определяет ход мировой истории.

Однако попытки обнаружить смысл истории, общее и особенное в жизни различных народов, стремление выявить закономерности и сформулировать законы общественного развития стали действительно эффективными только к середине XIX в., когда накопились необходимые исторические знания и достаточный опыт их интерпретации, а историки, опираясь на все это, стали мыслить в масштабах тысячелетий. Революционные идеи во взглядах на исторический процесс с этого времени развивали *К. Маркс*, *Ф. Энгельс*, *Л. Морган*, *Ф. Гизо*, *С. М. Соловьев*, *Н. Я. Данилевский*, *О. Шпенглер*, *А. Тойнби* и др. Их усилиями, по существу, были заложены основания теоретических исследований современной истории общественных изменений и глобализации мирового хозяйства, о чем еще будет сказано в последующих разделах книги.

К числу наиболее известных социальных концепций прошедшего века можно отнести также идеи *Ф. Броделя*, *П. Сорокина*, *У. Ростоу*, *Д. Белла*, *А. Тоффлера*, *Ф. Фукуямы*, *С. Хантингтона*, *Н. Элиаса*, *Ш. Эйзенштадта*, *Г. Виттимо* и др. Так, в получившей широкую известность работе «Конец истории» американский политолог *Ф. Фукуяма* назвал падение коммунизма «концом истории», что вызвало оживленные дискуссии и полемику по поводу общественного развития в эпоху глобализации. Здесь следует заметить, что уже сам термин «конец истории» является большим преувеличением, а точнее — яркой метафорой, не имеющей серьезного отношения к реальному ходу событий, так как исторический процесс, начавшись с появлением человека, в принципе может закончиться лишь с исчезновением его как социального существа, а трансформации и социальные потрясения, которые на рубеже 80–90-х гг. XX в. коснулись всего человечества и о которых, собственно, ведет речь *Ф. Фукуяма*, были всего лишь очередным катаклизмом в ряду множества потрясений, сопровождающих общественный прогресс. Как замечает другой американский исследователь *Д. Белл*, «в словосочетании “конец истории” беспорядочно перемешаны различные понятия; ему не хватает ясности», а сама эта идея основывается на «гегельянско-марксистском представлении о линейном развитии единого мирового Разума по направлению к телосу объединенной социальной формы, что [является] неправильным толкованием природы общества и истории»¹.

В последние годы внимание многих исследователей все больше сосредоточивается не столько на «конце истории», сколько на конце социального начала в истории, на переосмыслении ряда прежних категорий и пересмотре перспектив, открывающихся перед развитыми индустриальными обществами, когда обсуждение концентрируется на изменении места и роли западной цивилизации в современном мире.

С этой позиции, рассматривая исторический процесс крупномасштабно, его в самом общем виде, как уже отмечалось, нередко представляют в виде последовательной смены следующих состояний социального организма: *дикость — варварство — цивилизация*. А так как отдельные народы проходят указанные этапы каждый в свое время, то человечество в целом даже сегодня, в основном выйдя (по указанной схеме) на цивилизационный уровень развития, представляет собой еще довольно пеструю картину на пути продвижения к действительно высокому уровню развития цивилизации. Отсюда еще одна социальная теория, предложенная другим американским политологом С. Хантингтоном и анализирующая цивилизационный дисбаланс современного мира, оказалась в центре научного и общественного внимания, породив широкие дискуссии. Выступив с идеей «столкновения цивилизаций», он предпринял попытку показать, что именно цивилизационная модель объяснения современного и будущего состояния мира, в том числе глобальных процессов, должна стать главной научной парадигмой после эпохи «холодной войны». В обозримом будущем, по мнению автора, наиболее острые столкновения основных интересов будут происходить между различными типами цивилизаций, которые после утратившего смысл деления всех стран на «капиталистические», «социалистические» и «развивающиеся» определяют лицо современного мира.

Итак, уже краткое введение в историографию показывает, что исторический процесс начиная со знаменитых историков древности, всегда пытались представить в виде соответствующих обобщений, определенной последовательности тех или иных событий, наконец, как тенденцию, используя для этого различные категории, среди которых наибольшее распространение получили такие, как «историческая эпоха», «общественно-экономическая формация», «культурно-исторические типы», «стадии экономического роста», «культура», «цивилизация» и т.п. При этом следует отметить, что термины «общественно-экономическая формация» и «культурно-исторические типы» стали первыми фундаментальными понятиями нарождавшейся тогда макросоциологии, которые практически одновременно были введены в научный оборот, получив детальную разработку в 60-х гг. XIX столетия. Затем, в начале 20-х гг. XX в., для описания исторических процессов был использован хорошо известный к тому времени термин «культура», и наконец, к середине этого века упомянутый ряд пополнился уже известным термином «цивилизация». Данные понятия стали логическим результатом активного развития социальных теорий и соответствующего им языка, существенно расширив инструментальную базу и теоретические возможности исследователей в познании закономерностей общественного развития. Они не просто увеличивают словарный запас, а позволяют увидеть социальный

организм с разных сторон и отражают в основном *состояние*, определенную *ступень, уровень развития общества* на том или ином этапе его эволюции. Следует подчеркнуть, что чем больше усложняется общество, тем больше базовых понятий требуется для его описания, что, собственно, имеет место и в науке, и в философии. Например, И. Кант в свое время вынужден был ввести немало совершенно новых понятий, так как вторгся в принципиально новую область познания, где прежний словарный запас оказался недостаточным для описания новой реальности. Теперь аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в глобалистике, где идет активный процесс словотворчества; при этом акцент с описания тех или иных состояний, событий и явлений все больше смещается в сторону их динамики, изменения и выявления характера происходящих в них процессов.

И хотя *динамика и тенденция социальных изменений*, как правило, всегда принимались во внимание, тем не менее до последнего времени еще не возникала необходимость поставить именно их непосредственно во главу угла социальной теории. Иначе говоря, в силу объективных причин пока еще никто не пытался выразить историю через *процесс, изменение*, когда они выступали бы определяющим фактором ее развития. И вот теперь, когда глобализация, будучи процессом, характеризующим мировую эволюцию в ее фундаментальном качестве, стала всеобщим явлением, изменяющим не только образ жизни, но и образ мысли, мировоззрение людей, очередь дошла и до такого взгляда на историю. В какой-то мере это похоже на то, как в философии на протяжении почти двух с половиной тысяч лет, вплоть до XIX в., господствовал рационалистический (классический) подход, где предметом выступали в основном *состояния* исследуемых объектов и явлений, а затем на смену ему пришел иррационализм (неклассический, постнеклассический, постмодернистский периоды), когда на первый план в осмыслении бытия выдвинулись такие сущности, как *изменчивость, жизненный порыв, мировая воля, интуиция* и т. п.

И дело не в том, что какие-либо категории правильно отражают реальную историю, а какие-то нет. Здесь можно и нужно говорить о том, что одни это делают лучше, а другие хуже — и то лишь потому, что взят соответствующий контекст рассмотрения проблемы. Другими словами, как нельзя сложному явлению дать только одно полное и всестороннее определение, так нельзя и исторический процесс описать лишь одной категорией. Вот почему все расширяющийся ряд фундаментальных понятий истории и социальной философии с момента зарождения данных сфер общественнознания постоянно пополняется, и *глобализация* — еще один термин в этом ряду, позволяющий увидеть теперь уже не столько развитие общества в его динамике, сколько *саму эту динамику* как важнейшую характеристику социального организма, взятого в качестве особого феномена в планетарном масштабе.

Объективная потребность такого нововведения объясняется тем, что с точки зрения понимания современных тенденций общественного развития, которое все больше обнаруживает свое единство и целостность в глобальном мире, существующие ныне подходы к пониманию исторического процесса не могут быть признаны удовлетворительными, так как, сформулированные в принципиально иных исторических условиях, они уже в значительной степени выработали свой новаторский «ресурс» и по большей части утратили эвристическую ценность, сохранив тем не менее свое онтологическое и познавательное значение. Иными словами, современное общественное развитие в качестве динамично развивающегося единого целого требует уже и других подходов, которые позволили бы выявить и проанализировать мирохозяйственные связи и глобальные отношения, не поддающиеся описанию в категориях «общественно-экономическая формация», «культура», «цивилизация» и т.п.

В последующих параграфах будут рассмотрены наиболее важные концепции исторического развития с точки зрения их актуальности относительно понимания современных процессов глобализации.

§ 2. Формационный подход к пониманию истории

Системный анализ исторического процесса как единого, непрерывного целого стал возможным по существу лишь после Великих географических открытий, а точнее, после того, как процесс глобализации к середине XIX в. охватил помимо экономических отношений еще и сферу политики, социальных связей, сделав их взаимозависимыми во всемирном масштабе безотносительно к уровню развития в отдельных регионах и наличию национальных границ. Но первые попытки рассматривать всемирную историю как непрерывный процесс, разворачивающийся во времени и проходящий на этом пути определенные стадии, ступени своего развития, были предприняты несколько раньше в социально-политических исследованиях конца XVIII — начала XIX в. Так, согласно исторической концепции французского утопического социалиста Ш. Фурье, автора работы «Теория всеобщего единства», общество в своем развитии проходит ряд сменяющих друг друга стадий: *эдемизм, дикость, патриархат, варварство* — и, достигнув к описываемому времени *стадии цивилизации*, устремляется к гармонии, где общественный строй, по его мнению, будет сообразен природе, т.е. естественные законы природы и общества станут гармонично регулировать социальные отношения.

Еще более развитую концепцию закономерного развития истории в это же время развивал Г. Гегель, который полагал, что, хотя исторические законы, в отличие от природных, реализуются посредством сознательной деятельности людей, в истории тем не менее властву-

ет — несмотря на кажимость случайности — «неличная закономерность». История является «развитием Духа во времени» и имеет свою цель — достижение свободы, свободы гражданина в «гражданском» обществе.

С этой точки зрения Г. Гегель выделяет три основных этапа мировой истории, которые, диалектически сменяя друг друга, эволюционируют по мере роста разумности и свободы от *восточного общества*, где человек был свободен лишь в себе, в возможности, но не в действительности, к *греко-римскому*, где свободной является уже определенная группа людей, и от него — к *германо-христианскому*, народы которого полностью осознали, что человек является в смысле бытия свободным и что все равны через свою свободу. В этой последней фазе Дух достигает полной реализации, сохраняя в своей глубине прошлое как память и реализуя в настоящем свою сущность в качестве «мирового духа», т.е. движущегося в «мировой истории».

С момента создания гегелевской философии истории понимание исторического процесса в качестве целостного явления применительно ко всему человечеству, где оно выступает уже не в качестве фрагментарно рассматриваемых стран и народов, а как единый организм, стало обычным делом для многих исследователей, среди которых особое положение, несомненно, занимает К. Маркс, разработавший концепцию общественно-экономических формаций, о чем еще будет сказано ниже. Теперь же, забегаая вперед, отметим, что и в XX в., поставившем под сомнение не только марксистскую историческую теорию, но и историцистские подходы к общественному развитию вообще¹, идеи определенных стадий, этапов, ступеней, которые проходит человечество в своем развитии, постоянно воспроизводятся.

Так, американский социолог У. Ростоу, в стремлении разработать всеобъемлющую философско-социологическую теорию, в определенной мере альтернативную историческому материализму, развивал идеи «единого индустриального общества». В своей книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест»² он разделил всю историю на пять стадий:

- 1) «традиционное общество», включающее все общества вплоть до капитализма, которое характеризуется низким уровнем производительности труда, господством в экономике сельского хозяйства;
- 2) «переходное общество», связанное с переходом к доминирующему капитализму;
- 3) «период сдвига», характеризующийся промышленными революциями и началом индустриализации;

¹ См.: *Поннер К.* Ницета историцизма. М., 1993; *Он же.* Открытое общество и его враги. Т. 1. 2. М., 1992.

² См.: *Rostow W.* The stages of economic growth. A non communist manifesto. Camb., 1960.

- 4) «период зрелости», когда заканчивается индустриализация и появляются высокоразвитые в экономическом отношении страны;
- 5) «эра высокого уровня массового потребления», которой достигли высокоразвитые страны.

Другим примером современных теорий стадийного развития общества является идея коэволюции природы и общества в направлении к становлению ноосферы, дискуссии вокруг которой активизировались в России во второй половине XX в. в связи с широким обсуждением глобальных проблем современности. Как отмечает один из наиболее известных сторонников ноосферного подхода А. Д. Урсул, «становление ноосферы явится продолжением социально-технологического ряда развития (первобытное общество — аграрное — индустриальное — постиндустриальное). Первой стадией создания ноосферы окажется информационное общество (инфоноосфера) как глобальная информационная цивилизация, в которой благодаря процессам информатизации сформируется единый гибридный коллективный (ноосферный) интеллект, способный управлять планетарным социозокоразвитием»¹. В дальнейшем в соответствии с данной теорией наступит следующая стадия — эконоосфера, где будет решена глобально-экологическая проблема и обеспечена дальнейшая коэволюция человека и биосферы, а также будет построено экологическое (экобезопасное) общество. Но и на этом полет философской фантазии сторонников данной теории не останавливается.

Рисую еще более грандиозную картину будущего человечества, следующий этап развития которого, по их мнению, будет разворачиваться уже в безбрежных просторах космоса, они высказывают оригинальные идеи, быть может, интересные с позиции философии, но вызывающие серьезные вопросы с научной точки зрения, ибо ни бездна космического пространства, ни отсутствие признаков разумной жизни на расстоянии многих световых лет от Земли, ни даже, как теперь уже выяснилось, отсутствие необходимых условий для нормальной жизни на планетах Солнечной системы их не смущают. Как пишет, например, А. Д. Урсул, «последующие этапы ноосферогенеза предполагают системно-эволюционное решение других глобальных проблем и продвижение процесса глобализации в космические пространства, т.е., (грядет) дальнейшая космизация и освоение внеземных объектов, становление космосферы, астроноосферы (предполагающей возможное соединение в целостную информационную систему разумов различного инопланетного происхождения)»². Так как концепция ноосферы тесно связана с осмыслением процессов глобализации, она

¹ Урсул А. Д. Ноосфера // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003. С. 704.

² Там же. С. 704.

еще будет предметом специального рассмотрения в соответствующем разделе, нам же теперь важно отметить, что основы и все необходимые предпосылки для построения макросоциологических теорий сформировались уже к XIX в. и тогда же в полной мере были реализованы, в частности в историософии К. Маркса.

Восприняв диалектические идеи Г. Гегеля и его историцистские подходы, К. Маркс разработал концепцию «исторического материализма», где развитие истории он поставил в зависимость от уровня и характера развития производительных сил и производственных отношений, конфликтом которых он пытался объяснить основные противоречия в обществе, а также природу самодвижения всего социального организма. Сущность материалистического понимания истории, по К. Марксу, заключается в том, что, прежде чем заниматься политикой, религией, наукой, философией и т.п., человек должен удовлетворить свои естественные (материальные) потребности в еде, одежде, жилище, что достигается в результате его трудовой деятельности. Отсюда материальные, производственные отношения выделяются в качестве главных, базисных, первичных по отношению к идеологическим, охватывающим сферу политики, идеологии, религии, науки, искусства.

Рассматривая, таким образом, развитие общества с позиции материализма и диалектики, К. Маркс представлял его в виде естественно-исторического процесса, который регулируется соответствующими ему общеисторическими (общесоциологическими) закономерностями, обеспечивающими единство всемирной истории. Эти объективные законы общественного развития действуют с необходимостью и функционируют независимо от воли и сознания людей. Люди не в силах отменить их, но, познавая их сущность, они могут влиять на эти законы, ускоряя или замедляя их действие. «Общество... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами, — отмечал он. — Но оно может сократить и смягчить муки родов»¹. Важнейшим из таких законов является тот, который характеризует диалектическую взаимозависимость производительных сил и производственных отношений, где наиболее подвижный и динамичный элемент способа производства — производительные силы — на каком-то этапе своего развития вступает в противоречие с отставшими производственными отношениями. В итоге производственные отношения из прогрессивной формы развития производительных сил превращаются в их тормоз, и возникают условия для социальной революции, которая знаменует переход общества на новую ступень исторического развития. Для характеристики таких этапов общественного прогресса

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10.

К. Маркс предложил и разработал категорию «*общественно-экономических формаций*», которых в марксизме, если отвлечься от тонкостей расхождения во взглядах самого К. Маркса и его последователей, насчитывается пять: *первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая*. Каждая из них, полагают сторонники данного подхода, представляет собой живой социальный организм, имеющий соответствующую структуру, многообразные функции, и характеризует сущность определенной ступени социально-экономического развития человечества.

Ход истории, таким образом, в своих основных тенденциях оказывается predeterminedным, и задача людей состоит в том, чтобы, познав объективные закономерности ее развития, действовать в соответствии с ними. «Ни одна общественно-экономическая формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества, — считал К. Маркс. — Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить»¹. Данная позиция марксистов выдержала немало упреков в объективизме и предзаданности исторических событий, на что обычно отвечают, что формационный подход дает возможность «научно» обосновать периодизацию истории, выделив в ней главные периоды, или исторические эпохи.

Именуя свою теорию *историческим материализмом*, марксисты полагают, что она позволяет не только вскрыть объективные исторические законы и ответить на вопросы, откуда, куда и как идет человечество, но и показывает реальные механизмы преобразования социальной действительности. Последнее обстоятельство в рассматриваемой теории имеет принципиальное значение, так как выражает действенный характер и революционную сущность марксизма, которую сам К. Маркс сформулировал еще в 1845 г., т. е. в самом начале своей творческой деятельности, когда написал в одиннадцатом тезисе о Л. Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»². Нацеливая на изменение мира, исторический материализм исходит из того, что, как писал К. Маркс, «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. I. С. 3.

экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Исторический материализм еще при жизни его основоположников подвергался серьезной критике за схематизм, фатализм, эсхатологию и провиденциализм, предопределенность в смене общественно-экономических формаций и т.п. Не утихают эти споры и теперь, в особенности после того, как потерпел фиаско грандиозный социальный эксперимент, осуществлявшийся сторонниками данной теории на протяжении почти всего XX столетия практически на всех континентах, за исключением разве что Австралии.

Можно по-разному оценивать и самого К. Маркса, и его теорию, но в контексте данного разговора нельзя не признать его несомненную заслугу в том, что он первый показал, что капитализм становится мировым, а по существу глобальным явлением в то время, когда тот был представлен в значительной степени еще мелкотоварным, патриархальным производством. Он также первым указал на будущее человечества как на единое, нерасчлененное целое, заложив методологические основы его систематического исследования на основе познания закономерностей развития человечества в прошлом.

Важно также подчеркнуть и то, что, следуя своему принципу соединения теории и практики, К. Маркс и его соратник Ф. Энгельс в феврале 1848 г. написали «Манифест коммунистической партии», в котором отчетливо был выражен интернациональный характер коммунистического движения, и который они закончили ставшим впоследствии знаменитым призывом: **«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»**. *И по форме, и по содержанию это была первая попытка всемирного объединения пусть еще только и одной части человечества — тех, кто занят производительным трудом*, — но уже имевшая под собой вполне объективные основания, на которые до этого еще никто не обращал внимания, в том числе и по той причине, что они тогда еще только формировались, будучи далеко не очевидными. И хотя данный призыв изначально носил по существу деструктивный характер, так как призывал к объединению представителей лишь одного класса с целью достижения их победы в непримиримой борьбе против другой части общества, тем не менее в нем уже угадывались принципиальной важности тенденции нарождавшихся тогда глобальных процессов в сфере не только экономики, но и политики.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. I. С. 535–536.

§ 3. Культурно-исторические типы

В то время как в Европе вызревали идеи материалистического понимания истории К. Маркса, выпустившего в свет в 1867 г. первый том своего основного труда «Капитал», в России над главной книгой своей жизни — «Россия и Европа» — работал замечательный русский ученый и оригинальный мыслитель Н. Я. Данилевский. Будучи сторонником самобытного развития России и критически оценивая европоцентристские взгляды, а также не приемля положения о магистральном развитии истории, принятого различного рода детерминистскими концепциями и, в частности, формационным подходом, он в своих теоретических изысканиях обратился к широкому историческому контексту, сформулировав *теорию культурно-исторических типов* с присущими им специфическими чертами в духовной, политической и экономической сферах, где Россия по существу впервые предстала в качестве субъекта мировой истории. До этого роль во всемирной истории России, равно как и роль «уединенных» восточных цивилизаций, по бытовавшему тогда в Европе мнению, была незначительной, так как они традиционно считались «отсталыми», как бы «второстепенными» элементами в мировой системе, и потому выпадающими из потока истории.

В этой связи работа Н. Я. Данилевского имела еще и то положительное значение, что она поднимала отечественную историософскую мысль на достаточно высокий уровень и концентрировала внимание российской обществоведческой науки на новом для нее объекте исследования — макросоциологических процессах. Для их описания к тому времени еще не было не только соответствующего языка, но даже и базовых категорий, что послужило для Н. Я. Данилевского поводом ввести свою терминологию. С его точки зрения, главными единицами всемирно-исторического процесса являются *культурно-исторические типы*, они же *локальные цивилизации*, которые подобно органической природе проходят все необходимые этапы своего развития, т.е. зарождаются, достигают расцвета, а потом стареют и умирают. Историю, таким образом, он интерпретирует как циклический процесс возникновения, расцвета и упадка поочередно сменяющих друг друга национальных государств и их культур. С другой стороны, это чередование локальных, мало связанных друг с другом самобытных цивилизаций, отыскание и перечисление которых не представляет никакого затруднения, так как они общеизвестны, просто за ними не признавалось их первостепенное значение, полагает Н. Я. Данилевский и дает их перечисление в хронологическом порядке:

- 1) египетская;
- 2) китайская;
- 3) ассирийско-вавилоно-финикийская;

- 4) индийская;
- 5) иранская;
- 6) еврейская;
- 7) греческая;
- 8) римская;
- 9) новосемитическая, или аравийская;
- 10) греко-романская, или европейская¹.

К перечисленным он добавляет еще два культурно-исторических типа — мексиканский и перуанский, которые, по его мнению, погибли насильственной смертью, не успев развиться. При этом он убежден, что развитие человечества шло не иначе как посредством реализации потенциала различных цивилизаций и по-другому оно идти не может.

Как отмечают известные исследователи теории цивилизации И. Н. Ионов и В. М. Хачатурян, «в своей историософской схеме Данилевский пытался соединить общее и особенное, создать универсальную концепцию, в которой не поглощалась бы индивидуальность цивилизации и вместе с тем учитывались главные закономерности всемирно-исторического процесса. Синтез локального и всеобщего при их относительном “равновесии” — одно из важнейших достижений Данилевского, на которое, надо сказать, практически не обращают внимания исследователи его научной деятельности»². И все-таки созданная Н. Я. Данилевским целостная концепция, охватившая различные аспекты всемирно-исторического процесса и жизни локальных цивилизаций, сыграла важную роль в становлении российской социальной мысли. Его книга, будучи впервые изданной в 1869 г., вначале осталась почти незамеченной научной общественностью, но со временем получила известность, выдержав несколько переизданий — одно еще при жизни автора в 1871 г., а затем после его смерти — в 1888 и 1889 гг. В 1890 г. она была переведена на французский язык, в 1920 г. — на немецкий и лишь в 1966 г. — на английский, когда на фоне нараставших экологических проблем во всем мире усилилось внимание к проблемам культуры и теории цивилизаций, а уже сложившиеся в концептуальном отношении культурологические и цивилизационные идеи получили новый импульс к развитию.

Работа изначально была воспринята как произведение, продолжающее традиции славянофильства, и уже в XIX в. послужила объектом серьезных научных дискуссий, а идеи, высказанные в ней, получили

¹ См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Известия. 2003. С. 111.

² *Ионов И. Н., Хачатурян В. М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002. С. 329.

высокую, хотя и не всегда однозначную оценку у многих известных ученых, философов, писателей: К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. Н. Стрехова, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Н. К. Михайловского, С. Н. Булгакова, В. Ф. Эрн, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, Л. П. Карсавина и др. Так, неославянофил Н. Н. Страхов с восторгом отозвался о книге, назвав ее «катехизисом» славянофильства и высказав надежду, что она вольет новые силы в идейное движение, потерявшее к тому времени лучших своих теоретиков. В то же время резкие оценки, полемический запал, острая критика Запада и воинствующий панславизм не только вызвали дополнительный интерес к идеям Н. Я. Данилевского, но и послужили основанием для обвинений его в «тоталитаристских» и даже шовинистических настроениях. Быть может, и по этой причине на Западе книга долгое время не привлекала такого внимания, как в России.

И хотя ряд теоретических положений О. Шпенглера совпадает с концептуальными идеями Н. Я. Данилевского, например органический рост «культур» (по Шпенглеру) и «культурно-исторических типов» (по Данилевскому) заканчивается в своей завершающей стадии цивилизацией, и теперь остается неизвестным, был ли О. Шпенглер знаком с идеями русского ученого, о котором он не упоминает в своем обширном труде «Закат Европы», вышедшем через 50 лет после того, как увидела свет книга «Россия и Европа». Но как бы то ни было, последнее обстоятельство лишь укрепляет ту мысль, что Н. Я. Данилевский в своем понимании исторического процесса и интерпретации динамики его развития сумел вычленить такие основания и фундаментальные принципы построения социальных систем, которые не только через 50 лет, но и теперь не потеряли привлекательности. Вместе с тем нельзя не признать, что рост интереса в последнее время к творческому наследию ученого и в особенности к его теории социально-исторических типов, продиктован также и недостаточным вниманием к этому наследию в прошлом, а следовательно, и стремлением восполнить пробел в объективной оценке новационных идей, которые хотя и сохраняют актуальность, но в известной степени уже выполнили свою историческую миссию.

§ 4. Культурологический подход

К началу XX в., когда марксистские идеи общественного прогресса получили достаточно широкую известность и послужили дополнительным стимулом к расширению дискуссии о сущности и правомерности историцизма в объяснении социальных процессов, появились другие теории, где фундаментальными понятиями в качестве альтернативы «общественно-экономической формации» стали выступать «культура», «цивилизация». О явлениях, стоящих за этими терминами, требуется

специальный разговор, теперь же остановимся на истории с точки зрения того, как она описывается через призму указанных категорий, в частности, автором получившего широкую известность «культурологического подхода» к пониманию истории О. Шпенглером.

Его главный труд «Закат Европы», вышедший в двух томах вскоре после поражения Германии в Первой мировой войне, вызвал широкий резонанс и имел большой успех — не без учета и того обстоятельства, что автор связал крах своей страны с гибелью западной цивилизации вообще, поставив под сомнение понятие исторического прогресса и отвергая не только материалистическое понимание истории, но и закономерное единство всемирно-исторического развития в целом. Выступив с позиции исторического релятивизма и фатализма, он заявил о себе как об активном оппоненте историцистских идей, которые с этого времени стали подвергаться особо острой и всесторонней критике в работах: Э. Трельча «Историцизм и его ценности»; Ф. Мейнеке «Происхождение историцизма»; К. Поппера «Нищета историцизма» и др.

Суть такой критики хорошо выразил К. Поппер, когда в исторической справке к работе «Нищета историцизма» писал: «Основной тезис этой книги (состоит) в том, что вера в историческую необходимость является предрассудком и предсказать ход истории с помощью научных или каких-то иных рациональных методов невозможно»¹. Историцизм не призывает к бездейственности и не учит фатализму, подчеркивал он, но в то же время утверждал, что любая попытка вмешаться в надвигающиеся изменения тщетна. «Историцизм — это особая разновидность фатализма, для которого неизбежными выступают тенденции истории»². И, наконец, перефразируя знаменитый марксистский тезис о Л. Фейербахе, К. Поппер заключает: «Историцист может только объяснить социальное развитие и помогать ему различными способами; однако дело, по его мнению, заключается в том, что *никто не способен его изменить*»³.

Сходных взглядов придерживался и Ф. Мейнеке, по мнению которого для нейтрализации «разъедающего эффекта историцизма» есть три способа. Первый из них — романтический, когда прошлое идеализируется и воспринимается как «золотой век». Второй устремлен в будущее — это путь оптимизма. Но и тот и другой не выходят за пределы горизонтальной плоскости и находятся внутри исторического потока. Однако существует третий путь, способный нейтрализовать «яд» историцизма — это вертикальный путь И. В. Гете, Л. фон Ранке, Э. Трельча, для которого характерен взгляд на исторический поток сверху. Такой подход не игнорирует горизонтального измерения исто-

¹ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 3.

² Там же. С. 62.

³ Там же.

рии, но подталкивает искать и находить вечное в мгновении, абсолютное — в личном и индивидуальном¹.

Выйти за рамки «исторического потока» стремился и О. Шпенглер, который, испытывая влияние идей И. В. Гете, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, отрицал всемирную историю как планомерный процесс в духе Г. Гегеля и К. Маркса и считал, что *прогресс, цель, человечество, будущее* и т. п. существуют лишь в головах поклоняющихся прогрессу европейских филистеров. Опираясь на богатый материал, накопленный к тому времени в области археологии, этнографии, сравнительного языкознания, он раздвинул горизонты традиционной западной исторической науки, выступая против ее основных постулатов — европоцентризма, панлогизма, «линейной» направленности исторического процесса и т. п. «По отношению к высшему человечеству в смысле будущего, — писал он, — царит бесконечный тривиальный оптимизм. Здесь замолкает голос всякого психологического и физиологического опыта, и каждый отыскивает в случайном настоящем “возможности” особенно выдающегося линейнообразного “дальнейшего развития” только потому, что он их желает. Здесь находят место для безграничных возможностей — но никогда для естественного конца — и из условий каждого отдельного момента выводят в высшей степени наивно построенное предположение. Но у “человечества” нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей. “Человечество” — пустое слово»². Всемирная история у О. Шпенглера не является целостным развивающимся процессом, а распадается на ряд независимых, неповторимых, замкнутых циклических «культур», каждая из которых имеет свою «душу», проявляющуюся во многих формах — языке, искусстве, государстве, науке и т. п.

Культуры — это особые сверхорганизмы, которые, соседствуя и чередуясь с другими культурами, имеют свою судьбу и развиваются по законам роста и увядания, переживая периоды возникновения, расцвета и старости, проходя стадии подъема и упадка. При этом существование разных культур в разные времена и на самых отдаленных территориях планеты свидетельствует, с точки зрения Шпенглера, о единстве проявления жизни во Вселенной и о том, что единого процесса мировой истории не существует. Подчеркивая это обстоятельство, он, в частности, писал: «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории... я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал — человечество — свою собствен-

¹ См.: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997. Т. 4. С. 297.

² Шпенглер О. Закат Европы. М., 1923. С. 20.

ную форму, и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть»¹. В итоге он выделяет восемь таких культур, достигших зрелости и являющихся носительницами подлинной всемирной истории: египетская, вавилонская, индийская, китайская, «магическая» (арабо-византийская), «аполлоновская» (греко-римская), мексиканская (культура майя) и «фаустовская» (западноевропейская). Все они, ограниченные сроком жизни примерно в тысячу лет, похожие друг на друга по строению и однородности развития, являются «завершенными», полностью исчерпавшими свои возможности и переходящими в фазу упадка, которую он именует цивилизацией. Именно в такую фазу цивилизационного заката, полагал Шпенглер в начале XX в., вступила западноевропейская культура, пережив тысячелетнюю историю и реализовав все свои основные потенции на исходе этого последнего в ее жизни столетия. Данный период в развитии этой культуры как раз и занимает основное внимание автора «Заката Европы», где уже в самом начале декларируется: «В этой книге будет сделана попытка определить историческое будущее. Задача ее заключается в том, чтобы проследить дальнейшие судьбы той культуры, которая сейчас является единственной на земле и проходит период завершения. Именно культуры Западной Европы, во всех ее еще не законченных стадиях»¹.

Перерождение культуры в цивилизацию происходит с неизбежностью и сопровождается упадком всех творческих сил и динамизма. Цивилизация — это умирание, неизбежная судьба всех культур, когда перестают создаваться культурные феномены и начинается тиражирование уже существующих. В наступающем застое и окоснении всего социального организма уже невозможно создание каких-либо великих творений искусства, науки, религии — происходит лишь создание техники и организационных структур. При этом преобладающее значение получает рационализм, демократия, атеизм, основанный на науке, пацифизм и космополитизм, а важнейшими признаками вырождающейся культуры становится рост больших городов и перенасыщенность техникой.

Культурологические идеи О. Шпенглера, который не только выдвинул оригинальную концепцию исторического развития, но и одним из первых поставил вопрос о месте и роли техники в истории, указал на ее автономность и универсальный характер ее воздействия на природу и общество, оказали сильное влияние на философию и культуру XX в. Они вызвали большой резонанс еще при жизни автора, и теперь, в условиях усиливающейся глобализации, обнажающей опасные стороны современного научно-технического прогресса, сохранили свою актуальность и продолжают активно обсуждаться в научной литературе.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. С. 20.

§ 5. Цивилизационный подход

Наряду с формационным и культурологическим подходами к пониманию исторического процесса широкое распространение в начале XX в. получил еще один — *цивилизационный*, суть которого состоит в том, что всемирная история представляет собой не целостный процесс социальных изменений, поэтапно разворачивающийся во времени, а отдельные, независимые друг от друга социально-политические и территориально ограниченные образования, которые именуются цивилизациями. О цивилизации как социальном феномене, так же как и о культуре, требуется специальный разговор, теперь же нас интересует такой получивший широкое распространение вариант рассмотрения истории, когда центральным понятием выступает категория «цивилизация». При этом следует заметить, что в понимании данного термина существует значительный разброс мнений, так как и теперь все еще не установлены достаточно ясные критерии того, что считать цивилизацией, а разные авторы, использующие это понятие, если и говорят о критериях, то определяют их, как правило, без должной детализации, а то и вовсе произвольно. Отсюда в разных источниках приводятся разные типы и разное количество цивилизаций, что не позволяет говорить о строгой научности в понимании истории, когда ее интерпретируют с этих позиций.

Хотя впервые термин «цивилизация» появляется в трудах французских просветителей XVIII в., которые обозначали им такое общество, в котором восторжествуют принципы разума, справедливости и права, отцами-основателями цивилизационной теории принято считать прежде всего Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. При этом, как правило, неизменно подчеркивается особый вклад и таких ученых, как М. Вебер, О. Конт, Г. Спенсер, П. Сорокин, Н. Элиас, Ш. Эйзенштадт и др., а также то, что важными предпосылками формирования цивилизационного подхода стали философия истории, философия культуры, теоретическая социология, активное развитие которых началось с первой половины XIX в. И все-таки в полной мере основателем цивилизационного подхода к пониманию истории следует считать английского историка и социолога А. Тойнби, автора 12-томного сочинения «Постижение истории», принесшего ему славу выдающегося теоретика по проблемам общественного развития, после чего термин «цивилизация» стал в один ряд с понятиями «общественно-экономическая формация» и «культура» в подавляющем большинстве макро-социологических исследований и теоретических работ.

А. Тойнби, как и упомянутые выше авторы, а также другие крупнейшие социальные мыслители последнего столетия: Б. Кроче, А. Бергсон, П. Тейяр де Шарден, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Дж. Коллингвуд, К. Ясперс, П. Тиллих, А. Камю, Н. А. Бердяев и др. — был озабочен

отысканием смысла истории в калейдоскопе бесчисленного множества исторических фактов и событий, значительная часть из которых казалась ему не только лишенной смысла, но и противоречила здравому смыслу, выступала по существу исторической драмой. Отмечая это обстоятельство, известный российский историк Е. Б. Рашковский писал: «XX век потому и знаменовал собой столь страстный интерес к вопросу о смысле истории, что в отличие от прежних веков оказались поколебленными не просто представления об отдельных сторонах исторической жизни людей (моральных, социально-экономических, религиозных, эстетических и т.д.). В глазах людей поколебалась история как таковая. Сама целостность и ценность истории в эпоху мировых войн, культурной варваризации, безжалостных диктатур, геноцида и экоцида стала для человеческого сознания проблемой»¹.

Решая эту задачу, А. Тойнби отвергает линейный прогресс, непрерывность истории, когда она рассматривается в качестве естественно разворачивающегося целостного процесса, как то было представлено, например, у Г. Гегеля или К. Маркса, а также не приемлет и ее понимание как непрерывности Жизни, как это обнаруживается во взглядах А. Шопенгауэра или А. Бергсона. Остро полемирует он и с теми, кто говорит о «единстве цивилизации», рассматривая ее как общечеловеческое, всемирное явление. Рассуждая о «родственных связях» между различными цивилизациями, он подчеркивает, что догма об их единстве не позволяет историкам отличать сходство в явлениях от целостности явления.

А. Тойнби интересовали прежде всего, проблемы глобальных ритмов исторического процесса, и он поставил задачу переосмысления всего общественно-исторического развития человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций, подчеркивая, в противоположность линейному прогрессу, повторяемость исторических ситуаций. В отличие от упомянутых подходов, а также в отличие от О. Шпенглера, который различал культуру как царство органически-жизненного в противоположность цивилизации как совокупности технико-механических элементов, он понимал цивилизацию как локальный отрезок истории, искусственно изолируемый для исследования. При этом локальные цивилизации представляют собою не столько «замкнутые» в них самих «острова» истории, сколько определенные вехи «разомкнутого» таким образом времени, ибо это является общей характеристикой всего Универсума. Как пишет А. Тойнби, «ни одно собрание фактов не является полным, потому что Вселенная разомкнута. Равным образом ни одно обобщение не является окончательным, потому что со временем обнаружатся новые факты, которые приведут к взрыву уже

¹ Рашковский Е. Б. Читаем Тойнби // Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 649.

упорядоченной научной схемы»¹. Отсюда его позиция фрагментарного понимания истории, когда целостность каждого ее отрезка определяется ограниченностью одного вида общества от другого или, что то же самое, одной цивилизации от другой, которых в первоначальном варианте А. Тойнби насчитывал 19, потом 21, а затем сократил до 13 за счет «второстепенных» и «недоразвитых».

Объяснение этому он видит в том, что «представители одного и того же вида обществ, оказавшись в одинаковых условиях, совершенно поразному реагируют на испытания — так называемый вызов истории. Одни сразу же погибают; другие выживают, но такой ценой, что после этого уже ни на что не способны; третьи столь удачно противостоят вызову, что выходят не только не ослабленными, но даже создав более благоприятные условия для преодоления грядущих испытаний; есть и такие, что следуют за первопроходцами, как овцы следуют за своим вожаком»². А так как проблема критериев выделения и отличия одной цивилизации от другой у А. Тойнби не получила должного решения, то и их количество у него является величиной не строго определенной. Исследуя основания каждого отдельного общества, говорит он, можно обнаружить связь или отсутствие таковой с более древним обществом «благодаря наличию вселенской церкви», которая становится таким образом основным признаком классификации различных обществ. Другой, достаточно расплывчатый критерий для классификации обществ он усматривает в «степени их удаленности от того места, где они первоначально возникли». Попытка применения таких критериев стала основанием для идентификации основных, как он полагал, типов обществ, каждому из которых было дано соответствующее название: западное, православное, иранское и арабское (которые он причислил к исламскому), индуистское, дальневосточное, эллинское, сирийское, китайское, минойское, шумерское, хеттское, вавилонское, андское, мексиканское, юкатанское, майянское, египетское³.

Схематизм и отсутствие четких представлений об основаниях выделения тех или иных цивилизаций привели к тому, что при таком подходе к пониманию всемирной истории из нее выпадают практически целые континенты — Африка и Австралия, а, например, Россия, хотя она и раскинулась на огромном евразийском пространстве, и к тому же вобрала в себя множество самобытных культур и традиций от Дальнего Востока почти до центра Европы и от полярных территорий до среднеазиатского региона, отнесена тем не менее к византийской цивилизации; при этом ее история рассматривается как продолжение византийской истории.

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. С. 41.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 77.

Все цивилизации, по Тойнби, подобно шпенглеровским культурам обнаруживают сходство в жизненном цикле, проходя в своем развитии стадии возникновения, роста, надлома, разложения и гибели, после чего рождается другая цивилизация, воспроизводя таким образом круговорот истории. Причину же упадка и разложения цивилизации он усматривает в ее нравственном вырождении и утрате творческого импульса.

Будучи современником двух мировых войн, А. Тойнби высказывал особую озабоченность по поводу кризиса, переживаемого западной цивилизацией, и возможности третьей мировой войны, а хорошо зная из истории, что война была причиной гибели многих цивилизаций прошлого, он отчетливо осознавал, что новая война с применением ядерного оружия неминуемо приведет к гибели всего человечества.

Цивилизационная теория А. Тойнби оказала большое влияние на развитие исторической и социально-философской мысли XX столетия, а термин «цивилизация», даже оставаясь недостаточно определенным и теперь, стал, пожалуй, самым распространенным в описании не только макросоциологических процессов, но и в характеристике различных состояний как отдельных общественных систем, так и всего человечества в целом. В этой связи особого внимания заслуживают нашумевшие идеи американского политолога С. Хантингтона, который в середине 90-х гг. XX в. взбудоражил мировое сообщество своей работой «Столкновение цивилизаций», где с позиции цивилизационной теории дал описание современного и будущего состояния мира и усмотрел основную угрозу для человечества в конфликте двух мировоззрений — западного (христианского) и восточного (мусульманско-конфуцианского). Определяя вслед за А. Тойнби цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга и как самый широкий уровень культурной идентичности людей, он выделил следующие цивилизации, которые, по его мнению, определяют лицо современного мира: *западную, исламскую, конфуцианскую, индуистскую, японскую, православную, славянскую, африканскую и латиноамериканскую*. Соотношение сил между ними все активнее меняется. В то время как влияние Запада уменьшается, азиатские цивилизации наращивают экономическую, военную и политическую мощь. Потому именно между ними в обозримом будущем будут пролегать основные линии разлома общественных противоречий на глобальном уровне, что уже явственно проявляется в рецидивах религиозного фундаментализма, причем не только исламского, но и западно-христианского, иудейского, буддистского, индуистского, полагает автор бестселлера. Подчеркивая несхожесть различных цивилизаций и даже их принципиальную несовместимость, он в конечном итоге приходит к выводу, что «такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство зако-

на, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства, почти не находят отклика в других культурах. В противовес западному культурному империализму усиливаются фундаменталистские течения в других цивилизациях, подчеркивающие непреходящие ценности самобытных великих культур. Центральной осью мировой политики будущего, видимо, будет конфликт между Западом и остальным миром»¹, — заключает С. Хантингтон. При этом основной «цивилизационный разлом» усматривается между мусульманско-конфуцианским блоком и Западом, в особенности по таким базовым для последнего ценностям, как демократия и права человека.

Отмеченные взгляды стали предметом серьезного обсуждения как на Западе, так и на Востоке, породив многочисленные дискуссии вокруг перспектив и путей дальнейшего общественного развития в условиях острого противостояния различных культур и цивилизаций. Характерной в этом отношении является позиция президента Исламской Республики Иран М. Хатами, выраженная им в книге «Ислам, диалог и гражданское общество», где он, призывая бережно относиться к традициям, говорит о том, что они представляют собой суть социально-исторических достижений народа, играющих важную роль в сохранении единства общества. Отмечая богатство культуры и истории своей страны, лежащие в основе ее современного устройства, и полемизируя с идеологией западной цивилизации, ориентированной на прогресс и поступательное развитие, он пишет: «Перед нами стоят две цивилизации человечества, одна из них имеет глубокие корни в нашем обществе, другая привнесена извне и, в какой-то степени, навязана нам, а именно, современная цивилизация»². М. Хатами делает упор на этих двух принципиально отличных типах развития и, отстаивая традиционные ценности и принципы ислама, высказывается за диалог различных мировоззренческих позиций, подчеркивая, что все люди имеют право участвовать в той деятельности, которая формирует мир завтрашнего дня, и что ни одна нация не должна остаться в стороне из-за каких бы то ни было философских, политических или экономических споров. «На пороге третьего тысячелетия, — заключает он, — у нашего мира и у всех нас — одна общая судьба. Чтобы сделать эту судьбу счастливой и справедливой, единственно правильный путь действий — диалог между различными культурами и цивилизациями»³. И в этом ему видится выход из той достаточно сложной ситуации и тревожной перспективы, которые вытекают из теоретических построений С. Хантингтона.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 517.

² Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: Росспэн, 2001. С. 175.

³ Там же. С. 72–73.

Еще одним примером цивилизационного подхода к пониманию истории, когда в ней выделяется две основные цивилизационные парадигмы, является позиция В. С. Степина. Он выделяет два типа развития, характеризующие многообразие цивилизаций, — традиционалистский и техногенный. Первый из них связан с наличием традиционной культуры, которая никогда не ставила целью преобразование мира, и в которой прошлое доминирует над будущим прежде всего посредством не критического восприятия собственной истории, а также заповедей, учений, образцов поступков и т. п., оставленных героями и мудрецами прошлого, на которых последующие поколения должны учиться. Второй, техногенный тип развития, связан прежде всего с человеком в качестве деятельного существа, вступившего в противоборство с природой с целью преобразовать ее, подчинив своей власти. Подчеркивая динамизм техногенной цивилизации, который контрастирует с консервативностью традиционных обществ, где социальные процессы протекают медленно, едва изменяясь на протяжении веков, В. С. Степин отмечает: «Ценность преобразующей, креативной деятельности присуща только техногенной цивилизации, ее не было в традиционных культурах. Этим культурам было присуще иное понимание, выраженное в знаменитом принципе древнекитайской культуры “у-вэй”, который провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира. Традиционные культуры никогда не ставили целью преобразование мира, обеспечение власти человека над природой. В техногенных же культурах такое понимание доминирует, распространяясь не только на природные, но и на социальные объекты, которые становятся предметами социальных технологий»¹. С этой точки зрения именно техногенная цивилизация породила во второй половине XX в. глобальные кризисы, преодоление которых ставит западное общество перед необходимостью изменения базовых ценностей этой цивилизации, что, по мнению В. С. Степина, дает основание говорить о начале формирования нового, третьего типа цивилизационного развития, переходным этапом к которому выступает постиндустриальное общество².

§ 6. Ноосфера

С появлением человека на Земле начался принципиально новый, *антропогенный* этап развития биосферы, суть которого заключается в том, что человек, будучи разумным существом, получил возможность своей целенаправленной, преобразующей деятельностью оказывать

¹ Степин В. С. Цивилизационного развития типы // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 331.

² См. там же. С. 332.

влияние на естественные биосферные процессы, в том числе и с негативными последствиями для себя и живой природы, ведущими к ее деградации и искусственной утрате видового разнообразия. И тем быстрее крепились и ширились эти возможности, чем дальше и быстрее человек продвигался по пути научно-технического прогресса. Задумались же впервые над этой проблемой в эпоху Просвещения, когда получили развитие идеи, основанные на вере в человеческий разум и в его способность обеспечить прогрессивное развитие общества путем освобождения людей от оков невежества, предрассудков и суеверий. Просветителям казалось возможным построение «царства разума» на Земле, но эти идеи в итоге остались невостребованными вплоть до XX в., пока антропогенное влияние человека на природу не достигло столь внушительных масштабов и такой интенсивности, что она стала терять способность к самовосстановлению, а человеческий фактор в ее развитии стал, таким образом, определяющим. Именно тогда, с подачи французских философов Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, а также при активном участии В. И. Вернадского, появился и наполнился глубоким содержанием термин «ноосфера».

Впервые это понятие употребил в 1927 г. Э. Леруа в своих лекциях в «Коллеж де Франс». Он утверждал, что эволюция природы представляет собой целенаправленный творческий процесс, в истоках которого лежит духовная сила, действующая мысль. На определенном этапе этой эволюции появляется *homo sapiens* (человек разумный), который меняет ход событий благодаря наличию разума, становясь в итоге условием и орудием дальнейшего развития всей природы. Так, с точки зрения Э. Леруа, совершается переход биосферы к ее новому качественному состоянию, своеобразному интеллектуальному «пласту», который он называл ноосферой.

Идею ноосферы в теологическом аспекте развивал и П. Тейяр де Шарден, полагая, что Вселенную заполняет материя-энергия, развивающаяся в направлении все возрастающей сложности и духовности. В процессе эволюции частицы первичного хаоса со временем соединились сначала в разнообразные атомы, потом — в молекулы, клетки и, наконец, в живые организмы. Так, считает П. Тейяр де Шарден, вокруг Земли появилась универсальная оболочка — биосфера — «живая пленка», образованная «растительным и животным войлоком земного шара»¹. Живые организмы, эволюционируя и усложняясь, в конечном счете породили человека с его разумом, целеустремленностью и моралью, после чего энергия человеческого разума стала растекаться по Земле, образуя вокруг нее еще одну сферу, «мыслящую пленку», выходящую за пределы биосферы. Сам же процесс ее образования видится автору концепции следующим образом: «Вокруг искры первых

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 148.

рефлектирующих сознаний стал разгораться огонь. Точка горения расширилась. Огонь распространялся все дальше и дальше. В конечном итоге пламя охватило всю планету. Только одно истолкование, только одно название в состоянии выразить этот великий феномен — ноосфера. Столь же обширная, но, как увидим, значительно более цельная, чем все предшествующие покровы, она действительно новый покров, “мыслящий пласт”, который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных — вне биосферы и над ней»¹. При этом непрерывное восхождение эволюции вверх по вертикали сложности и духовности происходит под воздействием притягательной силы Бога, олицетворяющего верхнюю точку этой вертикали.

Другой, не теологический, а естественнонаучный смысл вкладывал в понятие ноосферы В. И. Вернадский, который выделял ведущую роль живого вещества в естественном развитии биосферы, а появление человека рассматривал как творческое начало и преобразующую силу в разворачивании природных процессов. «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой, — писал он. — И перед ним, перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть ноосфера»². Приняв данный термин, В. И. Вернадский истолковал ноосферу как результат человеческой деятельности, направленной на преобразование биосферы и природы в целом. С его точки зрения, вокруг Земли действительно образовалась «оболочка» антропогенного происхождения, однако это не идеальная сфера, как то было у французских мыслителей, а определенная ступень, этап в развитии биосферы, когда сознательная преобразующая деятельность людей становится реальной движущей силой этого развития, а возникающая в итоге «сфера разума» есть явление материальное, так как и биосфера, и разум человека, и его деятельность рассматриваются с естественнонаучных позиций.

Рассматриваемая идея эволюции отношений общества и природы базируется на новом понимании закономерностей, определивших возникновение и развитие на земной поверхности органического, а впоследствии и социального мира. Результатом же взаимодействия живой и неживой природы стало качественно новое состояние литосферы, гидросферы и атмосферы Земли, что нашло отражение в таких синтетических понятиях, как «биосфера» и «ноосфера», а их введение в научный обиход и философское обоснование этих терминов стало

¹ Тейяр де Шарден П. Указ. соч. С. 148–149.

² Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 328.

важным шагом вперед в понимании преобразованной природы. Такое единство взгляда на географическую среду, органический мир и общество принципиально отличает подход, предложенный В. И. Вернадским, от всех предшествовавших попыток объяснить принципы взаимодействия живых организмов с окружающей средой. В этом новом понимании биосфера являет собою не совокупность географической среды и обитающих в ней живых организмов (как было принято считать раньше), а качественно новое состояние земной поверхности, которое она приобрела в результате длительного взаимодействия организмов с неживой природой, когда уже практически нельзя вычленить отдельно какой-либо элемент, не изменяя сложившегося качества. «На земной поверхности, — писал В. И. Вернадский, — нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы, взятые в целом. И чем более мы узнаем химические явления биосферы, тем более мы убеждаемся, что на ней нет случаев, когда бы они не были зависимы от жизни. И так длилось в течение всей геологической истории»¹.

Таким образом, В. И. Вернадский предпринял попытку научно обосновать качественные изменения во взаимодействии общества и природы под влиянием деятельности человека, рассматривая общество как единство живой и неживой природы, как целостную систему, в которой человек доминирует в качестве активного субъекта. Достижение такого состояния во взаимодействии общества и природы, при котором разумная деятельность человека становится определяющим фактором, он определил понятием «ноосфера», что означает высшую ступень интеграции всех форм существования материи, где любая преобразующая деятельность человека, полагает он, будет основываться на научном понимании естественных и социальных процессов и станет органически согласовываться с общими законами развития природы. Иными словами, речь идет о высшем этапе эволюции системы «общество — природа», этапе, которого еще нет, но который уже формируется и должен наступить в будущем.

Оценивая философские взгляды В. И. Вернадского в целом, следует подчеркнуть, что они стали продолжением и развитием определенных идей русского космизма, где утверждается единство человека и космоса и где естественно-историческая и социально-гуманитарная тенденции развития науки гармонически сливаются в единое целое². Как отмечает известный исследователь творческого наследия В. И. Вернадского Ф. Т. Яншина, «кардинальные положения концепции ноосферы

¹ Вернадский В. И. Избранные труды по биогеохимии. Л.: М., 1967. С. 241.

² См.: Хайруллин К. Х. Философия космизма. Казань, 2003; Русский космизм. М., 1996; Русский космизм. Антология философской мысли. М., 1993.

претендуют, по существу, на статус теории исторического процесса»¹. Однако ни при жизни ученого, ни в течение еще более двух десятилетий после его смерти в 1945 г., его идеи не были востребованы, пока в конце 1960-х гг. не обострились проблемы взаимодействия природы и общества, вызвавшие к жизни основательно подзабытые понятия «экология» и «ноосфера». В 1970–1980-е гг. в отечественной науке и философии вокруг ноосферной идеи развернулись оживленные дискуссии, в результате чего термин «ноосфера» был не только возрожден, но и обрел популярность, а в последующем стал, по существу, «священной коровой» для целого поколения советских и российских экологов.

Несомненно, положительным итогом возросшего внимания к проблемам взаимодействия природы и общества явилось то, что имя замечательного русского ученого и философа В. И. Вернадского, незаслуженно забытое на многие годы, громко зазвучало, а его работы были опубликованы и оказались в центре внимания научной и широкой общественности. Для многих он даже стал непререкаемым авторитетом в области экологии, а его учение о ноосфере получило предельно высокую оценку в качестве «реалистического взгляда на будущее» и оптимистической перспективы для вступившего в глобальный конфликт с природой человечества.

За ноосферой с тех пор окончательно закрепилось представление как об определенном этапе в развитии биосферы, на котором она приобретает новое качество. При этом чисто географические (пространственные) параметры биосферы и ноосферы не совпадают, ибо, используя ракеты, спутники, орбитальные станции и другую космическую технику, человек выходит далеко за пределы границ естественно сложившейся биосферы, и, являясь частью этой биосферы, тем самым расширяет и ее границы — границы ее нового качества. Вместе с тем, взаимодействуя с природой, общество как бы пронизывает, «социализует» биосферу, наполняя ее новым содержанием. Биосфера все в большей степени оказывается включенной в ткань общественного бытия, а ее процесс развития и совершенства затрагивает, таким образом, и социальную сферу. Здесь особо подчеркнем то обстоятельство, что человек, являясь частью природы, не в состоянии прекратить данный процесс, иначе как прекратив свое общественное бытие, т.е. уничтожив себя в качестве биологического вида. А переход биосферы в ноосферу означает прежде всего то, что человек обязан, вынужден, так как у него нет другой альтернативы, взять на себя всю ответственность за дальнейшую эволюцию как биосферы в целом, так и самого себя. Для осуществления такой задачи — и это признают

¹ Яншина Ф. Т., Вернадский В. И. // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 103.

все сторонники идеи ноосферы — необходим колоссальный арсенал знаний как о самом обществе, так и о системе «общество — природа», что составляет содержание практически всех естественных, гуманитарных и технических дисциплин. При этом весьма важная роль отводится, как правило, философии, так как на первое место выступает ее аксиологический аспект, способность формулировать нравственные идеалы, моральные и этические нормы.

Отмеченные взгляды получили широкое распространение, и теперь еще нередко высказываются мнения, что альтернативы ноосферной концепции человечества попросту нет, а идеи общественного развития, не имеющие ноосферного аспекта, так или иначе воспринимаются в красках катастрофизма, пессимизма и упадничества. В этой связи следует заметить, что сомнение и переоценка в новых условиях даже, казалось бы, незыблемых положений является необходимым условием научного прогресса. А если учесть, что в данной области в последнее время не отмечается приращения нового знания, как нет и свежих идей, то вопрос о том, возможна ли ноосфера как реальность или же она является красивым мифом, обретает особую остроту и актуальность, ибо нацеливает на критическое переосмысление «общих мест», которые уже давно не ставятся под сомнение и воспринимаются как раз и навсегда доказанные. К тому же озабоченность процессами глобализации все сильнее заостряет проблему перспективы и будущего человечества и при отсутствии значительных положительных результатов в глобальном взаимодействии природы и общества на фоне бесконечных разговоров о гармонизации такого взаимодействия дает основание полагать, что концепция ноосферы — красивая, но, как и большинство философских конструкций, непрактичная идея. Это, однако, вовсе не означает, что от нее нужно отказаться, ибо философские идеи нередко являются оборотной стороной конкретных знаний и обладают несомненной эвристической, познавательной, а в конечном счете, и мировоззренческой ценностью.

И все-таки в условиях стремительно растущей глобализации, требующей адекватных шагов и своевременных согласованных действий как мирового сообщества в целом, так и отдельных стран и народов, нельзя не учитывать, что излишнее увлечение общими некритическими рассуждениями о ноосфере¹, а также настойчивые попытки перевести в плоскость реальных действий в значительной степени умозрительные «ноосферные стратегии»² или осуществить на прак-

¹ См.: Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. В 2 т. М.: ФО СССР, 1990; Идеи В. И. Вернадского и проблемы современности. М.: Воскресение, 1994—1995.

² См.: Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М.: Ноосфера. 1998.

тике отдельные региональные эколого-ноосферные эксперименты¹ в лучшем случае могут остаться без видимых последствий, но могут и породить пессимизм и разочарование перед лицом нерешенных проблем и упущенного времени, при отсутствии ожидаемых результатов. Такие мысли на фоне все еще активно ведущихся рассуждений о ноосфере, хотя и робко, но уже высказываются в отечественной науке отдельными исследователями, вызывая протесты, возражения, а то и вовсе необоснованные упреки в недооценке и даже умалении творческого наследия В. И. Вернадского и его учения о ноосфере².

Характерными с точки зрения критического отношения к идее ноосферы являются взгляды известного экономиста Ю. В. Шишкова. Опираясь на богатый фактический материал и новейшие тенденции мирового общественно-экономического развития, он высказывает мнение о том, что в настоящее время не только нет реального процесса перехода биосферы в ноосферу, но даже и его признаков не наблюдается. Более того, он отвергает саму идею ноосферы, утверждая, что «лестное роду человеческому учение о ноосфере при очной ставке с действительностью оказалось просто красивым, но весьма опасным мифом»³.

Признавая правомерность такой постановки вопроса, необходимо тем не менее сделать одно принципиальное замечание. Излишняя увлеченность конкретными выкладками и практической стороной дела имеет не только преимущества, но и недостатки, суть которых состоит в том, что в этом случае легко недооценить, а то и вовсе не заметить философское содержание учения о ноосфере, в частности понимание ее как определенного норматива, задающего необходимые условия для устойчивого развития отношений общества с природой.

Ценность философских идей в том и заключается, что, будучи умозрительными конструкциями, они, как правило, опираясь на научные результаты и теории, идут дальше них, а с религией и мифом хотя и могут быть тесно связаны, но никогда полностью к ним не сводятся, благодаря чему расширяют границы человеческого познания, выходя за рамки науки и разрывая интеллектуальные пути слепых верований. Являясь прежде всего результатом рационального мышления, они отличаются от догматов религии и мифологических верований своей открытостью к постановке любых вопросов и приверженностью к сомнению. В то же время, уходя в область, недоступную для экспериментов и проверки высказываемых положений, они не могут

¹ См.: *Маркарян Э. С.* Науки о культуре и императивы эпохи. М., 2000. С. 73–99.

² См.: *Ноосфера: реальность или красивый миф? Материалы клуба ученых «Глобальный мир».* Вып. 4(27). М.: Новый век, 2003.

³ *Ноосфера: реальность или красивый миф? Материалы клуба ученых «Глобальный мир».* Вып. 4(27). М.: Новый век, 2003. С. 18.

считаться научными и потому вовсе не претендуют на выверенную точность и безусловную доказательность, как и не дают конкретных рекомендаций и не нацеливают на конкретные практические действия в режиме реального времени.

Но именно такой философский взгляд на биосферные процессы с перспективой перерастания их в процессы ноосферные и характерен для В. И. Вернадского. При этом он не говорит о безусловном и непременном переходе биосферы в ноосферу, который состоится с необходимостью и при любых обстоятельствах, тем более в какие-либо реально определяемые сроки, а рассуждает об этом как о желаемой и наиболее приемлемой альтернативе неуправляемому общественному развитию. Он стремился увидеть контуры будущего через призму открывшихся ему естественнонаучных знаний с полным пониманием того, что будущее есть не только результат развития объективных процессов, но и целенаправленной человеческой деятельности. Однако в область социальной теории, а тем более практики, где он не был специалистом, В. И. Вернадский не вторгался. Это будут стремиться сделать потом его рьяные последователи. Вернадский же, как истинный философ и глубокий мыслитель, не дает конкретных рекомендаций и не предлагает определенных и немедленных шагов по реализации идей, которые в значительной степени носят спекулятивный, умозрительный характер и направлены на дальнюю, недоступную точным расчетам перспективу. И не его вина, что философская идея ноосферы, высказывавшаяся в другой интерпретации и до него, действительно стала мифом, а то и стала считаться панацеей от бед грядущих и настоящих, что, по справедливому замечанию Ю. В. Шишкова, таит в себе реальную опасность. Но такая опасность заключается не в том, что эта красивая идея в принципе не имеет шансов на осуществление (оставим этот вопрос пока открытым — на то он и философский), а в том, что за прекрасноразговорами о ноосфере и проектами, направленными на ее безусловную, а то и скорейшую реализацию, теряется прагматический аспект реального взаимодействия природы и общества, даются рекомендации, плохо согласующиеся с реальными возможностями человека повлиять на природные и социальные процессы. А это уже действительно может быть далеко не безобидным, особенно если за дело берутся не столько критически мыслящие, сколько преданные идее, не видящие и не желающие видеть иных путей, кроме раз и навсегда избранного.

Суть подобных подходов хорошо выражает, например, позиция, высказанная доктором биологических наук, сотрудником Института истории естествознания и техники Российской академии наук Э. Н. Мирзояном, который полагает, что представления о ноосфере, высказанные в первой половине прошлого столетия, по-прежнему актуальны, и хотя некоторые ученые считают их утопичными, «не

меньше и тех, кто остается верным идеям Вернадского, утверждавшего, что научная мысль, став глобальным явлением, позволит перестроить биосферу в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. О таком единстве остается только мечтать. Последователи Владимира Ивановича видят в ноосфере единственный выход для людей»¹. В этой связи следовало бы заметить, что в науке «верность идеям» кого бы то ни было — далеко не лучший способ вести научные исследования и творчески работать, более того, вредный и даже опасный способ, когда дело касается реализации этих идей на практике, к тому же если реальная жизнь ушла далеко вперед и неизменно ставит новые задачи. В таких условиях — а современная глобализация именно их и задает — видеть только «единственный выход для людей» весьма опрометчиво. А если идея окажется утопичной, нереализуемой, нежизнеспособной? И тогда, даже на пороге полного краха, будем сохранять «верность» близкой сердцу идее? Уж коли история, которая дает на этот счет немало примеров, так ничему и не учит, то, быть может, еще не совсем ушедшая в историю многострадальная судьба России, потерявшей XX в. в попытках реализовать грандиозную социальную утопию, хоть как-то поубавит заряд мечтательности у тех, кого и теперь все еще не так уж мало. А коль скоро «перестроить биосферу в интересах свободно мыслящего человечества» никак не получается (мы еще вернемся к этому в следующем разделе, где будет речь об устойчивом развитии), то, как справедливо замечает Э. Н. Мирзоян, стойким последователям концепции ноосферы «остается только мечтать», что они с неослабевающим упорством и продолжают делать. Достоинство похвальное, но в сфере науки, если она претендует на преобразование действительности, сомнительное.

Итак, один важный аспект обсуждаемой проблемы заслуживает специального внимания. Он состоит в том, что термин «ноосфера», родившийся в Европе, в сознании западных мыслителей в итоге прижился лишь в среде российских ученых, в то время как по существу не заинтересовал западных исследователей, не увлек их своей оригинальностью и масштабностью замысла. Зато на российской почве он расцвел пышным цветом, в особенности, как уже отмечалось, с конца 60-х гг. XX в., когда развернулись активные дебаты по вопросам преодоления экологических проблем и дальнейших перспектив развития природы и общества. Почему именно в России и нигде больше? Почему, не принимая во внимание это обстоятельство, российские ученые и теперь настойчиво продолжают развивать ноосферные идеи? Ответы на эти вопросы следует искать в отечественной истории и в сложившейся на ее почве нашей ментальности. Кстати, здесь же кроется ответ и на другой аналогичный вопрос — почему марксист-

¹ Мирзоян Э. Н. Неизбежность ноосферы // Наука в России. 2004. № 3. С. 58.

ские идеи не прижились в Европе, где они зародились и впервые были внедрены в общественное сознание, но зато нашли благодатную почву в России и с неистовым рвением, ценой колоссальных жертв реализовались, точнее, их стремились реализовать на российской почве, да и не только.

Действительно, почему европейские теоретики, как и теоретики других континентов, концепцию «ноосферы» в качестве общепланетной «сферы разума» никогда всерьез не обсуждали, а идеи русского космизма восприняли как своеобразную и даже любопытную экзотику, но не более? Почему коммунистическими идеями она лишь «переболела», сделала их достоянием истории, в лучшем случае предметом теоретических рассуждений, и пошла дальше, в то время как Россия «заболела» всерьез и надолго, с катастрофическими для себя последствиями? Не является ли такой же на первый взгляд безобидной формой «социального дальтонизма» и идея ноосферы, которую нередко стремятся не просто развивать теоретически, в философском аспекте, что, кстати, вполне приемлемо и даже похвально, а предлагают конкретные программы действий по ее достижению, призывают к реальным шагам, направленным на реализацию умозрительных конструкций?

Обращаясь к отечественной истории, нельзя не отметить, что абсолютизм в России до 1917 г., а затем почти до конца XX столетия и тоталитарный режим советской системы не только не стимулировали развитие у российского (советского) человека чувства собственного достоинства, свободы, независимости, уважения к праву и правам человека, но, напротив, прямо и косвенно подавляли его естественное стремление распоряжаться собственной судьбой, выстраивать перспективу развития, успеха, благополучия, как своего собственного, так и своих детей, не ставили его в условия, при которых он должен был бы нести ответственность за реалии общественной жизни и события, происходящие в обществе, т.е. *осознавать себя свободным гражданином свободного общества*, где произволу противостоит право, а общество служит человеку, но не наоборот.

В гл. II, рассматривая научный прогресс, я уже указывал на прямую связь такой идеологии с неразвитостью университетского образования в России и, как следствие, повсеместное укоренение упомянутых особенностей мышления и поведения в качестве одной из характерных черт российского человека.

В итоге такой человек всей совокупностью окружавших его отношений и обстановка «обучался» мыслить либо «на короткие дистанции» (тактически), где мелкая опека со стороны государства оказывалась неэффективной, а жизнь требовала каждодневных решений, либо на «дистанции», уходящие в бесконечную даль, в заповедь, когда утрачивалась практически всякая связь с реальной жизнью, а подоб-

ные взгляды и рассуждения не несли видимой угрозы существующему положению вещей, точнее, системе и потому без особой надобности не пресекались.

В то же время на уровне как индивидуального, так и общественного сознания фактически отсутствовал *стратегический* взгляд на ход событий, так как не было условий для формирования *стратегического мышления*, в котором попросту отсутствовала всякая надобность, ибо терялся смысл думать на отдаленную, и в то же время не фантастическую, а просматриваемую, просчитываемую, достигаемую перспективу. Любая инициатива, выражение индивидуальности, творческий порыв в такой ситуации скорее вредили, оборачивались против тех, кто их проявлял.

В отечественной философии — и прежде всего в советский период — это проявилось в недоразвитости ее экзистенциального, а еще в большей степени прагматического аспекта. В системе высшего образования, как уже отмечалось, вместо университетов получили развитие узкопрофильные институты. В итоге в общественном сознании подавление личной инициативы прочно закрепилось, буквально «отпечаталось» соответствующими стереотипами мышления: «каждый сверчок знай свой шесток»; «мое дело маленькое»; «после нас — хоть потоп»; «вот придет барин — барин нас рассудит»; «поперед батьки в пекло не суйся» или в более поздние, советские времена — «пусть думают наверху, а мы люди маленькие»; «не высовывайся»; «не проявляй инициативу» и т. п.

В таких условиях, с одной стороны, сформировались, обрели черты национального характера изворотливость, необязательность, правовой нигилизм — неуважение к принятым нормам и законам, приспособленчество, умение не столько жить, сколько выживать в режиме реального времени — «здесь и сейчас». А в результате все это стало составной частью мировоззрения, образа жизни и мышления, ярко отразившись в богатом русском языке такими образцами народной мудрости, как «хочешь жить — умей вертеться», «было бы сказано — забыть недолго», «закон что дышло: куда повернул, туда и вышло», «не обманешь — не продашь», «с волками жить — по волчьи выть» и т. д. и т. п.

Всеобщий характер отмеченного явления проявился и в том, что даже высшее руководство Советского Союза, цепляясь за марксизм, как слепой за впереди идущего, а точнее, двигаясь вперед, как вагон, поставленный на рельсы, в своих конкретных действиях и практических решениях подчинялось тактике, но не стратегии, которую ему заменяло «единственно верное учение», по сути эфемерное, а потому и не практичное, точнее, утопическое, и, как следствие, в принципе нереализуемое. Как отмечает известный философ и публицист Ю. Ф. Карякин, «социализм и коммунизм не могут не быть утопическими. Иначе

говоря: не может быть неутопического социализма и коммунизма. Социализм и коммунизм — по определению, по происхождению своему, по генезису, по корням — утопичны»¹.

К. фон Клаузевицу принадлежит известное выражение — «тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, а стратегия — учение об использовании боев в целях войны». В нашем контексте, применительно к сугубо политической сфере, перефразируя К. фон Клаузевица, можно было бы сказать: «Тактика есть учение об использовании имеющихся ресурсов в борьбе за власть, а стратегия — учение об использовании власти в целях эффективного управления обществом». Такой стратегией советское руководство, к сожалению, не владело. Ловкое в отношениях тактических и эффективное в принятии решений на «коротких дистанциях», будучи плотью от плоти общества и не способным по указанным выше причинам мыслить стратегически, поистине масштабно, обладая всей полнотой власти и необходимыми ресурсами, оно вместо решения стратегических задач, затеяло борьбу с пьянством посредством уничтожения виноградников, втянулось в бессмысленную перестройку и «ускорение в никуда» (так и не объяснив внятно, что и зачем перестраивать), но оказалось не в состоянии осуществить целенаправленную реформу тоталитарной советской системы, когда необходимость в этом стала неотвратимой, и, как следствие, окончательно утратило контроль над ходом событий в стране.

С другой стороны, в условиях подавления личной инициативы душевные порывы, в особенности людей творческих, искали выхода и нередко реализовались за пределами реальной жизни, выливаясь в, казалось бы, безобидные абстрактные идеи «русского космизма», «ноосферы», «коммунизма» или формально официозную, а по сути утопическую программу «500 дней» Г. А. Явлинского и т.п., которые, заметим, не стоит всегда и во всех отношениях воспринимать непременно в отрицательном значении, только негативно. Каждая из этих идей — как минимум для своего времени — сыграла положительную роль.

Так, идеи космизма приблизили и даже предвосхитили эпоху освоения человеком космического пространства; концепцию ноосферы можно считать одной из первых попыток найти теоретическое решение гармонизации отношений общества и природы в условиях, когда человечество стало с угрожающей быстротой изменять облик Земли в качестве мощнейшей «геологической силы»; коммунистические взгляды, отрицающие частную собственность и проповедую-

¹ Карякин Ю. Ф. Главный заказчик, или Мысли гениального философа о кастетах, кляпке и кислоте, а также о Боге, Гегеле и Достоевском, а еще об уме, чести и совести партии // Данилов Е. П. Тайна российского сфинкса: Документальный роман-расследование. М., 2004. С. 7.

шие всеобщее равенство, обязательный для всех труд и уравнительность в распределении благ, отражают извечное стремление человека к справедливости, построению рая на земле и, помимо К. Маркса, высказывались не только А. Сен-Симоном, Ш. Фурье, Р. Оуэном, Э.-Г. Морелли, Г. Мабли, Ж. Мелье, Т. Мором или Т. Кампанеллой, но и задолго до них Августином Блаженным, а до него Иисусом Христом и даже еще намного раньше, быть может, первым «коммунистом» планеты Платоном в его знаменитом учении о государстве, где высшее руководство (в лице философов) и среднее сословие, представленное стражниками, во имя соблюдения общественных интересов не должны были иметь частной собственности и во всем обязаны были следовать принципу общности, включая даже жен и детей.

Проблема, однако, состоит в том, что, пережив свое время, указанные идеи сохраняют значение и притягательную силу и сегодня для умов, устремленных в перспективу, но не научившихся мыслить конкретно, критически и в то же время стратегически, опираясь на взвешенную оценку реальных фактов и наличных возможностей. Как следствие, такие умы уходят в «чистое» теоретизирование и голые абстракции, игнорируя силу позиции, выстраиваемой на основе продуманной стратегии и согласующейся с ней выверенной тактики. Итогом же становится, как правило, отрыв от действительности, неспособность взвешенно и прагматично оценивать новые реалии и адекватно реагировать на события, для описания которых старая терминология уже не годится.

§ 7. Устойчивое развитие

Концепция устойчивого развития появилась в некоторой степени как ответ на настоятельную потребность не только расширить теоретическую базу в области исследований гармонизации взаимоотношений природы и общества, развития идей желательного будущего типа ноосферы, экосферы, коэволюции и т. п., но и действовать в пределах тех возможностей, которыми человечество реально обладает в настоящее время. Эта потребность назревала тем быстрее и проявлялась тем отчетливее, чем сильнее возрастал поток литературы и обсуждений по поводу надвигающихся опасностей, в то время как экологические и другие проблемы глобального масштаба множились и обострялись.

Мировое сообщество, озабоченное такой ситуацией, предприняло ряд попыток найти теоретические решения этих проблем, а также выработать конкретные шаги по преодолению обостряющихся противоречий между растущими потребностями человечества и неспособностью биосферы не деградируя обеспечить эти потребности. В этой связи и возникло понятие «устойчивое развитие» как альтернатива неравномерному экономическому росту, диспропорции которого уве-

личивались по мере возрастания численности населения, потребления энергетических и сырьевых ресурсов, загрязнения окружающей среды, поляризации богатства и нищеты в мире и т.п.

Существует широкий разброс мнений по поводу того, как определять *устойчивое развитие*, но в основном сходятся на том, что это *такое социально-экономическое развитие общества, когда человек не превышает хозяйственной емкости биосферы, т.е. не нарушает предельно допустимой нагрузки на биосферу*. Наиболее емко суть этой идеи выразил А. Печчеи, который, обсуждая вопрос о регулировании всего процесса изменений общественного развития, писал: «Только тот прогресс и только такие изменения, которые соответствуют человеческим интересам и находятся в пределах его способностей к адаптации, имеют право на существование и должны поощряться»¹. Эта в целом правильная мысль является, однако, скорее нормативной установкой, нежели реально осуществимым правилом, так как понятие «человеческие интересы» не только отражает слишком широкий спектр человеческих желаний и устремлений, но и изменяется от эпохи к эпохе, от одного общества к другому. Наконец, не стоит забывать и еще одну существенную черту человеческого существа, которая хорошо передается известным выражением «если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, они бы опровергались». Таким образом, понятие «*устойчивое развитие*», как будет показано ниже, пока еще недостаточно определено, чтобы быть положенным в основу практических действий.

Широкое распространение этот термин получил после публикации доклада, подготовленного для ООН в 1987 г. специально созданной в 1983 г. Международной комиссией по окружающей среде и развитию, получившей известность как Комиссия Брунтланд, и особенно после состоявшейся в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию. Эта конференция вызвала большой интерес мирового сообщества тем, что там была детально рассмотрена, а затем широко разрекламирована *концепция устойчивого развития*, в соответствии с которой все государства и народы мира были призваны пересмотреть отношение к своей социально-экономической политике, перенести акцент с количественных на качественные параметры развития, и, учитывая сбалансированность отношений между человеком, обществом и природой, перейти к такому социально-экономическому устройству, которое не разрушало бы природные основы человеческого существования и сохраняло возможность дальнейшего поступательного управляемого развития.

Всем странам предлагалось также принять соответствующие национальные стратегии устойчивого развития. Хотя это предложение

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. С. 209.

формально и было одобрено всеми 179 государствами, принимавшими участие в конференции (а более 100 из них даже приняли такие стратегии), сама идея не нашла в последующем адекватного отражения в реальной политике большинства стран мира, в том числе в промышленно развитых. При этом и теперь, в отсутствие альтернативной концепции, никто не выступает против устойчивого развития; более того, как признал генеральный секретарь ООН К. Аннан, само слово «устойчивость» превратилось скорее в «заклинание», чем в призыв к действию¹. Однако такие «заклинания», даже высказанные с высоких трибун «Саммита тысячелетия» (Нью-Йорк, 2000) или Всемирного саммита по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002), пока так и не вылились в программу конкретных и слаженных действий всего мирового сообщества, ибо «меры, необходимые для перехода к устойчивому развитию, остаются во многом неясными... В существующей структуре принятия глобальных решений, требующей консенсуса в системе ООН, серьезные меры и обязательства остаются недостижимыми, поскольку для всех государств мира глобальные общечеловеческие цели отступают на второй план перед узко понимаемыми и относительно краткосрочными национальными интересами»².

В чем все-таки уже достигнута ясность и даже имеются определенные договоренности, так это в том, что и на национальном уровне, и в мировом масштабе в целом необходимо двигаться по таким главным направлениям, как: сохранение нетронутых и восстановление деградировавших экосистем; рационализация всех форм потребления; экологизация производства; нормализация численности населения на уровне, совместимом с хозяйственной емкостью биосферы, и т. п. Решить поставленные задачи — значит реально обеспечить устойчивое развитие, которое хотя и остается дискуссионным понятием, многими специалистами характеризуется как «стратегия управляемого, поддерживаемого, регулируемого развития, не разрушающего окружающую природу, обеспечивающего непрерывный общественный прогресс»³. При этом большинство специалистов сходятся во мнении, что такая стратегия не может быть реализована при традиционных общечеловеческих предательствах, ценностях и стереотипах мышления, а требует принципиально иных мировоззренческих подходов, соответствующих не только современным реалиям, но и прогнозируемому на основе устойчивого развития будущему.

Итак, концепция устойчивого развития, если принять во внимание ее более чем 10-летнюю историю и оценивать по достигнутым резуль-

¹ См.: Вебер А. Б. Устойчивое развитие // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 1061.

² Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие // Глобалистика: энциклопедия. С. 1065.

³ Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998. С. 36.

татам с позиции сегодняшнего дня, оказалась малоэффективной и не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Тем не менее она не имеет пока альтернативы и потому поддерживается в основном развитыми странами, которые не только у себя далеки от воплощения ее в жизнь, но и в мировом масштабе не способствуют ее реализации, все больше теряя интерес к слаборазвитым странам, где об устойчивом развитии (без помощи извне), по существу, не может быть и речи. Оставаясь один на один со своими бедами, отстающие в социально-экономическом развитии народы теряют всякую перспективу перемен к лучшему и таким образом, еще больше усугубляют социальные и экологические кризисные явления, ибо в отношениях с биосферой субъектом в конечном счете выступает единое, нерасчлененное человечество, где доля таких народов предельно высока и продолжает увеличиваться.

В этом отношении весьма примечательным является то, что еще в начале 80-х гг. прошедшего столетия, когда уже в полную силу обсуждались глобальные проблемы и исходящие от них угрозы, но еще ничего не говорилось о глобализации, «золотом миллиарде» или устойчивом развитии, а перспективы преодоления глобальных проблем казались вполне реальными, кубинский лидер Ф. Кастро выступил на VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран с тревожным докладом «Экономический и социальный кризис мира. Его последствия для развивающихся стран, его мрачные перспективы и необходимость бороться, если мы хотим выжить». В нем на богатом фактическом материале было показано бедственное положение, в котором живет большая часть человечества, и содержался призыв к лидерам стран третьего мира объединиться для совместных действий с целью преодоления сложившейся ситуации. Общими для развивающихся стран, отмечал тогда докладчик, являются «мучительные проблемы ужасающей нищеты и отсталости, огромная внешняя задолженность, которую большинство наших стран не в состоянии выплатить, все более несправедливые и неравноправные условия торгового обмена... Общими являются и горькое чувство беспомощности, которое испытывают многие правительства перед лицом подобных проблем, и озабоченность государственных деятелей политической нестабильностью, порождаемой этими проблемами»¹. Реальность и перспективы в целом настолько беспросветны, что могли бы породить пессимизм и уныние, заявил Ф. Кастро, и «только титанические усилия, всеобщее моральное и духовное содействие позволяют нам смело встретить будущее, которое объективно предстает мрачным и безнадежным, особенно для народов третьего мира»².

¹ Кастро Ф. Экономический и социальный кризис мира. М.: Прогресс, 1983. С. 6–7.

² Там же.

Минуло более 30 лет, в течение которых указанные проблемы, оставаясь острейшими из всего комплекса глобальных проблем, неизменно были в центре внимания всех международных саммитов, форумов, конгрессов и т. п., посвященных общественным вопросам и социальному развитию. И вот теперь, как это видится из нового тысячелетия, опасения, высказанные Ф. Кастро, не были таким уж большим преувеличением, а концепция устойчивого развития, как она теперь реализуется на практике, не дает оснований для большого оптимизма и уверенности в том, что в обозримой перспективе ситуация изменится к лучшему и будут сделаны практические шаги к согласованным действиям в мировом масштабе. Такое заключение подтверждается и экспертами ООН, которые приводят цифры, показывающие, что сегодня более 1 млрд людей на Земле страдают от голода, а еще около 3 млрд недоедают¹. При этом в 2003 г. на долю 15% населения мира приходилось 56% мирового потребления товаров и услуг, в то время как беднейшие 40% населения потребляли лишь 11%.

Аналогичные выводы содержались и в докладе «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 г.». Проанализировав четыре основных варианта мирового социально-экономического развития на 15-летнюю перспективу, авторы этого доклада пришли к мнению, что даже в лучшем случае, если глобализация будет иметь наиболее благоприятные итоги для максимально возможного количества жителей планеты, население «в странах Африки к югу от Сахары, на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии, а также в регионе Анд — не сможет воспользоваться результатами этих положительных перемен, в результате чего внутри и вокруг отсталых стран этих регионов сохранятся конфликты»². При более мрачных прогнозах они «станут маргиналами, фактически не имеющими источников политической или финансовой поддержки... и... во всех четырех сценариях странам, страдающим из-за отрицательных последствий роста населения, нехватки ресурсов и слабости руководства, не удастся извлечь пользу из глобализации. Для этих стран велик риск внутренних конфликтов и краха государства»³, полагали американские эксперты.

2015 г. фактически подтвердил сделанные выводы. Как обеспечить устойчивое развитие в мировом масштабе при таком раскладе, пока не знает никто. Здесь много вопросов, но пока нет удовлетворительных ответов. Таким образом, хотя концепция устойчивого развития активно обсуждается уже более 20 лет, перспективы ее реализации так же неясны, туманны, проблематичны, как и прежде. В этой связи

¹ См.: Gardner G., Halweil B. Underfed and Overfed // Wordwatch paper. 2000. № 150. March. P. 11.

² Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национально-го разведывательного Совета США. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 115.

³ Там же. С. 117–118.

уместно отметить, что разные ученые по-разному оценивают данную концепцию, что позволяет осветить ее с различных сторон. Например, Б. Г. Режабек подчеркивает, что актуальность темы не ограничивается только рамками данной концепции, но охватывает, в частности, и область ноосферы, путь к которой, по его мнению, и есть путь к устойчивому развитию. Понимая ноосферу как возникающую при развитии биосферы «новую геологическую оболочку», реально влияющую на глобальные геологические и биологические процессы, он приходит к выводу, что «ноосферное мировоззрение прежде всего пытается понять природу и структуру этой новой оболочки»¹.

Подобные рассуждения, по-своему интересные и в целом хорошо логически выстроенные, тем не менее содержат один существенный недостаток, характерный для значительного числа российских исследователей, занимающихся проблемами взаимодействия природы и общества. Они порой излишне абсолютизируют теоретические конструкции и с этих позиций предлагают конкретные решения, а то и вовсе программы конкретных действий.

Многие согласятся с тем, что идея устойчивого развития, равно как и концепция ноосферы, — это интересные, гуманистически ориентированные идеи, направленные на конструирование сбалансированных отношений и в самом обществе, и во взаимодействии общества с природой. Они преследуют цель показать людям иное состояние общественного устройства, при котором существующие ныне проблемы смогли бы найти решение. Но эти же идеи, если ими слишком увлечься и забыть о прагматическом аспекте, могут стать и своей противоположностью, так как в таком случае нивелируется грань между желаемым и возможным, а теоретическая мысль и практическая деятельность отдаляются от решения насущных задач и проблем, требующих действительно первоочередного внимания.

В этой связи полезно обратиться к опыту, накопленному отечественной наукой в 70–80-е гг. прошедшего столетия, когда шло активное «переоткрытие» В. И. Вернадского. Тогда было написано немало пафосных книг, статей, диссертаций, проведено множество конференций, дискуссий, посвященных оптимизации взаимодействия природы и общества и, в частности, разработке концепции ноосферы. Однако с тех пор на этом пути так и не достигнуто заметных продвижений, как нет оснований говорить и о ноосферной концепции в действии, о чем так много рассуждали в свое время отечественные экологи. В частности, выступая в 1986 г. во Львове на I Всесоюзной конференции по проблемам социальной экологии, известный философ и эколог из Армении Э. С. Маркарян выступил с докладом «Идея регионального

¹ Режабек Б. Г. Ноосферное мировоззрение // Глобалистика: энциклопедия. 2003. С. 706.

ноосферного эксперимента: опыт обоснования», где с увлеченностью говорил о необходимости проведения таких экспериментов и реальных шагах в этом направлении. «Подобные эксперименты, — отмечал он, — призваны помочь выявлению потенциальных возможностей современной науки и техники в решении современных экологических проблем в их целостности. Основная их цель должна состоять в создании условий для такого типа природопользования, который был бы способен сохранить самовосстановительный потенциал региональных биосферных комплексов как исходной и постоянной предпосылки существования общества и его прогресса»¹. Поддавшись настроению того времени, когда социальное экспериментирование было нормой и всячески поощрялось, он отмечал, что «в отличие от обычно проводимых социальных экспериментов, в которых выделяются отдельные стороны жизни, ноосферный эксперимент призван под углом зрения природопользования охватить практически все основные сферы общественной жизни»².

Минули годы. И вот во время встречи в Москве в начале уже нового столетия Э. С. Маркарян поведал автору этих строк, как много сил было положено на реализацию данной идеи, какая титаническая научная и организационная работа велась все это время. К тому же были обращения не только во всевозможные научные и правительственные структуры, но и к международной общественности и даже в ООН. И что в итоге? Обманутые надежды, разочарование и упущенные возможности, реализация которых при ином подходе дала бы пусть и более скромные, нежели планировавшиеся, но вполне реальные, ощутимые результаты. А в конечном счете в последней книге упомянутого автора, посвященной глобализации и человеческому потенциалу, уже не только ноосферный эксперимент не упоминается, но даже и сама идея ноосферы не затрагивается. При этом в заключении подводятся весьма характерный итог: «На исходе XX века и в самом начале нового тысячелетия человечество столкнулось с тем, что эйфория от успехов научно-технической революции, на которую возлагались большие надежды, сменяется тревогой или даже страхом перед неотвратимо надвигающейся опасностью, связываемой равно как с отрицательными следствиями роста масштабов деятельности человека, так и с его научно-техническим бессилием в решении многих проблем социального и природного характера»³. Вряд ли стоит оставлять без внимания эти многолетние усилия людей

¹ Маркарян Э. С. Идея регионального ноосферного эксперимента: опыт обоснования // Проблемы социальной экологии. Ч. III. Тезисы докладов Первой Всесоюзной конференции. Львов, 1986. С. 22.

² Там же.

³ Маркарян Э. С. Глобализация и человеческий потенциал: демографическое измерение (международный аспект). М.: Экономика, 2003. С. 148.

талантливых и энергичных, но не добившихся и близко намечавшихся целей, в особенности на фоне все еще продолжающихся разговоров о подобном экспериментировании в России — целом регионе планеты, в то время, как стремительно разворачиваются процессы глобализации всех без исключения сфер общественной жизни и любые подобные эксперименты в ограниченных масштабах обречены на неудачу в силу указанных выше причин.

Уж если чего и не хватает сегодня России в первую очередь, так это здорового прагматизма и трезвого расчета в дополнение к вселенским идеям «космизма», «ноосферы», а теперь вот и в истолковании концепции «устойчивого развития». Как-то не принято у нас придавать значение тому обстоятельству, что ни идеи космизма, ни идеи ноосферы помимо России никого и нигде так и не увлекли, хотя по замыслу адресованы всему человечеству. И сказано, и написано об этом немало, но дело, пожалуй, в другом — эти наши оригинальные, самобытные идеи, направленные в будущее, но имеющие значительный «зазор» с реальностью, не вызывают особого интереса у людей практичных, «приземленных», ориентированных на повседневность. Запад в основе своей именно такой. Восток также не склонен жертвовать настоящим ради будущего. Что до устойчивого развития, то и здесь на примере абсолютного большинства стран нетрудно заметить значительную дистанцию между теоретическими рассуждениями и конкретной практикой, между провозглашаемыми намерениями и стремлением непременно отстоять свою выгоду. Так что рассуждая об устойчивом развитии, а тем более предлагая программу конкретных действий для нашей страны, неплохо было бы соотносить теоретические положения, в том числе с конкретным раскладом сил на международной арене, где у России по многим параметрам потенциально хорошие позиции, но будут ли они использованы во благо российского общества, зависит от правильно выбранных целей и стратегии. Разговор об устойчивом развитии — как раз на эту тему.

Как отмечает известный ученый и практик В. И. Данилов-Данильян, «очевидно, что для всех известных экономических сил характерно стремление использовать любые меры, ситуации, события, процессы в своих интересах, однако именно транснациональные корпорации, крупный бизнес и “золотой миллиард” в целом научились делать это лучше других»¹.

Отсюда концепция — «да», пусть она обсуждается, дискутируется, взвешивается со всех сторон, и здесь возможны, даже желательны любые, самые необычные идеи и предложения. Однако при реализации концептуальных идей нелишне проявить и определенную осторожность, тем более в современном мире, где глобальные

¹ Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие // Глобалистика: энциклопедия. С. 1066.

интересы всего человечества постоянно приходят в противоречие с интересами региональными, национальными, клановыми, корпоративными и т. п.

Оценивая с учетом этого обстоятельства современные международные отношения, внешнюю и внутреннюю политику государств, следует отметить, что в мире идет, как и прежде, жесточайшая борьба — без прикрас и особых церемоний, с использованием всех средств, включая и вооруженное насилие, борьба между государствами, которые выступают как заинтересованные субъекты, отстаивающие прежде всего свои национальные интересы. И если говорить о возможности реализации концепции устойчивого развития в этих условиях, то в ближайшей перспективе любая страна, которая станет осуществлять эти идеи, опираясь на призывы мирового сообщества и руководствуясь в первую очередь его интересами в ущерб национальным, непременно окажется в проигрыше по сравнению с другими. Поэтому призывы к скорейшей реализации в России ноосферного эксперимента или концепции устойчивого развития без учета внешних обстоятельств могут в конечном счете стать и не такими уж безобидными. Подобный подход, который вдобавок сопряжен с неприменной заботой обо всем человечестве, как это еще недавно было принято у нас в качестве официальной идеологии, и который все еще доминирует в сознании некоторых людей, на практике чреват достаточно серьезными опасностями. Имеется в виду то обстоятельство, что сегодня ни одна страна и даже группа стран не могут решить общечеловеческие проблемы в одиночку, а потому главной задачей становится не выработка собственного пути преодоления таких проблем, а поиск совместных решений.

Итак, резюмируя, можно сказать: коль скоро нет более или менее подходящей, конкурирующей идеи, а это именно так, то и поддерживать, и развивать концепцию устойчивого развития, конечно же, надо. У человечества, как и у отдельного человека, обязательно должна быть какая-то цель, перспектива, надежда на лучшее. Но жить-то приходится в реальном мире, здесь и сейчас, сегодня, вопреки всем трудностям, а потому не мешало бы повнимательней присмотреться к опыту соседей, осуществляющих действительную политику «малых шагов». Не учитывать этого при разработке национальной концепции устойчивого развития или, например, ноосферного эксперимента на Байкале, о чем ведется немало разговоров, с точки зрения наших соседей, да и человечества в целом, быть может, и не принципиально, а вот с точки зрения национальных интересов недопустимо.

Так надо ли нам сегодня в России поддерживать и развивать концепцию устойчивого развития? Конечно, да, но, понимая, что мы обладаем огромными ресурсами, высоким научно-техническим по-

тенциалом, следует ставить эти идеи в зависимость от решения настоящих задач, от которых зависит внутренняя и внешняя стабильность страны, ее благополучие. Другими словами, не абсолютизировать идею устойчивого развития, не «боготворить» концепцию ноосферы, а понимать, что это все-таки такие конструкции, которые, если ими слишком увлечься и придать им сегодня значение большее, чем они того заслуживают, то это будет путь в новые лабиринты, а в итоге мы потеряем еще один, теперь уже XXI в., но с другими и, быть может, с еще более серьезными последствиями.

§ 8. Футурология

Будущее следует не предсказывать, а создавать.

А. Кларк

Рассматривая различные концептуальные модели исторического процесса, мы видели, что все они, реконструируя прошлое и объясняя настоящее, ориентированы в конечном счете на будущее, которое вытекает из прошлого, является закономерным итогом его развития, в лучшем случае выступает «веером» предполагаемых возможностей, осуществление которых детерминировано множеством объективных и субъективных обстоятельств. Будущее, таким образом, становится «продолженным прошлым» и на основе той или иной его интерпретации, по существу предзаданным, куда переносятся вполне определенные состояния общественных и природных систем, а точнее, представления о них, как то: *всевозможные утопии, апокалипсис, коммунизм, ноосфера, устойчивое развитие* и т.п. О будущем в таком контексте человечество рассуждало с древнейших времен, что можно обнаружить уже в мифологии, эсхатологии — религиозных учениях о «конце света», в социальных утопиях, а также в многочисленных литературных и научных произведениях.

О будущем же как о самодостаточном и познаваемом явлении, т.е. таком, которое можно исследовать, впервые заговорили лишь во второй половине XX в., когда пришло осознание глобальных угроз и неотвратимости мирового коллапса при сохранении достигнутых к тому времени темпов и тенденций общественного развития, т.е. когда стало очевидным, что стремление максимально пролонгировать техногенный тип развития неминуемо ведет к реализации катастрофических сценариев в уже обозримом будущем, а человечество в целом, потеряв свое бессмертие с обретением ядерного оружия, оказалось на пороге самоуничтожения. Именно тогда и был реанимирован впервые появившийся еще в 1943 г. в работах немецкого социолога О. Флехтгейма термин «футурология», который в последнее время получил

широкое распространение и теперь используется в таких значениях, как *учение о будущем*, «*история о будущем*», или как образный синоним *исследований будущего, прогнозирования, прогностики*¹.

Еще одним импульсом к появлению футурологического бума, начавшегося в 1960-е гг., стал приближавшийся тогда рубеж тысячелетий, в связи с чем было издано множество работ, посвященных 2000 г., в частности Г. Кана и Э. Винера «Год 2000», сборник докладов Американской академии наук и искусств под председательством Д. Белла «Навстречу 2000 году»² и др. В 1974 г. появилась и Всемирная федерация исследований будущего, в которую вошли 15 футурологических организаций, а также был создан международный научный центр «Человечество в 2000 году».

Итак, теоретические основы и определенные подходы к исследованию будущего формировались на протяжении многих столетий, но в основном были сформулированы усилиями Б. де Жувенеля, К. Маркса, Г. Уэллса, К. Э. Циолковского, В. А. Базарова-Руднева, Д. Белла, Г. Кана, Ж.-Ж. Серван-Шрайбера, А. Тоффлера, Дж. Форрестера, Э. Янча, А. Печчеи, Дж. Нэбитта и др., а в современной отечественной науке, несомненно, выделяются имена двух известных ученых: И. В. Бестужева-Лады и Э. А. Араб-Оглы, работы которых, в особенности первого, оказали наиболее позитивное влияние как на теоретические исследования в данной области, так и на общественное сознание в нашей стране.

Проблемами футурологии у нас занимались и другие ученые, например Г. Х. Шахназаров, известный советский идеолог и партийный работник, опубликовавший в 1970–1980-е гг. ряд специальных работ, посвященных этой теме³. Однако по прошествии двух десятилетий с момента выхода в свет указанных работ особенно хорошо видно, сколь бессодержательны они с точки зрения приращения нового знания или хотя бы в аспекте объективной оценки обсуждавшихся тогда футурологических идей и концепций. Так, рассуждая о перспективах предвидения будущего, автор заявил буквально следующее: «Невозможно предсказать завтрашний день (если, конечно, речь идет не о гадании на кофейной гуще или на картах), не понимая характера современного общества. И существует только одна научная теория, сумевшая постичь этот характер во всей его сложности и многообра-

¹ См.: *Бестужев-Лада И. В. Футурология // Глобалистика: энциклопедия*. М., 2003. С. 1119; *Он же. Мир нашего завтра*. М.: Мысль, 1986. С. 19–29.

² См.: *Kahn H., Wiener A. The Year 2000*. N.Y., 1967; *Toward the year 2000: World in Progress*. D. Bell. (ed.). Boston, 1968.

³ См.: *Шахназаров Г. Х. Социалистическая судьба человечества*. М., 1978; *Он же. Фiasco футурологии: (Критический очерк немарксистских теорий общественного развития)*. М., 1979; *Он же. Грядущий миропорядок: о тенденциях и перспективах международных отношений*. М., 1981; *Он же. Куда идет человечество: (Критические очерки немарксистских концепций будущего)*. М., 1985.

зии, — марксистско-ленинская. Три ее великих открытия составляют опорную базу и для подлинно научной философии истории, и для эффективной революционной программы преобразования современного общества, и для достоверного предвидения будущего»¹. Далее он называет эти «три великих открытия»: *вопервых*, идея закономерности прогрессивного развития общества; *вовторых*, тезис о том, что «пружиной» исторического процесса является развитие производительных сил; *втретьих*, мысль о том, что «движущей силой общественного развития является классовая борьба, которая в нашу эпоху с необходимостью ведет к преобразованию капиталистического общества в социалистическое»².

Вполне понятно, что с позиции такой «подлинно научной философии» он также «с необходимостью» определял и суть всех остальных, т.е. немарксистских, теоретических исследований в данной области, когда, в частности, писал: «Как особая дисциплина футурология сложилась на Западе в качестве прямой альтернативы марксистско-ленинским, коммунистическим представлениям о перспективах общественного развития. Это отнюдь не естественный плод научной мысли, которая на определенном этапе своей поисковой деятельности приходит к необходимости отпочковать новую отрасль знания. Это своеобразный теоретический гибрид, искусственно рожденный буржуазным обществоведением (политической экономией, философией, социологией, правом, политологией и психологией) в соответствии с щедро оплаченным социальным заказом. Такое происхождение называется на всем облике и содержании футурологии, ибо, в отличие от всякой настоящей науки, открывающей для себя истину в конце пути, она имеет заранее заготовленный результат, под который обязана подогнать любые факты. Нечто вроде задачи с указанным на последней странице учебника ответом»³. Будучи убежденным сторонником марксистско-ленинских взглядов на исторический процесс, который, как полагают марксисты, объективно и с необходимостью развивается в направлении социализма и коммунизма, Г. Х. Шахназаров весь пафос своих работ направил на беспощадную критику и неприятие «буржуазной футурологии», а в итоге сыграл, по сути, ту же негативную роль в отечественной науке о будущем, что и Т. Д. Лысенко в биологии.

В последние годы число тех, кто работает над проблемами будущего, заметно снизилось — во всяком случае тех, кого можно было бы отнести к интересным и известным авторам. «Что делать? — вопрошает

¹ Шахназаров Г. Х. Куда идет человечество (критические очерки немарксистских концепций будущего). М., 1985. С. 5–6.

² Там же.

³ Шахназаров Г. Х. Фиаско футурологии (критический очерк немарксистских теорий общественного развития). М., 1979. С. 4.

И. В. Бестужев-Лада и отвечает: — Возможно, времена футурологических “титанов” прошли, и горшки прогнозов научились обжигать простые смертные»¹. И далее, говоря об истории исследований будущего, он выделяет три этапа, которые они прошли в своем развитии:

- 1) 1960-е гг.;
- 2) 1970-е гг.;
- 3) 1980-е гг.— начало XXI в.

Первый из них отличался «неоправданной эйфорией и носил преимущественно экстенсивный характер. Будущее представлялось в розовом свете, а экономическая выгода проблемно-целевого подхода привела к “буму прогнозов” — появлению... сотен исследовательских центров, занятых разработкой проблемно-целевых прогнозов»². Именно к этому периоду (1961 г.) относится и принятие в СССР Программы построения коммунистического общества до 1980 г., которая, будучи принятой вначале с большим энтузиазмом, уже к началу 1970-х гг. стала «фигурой умолчания». Здесь уместно вспомнить один примечательный факт из истории отечественной социальной мысли того времени.

Имея в виду в том числе и Программу построения коммунизма, советский философ Э. А. Араб-Оглы в своих устных выступлениях неоднократно высказывал на первый взгляд безобидную, но по существу крамольную по тем временам мысль. Он предлагал рассматривать будущее не «вообще», «в целом», «монолитным», как это имело место в подавляющем большинстве случаев, а подходить к нему так, как мы обычно подходим к пониманию прошлого, т.е. дискретно. Мы не говорим о прошлом «вообще», подчеркивал он, а выделяем в нем те или иные этапы, периоды, эпохи и т.п. в зависимости от того, какие цели преследуем и какие критерии в этой связи выделяем. Так и к будущему следует подходить дискретно, а именно, нужно выделять в нем различные этапы, что дает возможность говорить о различных типах будущего. За основание деления будущего на такие этапы предлагалось принять наше знание о нем, которое может быть *достоверным, вероятностным, гипотетическим и фантастическим*. Все эти формы знания о будущем сосуществуют, но в зависимости от того, какое из них преобладает, Э. А. Араб-Оглы предлагал выделять четыре типа будущего:

- 1) *ближайшее* (5–10 лет), где превалируют *достоверные* знания и где возможно планирование, например, социальных процессов, как то было, в частности, в эпоху советских пятилеток, а на протяжении некоторого времени и семилеток;

¹ Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. М.: Academia, 2000. С. 18.

² Бестужев-Лада И. В. Исследования будущего // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003. С. 412.

- 2) *отдаленное* (10–30 лет), когда на первый план выходят *вероятностные* знания, определяемые в процентах;
- 3) *гипотетическое* (30–75, максимум 100 лет), где дело касается *гипотетических* знаний, т.е. таких предположений, которые строятся по типу «пятьдесят на пятьдесят», или «может быть да, может быть нет»;
- 4) *фантастическое* (75–100 лет и более), познания о котором также *фантастические*.

При этом следует подчеркнуть, что первые три этапа с определенными оговорками можно назвать *обозримым будущим*, в то время как четвертый этап таковым не является, ибо он не подлежит никакому обозрению. Но в этой связи важно отметить, что фантастические знания, если можно так выразиться, хотя и приближаются к нулю, тем не менее к нему не сводятся, так как в них нередко обнаруживаются позитивные идеи, со временем воплощающиеся в реальные факты и события, примерами чего могут служить догадки Ф. Бэкона о летательных аппаратах, подводных лодках, передаче света и звука на большие расстояния; «фантазии» К. Э. Циолковского на тему полетов в космос; «Гиперболоид инженера Гарина» А. Н. Толстого и т.п. В заключение Э. А. Араб-Оглы приводил «беспорные» по тем временам трюизмы — «коммунизм — светлое будущее человечества», «капитализм не имеет будущего», а затем задавал вопросы: «О каком будущем вы говорите?», «А какие знания у вас об этом будущем?» — и сам же давал на них ответ: будущее — фантастическое, знания о нем также фантастические.

Второй этап в исследованиях будущего связан с появлением работ А. Тоффлера, где он поставил проблему «столкновения с будущим»; Э. Янча, который основательно исследовал технологию прогнозирования научно-технического прогресса; Дж. Форрестера, первого ученого, предпринявшего попытку с помощью математических моделей и компьютерной техники имитировать динамику мировых процессов, а также с публикацией серии докладов Римскому клубу: «Пределы роста», «За пределами века расточительства», «Цели для человечества», «Маршруты, ведущие в будущее» и др.

Наконец, третий этап характеризуется И. В. Бестужевым-Ладой как «застой» в развитии исследований будущего, когда «бум прогнозов» сменился рутинной малопродуктивной работой и заметным свертыванием повсюду теоретических изысканий в этой области, а пути спасения от надвигающейся катастрофы все больше стали носить умозрительный характер. В годы горбачевской перестройки и тем более в последующем кошмаре было не до футурологии, отмечает он и добавляет: «Все, что можно было сказать о надвигающейся глобальной катастрофе, по-видимому, уже сказано и вызывает негативно-психологическую реакцию аудитории. Вместе с тем исследования будущего необходимы

для более основательной оценки последствий принимаемых решений во всех сферах деятельности человека и общества, чтобы избежать неконтролируемого развития негативных процессов и глобальной катастрофы»¹.

Теперь, вступив в XXI столетие, мы стоим на пороге нового времени, сопряженного с уже давно подготавливающейся трансформацией наиболее фундаментальных основ всей общественной жизни. Вызовы, с которыми все чаще и во все больших масштабах сталкивается человечество в результате безудержного экономического роста, истощения ресурсов, загрязнения окружающей среды, неспособности эффективно регулировать демографические процессы и т. п., ставят его перед необходимостью пересмотреть не только сложившиеся принципы и направления социально-экономического развития, но и традиционные ценности, привычки, образ жизни и даже более того — мировоззренческие основания. Все это порождает объективную потребность заглянуть в будущее, более детально разглядеть контуры грядущего, которое тем настойчивее заявляет о себе и входит в настоящую жизнь человека, чем быстрее и дальше он движется по пути научно-технического прогресса. Способствуют же этому также и усиливающаяся глобализация, и всевозможные угрозы, обусловленные ею, и общественные потрясения, предотвращение или преодоление которых требует не только знания прошлого, но и в не меньшей степени представлений о будущем. А оно нередко пугает людей больше, чем прошлое, — прежде всего своей неизвестностью, неизбежностью наступления независимо от того, насколько они осознают встречу с ним и насколько они вообще готовы к такой встрече.

Ускоряющийся темп жизни и многочисленность текущих событий оставляют человеку все меньше времени на осмысление происходящего и зачастую следствием этого становится его неуверенность в себе, потеря ориентации в современном мире, пессимизм, апатия и всевозможные фобии. Одним из первых, кто обратил внимание на эту проблему, был американский футуролог А. Тоффлер, который в 1965 г. впервые ввел понятие «футурошок» для того, как пояснял он затем, «чтобы описать стресс и дезориентацию, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок»². Ускорение темпа перемен, отмечал он, является главной отличительной чертой последних 300 лет, в течение которых их шквал не только не стихает, но все больше набирает силу, охватывая высокоразвитые индустриальные страны со все возрастающей скоростью, не имеющей аналогов в истории человечества. «Футурошок — временной феномен, продукт стремительного темпа перемен

¹ Бестужев-Лада И. В. Указ. соч. С. 412.

² Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. С. 5.

в обществе. Он возникает из-за наложения новой культуры на старую. Это — культурный шок в нашем собственном обществе, но с худшими последствиями, чем при столкновениях с иными культурами... Перемены лавиной обрушились на наши головы, и большинство людей до нелепости не готовы к ним»¹, — заключал А. Тоффлер, открывая новую страницу в футурологии — изучение опасностей грядущих перемен. В последующем усилиями многих исследователей и прежде всего представителями Римского клуба данный вопрос был основательно и всесторонне изучен.

Так, авторы опубликованного в 1972 г. первого доклада Римскому клубу «Пределы роста», взяв на вооружение метод математического компьютерного моделирования, использовали системный подход для изучения глобальной проблематики с целью исследовать ближайшие и отдаленные последствия крупномасштабных решений, связанных с выбранными человечеством путями развития. Выводы к которым они пришли, имели эффект «грома среди ясного дня», так как разрушали сложившиеся к тому времени представления о будущем и привычную систему взглядов на пути его достижения, утверждая, что материальный рост не может продолжаться до бесконечности и что истинные пределы общественного развития определяются причинами не столько физического, сколько экологического, биологического и даже культурного характера. Очередной доклад, где будущее также было в центре внимания, назывался «За веком расточительства» и уже содержал в себе признание важной роли социально-политических факторов, которые необходимо учитывать при решении глобальных проблем. Здесь у представителей Римского клуба обнаружилась большая, чем прежде, доля оптимизма во взглядах на общественное развитие, и отмечалось, что достигнутый уровень науки и техники позволяет человечеству справиться с возникшими перед ним проблемами.

В 1977 г. был опубликован пятый доклад Римскому клубу «Цели для человечества», в котором была сформулирована концепция глобальной солидарности, путь к которой, по мнению его авторов, должна открыть «революция мировой солидарности», связанная с перестройкой сознания и формированием нового «глобального этноса». Основой такой революции должны были стать сформулированные в докладе четыре глобальные цели мирового развития: глобальная безопасность, основанная на прекращении гонки вооружений и отказе от насилия; решение продовольственной проблемы в глобальном масштабе; глобальный контроль за использованием энергетических и сырьевых ресурсов; а также глобальное развитие, ориентированное на качественный рост. В этом проекте впервые в глобалистике достаточно серьезно принимался во внимание и учитывался как важнейший

¹ Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. С. 12.

фактор появления и обострения глобальных проблем факт существования двух принципиально противоположных общественно-политических систем, а конечный вывод сводился к тому, что необходима «этическая» революция, формирование «общечеловеческой» морали.

Эта тема стала центральной в специально посвященном ей десятом докладе «Маршруты, ведущие в будущее», появившемся в 1980 г. Здесь на широкое обсуждение была вынесена модель будущего мирового порядка, основанного на сосуществовании различных культур, религий, образов жизни и т.п. При этом акценты были смещены на социальные проблемы и проблемы человека, а также подчеркивалась необходимость конвергенции различных, в том числе противоположных, общественных систем. Принципы группового сотрудничества, подчеркивалось в докладе, живут в любом обществе, хотя часто «дремлют», остаются вне поля зрения. Если пробудить их, то в конечном счете в мире установится общественный строй, основанный на этих принципах, которые в разных государствах реализуются соответственно их историческому опыту, уровню развития, масштабам, качеству человеческих и материальных ресурсов. Следует отметить, что в докладе за 10 лет до радикальных преобразований в странах социалистической ориентации был не только обозначен общий ход развития событий, но и указан основной «камень преткновения» на пути перехода от «плановой» к рыночной экономике — возврат к частной собственности. Примечательно, что в этом исследовании собственно глобальные проблемы, занимавшие тогда основное внимание всех ученых, отошли как бы на второй план, оказались будто бы «за кадром», что не совсем верно, если иметь в виду, что анализ социально-политических структур и общественных институтов является важнейшим условием понимания сути как процессов глобализации, так и глобальных проблем и путей их преодоления.

Справедливость такого вывода подтвердило время. Оно в основном отсеяло умозрительные предсказания, внешне эффектные, но малосодержательные «страшилки», поубавило футурологическую риторику и доказало правильность слов А. Печчеи, который в своей книге «Сто страниц для будущего» писал: «Какое будущее изобрести? Нет никакого смысла придумывать совершенно немислимое будущее. Будущее должно быть не только достойно прожитым, но и реализуемым — таким, какое действительно можно надеяться построить. Намного легче определить, какие варианты будущего невозможны, или сказать, какие из них мы никогда не хотели бы видеть, чем дать определение будущему, которое одновременно было бы реалистичным и желаемым»¹.

В том, что это действительно так, можно убедиться, обратившись к творчеству наиболее известных фантастов последнего столетия,

¹ Печчеи А. Сто страниц для будущего // Будущее в настоящем. М.: Прогресс, 1984. С. 39.

а именно в XX в. данный жанр литературы получил дополнительный импульс и широкое развитие под влиянием грандиозных достижений в области науки и техники. Так вот, если проанализировать их произведения, то окажется, что фактически никто из этих «смотревших вперед» и стремившихся увидеть будущее не смог предсказать важнейших событий и открытий, совершившихся в прошедшем столетии. Ведь ни начало мировых войн, ни создание ядерной бомбы, ни распад СССР, ни появление телевизора, компьютера, Интернета, мобильного телефона и т.п. не было предсказано заранее. Также никто не смог предвидеть, что за какие-нибудь 100 лет мир, скроенный подобно «лоскутному одеялу» из разобренных стран, культур и народов, будет с нарастающей быстротой трансформироваться в глобальное целое и огромное количество людей, проживающих на разных континентах и в самых отдаленных уголках планеты, вступят в экономические, политические, культурные отношения, не прикладывая к этому никаких специальных усилий, а порой и против своей воли. Как тут не вспомнить О. Шпенглера, предрекавшего в начале XX в. «закат Европы». И где он — этот «закат» теперь, спустя почти 100 лет после его провозглашения? Конечно, на этот счет можно и дальше философствовать в том же духе «круговорота истории», но за прошедшее время мир настолько переменялся, что прежний инструментарий для его описания уже явно не годится.

К тому же курьезных фактов при попытках предсказывать будущее накопилось столько, что они вызывают уже не только улыбку, но и серьезные сомнения в принципиальной возможности таких предсказаний. Например, знаменитый фантаст А. Кларк, не разделяя большого оптимизма в отношении различного рода заявлений будущего, приводит несколько своих любимых примеров на этот счет. Два из них касаются изобретения телефона. Когда весть об изобретении А. Г. Белла достигла Британских островов, отмечает он, главный инженер Почтового ведомства воскликнул с презрением: «Американцам телефон необходим, нам же он без надобности. У нас сколько угодно посыльных»; в то же время мэр одного из американских городов, узнав о телефоне, с энтузиазмом воскликнул: «Предвижу, что настанет время, когда в каждом городе будет по одному телефону!» Еще один пример относится к автомобилю. Когда он был изобретен в конце XIX в., президент ассоциации каретных мастеров Великобритании, выступая перед своими коллегами, заявил: «Нужно быть дураком, чтобы отрицать, что у автомобиля блестящее будущее. Но нужно быть еще большим дураком, чтобы предполагать, будто автомобиль окажет какое-нибудь влияние на торговлю лошадьми и каретами»¹.

¹ Кларк А. Предисловие // Ласло Э. Указ. соч. С. 8.

Наконец, еще одно авторитетное мнение крупнейшего представителя современного большого бизнеса, главы международной компании Berkshire Hathaway У. Баффета только подтверждает то обстоятельство, что будущее в значительной степени непредсказуемо. «Мы понимаем продукты высоких технологий и то, что они дают людям, — говорит он. — Но мы не понимаем, как будет выглядеть высокотехнологичная экономика через десять лет, насколько она будет предсказуемой. Да, в нашей компании она обсуждается, но мы не понимаем ее досконально. Мы бы с сомнением отнеслись к любому, кто утверждает, что понимает»¹. Такая позиция характерна не только для представителей науки или бизнеса, но, быть может, не в меньшей степени и для политиков, общественных деятелей, которые имеют дело со сферами, где роль субъективного фактора намного выше, а количественные параметры и математические расчеты не столь эффективны. В этой связи появилось немало мнений относительно того, что в наше быстротечное время любые претензии на предвидение сопряжены порой с небезобидными иллюзиями, а построение долгосрочных прогнозов становится вообще бесполезным занятием, заведомо неосуществимой химерой.

Все это, конечно же, не могло не сказаться на снижении интереса к футурологии и тем не менее пошло ей только на пользу, ибо заставило посмотреть на рассуждения о грядущих событиях критическим взглядом и позволило провести принципиальное различие между такими понятиями, как «предсказание», ценность которого сомнительна, и «предвидение», основывающееся на прогнозе — научно обоснованном суждении о возможных состояниях того или иного процесса в будущем. Подчеркивая принципиальную разницу между этими двумя понятиями, историк, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук А. Б. Вебер пишет: «Мы не можем “знать” будущее в каком-то абсолютном смысле, но можем предвидеть *вероятные* последствия наблюдаемых процессов и тенденций в обозримом будущем, исходя из предполагаемых условий. Это позволяет говорить о возможных альтернативах и предпочтительных вариантах или моделях развития. Предвидение, опирающееся на *знание настоящего*, необходимо как условие политического выбора и обоснование предпринимаемых действий»². Такой подход к пониманию будущего и возможностей его исследования вывел к настоящему времени футурологию на более прагматичный путь — *прогнозирование*, которое осуществляется с участием практически всех наук преимущественно в двух основных направлениях — *поисковом* и *нормативном*.

¹ Большой бизнес. 2004. № 7(12). С. 56.

² Вебер А. Б. Глобализация: взгляд в будущее // Труды клуба ученых «Глобальный мир». 2002 г. М.: Новый век, 2003. Т. 2. С. 150.

При этом, если *поисковое прогнозирование* исходит из современной ситуации и следует по возможным путям развития к будущим состояниям, определяя проблемы, которые могут возникнуть в будущем, и строя модели возможных будущих, то *нормативное* ведет назад — от заданных наперед целей (нормативно установленных будущих состояний) к современным действиям. Такое прогнозирование призвано последовательно показать, какие оперативные цели должны быть поставлены для достижения стратегических целей; какие действия необходимо предпринять для достижения оперативных целей; на какие операции разбивается каждое действие и т.д. — вплоть до конкретных заданий на сегодняшний день.

Примерами нормативного прогнозирования могут быть крупные социальные проекты или разработка и осуществление всевозможных программ освоения космоса, в частности высадки человека на Луну. Поисковое прогнозирование активно используется в современной глобалистике при определении возможностей развития тех или иных процессов и событий. Так, Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин опубликовали в 1990 г. исследование с характерным для такого подхода названием: «Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: Год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы», где представлена глобальная картина перспектив роста и развития человечества на 10 лет вперед. Они особо отметили, что в условиях глобального мира будущее все больше и больше становится фактором, определяющим ход событий в настоящем. «Оно уже влияет на нас, — говорится в книге. — Год 2000-й действует на человечество 90-х годов как мощный магнит, придавая большую значимость предстоящему десятилетию. Он возбуждает наши эмоции, ускоряет перемены, обостряет сознание и заставляет нас заглянуть в себя, переосмыслить наши ценности, деятельность существующих институтов»¹.

Еще более наглядным примером реального воплощения идей поискового прогнозирования являются стратегические исследовательские проекты Национального разведывательного совета США. Один из таких проектов, представленный в 2000 г. в виде уже цитировавшегося выше доклада под названием «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 г.», по словам директора ЦРУ Дж. Тенета, «позволяет взглянуть на предстоящие пятнадцать лет с позиции лиц, отвечающих за национальную безопасность». Выразив надежду, что доклад будет способствовать развитию стратегического диалога, он отметил, что «решение будущих проблем — это всегда непрерывная работа, при выполнении которой, следует постоянно искать новые подходы, одновременно проверяя и пересматривая старые суждения»². Работа над

¹ Нэсбитт Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы. М.: Республика, 1992. С. 9.

² Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национального разведывательного совета США. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 5.

докладом началась с проведения двух симпозиумов, посвященных движущим факторам и сценариям будущего, после чего многочисленные специалисты из академических кругов и частного сектора внесли свой вклад в каждый аспект исследования, от демографии до науки и технологии, от мировой экономики и глобального рынка вооружений до роли США на мировой арене. В итоге были рассмотрены четыре варианта глобального будущего, при которых наиболее важные факторы общественной жизни, различным образом взаимодействуя, будут определять последующий ход событий и могут привести к реализации одного из представленных вариантов. Как отметили руководители проекта, «каждый сценарий был задуман как правдоподобная, соответствующая той или иной политике картина возможного развития будущего, объясняющая характер ключевых неопределенностей, помех развитию, маловероятных или непредсказуемых событий, а также определяющая важные задачи политики и разведки»¹.

Первый сценарий был назван «Всепроникающая глобализация». При таком развитии событий — а он рассматривается как наиболее благоприятный — технология, экономический рост, демографические факторы и эффективное руководство образуют в целом благоприятную среду, которая позволит большинству людей мира извлечь пользу из процесса глобализации. С учетом достаточно эффективного руководства как на национальном, так и на международном уровне развитие и распространение технологий обеспечит уверенный глобальный экономический рост, поддерживаемый политическим консенсусом в отношении либерализации экономики, что, по мнению разработчиков сценария, позволит распространить материальные блага среди широких слоев населения и сгладит многие проблемы, связанные с ресурсами или демографическими факторами. И хотя вместе с этим также усилится глобальное сотрудничество, ведущее к заключению разнообразных международных соглашений и снижению остроты конфликтов внутри стран и между странами, существенная часть населения мира, проживающая в слаборазвитых государствах и отсталых регионах, не сможет воспользоваться положительными итогами глобализации и не преодолет стоящие перед ними трудности.

В качестве второго выступает сценарий, название которого — «Губительная глобализация» — говорит само за себя. Земли элиты мира процветают, но основная часть населения Земли не получает никакой пользы от глобализации. При этом растет численность населения, увеличивается дефицит ресурсов, что становится тяжелым бременем для многих развивающихся стран, и в результате происходит усиление миграционных потоков, создающих дополнительную напряженность

¹ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национального разведывательного совета США. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. С. 114.

между странами. Технологии в условиях нестабильности становятся источником дополнительной угрозы, так как они могут быть использованы подрывными или криминальными организациями. «Мировая экономика раскалывается на три части, — отмечается в докладе. — В развитых странах продолжается рост; во многих странах наблюдается медленный или отрицательный рост в расчете на душу населения, что приводит к увеличению отрыва от развитого мира; нелегальная экономика быстро развивается»¹. Политические институты, национальные и международные органы управления ослабевают, а внутренние конфликты усиливаются, что лишь обостряет общественную нестабильность и напряженность в обществе, в результате чего опасность распространения и использования оружия массового поражения резко возрастает.

Третий сценарий именуется «Региональная конкуренция», в соответствии с которым из-за роста сопротивления глобальному превосходству США и их руководящей роли в процессе глобализации усилятся регионализация мира, когда каждый регион будет проявлять все большую озабоченность решением собственных экономических и политических вопросов. Региональная конкуренция усилится, в результате чего в Европе, Америке и Азии выделятся три наиболее развитых региона, которые будут поглощены собственными заботами, а страны за пределами этих регионов не преуспеют в поиске ресурсов или политической поддержки и станут источником нестабильности и внутренних конфликтов.

Наконец, четвертый вариант глобального будущего представлен как «Постполярный мир», где занятость США решением собственных проблем будет возрастать по мере замедления темпов роста и последующей стагнации экономики страны. Усиление экономической и политической напряженности в отношениях с Европой приведет в упадок европейско-американский альянс, а сама Европа станет более замкнутой и полагающейся на собственные возможности и региональные институты. Экономические и политические кризисы в Латинской Америке усилят интерес США к этому региону, а их присутствие и влияние в Азии, где на протяжении какого-то времени будут относительно стабильно развиваться Япония и Китай, ослабнет. Затем, после фактического объединения Кореи, наступит период длительного соперничества между азиатскими державами, что будет способствовать активизации подготовки к войне и работы в области создания оружия массового поражения. В случае развития конфликтной ситуации в Азии и региональные, и глобальные институты окажутся беспомощными, так как будут раздроблены не только экономически развитые страны, но и еще больше деградирующие государства отсталых регионов.

¹ Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национального разведывательного совета США. С. 115.

Если сделать общие выводы из рассмотренных сценариев, то становится очевидным, что глобализация порождает множество острых проблем и, кроме первого варианта, не приводит к широкому глобальному сотрудничеству, являющемуся необходимым условием стабильного будущего. Но прогноз — это еще не приговор судьбы и не предсказание того, как все будет на самом деле, это лишь более или менее вероятная возможность того, что может случиться, а способствовали наступлению такого будущего или, напротив, противодействовать ему, решать самому человечеству, которому такая задача вполне под силу.

ГЛАВА V

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Человечество больше всего нуждается
в скамеечке, чтобы сесть и подумать.

А. Эйнштейн

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ:

Гипотетический – основанный на гипотезе, предполагаемый, мыслимый на перспективу, *исключающую однозначность суждений*.

Глокализация – сложный процесс переплетения глобальных тенденций исторического процесса и локальных, местных особенностей культурного развития тех или иных народов. Локальное и глобальное с этой точки зрения не исключают, но напротив, *взаимодополняют друг друга*.

Космизм – мировоззренческая позиция, в соответствии с которой человек, его прошлое, настоящее и будущее рассматриваются через призму соотношения с космосом.

Осмысление – процесс и результат осознания, раскрытия смысла (значения) того или иного явления, события и т.п.

Осознание – раскрытие на уровне сознания того, что прежде не привлекало мысль, не являлось предметом внимания; впервые четко и ясно сформулированное представление о ранее неведомом, неизвестном.

Открытие – обнаружение ранее не видимых, не осознаваемых фактов, явлений, тенденций, симптомов и т.п., а также установление их сущности, генезиса и динамики развития.

Этап – временной интервал, отрезок времени на определенной дистанции.

§ 1. От реальности к ее осмыслению

От того, насколько пронизательно мы оцениваем проблемы, ожидающие нас в будущем, зависит подход, который мы вырабатываем, чтобы справиться с ним.

А. Кларк

В определенной степени эта глава будет подведением итогов, обобщением того, о чем говорилось в предыдущих разделах книги, но уже через призму того, как шло осмысление этих объективных процессов. Так, в гл. III мы подробно остановились на основных этапах, которые в своем развитии прошла глобализация в качестве объективного, разворачивающегося во времени процесса, а также обращали внимание на то, что осознание наступления каждого из этих этапов всегда по времени происходило гораздо позже, чем данный факт имел место на самом деле. Для человеческого восприятия, особенно если дело касается эпохальных, крупномасштабных событий, это вполне обычная, «штатная» ситуация, и история дает немало примеров того, когда в центре внимания исследователей изначально оказываются не причины, породившие те или иные следствия, а, наоборот, их следствия, побуждающие затем искать и то, что за ними реально стоит, что на самом деле стало причиной появления таких следствий. Именно это и было уже показано применительно к глобалистике, когда зародившиеся столетия тому назад процессы глобализации привели в конечном счете к глобальным проблемам, в то время как осознание этих явлений шло в обратном направлении — от глобальных проблем к глобализации. При этом процесс осмысления соответствующих событий происходил с определенным отставанием от того, как данные события реально разворачивались, что вполне объясняется *«эффектом позднего восприятия»*, о сути которого достаточно подробно было сказано в методологических замечаниях.

Таким образом, пока проблемы, порожденные глобализацией, не заявили о себе в полной мере — наглядно, жестко и настойчиво — никто на глобализацию не обращал внимания. Более того, даже когда и проблемы «открыли», а глобализация к этому времени уже давно шла полным ходом, она все еще оставалась как бы незамеченной, хотя по существу данной проблематики, т.е. косвенно, о ней, конечно, говорили, но указать на нее, назвав своим именем, тогда никто не догадался. К тому же и *глобальные проблемы* изначально приняли за новое самодостаточное явление, на осмысление и понимание которого потребовалось немало сил и времени, прежде чем стало ясно — за всем этим стоит нечто большее, первопричинное — *глобализация*.

Однако и теперь, когда все это обнаружилось, даже в среде специалистов еще нет должного понимания того, что и сама глобализация, и ее осмысление, прошли сложный и в разные времена неодинаковый путь. В лучшем случае встречаются попытки обозначить отдельные этапы глобализации или представить несколько упрощенные схемы, мало объясняющие глубинные корни и истинную природу этого достаточно сложного явления¹. Как справедливо отмечает украинский автор одного из исследований по проблемам глобализации, С. Л. Удовик: «...мы не только не можем обнаружить согласованное мнение специалистов в отношении сути глобализации, но, наоборот, вынуждены признать наличие множества самых разнообразных мнений. Поэтому возникает правомерный вопрос, за что же критикуют глобализацию, если нет общего мнения, что это такое.

Этот плюрализм мнений и критики неизвестно чего, неумение согласовывать позиции является характерной чертой эпохи постмодернизма»². Практически о том же говорит и В. И. Толстых, когда пишет, что «под глобализацию зачастую “подверстывается” буквально все, что попадает “под руку”»³.

На трудности, связанные с определением глобализации, указывают и многие западные авторы. Так, даже один из тех, кто отметил серией работ по данной проблеме, известный филантроп Дж. Сорос до последнего времени не сформулировал для себя точного определения столь важного понятия, полагая, что «глобализация — это слишком часто употребляемый термин, которому можно придавать самые разные значения»⁴. Примерно таких же взглядов придерживается и М. Веллинга из Утрехтского университета, который отмечает, что «глобализацию оказалось трудно определить концептуально и показать эмпирически»⁵.

Годом позже, после того как появились «Тезисы о глобализации», Дж. Сорос написал книгу, посвященную анализу механизма функционирования системы глобального капитализма, где он высказался уже более определенно о том, что понимает глобализацию *узко*, связывая ее только с экономической деятельностью людей, а то и вовсе с финансовыми институтами. «Я принял довольно узкое определение глобализации: я буду понимать под ней свободное перемещение капитала и растущее подчинение национальных экономик глобальным финан-

¹ См.: Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб., 2004.

² Удовик С. Л. Глобализация: семиотические подходы. М., 2002. С. 350–351.

³ См.: Толстых В. И. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 375.

⁴ Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. 2001. № 2. С. 38.

⁵ The Dialectics of Globalization / M. Vellinga (ed.). Boulder; Oxford: Westview Press, 2000. P. 4.

совым рынкам и транснациональным корпорациям... Я утверждаю, что глобализация протекает односторонне»¹, — прямо заявил он, подчеркнув к тому же, что она представляет собой весьма недавнее явление.

Мы уже достаточно подробно проанализировали глобальные процессы с разных сторон, чтобы сделать иной вывод — *не глобализация протекает односторонне, а узкое ее понимание не позволяет рассмотреть весь этот сложный и многоплановый процесс комплексно, в развитии, во взаимосвязи различных ее сторон, и тогда она действительно воспринимается только с одной стороны, в данном случае с финансово-экономической, да к тому же лишь как недавно возникшее явление.*

Употребляя термин «глобализация» лишь для обозначения процесса развития глобальных финансовых рынков, роста количества и влияния транснациональных корпораций и достижения ими доминирующего положения по отношению к национальным экономикам, Дж. Сорос убежден, что если обсуждать глобализацию также и в других сферах, например в области информации и культуры, возросшей мобильности, охвата все большего числа людей телевидением, Интернетом и т. п., то это уведет слишком далеко от сути дела. По существу же он предлагает не только действовать, но и мыслить локально, узко, ограниченно. Но в этом случае игнорируется весьма важный принцип, который в глобалистике был сформулирован еще в 1980-е гг.: «действовать локально, мыслить глобально». Без действительно глобального, масштабного видения ситуации в целом глобальные проблемы, как и сама глобализация, оказываются вне поля зрения, во всяком случае, не воспринимаются целостно, а предстают как хаотически, бессвязно возникающие фрагменты все усложняющейся реальности, за которой рассмотреть суть дела, конечно же, не представляется возможным.

Более основательно исследовал данную проблему У. Бек, который справедливо писал, что «глобализация имеет в виду процессы (здесь и далее в цитатах выделено мною. — А. Ч.) в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»². А председатель клуба ученых «Глобальный мир» Э. А. Азроянц в своей обширной монографии «Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции» упоминает глобализацию и как *проблему*, и как *реальность*, и как *процесс*, выделяя циклы всеобщей истории мегасоциума, и даже указывает на исторические формы глобализации, но представляет их не в динамике, а статически, в виде перечисления специфических особенностей различных форм такой

¹ Сорос Дж. О глобализации. М., 2002. С. 7. См.: Он же. Заметки о глобализации. М., 2002.

² Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 26.

глобализации¹. И лишь в одном месте он высказывается по существу обсуждаемого нами вопроса, когда полагает, что «история глобальных отношений начинается с первых контактов соседей (родов, племен, этносов) в форме войны и мира, обмена, переселения народов и т.п.», а затем добавляет: «В интервале исторического времени представление о глобальности, о целостности и пределах Мира менялись вместе с “линией горизонта” человеческого знания о них. Поэтому Ойкумена в древнем, средневековом и современном мире имела различающиеся масштабы. На свои предельные границы, т.е. на саму себя, глобальность стала “наткаться” только после великих географических открытий, когда Земля в человеческом сознании и деятельности стала замкнутой (круглой)»¹. На этом выявление этапов и анализ динамики собственно глобализации и заканчиваются.

Еще один известный специалист в области глобалистики М. А. Чешков и вовсе говорит даже не о *глобализации*, а о *глобальности*, которая в своем историческом движении «поочередно меняя свои формы, последовательно выступает как феномен *предысторический*, *исторический* и *постисторический*», где первый феномен охватывает период от неолитической революции до «осевого времени», второй — от «осевого времени» и до конца XX в., а третий «начинается на рубеже XX–XXI веков и выливается в глубокий, поистине антропологический кризис»². Представляя смену исторических типов глобальности в виде трех-этапного процесса, М. А. Чешков выделяет в нем три стадии: а) стадию *локально-региональной* глобальности (эпоха «осевого времени»); б) стадию *мировой* глобальности, которая зарождается в XVI в., становится необратимой к концу XIX в. и достигает своего пика к концу XX в.; в) стадию *планетарной* (или *общечеловеческой*) глобальности, которая формируется в ходе информационной революции, обретая всеобщность и по глубине, и по масштабу, порождая в конечном счете свой «дубль», который М. А. Чешков называет «виртуальной глобализацией»³, не уделяя большого внимания тому, чтобы наполнить необходимым содержанием этот весьма неопределенный неологизм.

Еще один взгляд на глобализацию как на процесс представлен в книге известного историка А. И. Уткина «Глобализация: процесс и осмысление», где он говорит о двух глобализациях — «первой» (100-летней давности) и «второй», между которыми был 70-летний период от начала Первой мировой войны до окончания холодной войны. При этом сами отмеченные этапы не являются предметом специального анализа, а тем более всестороннего рассмотрения, и лишь

¹ См.: *Азроянц Э. А.* Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М.: Новый век, 2002. С. 256, 289–292.

² *Чешков М. А.* Глобалистика: путь самоопределения // Труды клуба ученых «Глобальный мир». М.: Новый век, 2003. Т. 4. С. 54.

³ Там же. С. 55.

подчеркивается, что если на первом этапе глобализации «опорой ее служила Британская империя (ее промышленная база, финансы и военно-морской флот), то ныне за процессом резко ускорившейся глобализации стоят Соединенные Штаты»¹.

По существу то же самое говорится и в аналитическом обзоре Международного валютного фонда, опубликованном весной 1997 г., где отмечалось, что «феномен глобализации, возникший после Второй мировой войны, т.е. все более тесная международная интеграция рынков товаров, услуг, а также капитала с многих точек зрения может рассматриваться как возобновление тенденций развития мировой экономики, проявивших себя еще сто лет тому назад. По многим параметрам степень международной интеграции резко возросла за последние 50 лет до Первой мировой войны и достигла уровней, вполне сопоставимых с нынешними. Тогда, так же как и сейчас, основными движущими силами интеграции были стремительное умножение числа рынков и ускорение научно-технического прогресса. Этот процесс был приостановлен в 1914 г. и даже обращен вспять вплоть до окончания Второй мировой войны... Мировые рынки капиталов распались с началом Первой мировой войны и находились в состоянии дезинтеграции вплоть до середины 1960-х годов»².

Еще одним подтверждением того, что данная точка зрения имеет широкое распространение и на Западе, являются идеи, высказанные в работах К. О'Роурк, Дж. Вильямсона, Дж. Дженсона, Б. С. Сантоса, Т. Фридмана, Р. Стаббса, Дж. Андерхилла, Р. Гермайна, А. Ругмана, Дж. Миттельмана, С. Хантингтона, П. Бергера, Дж. Стиглица и др.³ Например, К. О'Роурк и Дж. Вильямсон в работе «Глобализация и история» говорят о протоглобализации, называя ее «глобализация I». По их мнению, она началась в середине XIX в. и длилась до начала Первой мировой войны, захватив атлантический мир, Европу и Северную Америку. Затем, полагают авторы, «глобализация- I» захлебнулась под тяжестью собственных противоречий и даже «пошла вспять», так как интересы промышленно развитых стран вошли в острое противоречие и серия шагов со стороны этих государств, дополненных Пер-

¹ Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. С. 14, 35. См. также: Он же. Глобализация // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003. С. 181–183.

² IMF/ World Economic Outlook. May 1997. Wash., 1997. P. 112, 115.

³ См.: O'Rourke K., Williamson J. Globalization and History. Cambridge, Mass., L., 1999; Jenson J., Santos B. S. (eds.). Globalizing Institutions. Aldershot, Burlington (USA), 2000; Friedman Th. Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 2000; Political Economy and the Changing Global Order / R. Stubbs, G. Underhill (eds.). N.Y., 2000; Globalization and its Critiques: Perspective from Political Economy / R. Germain (ed.). Basingstock, 2000; Rugman A. The End of Globalization: A New and Radical Analysis of Globalization and What it Means for Business. L., 2000; Mittelman J. H. The Globalization Syndrome. Transformation and Resistance. Princeton, 2000; Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World / P. L. Berger, S. P. Huntington (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2002; Stiglitz J. Globalization and its Discontents. N.Y., 2002.

вой мировой войной и Великим кризисом 1929–33 гг., окончательно завершили поворот к политике автаркии и самоизоляции основных участников первой глобализации¹.

Конечно, если глобализацию ассоциировать только с экономикой и финансами, то именно так все и было. Такая *хозяйственная* глобализация действительно шла как бы волнами — то поднималась, то затухала, то снова возникала...

Но в целом как явление, рассматриваемое во всей его полноте, эти процессы вовсе не «пульсируют», не прерываются и не развиваются волнообразно, а, охватывая различные сферы общественной жизни: экономику, политику, культуру, идеологию, науку, технику и т.п., в тот или иной период времени в большей или меньшей степени проявляются то в одной, то в другой сфере. Так, еще до начала первой волны международной экономической интеграции глобализация вполне проявила себя в территориальной экспансии, а с началом Первой мировой войны она не только не приостановилась, но и стала разворачиваться с еще большей силой, только теперь уже в первую очередь в сфере политики, науки, техники. Все это мы уже показали в предыдущих главах, как и то, что постепенно нарастая и усиливаясь, глобализация со временем стала *фундаментальной*, а с 1970-х гг. и вовсе приняла взрывной характер, став теперь уже *многоаспектной*.

Итак, на фоне возрастающего интереса к процессам глобализации все больше исследователей обращают внимание на масштабные тенденции исторического развития, в которых не без основания пытаются увидеть истоки грандиозных трансформаций современного мира². При этом, как уже отмечалось, используя широко распространенный термин «глобализация», нередко впадают в крайности в понимании как самого феномена глобализации, так и истории возникновения этого явления.

Первая из них связана с *неправомерным расширением* понятия «глобализация», когда его применяют для описания процессов, которые с реальной глобализацией мало связаны или вовсе не имеют к ней отношения. Так понимает глобализацию, например, В. И. Пантин, который, анализируя циклы и «волны» глобальной истории, в частности, пишет: «Глобальным процессом была... *неолитическая революция*, территориальные границы которой невозможно точно определить»³. В другом месте его книги читаем также: «Глобальность — это важная неотъемлемая сторона исторического развития, которая наиболее оче-

¹ См.: O'Rourke K., Williamson J. Globalization and History. Cambridge, Mass., L., 1999.

² См.: Мегатренды мирового развития / отв. ред. М. В. Ильин, В. Л. Иноземцев. М., 2001; Лапкин В. В., Пантин В. И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М., 2004.

³ Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. С. 18.

видна в современную эпоху, но которая в иных формах существовала и прежде, вплоть до *самых истоков человеческой истории*» (выделено мной. — А. Ч.)¹.

Такую же позицию расширительного понимания процессов глобализации мы находим и у Э. А. Азроянца, утверждающего, что «история глобальных отношений начинается с первых контактов соседей (родов, племен, этносов), протекающих в разнообразных формах войны и мира, обмена, переселения народов и т.п.»².

К числу сторонников указанного подхода можно отнести и И. В. Василенко, которая, рассуждая о том, что «античная идея циклического *глобального развития* во многом носила трагический характер», говорит, что «идея *единства человеческой судьбы и истории* со всей определенностью прозвучала уже в античной философии» (курсив мной. — А. Ч.)³. Тем самым она неправомерно широко употребляет термины «глобальное развитие» и «единство человеческой судьбы» к событиям античного мира, который хотя и был самодостаточным и даже претендовал на универсальность определенных теоретических рассуждений, но эта универсальность античным же миром и ограничивалась, в лучшем случае, тем миром, который древним грекам был доступен. В категориях же всего земного шара, т.е. в буквальном смысле этого слова — *глобально*, древние греки, конечно же, мыслить не могли, ибо землю представляли плоской и истинных границ ее не знали. Полагая также, что «известный древнегреческий историк Полибий оставил нам *весьма развернутое представление о глобальности исторического процесса*» (курсив мной. — А. Ч.)⁴, в чем она по той же, указанной выше причине, также ошибается, И. В. Василенко пишет: «Обращаясь к истории возникновения глобалистики как науки, нам не миновать парадокса: сама идея глобального развития человечества — древняя как мир (в известном смысле мир всегда был глобальным, а человеческая история — всемирной), но институционализация глобалистики в качестве самостоятельного научного направления произошла совсем недавно»⁵. Это большое заблуждение — полагать, что «мир всегда был глобальным, а человеческая история — всемирной, так как глобальным он стал не потому, что Земля, как бы ее ни воспринимал человек — плоской ли, островом ли, плавающим в океане, и т.п., — действительно объективно всегда была шаром, а потому, что, понимая мир как человечество в целом, как все население Земли, включенное в биосферу в качестве его составной части, и только в этом смысле

¹ Пантин В. И. Указ. соч. С. 20.

² Азроянц Э. А. Глобализация как процесс // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 5. М., 2001. С. 11.

³ Василенко И. В. Политическая глобалистика. М.: Логос, 2000. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

употребляя в данном контексте этот термин, мы должны признать, что таковым человечество не могло стать тогда никаким образом, уже хотя бы потому, что вплоть до Великих географических открытий для этого просто не существовало объективных оснований. Также для специалиста в области глобалистики некорректным является и определение глобалистики как науки, о чем уже говорилось в § 8 гл. I и что лишь подчеркивает необходимость более строгого отношения к определению фундаментальных понятий во имя того, чтобы профессиональный разговор был более содержательным и велся по существу на понятном, общепринятом языке.

Чтобы показать, сколь распространенным даже в среде специалистов является неоправданно широкое, а по сути вольное толкование терминов «глобалистика», «глобализация», «глобальные проблемы», рассмотрим также точку зрения А. П. Назаретяна, который, анализируя цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории, пишет: «В первой половине II тысячелетия *глобальное значение* имели производственные, военные и интеллектуальные технологии арабов»¹, или, проникая в еще более глубинные пласты истории, где в лучшем случае можно говорить разве что о локальных социальных связях, утверждает: «...для *гоминид* все эти пути были закрыты, поскольку образованная ими ниша была, во первых, уникальна и, во вторых, *глобальна*» (курсив мной. — А. Ч.)². К такому пониманию глобализации А. П. Назаретян приходит, сформулировав гипотезу техногуманитарного баланса и развивая ее применительно к осмыслению исторического процесса. Эта идея, основанная на том, что «*чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества*»³, позволяет объяснить некоторые процессы и явления, суть которых не лежит на поверхности. В частности, отмечая, что «связи причин со следствиями сложны, запутаны и растянуты на века, а в ранней истории и на тысячелетия», автор, опираясь на свою гипотезу, дает объяснение и серьезное обоснование тому факту, что между «технологией» и «психологией» наблюдается глубокий разрыв. С позиции своей гипотезы он также пытается ответить на весьма актуальные вопросы. В частности, есть ли сходство между кризисами, которые имели место на различных стадиях исторического развития, и что лежит в основе их периодического появления? Существуют ли единые механизмы обострения антропогенных кризисов и по каким симптомам можно

¹ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004. С. 94.

² Там же. С. 176.

³ Назаретян А. П. История и психология антропогенных кризисов: гипотеза техногуманитарного баланса // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 6 (29). М.: Институт микроэкономики, 2003. С. 9.

прогнозировать их приближение? Наконец, есть ли у человечества шанс преодолеть угрожающий ему системный кризис и какую цену за это придется заплатить?

В этой связи А. П. Назаретян обращается к анализу исторического процесса, используя богатый этнографический, археологический, естественно-научный материал, и делает серьезные, порой далеко идущие обобщения и выводы, с которыми трудно согласиться. Например, он говорит о существовании глобальных кризисов уже на ранних этапах человеческой истории, т.е. задолго до появления не только глобальных проблем, но и человечества как планетарного явления. «Тысячелетия верхнего палеолита ознаменованы беспрецедентным развитием “охотничьей автоматики”, — говорит он. — Люди научились рыть хитроумные ловчие ямы, изобрели копья, дротики, копьеметалки, лук со стрелами... Это создало весьма благоприятные условия для демографического роста и распространения человечества по территории Земли. Население достигло 4–5 млн человек, не знавших иных способов хозяйствования кроме охоты и собирательства. Поскольку же для стабильного прокорма одного охотника требуется территория в среднем около 20 кв. км, то ресурсы планеты приближались к исчерпанию... Активность человека стала решающим фактором исчезновения с лица Земли мамонтов и целого ряда других животных. Могучие охотники верхнего палеолита впервые проникли на территорию Америки, быстро распространились от Аляски до Огненной Земли, полностью истребив всех крупных животных, в том числе слонов и верблюдов — стада, никогда прежде не встречавшиеся с гоминоидами и не выработавшие навыки избегания этих опаснейших хищников. Истребление мегафауны сопровождалось и появлением людей в Океании и Австралии» (курсив мой. — А. Ч.)¹. Если согласиться с таким подходом, то, выражаясь языком В. И. Вернадского, человек стал «мощной геологической силой» еще тогда, когда вместо одежды носил шкуры диких зверей и при помощи лука, копий и дротиков истребил крупных животных (как минимум, на целом континенте), приблизив «ресурсы планеты к исчерпанию». Но в реальности, если не слишком увлекаться домыслами и не отрываться от фактического материала, накопленного в глобалистике, такое положение на планете наступило лишь тогда, когда население Земли увеличилось более чем в 1000 раз и достигло 5–6 млрд человек. При этом вооружены они уже были не копьями и луками, а мощнейшей техникой, ядерными бомбами и космическими аппаратами.

Даже с учетом тех необходимых поправок на исторические эпохи, о которых упоминает А. П. Назаретян, с ним трудно согласиться в том,

¹ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2001. С. 116–117. См. также 2-е изд. этой книги. М., 2004. С. 137.

что «ряд антропогенных кризисов прошлого приобретали, несомненно, глобальный масштаб — глобальный прежде всего по их эволюционному значению и по характеру общеисторических последствий»¹.

Фактически такие же «смелые» взгляды на прошлое, формулируемые с убежденностью очевидца тех событий, мы находим и у Н. Н. Моисеева, который пишет: «В эпоху неолита люди в полной мере использовали свои новые возможности и мастерство. Появление копий и лука, дальнейшее развитие технологии обработки камня, создавшее возможности для производства каменного оружия, а также совершенствование методов коллективной охоты привели к тому, что австралопитеки стали гораздо быстрее, чем в предшествующие времена, уничтожать стада мамонтов и других крупных животных. Тем самым они существенно расширили свои резервы продуктов питания, но естественным последствием этого стало резкое увеличение количество населения степной и лесостепной части планеты.

И тогда впервые возникла *“проблема Мальтуса”*... **Возник первый глобальный экологический кризис.** Именно глобальный, поскольку он с весьма небольшим сдвигом во времени охватил практически все континенты, исключая, может быть, зоны тропического леса»². Столь однозначные суждения, практически лишённые сомнения, можно было бы всерьез рассматривать, если бы их авторы потрудились привести необходимые аргументы и достаточные основания, на которые они опираются. Но, к сожалению, какие бы то ни было цифры, касающиеся численности населения или, например, истребления мамонтов и других крупных животных, полностью отсутствуют (кто и как теперь это посчитает?), как нет и никаких данных, свидетельствующих о протекании упомянутых процессов действительно в глобальном масштабе — на всех континентах. Разве можно однозначно и всерьез утверждать, что при помощи «копий, лука и каменного оружия» человек уже в эпоху неолита породил *глобальный экологический кризис*, т.е. не только в Европе и Азии, но и в Африке, Северной и Южной Америке, Австралии. Но кто и когда на этот счет проводил там исследования? А если и есть какие-то отдельные археологические данные, то насколько они точны и бесспорны, а главное, насколько достаточны для подобных утверждений и тем более для столь широких обобщений, вплоть до планетарного масштаба?

Упомянутые авторы такими вопросами не задаются. Но одних лишь домыслов и предположений для подобных утверждений явно недостаточно, здесь нужны веские, подтвержденные соответствующими фактами аргументы. В противном случае конечные формулировки

¹ Назаретян А. П. История и психология антропогенных кризисов: гипотеза техно-гуманитарного баланса. С. 6.

² Моисеев Н. Н. Быть или не быть, человечеству? М., 1999. С. 196–197.

должны носить гипотетический характер, ибо в таком истолковании прошлого, по поводу которого у нас также не слишком много информации, как и о будущем, излишняя категоричность вряд ли уместна. Мы уже видели, говоря о предсказаниях будущего, сколь нелепо по прошествии времени выглядят слишком прямолинейные утверждения. Так почему же о весьма далеком прошлом при отсутствии необходимой доказательной базы позволительно говорить, отменяя сомнения? Все это чем-то напоминает известную шутку, когда на вопрос «сколько звезд на небе?» вы можете уверенно называть любое абсолютно точное астрономическое число, выраженное, например, 20 знаками, а на сомнение вопрошающего «так ли это?», можете смело отвечать: — «Полезь и посчитай». Именно на этой невозможности проверить достоверность тех или иных утверждений и строятся всевозможные гадания и астрологические прогнозы. Но для науки такой способ исследования вряд ли подходит.

Говорить о процессах глобального масштаба до эпохи Великих географических открытий — значит сильно преувеличивать только лишь первые признаки и симптомы глобализации, действительно зарождавшиеся еще на ранних этапах исторического развития, о чем уже немало говорилось в предыдущих разделах книги. Но признаки и симптомы — это еще далеко не сам процесс, а в нашем контексте такое различие имеет принципиальное значение.

Другая крайность в истолковании глобализации заключается в том, что ее понимают *слишком узко*, когда в расчет берутся только современные процессы общественного развития, а то и вовсе лишь отдельные их аспекты, например экономические, рассматриваемые к тому же без учета истории и динамики становления глобальной проблематики, международных структур и транснациональных связей, т.е. всего того, что объективно лежит в основе современной глобализации. Так, известный специалист по проблемам цивилизационного развития И. Валлерстайн справедливо относит начало реальной глобализации к появлению колониализма, т.е. к началу XVI в., но связывает ее только со становлением и развитием мировой капиталистической системы, что хотя и соответствует действительности, но в целом не охватывает весь этот сложный и многоаспектный процесс. Другие западные специалисты называют слишком поздние сроки начала глобализации, в частности, А. Гидденс — XVIII в., Р. Робертсон — конец XIX — начало XX в., а Г. Перлмуттер — и вовсе время краха восточного блока¹.

¹ См.: Wallerstein J. One World, Many Worlds. N.Y.: Reiner L., 1988; Giddens A. Jenseits von Links und Rechts. Die Zukunft radikaler Demokratie, Edition Zweite Moderne. Frankfurt: Suhrkamp, 1996; Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992 1992; Perlmutter H. V. On the Rocky Road to the First Global Civilization // King A. (Hg.) Culture, Globalization and the World System. L., 1991.

Такое же узкое понимание глобализации характерно и для ряда отечественных ученых: А. С. Панарина, А. А. Зиновьева, В. И. Самохваловой, В. С. Васильева, а также просматривается в работах уже упоминавшегося А. И. Уткина, который, в частности, пишет: «Термин “глобализация” является метафорой, придуманной для выяснения смысла и понимания природы современного капитализма... глобализация — это в возрастающей степени интенсивная интеграция как рынков товаров и услуг, так и капиталов»¹. При таком подходе к пониманию глобализации, когда она рассматривается применительно лишь к периоду развития капитализма и связывается только с рынком и капиталистическими отношениями, без внимания остаются многие аспекты современных процессов глобализации: географический, политический, информационный, экологический и др., о чем уже немало было сказано в предыдущих главах. На это справедливо указывают как отечественные, так и западные специалисты (В. И. Толстых, В. Б. Кувалдин, В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев, Э. В. Гирусов, А. В. Кацура, Д. Хелд, А. Макгроу, Д. Голдблат, Дж. Перратон и др.)².

Например, В. И. Толстых говорит, что даже при рассмотрении собственно экономических и технологических новаций, тенденций и проблем, которые, безусловно, требуют особого внимания и анализа, необходимо постоянно держать в уме базисное значение социокультурных факторов развития современного общества, используя их методологическую и эвристическую силу. В противном случае невозможно понимание и объяснение ни уже свершившихся фундаментальных трансформаций общества, ни будущего глобального мира. «Недостаточно сказать, что глобализация есть “сугубо цивилизационный процесс”, — подчеркивает он, — надо видеть и объяснить, какие подспудные, тектонические сдвиги и изменения в самой человеческой культуре его вызвали, обусловили и направляют. Зная и понимая это, ни один серьезный исследователь не будет настаивать на том, что сущность глобализации как феномена или процесса является сугубо экономической или технологической»³.

Однако, как видим, немало и таких, кто на этом настаивает.

Но если не учитывать данного обстоятельства, то Советский Союз, да и всю социалистическую систему, включая Китай и значительную часть развивающихся стран, которые не были частью капиталистического мира и не имели рыночных отношений, следовало бы исключить из процесса глобализации и нужно было бы сказать, что они в ней во-

¹ Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 9.

² См.: Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003; Глобалистика: энциклопедия; Held D., McGraw A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations. Oxford, 1999.

³ Толстых В. И. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 362.

все не участвовали и, более того, вообще не имели к ней отношения. Также, следуя этой логике, нужно было бы утверждать, что и теперь некапиталистические Северная Корея или Куба, самоизолировавшиеся от внешнего мира, или, например, Иран, выстраивающий свою особую политику, слабо согласующуюся с позицией Запада, к глобализации никакого отношения не имеют. Но это совершенно не так, ибо и Советский Союз, да и весь остальной некапиталистический мир всегда были активными участниками глобальной экономики, не говоря уже о том, что в политической глобализации они порой играли, быть может, главную роль.

Достаточно вспомнить в этой связи так называемый **Карибский кризис**, разразившийся в 1962 г. после того, как на Кубе, разорвавшей дипломатические отношения с США, были установлены советские ракеты, а затем последовала блокада острова, и весь мир оказался на грани начала глобальной ядерной войны, или ввод войск коалиции Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г., существенно изменивший на многие годы геополитическую ситуацию в мире. Не вычеркнуть названные страны и из географической, экологической, информационной и тому подобных типов глобализации.

А разве не имеет отношения к современной глобализации то, что, казалось бы, изолированная от мира Северная Корея своими ядерными и ракетными программами создает мощный источник напряжения во всей международной политической системе, влияет на расстановку военных сил далеко не только в своем регионе, то, что Куба или Иран активно противодействуют США, разве не сказывается в целом на мировом политическом климате и процессах современной глобализации? Сказывается — и самым непосредственным образом, только глобализацию во избежание путаницы и разночтений нужно более строго определить и не сводить ее лишь к рынку и капиталу.

Но глобализацию нередко понимают и как сознательно осуществляемую кем-то политику (целенаправленный процесс), а то и вовсе как субъективную реальность, как чей-то коварный замысел, реализуемый в интересах определенного круга лиц, например «мировой элиты», или даже отдельных государств. У данного подхода имеется немало сторонников не только среди политиков и общественных деятелей, что вполне объяснимо с точки зрения политической конъюнктуры, но и среди ученых. Так, по мнению известного философа А. А. Зиновьева, «идея “глобального общества” есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством»¹. С этой точки зрения, если быть последовательным, нужно было бы признать, что глобализация в качестве объективно-

¹ Зиновьев А. А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск; М., 2000. С. 68.

исторического процесса, с неизбежностью ведущего к становлению человечества как единого целого, не существует, а является также лишь «идеологически замаскированной установкой западного мира». Но мы уже достаточно говорили об объективной стороне различных аспектов глобализации, чтобы не вступать в полемику с приведенной выше субъективной точкой зрения человека известного, но проблемами глобализации специально не занимавшегося.

Однако сходных взглядов придерживаются и другие ученые, профессионально работающие в области глобалистики, например, А. С. Панарин, который, полностью отрицая объективный характер процессов глобализации, пишет: «Совсем иной результат мы получим, если попытаемся оценивать новации глобализма с иной, *субъективной* стороны, касающейся культурных, нравственных и политических устоев нашей цивилизации. Здесь-то и обнаруживается, что в лице современного глобализма мы имеем дело с новейшей формой нигилизма, ищущего себе алиби в так называемых объективных тенденциях»¹. Разумеется, при таком субъективизме в понимании глобализации, равно как и тех объективных тенденций ускоренного и постоянно расширяющегося развития экономики, политики, науки, техники, которые обуславливают современные мировые процессы и становление глобальных структур, конечно же, будет «совсем иной результат» по сравнению с тем, когда объективный ход событий не игнорируется. Но в предыдущих главах было уже достаточно сказано о глобализации как о естественноисторическом процессе, чтобы не возвращаться к этому вопросу снова. К этому можно лишь добавить вполне справедливое замечание В. Л. Иноземцева, который, говоря о глобализации, отмечает, что «она не является причиной нарастающего неравенства и нищеты; между тем, и это необходимо четко сознавать, она не способна исправить недостатки и пороки современной системы, неотъемлемым элементом которой сама является»².

И все-таки, учитывая, что субъективный подход к пониманию современных мировых процессов, а также желание непременно отыскать «виновников» и «главных дирижеров» глобализации все еще остаются весьма распространенными в отечественной науке и философии, следовало бы уделить такой позиции особое внимание. Обратимся в этой связи к двум наиболее характерным докладам, которые были представлены — один философом, другой экономистом — на заседаниях известного московского клуба ученых «Глобальный мир».

В первом из них раскрывается позиция главного редактора научно-философского журнала «Полигнозис» В. И. Самохваловой, которая

¹ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2002. С. 5.

² Иноземцев В. Л. Глобализация: мечты XX века, реальность XXI // Наука. Общество. Человек. М., 2004. С. 125.

полагает, что глобализация — это хорошо продуманный, целенаправленно, с умыслом запущенный и умело осуществляемый проект переустройства мира в интересах узкой группы лиц — «новой глобальной элиты», а также конкретного государства — США. «Глобализация, — пишет она в своей обширной статье, опубликованной по результатам обсуждения доклада, — осуществляется как хорошо организованная и планомерно развивающаяся игра в одни ворота — в пользу одной страны, стремящейся любым способом к сохранению и упрочению своего статуса»¹.

При этом автора не интересует анализ объективных тенденций экономического и социально-политического развития мировой системы, и глобализация в качестве *объективно-исторического процесса* в итоге полностью выпадает из поля зрения, становясь не чем иным, как субъективным замыслом, осуществляемым лишь одним государством и направленным на установление мирового господства. Даже развал СССР и распад Югославии в этом контексте воспринимаются без учета внутренних причин, обусловивших разрушение данных систем. Такая позиция в значительной степени направлена на констатацию проблем, тенденций, фактов и по существу не ставит своей задачей показать их истоки, генезис, как не нацеливает и на поиск соответствующих решений.

Разумеется, глобализация обнажает и еще больше прежнего обостряет экономическую, политическую и идеологическую борьбу между народами и государствами, которая всегда велась с момента их возникновения. Она также усиливает проблему неравенства и неравномерности общественно-экономического развития различных стран, а также используется различными силами, в том числе и наиболее развитыми государствами, в первую очередь США, для извлечения выгоды из складывающихся реалий и меняющейся ситуации. Но если в исходных посылках, анализе и выводах акцентировать внимание только на этом и не замечать в процессах глобализации объективные основания, если не рассматривать глобализацию в первую очередь как объективно-исторический процесс, в который без специального умысла вовлечены все страны и народы, то творческие усилия в итоге могут быть потрачены не на выявление действительных причин этого сложного, многопланового явления, а на поиски враждебных сил и источника зла, с которыми затем не останется ничего иного, как вести непримиримую и бескомпромиссную борьбу. С точки зрения выживания человечества перед лицом грозящей ему опасности со стороны глобальных проблем такая позиция не представляется конструктивной уже потому, что она сродни той ситуации, когда на

¹ Самохвалова В. И. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир»: вып. 11(23). М.: Институт микроэкономики, 2002. С. 10.

корабле, попавшем в сильный шторм вблизи отмелей и скалистых берегов, члены команды вместо консолидации усилий стали бы выносить отношения в поисках виновного.

И хотя в высказываниях упомянутого автора нет прямых призывов к борьбе со «стратегиями глобализации», она не скрывает своей антипатии к ним, как не скрывает и разочарования по поводу того, что мир в результате глобализации становится все более тесным, взаимозависимым, обнаруживая тенденции к унификации. В этой связи В. И. Самохвалова критически оценивает идею «единства человечества» и возможности формирования «общечеловеческих ценностей», «единой общечеловеческой культуры», в основе которой усматривается «массовая культура», характеризующаяся только отрицательным знаком, как культура, имеющая «американское лицо... американские ценности, американскую еду, американский характер»¹. Идеология глобализма, подчеркивает она, выравнивает всех под единый трафарет, враждебна любой традиции, а потому идеи экуменизма или утрата национального суверенитета воспринимаются автором только как негативные явления, как деградация и разрушение основ общественного бытия. Сетую на то, что в условиях глобализации национальный суверенитет ущемляется в пользу глобального целого, В. И. Самохвалова, отстаивая традиционализм, утверждает: «Глобализация несет особую угрозу для всякой отдельно взятой страны. Глобализация делает национальную экономику страны открытой, что объективно ведет к размыванию и обесцениванию регулирующих функций национального государства»².

Конечно, данная точка зрения имеет право на существование, тем более что она подается с позиции философии, но нельзя не учитывать и мнение не менее авторитетных исследователей, которые также немало изучали данный вопрос и недвусмысленно высказывались на этот счет. Так, А. Печчи приводит слова А. Тойнби, отмечавшего, что «сила поклонения культу национального государства вовсе не свидетельствует о том, что национальный суверенитет действительно представляет собой удовлетворительную основу политической организации человечества в атомный век. Истина как раз в прямо противоположном... в нашу эпоху национальный суверенитет, по сути дела, равносильна массовому самоубийству»³. И далее, полностью соглашаясь с такой позицией, А. Печчи добавляет уже от себя: «То обстоятельство, что сегодня множество людей продолжает упорно отстаивать национальный суверенитет, вовсе не служит, по моему мнению, доказательством его целесообразности., принцип национального суверенитета ока-

¹ Самохвалова В. И. Указ. соч. С. 15.

² Там же. С. 14.

³ Печчи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. С. 227–228.

зывается в первую очередь весьма выгодным его самым ревностным защитникам — правящим классам. Ведь суверенное государство — их вотчина. Ортодоксальная приверженность принципу государственного суверенитета в условиях современного мира становится не только опасной, но и попросту нелепой и абсолютно неуместной»¹.

И все-таки, даже если согласиться, что в позиции сторонников национального суверенитета есть рациональное зерно, оценивать утрату национальной обособленности только отрицательно, а тем более настаивать на безусловной ценности тех традиций, которые вступили в противоречие с изменившимися реалиями, значит фактически полагать, что мир XXI в. принципиально не изменился по сравнению с прошлым веком и его вполне правомерно воспринимать через призму начала XX, а то и конца XIX столетия. Однако можем ли мы не придавать значения тому, что за последние немногим более 100 лет на планете произошли грандиозные события и перемены, не идущие ни в какое сравнение с тем, что случалось с человечеством до этого за всю его многовековую историю? Можно ли объективно судить о глобализации, рассматривая современный мир так, будто бы за этими переменами ничего заслуживающего серьезного внимания не стоит; будто бы не было «демографического взрыва», за рекордный срок утроившего население Земли, научно-технической, информационно-технологической революций, колоссально увеличившегося антропогенного «давления» на биосферу и окружающую среду, использования ядерной энергии, выхода в космос, появления Интернета, массмедийного бума, персональной телефонизации, сделавшими возможным «виртуальное присутствие» каждого человека в любой момент в любой точке Земли, и т.д. и т.п.?

Разумеется, только такой «объективистский» взгляд на глобализацию будет неполным и однобоким, если не принимать во внимание иную постановку вопроса и не видеть проблемы так, как они формулируются в упомянутой выше позиции. Однако если в условиях стремительных перемен принять за ориентиры *традиции* и отстаивать *незыблемость сформировавшихся давно и в других условиях ценностей* со всеми вытекающими отсюда последствиями, то не мудрено, что в итоге не будет видно никакого просвета в оценке настоящего и будущего, и даже может показаться обоснованным окончательный вывод упоминаемой статьи о том, что «в целом глобализация действует вопреки требованиям эволюции, а ее цели приходят в противоречие с целями эволюционного развития человечества» как и то, что «глобализированный человек предстает как человек деградирующий»².

¹ Печчи А. Указ. соч. С. 227–228.

² Самохвалова В. И. Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии // Материалы постоянно действующего семинара клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 11 (23). М.: Институт микроэкономики, 2002. С. 49–50.

Также *слишком узкий взгляд* на понимание современных процессов глобализации, когда они отождествляются исключительно с «механизмом функционирования политической системы США», представил В. С. Васильев в докладе «Древний Рим и Палестина: имперские прообразы современной глобализации»¹, с которым от выступил на одном из заседаний упомянутого клуба. Обращаясь к Древнему Риму, автор предпринял попытку провести параллели между Римской империей и США в надежде отыскать ключ к пониманию сути глобализации и выявлению перспективы развития современного мира. В какой-то мере столь необычный, ломающий сложившиеся представления взгляд можно оценить положительно, так как неожиданный ракурс видения «примелькавшейся» проблемы стимулирует творческую мысль и может подчас вывести на новые решения. В частности, предлагаемый подход верно акцентирует внимание на том, что в острейшей борьбе за ресурсы и сферы влияния, которую в современном глобализирующемся мире ведут различные страны, преследуя свои национальные интересы, одни получают преимущества и выгоды, другие, наоборот, оказываются в еще более сложной ситуации, если и вовсе не в полной зависимости.

Так, обладая самым мощным экономическим и военным потенциалом, возможностями космического мониторинга, высокоразвитыми информационными и политическими технологиями, США (среди других отдельно взятых стран) объективно становятся главной силой, оказывающей наибольшее влияние на мировые процессы, обеспечивая при этом прежде всего свои собственные интересы и потребности. На это как раз вполне справедливо и указывает автор, но делает это с таким увлечением, что глобализация, по поводу которой собственно и начат был разговор, оказалась как бы ни при чем, стала чем-то второстепенным, производным, зависимым, причем исключительно от американской политики, от позиции пусть и сильного, но всего лишь одного государства. В развитие этой парадоксальной мысли он сказал в своем выступлении, что если нынешний период борьбы США за установление своей гегемонии в глобальных масштабах окончится неудачей или США откажутся от политики доминирования на мировой арене и перейдут на неоизоляционистские формы общественного развития, то это будет означать и *конец современной глобализации*. По сути об этом же он пишет и в опубликованном докладе: «Серьезность возникающего геополитического момента обусловлена тем, что впервые со времен падения Римской империи возникает *ситуация безальтернативного варианта глобализации*, при котором единственным кандидатом на реализацию становится американский проект глобали-

¹ См.: *Васильев В. С.* Древний Рим и Палестина: имперские прообразы современной глобализации // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 2 (25). М.: Институт микроэкономики, 2003.

зации, предполагающий американизированные формы последующего цивилизационного прогресса человечества»¹.

Из сказанного вытекает, что если бы, например, каким-то чудесным образом не стало США или удалось бы расстроить корыстные планы неких творцов глобализации, то и само это явление перестало бы существовать, а все разговоры о глобализации потеряли бы свою актуальность. Но так ли это? Действительно ли все гораздо проще, чем это вытекает из многочисленных исследований в области глобалистики, которые уже многие годы проводятся во всем мире? Выходит, не там искали — хотя и не прямо, но по сути именно это говорит докладчик. А знакомство с его позицией, высказанной в форме стойкого убеждения, не оставляет сомнения: чтобы элиминировать глобализацию, а следовательно, и избавиться от ее негативных последствий, решив заодно и непосредственно связанные с этим глобальные проблемы человечества, нужно не тратить зря времени на всевозможные исследования типа докладов Римскому клубу, Комиссии Брундтланд и т.п., а направить все усилия на то, чтобы США отказались от политики доминирования на мировой арене — тогда-то и закончится современная глобализация.

Однако в этой связи возникает немало вопросов: что, прекратится мировой обмен товарами, корабли и самолеты уже не будут бороздить просторы планеты, предельно «сжимая» время и «сокращая» расстояния, ветра перестанут переносить через страны и континенты кислотные дожди, а сточные воды загрязнять Мировой океан? А космические корабли, — они что, будут летать только над территорией тех государств, которые их запустили, озоновый слой будет разрушаться только над теми странами, которые не следуют нормам Киотского протокола, современные телекоммуникации вернутся в рамки национальных границ, а мировая «паутина» — Интернет — исчезнет? Неужели и во всем этом будем искать «руку Вашингтона»? Или все это не имеет отношение к современной глобализации?

Имеет, и самое непосредственное! Только, когда слишком близко начинают рассматривать складки коры на стволе одного дерева, о лесе, как правило, забывают, он просто пропадает из виду. Но если лес напоминает о себе шумом листвы и всевозможными звуками, то до катастрофизма и парадоксальности при таком «видении» общей ситуации один шаг. Шум и звуки слышны, а источник и причины не просматриваются, и тогда нередко их пытаются отыскать, образно говоря, не там, где потеряли, а там, где светло. Поэтому неудивительно, что и обсуждаемый доклад заканчивается примерно на такой же ноте, когда «глобализация в ее нынешнем виде действительно начинает напоминать» автору доклада «времена Римской империи, покорившей весь к тому времени известный мир, после чего “цивилизированный мир” оказался обреченным на бесконечную борьбу с варварами, “ино-

верцами”, революционными повстанцами и т.д. и т.п.»¹. В конечном итоге эта борьба кончилась и крахом самой римской цивилизации, предупреждает В. С. Васильев, придерживаясь «прямо противоположной точки зрения» относительно того, что современные глобальные процессы действительно могут порождать и на самом деле порождают принципиально новое качество и принципиально новую ступень в развитии как отдельных обществ, так и мирового сообщества в целом.

* * *

Приведенные точки зрения на понятие глобализации, как и разброс мнений в понимании исторических этапов ее развития, показывают, сколь актуальными и теперь остаются в глобалистике вопросы методологического свойства. Выше уже немало говорилось о сути глобализации, ее основных признаках и характерных особенностях. Теперь подведем общий итог и отметим наиболее важное из того, что отличает ее в качестве фундаментальной характеристики общественного развития.

Итак, глобализация — это многоаспектный естественноисторический процесс становления в масштабах планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей, охватывают все его основные сферы и проявляются тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса и социально-экономического развития.

Глобализация — процесс, который не имеет временных ограничений. Он связывает прошлое, настоящее и будущее. И в этом смысле сегодня мы переживаем такой этап глобализации, когда она не только стала очевидной, но и должна быть дополнена рациональным вмешательством человека, т.е. человек должен взять на себя ответственность за характер и последствия объективно разворачивающихся процессов глобализации. По существу, мы приходим к тому же субъективному фактору в оценке, а также в осуществлении процессов глобализации, на чем так настаивает ряд авторов, позиции которых были проанализированы выше; только в данном случае «телега» и «лошадь», образно говоря, остаются на своих местах — не субъективный фактор лежит в основе глобализации и всецело определяет ее, а объективные тенденции мирового развития, которые, конечно же, подвержены влиянию субъективного фактора, но не произвольному и безграничному, а в заданных естественноисторическими и конкретными социально-политическими условиями пределах.

Другими словами, это сродни тому, что В. И. Вернадский говорил о развитии биосферы на этапе, когда человек стал «геологической силой» и должен с этого времени взять на себя ответственность за ее состояние, т.е. он должен привнести разум в естественно развива-

ющиеся биосферные процессы и осуществить таким образом переход к ноосфере. Так же и с процессами глобализации на этапе, когда она стала фундаментальной и многоаспектной. Теперь эти процессы должны быть дополнены разумной деятельностью человека и стать, в конечном счете, *ноогеосферными*.

При этом важно иметь в виду, что глобализация в своей основе — такой же объективный процесс, как, например, восход солнца, которое, поднимаясь все выше, кому-то, находящемуся в тени, доставляет удовольствие, кому-то, оказавшемуся на солнцепеке, — неудобства и неприятности. Но выступить «за» или против такого хода событий никому не приходит в голову, ибо небесное светило не ответственно за то, кто именно и почему оказался в лучших или худших условиях, или за то, что места в тени на всех не хватает. Здесь, конечно же, объективное и субъективное непосредственно увязаны в единое целое, однако субъективный фактор не может доминировать над естественным ходом событий, хотя и играет важную, порой решающую роль в судьбе человека.

Так, кто-то, кому палящее солнце создает проблемы, сетует на превратности судьбы и, ругая светило, продолжает жить по-старому, другой же ищет способы защититься от него или хотя бы по возможности свести к минимуму негативные последствия доступными ему средствами: веером, зонтиком или кондиционером. А третий нежелательные, казалось бы, проявления солнечной активности использует для получения электроэнергии, ведения парникового хозяйства и т. п. Таким образом, роль субъективного фактора в отмеченных процессах может быть весьма существенной, но проявляется она по-разному и в конечном счете в основе своей детерминирована объективным ходом естественных событий, отменить которые человек по собственному желанию не может, равно как по аналогичной причине не может отменить и глобализацию.

В этой связи разговоры, например, о целях глобализации, которые нередко встречаются в литературе, свидетельствуют лишь о том, что рассуждающие об этом не более чем дилетанты в глобалистике, ибо какие цели у восхода солнца, удара молнии или у загрязнения окружающей среды? Потому так важно, подчеркнем это еще раз, *определиться с понятиями и корректно их употреблять*.

Отсюда, если уж говорить о динамике, тенденциях и «волнах» глобализации (а такие аналогии зачастую встречаются в литературе), то следует отметить, что процесс глобализации как тенденция мирового развития идет не волнообразно, а плавно, по нарастающей и с ускорением.

Принимая во внимание сказанное выше, можно дать вполне определенный ответ на вопрос, почему ряд исследователей (И. Валлерстайн, А. И. Уткин, В. И. Пантин и др.) полагают, что глобализация

идет этапами или волнообразно — то усиливаясь, то ослабевая, как пишет, например, В. И. Пантин: «Помимо “сверхдлинных” существуют и более короткие волны глобализации, которые взаимодействуют с более длинными, порождая различные сдвиги и колебания в экономическом, политическом, социальном и культурном развитии»¹. Дело в том, что все выглядит именно так, когда на сложный и многоаспектный процесс глобализации смотрят только с одной стороны, например со стороны экономической глобализации, которая действительно идет неравномерно — то усиливаясь во времена экономических подъемов, то ослабевая, когда в экономике большинства стран происходят масштабные кризисы. И если под глобализацией понимать только глобализацию экономики, то тогда все именно так и происходит — волнообразно, периодами, этапами.

Но, как уже говорилось, это слишком узкий взгляд на весьма сложную проблему. На самом же деле во время таких экономических спадов, когда может показаться, что глобализация затухает, получают дополнительный импульс другие составляющие (аспекты) комплексного процесса глобализации: политическая, социально-культурная, экологическая и др. Все вместе, с разных сторон, они и характеризуют единый и многоаспектный процесс глобализации, поочередно выступая на первый план в то время, когда действие других составляющих несколько ослабевает.

Итак, волнообразным является не сам объективный процесс глобализации, а то возрастающий, то затухающий *интерес* к этому явлению, точнее — его *осмысление*, в котором действительно можно выделить достаточно четко просматриваемые *этапы*. Раньше уже отмечалось, что в отдельные исторические эпохи на первый план тех или иных исследований в силу соответствующих причин выдвигается, как правило, круг каких-либо вполне определенных вопросов, что было названо «принципом дисплея».

Применим этот принцип и к описанию того, как шло осмысление процессов глобализации. Стоит, однако, помнить: то, что *случилось*, и *рассказ о том, что случилось*, редко совпадают, во всяком случае, в деталях и частностях, где зачастую как раз и скрываются весьма существенные моменты. При этом процесс осознания, как правило, отстает от реального хода событий, что, например, в глобалистике проявилось наиболее отчетливо, когда развивавшиеся на протяжении многих десятилетий и даже столетий процессы глобализации становились предметом осмысления с большим запозданием, к тому же каждый раз лишь частично, постепенно раскрывая свою сущность по мере перехода к новому этапу усиления к ним интереса.

¹ Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003. С. 266–267.

Итак, если за основание деления таких этапов принять *проблему, которая в тот или иной исторически определенный период времени оказывалась в центре внимания, а также сферу бытия, которую в этот период полностью захватывала глобализация*, то можно указать пять этапов осмысления этого процесса, которые лишь номинально соответствуют объективным глобальным трансформациям мира, рассмотренным в гл. I, и абсолютно не совпадают с ними по времени¹.

Три из них уже были в истории, четвертый продолжается в настоящее время, а пятый, которого еще нет, по всей видимости, будет, и есть достаточные основания полагать, что он наступит уже в обозримом будущем. При этом самым продолжительным из них был первый, а затем каждый последующий этап оказывался короче предыдущего, что в целом соответствует закону ускорения социально-экономического развития, наиболее ярко проявившемуся в последние два столетия. Прежде чем рассмотреть каждый из этих этапов более подробно, укажем на самые главные их отличительные особенности.

Первый этап охватывает период со второй половины XVIII в. до 20-х гг. XX в. и связан прежде всего с осмыслением *социальной проблематики* ставшего целостным мира, который в это время сначала «замкнулся» *географически*, а затем в общих чертах *экономически* и в значительной степени *политически*.

Второй этап осмысления глобальных тенденций приходится на 20-е — 60-е гг. XX столетия и связан в основном с обращением теоретической мысли к *проблемам взаимоотношения общества и природы*. Тогда мир фактически полностью сформировался в качестве глобальной системы *экономически* и *политически*, а также стал глобально взаимозависимым *экологически*.

Третий этап длился с конца 1960-х до конца 1980-х гг. и был временем «открытия» и *исследования глобальных проблем современности*, а также осознания «пределов роста»¹. На этом этапе мир фактически замкнулся *экологически* и обнаружил тенденцию к замыканию *информационному*.

Четвертый этап, начавшийся с конца 1990-х гг. и продолжающийся в настоящее время, связан с осмыслением *глобализации как процесса*. К настоящему времени мир уже, по сути, «замкнулся» *информационно*, а логическим его завершением, по-видимому, будет то, что он в самом общем плане «замкнется» еще и *цивилизационно*.

Пятый (гипотетический) этап на уровне внешних признаков пока еще никак не просматривается, но логически вполне правомерно пред-

¹ Впервые эта идея была высказана автором в докладе, представленном на заседании московского клуба ученых «Глобальный мир» (см.: Чумаков А. Н. «Исторический процесс в категориях “культура”, “цивилизация”, “глобализация”» // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 3 (26). М., 2003).

положить, что со временем он наступит, и уже встречается термин, который к нему применяют — «*постглобализация*». Хотелось бы надеяться, что в этом случае мир будет формироваться в направлении своей целостности сначала *идеологически*, затем *социокультурно*, *морально-этически*, *ментально* и, наконец, *сложится* как *единая целостность* в форме поистине *глобального человечества*.

В полном же смысле этого слова мир станет глобальным, когда он окончательно сформируется в единую систему *по всем своим основным параметрам*, и тогда глобализация как процесс «исчерпает» себя, точно так же, как к началу 1960-х гг. она уже «исчерпала» себя в географическом аспекте. Важнейшими из этих параметров являются: *географический, экономический, политический, экологический, информационный, цивилизационный (юридический), идеологический, социокультурный, духовный (морально-этический), ментальный (глобализация сознания)*. Порядку из этих параметров (помимо географического, где процесс уже полностью завершился) мир в значительной степени «замкнулся», по другим такой процесс еще должен пройти значительную дистанцию, прежде чем он придет к своим предельным значениям.

В этой связи заметим, что помимо глобализации у человечества обязательно найдется множество других забот и проблем, о которых оно будет говорить во весь голос, что вполне объясняется «*принципом дисплея*», рассмотренном нами в методологических замечаниях¹.

Важно также подчеркнуть, что «*замыкание*» *мира* по тому или иному параметру и *реальное единство человечества* по этим параметрам — не совсем одно и то же. «*Замкнуться*» — значит распространить влияние на весь земной шар, охватить весь мир в целом независимо от того, достигается ли при этом совпадение различных взглядов, позиций, интересов и т. п., или наоборот, они приходят при этом в еще большие противоречия и столкновения. *Реальное же единство* предполагает действительно *совпадение*, во всяком случае *терпимое сосуществование* всевозможных взглядов и позиций, когда сохраняется баланс интересов и, как следствие, социальная стабильность и устойчивость. Так, в 1948 г., когда мир уже в полной мере оказался *политически «замкнутым»*, К. Ясперс говорил о том, что «политическое единство планеты является только вопросом времени», и был прав, не вступая в противоречие с реальным ходом событий, если принять во внимание сделанное нами уточнение.

Это же обстоятельство может служить дополнительным объяснением того, почему, например, все параметры глобализации (исключая разве что географический фактор) после «замыкания» мира по тем или иным ее аспектам продолжают оставаться в динамике и развитии, продвигаясь от установившейся уже *целостности к реальному* (в данном отношении) *единству человечества*, которого, заметим, в законченном виде пока нет еще ни в одной сфере материального и, раз-

умеется, духовного бытия глобального сообщества. И более того, если *окончательное замыкание мира* практически не вызывает сомнения, и дело здесь только во времени, то *возможность реального единения человечества* (даже по отдельным параметрам) остается под большим вопросом и пока нет достаточных оснований полагать, что это рано или поздно обязательно произойдет.

Итак, подчеркнем особо: глобализация в той или иной сфере не заканчивается после того, как мир по соответствующему параметру «замкнулся», а осуществляется в направлении реального единения человечества в этой сфере. При этом можно предположить, что по мере¹ достижения все более высоких степеней интеграции и единения интенсивность глобализации будет затухать, причем тем больше, чем больше указанное единство будет становиться реальностью.

Отметим также тот факт, что хотя *культура* всегда «опережала» *цивилизацию* — и как явление появилось первым, и терминологически обозначилось намного раньше, и культурологический подход возник раньше цивилизационного, но (если этому будет суждено случиться) мир «замкнется» *цивилизационно* раньше, чем *культурно*, так как приведение к целостности «формы» осуществится проще, чем содержания, которое связано с глубинными традициями, чувствами, эмоциями, не поддающимися регулированию так, как, например, система общественных отношений. Здесь нужно принять во внимание, что если в *географическом* аспекте процесс глобализации уже полностью завершился, так как дело касается территориального, т.е. количественного, измерения, то по другим параметрам, где на первый план выступают качественные характеристики, он вряд ли когда-нибудь будет полностью закончен, прекращен абсолютно, и потому было бы правильнее говорить лишь о степени его завершенности, хотя в некоторых сферах, таких, например, как демография, ситуация уже в обозримой перспективе может оказаться схожей с тем, что произошло в сфере географии, где мир уже окончательно «замкнулся».

Подтверждением тому является изменение темпов прироста мирового населения, которое за всю историю развития человечества, за исключением экстремальных ситуаций в отдельные периоды, обнаруживало тенденцию к неуклонному росту. Причем в последние столетия, и особенно в XX в., этот процесс развивался по экспоненте, вследствие чего и был назван «демографическим взрывом». Однако к началу III тысячелетия данная тенденция впервые замедлилась, что не является случайностью или временным явлением и, как представляется, имеет вполне естественное объяснение.

¹ События последних лет уже наглядно подтверждают этот вывод. Так в России понятия «глобализация», «глобальный», «общечеловеческий» все больше приобретают негативный оттенок и противопоставляются национальному, самобытному, особенному.

Обсуждая проблему устойчивого развития, мы уже говорили о хозяйственной емкости биосферы, которая определяется предельно допустимой нагрузкой на биосферу. По аналогии с этим можно говорить и о *пределах емкости геосферы*, определяя ее как *наличие пригодных для жизни территорий, когда они полностью заселены, но таким образом, что естественная природа в полной мере обеспечивает основные потребности людей, не обнаруживая при этом признаков деградации*. Другими словами, *когда хозяйственная емкость биосферы достигает своих предельных границ, но не превышает их*.

Итак, в соответствии с заданными естественным образом пределами количество людей на планете не может увеличиваться бесконечно и определяется помимо социальных факторов более жесткими объективными законами биологии, что и наблюдается в настоящее время, когда мы говорим об общей тенденции снижения прироста населения на планете. Это означает не что иное, как достижение или, точнее, приближение к предельным значениям емкости геосферы, за которыми, если человечество не предпримет необходимых мер, в действие вступят более сильные естественные законы, регулирующие численность популяции любых живых существ. При этом для таких законов нет принципиальной разницы, идет ли речь о численности тех или иных насекомых, пресмыкающихся, каких-то других видов животных или существ, носящих гордое имя *homo sapiens*.

В конечном счете все это вполне согласуется с объективными закономерностями, на которые еще в конце XVIII в. указал Т. Мальтус, и дело теперь заключается лишь в том, в каких пределах будет колебаться реальная численность проживающих на планете людей. По прогнозам специалистов, она должна была составить 7,2 млрд человек в 2015 г., что, собственно, и произошло; 9 млрд человек в 2050 г. и около 12 млрд человек в 2100 г. И это при том, что емкость геосферы, как полагают ученые, составляет примерно 10 млрд человек.

Другим ярким примером глобальных трансформаций, когда они обнаруживают тенденцию к завершению в силу достижения своих предельных значений, может служить потребление энергетических ресурсов в мировом масштабе. В этой связи обратимся к оценкам и прогнозам, которые дает И. И. Мазур. «В конце XX в. мировое энергопотребление характеризовалось тремя главными особенностями, — пишет он. — Во-первых, значительно сократились темпы роста потребления энергии, а душевое потребление в развитых странах с начала 80-х гг. практически перестало расти, несмотря на общий рост мировой экономики в полтора раза. В силу этого прервалась традиция предшествующих двух столетий, в соответствии с которой среднедушевое потребление удваивалось примерно каждые 50 лет. Во вторых, нарушилась наблюдавшаяся в течение последних ста лет периодичность смены энергоресурсов, когда новый, более качественный ресурс

в течение 30–50 лет активно вытеснял предыдущий, достигая почти двух третей общего производства энергии. Так, биомассу вытеснил уголь, на смену которому пришли нефть и газ, которые, в свою очередь, стали вытесняться атомной энергией. Однако в 80-е гг. процесс этот практически остановился, и его перспективы все еще остаются неясными¹. Таким образом, глобализация в указанном секторе экономики, по всей вероятности, выходит на качественно иной уровень развития, осмысление которого еще впереди, когда новые явления не только вызреют, но и проявятся с достаточной очевидностью.

Выделяя основные этапы осмысления процессов глобализации, следует принять во внимание, что мир «замыкается» экономически, политически, экологически, информационно и т.д. не потому, что люди начинают заниматься осмыслением *социальной сферы, проблемами взаимоотношения общества и природы* или *глобальными проблемами современности*, а наоборот, на соответствующие проблемы обращают внимание тогда, когда мир определенным образом «замыкается» и это становится уже вполне очевидным.

В заключение данного параграфа следует заметить, что и основные параметры, по которым идет глобализация мира, и выделенные этапы осмысления процессов глобализации, как и фундаментальные поворотные пункты в ее развитии, обсуждавшиеся в гл. III, а также два периода становления глобалистики, о чем было сказано в самом начале книги, все еще оказываются вне поля зрения определенной части современных исследователей. Можно предположить, что это происходит прежде всего потому, что почти 10-летний разрыв между третьим и четвертым этапами осмысления глобализации сопровождался ломкой прежних устоев и представлений, которые теперь многими воспринимаются в значительной степени как рудименты прошлого, недостойные серьезного внимания. Выше уже упоминались точки зрения, авторы которых выстраивают свои идеи так, будто глобалистика только начинает свою историю и не имеет никаких наработок. Это нередко ведет к упрощенному пониманию феномена глобализации, которая имеет не только долгую историю становления, но и непростую историю того, как происходило ее осмысление, на чем теперь следовало бы остановиться подробнее.

§ 2. Осознание всеобщих связей (первый этап осмысления глобализации)

Впервые попытки осмыслить нарождающиеся мировые тенденции и вызванные ими принципиально новые, общечеловеческие, про-

¹ Мазур И. И. Энергия будущего // Нефть, газ, строительство. 2004. № 12. С. 32. См. также: Алферов Ж., Велхов Е. Энергия без границ // Россия в глобальной политике. 2003. № 1; Нефть и газ. Мировая история / гл. ред. и сост. И. Мазур, А. Лобов. М., 2004.

блемы стали обнаруживаться со второй половины XVIII в. и носили характер скорее предчувствия, чем ясного понимания сути данного явления. Здесь имеют место интуитивные догадки о всеобщей взаимозависимости неживого, живого и социального, появляется ощущение целостности мира и возникают формулировки, в которых, хотя и в неявной форме, уже просматривается указание на глобализацию. С тех пор эти явления и тенденции неизменно нарастали, составив к 20-м гг. XX в. целый пласт идей, теорий и разработок, которые с полным основанием можно выделить в особый этап осмысления процессов глобализации, имеющий ряд специфических особенностей.

Во-первых, так как это была эпоха становления капиталистических отношений, сопровождавшаяся значительными социальными потрясениями, то в соответствии с рассмотренными в методологических замечаниях «принципом дисплея» и «эффектом позднего восприятия», первые догадки о глобальных трансформациях затронули не сферу географии, как можно было бы предположить в свете свершившихся Великих географических открытий, а область общественной жизни и социально-экономических преобразований.

Во-вторых, хотя в это время еще нет непосредственных указаний на то, что мир становится взаимозависимым, целостным, а человечество — единым сообществом, оказывающим заметное влияние на природные процессы, тем не менее уже просматривается понимание того, что человечество столкнулось с проблемами принципиально иного характера, не похожими на те, что были прежде. В этой связи можно указать на идеи Т. Мальтуса о естественном регулировании численности населения, рассуждения И. Канта о вечном мире, размышления Ж. Б. Ламарка об эволюции биосистем и роли в них человека.

Помимо указания на конкретные проблемы и отдельные тенденции, выходящие за рамки национальных границ, в этот период обнаруживаются также и первые попытки целостно представить всю мировую историю в виде закономерно и поступательно развивающегося процесса, что нашло отражение во взглядах И. Канта на всеобщую историю и ее развитие «во всемирно-гражданском плане», а также в полной мере было представлено в историко-материалистических построениях К. Маркса и Ф. Энгельса. К этому же этапу относятся и первые попытки интерпретировать историю в качестве больших социокультурных фрагментов, составляющих единый, целостный контекст мирового сообщества. В этой связи заслуживают упоминания прежде всего теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и культурологические построения О. Шпенглера, которые в соответствующем контексте уже рассматривались нами в предыдущей главе.

Наконец, еще одной особенностью данного этапа является его значительная длительность по сравнению с последующими, что вполне объясняется «эффектом позднего восприятия», реализация которого

происходила в условиях, когда глобализация, за исключением географического, а позже экономического и политического параметров, во всех остальных отношениях или никак не проявлялась, или была выражена еще достаточно слабо.

Итак, появление первого этапа осознания процессов глобализации было инициировано, с одной стороны, фактически закончившимся в этот период процессом открытия все новых и новых земель, повлекшим окончательную перестройку представления людей о мире, в котором они живут. Другими словами, после первого кругосветного путешествия для них стали очевидными естественные пределы Земли и произошло, если можно так выразиться, их «мировоззренческое переселение» с *плоской* Земли на *шарообразную*. А с другой стороны, на размышления о глобализации, точнее, на осмысление ее отдельных аспектов и фрагментов (пока в косвенной форме), наталкивали также разраставшиеся экономические и торговые связи, подпитывавшие буржуазные преобразования в Европе и способствовавшие их распространению если не в чистом виде, то опосредованно на другие регионы и континенты. Эти новые тенденции в сфере экономики и политики объективно стали фактором, объединяющим людей, в том числе и тех, которые прежде даже не знали о существовании друг друга.

Как уже подчеркивалось, именно в это время мир стал целостной системой сначала *географически*, затем в основных чертах *экономически*, и, наконец, с началом Первой мировой войны, по существу, и *политически*. Тем самым отдельные страны и народы, пребывавшие доселе в качестве самодостаточных ойкумен, фрагментарно располагавшихся в основном на наиболее пригодных для жизни территориях, совершили *прорыв* в принципиально новые для них сферы бытия, точнее, в сферы, которые до этого были открыты им лишь в ограниченных региональными или национальными рамками масштабах. Теперь же все вместе впервые в истории они реально стали *единым человечеством*, у которого обнаружилось общее поле торгово-экономических интересов, политических проблем, научно-технических достижений. Данный *прорыв* открыл принципиально новые, не существовавшие прежде возможности как для действий, так и для видения, осмысления новой ситуации, что можно было бы пояснить на следующем примере.

Если придерживаться естественно-научных взглядов на происхождение жизни на Земле и принять гипотезу зарождения ее в океане, то, не вникая в тонкости эволюции и подробности прохождения различных ее этапов, можно утверждать, что как только в этой среде появился первый живой организм, в нем потенциально уже было заложено все видовое многообразие различных живых существ, способных жить в воде (от простейших медуз и рачков до акул, дельфинов и китов). Попросту говоря, первому живому организму открылись бесконечные возможности для совершенствования в пределах естественной среды

его обитания, и дело было только за эволюцией, которая не заставила себя ждать, превратив океан в место обитания постоянно множущихся видов водных животных.

При этом появление каждого нового вида было как бы предзадано разворачивающейся в условиях океана эволюцией, и в этом отношении можно говорить лишь о постоянном совершенствовании уже существовавших форм жизни, в результате чего предела увеличения разнообразия для водной среды в принципе не существовало, как, впрочем, не существует и теперь. Однако следует подчеркнуть, что здесь в принципе не могли появиться пресмыкающиеся, летающие, бегающие или прямоходящие существа. Для этого требовался *прорыв* в принципиально новую область жизни, совершенно иную среду обитания, в данном случае на сушу и в *атмосферу*, где потенциально содержались абсолютно иные возможности для дальнейшей эволюции живых существ.

Таким образом, когда кистеперая рыба совершила такой прорыв, выйдя на сушу, она так же, как и первый живой организм, зародившийся в воде, получила бесконечное множество возможностей для самореализации в процессе эволюции в новых условиях. Уже в той кистеперой рыбе, впервые вышедшей на сушу, потенциально были «заложены» все наземные живые существа от простейших до человека, и дело опять было только за эволюцией, но уже в принципиально новых условиях. Заметим, что данный прорыв имел колоссальное значение для жизни на Земле в целом, так как благодаря ему она сделала гигантский скачек в своей эволюции, обретя не только новую область распространения, но и принципиально новые возможности для качественного совершенствования.

Приведенный пример в определенной мере аналогичен тому, как происходили прорывы в осознании глобальных процессов, хотя, быть может, правильнее было бы сказать, что такие прорывы складывались из серии отдельных открытий, неординарных идей и новаторских теорий. В добавление к тому, о чем в этой связи уже было сказано в предыдущих разделах, отметим наиболее важные из таких идей, которые обеспечили первый из серии подобных прорывов и в то же время сами стали определенным итогом его свершения.

Если оценивать не только оригинальность и теоретическую обоснованность, но и последующий резонанс, а также практическую значимость высказанных идей, то первым в ряду тех, кто внес заметный вклад в появление глобалистики, с полным основанием можно назвать английского экономиста, священника Т. Мальтуса (1766–1834), взгляды которого на проблемы народонаселения получили широкую известность уже при жизни автора и в значительной степени предвосхитили современные демографические проблемы, вызванные неконтролируемым ростом населения. Для Т. Мальтуса характерна

широта взглядов в различных областях научного знания, но особую известность получили его исследования проблем народонаселения, ренты, прибыли, влияния реформаций и революций на нравы, мораль и религию, а также его разработки терминологии и нормативов политической экономии. Его идеи в значительной степени предопределили появление таких научных дисциплин, как география человека, этнология, популяционная статистика, демография, социология.

В 1798 г. Т. Мальтус анонимно публикует трактат с длинным, но вполне обычным для того времени названием «Опыт о законе народонаселения и его воздействие на будущее процветание общества. С замечаниями о теориях мистера Годвина, Кондорсе и других писателей», в котором он поставил проблему бедности, перенаселения и пауперизма, полагая, что общественные отношения не могут строиться на принципах гармонии и справедливости. Этому препятствует «вечный закон природы», полагает он, заключающийся в том, что численность населения растет в *геометрической прогрессии* и всегда будет опережать рост средств к существованию, которые увеличиваются в *арифметической прогрессии*. Возможности производства продовольствия ограничены по причине «закона убывающего плодородия почвы», считает Т. Мальтус и не одобряет сострадание к бедным, ведущее, по его мнению, к обострению проблемы перенаселения. «Главная и непрерывная причина бедности, — отмечал он, — мало или вовсе не зависит от образа правления или неравноправного распределения имущества: богатые не в силах доставить бедным работу и пропитание, поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них работы и пропитания»¹. Используя образный язык, он так обосновывал эту идею: «Человек, появившийся на свет, уже занятый другими людьми... совершенно лишний на этом свете. На великом пиршестве природы для него нет прибора. Природа приказывает ему удалиться, и, если он не может прибегнуть к состраданию кого-либо из пирующих, она сама принимает меры к тому, чтобы ее приказание было приведено в исполнение. Если же пирующие стесняют себя и уступят ему место за столом, тотчас же появятся новые непрощенные гости и потребуют для себя той же милости, ибо весть о том, что за столом хватает яств для вновь пришедших, сразу же распространится повсюду»².

Выводы Т. Мальтуса вовсе не были очевидны, как минимум, до начала регулярных переписей народонаселения в XIX в., и потому его утверждения о том, что *голод, эпидемии и войны* — это естественные регуляторы «перепроизводства» людей, породили не только восторженных сторонников, но и активных противников его идей. Т. Мальтуса

¹ Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения и его воздействие на будущее процветание общества. СПб., 1868. Т. 2. С. 341.

² Там же. С. 341.

высоко ценили Дж. С. Милль, Ч. Дарвин, А. Уоллес, Дж. М. Кейнс и др. В марксистской литературе его идеи были оценены как человеконенавистнические, антинаучные и реакционные, а самого Мальтуса окрестили эпигоном, «попом» и «продажным служителем реакционной буржуазии». Наиболее ярко эта позиция выражена В. И. Лениным в его работе «Рабочий класс и неомальтузианство», где он писал: «Мы безусловные враги неомальтузианства. Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества»¹. Не менее критически оценивали идеи Т. Мальтуса и основатели марксизма, полагая, что его взгляды являются «самым откровенным провозглашением войны буржуазии против пролетариата»². Сам Т. Мальтус, хотя и был последователен в своих воззрениях, тем не менее со временем уточнял и корректировал их. Так, вернувшись из поездки в Европу в 1803 г., он публикует уже под собственным именем дополненный историческими экскурсами и обширными статистическими данными новый вариант книги, которая уже значительно отличалась от первой и большим объемом, и смягченными формулировками, например в вопросах права на жизнь для обездоленных.

Успехи научно-технической революции, зримо обнаружившиеся с 1930—40-х гг., а также Вторая мировая и «холодная» войны на время ослабили интерес к Т. Мальтусу и его идеям. О нем опять вспомнили и заговорили с новой силой после того, как в 1972 г. был опубликован первый доклад Римскому клубу «Пределы роста», основные выводы которого, по существу, сводились к тому же, о чем еще на полтора столетия раньше говорил Т. Мальтус, а именно — «порядок и гармония пиршества будут вскоре нарушены, и счастье пирующих омрачится зрелищем появившейся всюду нищеты», и если человечество хочет избежать глобальной катастрофы, оно с необходимостью должно изменить тенденции своего развития.

Несомненный вклад на заре осмысления если не процессов глобализации, то уж во всяком случае важнейших ее составляющих внес также знаменитый немецкий философ И. Кант (1724—1804), у которого на эту тему можно выделить, как минимум три работы: «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784); «Предполагаемое начало человеческой истории» (1786); «К вечному миру» (1796). Он не претендовал на то, чтобы обнаружить законы истории человечества, как не предлагал и создать некое мировое государство, но своими идеями о всеобщей истории во всемирно-гражданском плане фактически расчистил путь для последующих широких историософских обобще-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 23. С. 257.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 2. С. 504.

ний. И. Кант понимает историю не как рассказ о действиях и событиях из жизни одного человека или многих людей, а как историю человека вообще, который выступает представителем всего человеческого рода и является единственным субъектом истории. Он отмечает, что люди в своих устремлениях, хотя и действуют как разумные существа, но отсутствие согласованного плана их действий наводит на мысль, что у них не может быть никакой планомерной истории, и в этой связи подчеркивает: «Нельзя отделаться от некоторой досады, когда наблюдаешь их действия и поступки на великой мировой сцене и при этом находишь, что, несмотря на всю кажущуюся мудрость в частностях, все целое в конечном счете соткано из глупости, детского тщеславия, а часто и из детской злобы и страсти к разрушению, и при этом в итоге не знаешь, какое понятие следует составить себе о нашем роде, столь кичащимся своими преимуществами. Для философа здесь не может быть никаких иных ориентиров, кроме следующих: так как он не может предполагать у людей с их игрой в величие никакого *собственного* разумного замысла, он мог бы попытаться открыть в этом [кажущемся] бессмысленном чередовании человеческих дел некий *замысел* [самой] *природы*, сообразно с которым у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы. Посмотрим, — говорит он во вступительной части работы “Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане”, — удастся ли нам найти путеводную нить для такой истории, и предоставим затем природе произвести человека, который был бы в состоянии ее сочинить. Ведь породила же она *Кеплера*, неожиданным образом подчинившего эксцентрические орбиты планет определенным законам, а также *Ньютона*, объяснившего эти законы всеобщей естественной причиной»¹, — заключает И. Кант и принимается за разработку философских идей мировой истории, которая приобретает у него «всемирно-гражданскую», «космополитическую» направленность. При этом он дает философское обоснование свободы человека, его неотъемлемых прав, вытекающих из природного и социального начала человеческой сущности, а также развивает идеи правового государства и гражданского общества, учение о нравственном долге и общечеловеческих ценностях, о договорных принципах человеческого общения и, наконец, о «вечном мире», чему посвящает специальное исследование.

Трактат «К вечному миру» был написан под впечатлением от окончания войны между монархическими странами Европы и Французской республикой и подписанием в этой связи мирного договора между Францией и Пруссией в Базеле в 1795 г. В этой работе, которая по сути своей космополитична и является фактически обращением ко всему

¹ Кант И. Соч.: в 4 т. М.: АО «Ками», 1993. Т. 1. С. 83.

человечеству, И. Кант размышляет о могучей и просвещенной нации, которая смогла бы в качестве лидера создать мирный союз народов, способный раз и навсегда положить конец всем войнам. Придав сочинению форму примерного международного договора о всеобщем примирении, он предпринял, по существу, масштабную попытку сформулировать принципы и основы международного права, которые могли бы содействовать созданию единого человеческого сообщества, и призывал в этой связи трактовать войну и национальную безопасность государства, основанную на постоянной готовности к войне, как исторически отжившие формы международных отношений.

Подчеркивая всеобщую взаимозависимость различных народов, которая к этому времени стала для него очевидной, он писал: «Тесное общение между народами земли развилось повсюду настолько, что нарушение права в *одном* месте чувствуется во *всех других*, идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписаного кодекса государственного и международного права к публичному праву человека вообще и потому к вечному миру. И только при этом условии можно льстить себе надеждой, что мы постепенно приближаемся к нему¹». Таким образом, И. Кант реалистично смотрел на вещи и не обманывался на тот счет, что вечный мир может быть установлен в ближайшее время. Вместе с тем он представляет его как высший идеал межгосударственных отношений, который в принципе достижим в отдаленной перспективе, так как полагает, что имеет место постоянный прогресс государственного устройства, а ход истории ведет к развитию моральных способностей человека, в результате чего развитие разума, пусть и не скоро, но приведет к гражданскому обществу, основанному на праве и морали.

Сказанное не только дает основание оценивать идеи И. Канта и его работу «К вечному миру» как образец высокой нравственности и верного права в международных отношениях, когда мир вступил в эпоху глобализации, но и позволяет рассматривать их в качестве фундаментальных принципов современной глобалистики, не потерявших своей теоретической ценности, а также актуальности и в настоящее время.

В контексте нашего разговора специального упоминания заслуживает еще один мыслитель того времени — французский натуралист Ж. Б. Ламарк (1744–1829), который был одним из пионеров естественнонаучного подхода к пониманию биологических процессов и систем. Отвергая распространенные тогда теологические взгляды и панпсихизм, он стремился дать биологическим явлениям историческое объяснение на основе представления о взаимодействии организма и среды, предложив в итоге первое целостное учение об эволюции органиче-

¹ Кант И. Указ. соч. С. 83.

ского мира. Тем самым он стал одним из главных предшественников Ч. Дарвина, предвосхитив ряд положений, положенных в основу доказательства его теории эволюции. Особое же значение в качестве первой догадки наступления в будущем экологических проблем имеет его последняя философская работа «Аналитическая система положительных знаний», написанная в 1820 г., где он дал верный прогноз о разрушении людьми своей среды обитания.

Что касается Ч. Дарвина, то его заслуги в становлении глобалистики, во всяком случае в той части, которая касается биологии и эволюции живых систем, также существенны. Развивая теорию эволюции на основе статистического подхода, он придавал большое значение взаимодействию организмов с окружающей средой и вслед за Ж. Б. Ламарком и А. Гумбольдтом подчеркивал глобальное и космическое значение жизни.

Следующим по времени, но фактически первым по значимости в осмыслении начальных этапов глобализации является, вне всякого сомнения, К. Маркс (1818–1883), который был, по существу, первым ученым, теоретиком, систематиком, попытавшимся осмыслить исторический процесс в его единстве и целостности через призму изменений экономического состояния общества. Его учение об общественно-экономических формациях, которое уже было предметом специального рассмотрения в § 2 гл. IV, есть не что иное, как первая в истории человечества попытка начертать общий для всех народов путь общественного развития от первобытных доисторических форм до образования единого, целостного, общепланетарного социума, что соответствовало, по определению К. Маркса, коммунистическому обществу. Призыв к объединению пролетариата был первым импульсом к объединению пусть части человечества, но во всемирном масштабе, что по тем временам выглядело не только неординарно, но и революционно, а созданный по инициативе К. Маркса и Ф. Энгельса в 1864 г. «Первый Интернационал» отразил назревшую потребность в консолидации на глобальном уровне различных политических и профессиональных сил, став по сути одним из первых провозвестников множества международных организаций, которые во все большем количестве стали возникать с начала XX в. Теперь такие организации являются неотъемлемой частью жизни мирового сообщества, а число их многократно умножилось.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса было уже вполне очевидным не только то, что экономические отношения стали глобальными, но и то, что всемирный характер приобретают межнациональные связи и даже сфера духовной культуры. И хотя непосредственно термин «глобальные отношения» они не употребляли, по существу, речь шла именно об этом. Так, акцентируя особое внимание на всемирном характере капиталистических отношений, они еще в 1848 г. в «Манифесте

Коммунистической партии» писали: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим... На смену старой местной и национальной замкнутости и существенно за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся всеобщим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»¹. Однако пройдет еще более 100 лет, прежде чем эта мысль, раскрывающая основную суть глобализации, станет очевидной уже и для широкого общественного сознания.

Предчувствие наступления глобальных перемен обнаруживается и в работах крупнейшего философа XIX в. Ф. Ницше, который еще в 1886 г., критикуя Европу за ее раздробленность, за «затяжную комедию ее маленьких государств», а также «династическое и демократическое многоволие», в работе «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» писал: «Время мелкой политики прошло: уже грядущее столетие несет с собою борьбу за господство над всем земным шаром, — *понуждение к великой политике*»². Заметим, это было время, когда еще даже *экономическая* глобализация, шедшая во след за географической, не развернулась в полной мере, а до Первой мировой войны, реально обнаружившей глобализацию *политическую*, оставалось еще почти три десятилетия.

На первом этапе осмысления процессов глобализации, несомненно, важную роль в понимании целостности мира сыграли учение о культурно-исторических типах Н. Я. Данилевского и культурологические идеи О. Шпенглера, о чем уже был специальный разговор в гл. IV, где содержится необходимая аргументация в подтверждение данной точки зрения. Говоря о фундаментальной глобализации, мы также упоминали работу В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», где значительное внимание было уделено становлению мировых хозяйственных связей и обострению международных противоречий, приведших к Первой мировой войне.

В российской научной и философской мысли помимо уже упомянутых высказывались и другие идеи, свидетельствующие о понимании нашими соотечественниками определенных аспектов глобализационных процессов. Так, в работах В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского, Д. И. Менделеева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрн и др. можно найти немало мыслей, касающихся проблем мирового исто-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. 2-е изд. М., 1956. С. 427–428.

² Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 332.

рического развития, серьезной озабоченности за судьбу человечества и устранения из жизни людей войны как всеобщего зла.

В частности, В. С. Соловьев, которого в преддверии мировых потрясений не покидало чувство культурной катастрофы, сравнивал современное человечество с «больным стариком», в то время как всемирная история, по его мнению, «внутренне *кончилась*»¹. Вместе с тем он проявляет интерес к человечеству как к единому целому, развивая метафизику всеединства жизни, и рассматривает историю человечества как возвышение и расширение сферы нравственности. В этой связи он выделяет три главные ступени этого исторического процесса. Первая ступень — родовая, принадлежащая прошедшему, где круг нравственных обязанностей для каждого человека ограничивается своим родом или племенем. Вторая — национально-государственная, господствующая в настоящем, где этот круг ограничивается своим национальным государством. И лишь на третьей ступени наступает всемирное общение как идеал будущего, где человек, достигая ясного осознания своей принадлежности всему человеческому роду, должен будет установить совершенный нравственный порядок в обществе, знаменуя тем самым становление человечества как единого целого.

Наряду с таким пониманием исторического процесса В. С. Соловьев пытается обнаружить в нем фундаментальные основания, на которых покоится человеческое бытие. Будучи религиозным философом, он по вполне понятным причинам усматривает такие основания в религии, предвосхитив в определенной мере жаркие споры, которые в конце XX в. разгорятся по поводу хантингтоновских идей о столкновении цивилизаций. Так, в небольшой статье «Три силы», составленной на основе речи, произнесенной им в 1877 г., т.е. на 100 лет раньше, чем глобальный мир стали делить по разным основаниям, в том числе по религиозному признаку, В. С. Соловьев написал буквально следующее: «Оставляя в стороне древние времена и ограничиваясь современным человечеством, мы видим совместное существование трех исторических миров, трех культур, резко между собою различающихся, — я разумею мусульманский Восток, Западную цивилизацию и мир Славянский: все, что находится вне их, не имеет общего мирового значения, не оказывает прямого влияния на историю человечества»². Рассматривая затем каждую из этих сил в отдельности, он приходит к выводу, что «внутренней целостности и жизни» нет ни у ислама, ни у западной цивилизации, а следовательно, «не могут они ее дать и человечеству». Но поскольку человечество понимается им как живое тело, а история, подчеркивает он, «не есть механическое движение», необходимо присутствие третьей силы, которая «дает по-

¹ Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 33.

² Там же. С. 20.

ложительное содержание двум первым»¹, примиря и уравнивая их; в качестве этой третьей силы он видит славянский мир и православие. Здесь для нас важны не славянофильские настроения философа, а его вселенский масштаб мышления, который для второй половины XIX в. был явлением далеко не ординарным.

С точки зрения обсуждаемого нами вопроса несомненный интерес представляют и написанные в 1905 г. «Заветные мысли» Д. И. Менделеева, где он, рассуждая о желательных путях развития России в геополитической, экономической и научной областях, подчеркивает, что с тех пор как мир стал целостным, а человечество взаимозависимым, лучшим средством предотвращения военных конфликтов и столкновений являются мирные соглашения и создание всевозможных межгосударственных союзов. «Великое значение союзов, — писал он в этой связи, — могло начаться и началось действительно с того времени, как мир обойден и вместо appetитов завоевательного свойства явилось сознание опасности личной целостности и нарушения войнами драгоценнейших приобретений, происходящих от взаимных сношений народов всего мира. Союзы современные, всегда сопряженные с уступками и сознательным отказом от излишней гордыни, составляют незаменимый проводник прогресса и приближения к признанию равенства государств, без которого все прочие порывы к идеалам свободы, равенства и братства чрезвычайно легко стушевываются перед общими, социальными и общечеловеческими»².

Можно было бы обратиться также и к творчеству других отечественных и зарубежных мыслителей, чтобы на конкретных примерах показать, что ощущение наступающей глобализации уже к началу XX в. овладевало все более широкими слоями творчески мыслящих людей, однако и сказанного вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что для ясного осознания этих процессов, тем более для четкой их формулировки, время тогда еще не пришло.

К решению этой задачи вплотную приблизились, когда в дополнение к закончившейся *географической* глобализации мир по существу сформировался в целостную систему *экономически* и *политически*, а также стал обнаруживать *экологическую взаимозависимость* различных народов и их тесную связь с окружающей средой, что и породило следующий, второй этап осознания того, что мир становится глобальным.

§ 3. Осознание целостности мира (второй этап осмысления глобализации)

Второй этап осмысления глобальных тенденций приходится на 20–60-е гг. XX столетия. Здесь отдельные ученые приходят к пони-

¹ Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 20.

² Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 372.

манию целостности мира, формулируются четкие указания на неразрывную связь биологического, социального и духовного в масштабах всей планеты.

На первых порах этот этап был связан прежде всего с осмыслением причин и итогов Первой мировой войны, за которой последовала революция в России, во многом предопределившая ход исторических событий в XX в., а также с поворотом теоретической мысли к проявлявшимся все в большей степени проблемам взаимоотношения общества и природы, т. е. к осознанию *экологической* глобализации. После Второй мировой войны интересы переместились в сторону осмысления случившейся мировой трагедии, складывавшейся тогда новой реальности и опасности угрозы ядерной войны — все это явно обнаружило шедшую уже полным ходом глобализацию *политическую*. В то время большую роль в осознании глобальных изменений, когда они в общих чертах уже стали понятными отдельным ученым, но еще не были столь очевидными для широкого общественного сознания, сыграли работы А. Тойнби, Н. А. Бердяева, Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, К. Э. Циолковского, К. Ясперса, Б. Рассела, И. А. Ильина и др., которые были озабочены принципиально новыми тенденциями, нарушающими естественное равновесие природных и общественных систем, а также политической нестабильностью и пытались дать им объяснение, опираясь на доступные в то время знания и возможности науки.

Своими рассуждениями о биосфере, ноосфере, взаимосвязи земного и космического, всемирной истории, «мировом правительстве», космополитизме, всеобщем мире, едином всемирном государстве, глобальном единении и т. п. они подготовили философское, научное и широкое общественное сознание к пониманию того, что современный мир вступил в эпоху всеобщей взаимозависимости, когда деятельность или решения одних стран и народов с необходимостью стали затрагивать интересы других, и более того, человечеству как единому целому, неразрывно связанному с естественными условиями его существования — биосферой, географической средой, космосом, — уготована общая судьба и общая ответственность за происходящие на планете изменения биосферы, генофонда, экологии, климата и т. д.

Самым мощным импульсом к глубоким размышлениям о новом мироустройстве и обеспечении стабильного мира между народами послужила по вполне понятным причинам Первая мировая война, которая сконцентрировала внимание многих мыслителей того времени на осмыслении не только основ человеческого бытия и его трансформации в новых условиях, но и сущности самого человека. Это, в свою очередь, обнаруживало принципиально новую проблему — необходимость духовного перерождения человечества и нравственного осуждения истребления людей. Одним из тех, кто глубоко прочувствовал

данную проблематику и основательно погрузился в ее теоретическое осмысление, был замечательный русский философ Н. А. Бердяев, который, пережив Первую мировую войну и революционные потрясения 1917 г., воспринимал их как события, до предела обострившие вопрос о «мировом устройстве земного шара» и сделавшие необходимым распространение «культуры на всю поверхность земли». Оценивая динамику и перспективы происходивших тогда событий, он в 1918 г. в работе «Судьба России» с уже достаточно ясным пониманием сущности политической и культурной глобализации писал: «Нынешняя мировая война, которая все разрастается и грозит захватить все страны и народы, кажется глубоко противоположной этой старой мечте о мировом соединении, об едином всемирном государстве. Такая страшная война, казалось бы, разрушает единство человечества. Но это так лишь на поверхностный взгляд. С более углубленной точки зрения мировая война до последней степени обостряет вопрос о мировом устройстве земного шара, о распространении культуры на всю поверхность земли. Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже космический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения»¹.

Отмечая, что мечта о «всемирном соединении» и «всемирном владычестве» всегда была извечной мечтой человечества, Н. А. Бердяев еще тогда, когда многие аспекты глобализации только предугадывались, одним из первых усмотрел в мировых тенденциях того времени новый поворот в судьбе глобального сообщества людей и высказал догадки даже о космическом периоде глобализации, что в конечном счете оказалось весьма точным прогнозом и намного опередило свое время.

Среди проблем, на которые обратили внимание задолго до того, как они стали вполне осязаемой реальностью, несомненно, выделяются проблемы экологии, или в более общем плане — взаимодействия природы и общества. При этом универсальный характер такого взаимодействия, пожалуй, впервые обнаруживается в философской идее ноосферы, с которой в конце 1920-х гг. выступил Э. Леруа и которую затем в разных аспектах развивали П. Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский, о чем уже был специальный разговор в соответствующем параграфе гл. IV. Теперь же подчеркнем, что П. Тейяр де Шарден, пытаясь обосновать уникальность человека в качестве составной части биосферы с позиции господствовавших тогда «технооптимистских» настроений, поднимал проблему «пределов роста», которая лишь полвека спустя, после появления знаменитого первого доклада Римскому клубу, привлечет всеобщее внимание и станет предметом всестороннего и осно-

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С 117.

вательного обсуждения в среде самых разных специалистов. А тогда в отсутствие достаточных эмпирических данных и соответствующего фактического материала, французский философ скорее интуитивно, чем путем обобщения и логических выводов пришел к заключению о неимоверном возрастании роли науки и основывающейся на ней преобразующей силе человека. «С нашими открытиями и с нашими методами исследования в универсуме появилось что-то громадное, — писал он. — Что-то такое, я в этом убежден, что теперь уже не остановится... В один прекрасный день человечество признает, что его первая функция — это проникать, интеллектуально объединять, улавливать, чтобы еще больше понять и покорить окружающие его силы, и тогда для него минует опасность столкнуться с внешним пределом своего развития»¹. И хотя данная мысль, особенно в последней ее части, теперь представляется весьма спорной и даже ошибочной, сама постановка такой проблемы задолго до ее реальной актуализации в свете нашего разговора заслуживает особого внимания.

Еще более значительный вклад в осмысление процессов взаимодействия общества и природы внес В. И. Вернадский, который уже в 1930-е гг. сделал принципиальный вывод о видоизменении облика Земли вследствие современных масштабов преобразовательной деятельности человека и предупреждал, что если общество не будет развиваться на разумных началах, согласуясь с естественными законами природы, то гибель всего живого на Земле неизбежна. «Человек впервые реально понял, — писал он в работе «Научная мысль как планетарное явление», — что он житель *планеты* и может — должен — мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в *планетарном аспекте*»². Мы видим здесь одно из первых указаний на то, что позже получит название «общего дома» для всех людей, «островка жизни» во Вселенной, «глобальной деревни», «глобального человеюника» и т.п. При этом, отмечал В. И. Вернадский, человек может и должен предвидеть негативные последствия своей деятельности, о чем говорят и его пророческие предупреждения, первые из которых он сделал еще до появления учения о биосфере и ноосфере. Так, оценивая «задачи дня в области радия», он в 1910 г., когда перспективы использования радиоактивных материалов были еще далеко не очевидны, высказал предположение, что радиоактивность изменит представление человека об окружающем мире, а в 1922 г., задолго до практического использования ядерной энергии, высказал еще более проницательную мысль: «Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему

¹ *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987. С. 219–220.

² *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 35.

возможность строить свою жизнь, как он захочет... Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?»¹ — писал он с явной тревогой, причем вполне обоснованной, что в полной мере подтвердилось, когда много лет спустя случились Хиросима и Нагасаки, а затем началась гонка ядерных вооружений, реально поставившая человечество на грань самоуничтожения. Большое значение для становления глобалистики имели и мысли В. И. Вернадского о «геологической вечности жизни», а также предположения о том, что со временем человечество осознает себя как единое целое. Он же первым ввел в естествознание понятие «биоценоз планеты», имея в виду совокупность всех экологических систем, и оказал значительное влияние на становление экологии как специальной научной дисциплины, особенно после того, как в 1926 г. вышел его труд «Биосфера» и многие ученые стали широко использовать высказанные в нем идеи.

В. И. Вернадский считается одним из представителей «русского космизма», в котором глобализация и ее составляющие тесно связаны с проблемами освоения человеком космоса. Ряд мыслителей-космистов (К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и др.) также внесли существенный вклад в глобалистику, предугадав некоторые глобальные проблемы задолго до того, как они обострились и стали предметом широкого обсуждения. Так, К. Э. Циолковский обращал внимание на возможность исчерпания ресурсов Земли, необходимых для «безграничного прогресса» и достижения «всеобщего счастья», и развивал идеи решения этой проблемы за счет космической экспансии человечества. А. Л. Чижевский, защитивший в 1918 г. диссертацию по всеобщей истории, поставил в центр своего исследования влияние периодически усиливающейся активности Солнца на поведение организованных человеческих масс и течение всемирно-исторического процесса. Таким образом, в науке впервые появились представления о глобальной связи всего живого на Земле с физическими факторами космического происхождения. Эта связь, как полагал А. Л. Чижевский, регулируется законом количественной компенсации в функциях биосферы, согласно которому в наполненной жизнью верхней оболочке Земли происходит пространственно-временное распределение периодических подъемов и падений стихийных массовых событий, обусловленных колебаниями солнечной активности. С тех пор эти идеи получили определенное развитие и теперь имеют своих сторонников в современной глобалистике.

Говоря о втором этапе осмысления глобализации, следует сказать об особой роли известного английского историка А. Тойнби, автора

¹ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 3, 4.

12-томного труда «Постижение истории», который выходил в свет отдельными томами с 1934 по 1961 г. и породил целое направление в исторической науке — цивилизациологию, близко примыкающую к глобалистике, а по многим параметрам и пересекающуюся с ней. Отчасти об этом уже говорилось, когда в гл. IV мы рассматривали цивилизационный подход к пониманию исторического процесса. Теперь лишь добавим, что после того, как А. Тойнби сделал термин «цивилизация» центральным в своих теоретических построениях, последний приобрел невиданную прежде популярность и наряду с понятием «культура» стал важнейшим также и в современной глобалистике.

Отвергая тезис о «единстве цивилизации», как и концепцию о «единстве истории» на базе западного общества, А. Тойнби тем не менее в попытках объяснить на процессы распада и разрушения социальных структур, вызванные Второй мировой войной (свидетелем чего он являлся), писал: «...В наш век главным в сознании обществ является осмысление себя как части более широкого универсума, тогда как особенностью общественного сознания прошлого века было притязание считать себя, свое общество замкнутым универсумом»¹. Подчеркивая это принципиальное с точки зрения глобализации сознание различие между XIX и XX вв., А. Тойнби тем самым одним из первых указал на начало процесса формирования планетарного сознания, которое только и может составить основу согласованных решений в преодолении общечеловеческих проблем — при условии, что таким сознанием будет обладать если не все человечество, то по крайней мере большая его часть.

Теперь, в начале III тысячелетия, когда процессы глобализации уже по многим параметрам получили значительное развитие, а потребность в согласованных действиях многократно возросла, проблема глобального сознания становится еще более актуальной. Таким образом, можно сказать, что с тех пор, как ученые и философы, среди которых А. Тойнби, несомненно, занимает достойное место, стали активно анализировать кардинальные перемены, затронувшие не только основы общественного устройства, но и главные тенденции мировых социальных процессов, а также общественное сознание, проблема единой судьбы человечества и сохранения жизни на Земле стала наряду с извечными философскими проблемами бытия, познания, смысла жизни и т.п. новой, никогда ранее не существовавшей темой науки и философии.

Еще более сильным импульсом к осознанию реальности процессов глобализации стало окончание Второй мировой войны, которое сопровождалось переосмыслением ценностных ориентиров, социально-политических институтов, новой международной ситуации, стремлением не допустить повторения пережитых ужасов войны и желанием выстроить, наконец, эффективную систему международной

безопасности. При этом немалое внимание было уделено выявлению сути тоталитаризма, всегда претендующего на универсальность, а в условиях глобального мира с необходимостью стремящегося к мировому господству.

В этой связи такие известные философы XX в., как Х. Ортега-и-Гассет, К. Поппер, Х. Арендт и др., исследовали вопрос о соотношении в новых условиях государства и общества, произвели глубокий анализ порожденных глобализацией феномена «массы», явлений «массового общества», «человека толпы» и т.п. Так, Х. Ортега-и-Гассет еще в 1930-е гг. в одной из лучших своих работ «Восстание масс» раскрыл природу «массового человека», который является порождением научно-технического прогресса и все большей специализации, в результате чего технический специалист теряет способность к интерпретации бытия как целого, а себя как личности. Это, по мнению философа, ведет к тому, что такие люди начинают жить для «государственной машины», а общество оказывается под властью государства, откуда один шаг до милитаризации и тоталитаризма.

Еще более фундаментальное исследование истоков социального насилия предпринял К. Поппер в своем обширном труде «Открытое общество и его враги», в предисловии к одному из многочисленных переизданий которого он сам сформулировал главную задачу своей многолетней работы: «Опубликована она была в 1945 году, когда война в Европе уже окончилась, но работу над ней я считал своим вкладом в победу. Она была направлена против нацизма и коммунизма, против Гитлера и Сталина, которых пакт 1939 года сделал на время союзниками... В этой книге я решил проследить историю, приведшую к возникновению гитлеризма, и обратился к учению великого философа Платона — первого политического идеолога, мыслившего в терминах классов и придумавшего концентрационные лагеря»¹.

Также фундаментальный анализ указанных проблем, но несколько с другой стороны, был предпринят и Х. Арендт, которая в опубликованной в 1951 г. и достаточно быстро получившей широкую известность книге «Истоки тоталитаризма» указывала на главную опасность для мировой цивилизации, которую она видела не в природных катаклизмах или «внешнем варварстве», а в том, что мировая цивилизация, сформировавшаяся в XX в., может порождать варварство из самой себя. При этом наиболее радикальной формой такого «внутреннего варварства», по ее мнению, является феномен тоталитаризма, подпитываемый гигантским «омасовлением» индивидов, еще больше усиливающимся на фоне пережитых мировых потрясений.

Тогда же, практически сразу после Второй мировой войны, прямо и непосредственно заговорили также о «глобальном мире», «глобальном

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 7.

единении», «едином человечестве», «единой судьбе», наконец, о «замыкании мира». И первым, во всяком случае среди тех, кто сформулировал и ввел в оборот эти и ряд других фундаментальных понятий, которые составили затем основу терминологического ряда современной глобалистики, был, несомненно, крупнейший философ XX в. К. Ясперс. Именно в его работе «Истоки истории и ее цель», опубликованной в 1948 г., мы впервые обнаруживаем ключевой термин «глобальный» в том значении, как он понимается в глобалистике и теперь, а также ощущаем беспокойство автора по поводу того, покажется ли когда-нибудь человеку земной шар тесным и хватит ли ему имеющихся на планете ресурсов. В этой связи К. Ясперс, которого с полным основанием можно назвать если не основателем, то первопроходцем, пионером современной глобалистики, отчетливо видит перспективу будущего человека и не менее отчетливо формулирует ее, когда пишет: «Перед ним больше нет открытых путей, открытой для него дали. В той мере, в какой речь идет о пространстве и материи, он может лишь двигаться по кругу. Если установится единый мировой порядок, то грозить ему будет не варварский народ извне, а сама природа. Ограниченность ее возможностей уже в самом скором времени создаст новые исторические ситуации. Беззаботность, с которой расходуются ограниченные запасы сырья, позволяет во всяком случае предположить возможность или вероятность того, что эти запасы будут полностью исчерпаны»¹. Но этими весьма проницательными для своего времени идеями вклад К. Ясперса в осмысление процессов глобализации на его втором этапе далеко не ограничивается.

Он видит также принципиальную новизну изменившейся ситуации как относительно сообщества людей в целом, так и их взаимоотношения с географической средой и излагает свое видение в новых, еще не употреблявшихся до него в таком контексте категориях и речевых оборотах. Достаточно обратиться лишь к одному фрагменту его рассуждений на этот счет, чтобы понять, сколь глубоко и основательно К. Ясперс осознал тогда новую реальность и сумел, отвлекаясь от частных, преходящего, рассмотреть в ней общее, фундаментальное, кардинальное. «Наша исторически новая ситуация, впервые имеющая решающее значение, являет собой *реальное единство людей на Земле*», — писал он практически сразу после войны, когда Европа еще лежала в руинах, а человеческое сообщество, разделенное на победителей и побежденных, переживало величайший психологический стресс (одни испытывая эйфорию от победы, другие — горечь от поражения). «Благодаря техническим возможностям современных средств сообщения наша планета стала единой целостностью, полностью доступной человеку, стала “меньше”, чем была некогда Римская импе-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 158–159.

рия, — подчеркивал он далее и продолжал, обращаясь к истории: — К этому вело развитие, начиная с эпохи великих открытий 400 лет тому назад. Однако вплоть до конца XIX в. история была для нас, по существу, историей Запада. Весь остальной мир оставался в сознании европейцев того времени колониальной территорией второстепенного значения, предназначенной для того, чтобы быть добычей европейцев. Лишь непреднамеренно были уже тогда заложены основы для формирующейся в наши дни *мировой истории*, и заложены они были теми могущественными силами, которые стремились подчинить себе громадные пространства земного шара. Эти пространства уже внесли свой вклад в первую мировую войну. Однако эта война была еще европейской. Америка опять отступила. Лишь вторая мировая война потребовала участия всех, была *действительно глобальной*. Военные действия в Восточной Азии были не менее серьезны, чем в Европе. Это была в самом деле первая подлинно мировая война. С этого момента начинается *мировая история как единая история единого целого*. С такой точки зрения вся предыдущая история представляется рядом разбросанных, независимых друг от друга попыток, множеством различных истоков человеческих возможностей. Теперь проблемой и задачей стал *мир в целом*. Тем самым происходит полное преобразование истории. Решающим является теперь следующее: нет ничего, что находилось бы вне сферы происходящих событий. *Мир замкнулся. Земной шар стал единым*. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существенные проблемы стали *мировыми проблемами*, ситуация — ситуация «*улицей всего человечества*» (выделено мной. — А. Ч.)¹.

Обращая внимание на то, сколь ясно и четко К. Ясперс формулирует свое предствление о единстве истории, мирового сообщества и глобальности мира, причем так фундаментально и всесторонне, как до него еще не делал никто, следовало бы в то же время заметить, что его утверждение о Первой мировой войне как *явлению европейском* в свете современного понимания процессов глобализации не является правильным. Мы уже достаточно уделили внимания в гл. III тому, чтобы показать, что *действительно глобальной* была не только Вторая, но и Первая мировая война, и более того, как уже отмечалось, обе они были скорее разными фазами по существу одной глобальной войны, цели, задачи и характер ведения которой (включая и вовлеченность в нее различных народов) на разных этапах принципиально фактически не отличались. Конечно, с учетом сложившегося словоупотребления нет надобности отказываться от установившихся понятий и заменять их новыми, но уточнять их содержание с учетом развивающегося знания по мере более глубокого проникновения в суть стоящих за ними явлений просто необходимо.

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 141.

Наконец, приведем еще одно высказывание К. Ясперса, чтобы окончательно убедиться в том, что на втором этапе осознания процессов глобализации и на ранних периодах становления глобалистики он сыграл особую роль и в этом смысле является фигурой знаковой. Так, в частности, он писал: «Создав возможность немислимой прежде скорости сообщения, техника привела к *глобальному единению*. *Началась история единого человечества; единой стала его судьба*. Люди всего земного шара могут теперь видеть друг друга.

Поскольку наша планета в целом теперь более доступна людям, чем в прежние времена была Восточная Азия для Средней империи или Среднеземноморский мир для Рима, *политическое единство планеты является только вопросом времени*. Путь развития идет, по-видимому, от национальных государств через крупные континентальные сферы влияния к *мировой империи* или к *мировому порядку*» (выделено мной. — А. Ч.)¹.

С момента написания этих строк прошло почти 70 лет, и сегодня особенно хорошо видно, насколько точно были расставлены акценты в динамике перемен послевоенного мира на пути его глобализации, во многом реализовавшиеся идеи и теперь не потеряли своего значения и актуальности. Таким образом, уже в первые послевоенные годы пришло понимание того, что наступила совершенно новая эпоха — эпоха планетарных явлений, и эта мысль очень скоро получила поддержку и развитие со стороны набиравшей тогда темпы гонки вооружений, где на первый план вышел неудержимо разрастающийся ракетно-ядерный арсенал. В этой связи появились первые опасения и предупреждающие высказывания, которые очень скоро переросли в общую озабоченность будущим мира, и многие ученые, в особенности те, которые были причастны к созданию атомного оружия и хорошо понимали опасность своего изобретения в условиях политической нестабильности, забили тревогу. Тогда же известный английский философ Б. Рассел и выдающийся физик А. Эйнштейн опубликовали свой ставший впоследствии знаменитым «Манифест», который был направлен против использования и распространения ядерного оружия и явился важным результатом осознания принципиально новой глобальной угрозы, нависшей над человечеством. Он предупреждал всех жителей планеты о грозящей им опасности и призывал «научиться мыслить по-новому» в ядерный век, чтобы сохранить цивилизацию.

Поддержанный значительной частью научного мирового сообщества, этот документ, получивший название «Манифест Рассела — Эйнштейна», подписали также М. Борн, П. Бриджмен, Л. Инфельд, Ф. Жолио-Кюри, Х. Юкава, С. Пауэлл и другие крупнейшие ученые XX в. Они, как никто, осознавали драматизм ситуации и свою ответственность за последствия сделанных ими открытий и всеми силами

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 205.

стремились повлиять на политиков с целью недопущения ядерной войны. В «Манифесте», оглашенном Б. Расселом в Лондоне 9 июля 1955 г., они, обращаясь к политическим деятелям всего мира, писали: «В данном случае мы выступаем не как представители того или иного народа, континента или вероучения, но как люди, как представители человеческого рода, дальнейшее существование которого находится под сомнением. Мир полон конфликтов; и все второстепенные конфликты отступают перед титанической борьбой между коммунизмом и антикоммунизмом. Почти каждый человек, остро чувствующий политическую обстановку, питает симпатию или антипатию к той или иной проблеме; но мы хотим, чтобы вы, если это возможно, отбросили эти чувства и рассматривали себя только как представителей одного биологического вида, имеющего замечательную историю развития и исчезновения которого никто из нас не может желать»¹.

Для авторов «Манифеста» было очевидным не только то, что в ядерный век необходимо научиться мыслить по-новому, но и то, что для предотвращения катастрофы следует отказаться от применения силы. В этой связи они призвали ученых всего мира и мировую общественность подписаться под резолюцией, в которой говорилось: «В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие, и поскольку это оружие угрожает существованию человечества, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично признали, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем, чтобы они находили мирные средства разрешения всех спорных вопросов»². «Манифест» знаменитых ученых вызвал широкий общественный резонанс и положил начало многочисленным общественным движениям, выступающим за мир и разоружение. Сами же ученые пришли к необходимости объединить усилия деятелей науки и в 1957 г. провели первую конференцию своих сторонников в Пагуоше (Канада). Это движение, получившее по месту его первой встречи название Пагуошское и удостоенное в 1995 г. Нобелевской премии мира, стало одной из самых влиятельных международных организаций, выступающих за всеобщую безопасность, предотвращение ядерной войны и научное сотрудничество³.

Важно подчеркнуть, что ученые, осознавшие глобальные опасности, не только предупреждали о них, но и предлагали пути их преодоления. Так, Б. Рассел и А. Тойнби выступили с идеей создания мирового правительства, которое положило бы конец всем войнам. Основой такого правительства, по их мнению, могла бы стать Организация Объединенных Наций, а Б. Рассел высказался также и за

¹ Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 535.

² Там же.

³ Global Studies Encyclopedic Dictionary. P. 285.

созыв всемирной конференции для поиска мирных путей разрешения спорных вопросов между государствами.

Однако эти идеи, как и общественные движения, подобные Пагуошскому, в начале 1960-х гг. были оттеснены на второй план и в соответствии с «эффектом дисплея» несколько утратили свою привлекательность и влияние на массовое сознание. Причиной тому стало широкое распространение «технооптимистских» настроений и появившихся на их основе всевозможных футурологических прожектов от идей «техногенного», «индустриального», «постиндустриального» общества и т. п. до Программы построения коммунизма, с пафосом принятой в СССР в 1961 г. Но эта эйфория довольно скоро стала угасать, став прелюдией к новому этапу осознания глобализации, чему будет посвящен уже следующий параграф.

§ 4. Открытие глобальных проблем (третий этап осмысления глобализации)

Со второй половины 1960-х до конца 1980-х гг. длился третий период осмысления *глобализации*, точнее, ее последствий, так как в то время еще ни термина такого не существовало, ни даже процессы, которые он описывает, не попали в поле зрения ученых в качестве специального предмета исследования. Это был период «открытия» и систематического исследования *глобальных проблем современности*, когда в мировой и отечественной литературе стали активно обсуждаться открывшиеся перед человечеством принципиально новые, планетарного масштаба опасности. Во всем мире эта тема быстро вышла на первый план, да и в нашей стране практически одновременно развернулась активная работа в данной области, прежде всего усилиями тех, кто так или иначе оказался связанным с деятельностью возглавляемого И. Т. Фроловым научного совета по философским и социальным проблемам науки и техники при президиуме Академии наук СССР.

В гл. I мы уже достаточно подробно рассмотрели, как происходило «открытие» глобальных проблем, как начиналось становление и шло дальнейшее развитие глобалистики, берущей начало в качестве нового научного направления именно на этом этапе осмысления глобализации, поэтому в данном параграфе мы лишь сформулируем общие итоги и новации, которые были достигнуты по сравнению с предыдущими этапами осмысления. Отметим, что именно к этому времени относится появление в научной литературе термина «глобалистика», что важно подчеркнуть, ибо сегодня, как уже говорилось, рассуждения о глобализации слабо коррелируются, а то и вовсе не увязываются с глобальными проблемами и началом их исследования более 40 лет тому назад, а глобалистику нередко трактуют как зарождающуюся науку, становление которой соотносят лишь с последним десятилетием.

Но хотя в 1970—1980-е гг. внимание ученых и было приковано не к процессам глобализации, а к их следствиям, т.е. к отдельным проблемам общечеловеческого масштаба, в науке уже тогда все более четко вырисовывалась интегративная область междисциплинарных исследований, направленных не только на теоретическое исследование и практическое преодоление принципиально новых опасностей, обнаруживших свою значимость для всего человечества, но и на понимание их природы, истории и условий их возникновения. Таким образом, еще до того, как в 1990-е гг., был введен в оборот термин «глобализация», уже сформировались основные контуры междисциплинарного знания — *глобалистики*, где сложились достаточно четкие представления о тенденциях становления мирохозяйственных связей как единой системы и порождаемых ею глобальных проблемах. А выявление природы и генезиса глобальных проблем объективно вело к осмыслению процессов глобализации и появлению в последующем соответствующего термина.

В этом параграфе можно было бы обратиться если не ко всем, то хотя бы к основным глобальным проблемам современности и показать на их примере, как непросто при серьезном противоборстве и острых дискуссиях шло осознание того, что глобальный мир не только быстро меняется, но и уже кардинально трансформировался под влиянием антропогенных факторов. Можно было бы также показать все возрастающее обострение этих проблем и их «взрыв» в XX столетии или их всеобщую взаимозависимость, рассмотрев, например, демографические проблемы через призму естественных законов и социально-политических факторов. В частности, опираясь на общую экологическую закономерность, в соответствии с которой повышение стабильности существования популяции ведет к снижению (оптимизации) воспроизводства и увеличению продолжительности жизни, а нестабильность, наоборот, ведет к росту численности популяции (рождаемости) и уменьшению продолжительности жизни, можно было бы на основании того, что такая закономерность характерна и для людей, показать, что развитые страны так быстро пошли по пути научно-технического прогресса в том числе и потому, что более опытное «старое» поколение является носителем более глубокого и совершенного знания, в то время как развивающиеся страны, где высокая рождаемость и высокая смертность (т.е. только подрост, в лучшем случае, обучился и... умер), имеют скромные достижения в области науки и техники.

Однако вряд ли есть особая необходимость специально останавливаться на таких вопросах, ибо только за рассматриваемый период они получили столь широкое и всестороннее освещение, что количество одних лишь книг на эти темы — и только в нашей стране — исчисляется сотнями. К ним мы и отсылаем заинтересованного читателя.

К слову, здесь следует отметить одно весьма примечательное обстоятельство. Когда к концу 1960-х гг. практически во всем мире резко обострились экологические проблемы, которые изначально оказались в центре внимания, послужив затем катализатором концентрации интереса ко всему комплексу глобальных проблем современности, достаточно быстро оказались востребованными и сам термин «экология», и идеи Т. Мальтуса, и геополитические концепции, а в нашей стране еще и идея ноосферы, в особенности в интерпретации незаслуженно забытого В. И. Вернадского. Но как ни странно, тогда никто не вспомнил имя К. Ясперса и его рассуждения о глобальном мире, едином человечестве, мировой истории. Не вспомнили не только в нашей стране, но и на Западе, причем даже тогда, когда бум публикаций, дискуссий, разговоров об экологии сместился в сторону глобальных проблем и к началу 1980-х гг. достиг своего апогея.

Перелистайте всю литературу по глобалистике 1960–1980-х гг., и вы нигде не обнаружите упоминания о К. Ясперсе, как будто его не существовало вовсе. Ну, с нами ясно — у нас его работы не издавались и были практически неизвестны, хотя его имя нередко, но неизменно в критическом духе упоминалось, а переведен впервые он был только в 1991 г., так как до этого по идеологическим соображениям не вписывался в марксистские рамки.

Кстати, такая же участь постигла тогда и К. Поппера, написавшего по существу антикоммунистический манифест — «Открытое общество и его враги» — одно из лучших произведений XX в. по социальной философии, и Х. Ортега-и-Гассета с его «Восстанием масс» — произведением столь же великолепным, сколь и «взрывным» для тоталитарного марксизма, а потому дошедшим, как и другие подобные работы, до российского читателя только после падения «железного занавеса».

Однако и на Западе в 1960–1980-х гг. К. Ясперс не был поднят на щит, хотя в полной мере того заслуживал. Множество авторов всевозможных книг, докладов и исследований, включая знаменитые доклады Римскому клубу, и даже сам А. Печчеи, написавший широко известную книгу «Человеческие качества», где основательно и подробно говорится о становлении глобалистики, Ясперса попросту не заметили. При этом речь не идет о каком-то недоразумении или простом упущении, недосмотре, так же как и сам факт такого «упущения» не является простым, малозначительным эпизодом. Скорее наоборот, он как лакмусовая бумажка высвечивает главную суть тех представлений о глобализации, точнее, о ее последствиях, которые господствовали тогда в науке и в широком общественном сознании.

В определенной мере такое положение объясняется «принципом дисплея», когда ценный «файл» важной информации, наработанной двумя десятилетиями раньше, но лишенной соответствующего фона, т.е. оставаясь по существу единичным, по причине относительно боль-

шого временного разрыва, отделявшего эти два момента осмысления глобализации, оказался «закрытым», затерянным, буквально погребенным под массой резко нахлынувших разноплановых разговоров и дискуссий о глобальных угрозах, а потому и остался незамеченным, не востребованным в нужный момент.

Но это не объясняет всю ситуацию в целом, так как речь идет об очень крупном и авторитетном мыслителе, идеи которого получили мировую известность и на Западе были хорошо знакомы многим писавшим тогда о глобальных проблемах. Главная причина здесь, как представляется, состоит в том, что философы, ученые, исследователи, «замороженные» глобальными проблемами, все внимание сфокусировали на *ситуации*, на *состоянии*, на самом *явлении* глобальных проблем, в то время как *динамика*, *процесс*, *изменения* этих проблем, а тем более стоящих за ними сущностей, оставались вне поля зрения.

На первый взгляд, может показаться, что это не совсем так. Ведь говорилось же, причем достаточно много, и об истории появления, и о развитии глобальных проблем, причем немало было и экстраполяций в будущее с предупреждениями о грядущих катастрофах и т.п. Но достаточно более пристально посмотреть на то, что в этом случае оказывалось в центре внимания: *цифры и факты*, свидетельствующие о том, что ситуация с каждым днем становится все хуже; *конкретные данные*, фиксирующие (по годам, регионам, по интенсивности загрязнения) предельно допустимые концентрации выбросов вредных веществ; *схемы, таблицы, графики*, показывающие, что человечество шагом за шагом приближается к катастрофе, и т.п.

Другими словами, *статика*, а не *динамика*, *состояние*, а не *изменчивость*, конкретное *положение*, а не сущность *процессов* их развития оказались на первом плане, и потому глобальное *единение*, *продвижение* к единому мировому порядку, наконец, «*замыкание*» мира, о чем уже до этого 20 годами раньше говорил К. Ясперс и что значительно глубже характеризует суть глобализации, остались «за кадром», а потому и без внимания, невостребованными на данном — третьем — этапе понимания этого сложного и многопланового явления.

§ 5. Осознание глобализации (четвертый этап осмысления глобализации)

Данный этап осмысления глобализации, начавшийся во второй половине 1990-х гг. и продолжающийся в настоящее время, совпал с активной фазой информационно-технологической революции, «замыкающей» мир теперь еще и *информационно*. В совокупности с развитием космической техники и связанными с ней научно-техническими достижениями это способствует тому, что современный мир значительно легче и гораздо более четко начинает восприниматься как

единое целое, а происходящие в нем процессы, характеризующие глобализацию, проявляются так отчетливо, как никогда раньше. Такое отличие от прежнего восприятия действительности вытекает также и из новой геополитической ситуации, когда на смену двум противоположным системам — капиталистической и социалистической, делившим весь мир на две враждебные части, — пришли рыночные отношения с их жесточайшей конкуренцией, сильнейшим противоборством, тем не менее действующие в одной и той же цивилизационной парадигме и объективно ведущие к тому, что мир в своем многообразии будет и дальше формироваться в качестве целостной системы также и по *цивилизационному критерию*.

Принципиально ситуация в области глобалистики изменилась на рубеже 1980–1990-х гг., когда революционные события в Восточной Европе и в СССР кардинально повлияли на расстановку сил в межгосударственных отношениях, сформировав иные приоритеты и расставив новые акценты в мировых делах. С этого времени основное внимание человечества переключилось с глобальных проблем на процессы формирования нового мирового порядка в постсоветский период.

Однако ни сами глобальные проблемы, ни сопутствующие им процессы глобализации за все это время «невнимания» к ним никуда не делись. Они не только не ослабели и не замедлились, а, скорее наоборот, усугубились. Состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференция ООН по окружающей среде и развитию была определенной реакцией на это, причем реакцией скорее политической, чем научной, в результате чего появилась концепция устойчивого развития, о чем уже специально говорилось в предыдущей главе.

Теперь, когда новый расклад на международной арене в основном обозначился и на первый план вышел вопрос о том, каким быть миру в начале III тысячелетия — однополярным или многополярным, — мировое сообщество снова озаботилось глобальной проблематикой, только на этот раз уже не глобальными проблемами, а другой ее стороной — глобализацией. Причиной тому, с одной стороны, стало то, что в странах бывшего социалистического лагеря ситуация относительно стабилизировалась, но в мировом масштабе завязывался новый политический «узел», в то время как от обсуждения сугубо социальных и политических проблем наступила некоторая усталость. С другой стороны, хотя угрозы в отношении *будущего* со стороны глобальных проблем на фоне пережитых в *настоящем* социально-политических потрясений, а также по причине «привыкания» к ним перестали восприниматься так остро, как прежде, сами глобальные проблемы за последнее десятилетие заметно обострились.

Достаточно, например, указать на уже упоминавшееся увеличение разрыва в уровне социально-экономического развития богатых и бедных стран или на демографическую проблему, усугубление которой

объективно ведет к обострению экологической ситуации, усилению напряжения вокруг энергетических и сырьевых ресурсов, продовольственной проблемы и т.п. К тому же, если принять во внимание, что удвоение численности населения Земли с 3 до 6 млрд человек произошло за рекордно короткий срок, всего за 40 лет, нетрудно представить, что это повлекло столь же значительное увеличение «давления» на природную среду и еще больше обострило весь комплекс глобальных проблем современности. Следует заметить, что прибавление шестого миллиарда произошло за беспрецедентно короткий срок — всего за 13 лет — и осуществилось это в то время, когда мировая общественность заворожено, с каким-то оцепенением следила за развалом социалистической системы и теми переменами, которые отсюда происходили. В итоге, когда оцепенение прошло, стало очевидным, что по причине теснейшей взаимосвязи всех глобальных проблем резко возросла диспропорция в социально-экономическом развитии между развитыми и слаборазвитыми странами, так как прирост населения произошел за счет последних, где и без того царили голод, нищета и безработица. Значительно ухудшилась мировая экологическая ситуация, ибо почти 4 из 6 млрд жителей планеты стали жить ниже уровня бедности и, будучи озабоченными элементарным выживанием, оказались не в состоянии поддерживать необходимый баланс с окружающей средой.

Столь неутешительные выводы в очередной раз были подтверждены и на состоявшемся в 2002 г. в Йоханнесбурге Всемирном саммите по устойчивому развитию, где многоаспектная глобализация и ее последствия, в значительной степени политические, стали главным предметом обсуждения. В современном мире произошли глобальные изменения во всех сферах общественной жизни — от повсеместного распространения информационных технологий и геномной инженерии до трансформации культуры и морально-этических принципов, отмечалось на саммите и в этой связи подчеркивалось, что «необходим конструктивный поиск новых моделей устойчивого развития (с учетом глобализации и либерализации рынков капитала, широкого распространения информационных технологий и телекоммуникаций)»¹.

Увеличение численности населения Земли до 7,5 млрд человек в 2015 г. делает сказанное выше еще более актуальным.

Итак, четвертый этап осмысления глобализации связан с осмыслением уже не столько *статики*, сколько *динамики* современного мира, которая как раз и лежит в основе глобализации и которую разные авторы, как мы уже имели возможность убедиться, определяют по-разному. Одни — как *процесс*, другие — как *состояние*, третьи — как *явление*, четвертые — и вовсе *многоаспектно*. В итоге содержание данного термина все еще остается предметом серьезных разногласий.

¹ Мантатов В. В. Всемирный саммит по устойчивому развитию // Глобалистика: энциклопедия. С. 146.

В особенности острыми они стали в последние 5–10 лет, чему способствует и то, что антиглобалисты, поднявшие волну «глобофобии», спровоцировали массовые выступления против глобализации, когда эмоции при понимании этого термина превалируют над рациональным содержанием в его определении.

Отмеченный разброс мнений и разница взглядов на глобализацию объясняются не только указанными причинами, сложностью самой проблемы или недостаточной ее разработанностью, что, конечно же, соответствует действительности, но и тем, что ряд авторов не придают должного внимания тому, что уже наработано по данной теме. Так, в плотном потоке обсуждений и все увеличивающегося количества литературы по проблемам глобализации, по крайней мере, в нашей стране, к сожалению, мало просматриваются, а то и вовсе не учитываются уже накопленный опыт и наработки отечественной науки и философии, а они, несомненно, заслуживают того, чтобы с ними считаться, ибо и пару десятилетий спустя здесь есть, что вычлнить и что может послужить основанием для лучшего понимания современной ситуации и дальнейших исследований.

Таким образом, новая тенденция, наметившаяся в последние годы в глобалистике, показывает, что внимание ученых, исследователей и даже политиков сместилось от глобальных проблем к процессам глобализации и росту взаимозависимости современного мира. Снова стало выходить много специальной литературы, теперь уже по глобализации, но в ней практически перестали встречаться упоминания о глобальных проблемах как об общечеловеческих угрозах, вытекающих из глобализации. С одной стороны, это можно объяснить уже не раз упоминавшимся «принципом дисплея», с другой — тем, что в последнее время с притоком в глобалистику значительного числа новых специалистов исследователей, занимавшихся ранее другими проблемами, появилось немало точек зрения, авторы которых выстраивают свои идеи так, будто глобалистика только начинает зарождаться и не имеет никакой истории, результатов, наработок. Во всяком случае в публикациях последних лет фактически нет ссылок на литературу 1970–1980-х гг., в которой часто высказывалась озабоченность проблемами исчерпаемости ресурсов, демографической, продовольственной проблемами, климатическими изменениями и т. п., а также гуманитарной составляющей этих проблем, в частности ответственностью ученых за их открытия и результаты исследования, за состояние дел в мире.

В итоге — «переоткрытие открытого», дискуссии по достаточно хорошо изученным вопросам и претензии на новации, которые нередко не относятся к делу и лишь затрудняют взаимопонимание и конструктивный диалог, тормозят междисциплинарное взаимодействие, создают серьезные препятствия на пути осмысления истинных причин глобализации и порождаемых ею глобальных противоречий.

Здесь же кроются и причины тенденциозного восприятия и субъективизма в интерпретации некоторых современных международных конфликтов, обусловленных в том числе и глобализацией, в частности тем, что мир в своих отдельных частях и отношениях все больше становится единым, целостным, взаимозависимым, в то время как эффективные механизмы, призванные регулировать общественные отношения на глобальном уровне, отсутствуют. Наконец, здесь корни «неопределенности» еще одного упоминавшегося выше вопроса — что чему предшествовало, глобализация глобальным проблемам или, наоборот, глобальные проблемы глобализации?

Ответ, вытекающий из анализа, предпринятого в данной книге, представляется очевидным — вначале была глобализация как объективный процесс, который, кстати, и теперь продолжается, и лишь потом, когда негативные последствия этих процессов достигли определенной концентрации, возникли глобальные проблемы как результат и порождение глобализации. При этом, подчеркнем еще раз, появление терминов «глобализация» и «глобальные проблемы», как и осмысление стоящих за ними явлений проходило в обратном порядке с упомянутым выше временным разрывом, что нередко смущает и сбивает с толку некоторых даже авторитетных исследователей. Итак, характерной особенностью данного этапа осмысления глобализации является то, что основной интерес исследователей связан с уточнением как *понятия*, так и самого *явления* глобализации. При этом обнаружился еще один аспект глобализации — ее интегративная функция в отношении проблем различного уровня: от локальных (частных) до общечеловеческих (мировых). А для обозначения этого явления был введен новый синтетический термин — «глокализация», образованный путем совмещения слов «глобализация» и «локализация». Он уже получил распространение в трудах ряда известных исследователей (Р. Робертсон, У. Бек, М. Эпштейн и др.) в качестве термина, отражающего сложный процесс переплетения глобальных тенденций общественного развития и локальных, местных особенностей культурного развития тех или иных народов. *Глобализация* в этом контексте воспринимается как нечто громадное, внешнее, надвигающееся и, в конечном счете, подавляющее все остальное (локальное), которое в свою очередь воспринимается дискретно, как выступающее в конкретных мелких проявлениях, на местном, житейском уровне. Локальное и глобальное с этой точки зрения не исключают друг друга. Напротив, локальное рассматривается как аспект глобального.

Глобализация в «глокальном» смысле означает также стягивание, столкновение локальных культур, которые должны получить новое определение в этом *clash of localities* (англ.: столкновении локальностей), как считают сторонники данного подхода. Они также полагают, что культурная глобализация перечеркивает отождествление нацио-

нального государства с национально-государственным обществом, производя и сталкивая друг с другом транскультурные формы коммуникации и жизни, представления об ответственности и этнической принадлежности, о том, какими видят себя и других отдельные группы и индивиды.

И все-таки в дискуссиях о глобализации, как и прежде, по большей части говорят об интеграционных процессах планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также об антропогенных изменениях окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества. Но, как мы уже видели, интерпретацию им дают зачастую субъективистскую, когда глобализация соотносится в первую очередь не с объективными историческими процессами, а с деятельностью тех или иных политических, экономических и других групп влияния или политикой определенных государств. Разумеется, разные подходы к пониманию данного явления предполагают и разные варианты практических действий, направленных на преодоление негативных последствий и тенденций, вызываемых глобализацией, поэтому и острые дискуссии вокруг уточнения этого понятия не только не утихают, но и разгораются время от времени с новой силой, когда каждая из спорящих сторон понимает, что дело касается вопроса действительно весьма важного.

Четвертый этап осмысления глобализации как раз и вышел непосредственно на решение такой задачи — дать наиболее взвешенное определение термину «глобализация» и увязать его с уже сложившейся в глобалистике терминологией, прежде всего с понятиями «культура» и «цивилизация». По всей вероятности, разговоры и дискуссии на эту тему будут продолжены, поскольку еще предстоит выработать адекватную и согласованную систему категорий для описания новой реальности. Тем не менее уже и теперь все чаще возникает вопрос, когда настоящий этап уступит место новому — пятому — и какова будет его специфика.

§ 6. Постглобализация (пятый, гипотетический, этап осмысления глобализации)

Если вы не думаете о своем будущем,
у вас его не будет.

Дж. Голсуорси

Пятый этап осмысления глобализации, который, по всей вероятности, придет на смену существующему, на уровне внешних признаков пока еще никак не просматривается, но о его наступлении можно

судить по аналогии с предыдущими этапами и с большой долей условности можно сказать, что он начнется не ранее середины XXI в., т. е. не раньше, чем будут решены все основные задачи, стоящие перед этапом нынешним. В литературе уже стал встречаться термин «*постглобализация*», который употребляют применительно к будущему состоянию глобального мира. Но так как сам по себе этот термин не обозначает ровным счетом ничего, кроме указания на то, что нечто будет происходить «после» глобализации, в чем, собственно, никто и не сомневается, то, прежде чем его можно будет осмысленно употреблять, он еще должен быть наполнен конкретным содержанием. Возможно также, что появится совершенно новый термин, который даст название будущему миру, когда тема глобализации уступит свое приоритетное место другой, еще более актуальной теме.

Памятью о фиаско, постигшем практически все наиболее известные прогнозы XX столетия, особенно те, которые в основе своей опирались на принцип линейной экстраполяции (например, лондонцы опасались в начале века, что самой большой проблемой их города через 100 лет станет проблема конского навоза), я не стану настаивать на безусловности своих предположений, ограничившись лишь пролонгацией существующих ныне тенденций и высказыванием предположений, понимая, что непредвиденные обстоятельства или события, научные открытия, технические изобретения и т. п. могут существенно повлиять на естественный ход вещей и кардинально изменить то, что сегодня просматривается, казалось бы, как вполне вероятное. Целесообразность именно такого подхода к определению будущих состояний того или иного явления стала наиболее очевидной после того, как появились работы И. Пригожина, показавшего, что в природе фундаментальными являются не те простые линейные процессы, которые были предметом исследования ученых со времен И. Ньютона, а более сложные и непрогнозируемые процессы — нелинейные. Вместе с тем, человек всегда стремился заглянуть в будущее и, более того, лишь выстраивая свое настоящее, «глядя из будущего», он добивался наиболее впечатляющих результатов. Поэтому судить о будущем глобалистики можно и даже нужно, но, конечно же, с учетом сделанных замечаний.

Итак, как представляется, со временем «пласт научных исследований» под названием «глобализация» будет основательно «выработан» и наступит определенная интеллектуальная и эмоциональная усталость от разговоров на эту тему. В итоге творческие интересы исследователей в глобалистике сместятся в сферу *мироустройства и поиска практических шагов выстраивания действительно нового мирового порядка*. Это произойдет потому, что глобалистика объективно выполняет интегрирующую роль, заставляя многих ученых, политиков, общественных деятелей, да и в целом широкие слои населения по-новому посмотреть на современный мир, побуждая их к осознанию себя частью целост-

ного мира. Вот почему переход от осознания глобальных проблем к процессам глобализации, который мы наблюдаем в настоящее время, должен, как мне кажется, рано или поздно смениться первостепенным интересом к тому, *как сформировать новый международный порядок в целостном взаимозависимом мире, чтобы он стал, наконец, безопасным и стабильным*. Однако решение и даже правильная постановка такой задачи еще впереди, ибо она неразрывно связана с другой, еще более трудной задачей — проблемой человека и «нового гуманизма».

Дальнейшее же развитие глобалистики рано или поздно должно будет выйти на осмысление *природы и сущности самого человека* как главной причины всех его проблем и трудностей, о чем уже так много сказано в истории философии, а также в работах практически всех великих гуманистов от древнейших времен до современности. Как отмечает Н. А. Бердяев, «философы постоянно возвращались к тому сознанию, что разгадать тайну о человеке — значит разгадать тайну бытия. Познай самого себя и через это познаешь мир. Все попытки внешнего познания мира, без погружения в глубь человека, давали лишь знание поверхности вещей. Если идти от человека вовне, то никогда нельзя дойти до смысла вещей, ибо разгадка смысла скрыта в самом человеке»¹. История дает немало и других примеров, которые свидетельствуют, что, во всяком случае с тех пор, как Протагор произнес свои знаменитые слова — «человек есть мера всех вещей», он независимо от времени, культуры, вероисповедания всегда был, остается и будет пребывать в этом качестве, оказываясь в конечном счете всегда в центре внимания, выступая точкой отсчета и даже критерием познания.

Он же является и главной причиной нарастания и обострения глобальных проблем, так как «культура и общество изменяются быстро, тогда как гены изменяются медленно: не более полупроцента генетически обусловленных способностей человека имеют вероятность измениться за целое столетие. Следовательно, большинство наших генов ведет свою историю с каменного века или с еще более раннего периода; они могли бы помочь нам жить в первобытных джунглях, но не в дебрях цивилизации»², — отмечается в Манифесте Будапештского клуба. Отсюда следует, что единственной надеждой преодолеть указанное противоречие является разум человека, ибо мышление и имманентно связанная с ним способность людей к творчеству — не генетическое, а культурное свойство, которым наделены только люди. И у них не остается теперь другого пути, кроме как планомерно выстраивать, настойчиво формировать новое мышление, иной образ жизни и соответствующие им стратегию и тактику действий, ибо, как говорят

¹ Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 1989. С. 293.

² Ласло Э. Указ. соч. С. 199–200.

ученые и специалисты, в будущем эволюция будет определяться не выживанием сильнейшего, а выживанием мудрейшего. Именно это обстоятельство и дает основание рассматривать *природу* и *сущность* человека в качестве основной темы, которая со временем выйдет на первый план в глобалистике.

С учетом того, что мир рано или поздно, по всей видимости, *окончательно «замкнется» как единая целостность в форме поистине глобального человечества*, логично предположить, что в этом случае он должен будет предварительно «замкнуться» по всем основным параметрам, включая и те, по которым это пока еще не произошло, т.е. *цивилизационно (юридически), идеологически, социокультурно, наконец, морально-этически* или, другими словами, *гуманистически, ментально*. Трудно себе представить, что все это в конечном счете может произойти в обозримой перспективе, но к концу нашего века и тем более за его пределами такая задача для человечества станет первостепенной, однако лишь при обязательном условии — если оно не допустит до самоуничтожения и не потеряет контроль за ходом мировых событий.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Пожалуй, больше всего людей пугает и держит в напряжении неизвестность или неосознанная, непонятая реальность, которая помимо их воли и желания оказывает на них влияние, и потому они не могут с нею не считаться. Однако и сделать ничего не могут, так как не вполне понимают, с чем имеют дело. Вне всякого сомнения, такого рода реальностью для современного человечества стала *глобализация*. И, быть может, самая большая сложность в осмыслении ее состоит в том, что дело касается явления, непривычного для нормального восприятия, которое не имеет аналогов в истории, а по своим масштабам и многоплановости значительно превосходит обычные представления людей об окружающей действительности. Для неподготовленного, попросту говоря, для нормального человека, который мыслит в привычных (с точки зрения обыденной жизни) масштабах и категориях, может показаться, что разговор о глобализации, глобальных проблемах, глобалистике — это нечто такое, что похоже на попытку рассказать «все всем обо всем».

Но это далеко не так, если вспомнить хорошо известную истину — кто берется за решение частных вопросов, не решив проблемы общего порядка, тот то и дело будет «наткаться» на эти общие вопросы. К тому же, «большое видится на расстоянии». А глобализация является именно таким предельно большим, самым масштабным явлением на планете, которое поддается адекватному осмыслению лишь с определенной дистанции — *временной и пространственной*.

Время необходимо для накопления и осмысления соответствующего материала, а пространственная отдаленность — чтобы детали и частности перестали заслонять главные элементы и контуры целостности.

Суть данного явления поясняет пример восприятия мозаики человеком, который видит ее впервые. Так, если встать возле нее достаточно близко, она будет восприниматься лишь как набор различных автономных цветочных точек. По мере удаления цветочные точки начинают сливаться в различные цветочные пятна, которые поначалу не

обнаруживают общей связи и законченной целостности, но с последующим увеличением расстояния все больше вырисовывается единство замысла создателя этой мозаики и постепенно приходит осознание некой общности. Наконец, наступает (иногда очень быстро, вдруг, сразу) «прозрение», и, схваченная единым взглядом, нерасчлененно, целостно, вся картина предстает прекрасным законченным полотном, где вырисовываются не только общие композиционные построения, но и такие детали, фрагменты целого, которые с более близкого расстояния не могли быть восприняты, во всяком случае, как части единого целого.

Итак, чтобы правильно и с достаточной долей объективности судить о глобализации, нужно воссоздать холистическую картину мира и посмотреть на это сложнейшее явление с разных сторон. Сегодня такое время пришло, «созрело», а *необходимое расстояние*, понимаемое в буквальном смысле этого слова, существует с тех пор, как человек вышел в космос и впервые получил реальную возможность единым взором окинуть сразу всю планету, т.е. всю *триосферу* во всей ее целостности, так, как она представлена в качестве единой и неделимой геобиосоциосистемы. Тем самым были созданы необходимые предпосылки, чтобы исследовать глобализацию не фрагментарно, а в качестве целостного явления, не упуская из виду и то, что она развивается многоаспектно, когда объективные тенденции и субъективные факторы действуют зачастую как *одно целое*, неотделимо друг от друга. В этой связи перед каждым исследователем в области глобалистики встает сложнейшая задача — говорить о вещах предельно широких и при этом не терять границ рассматриваемого целого, не уходить «в дурную бесконечность», сохраняя объективный взгляд на глобализацию и сопутствующие ей явления.

Я вполне допускаю и, более того, предвижу в свой адрес возможные упреки в излишнем объективизме в оценках как самого явления, так и отдельных аспектов глобализации, но, упреждая подобные замечания, я хотел бы показать, что расставленные таким образом акценты призваны показать и оттенить глобализацию прежде всего как *естественно-исторический процесс*, как *объективную эволюцию геобиосоциосистемы*. К сожалению, данная сторона глобализации пока еще не нашла должного отражения в специальной литературе, где это многоплановое явление ассоциируется по большей части с действием субъективных факторов, о чем немало было сказано выше. В итоге мы видим, как правило, две характерные крайности, представленные противниками или сторонниками глобализации, когда она или демонизируется, или воспринимается преимущественно как фактор, который несет благо и безусловную пользу.

Именно поэтому разговор о глобализации пришлось начинать с рассмотрения объективной стороны и отделения объективного от

субъективного в понимании данного явления. Конечно, такое различие существует только в нашем сознании, в наших представлениях о глобализации, ибо в реальности обе эти стороны единого процесса неотделимы друг от друга, прочно переплетены и находятся в тесной взаимосвязи. Однако это предмет уже следующего этапа данного исследования, которое продолжено в книге: *Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М.: Канон+, 2006 (2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016).*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Августин Блаженный, 299, 332
Аверинцев С. С., 128
Агад Е., 225
Агаджанян Н. А., 61
Агитон К., 95
Адам, 299
Азроянц Э. А., 358, 362
Айрис Р., 153, 155
Алброу М., 77
Александр Македонский, 175, 190, 193, 194, 204
Александр II, 237
Александр VI, 210
Алексеев И. С., 127
Алферов Ж., 382
аль-Азар, 131
аль-Баттани, 131
Альберт, 226
аль-Бируни, 299
аль-Хорезми, 131
Амин С., 95
Амундсен Р., 214
Анаксагор, 34, 199
Анаксимандр, 129, 130, 203
Андерхилл Дж., 360
Аннан К., 334
Анри Б. Т., 122
Антисери Д., 313
Анучин В. А., 61
Араб-Оглы Э. А., 4, 61, 142, 145, 342, 344, 345
Арендт Х., 252, 268, 399

- Аристарх Самосский, 132
Аристотель, 118, 129, 130, 131
Армстронг Н., 258
Арон Р., 112
ар-Рази Абу, 131
Архимед, 130
Астафьева О. Н., 267
Аузан А., 115
Ашока, 194

Б

- Базаров-Руднев В. А., 342
Байдуков Г. Ф., 244
Бакунин М. А., 237
Бальбоа, 212
Баренц В., 213
Басов Н. Г., 61
Баффет У., 350
Бахметьев П. И., 83
Бек У., 9, 17, 59, 94, 358, 411
Белл А. Г., 80, 349
Белл Д., 58, 113, 142, 149, 153, 300, 342
Беляков А. В., 244
Бенц К., 79
Бергер П., 360
Бергсон А., 315
Бердяев Н. А., 49, 311, 315, 394, 395, 414
Бернал Дж., 296
Бестужев-Лада И. В., 5, 43, 60, 342, 345

- Бестужев-Рюмин К. Н., 311
Бехайм М., 215
Бжезинский З., 70, 71, 72, 113
Биро Л., 124
Блаватская Е. П., 234
Богданов А. А., 171
Богомолов О. Т., 62
Бон Ф., 109
Бонгард-Левин Г. М., 204
Борман Ф., 258
Борн М., 402
Босх И., 39
Боулдинг К., 59
Бранский В. П., 357
Братъя Нобель, 78, 122
Браун У., 58
Бриджмен П., 402
Бродель Ф., 173, 300
Брундтланд Г. Х., 66
Бруно Дж., 215
Будда Сиддхарта Гаутама, 25, 197
Будыко М. И., 60, 61, 62
Бузгалин А. В., 95, 283
Булгаков С. Н., 311, 391
Бушнелл Д., 120
Бэкон Ф., 109, 345
Бэрд Дж. Л., 83, 244

В

- Вайцеккер, фон, Э. У., 58

Валлерстайн И., 366, 376
 Вальдземюллер М., 210
 Василенко И. В., 362
 Васильев В. С., 367,
 373, 375
 Вебер А. Б., 350
 Вебер М., 315
 Веблен Т., 58, 110
 Везалий А., 132
 Велихов Е., 382
 Веллинг М., 357
 Вернадский В. И., 20, 46,
 50, 60, 110, 181, 205,
 244, 322, 364, 375,
 394, 395, 396, 406
 Веспуччи А., 210
 Вико Дж., 299
 Виктория, 226
 Вильямсон Дж., 360
 Винер А., 58
 Винер Э., 342
 Виноградов В. А., 61
 Винчи Леонардо да, 119
 Виттимо Г., 300
 Вольтер Ф., 109, 221,
 293, 299
 Вулф Т., 244

Г

Гагарин Ю. А., 172, 257
 Гаджиев К. С., 239
 Галилей Г., 215, 220
 Гама, да, Васко, 211
 Ганди М., 241, 293
 Гарнерен А. Ж., 120
 Гассенди П., 293
 Гвишиани Д. М., 59, 60,
 61, 62
 Гегель Г., 34, 298, 299,
 303, 304
 Гей Б., 4
 Гейтс Б., 114, 160
 Геккель Э., 18, 20
 Гелбрейт Дж., 112
 Геллап Дж. Х., 86
 Генрих Мореплаватель,
 209
 Гераклит, 34
 Герасимов И. П., 60,
 61, 62

Гердер И. Г., 293, 299
 Гермайн Р., 360
 Геродот, 201, 298
 Гертнер Э., 58
 Гесиод, 199
 Гете И. В., 287, 312
 Гидденс А., 366
 Гизо Ф., 300
 Гиппократ, 129, 130
 Гирусов Э. В., 5, 61, 367
 Гитлер, 245, 249, 399
 Гоббс Т., 34, 293
 Гобзов И. А., 102
 Гобсон Дж. А., 225, 228
 Годдард Р. Г., 123
 Голдблат Д., 367
 Голсуорси Дж., 412
 Гомер, 199, 235
 Гораций, 18
 Горелов А. А., 61
 Готт В. С., 4
 Громыко А. А., 62
 Гуань Чжун, 197
 Гудзон Г., 217
 Гудмен П., 59, 112
 Гудожник Г. С., 4, 61, 142
 Гумбольдт А., 390
 Гумилев Л. Н., 18
 Гусейнов А. А., 289
 Гутенберг И., 119, 132
 Гэлбрейт Дж., 112

Д

д'Альбукерк А., 212
 д'Арланд, Ф., 120
 Дагер Л. Ж. М., 82, 121
 Дайзард У., 153
 Даймлер Г., 79
 Данилевский Н. Я.,
 170, 300, 309, 310,
 311, 315, 383, 391
 Данилов Е. П., 331
 Данилов-Дани-
 льян В. И., 5, 14, 60,
 339, 367
 Данте, 287
 Дарвин Ч., 34, 181, 387,
 390
 Дарий I, 192
 Дарий III, 193

Девис К., 59
 Дежнев С., 214
 Дейвис Дж., 214
 Декарт Р., 15
 Деламар-Дебутвиль Э.,
 79
 Делягин М. Г., 162
 Демокрит, 129
 Дерби II А., 120
 Джабир ибн Хайян, 131
 Дженсон Дж., 360
 Жиарини О., 58
 Джордж Ф., 153
 Диаш Б., 209
 Диоген Синопский, 200
 Дисней У., 244
 Диурич Ж., 225
 Добровольский Г. В., 60
 Дон Жуан, 209
 Достоевский Ф. М.,
 311, 391
 Драйер Л., 4
 Дрейк Ф., 213
 Дрейк Э., 121, 122
 Дрио Ж.-Э., 225, 229
 Дроздов Н. Н., 61
 Дряхлов Н. И., 142
 Дубчек А., 63
 Дюко дю Орон Л., 121
 Дюнан А., 234, 236

Е

Евклид, 129
 Елизавета, 237
 Ермак, 214

Ж

Жолио-Кюри Ф., 402
 Жувенель Б. де, 342

З

Загладин В. В., 10, 59,
 60, 61
 Заменгоф Л., 272
 Заратуштра, 199
 Зворыкин В. К., 83, 244
 Зенон Элейский, 29, 129
 Зиновьев А. А., 260,
 367, 368
 Зюсс Э., 181

И

ибн Маджид Ахмад, 211
 Ибн-Хальдун, 299
 Иванов А. В., 19
 Иванов В. В., 180
 Иванов И. С., 283
 Израэль Ю. А., 60, 61
 Иисус Христос, 332
 Ильин И. А., 253, 394
 Ильин И. В., 171
 Иноземцев В. Л., 369
 Иноземцев Н. Н., 59, 60, 61
 Инфельд Л., 402
 Иоанн II, 211
 Ионов И. Н., 202, 221, 310
 Исаев А. С., 60
 Исая, 197, 198

К

Кабрал П. А., 212
 Ка да Моста А., 209
 Каган М. С., 201
 Камбиз II, 192
 Кампанелла Т., 39, 287, 332
 Камшилов М. М., 61
 Камю А., 315
 Кан Г., 58, 113, 142, 342
 Кан Д., 209
 Кант И., 18, 221, 287, 293, 302, 383, 387, 388, 389
 Кантор К. М., 26
 Капица П. Л., 61
 Капица С. П., 61
 Кар Лукреций, 129
 Карамзин Н. М., 299
 Карлсон Ч., 83
 Карно М., 237
 Карпинская Р. С., 61
 Карсавин Л. П., 311
 Картье Ж., 213
 Карякин Ю. Ф., 5, 330
 Касимов Н. С., 61
 Кастьельс М., 150
 Кастро Ф., 35
 Кацура А. В., 5, 61, 367
 Кейнс Дж. М., 387

Кеплер И., 220
 Кестнер Ф., 225
 Кинг А., 68
 Кир II, 192
 Кларк А., 341, 349, 356
 Клаузевиц, фон, К., 223, 331
 Кобылянский В. А., 61
 Ковда В. А., 60
 Ковельяно П., 209
 Кок Х., 252
 Колбасов О. С., 61
 Коллингвуд Р. Дж., 315
 Коллинз Р., 269, 270
 Колумб Х., 209, 210, 212, 215
 Кондорсе Ж., 109, 299
 Кондратьев Н. Д., 177
 Коноэ Ф., 245
 Конт О., 315
 Конфуций, 197, 198
 Коперник Н., 132, 143, 215, 220
 Королев А. Д., 5
 Костин А. И., 61
 Косыгин Ю. А., 60
 Кочетов Э. Г., 103
 Красавина Л. Н., 265
 Крез, 192
 Кристалл Д., 273
 Кропоткин П. А., 237
 Кроче Б., 315
 Ксенофан, 197, 199
 Ксенофонт, 201, 298
 Кубертен П. де, 236
 Кувалдин В. Б., 168, 367
 Кук Дж., 214, 219
 Кун Т., 142

Л

Лавренко Е. М., 181
 Лавуазье А., 19, 143
 Ламарк Ж. Б., 181, 383, 389
 Ламетри Ж., 109
 Лансбург А., 231
 Лао-цзы, 39, 197, 198
 Лапкин В. В., 361
 Лаплас П. С., 220
 Ласло Э., 41, 177, 291

Лебедева М. М., 278
 Леви Г., 225
 Левкипп, 130
 Лейбин В. М., 5
 Лекторский В. А., 133
 Лемер Дж., 217, 257
 Лемешев М. Я., 61
 Ленин В. И., 228, 229, 230, 240, 387, 391
 Ленк Г., 125
 Леонов А. А., 258
 Леонтьев К. Н., 311
 Леруа Э., 18, 20, 321, 394, 395
 Лессинг Г. Э., 221, 287
 Лилянталь О., 122
 Линдберг Ч., 244
 Линдблад Б., 257
 Линкольн А., 237
 Лисеев И. К., 5, 61
 Лифман Р., 225
 Ловинс Л., 58
 Ловинс Э., 58
 Локк Дж., 221, 293
 Лосев К. С., 367
 Лось В. А., 5, 61
 Лотман Ю. М., 182
 Льюис Б., 76
 Люмбер Л. и О., 82
 Лысенко Т. Д., 343
 Лямин В. С., 61

М

Мабли Г., 39, 332
 Магеллан Ф., 172, 210, 212
 Мазур И. И., 5, 60, 163, 228, 381
 Макгроу А., 367
 Макиавелли Н., 34, 299
 Маккиндер Х., 239
 Максвелл Дж., 108
 Максимова М. М., 61
 Малица М., 58
 Мальгус Т., 49, 381, 383, 385, 386, 387, 406
 Мамедов Н. М., 5, 61
 Мандрокл, 192
 Мантатов В. В., 61

- Маркарян Э. С., 51, 61, 337, 338
 Маркони Г., 81, 244
 Маркс К., 18, 34, 49, 170, 233, 265, 287, 300, 304, 306, 307, 308, 342, 383, 390
 Маркузе Г., 59, 112
 Мартин Г., 94
 Махавира Джина, 197
 Махлуп Ф., 149
 Медоуз Д., 59
 Мейнеке Ф., 312
 Мелан С., 220
 Мелконян Р. Г., 5
 Мелье Ж., 39, 332
 Менделеев Д. И., 136, 391, 393
 Меньшиков С. М., 61
 Меркатор Г., 215
 Мермоз Ж., 244
 Милль Дж. С., 387
 Мирзоян Э. Н., 327, 328
 Митрофанова А. В., 5
 Миттельман Дж., 360
 Митчелл М., 244
 Михайловский Н. К., 311
 Модсли Х., 120
 Можайский А. Ф., 122
 Моисеев Н. Н., 12, 54, 60, 61, 62, 127, 182, 365
 Моисей, 25
 Молдаванов О. И., 47
 Монгольфье Ж. и Э., 120
 Монтескье Ш., 221, 299
 Морган Л., 300
 Морелли Э.-Г., 39, 332
 Морзе С., 80
 Мор Т., 39, 332
 Моррис Г. К., 225, 228
 Москвитин И., 214
 Мэмфорд Л., 110
 Мюнцер Т., 39
- Н**
- Навуходоносор II, 191
 Назаретян А. П., 5, 363, 364
- Неклесса А. И., 94
 Несбит Д., 58
 Ницше Ф., 34, 391
 Нобель А. Б., 236
 Новик И. Б., 61
 Ньепс Ж. Н., 121
 Ньюкомен Т., 120
 Ньютон И., 133, 143, 220, 413
 Нэсбитт Дж., 342, 351
- О**
- О'Роурк К., 360
 Образцов И. Ф., 62
 Овчинников Н. Ф., 203
 Овчинников Ю. А., 62
 Олдрин Э., 258
 Оленьев В. В., 102
 Олкотт Г., 234
 Оккам У., 184
 Орт Я. Х., 257
 Ортега-и-Гассет Х., 251, 268, 315, 399
 Оуэн Р., 39, 332
- П**
- Павлов Ю. М., 4
 Павел III, 220
 Пайва А. ди, 83
 Панарин А. С., 367, 369
 Пантин В. И., 173, 361, 376
 Паре А., 132
 Пасси Ф., 236
 Пагуйе Ж., 225
 Пауэл С., 402
 Перлмуттер Г., 366
 Перратон Дж., 367
 Перуанский С. С., 102
 Петр I, 78
 Петров В. В., 61
 Печчеи А., 49, 52, 90, 287, 294, 333, 342, 348, 371, 406
 Пианхи, 191
 Пилатр де Розье Ж. Ф., 120
 Пинсон В. Я., 212
 Пинто Ф. М., 213
 Пифагор, 129, 197, 199
- Платон, 39, 131
 Пожарский С. Д., 357
 Поло М., 214
 Понсе де Леон Х., 212
 Попов А. С., 81, 122
 Поплер К., 41, 202, 251, 312, 399
 Поярков В., 214
 Пригожин И., 413
 Протагор, 131, 200
 Птолемей II, 194
 Пульсен В., 82
- Р**
- Райт О. и У., 122
 Рандерс Й., 58
 Ранке, фон, Л., 312
 Рассел Б., 50, 202, 394, 402, 403
 Ратцель Ф., 239
 Рашковский Е. Б., 316
 Реале Д., 313
 Режабек Б. Г., 337
 Реймерс Н. Ф., 4, 60, 61
 Рейтер П. Ю., 81
 Реклю Ж. Ж., 181
 Ренан, 203
 Роберт Н.-Л., 120
 Робертс М., 59
 Робертсон Р., 74, 366, 411
 Роззак Т., 59, 112
 Рокфеллер Дж., 227
 Ростуо У., 112, 176, 300, 304
 Ругман А., 360
 Руссо Ж. Ж., 109, 110, 221, 293, 299
- С**
- Сакс Дж., 158
 Самохвалова В. И., 367, 369, 371
 Сантос В., 360
 Сапун А., 225, 228
 Сарамагу Ж., 281
 Севери Т., 120
 Сен-Марк Ф., 59
 Сен-Симон А., 39, 109, 332

- Серван-Шрайбер
Ж.-Ж., 113, 149,
151, 152, 342
- Сикорский И., 123
- Сименс В., 121
- Синяк Ю. В., 62
- Скотт Г., 58
- Смит Э., 129
- Смолкин В. М., 5
- Снакин В. В., 61
- Соколов В. Е., 60
- Сократ, 131, 200
- Солис, де, Х. Д., 212
- Соловьев В. С., 49, 391,
392
- Соловьев С. М., 300
- Сорокин П., 300, 315
- Сорос Дж., 281, 37
- Сочава В. Б., 181
- Спенсер Г., 315
- Спиноза Б., 295
- Стаббс Р., 360
- Сталин И. В., 249
- Степин В. С., 320
- Стефенсон Дж., 120
- Стиглиц Дж., 280, 360
- Столович Л. Н., 294
- Стоуньер Т., 153
- Страхов Н. Н., 311
- Стырикович М. А., 62
- Сукачев В. Н., 62, 181
- Т**
- Таксис, фон, Т., 234
- Тасман А. Я., 214
- Тафель П., 225
- Тацит, 201
- Тейяр де Шарден П.,
20, 50, 110, 244, 315,
321, 394, 395
- Тенет Дж., 351
- Тиллих П., 315
- Тит Ливий, 201, 299
- Тойнби А., 50, 168, 170,
300, 315, 316, 371,
394, 397, 398, 403
- Толбот У. Г. Ф., 121
- Толстой А. Н., 259, 345
- Толстых В. И., 357, 367
- Тосканелли П., 210
- Тоффлер А., 58, 64, 113,
153, 154, 176, 300,
342, 345, 346
- Тревитик Р., 120
- Трельч Э., 312
- Тристао Н., 209
- Трубецкой Е. Н., 311,
391
- Трусов Ю. П., 61
- Турен А., 58, 113, 153
- Тютчев Ф. И., 311
- У**
- Удовик С. Л., 265, 357
- Умберто I, 237
- Умесао Т., 149
- Уоллес А., 387
- Урданета, де, А., 216
- Урланис Б. Ц., 61
- Урманцев Ю. А., 19
- Урсул А. Д., 5, 61, 171,
305
- Уткин А. И., 359, 367,
376
- Уэллс Г., 342
- Ф**
- Фалес, 129, 130, 203
- Федоров Е. К., 61
- Федоров Н. Ф., 40, 259
- Федотов А. П., 93, 101
- Фейербах Л., 307
- Фердинанд Ф., 237
- Физо А., 121
- Филипп II Испанский,
216
- Филипп II Македон-
ский, 193
- Филипп V Македон-
ский, 195
- Фихте И. Г., 287
- Флехтгейм О., 341
- Флоренский П. А., 182
- Фолкнер У., 244
- Форд Г., 146
- Форрестер Дж., 53, 342,
345
- Фракасторо Дж., 132
- Фридман М., 253
- Фридман Т., 360
- Фридрихс Г., 58, 155
- Фробишер М., 213
- Фролов И. Т., 4, 10, 59,
60, 61, 404
- Фукидид, 201, 298
- Фуко Л., 121
- Фукуяма Ф., 71, 300
- Фултон Р., 121
- Фурастье Ж., 113
- Фурье Ш., 39, 303, 332
- Х**
- Хаббл Э., 257
- Хайдеггер М., 110
- Хайек Ф. А., 253
- Хайруллин К. Х., 323
- Хантингтон С., 71, 300,
318, 360
- Харенберг Б., 211
- Хармс Б., 225
- Хатами М., 319
- Хаусхофер К., 239
- Хачатурян В. М., 202,
221, 310
- Хелд Д., 367
- Хенлейн П., 119
- Херст У. Р., 78
- Ховарт С., 117
- Хозин Г. С., 4, 37, 60
- Хубларян М. Г., 60
- Ц**
- Цинь Шихуанди, 193
- Циньянь Ань, 4
- Циолковский К. Э., 40,
259, 342, 345, 394, 397
- Цицерон, 298
- Ч**
- Чандрагупта Маурья,
194
- Чанышев А. Н., 286
- Челлен Р., 239
- Черепановы М. Е.
и Е. А., 121
- Черчилль У., 68, 249,
251
- Чешков М. А., 103, 359
- Чижевский А. Л., 259,
394, 397

Чиршки З., 225
 Чкалов В. П., 244
 Чумаков А. Н., 7, 37,
 48, 55, 378, 418

Ш

Шакья-Муни, 25
 Шамплейн С., 217
 Шафф А., 58, 155
 Шахназаров Г. Х., 61,
 342, 343
 Швейцер А., 293
 Шиллер Ф., 287
 Шиллинг П. Л., 80
 Шильдер З., 225
 Шишков Ю. В., 262, 326
 Школенко Ю. А., 61
 Шнайдер Б., 68
 Шопенгауэр А., 313
 Шпенглер О., 168, 170,
 300, 311, 313, 315,
 349, 383, 391
 Штур Л., 233
 Шульдин Б. П., 147
 Шуман Х., 94

Э

Эанниш Ж., 209
 Эбурдин П., 351
 Эддингтон А., 126
 Эйзенштадт Ш., 300,
 315
 Эйкен Х., 124
 Эйнштейн А., 9, 50,
 143, 402
 Элиас Н., 300, 315
 Элькано, де, Х. С., 212
 Энгельгардт В. А., 60, 61
 Энгельс Ф., 43, 49, 233,
 287, 300, 308, 383,
 390
 Эпикур, 129
 Эпштейн М., 411
 Эратосфен Киренский,
 130
 Эрикссон Л., 214
 Эрлих А., 59
 Эрн В. Ф., 311, 391
 Эрхард В., 4

Ю

Юкава Х., 402
 Юстиниан, 131

Я

Явлинский Г. А., 331
 Ягер Ч., 80
 Яновский Р. Г., 48
 Янч Э., 342
 Яншин А. Л., 4, 60, 61
 Яншина Ф. Т., 323
 Ясперс К., 18, 20, 24,
 50, 110, 173, 176,
 185, 190, 196, 203,
 248, 253, 315, 379,
 394, 400, 402, 406
 Яхве, 198

В

Berger P. L., 360

Ф

Fox W., 47
 Friedman Th., 360
 Friedrichs G., 155

Г

Gardner G., 336
 Gartner E., 54
 Gay W. C., 31
 Germain R., 360
 Giddens A., 366
 Goldblatt D., 367
 Gore A., 48

Н

Halweil B., 336
 Held D., 48, 367
 Horz H., 37
 Huntington S. P., 360

Д

Jenson J., 360

К

Kahn H., 342
 Khamenei S. M., 76
 King A., 366

Л

Lansburgh A., 231
 Laszlo E., 53
 Lenk H., 125

М

Mathews F., 47
 McGraw A., 367
 Mittelman J. H., 360

О

O'Rourke K., 360

Р

Parry M., 48
 Paucke H., 48
 Perlmutter H. V., 366
 Perraton J., 366

Р

Reiner L., 366
 Robertson R., 366
 Rodopi B. V., 31
 Rostow W., 304
 Roszak Th., 47
 Rugman A., 360

С

Santos B. S., 360
 Servan-Schreiber J.-J., 152
 Schaff A., 155
 Sessions G., 47
 Stiglitz J., 360
 Stubbs R., 360

Т

Toffer A., 154

У

Underhill G., 360

В

Vellinga M., 357

W

Wallerstein I., 366
 Wiener A., 342
 Williamson J., 360

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агитон К., Амин С., Бузгалин А. В.* Мир не товар (что такое глобализация и какова позитивная программа «антиглобалистов»). М., 2001.
2. *Азроянц Э. А.* Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М.: Изд. дом «Новый век», 2002.
3. *Алферов Ж., Велихов Е.* Энергия без границ // Россия в глобальной политике. 2003. № 1.
4. Антология мировой философии: в 4 т. М., 1969. Т. 1. Ч. 2.
5. *Араб-Оглы Э. А.* Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000. М.: Мысль, 1986.
6. *Барлыбаев Х. А.* Общая теория глобализации и устойчивого развития М., 2003.
7. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
8. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
9. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1998.
10. *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. М., 1989.
11. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990.
12. *Бестужев-Лада И. В.* Мир нашего завтра. М.: Мысль, 1986.
13. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: 1998.
14. *Бонгард-Левин Г. М.* Древняя Индия. История и культура. СПб., 2001.
15. *Бранский В. П., Пожарский С. Д.* Глобализация и синергетический историзм. СПб., 2004.
16. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 1—3. М., 1988.
17. *Брундтланд Г. Х.* Доклад: Наше общее будущее. М.: ВКОСР, 1987.
18. Будущее в настоящем. М.: Прогресс, 1984.
19. *Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л.* Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная. М.: Academia, 2000.
20. *Василенко И. В.* Политическая глобалистика. М.: Логос, 2000.
21. *Вернадский В. И.* Избранные труды по биогеохимии. Л.; М., 1967.
22. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

23. *Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.
24. *Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи.* М.: Academia, 2000.
25. *Вызовы глобализации. Политические и социальные измерения.* М.: ИСП РАН, 2001.
26. *Гаджиев К. С.,* Введение в геополитику: учебник для вузов. М.: Логос, 1998.
27. *Гейтс Б.* О роли технологий // Большой бизнес. 2004. № 7(12).
28. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: Глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
29. *Гирусов Э. В.* Основы социальной экологии. М., 1998.
30. *Гирусов Э. В.* Система «общество — природа». М., 1976.
31. *Глобализация и моделирование социальной динамики.* М.: Институт социальных наук, 2001.
32. *Глобализация как процесс: материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир».* М.: Издат. дом «Новый век», 2001.
33. *Глобализация: контуры XXI века: реф. сб: в 3 ч. Ч. 1–3 / под ред. Ю. И. Грицицкого; РАН, ИНИОН, Горбачев-фонд.* М., 2002.
34. *Глобалистика: междунар. междисципл. энциклопед. словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков.* М.; СПб.; Нью-Йорк: Елима, Питер, 2006.
35. *Глобалистика. Персоналии, организации, труды: энциклопед. справочник / гл. ред. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков.* М.: Альфа-М, 2012.
36. *Глобализация. Цивилизационные и гуманитарные аспекты.* М.: ИСП РАН, 2001.
37. *Глобализация: Человеческое измерение: учеб. пособие / отв. ред. А. В. Торкунов.* М.: Росспэн, 2002.
38. *Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог».* М.: Радуга, 2003.
39. *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности.* М.: Прогресс, 1990.
40. *Глобальные проблемы современности. Вып. 1–4 / сост. И. Т. Фролов.* М., 1984.
41. *Глобальные проблемы современности / отв. ред. акад. Н. Н. Иноземцев.* М., 1981.
42. *Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Материалы Национального разведывательного Совета США / пер. с англ.* Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
43. *Глобальные экологические проблемы на пороге XXI в.* М., 1998.
44. *Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития.* М., 2003.
45. *Гудожник Г. С., Елисеева В. С.* Глобальные проблемы в истории человечества. М.: Знание, 1988.
46. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Известия, 2003.

47. *Данилов-Данильян В. И.* Стокгольм-72 // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003.
48. *Данилов-Данильян В. И.* Устойчивое развитие // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003.
49. *Данилов-Данильян В. И.* Устойчивое развитие — проблема выживания человека // Наука. Общество. Человек. М., 2004.
50. *Данилов Е. П.* Тайна российского сфинкса: Документальный роман-расследование. М., 2004.
51. *Делягин М. Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации. М.: Инфра-М, 2003.
52. Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. М.: ИСП РАН, 2002.
53. Доклад Брундтланд. Наше общее будущее. М.: ВКОСР, 1987.
54. *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981.
55. *Зиновьев А. А.* Глобальное сверхобщество и Россия. Минск; М., 2000.
56. *Зиновьев А. А.* Глобальный человек. М.: Центрополиграф, 2000.
57. *Иванов В. В.* Наука о человеке: Введение в современную антропологию. М.: РГГУ, 2004.
58. Идеи В. И. Вернадского и проблемы современности. М.: Воскресение, 1994–1995.
59. *Ильин И. В., Урсул А. Д.* Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М.: Изд-во МГУ, 2009.
60. *Ионов И. Н., Хачатурян В. М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002.
61. Историки античности. М.: Правда, 1989. Т. 1.
62. *Коган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996.
63. *Кант И.* Соч. В 4 т. М.: Ками, 1993. Т. 1.
64. *Кантор К. М.* Двойная спираль истории: Историческая философия проективизма. Т. 1: Общие проблемы. М., 2002.
65. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
66. *Кастро Ф.* Экономический и социальный кризис мира. М.: Прогресс, 1983.
67. *Кацира А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н.* Планетарное человечество: на краю пропасти. М.: Проспект, 2016.
68. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М.: Прогресс, 1991.
69. *Кок Х.* Что такое демократия? Копенгаген: Систайм, 1993.
70. *Коллинз Р.* Причины интеллектуальной стагнации // Вестник РФО. 2001. 2(18).
71. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
72. *Кочеткова А. В.* США и глобализация телевидения. М.: Луч, 1996.
73. *Кочетов Э. Г.* Глобалистика как геоэкономика, как реальность, как мироздание: Новый ренессанс — истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический каркас. М.: Прогресс, 2001.
74. *Красавина Л. Н.* Валютная глобализация: тенденции и перспективы развития // Век глобализации. 2012. № 2 (10).

75. *Кристал Д.* Английский язык как глобальный / пер. с англ. Н. Кузнецовой. М.: Весь мир, 2001.
76. *Кувалдин В. Б.* Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., 2003.
77. Куда движется век глобализации?: сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014.
78. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
79. *Лапкин В. В., Пантин В. И.* Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М.: Олита, 2004.
80. *Ласло Э.* Макросдвиг (к устойчивости мира курсом перемен). М.: Тайдекс Ко, 2004.
81. *Лейбин В. М.* Глобальная проблематика: научные исследования и дискуссии. М., 1991.
82. *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 27.
83. *Лось В. А.* Человек и природа. М., 1978.
84. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996.
85. *Льюис Б.* Ислам: что пошло не так? // Россия в глобальной политике. 2003. № 1.
86. *Мазур И. И., Молдаванов О. И.* Введение в инженерную экологию. М., 1989.
87. *Мазур И. И., Молдаванов О. И.* Шанс на выживание: Экология и научно-технический прогресс. М.: Наука, 1992.
88. *Мазур И. И.* Энергия будущего // Нефть, газ, строительство. 2004. № 12.
89. *Мальтус Т. Р.* Опыт о законе народонаселения и его воздействие на будущее процветание общества. СПб., 1868. Т. 2.
90. *Маркарян Э. С.* Глобализация и человеческий потенциал: демографическое измерение (международный аспект). М.: Экономика, 2003.
91. *Маркарян Э. С.* Науки о культуре и императивы эпохи. М., 2000.
92. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: в 3 т. Т. I. М.: Политиздат, 1981.
93. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2, 4, 13, 20, 23. М.: Политиздат, 1955.
94. Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности. М.: Наука, 1985.
95. *Мартин Г. П., Шуманн Х.* Западная глобализации. Атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001.
96. Материалы международного научного конгресса «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства»: в 2 т. / под общ ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. М.: Макс Пресс, 2009.
97. Материалы постоянно действующего семинара клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 1–12. М.: Новый век, 2001.
98. Мегатренды мирового развития / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева. М., 2001.
99. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. М., 1995.
100. *Мирзоян Э. Н.* Неизбежность ноосферы // Наука в России. 2004. № 3.

101. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.
102. *Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития. М., 1987.
103. *Моисеев Н. Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
104. *Моисеев Н. Н.* Человек во Вселенной и на Земле // Наука, общество, человек. М., 2004.
105. На пороге 21 века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 Всемирного банка. М.: Весь мир, 2000.
106. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика — психология — прогнозирование). М., 2004.
107. Наука. Общество. Человек. М., 2004.
108. Научные аспекты экологических проблем: труды всероссийской конференции: в 2 т. / под ред. Ю. А. Израэля. М., 2002.
109. Наше глобальное соседство. Доклад комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996.
110. Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1989.
111. Нелинейная динамика глобальных процессов в природе и обществе / под ред. И. В. Ильина, Д. И. Трубецкова, А. В. Иванова. М.: Изд-во Московского университета, 2014.
112. Нефть и газ. Мировая история / гл. ред. и сост. И. Мазур, А. Лобов. М., 2004.
113. *Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990.
114. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
115. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001.
116. Ноосфера: реальность или красивый миф?: материалы клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 4 (27). М.: Новый век, 2003.
117. *Нэсбитт Д., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы. М.: Республика, 1992.
118. *Овчинников Н. Ф.* Парменид — чудо античной мысли и непреходящая идея инвариантов // Вопросы философии. 2003. № 5.
119. *Оленьев В. В., Федотов А. П.* Глобалистика на пороге XX века // Вопросы философии. 2003. № 4.
120. *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.
121. *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
122. *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003.
123. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
124. *Подзигун И. М.* Глобализация и проблема будущего индустриальной цивилизации. М.: Изд-во КМК, Scientific Press Ltd., 2000.
125. *Поппер К.* Нищета историцизма. М., 1993.
126. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1, 2. М., 1992.
127. Пределы глобализации (культура в контексте глобализационных процессов): материалы постоянно действующего междисциплинарного

- семинара клуба ученых «Глобальный мир». М.: Институт микроэкономики, 2002.
128. Проблемы глобализации. Труды Фонда Горбачева. Т. 7. М., 2001.
129. Проблемы социальной экологии. Ч. III. Тезисы докладов Первой всесоюзной конференции. Львов, 1986.
130. Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. М.: Проспект, 2016.
131. *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск, 1994. Т. 1.
132. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997. Т. 4.
133. Римский клуб / сост. Д. М. Гвишиани, А. И. Колчин, Е. В. Нетесова [и др.]. М., 1997.
134. Русский космизм. Антология философской мысли. М., 1993.
135. Русский космизм. М., 1996.
136. *Сарамагу Ж.* Почему я поддерживаю антиглобалистов // Россия в глобальной политике. 2003. № 1.
137. *Серван-Шрайбер Ж.-Ж.* Американский вызов. М., 1970.
138. Словарь античности. М.: Прогресс, 1989.
139. Слово о науке. М.: Знание. 1986.
140. *Соловьев В. С.* Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
141. *Сорос Дж.* Заметки о глобализации. М., 2002.
142. *Сорос Дж.* О глобализации. М.: Эксмо, 2004.
143. *Сорос Дж.* Тезисы о глобализации // Вестник Европы. 2001. № 2.
144. Спиной к глобальным проблемам / сост. А. М. Белова [и др.]. М.: Прогресс, 1986.
145. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 1999.
146. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
147. *Стрелец И. А.* Влияние информационных изменений на процесс глобализации мировой экономики. М.: Макс Пресс, 2001.
148. Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста. М.: АСТ, 2004.
149. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987.
150. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
151. *Тоффлер Э.* Третья волна // США: Экономика. Политика. Идеология. 1982. № 7.
152. *Тоффлер А.* Футурошок. СПб.: Лань. 1997.
153. Труды клуба ученых «Глобальный мир». Т. 2–4. М.: Новый мир; Институт микроэкономики, 2003.
154. Труды клуба ученых «Глобальный мир». 2002. Т. 4. М., 2003.
155. Труды Фонда Горбачева. Т. 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М.: Горбачев-Фонд, 2001.
156. *Удовик С. Л.* Глобализация: семиотические подходы. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002.
157. Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / отв. ред. В. В. Казютинский, Е. А. Мамчур. М: ИФ РАН, 2007.
158. *Урсул А. Д.* Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М.: Ноосфера, 1998.
159. *Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.

160. Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение: в 2 т. М.: ФО СССР, 1990.
161. Федотов А. П. Глобалистика: начала науки о современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002.
162. Философия истории: антология / сост., ред. и автор вст. ст. Ю. А. Кимелев. М.: Аспект Пресс, 1994.
163. Философия экологического образования / под ред. И. К. Лисева. М., 2001.
164. «Философский пароход»: материалы XXI Всемирного философского конгресса «Философия лицом к мировым проблемам». Стамбул, 10–17 августа 2003 г. Доклады российских участников. Краснодар; М., 2004.
165. Философский энциклопедический словарь. М., 1982.
166. Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. М., 1999. Т. 3(1).
167. Фукуяма Ф. Конец истории? // США. Экономика, политика, идеология. 1990. № 5.
168. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. 1997. Весна. Т. 2. № 2.
169. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
170. Харенберг Б. Хроника человечества. М.: Слово, 2000.
171. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: Росспэн, 2001.
172. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрей Э. [и др.]. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004.
173. Хозин Г. С. Глобальные проблемы современности. М., 1982.
174. Хроника человечества / сост. Б. Харенберг. 2-е изд., доп. М.: Слово, 2000.
175. Хроника России. XX век. М.: Слово, 2002.
176. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981.
177. Чешков М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М., 2005.
178. Чешков М. А. Глобальный контекст постсоветской России. М., 2000.
179. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: ТК Велби; Проспект, 2005.
180. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009 (2011, 2013, 2014, 2015).
181. Чумаков А. Н., Иоселиани А. Д. Философские проблемы глобализации. М.: Логос, 2015.
182. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М.: Канон +; РООИ «Реабилитация», 2006.
183. Чумаков А. Н. Философия глобальных проблем. М.: Знание, 1994.
184. Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок: о тенденциях и перспективах международных отношений. М., 1981.
185. Шахназаров Г. Х. Куда идет человечество (Критические очерки не-марксистских концепций будущего). М., 1985.
186. Шахназаров Г. Х. Социалистическая судьба человечества. М., 1978.

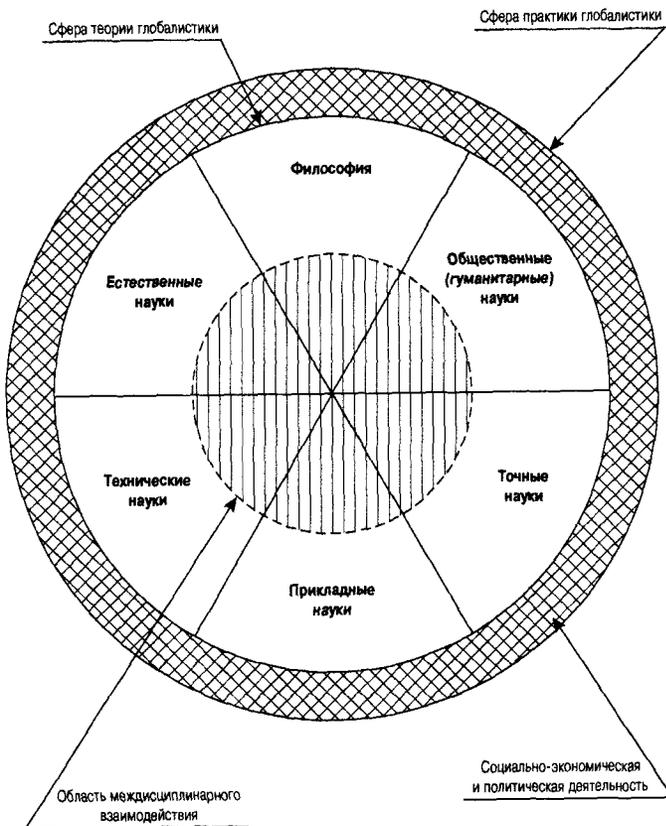
187. *Шахназаров Г. Х.* Фиаско футурологии (Критический очерк немарксистских теорий общественного развития). М., 1979.
188. *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1923.
189. Экологический энциклопедический словарь. М., 2000
190. Этос глобального мира. М., 1999.
191. *Яновский Р.* Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999.
192. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
193. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 1–3. М.: Госполитиздат, 1962.
194. *Chumakov A. N.* Philosophy of Globalization. Selected articles. 2nd revised and expanded edition. М.: Moscow University Press, 2015.
195. *Chumakov A. N.*, and *Gay W. C.* (eds), Between Past Orthodoxies and the Future of Globalization: Contemporary Philosophical Problems. Leiden, Boston: Brill-Rodopi, 2016.
196. Encyclopedia of Global Studies / *H. K. Anheier, M. Juergensmeyer* (eds.). SAGE Publications, Inc. California, USA, 2012.
197. *Fox W.* Toward a Transpersonal Ecology: Developing New Foundations for Environmentalism. Boston, 1990.
198. *Friedman Th.* Understanding Globalization. The Lexus and the Olive Tree. N.Y., 2000.
199. *Gartner E.* On the «Second Phase» of the Work of the Club of Rome // Scientific World. 1976. Vol. 20, № 4.
200. *Gardner G., Halweil B.* Underfed and Overfed // Wordwatch paper. 2000. March. № 150.
201. *Giddens A.* Jenseits von Links und Rechts. Die Zukunft radikaler Demokratie. Edition Zweite Moderne. Frankfurt: Suhrkamp, 1996.
202. Globalization and its Critiques: Perspective from Political Economy / *R. Germain* (ed.). Basingstock, 2000.
203. Global Studies Encyclopedia / ed. by *I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay*; TsNPP «Dialog». М.: Raduga Publishers, 2003.
204. Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by *A. N. Chumakov, I. I. Mazour and W. C. Gay.* With a Foreword by *Mikhail Gorbachev* / ed. *B. V. Rodopi.* Amsterdam/New York, NY 2014, XI.
205. Globalizing Institutions / *J. Jenson, B. S. Santos* (eds.). Aldershot, Burlington, 2000.
206. Globalistics and Globalizations Studies: Aspects & Dimensions of Global Views. Yearbook / ed. by *L. Grinin.* Volgograd: Uchitel, 2014.
207. *Gore A.* Earth in the balance. Plume. N.Y., 1993.
208. *Held D.* [et al.] Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge, 2000.
209. *Held D., McGraw A., Goldblatt D.* [et al]. Global Transformations. Oxford, 1999.
210. *Horz H.* Globale Probleme der Menschheitsentwicklung // Deutsche Zeitschrift fur Philosophie. 1982. № 11.
211. IMF/ World Economic Outlook. May 1997. Wash., 1997.
212. *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. N.Y., 1967.

213. *Khamenei S. M.* Development of Wisdom in Iran and in the World. Tehran, 2000.
214. *King A.* (Hg.), Culture, Globalization and the World Sistem. L., 1991.
215. *Lansburgh A.* Die Bank mit den 300 Millionen. Die Bank. 1914.
216. *Lenk H.* Technology. Old and new structural features // Global Studies Encyclopedia. M.: Raduga Publishers, 2003.
217. Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World / *P. L. Berger, S. P. Huntington* (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2002.
218. *Mathews F.* The Ecological Self. L., 1991.
219. Microelectronics and society. For better or for worse. A rep. to the Club of Rome / *G. Friedrichs, A. Schaff* (ed.). Oxford etc.: Pergamon press, 1982.
220. *Mittelman J. H.* The Globalization Syndrome. Transformation and Resistance. Princeton, 2000.
221. *O'Rourke K., Williamson J.* Globalization and History. Cambridge, Mass., L., 1999.
222. Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford, 1987.
223. *Parry M.* [at al.] Climate Change and its Impacts: A Global Perspective. 1997.
224. *Paucke H.* Globale Probleme und der Menschheits-fortschritt // Deutsche Zeitschrift fur Philosophie. 1982. № 12.
225. Political Economy and the Changing Global Order / *R. Stubbs, G. Underhill* (eds.). N.Y., 2000.
226. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage? 1992.
227. *Rostow W.* The stages of economic growth. A non communist manifesto. Cambridge, 1960.
228. *Roszak Th.* The voice of the earth, 1992 // Our Global Neighborhood. The Report of the Commission on Global Governance. Oxford: Oxford University Press, 1995.
229. *Rugman A.* The End of Globalization: A New and Radical Analysis of Globalization and What it Means for Business. L., 2000.
230. *Servan Schreiber J.-J.* Le defi mondial. Paris, 1980.
231. *Sessions G.* Deep Ecology for the Twenty-First Century. 1st ed. N.Y., 1995; Global Environmental Outlook 2000. UNEP. L., 1999.
232. *Stiglitz J.* Globalization and its Discontents. N.Y., 2002.
233. The Dialectics of Modernity — Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization / ed. by E. Kiss. Budapest, 2014. Arisztotelesz Kiado.
234. This Globalizing World / *A. N. Chumakov, L. E. Grinin* (eds.). Volgograd: Uchitel Publishing House, 2015.
235. *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., William Morrow and Co., 1980.
236. Toward the year 2000: World in Progress / *D. Bell* (ed.). Boston, 1968.
237. The Dialectics of Globalization / *M. Vellinga* (ed.). Boulder; Oxford: Westview Press, 2000.
238. *Wallerstein I.* One World, Many Worlds. N.Y.: Reiner L., 1988.
239. Year-Book of World Problems and Human Potential. Compiled and published as a joint project by the secretariats of Union of International Associations and Mankind 2000. Brussels, 1976.

ПРИЛОЖЕНИЯ

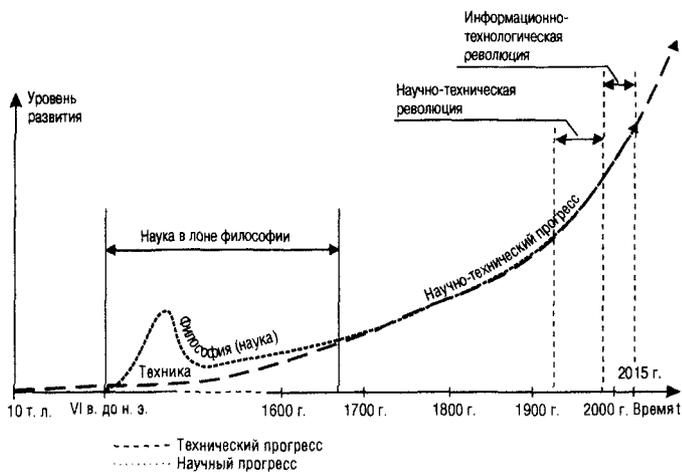
Приложение 1 (к главе I)

Структура глобалистики

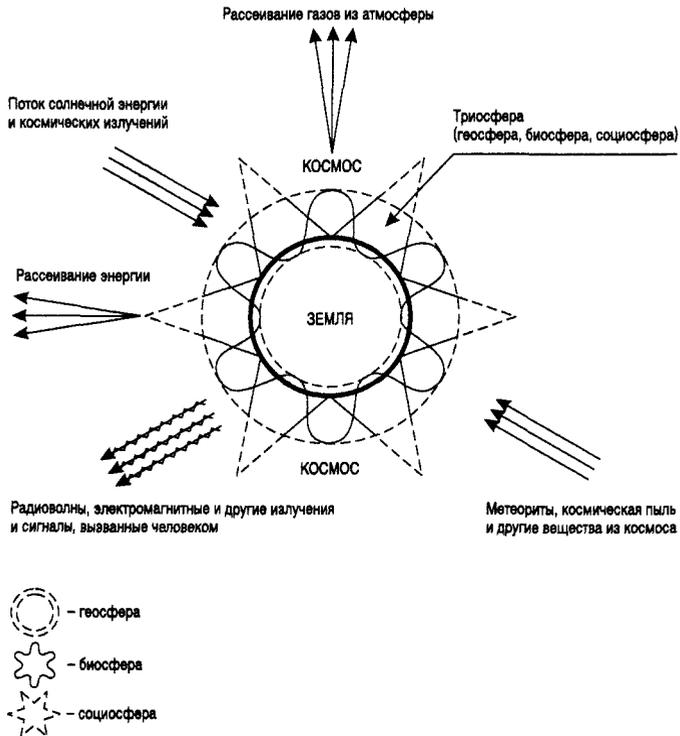
Приложение 2
(к главе II)

Основные этапы научно-технического прогресса

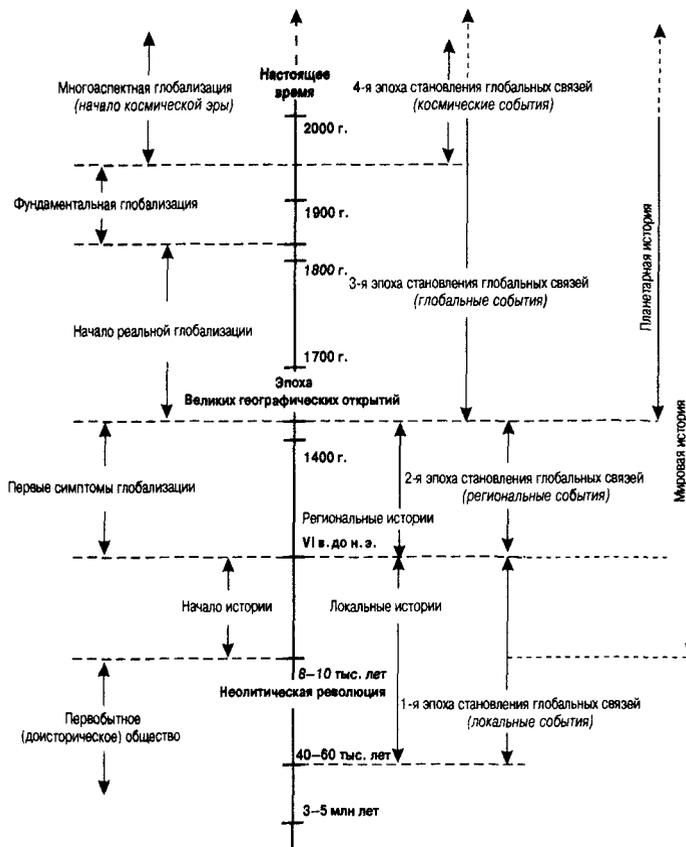
Приложение 3 (к главе III, § 2)

Геобиосоциосистема (открытая система)

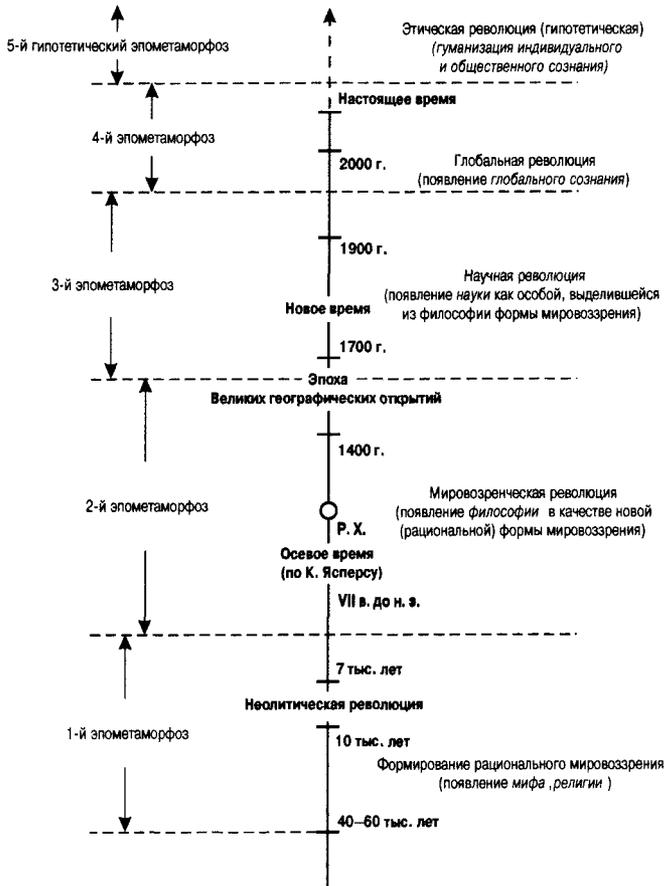
Приложение 4
(к главе III)

Основные эпохи становления глобальных связей (эпогенез)

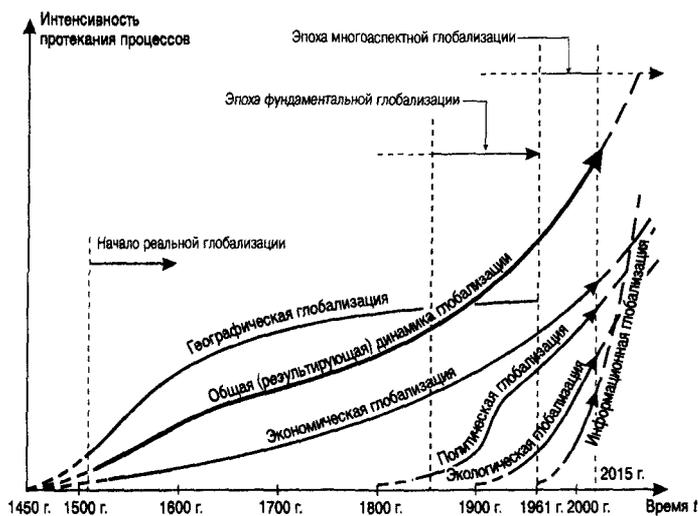
Приложение 5 (к главе III)

Основные трансформации (эпометаморфоз) геобиосоциосистемы

Приложение 6
(к главе III, § 6–9)

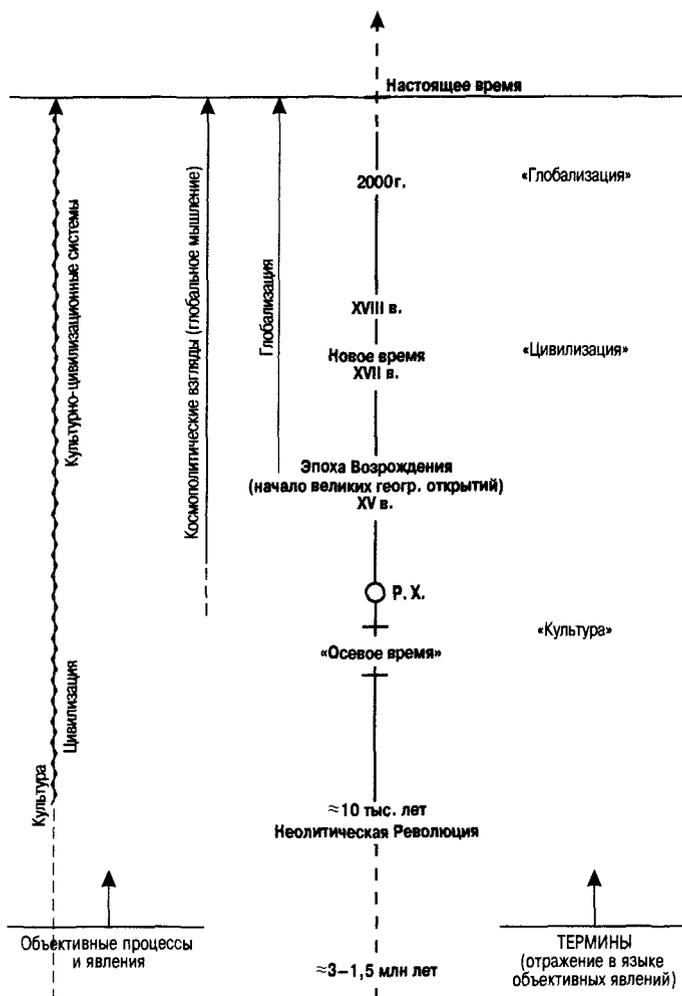
Динамика глобализации

Приложение 7

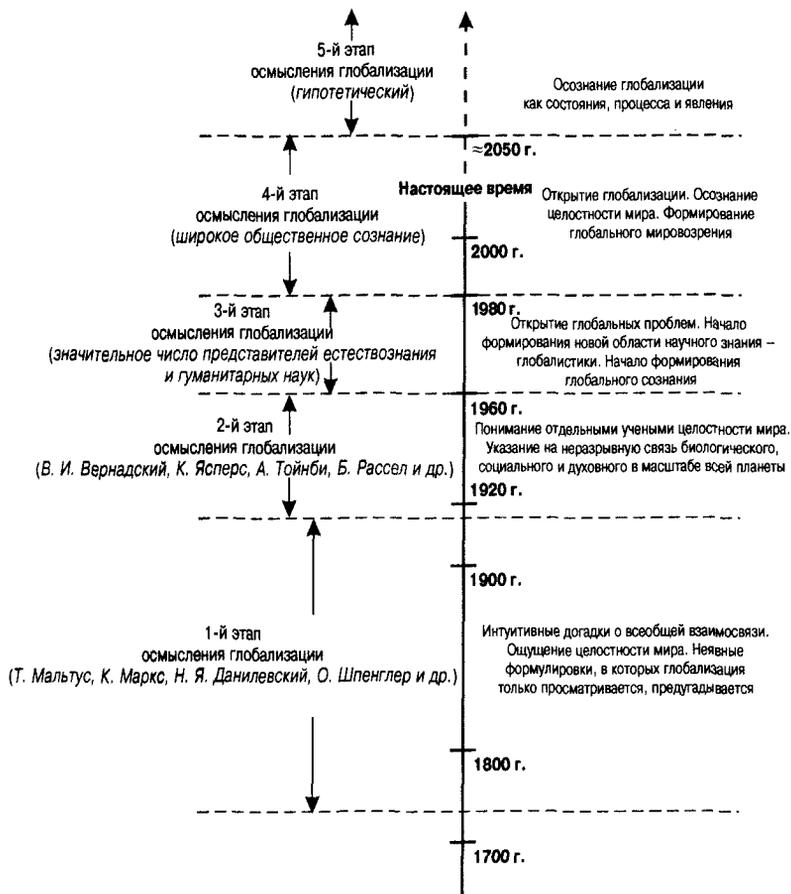
(к главе V)

Реальные процессы и их отражение в языке

Приложение 8 (к главе V)

Основные этапы осмысления глобализации

GLOBALIZATION OUTLINE OF THE HOLISTIC WORLD

SUMMARY

Alexander N. Chumakov

The volume is dedicated to one of the most topical issues today — to the issue of globalization. Academic discussions around this topic are numerous and the number of globalization-related studies and publications steadily grows. Although practical experience and theoretical material is vast nevertheless they can hardly be considered satisfactory. For the last decades the significance of globalization and global problems engendered by it has grown while adequate coordinated response of the world community still lacks.

This volume analyzes the phenomenon of globalization in tight connection with such fundamental social phenomena as «*scientific and technological progress*» «*culture*» and «*civilization*». The book claims that *civilizational interconnections emerged and developed as a result of the emergence and refinement of culture that arose with the upraise of the first human beings at some stage of history — more precisely in the period of the Neolithic revolution. These interconnections gave birth to separated civilizational centers. From the very beginning civilizational development contributed into unification of social life to lead in the middle of the second millennium (in the era of Renaissance and the great geographic discoveries) to the beginning of practical globalization. In the last century it grew into multiaspect globalization that determined the formation of the world community and the emergence of global problems of humankind in the last half of the XX century.*

In the Introduction it is stressed that tight connections between mutually dependent and complimentary concepts of culture civilization and globalization (and most important between the phenomena behind them) have not been understood and thoroughly analyzed so far. Numerous publications contain many diverse facts about globalization attempting to figure out trends and repeating patterns but they fail to go farther than simple description of what is going on in the world. There is neither theory of globalization nor clear and concise analysis of its multiple and interconnected aspects. The

volume rises these questions and attempts to answer them through *comprehensive study of the objective foundations of globalization* as well as of those natural and historical conditions under which this multiaspect and large-scale phenomena emerged and was developing. The book is prefaced by methodological commentaries where the author stresses the need to define more precisely the basic concepts related to globalization. He emphasizes several principles explaining why our understanding of globalization falls behind with regard to the real world developments and why our interest to globalization emerges and fades away periodically.

Part One *Global Transformations in The Modern World* demonstrates that human beings are determined to face problems. These problems become more complex and acute while humankind is becoming global. It is stressed that the Earth is the best of all possible worlds for humans to live in. It is the real paradise often turned into hell by human beings themselves. This part of the book shows how *global studies* emerged and were developing as a trans-disciplinary sphere of scientific knowledge located at the crossroads of philosophical natural technological and social sciences. Global studies are also seen as a set of *practical activities (governmental decisions political actions social movements etc.)* directed towards resolving universal contradictions.

Part Two *Stages of Progress: Dynamics of Scientific and Technological Development* analyzes the *emergence and development* of science and technology and explains their role in the process of globalization. Basing on rich historical material the volume describes various stages of scientific and technological progress and reveals the essence of scientific and informational revolutions and their influence on the formation of holistic world.

Part Three *Globalization as an Objective Historical Process* analysis the world as a holistic world. History is understood as an interconnected time-bound process divided into subsequent stages. Interchange of these stages signifies according to the author the four turning points of history. The first stage is prehistoric period. The second connected with the Neolithic revolution means that history begins. The third stage defined by Karl Jaspers as «pivotal time» is characterized by the first signs of globalization. The fourth stage is identified with the era of the great geographic discoveries when practical globalization begins. Already by the beginning of the XX century it has become fundamental; with the beginning of space explorations and informational revolution it becomes multiaspect. Globalization is seen as a process of universalization of the development of structures ties and relations common for the whole planet in various spheres of social life. Globalisation is also seen as a fact of reality a phenomenon manifesting itself through the existence of the *limited global space single world economy universal ecological interconnectedness global communications etc.* This phenomenon thus can not be ignored by anyone. The volume shows how globalization embraces *the whole Earth and its three basic spheres: geological, biological and social* untied by a common name triosphere.

Part Four *Conceptual Approaches to History* analyzes various approaches to social development. Such concepts as socio-economic formations, culture, civilization, noosphere, sustainable development and futurology are critically studied in order to evaluate their applicability to describing the process of globalization.

Part Five *Understanding Globalization: Basic Stages* concludes the volume and demonstrates that understanding globalization is a complex task having five stages. First stage meant understanding universal connections and lasted from the end of the XVIII century to the beginning of the XX century. Second stage meant understanding of the holism of the world and lasted from the 1920s to the 1960s. Third stage in the 1970s — 1980s meant discovering global problems of modernity. At the moment we witness recognizing globalization and this fourth stage will last about 10 years more. In the future one could suggest the beginning of the fifth stage provisionally called postglobalization.

The Conclusion sums up the volume stressing that our understanding of globalization is hampered by the fact that this phenomenon is not common for our normal perception. It has no historical analogies and its scale and complexity overgrows ordinary human vision of the world. Globalization is the largest and the most significant planetary phenomenon which can only be understood at some special and temporal distance. Time is needed for collecting and analyzing information special, distance is needed for details and particulars not to hide the main elements and outlines of the whole. To evaluate globalization correctly and non-partially we should recreate the holistic world outlook and to look at this complex phenomenon from various sides. This would allow to work out a general theory of globalization. Now the time have come to do it. Spatial distance needed is provided by space explorations above all. This allows to consider globalization both as a natural and historical process and as the sphere of relations and confrontations between various forces and interests.

CONTENTS

Word to reader	3
Preface to the third edition	6
Introduction	8
METHODOLOGICAL COMMENTARIES	15
1. Why specify what seems self-evident	15
2. When awakening comes.....	20
2.1. Principle of the display.....	21
2.2. Effect of late perception	25
2.3. About the schematization.....	28
2.4. A chicken or an egg?	29
Part I. GLOBAL TRANSFORMATIONS IN THE MODERN WORLD	32
1. Individual in the realm of problems.....	34
2. The Paradise on the Earth	39
3. Global problems as reality	45
4. The emergence of global studies.....	50
5. The first global revolution	63
6. Paradigm shift	69
7. The phenomenon of globalization.....	74
8. From global problems to globalization	88
9. Resurrection of global studies	92
Part II. STAGES OF PROGRESS: DYNAMICS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT	106
1. Science and technology as the engines of progress.....	108
2. Technological progress	115
3. Scientific progress	126
4. Scientific and technological progress.....	138
5. Scientific and technological revolution	142

6. Informational revolution 148
 7. Social dimension of scientific and technological progress 157

Part III. GLOBALIZATION AS AN OBJECTIVE

HISTORICAL PROCESS 164

1. The holistic world..... 167
 2. The main turning points of history 174
 3. Prehistoric society 187
 4. History begins 188
 5. The first symptoms of globalization..... 190
 6. Globalization begins..... 205
 7. Fundamental globalization 223
 8. Space era begins 256
 9. Multiaspect globalization..... 259

Part IV. CONCEPTUAL APPROACHES TO HISTORY 295

1. History as reconstruction of the past directed to the future 296
 2. Formations approach 303
 3. Cultural and historical types 309
 4. Cultures approach 311
 5. Civilizations approach 315
 6. Noosphere 320
 7. Sustainable development 332
 8. Futurology 341

Part V. UNDERSTANDING GLOBALIZATION:

BASIC STAGES 355

1. From reality to its understanding 356
 2. Understanding universal linkages (first stage) 382
 3. Understanding the holism of the world (second stage)..... 393
 4. Discovering global problems (third stage)..... 404
 5. Recognizing globalization (forth stage) 407
 6. Post-globalization (fifth hypothetical stage) 412

Instead of conclusion 416

Index 419

Bibliography 425

Appendixes 434

Summary 442

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Предисловие к третьему изданию	6
Введение	8
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	15
§ 1. Зачем уточнять, казалось бы, понятную терминологию.....	15
§ 2. Когда наступает прозрение	20
2.1. Принцип дисплея.....	21
2.2. Эффект позднего восприятия.....	25
2.3. О схематизации	28
2.4. Яйцо или курица?.....	29
Глава I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА	32
§ 1. Человек в мире проблем	34
§ 2. Рай на Земле.....	39
§ 3. Глобальные проблемы как реальность.....	45
§ 4. Становление глобалистики	50
§ 5. Первая глобальная революция	63
§ 6. Смена парадигмы.....	69
§ 7. Феномен глобализации	74
§ 8. От глобальных проблем к глобализации.....	88
§ 9. Новый этап развития — возрождение глобалистики	92
Глава II. СТУПЕНИ ПРОГРЕССА: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТЕХНИКИ И НАУКИ	106
§ 1. Наука и техника — двигатели прогресса.....	108
§ 2. Технический прогресс	115
§ 3. Научный прогресс.....	126
§ 4. Научно-технический прогресс	138
§ 5. Научно-техническая революция	142

§ 6. Информационно-технологическая революция.....	148
§ 7. Социальное измерение научно-технического прогресса.....	157
Глава III. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	164
§ 1. Мир как целостность	167
§ 2. Основные поворотные пункты истории	174
§ 3. Первобытное (доисторическое) общество.....	187
§ 4. Начало истории.....	188
§ 5. Первые симптомы глобализации	190
§ 6. Начало реальной глобализации	205
§ 7. Фундаментальная глобализация	223
§ 8. Начало космической эры	256
§ 9. Многоаспектная глобализация	259
Глава IV. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	295
§ 1. История как реконструкция прошлого, направленного в будущее	296
§ 2. Формационный подход к пониманию истории	303
§ 3. Культурно-исторические типы	309
§ 4. Культурологический подход.....	311
§ 5. Цивилизационный подход	315
§ 6. Ноосфера.....	320
§ 7. Устойчивое развитие	332
§ 8. Футурология.....	341
Глава V. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	355
§ 1. От реальности к ее осмыслению	356
§ 2. Осознание всеобщих связей (первый этап осмысления глобализации)	382
§ 3. Осознание целостности мира (второй этап осмысления глобализации)	393
§ 4. Открытие глобальных проблем (третий этап осмысления глобализации)	404
§ 5. Осознание глобализации (четвертый этап осмысления глобализации)	407
§ 6. Постглобализация (пятый, гипотетический, этап осмысления глобализации)	412
Вместо заключения	416
Именной указатель	419

Библиография	425
ПРИЛОЖЕНИЯ	434
Приложение 1 (к главе I)	434
Приложение 2 (к главе II)	435
Приложение 3 (к главе III, § 2)	436
Приложение 4 (к главе III)	437
Приложение 5 (к главе III)	438
Приложение 6 (к главе III, § 6–9)	439
Приложение 7 (к главе V)	440
Приложение 8 (к главе V)	441
Summary	442